

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

944.04

H29gRt

Digitized by the Internet Archive
in 2014

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

1789—1799

ЛУДВИГА ГЕЙССЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. ТРАЧЕВСКАГО.

МОСКВА.

Типографія А. Н. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, № 7.

1870.

R I T O N

ФОРМА ИЗДАНИЯ

1789—1790

АДМИНИСТРАЦИЯ

УЧЕТНАЯ КНИЖКА

1789—1790

1789—1790

1789—1790

1789—1790

1789

944.04

H29gRT

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редакціи VII—XXIX

ВВЕДЕНІЕ.

ФРАНЦІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

ГЛАВА I.

	Стран.
Всемирный и мѣстный характеръ революціи	1
Старая французская монархія со временъ Ришелье и Лудовика XIV	4
Состояніе государства и общества. Абсолютизмъ, централизація, феодализмъ	10

ГЛАВА II.

Исключительное положеніе французской литературы относительно двора, государства и общества	16
Вольтеръ (1694—1778)	19
Монтескье (1689—1755)	26
Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778)	30

ГЛАВА III.

Конечъ царствованія Лудовика XV	36
Лудовикъ XVI и 15 лѣтъ опытовъ (1774—1789)	38
Опытъ фізіократической реформы. Министерство Тюрго и Малерба	43
Новый финансовый опытъ. Неккеръ	48
Калонъ. Финансовый и нравственный переломъ	51
Вліяніе сѣверо-американскихъ событій. Дворъ и исторія ожерелья	52

ГЛАВА IV.

Калонъ и нотабли	56
Бріенъ и парламенты (1787—1788)	57
Неккеръ и государственные чины	61
Прошлое графа Мирабо	63
Старая и новая Франція по тетрадамъ государственныхъ чиновъ	86

Даръ Симонъ Гудманъ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Паденіе старой монархіи и побѣда средняго сословія. Съ мая до октября 1789 года.

	Стран.
Литература предмета	95

ГЛАВА V.

Открытіе государственныхъ чиновъ 5-го мая	98
Повѣрка выборовъ	101
Третье сословіе, какъ національное собраніе	105
Засѣданіе въ мячвой залѣ и «королевское засѣданіе» (20—23 июня)	108
Придворныя интриги и перемѣна министерства	113
Великое возстаніе въ Парижѣ	118
Разрушеніе Бастиліи (14 іюля)	122

ГЛАВА VI.

Дворъ, національное собраніе и начало анархіи	123
Крестьянская война, человѣческія права и 4-ое августа	127
Новый переломъ. Герцогъ Орлеанскій. Лафайетъ. Октябрскія событія	134

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Новое государственное устройство. Борьба конституціоннаго большинства съ монархистами и демократами. Съ октября 1789 до апрѣля 1791 года.

ГЛАВА VII.

Мирабо и королевская власть въ октябрѣ и ноябрѣ 1789 года	142
Государственное устройство 1789—1790 годовъ	149
Гражданскія и избирательныя права	149
Раздѣленіе государственной области. Общины	151
Судоустройство	154
Отношеніе государства къ церкви	155
Клубы и печать. Вопросъ о войнѣ	157
Праздникъ братства (14-го іюля 1790 года)	160
Кончина Мирабо (2-го апрѣля 1791 года)	161

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Вѣгство короля. Борьба за сохраненіе монархіи. Окончаніе конституціи и учредительнаго собранія. Съ апрѣля до октября 1791 года.

ГЛАВА VIII.

Революція и монархическая Европа. Восточныя державы. Рейхенбахскій до- говоръ	166
--	-----

	Стран.
Бѣгство короля	170
Дѣло короля передъ судомъ національнаго собранія и клубовъ	173
Пересмотръ и завершеніе конституціи	183

ГЛАВА IX.

Иностранныя державы. Конгрессъ въ Пильницѣ (августъ 1791 года)	187
Пруссія и Польша въ 1791—1792 годахъ (по дѣламъ Берлинскаго архива)	189

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Законодательное собраніе. Новая борьба за конституціонную монархію до паденія королевской власти. Съ октября 1791-го до августа 1792 года.

ГЛАВА X.

Характеристика новаго собранія. Жиронда. Дворъ	201
Постановленія противъ священниковъ и эмигрантовъ	205

ГЛАВА XI.

Жалобы Нѣмецкой имперіи	212
Жиронда и война	215
Министерство жирондистовъ. Дюмурье. Объявленіе войны и вторженіе въ Бельгію	221

ГЛАВА XII.

Нападеніе жиронды на тронъ. 20-е іюня	230
Впечатлѣніе происшествій 20-го іюня. Лафайетъ въ Парижѣ	239
Планы спасенія. Верньо и «Отечество въ опасности!»	241
Паденіе королевской власти. Прелюдіи къ сверженію короля	245
10-е августа. Плѣненіе короля. Бѣгство Лафайета	248

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Національный конвентъ. Борьба между жирондой и якобинцами. Казнь короля. Низверженіе жиронды. Съ августа 1792-го до 31-го мая 1793 года.

ГЛАВА XIII

Господство общиннаго совѣта	257
Жоржъ Дантонъ и сентябрьскія убійства	260
Военныя событія въ Шампани (августъ и сентябрь 1792 года)	267

ГЛАВА XIV.

Національний конвентъ. Выборы. Уничтоженіе монархіи (21 сентября). Пер- вая борьба между жирондой и партией горы	271
Дѣло короля. Юридическій вопросъ	281
Перемѣна въ жирондѣ. Допросъ	286
Пораженіе жиронды. Казнь	291

ГЛАВА XV.

Война съ зимы 1792 года до весны 1793 года. Жемапъ. Франкфуртъ. Майнцъ. Неервинденъ.	297
Сближеніе между Дантономъ и жирондой. Революціонный судъ 10-го марта . .	300
Измѣна Дюмуре. Разрывъ между Дантономъ и жирондой	306
Послѣдняя борьба жиронды. Конвентскіе комиссары	310
Высшія цѣны и принудительный заемъ. Предложеніе Гаде 18-го мая	313
31-е мая и 2-е іюня. Паденіе жиронды	318

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Терроръ въ борьбѣ съ междуусобіемъ и Европой. Разложеніе революціонныхъ партій до 9-го термидора. Съ іюня 1793-го до 27 іюля 1794 года.

ГЛАВА XVI.

Опасное положеніе Франціи внутри и извнѣ при началѣ террора. Спасеніе, бла- годаря слабости коалиціи	321
Гражданская война. Департаменты. Возстаніе въ Вандеѣ	323
Переходъ къ единовластію якобинцевъ. Робеспьеръ	325
Организація террора. Подготовка и планъ Робеспьера. Убійство Марата 13 іюля .	330
Революціонный судъ и терроръ à l'ordre du jour. Докладъ Барера 5 сентября. Революціонная армія. Законъ противъ подозрительныхъ 17 сентября.	335

ГЛАВА XVII.

Начало времени террора. Судъ надъ королевой и жирондистами (октябрь). Тер- роръ въ департаментахъ.	339
Первое распаденіе террора на партіи. Преступленія атеистовъ Клотса, Гебера, Шомета. Робеспьеръ противъ Enragés (21 ноября). Постановленіе кон- вента 6-го декабря.	345
Перемѣна въ Дантонѣ и его первое столкновеніе съ Робеспьеромъ. Le Vieux Cordelier Демулена	350
Низверженіе и казнь гебертистовъ и дантонистовъ (мартъ и апрѣль 1794 г.) . . .	353

ГЛАВА XVIII.

Государственный идеалъ С. Жюста. Робеспьеръ и Верховное Существо. 22-е препіала (10-е іюня). Grandes fournées	359
Враги тріумвирата (Бильо, Колло, Карно)	365

	Стран.
Неудачная попытка Робеспьера 8-го термидора	369
Низверженіе Робеспьера 9-го термидора (27-го іюля)	371
Обзоръ предыдущаго	375

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Паденіе терроризма и начало реакціи. Борьба конвента съ якобинцами и роялистами до введенія конституціи III-го года. Съ іюля 1794-го до октября 1795 года.

ГЛАВА XIX.

Политика и военныя дѣйствія коалиціи отъ 1793-го до 1795 года. Парализующее вліяніе польскаго вопроса	379
Тугутъ. Неудачи коалиціи	382
Политика союзныхъ державъ. Петербургскій договоръ. Базельскій миръ	385

ГЛАВА XX.

Паденіе терроризма. Борьба умѣренныхъ (термидористовъ) съ старыми товарищами Робеспьера. Начало реакціи. Обвиненіе служителей террора. Возстановленіе жирондистовъ	389
Натискъ якобинцевъ и ихъ пораженіе (1-е апрѣля и 20-е мая или 1-е преріаля)	393
Конституція III-го года	396
Фруктидорскія постановленія. Союзъ мѣщанъ съ роялистами. 13-е вандемьера (5-е октября)	399
Очеркъ жизни Наполеона Бонапарта	402

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Побѣды и завоеванія республики до мира въ Кампо Форміо (17 октября 1797 г.). Борьба директоріи съ мелкими партіями. Съ октября 1795 до 4-го сентября 1797-го или до 18-го фруктидора V-го года.

ГЛАВА XXI.

Директорія. Походы 1795 и 1796 годовъ. Бонапартъ въ Италіи	406
Характеристика Наполеона Бонапарта	410
Итальянскій походъ 1796—1797 годовъ. Отъ Генуи до Милана (съ марта до мая 1796 года)	412
Отъ Милана до Леобена (съ мая 1796-го до апрѣля 1797 года)	416

ГЛАВА XXII.

Директорія. Заговоръ Гракха Бабефа (10-е мая 1796 года). Роялисты	420
Государственный переворотъ 18-го фруктидора (4-го сентября) 1797 года. Миръ въ Кампо-Форміо	425

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

Преобладаніе Французовъ. Новая коалиція. Египетскій походъ. Внутреннее разложеніе до диктатуры Бонапарта. Съ сентября 1797 до 9-го ноября 1799-го или 18-го брюмера VIII года.

ГЛАВА XXIII.

	Стран.
Завоевательная пропаганда. Римская республика (февраль 1798 года)	430
Гельветская республика (апрѣль 1798 года)	432
Замыслы Бонапарта противъ Англіи	436
Бонапартъ въ Египтѣ (1798 и 1799 годы)	439

ГЛАВА XXIV.

Коалиціонная война въ Европѣ 1798 — 1799 годовъ. Взрывъ въ Неаполѣ и въ Швейцаріи	443
Война въ Германіи и Италіи. Умерщвленіе посланниковъ въ Раштатѣ	445
Успѣхи союзниковъ. Подвиги Суворова въ Италіи и вѣнскія козни	448
Суворовъ на вершинѣ Альпъ. Плоды политики Тугута	450
Возвращеніе Бонапарта. Приближеніе грозы	453
Государственный переворотъ 18--19 брюмера (9--10 ноября) 1799 года	457

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Издавая «Исторію Французской революціи» *Гейссера*, мы имѣли въ виду познакомить отечественную публику съ блестящимъ талантомъ общественнаго дѣятеля, имѣющаго право на вниманіе всего образованнаго міра.

Какъ профессоръ и ученый, Гейссеръ доставилъ много пользы и наслажденія не однимъ своимъ соотечественникамъ. Его лекціи посѣщались многими иностранцами; его классическая «Исторія Германіи» читалась повсюду, гдѣ ощущается сознательный интересъ къ исторической наукѣ.

Сверхъ того, онъ имѣлъ для своей Германіи особенное, мѣстное значеніе. Это былъ политикъ съ твердыми убѣжденіями и горячею вѣрой въ идеи, которыя способствовали паденію Австріи и объединенію нѣмецкаго племени.

Главныя черты дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка можно усмотрѣть даже изъ самаго бѣглаго обзора его жизни.

Лудвигъ Гейссеръ (Häusser) родился въ 1818 году въ Нижнемъ Эльзасѣ. Онъ воспитывался сначала въ гимназіи въ Мангеймѣ, потомъ въ Гейдельбергскомъ и Іенскомъ университетахъ. Его развитіе шло весьма быстро. Уже 21 года онъ написалъ основательное сочиненіе: «Die deutschen Geschichtschreiber vom Anfange des Frankenreichs bis auf die Hohenstaufen», за которымъ тотчасъ же (въ 1840 г.) послѣдовала «Sage von Tell». Съ этихъ работъ, изобличавшихъ ученость и талантъ, началась научная и педагогическая дѣятельность Гейссера, которой онъ посвящалъ себя исключительно въ теченіе почти 10 лѣтъ.

Онъ подвигался на своемъ поприщѣ такъ же быстро и успѣшно, какъ началъ его. Все въ томъ же 1840 году ему удалось и

ознакомиться съ парижскими архивами и библіотеками, и занять въ Гейдельбергскомъ университетѣ доцентскую кафедру исторіи.

Читатель можетъ представить себѣ, что за трудовая, неусыпная жизнь настала тогда для новаго доцента! 22-лѣтнему юношѣ пришлось справляться съ весьма труднымъ дѣломъ составленія непрерывныхъ курсовъ *) по предмету, требующему и большого напряженія, и зрѣлости мысли, и еще художественнаго изложенія. Въ то же время томимый научною жаждой, онъ рылся въ баденскихъ и баварскихъ архивахъ **). Но молодой преподаватель все преодолѣлъ своимъ прилежаніемъ, въ особенности же своимъ рѣдкимъ талантомъ и пламенной любовью къ наукѣ, которая была «его міромъ», «жизнью въ его жизни», какъ говорилъ онъ самъ.

Свидѣтелемъ правдивости этихъ словъ служить вся жизнь покойнаго профессора. Его страсть къ исторіи была серьезна и глубока: важно, что онъ не скоро сдался ей. Въ свое студентство онъ долго колебался, считая себя призваннымъ къ филологіи. Патріархъ исторіографіи новаго времени, знаменитый Шлоссеръ, рѣшилъ его судьбу. Своимъ неотразимымъ нравственнымъ вліяніемъ онъ навсегда привлекъ даровитаго студента къ исторіи.

Рѣдко выборъ бываетъ такъ удаченъ. По нашему мнѣнію, открытіе такого историческаго таланта составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Шлоссера передъ обществомъ. Его ученикъ, по всѣмъ своимъ свойствамъ, былъ рожденъ для исторіи, и именно для ея преподаванія, популяризаціи. Психологическій тактъ, задушевность убѣжденій, мастерство въ выборѣ и группировкѣ фактовъ, полная жизни и любви художественность изложенія, сильный и образный языкъ, наконецъ внѣшнія ораторскія достоинства — вотъ черты таланта на исторической кафедрѣ, которыми былъ надѣленъ Гейссеръ. Конечно, вліяніе могучей личности Шлоссера легло замѣтнымъ оттѣнкомъ на все существо ученика. Оно придало его научнымъ трудамъ то нравственное одушевленіе, близкое къ паѳосу, которое, быть-можетъ, выступаетъ порой насчетъ другихъ условій. Попросивъ извиненія у читателя

*) Въ германскихъ университетахъ лекціи читаются и зиму и лѣто.

**) Плодомъ этихъ изысканій было новое двухтомное сочиненіе: «Geschichte der rheinischen Pfalz», изданное въ 1845 году.

за смѣлость выраженія, мы назвали бы Гейссера однимъ изъ Могиканъ античной школы въ исторической наукѣ. Впрочемъ, его научныя воззрѣнія уже многостороннѣе и глубже; онъ уже свободнѣе отъ тѣхъ промаховъ, которые встрѣчались у его учителя.

Исполнить всѣ указанныя выше работы молодому Гейссеру помогла одна весьма важная для каѳедры способность, которая, къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчается. Доцентъ дѣйствительно *говорилъ*, а не читалъ въ своей аудиторіи. Мало того. Онъ обладалъ даромъ импровизаціи: мы разумѣемъ здѣсь, конечно, форму, а не содержаніе лекцій, которое и у Гейссера добывалось тяжкимъ трудомъ, глубокой критикой матеріала. Вотъ какъ говорить объ этомъ талантѣ Гейссера одинъ изъ самыхъ внимательныхъ и компетентныхъ его слушателей, *Онкенъ*, къ которому мы еще разъ возвратимся ниже.

«Какъ на каѳедрѣ у него не было въ рукахъ ни клочка бумаги, такъ и его подготовка къ лекціямъ основывалась не на формально обработанной тетрадкѣ, а единственно на фактическихъ результатахъ его ученыхъ изслѣдованій. Превращеніе этого сырого матеріала въ художественное, по изложенію, зданіе совершалось безъ помощи пера. Свѣжая, творческая непосредственность въ обращеніи мастера дѣла съ своимъ предметомъ была высшей прелестью этихъ бесѣдъ, которыя потому-то и были для слушателя всегда новы и одинаково привлекательны, хотя и повторялись изъ года въ годъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ.

«Здѣсь-то лежала и причина, по которой экономія его изложенія постоянно мѣнялась. Въ одномъ полугодіи пропускались или бѣгло очерчивались цѣлые отдѣлы, занимавшіе въ другомъ сравнительно много мѣста. И наоборотъ. Нѣкоторые рассказы и характеристики являлись не въ порядкѣ, указанномъ программой *). Мало того. Порой, согласно съ новыми результатами изученія дѣла, являлись существенныя измѣненія даже въ духѣ и направленіи сужденій о томъ или другомъ предметѣ. Такъ не мало разнятся между собой старыя и новыя характеристики Лафайета и

*) У нѣмецкихъ профессоровъ существуетъ добрый обычай печатать программы (Grundriss) своихъ лекцій, чтобы студентамъ удобнѣе было слѣдить за изложеніемъ. Это — родъ краткаго конспекта всего курса. У насъ онъ дѣ-

Наполеона. Такъ вступительная лекція каждый годъ была совершенно иная: въ его бумагахъ нашлось съ дюжину набросанныхъ замѣтокъ для этой лекціи, каждая всего изъ пары словъ, но уже обличающихъ поразительное различіе между ними» *).

Указавъ на способность Гейссера владѣть живымъ словомъ, здѣсь же познакомимъ читателя и съ остальными чертами его, какъ профессора. Снова предоставляемъ говорить Ойкену.

«Когда мы слушали Гейссера (въ 1860 г.). его бесѣды уже носили печать полной зрѣлости. Изъ словъ тѣхъ, кто слушалъ его въ началѣ его преподаванія, выходило, что эта степень совершенства была результатомъ цѣлаго ряда годовъ серьезнаго труда надъ обработкой матеріала и языка, послѣднимъ плодомъ добросовѣстнаго самонаблюденія и неутомимой настойчивости, ибо мы не нашли уже ни малѣйшаго слѣда разныхъ неряшествъ, которыя находили они. Гейссеръ, подобно античному оратору, самъ образывалъ себя на поприщѣ, къ которому былъ призванъ.

«Въ послѣдніе годы Гейссеръ обыкновенно читалъ по четыре курса: зимой *нѣмецкую исторію* (до 1815 г.) и *исторію системы европейскихъ государствъ съ реформации до 1789 г.*; лѣтомъ *исторію французской революціи и имперіи (1789—1815)* да *римскую исторію*. Для первыхъ трехъ у него были печатныя программы, гдѣ, кромѣ подробныхъ указаній на литературу предмета, заключался полный и легко обозрѣваемый осто-

вѣтъ лекцій, къ экзамену, и нерѣдко страдаетъ фактическими ошибками. А если курсъ отличается безсвязностью, отсутствіемъ руководящей идеи, то такой конспектъ представляетъ у насъ Сизифову работу для студентовъ. Кромѣ очевидной пользы программъ въ этомъ отношеніи, онѣ отличаются въ Германіи еще однимъ драгоценнымъ для учащихся достоинствомъ. Въ нихъ обыкновенно перечисляются источники и пособия, легшіе въ основаніе курса, или литература предмета. Послѣдняя у насъ иногда совсѣмъ пренебрегается профессоромъ или же записывается студентами со словъ преподавателя съ вавилонскимъ столпотвореніемъ въ именахъ авторовъ и названіяхъ книгъ. Хорошо еще, если аудиторія не велика и дружна: тогда лучшіе и болѣе знакомые съ предметомъ студенты помогаютъ своимъ товарищамъ внести нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ. Иначе лекція профессора о литературѣ предмета пропадаетъ даромъ, если только она не посвящается подробному критическому разбору той или другой книги.

*) Häusser's Gesch. der franz. Revolution. Vorrede des Herausgebers.

повѣствовательнаго матеріала. Всѣ четыре курса излагались совершенно свободно, безъ всякихъ внѣшнихъ опоръ памяти. Всего менѣе посѣщались лекціи о римской исторіи и о послѣднихъ трехъ столѣтіяхъ; а между тѣмъ первый курсъ представлялъ превосходную работу, второй же былъ *лучшій* изъ всѣхъ и по собственному сознанію профессора, и по сужденію всѣхъ знатоковъ дѣла... Его изображеніе реформаци и ея побѣднаго шествія по Западу, его характеристики Лютера, Цвингли, Меланхтона, Кальвина были образцовы. Ихъ слушали съ истиннымъ благоговѣніемъ, ибо здѣсь проявлялась вся нравственная глубина его пониманія этой могучей борьбы за освобожденіе новаго духа, какъ перваго культурнаго подвига нашего народа и родственныхъ ему отраслей. Еслибы издать эти лекціи *), то всякій увидѣлъ бы, какъ справедливо выраженіе одного изъ достойнѣйшихъ товарищей покойнаго: «Въ лицѣ Гейссера мы лишились богослова *въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова* **).

«Но неизгладимо запечатлѣлись въ памяти не только университетскаго міра, но и обширной публики тѣ зимніе вечера, въ которые Гейссеръ излагалъ *нѣмецкую исторію*, въ особенности *войну за освобожденіе* (вторая часть полугодія). Тутъ самая большая аудиторія Гейдельбергскаго университета едва вмѣщала въ себѣ толпу посѣтителей. Тутъ, затаивъ дыханіе, тѣснились, кто сидя, кто стоя, студенты всѣхъ факультетовъ и зрѣлые мужи изъ мѣщанскаго и чиновничьяго міра. Бесѣда, изобличавшая здѣсь неподобное мастерство въ обладаніи матеріаломъ и языкомъ, дѣйствовала на слушателей такъ, какъ будто событія были переживаемы ими самими. Описаніе походовъ, характеристики генераловъ и государственныхъ людей, обрисовка положенія дѣлъ и настроенія умовъ — все это развертывалось передъ слушателемъ, точно величавая драма, полная самой потрясающей силы...

*) Это желаніе Онкена вскорѣ исполнилось. Его предисловіе къ «Исторіи французской революціи» Гейссера писано въ концѣ 1867 г., а въ 1868 г. имъ же самимъ изданы и лекціи Гейссера о реформаци («Geschichte des Zeitalters der Reformation. 1517—1648»), стенографированныя имъ въ 1859—1860 годахъ.

**) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Гейссеръ былъ усерднымъ сотрудникомъ газеты Protestantische Kirchenzeitung.

«Университетскія лекціи Гейссера были въ высшей степени добросовѣстны въ фактическомъ отношеніи. При самомъ строгомъ разборѣ, каждая отдѣльная картинка доказывала, что въ ея основаніе легла солидная ученая работа. Главную черту лекцій Гейссера составляло именно то, что отличаетъ университетское преподаваніе отъ книги, — *выборъ матеріала по строгому плану, вѣрная перспектива изложенія*: безъ этихъ качествъ лекція почти то же, что китайская картина, т. е. все, что хотите, только не картина. У Гейссера были столь рѣзко опредѣленные національныя, политическія и церковныя убѣжденія, что они не могли ускользнуть и отъ вниманія студентовъ; но онъ не давалъ имъ возмущать характера своего разсказа и духа своихъ сужденій. Въ этомъ отношеніи о его лекціяхъ можно сказать то же, что младшій *Пертесъ* *) сказалъ о противной его политическому и церковному направленію точкѣ зрѣнія Гейссеровой *Нѣмецкой исторіи*: «Она нигдѣ не повредила достовѣрности *фактическихъ указаній* и рѣдко мѣшала правдивости и прямотѣ *сужденій*...»

«Совершенно ложное понятіе получилъ бы о языкѣ, о формѣ рѣчи Гейссера тотъ, кто, судя по восторженнымъ похваламъ юныхъ слушателей, подумалъ бы, что тутъ было что-нибудь близкое къ краснобайству. Главною отличительною чертой этой рѣчи было именно противоположное: она блистала образцовою простотой въ выборѣ словъ, которая не гонялась ни за суетными эффектами, ни за пустыми блестками фразъ. Гейссеръ дѣйствовалъ самыми простыми средствами и налагалъ на себя отреченіе, до котораго рѣдко доходятъ люди, одаренные такою богатою фантазіей и такимъ кишучимъ юморомъ. Онъ точно также неизмѣнно презиралъ павлиній хвостъ изысканныхъ образовъ и натянутыхъ сравненій, какъ и аппаратъ ослѣпительныхъ красныхъ словечекъ, ловкое употребленіе коихъ такъ часто принимается за истинное краснорѣчіе...

«Гейссеръ владѣлъ всѣмъ богатствомъ нашего языка съ твердымъ присутствіемъ духа, которое никогда не доводило его до про-

*) Perthes: Politische Zustände und Personen in Deutschland während der französischen Herrschaft.

маховъ и во всякую минуту доставляло ему средства для выраженія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли. Объ этомъ печатныя сочиненія даютъ далеко не полное понятіе. Его слушателей никогда не обременяла длиннота предложеній, въ которыхъ одна и та же мысль иногда нѣсколько разъ вертится, такъ сказать, на своей оси. Его сочиненія относятся къ его лекціямъ, какъ сухіе листья гербаріума къ живымъ растеніямъ. И еслибы даже ихъ стилистическое совершенство было гораздо значительнѣе, то и тогда они не передали бы того, что составляетъ индивидуальный цвѣтъ всякой рѣчи, именно теплоты тона, инструментовки голоса, если можно такъ выразиться.

«Въ голосѣ въ значительной степени лежала тайна той силы впечатлѣнія, которою Гейссеръ обладалъ, какъ ораторъ. Его звучный, мужественный органъ съ живостью поддавался всякому, даже самому легкому оттѣнку мысли. Трибунскіе громы и простота Геродотова повѣствовательнаго тона, убійственная насмѣшка и игривая шутка—все передавалось имъ одинаково естественно и безъ претензій. И здѣсь Гейссеръ былъ далекъ отъ всякаго искусственнаго кокетства. Безъ сомнѣнія, всякій, кто припомнитъ какую-нибудь изъ славныхъ застольныхъ рѣчей, въ которыхъ Гейссеръ справедливо считался непреодолимымъ, согласится, что главная ихъ прелесть состояла въ сліяніи простоты съ теплотой въ тонѣ его языка» *).

Вотъ задушевная характеристика Гейссера, какъ профессора, написанная тотчасъ послѣ его смерти его ученикомъ, *Онкеномъ*, который издаетъ теперь лекціи своего наставника, занимаетъ его мѣсто въ Гейдельбергскомъ университетѣ и уже приобрѣлъ имя нѣкоторыми учеными работами **). Намъ весьма пріятно, что мы можемъ однимъ любопытнымъ фактомъ защитить Онкена передъ читателемъ отъ естественнаго подозрѣнія въ пристрастіи къ любимому учителю. У насъ есть свидѣтельство человѣка по-

*) Häusser's Gesch. der franz. Revolution. Vorrede.

**) Онкенъ не безъ таланта изслѣдуетъ теперь цвѣтушій періодъ исторіи Эллады. Его работы (Athen und Hellas), даже по своей формѣ (характеристики Перикла, Клеона и др.) и языку, изобличаютъ замѣтное вліяніе Гейссера, хотя иногда, къ сожалѣнію, Гейссера-доцента, только начинающаго свое поприще.

сторонняго, одного Русскаго, извѣстнаго отечественной публикѣ именно правдивостью своихъ показаній. Случаю угодно было привести нашего профессора исторіи, покойнаго *С. В. Ешевскаго*, въ аудиторію Гейссера именно въ то время (1859—1860 гг.), когда Онкенъ, тогда еще никому неизвѣстный студентъ, съ благоговѣйной точностью записывалъ лекціи своего наставника. Представляемъ замѣтки Ешевскаго о Гейссерѣ, набросанныя въ его путево́мъ дневникѣ какъ бы нарочно для прямого дополненія и подтвержденія словъ Онкена. Отъ послѣднихъ онѣ отличаются только свѣжестью впечатлѣнія человѣка, прибывшаго издалека, да необыкновенной простотой и искренностью, которыя Ешевскій, такъ сказать, носилъ съ собой повсюду.

«5-го ноября 1859 г. Гейссеръ читаетъ два курса, каждый по пяти лекцій въ недѣлю. Отъ 4 до 5 новая исторія съ 1517 г., отъ 6 до 7 исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, зато на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ быть ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ однако выраженія ума и энергіи, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣлосложенію, онъ владѣетъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободою рѣчи. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово, и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на внѣшнюю отдѣлку, еще менѣе на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма немногихъ, но мѣткихъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція носитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на кафедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается боль-

шею частью общею характеристикой, но эти характеристики выходятъ чрезвычайно цѣльны и полны. Дня черезъ два я слышалъ его оцѣнку Лютеровскаго перевода Библии, и мнѣ никогда не случилось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики.

«6-го ноября. Былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла; кромѣ того, тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты...

«Впрочемъ, слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю, человѣкъ до 150. Это или госпитанты, или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора, и, слѣдовательно, не платя ему: они обыкновенно садятся подальше. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ ней постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ «bei Schwanz Hörer», и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ...

«На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костылемъ и почти слѣпъ, но которые не пропускаютъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзаменъ обязаны только филологи, а ихъ очень немного; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна» *).

*) Эти записки изъ дневника С. В. Ешевскаго помѣщены въ біографическомъ очеркѣ, написанномъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ (см. Сочиненія С. В. Ешевскаго, ч. I). Случайно и мнѣ пришлось выслушать нѣсколько лекцій у Гейссера изъ его лѣтняго курса 1859 же года. Могу заявить только одно. Мнѣ хотѣлось сообщить здѣсь о впечатлѣніи, произведенномъ на меня этими лекціями. Но, прочитавъ замѣтки Ешевскаго, я нашелъ, что при нихъ это было бы совершенно излишнимъ. Я вполне согласенъ съ его словами.

Надѣмся, что всѣ приведенныя выписки достаточно обрисовываютъ Гейссера, какъ *профессора*. Помощью нашего изданія мы желаемъ познакомить читателя именно съ этимъ призваніемъ Гейссера: поэтому ограничимся лишь бѣглыми указаніями на другія стороны его дѣятельности.

Какъ извѣстно, исторія тѣсно связана съ политикой, которая, собственно говоря, представляетъ лишь ея послѣднюю страницу. Только непониманіе сущности этой науки можетъ ставить въ упрекъ ея дѣятелямъ увлеченіе современными интересами національной жизни. Напротивъ, пріятно видѣть эту законную связь, которая встрѣчается только у высокоразвитыхъ народовъ. Оттого-то въ цивилизованномъ мірѣ почти всѣ замѣчательные историки принимали прямое участіе въ политикѣ ихъ дней, сливали свою личную жизнь съ жизнью родной націи. Горячая, впечатлительная и любящая природа Гейссера, воскрешавшая прошлое во плоти и крови, не могла уйти отъ вліянія кипучей современности. Рано, на 28 году своей жизни, бросился онъ въ водоворотъ политики, со страстью даровитаго человѣка, глубоко вѣрующаго въ свои убѣжденія. Какое значеніе придавалъ Гейссеръ этой вѣрѣ, читатель всего лучше пойметъ, прочитавъ въ нашей книгѣ характеристику Робеспьера. А какъ тверды были его убѣжденія, это доказываетъ ихъ неизмѣнность до самой его смерти, т. е. въ теченіе двадцати лѣтъ. Да и могло ли быть иначе? Вѣдь они были внушены ему историческимъ чутьемъ и вѣрой въ прогрессъ, развитыми наукой, которой онъ честно служилъ во всю свою жизнь. Вѣдь они слагались въ бурную эпоху революціи 1848 года, когда, скинувъ маски, открыто боролись старыя и новыя начала: какой же не бездарный историкъ затруднился бы тутъ въ выборѣ предмета своихъ сочувствій? Въ 1846 году въ землѣ, гдѣ дѣйствовалъ Гейссеръ, въ Баденѣ, какъ и во всей Южной Германіи, зародилось сильное волненіе умовъ въ области политики и религіи. Изъ-подъ гнета бранныхъ остатковъ феодализма и іезуитства, какъ католическаго, такъ и протестантскаго, стали пробиваться уже окрѣпшіе отпрыски новой жизни. Образовалась значительная партія талантливыхъ патріотовъ, смѣло поднявшихъ знамя конституціонализма и объединенія Германіи.

Ея органомъ стала газета *Deutsche Zeitung*, характеристичная уже по одному своему названію. Гейссеръ, еще передъ тѣмъ издавшій брошюру для пропаганды вопроса, яснаго уже по ея заглавію (*Schleswig-Holstein, Deutschland und Dänemark*), принялъ участіе въ основаніи этой газеты. Тутъ онъ сначала помогалъ *Гервинусу*, потомъ съ полгода одинъ завѣдывалъ редакціей. Онъ оставилъ свои систематическія занятія въ этой газетѣ лишь тогда, когда былъ избранъ членомъ баденской нижней палаты (въ концѣ 1847 г.). Само собой разумѣется, что и здѣсь онъ развивалъ тѣ же взгляды, которые были положены въ основаніе *Deutsche Zeitung*. Но тутъ засѣдало много отъявленныхъ враговъ этихъ воззрѣній. Здѣсь были сильны партіи реакціонеровъ, и политическихъ и церковныхъ, пріобрѣвшихъ особенное значеніе послѣ майской революціи въ Баденѣ въ 1849 году*). Эта же революція внесла расколъ и въ среду друзей либерализма и прогресса. Непреклонная въ своихъ убѣжденіяхъ и прямая, неспособная на сдѣлки, натура Гейссера не могла долго вынести парламентской борьбы, не обѣщавшей успѣха въ ближайшемъ будущемъ. Вскорѣ послѣ выбора мы уже не видимъ его въ палатѣ. Между тѣмъ, страна успѣла такъ хорошо узнать этого честнаго общественнаго дѣятеля, что въ 1850 г. снова выбрала его депутатомъ. Но онъ опять покинулъ это поприще въ томъ же году.

Тутъ университетъ, для котораго работалъ Гейссеръ, почтилъ его званіемъ «ординарнаго» профессора, и нашъ историкъ снова посвятилъ свои силы почти исключительно наукѣ, своему истинному призванію. Онъ опять сталъ рыться въ архивахъ, желая освѣтить любимыя имъ послѣднія страницы отечественной исторіи. Конечно, въ Вѣнѣ, гдѣ тогда государственныя дѣла даже отдаленнаго времени хранились подъ семью печатями, онъ получилъ отказъ. Зато относительный либерализмъ прусскаго правительства доставилъ ему возможность съ пользою поработать въ берлинскомъ архивѣ. Плодомъ этихъ трудовъ было капитальное 4-томное сочиненіе, доставившее ему славу одного изъ лучшихъ

*) Гейссеръ вполне сознательно самъ переживалъ эту революцію, о чемъ свидѣлствуютъ изданныя имъ въ 1851 г. записки: *Denkwürdigkeiten zur Geschichte der badischen Revolution*.

историческихъ писателей въ Европѣ. Несмотря на вышеприведенный отзывъ Онкена о формѣ этого труда, приписывая его исключительной любви ученика къ живому слову учителя-оратора, мы позволимъ себѣ замѣтить, что изложеніе *Нѣмецкой исторіи со смерти Фридриха Великаго* оставляетъ желать немногаго. Въ немъ блещутъ сила и краски, согрѣтыя живымъ участіемъ нравственного существа. Эта теплота объясняется патріотическимъ чувствомъ, никогда не покидавшимъ Гейссера, отъ котораго, какъ видно, зависѣлъ и выборъ главныхъ его занятій. Содержаніемъ *Нѣмецкой исторіи* служить та же эпоха подъема народнаго духа въ Германіи *), изложеніе коей составляло академическую славу Гейссера. Это — время Наполеона I и германскихъ войнъ за освобожденіе, къ которому профессоръ любилъ такъ часто обращаться, и въ описанные выше зимніе вечера, и во вторую половину своего лѣтняго курса **). Бѣглой характеристикой содержанія *Нѣмецкой исторіи* могутъ служить слова Онкена объ его изложеніи авторомъ съ кафедры. Вотъ они. «Конечно, никогда еще съ нѣмецкой кафедры не слышалось такихъ потрясающихъ душу описаній катастрофъ 1806 и 1809 годовъ; но никогда также не изображалось теплѣе и вдохновеннѣе возникновеніе на прусской почвѣ новаго зданія нашего національнаго быта и одушевленіе незабвеннаго 1813 года. Слушатели вздыхали свободно, когда Гейссеръ замѣчалъ тутъ, по своему обыкновению, просто и искренно: «Вотъ моменты, которые вознаграждаютъ насъ «за многое, многое, и изглаживаютъ въ нашей исторіи столько «постыднаго»! И при безыскусственномъ описаніи этого безпримѣрнаго подъема духа они понимали, что хотѣлъ сказать Гейссеръ, приговаривая тутъ: «Вотъ ужъ сколько лѣтъ раска-

*) Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes (1-е изд. въ 1854 — 1857; 3-е въ 1861—1863) доведена до образованія Германскаго Союза, слѣдовательно до 8 іюня 1815 года.

**) Настоящее изданіе обнимаетъ лишь первую, бѣольшую половину лѣтнихъ курсовъ Гейссера. Вторую составляла исторія императорства Наполеона до 1815 г. Онкенъ опустилъ ее, потому что она главнымъ образомъ касалась нѣмецкой исторіи этой эпохи и представляла сжатое изложеніе большаго сочиненія Гейссера.

«зываю я нѣмецкую исторію, а эта часть моей задачи все влечетъ меня къ себѣ съ одинаковымъ очарованіемъ» *)... .

Да, Гейссеръ вовсе не походилъ на нѣмецкія ученыхя муміи, на безстрастныя философскія величія. Что бы онъ ни дѣлалъ, въ немъ всегда была ключемъ струя любви и одушевленія. Писалъ ли онъ кропотливое изслѣдованіе о научныхъ фактахъ, добытыхъ изъ-подъ пыли архивовъ, изъяснялъ ли съ кафедры многотрудное содержаніе обширной науки, проповѣдовалъ ли свои убѣжденія съ парламентской трибуны или на столбцахъ газеты, — отъ него всегда вѣяло очарованіемъ живаго существа, недремлющей и гордой силы. Это былъ *общественный дѣятель* въ каждомъ своемъ словѣ и поступкѣ. Онъ всего больше дорожилъ тѣмъ, что прямо пробуждало отъ сна родную страну, поднимало національное сознаніе. Онъ былъ заклятымъ врагомъ мертвечины, отвлеченности, школьнаго тупоумія, бесплоднаго ученаго жречества не менѣе, чѣмъ и чиновничьяго бумагомаранья, мундирнаго однообразія, солдатской симметричности.

По нашему мнѣнію, трудно лучше характеризовать Гейссера, чѣмъ указаніемъ на одинъ его трудъ, исполненный въ эпоху, на которой мы остановились.

Въ эти же 50-е годы, въ минуту затишья политическихъ стремленій въ жизни Гейссера, кромѣ *Нѣмецкой исторіи*, появилось его *Собраніе сочиненій Фридриха Листа*. Трудъ состоитъ изъ трехъ томовъ, изъ коихъ первый посвященъ біографіи Листа, написанной Гейссеромъ.

Мы уже замѣтили, что общественная струнка, участіе къ своему отечеству и къ современности руководили нашимъ профессоромъ въ выборѣ предметовъ его главныхъ занятій. Послѣдніе всегда такъ близко касались злобы дня, что задѣвали публику за-живое и вовлекали автора въ борьбу, поднимая на него цѣлое полчище враговъ, наивно воображавшихъ, что они клеймятъ его позоромъ, титулуя «вождемъ партіи». Такъ *Нѣмецкая исторія* и предлагаемыя лекціи о французской революціи, по своимъ идеямъ, касались жгучихъ вопросовъ о свободѣ совѣсти, о конституціонализмѣ и объединеніи Германіи. Онъ даже прямо

*) Häusser's Gesch. der franz. Revol. Vorrede.

затрогивали еще живыя тогда лица. Ветераны 1813 и 1814 годовъ и ихъ дѣти присылали Гейссеру свои замѣтки на многія страницы *Нѣмецкой исторіи*, гдѣ говорилось о событіяхъ, лично пережитыхъ ими. Изъ нашей книги читатель замѣтитъ, что источникомъ лекцій о революціи были не однѣ книги: Гейссеръ лично былъ знакомъ съ нѣкоторыми дѣятелями той эпохи, напримѣръ съ престарѣлымъ Сіейсомъ, столько испытывшимъ на своемъ вѣку. А что касается враговъ, то въ Германіи хорошо извѣстно каждому взрослому гимназисту, сколько грязныхъ клеветъ и низкихъ внушеній сыпалось на головы Гейссера и его друзей за ихъ презрѣніе къ Австріи и увлеченіе объединительной ролью Пруссіи *). Если его не постигъ такой же ударъ, какой перенесъ другой извѣстный историкъ, *Зибель*, принужденный бѣжать изъ Мюнхена въ Боннъ, то лишь потому, что онъ дѣйствовалъ въ Баденѣ: а эта земля раньше всѣхъ на югѣ Германіи добровольно подняла знамя нѣмецкаго объединенія подъ счастливой звѣздой Пруссіи.

Точно то же, и еще въ большей мѣрѣ, можно сказать про выборъ предметомъ біографіи судьбы Листа. И по характерамъ, и по дѣятельности, и по идеямъ, руководившимъ имъ въ жизни, Листъ—близкій родственникъ Гейссера. Оттого онъ нашелъ въ немъ друга и помощника при жизни и горячаго защитника по смерти своей. Вся біографія Листа, написанная съ необыкновенной теплотой и силой убѣжденія, прекрасно характеризуетъ самого автора. Какъ часто, перечитывая ее, мы невольно восклицали:

*) Желающимъ познакомиться съ силой и характеромъ этихъ нападокъ и съ Гейссеровой манерой полемизировать рекомендуемъ двѣ интересныя брошюры. Одна принадлежитъ Онно Клоппу, историку, пользующемуся въ Германіи большою Геростратовскою славой; его цѣль — возвеличеніе Габсбурговъ, Тилли и іезуитовъ и униженіе Гогенцоллерновъ, Густава-Адольфа и Фридриха Великаго. Въ 1861 г. Гейссеръ написалъ (въ *Preussische Jahrbücher*) критику на его сочиненіе о Фридрихѣ II, въ которой развивалъ свой взглядъ на этого короля, высказанный въ I томѣ (1 кн.) *Нѣмецкой исторіи*. Онно Клоппъ отвѣтилъ запальчивымъ памфлетомъ: «*Offener Brief an den H. Häusser in Heidelberg*», напечатаннымъ въ Ганноверѣ. Въ началѣ 1862 г. въ Гейдельбергѣ появилось и открытое письмо къ Клоппу Гейссера, подъ названіемъ: *Zur Beurtheilung Friedrichs des Grossen*.

«Это такъ идетъ къ Гейссеру: стоить только перемѣнить имя»! Къ сожалѣнію, планъ нашей статьи не позволяетъ намъ воспользоваться этимъ важнымъ источникомъ для характеристики Гейссера: мы не пишемъ его біографіи. Но надѣмся, что и нѣсколько выдержекъ изъ этой, вообще крайне любопытной и поучительной, книги произведутъ свое впечатлѣніе на читателя.

Вотъ что особенно привлекало Гейссера въ Листъ. «Мы не знаемъ, гдѣ столь суровая школа могла образовать такую энергическую личность и въ эпоху распущенности представить столь рѣдкій образецъ характера, преслѣдующаго одну цѣль въ жизни такъ неуклонно и неустойчиво». Нѣсколько разъ приводитъ біографъ слѣдующія, очаровавшія его, выраженія Листа: «Если теоріи политической экономіи суждено подвинуть впередъ національные интересы, то она должна покинуть рабочія комнаты ученыхъ, кафедры профессоровъ, кабинеты высшаго чиновничества и спуститься въ конторы фабрикантовъ, негоціантовъ, кораблестроителей, капиталистовъ и банкировъ, въ бюро всѣхъ общественныхъ служителей и ходатаевъ, въ жилища помѣщиковъ, а особенно въ палаты земскихъ чиновъ,—словомъ, она должна стать совокупнымъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей націи». Гейссеру было любо замѣчать, что его другъ всегда оставался вѣренъ этому правилу. «Листъ первый сдѣлалъ попытку втянуть національный интересъ въ важныя экономическія событія, побороться съ обычными преданіями, потрясти вѣру въ авторитеты экономической науки. Вся его дѣятельность всегда была направлена къ этой цѣли... Посреди равнодушія, непризнанія и преслѣдованій, онъ неустойчиво разыскивалъ практическія средства великой, свободной и публичной жизни націи, подвизался въ несказанно смѣлой борьбѣ съ немилостью старыхъ властей, съ отвлеченной знатностью ученыхъ, съ предразсудками и дразгми нашего дробнаго государственнаго быта, съ непрактичнымъ, флегматическимъ, неповоротливымъ духомъ цѣлой націи». Враги называли «большимъ памфлетомъ» капитальное сочиненіе Листа, *Das nationale System der politischen Oekonomie*. «Да, говоритъ Гейссеръ, въ немъ есть теплота и полетъ великаго политическаго *памфлета*. Въ немъ господствуетъ тонъ самаго глубокаго и живаго

патріотическаго одушевленія. Листъ умѣлъ вдохновлять, увлекать и пробуждать великій народный интересъ, чего ужъ конечно нигдѣ и никогда не могли произвести его ученые противники». И въ какой средѣ работалъ этотъ богатырскій характеръ! Вотъ какъ очерчиваетъ ее Гейссеръ, рисуя тутъ и себя самого. «Наше школьное воспитаніе, наша чисто-литературная и беллетристическая работа, наше чиновничье управленіе,—все соединилось здѣсь, чтобы сдѣлать нѣмецкую почву недоступной для столь шумной, оживленной и публичной дѣятельности, какъ Листова, и чтобы горячей борьбой крайностей возбудить на первый разъ скорѣе отвращеніе къ ней чѣмъ, удовольствіе... Тутъ все еще было довольно господъ, которые охотнѣе простили бы что угодно, только не эту неудобную, возбудительную агитацію; которымъ было пріятнѣе видѣть, какъ изъ девяти книгъ дѣлается десятая, чѣмъ какъ нарушается литературный миръ такою безпокойной и тревожной книгой (*Das nationale System*)... Чтобы нѣмецкій ученый всей душой предался общественному интересу, чтобы онъ увидѣлъ свой идеалъ въ достиженіи какой-нибудь практической цѣли въ матеріальной области, — это было такъ необыкновенно и непонятно въ Германіи, что скорѣе готовы были прибѣгнуть къ самымъ обыденнымъ мѣркамъ, къ самымъ дюжиннымъ мотивамъ, чѣмъ признать необычайность и важность такого явленія» *).

Но оставляемъ этого ранняго бейца за «коммерческое и политическое единство Германіи», чтобы возвратиться къ его соратнику и почитателю.

Прошло десять лѣтъ послѣ тѣхъ политическихъ движеній, которыя увлекли патріота-профессора въ водоворотъ вопросовъ дня. Неразрѣшенное тогда созрѣло и окрѣпло. Тверже, бодрѣе и многочисленнѣе стала фаланга бойцовъ за новыя начала. На ней уже не лежало пятна насилій, революціонныхъ бурь. Въ то же время въ Германіи, въ ея центрахъ—Австріи и Пруссіи, подготавливались величайшія событія, еще не виданныя въ ея исторіи. И вотъ, конецъ пятидесятихъ годовъ знаменуется даже для ма-

*) Friedrich List's gesammelte Schriften, herausg. von Ludwig Häusser. Stuttg. und Tübingen. 1850. I, pass.

ленькаго Бадена новыми общественными движеніями, въ которыхъ уже лежали прочныя сѣмена важнаго будущаго. Смѣло и дѣльно, съ сознаніемъ своего могущества, поднялась здѣсь оппозиція противъ изветшавшей реакціи въ протестантизмѣ и ультрамонтанства, противъ дряхлѣвшаго государственнаго произвола и стремленія мелкихъ государствъ къ особности. Гейссеръ опять былъ затронутъ до глубины души. Онъ опять кинулся въ патріотическую борьбу. Его полемика съ церковными гасильниками свободы и современнаго просвѣщенія много содѣйствовала тому благотворному оживленію баденскаго общества, которое возникло изъ-за переговоровъ о конкордатѣ съ папой. А въ началѣ 1860 года онъ уже опять появился въ нижней палатѣ. Здѣсь онъ, какъ въ молодости, горячо и чистосердечно употреблялъ всѣ честныя средства для поддержки либеральнаго министерства, возникшаго весной этого года. Идеи, которымъ Гейссеръ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, были уже совсѣмъ не въ томъ положеніи, чѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Очищенные горькимъ испытаніемъ и установившіяся, онѣ проникли въ управленіе страной. Исторія осторожно подводила Германію къ осуществленію завѣтной мечты Гейссера о «союзномъ государствѣ». Гейссеру теперь было весело работать: его осѣняла вѣра въ успѣхъ. И вотъ, онъ уже до самой своей смерти не покидаетъ политическаго поприща, дѣля свои силы между ученой каѳедрой и газетной редакціей, да парламентской трибуной. Изъ палаты онъ выходитъ лишь за годъ до своей смерти, и то только потому, что истекъ срокъ, на который онъ былъ избранъ. Въ эти же пять лѣтъ (1860—1865) Гейссеръ неутомимо работаетъ и въ другихъ политическихъ собраніяхъ великой важности для будущаго, изъ коихъ ни одно не рѣшилось обойтись безъ его содѣйствія. Такъ онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ, приведшихъ въ 1863 г. къ сейму нѣмецкихъ депутатовъ, гдѣ на его долю выпала перво-степенная роль докладчика по важнѣйшему вопросу въ занятіяхъ собранія. Въ тѣ минуты идея пангерманизма искала своихъ практическихъ проявленій не въ этихъ только политическихъ сѣздахъ и переговорахъ. Она начала уже открыто дѣйствовать путемъ гласности, стараясь проникнуть въ умы, вглубь обще-

ства. На югѣ Германіи возникла газета съ небывалымъ, по своей ясности и откровенности, знаменемъ. То была, надѣлавшая въ свое время не мало шума, *Süddeutsche Zeitung*. Она заботилась о единствѣ германской націи. Въ ея основаніи участвовалъ Гейссеръ.

Повторяемъ, этотъ истинный нѣмецкій патріотъ никогда не измѣнялъ своему высокому идеалу въ политикѣ. Передъ нимъ носился образъ единой, могучей, но свободной и гражданской Германіи. Въ перспективѣ близкаго будущаго видѣлъ онъ союзное государство (*Bundesstaat*), съ представителями началъ цивилизаціи во главѣ, а не военную имперію съ фельдфебельскими порывами. Онъ хотѣлъ, чтобы эта новая, благородная Германія своею жизнью изгладила «столько постыднаго» въ своей исторіи. А это «постыдное», какъ можетъ замѣтить читатель уже изъ предлагаемыхъ лекцій, Гейссеръ приписывалъ пагубному вліянію не только Австріи, но, въ извѣстномъ смыслѣ, и Пруссіи...

Смерть рано похитила Гейссера, особенно для его ученой и профессорской дѣятельности. Вѣдь ему было всего 48 лѣтъ, когда она подкралась къ нему 17 марта 1866 года! А силы въ немъ было столько, что онъ цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ успѣшно боролся съ мучительнымъ недугомъ: лишь за два дня до кончины онъ окончилъ свой курсъ нѣмецкой исторіи и распрощался, какъ деканъ, съ студентами философскаго факультета...

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ Онкеновомъ изданіи лекцій Гейссера и объ ихъ переводѣ, предлагаемомъ отечественной публикѣ.

У Онкена соединяются всѣ условія для успѣшнаго исполненія этой задачи. Онъ изучилъ стенографію, что дало ему возможность почти буквально уловить такую быструю рѣчь, какъ Гейссерова. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ профессоромъ, подъ руководствомъ коего готовился къ занятію той же кафедры: это доставило ему доступъ къ бумагамъ, оставшимся по смерти Гейссера. Наконецъ, онъ специалистъ по всеобщей исторіи, слѣдовательно могъ сдѣлать справки съ источниками тамъ, гдѣ встрѣчались недоразумѣнія или неясности. Онкенъ и воспользовался всѣми этими средствами. Въ основу изданія онъ положилъ свои

стенографическія записки, составленныя лѣтомъ 1860 года, лишь въ немногихъ мѣстахъ добавляя ихъ записками двухъ студентовъ 1861 и 1863 годовъ. Затѣмъ онъ употребилъ въ дѣло посмертныя бумаги профессора.

Гейссеръ никогда не переставалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ слѣдить за ходомъ развитія своей науки. Уже больной и почти весь занятый лекціями и парламентомъ, онъ находилъ время изучать разныя подробности по новымъ трудамъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Нашелся клочекъ бумаги, на которомъ онъ, незадолго до своей смерти, написалъ рядъ названій новыхъ сочиненій, а внизу: «Просмотрѣть до лѣта 1867 г.». Вотъ почему въ его бумагахъ остался значительный запасъ выписокъ изъ источниковъ и бѣглыхъ замѣтокъ для лекцій. Большая часть важнѣйшихъ эпизодовъ разобрана здѣсь отрывочно, но подробно и съ методой и критикой. Онкенъ замѣтилъ, что все это извлекалось изъ печатнаго матеріала; съ неизданными документами Гейссеръ познакомился лишь при помощи классическаго сочиненія Зибеля о революціонной эпохѣ, въ которому онъ часто прибѣгалъ, какъ читатель увидить самъ изъ настоящей книги *).

«Въ этихъ выпискахъ, говоритъ Онкенъ, рѣдко-рѣдко попадалось что-нибудь больше, чѣмъ чисто фактическая канва для лекціи. За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ, которыя можно считать оглавленіями безъ главъ, въ нихъ совсѣмъ не было ничего похожаго на тѣ характеристики, описанія и размышленія, которыя сообщали его изложенію эту неподражаемую драматическую живость. Замѣтки представляли лишь остовъ, который уже въ теченіе лекціи наполнялся плотью и кровью». Болѣе связный и законченный видъ имѣли только замѣтки о Пруссіи и Польшѣ, составленныя на основаніи документовъ берлинскаго архива. Онѣ цѣликомъ вошли въ наше изданіе лекцій **).

Уже изъ этого характера лекцій Гейссера и ихъ отношеній къ письменнымъ замѣткамъ для издателя вытекала нелегкая задача дополнить первыя послѣдними и провѣрить фактическую основу

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что вездѣ, гдѣ у насъ не указано изданія труда Зибеля, мы разумѣли его 3-е изданіе.

**) См. ниже, стр. 190 и слѣд.

импровизаций, которыя не могли отличаться точностью въ подробностяхъ, несмотря на изумительную память профессора. Сверхъ того, Онкенъ рѣшился, съ своей стороны, помочь уясненію предмета. Онъ дополняетъ указанную профессоромъ литературу предмета, особенно за послѣднія семь лѣтъ. Хотя, насколько мы могли замѣтить, эти дополненія несовсѣмъ исчерпываютъ предметъ, мы, конечно, обязаны благодарить издателя за столь полезный трудъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти вставки помѣщены имъ въ примѣчаніяхъ и отмѣчены особеннымъ знакомъ *).

Менѣе удачнымъ показался намъ методъ, которому слѣдоваль Онкенъ въ «обработкѣ лекцій и бумагъ», по его выраженію. Онъ старался «такъ слить ихъ, чтобы и въ языкѣ, и въ содержаніи возможно менѣе были замѣтны слѣды второй руки». У такого талантливаго профессора, какъ Гейссеръ, много значенія и интереса представляетъ всякая мелочь, даже внѣшняя, касающаяся одной формы. У оригинальнаго, сильнаго дарованіями композитора важны переходы въ двѣ-три ноты. Кто поручится намъ, что издатель угадалъ ту связь, въ которую ораторъ поставилъ бы свои замѣтки, набросанныя на клочкахъ бумаги для памяти? По крайней мѣрѣ тѣмъ, что всѣ дополненія изъ бумагъ Гейссера не внесены въ примѣчанія, Онкенъ далъ намъ право заподозрѣвать его въ авторствѣ нѣкоторыхъ неловкостей, иногда встрѣчающихся въ текстѣ. Вирочемъ, онъ указалъ, какія мѣста подвергались наибольшей переработкѣ по этому методу. Это—часть предреволюціонной эпохи, событія съ іюня до сентября 1792 г. и начало конвента; а также характеристика министерства Тюрго и описанія 20-го іюня, 10-го августа, сентябрьскихъ дней и части террора.

Спѣшимъ оговориться. Эта, не совсѣмъ удачная, метода соединенія письменныхъ замѣтокъ съ живой рѣчью нисколько не унижаетъ въ нашихъ глазахъ заслуги Онкена. Мы съ удовольствіемъ присоединяемся къ общей благодарности, высказанной ему нѣмецкими рецензентами, все бывшими слушателями Гейссера. По нашему мнѣнію, нападать на издателя лекцій, оставшихся лишь въ запискахъ студентовъ, за мелкіе промахи можетъ только тотъ,

*) У насъ онѣ отмѣчены буквой О. Примѣчанія, пренадлежащія намъ, обозначены буквами Ред. Всѣ остальные принадлежатъ самому Гейссеру.

кто не испыталъ, какую трудную, часто неисполнимую задачу представляетъ подобное дѣло. А мы, къ прискорбію, видѣли, какъ иногда исполняются подобныя задачи, напримѣръ, у насъ. Мы не можемъ вспомнить безъ негодованія, какой участи подверглись въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ лекціи незабвеннаго Грановскаго, во многихъ отношеніяхъ напоминающаго Гейссера

Наша задача при редактированіи перевода лекцій Гейссера состояла въ усиленномъ содѣйствіи Онкену въ его желаніи уяснить дѣло публикѣ. Мы замѣтили, что онъ пропустилъ нѣсколько неточностей или маловажныхъ фактическихъ ошибокъ; не упомянулъ о нѣкоторыхъ интересныхъ трудахъ по исторіи Французской революціи; не сличалъ иногда мѣстъ, приводимыхъ откуда-нибудь дословно. Пользуясь отчасти собственными свѣдѣніями, отчасти рецензіями нѣмецкихъ журналовъ объ изданіи лекцій Гейссера, мы сочли полезнымъ внести эти поправки прямо въ текстъ. Иногда, при неточности изложенія и при важности чужихъ словъ, мы присоединяли эти послѣднія въ подлинникѣ. Мы нѣсколько измѣнили и самое дѣленіе книги на отдѣлы и главы. У Онкена оно было лишено экономіи по случайной причинѣ: ему хотѣлось придерживаться дѣленія, бывшаго въ программѣ лекцій, чтобы бывшіе слушатели Гейссера легко могли сличать книгу съ своими собственными записками. Наконецъ, считаемъ долгомъ заявить, что мы позволяли себѣ иногда и ничтожныя измѣненія въ самомъ изложеніи. Это случилось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ просто по поспѣшности издателя прокрались въ текстъ повторенія, или примѣчанія, или очевидныя неловкости, столь естественныя въ живой рѣчи и въ запискахъ студентовъ, которыя можно отнести къ разряду обмолвокъ.

Что касается нашего перевода, то мы можемъ дозволить себѣ надѣяться только на вѣрную передачу *содержанія* лекцій Гейссера. Эта надежда и внушила намъ смѣлость взяться за дѣло, нерѣдко представляющее почти непреодолимыя затрудненія. Кто не знаетъ, какъ вообще не легко передавать на чужомъ языкѣ всякую *живую* рѣчь? Насколько же тяжеле задача—быть истолкователемъ оратора, полнаго таланта и своеобразности, который черпалъ слова изъ глубины одушевленія и нѣсколькими фразами

рисовалъ историческія картины, съ ихъ перспективой вѣковъ и широтой идей? Мы сочли бы нашу цѣль достигнутой, еслибы читатель, при умѣстной здѣсь снисходительности, замѣтилъ, что у насъ было желаніе передать не одно содержаніе лекцій Гейссера, но и тѣ оттѣнки, которые составляютъ неуловимую душу самобытнаго ума и таланта.

Покойный профессоръ говорилъ, разставаясь съ своими слушателями: «Я не могъ исчерпать всего матеріала. Но это не въ силахъ сдѣлать никакія лекціи. Иное дѣло развить историческое мышленіе, изощрить сужденіе, указать путь къ усвоенію воспринятаго... Я желалъ пробудить въ васъ чутье и интересъ къ могучему предмету»... Эта цѣль, которой Гейссеръ служилъ во всю свою жизнь, выходитъ за предѣлы извѣстной мѣстности. Теплое и талантливое слово Гейссера можетъ и должно дѣйствовать также благотворно и въ Россіи, какъ дѣйствовало оно въ Германіи. Рѣшаясь передать его на родномъ языкѣ, мы были убѣждены, что оно не пройдетъ безслѣдно ни для нашей образованной публики вообще, ни для нашихъ студентовъ, учителей и старшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ въ особенности.

Въ этомъ ручалось намъ еще то счастливое обстоятельство, что у насъ уже есть переводъ лучшаго и новѣйшаго сочиненія по исторіи французской революціи. Наше изданіе должно примкнуть къ труду *Зибеля*, съ которымъ оно находится въ органической связи. «Исторія революціонной эпохи» Зибеля сама по себѣ тяжела для обширной публики уже по своему объему. Требуется много усидчиваго труда и подготовки, чтобы изъ нѣсколькихъ томовъ, наполовину посвященныхъ архивскимъ мелочамъ, извлечь «душу живу» великаго предмета. Смыслъ и значеніе лекцій Гейссера состоятъ именно въ исканіи этой души. Въ нихъ мастерская въ этомъ отношеніи выборка главныхъ фактовъ, которые желающій можетъ легко дополнить самъ, имѣя подъ руками переводъ сочиненія Зибеля.

В В Е Д Е Н І Е.

ФРАНЦІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

ГЛАВА I.

Всемирный и мѣстный характеръ революціи.

Переворотъ 1789 года носитъ преимущественно названіе «революціи»: стоить услышать это слово, чтобы невольно вспомнить именно революцію 1789 года. Причина этого лежитъ въ своеобразности этого переворота.

Мы не хотимъ сказать этимъ, что такихъ коренныхъ потрясеній не бывало и прежде: въ каждомъ историческомъ періодѣ можно встрѣтить эпохи, когда все, до самыхъ основъ государственнаго и общественнаго порядка, приходило въ броженіе. И подобныя явленія такъ глубоко коренятся въ человѣческой природѣ, что врядъ ли стоило бы особенно указывать на это, еслибы не было въ интересахъ извѣстныхъ партій выставлять революцію 1789 г. какъ начало всѣхъ революцій. Эпохи гражданскихъ войнъ въ Греціи и Римѣ — революціи въ повѣйшемъ смыслѣ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ подобныя же потрясенія со всею ихъ насильственностью и жаждою крови, напримѣръ, въ Италіи; на нихъ же наталкиваемся и къ концу этого періода, со времени гуситскихъ войнъ, когда стали сокрушать старые авторитеты даже въ области религіи, когда повсюду, до самыхъ основъ общества и государства, распространилась необузданная страсть разрушенія.

Огличительною же чертой излагаемой революціи служитъ то, что она болѣе, чѣмъ всякая другая, утратила свой мѣстный характеръ. Нельзя сказать, чтобъ она была вполне лишена его, но она отрѣшилась отъ него болѣе, чѣмъ другіе подобные перевороты. Она съ самаго начала поставила себѣ цѣли, далеко выходившія за предѣлы мѣста ея рожденія, а въ дальнѣйшемъ ходѣ увлекла въ своемъ потокѣ не только Западъ, со всѣмъ его политическимъ развитіемъ, но и часть Новаго Свѣта.

«Принципы, идеи революцій» — выраженіе, часто превратно понимаемое, а еще чаще злоупотребляемое — явились чѣмъ-то общечеловѣческимъ, чѣмъ-то господствующимъ надъ строемъ всего политическаго міра.

Впослѣдствіи, въ періодъ самаго дикаго неистовства революціи, случилось, что какой-нибудь сумасбродъ выдавалъ себя за оратора человѣческаго рода (*orateur du genre humain*). Это, конечно, безумная выходка; тѣмъ не менѣе въ ней есть что-то, намекающее на источникъ явленія. Французская революція съ самаго начала выставила всемірную программу; она взялась перестроить весь міръ по отвлеченнымъ «философскимъ» ученіямъ. Ничего подобнаго не было ни въ какой другой революціи. Вотъ откуда и та сила, съ которою она охватываетъ и увлекаетъ страшныя массы.

Что въ сравненіи съ этимъ революціоннымъ переселеніемъ народовъ всѣ городскія революціи древности, всѣ междуусобія итальянскихъ республикъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ, даже самыя гуситскія войны? Никогда еще въ революціяхъ не принимали участія такія огромныя массы и на такомъ обширномъ пространствѣ. Уже это одно составляетъ рѣзкое отличіе революціи 1789 г. отъ всѣхъ остальныхъ, именно міровой характеръ ея задачь, всеобщность мотивовъ, выставленныхъ ею съ самаго начала своею программой, наконецъ неслыханное участіе массъ.

Тѣмъ не менѣе, она никогда не могла отрѣшиться вполнѣ отъ своего мѣстнаго характера. Стремясь перейти въ общеевропейскую, она никогда не переставала быть французскою. Прежде всего, какъ она зародилась? Рядомъ съ полными значенія всемірными элементами здѣсь все-таки лежитъ неизмѣримый, собственно французскій горючій матеріалъ. Что революція вспыхнула именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, это не случайность, не слѣдствіе подвижности и впечатлительности Французовъ, но глубокая историческая необходимость. Уже бѣглый взглядъ на исторію предшествовавшаго времени достаточно выясняетъ это. Начиная съ XVII ст., господствовавшая повсюду въ Европѣ абсолютная монархія шла въ уровень съ обстоятельствами и задачами времени; она умѣла вникать въ нужды народовъ, даже могущественно управлять ими до конца XVIII ст. Это была та монархія, которая, въ лицѣ Фридриха Великаго, предназначала Европѣ ея пути. Повсюду абсолютизмъ успѣшно оберегалъ популярныя основы своей власти, содѣйствовалъ по-своему интересамъ общества, ослаблялъ тяжкія оковы феодализма, выставялъ свою диктатуру такою благотворною, зиждительною, охранительною формой, что она стала любезна массамъ. Такъ было въ большей части европейскихъ странъ; никто не питалъ ненависти къ монархіи за ея абсолютизмъ, потому что ея вліяніе во многихъ отношеніяхъ было плодотворно и благодатно.

Сравнимъ съ этимъ положеніе Франціи. Рядомъ съ монархіями старой Европы, рядомъ съ Фридрихомъ Великимъ, Маріей Терезіей и Екатериной II,

стоитъ Франція Лудовика XV, въ которой сохранилось отъ стараго времени именно худшее и негодное. Съ одной стороны, постоянно возрастающее стремленіе массъ уничтожить оковы, стѣсняющія трудъ, собственность, торговлю, доставить каждому возможность свободнаго развитія во всѣхъ сферахъ жизни; съ другой—самый прихотливый деспотизмъ и, рядомъ, непостижимые остатки феодализма. Съ одной стороны, монархическій порядокъ, который въ этомъ видѣ не достигалъ своей цѣли, съ другой—феодалное преданіе, которое все еще видѣло въ государствѣ добычу привилегированныхъ классовъ, которое змѣей обвивалось вокругъ него, вѣчно тормозя его дѣятельность. Такъ было во Франціи, и только во Франціи. Бонапарту удалось сломить монархію старой Европы лишь послѣ тяжелыхъ ударовъ, благодаря по-истинѣ неловкой политикѣ и плохому способу веденія войны: революціонныя симпатіи не подрывали ея военной силы. Стало-быть, здѣсь было нѣчто, дававшее возможность проявиться далеко не ничтожному сопротивленію. А во Франціи рухнуло все: правительство, администрація, финансы, кредитъ, подъ напоромъ безпримѣрно слабыхъ враждебныхъ силъ. Какъ мало времени понадобилось здѣсь, чтобы разрушить монархію, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія была грозой Европы, и когда это случилось, то какъ жалко, недостойно даже второстепеннаго государства!

Другая своеобразная черта переворота 1789 г. заключается въ характерѣ самого народа, въ его подвижной, воспріимчивой, непостоянной натурѣ, которую Римляне замѣчали уже у древнихъ Кельтовъ. Ни одинъ народъ не способенъ такъ колебаться между необузданною свободой и подчиненіемъ самому суровому деспотизму; ни въ одномъ нѣтъ этой эластичной силы, проникнувшись великими идеями, рваться къ подвигамъ и, даже снова подпавъ подъ гнетъ деспотизма, проявлять геройство, полміру предписывать законы, презирая именно всѣ тѣ идеи, которыя онъ только-что завоевалъ. Эта эластичная сила нерѣдко вызываетъ удивленіе и восторгъ.

Но въ этой революціи нельзя не замѣтить и многихъ дурныхъ чертъ французскаго характера. Насъ не упрекнутъ въ излишней строгости, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ романскихъ націй во французской больше всего той поспѣшности и страстности, которыя заставляютъ ее сразу рвануться къ цѣли и достигнуть ея при помощи самыхъ насильственныхъ, кровавыхъ средствъ.

Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ ея прежнее развитіе. Разсматривая исторію Франціи XVI столѣтія, каждый найдетъ не мало чертъ дикой жестокости и суровости, непреклонной, доходящей до варварства страсти, которою запечатлѣны всѣ событія съ 1793 г.

Мѣстный характеръ проявляется особенно рѣзко въ одномъ отношеніи. Революція по своей внѣшности безпрестанно напоминаетъ, что Франція Лудовика XV была лишь нечистымъ сосудомъ, въ которомъ хранились

принципы 1789 г. Первая идея этого года признаетъ за вѣчто значительное, необыкновенно великое и зиждательное даже и тотъ, кто не раздѣляетъ ихъ. Что въ нихъ лежала міровая программа могущественнаго развитія, этого не станетъ оспаривать даже тотъ, кто отвергаетъ ихъ въ принципѣ. Но великая историческая программа выродилась ли гдѣ-нибудь такъ быстро и ужасно въ такое преступное, отвратительное явленіе? Идеи 1789 г. не отвѣтственны за дѣла 1793 г. Никогда не должно забывать, что на политическомъ поприщѣ въ 1793 г. дѣйствовало общество Лудовика XV. Оно не преслѣдовало уже никакихъ опредѣленныхъ политическихъ цѣлей; оно желало разрушать ради разрушенія и думало, что стоить только безпредѣльному хаосу поглотить все существующее—и возникнетъ новое. Руссо предсказалъ это тономъ глубокой скорби. теперь явились люди, чтобы осуществить его мысль, но далеко не сантиментально.

Событія 1793—1794 годовъ были смертельнымъ ударомъ для того мирнаго порядка, котораго добивались съ 1789 г., а быть-можетъ и вообще для будущаго. Они заставили сомнѣваться, возможны ли вообще у этого народа мирные плоды революціи. Вѣдь колебанія между теоріями 1789 г. и практикой съ 1793 г. составляютъ основной характеръ французской исторіи до нашихъ дней!

Старая французская монархія со временъ Ришелье и Лудовика XIV.

Вообще сильно распространено предубѣжденіе, будто положеніе дѣлъ въ старой Франціи было почти то же, что и въ остальной Европѣ. Это далеко не такъ. Правда, Франція, со временъ Ришелье и первыхъ лѣтъ царствованія Лудовика XIV, служила Европѣ образцомъ по своему внутреннему устройству; правда, основная форма централизаціи возникла здѣсь и отсюда уже распространилась на большую часть свѣта; но подражаніе принимало весьма разнообразный видъ, смотря по странамъ и личностямъ правителей.

Внѣ Франціи идею абсолютизма вынесли на своихъ плечахъ могучіе правители, понимавшіе ее основательнѣе, глубже и яснѣе, чѣмъ Ришелье и Лудовикъ XIV, а усовершенствовали ее, сообразно съ возрастающими задачами времени, государственные люди, которые сами подчинялись государству и смотрѣли на себя, какъ на представителей блага подданныхъ.

Во Франціи же, наоборотъ, существовала монархія самая произвольная, насильственная, а вокругъ нея бушевали остатки феодальнаго порядка, который повсюду преграждалъ ей путь и тормозилъ ее. Власть правителя не сдерживалась здѣсь независимыми судами, простымъ, яснымъ сводомъ законовъ, какими-нибудь опредѣленіями правъ, какъ это было даже въ такой абсолютной военной монархіи, какъ Пруссія. Единственный, да и то не политическій, а соціальный, противовѣсъ ей представлялъ выродившійся

феодализмъ, который такъ сильно переросъ ее, что отъ этого старая монархія и рухнула.

Это отношеніе недавно выяснено однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ Франціи, Алексисомъ де-Токвилемъ *). Онъ выступилъ главнымъ образомъ противъ взгляда, будто положеніе дѣлъ во Франціи было почти то же, что въ остальной Европѣ. Онъ доказалъ на частностяхъ непостижимое сплетеніе абсолютнаго государственнаго единства съ обветшавшимъ феодализмомъ и съ поразительною ясностью показалъ далѣе, что та централизація, которую принято называть созданіемъ революціи, это умерщвленіе всего самостоятельнаго, органическаго, не порождено, а только развито ею. Основы централизаціи были уже въ старой монархіи, и онѣ-то преимущественно помогли революціи. Бѣглый взглядъ на исторію предреволюціоннаго періода можетъ всего больше внести свѣтъ въ эти отношенія.

Несмотря на крайнюю необузданность и невѣроятную подвижность характера, Французы всегда были народомъ преимущественно монархическимъ **) и постоянно сильно чувствовали потребность въ энергической власти. Оттого-то, послѣ цѣлыхъ 40 лѣтъ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, Генрихъ IV могъ возстановить королевскую власть, а когда плоды его политики погубило господство женщинъ и любимцевъ, достаточно было одного человѣка, Ришелье, чтобы не только спасти дѣло Генриха, но даже развить его еще съ большею смѣлостью.

Ришелье создалъ среди внутреннихъ и внѣшнихъ замѣшательствъ единую администрацію, строгій судъ, внутреннюю безопасность, положилъ основаніе сильному войску, возобновилъ внѣшнее вліяніе Франціи, добылъ львиную часть въ 30-лѣтней войнѣ, обуздалъ дворянство, поглотилъ сословія: впервые вся Франція снова почувствовала изъ края въ край тяжесть королевскаго имени. И все это былъ въ состояніи сдѣлать въ какіе-нибудь 18 лѣтъ человѣкъ, которому день за днемъ приходилось бороться за свое собственное существованіе. Послѣ его смерти, наслѣдство его могъ принять кто-нибудь гораздо слабѣйшій, и, дѣйствительно, когда молодой, полный стремленій король, почти дитя, получилъ власть, то оказалось, что его окружають, болѣе чѣмъ кого-либо изъ его предшественниковъ, весьма счастливо подготовленныя обстоятельства.

*) Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville. publ. par m-me de Tocqueville, Paris. 1864—1866. Ред.

**) Замѣчательнымъ подтвержденіемъ этого образа мыслей служить заявленіе третьяго сословія (tiers état) на собраніи государственныхъ чиновъ 1614 г. «Такъ какъ король Франціи владѣетъ короною милостію Божіей, то нѣтъ на землѣ ни духовной, ни свѣтской власти, которая бы имѣла какое-либо право отнять власть у священной особы короля или по какимъ бы то ни было причинамъ или побужденіямъ освободить его подданныхъ отъ той вѣрности или того послушанія, которымъ они ему обязаны».

Лудовикъ XIV нашелъ при началѣ своего самодержавія превосходное войско, сносные финансы и уваженіе Европы. Мысль о сопротивленіи королевскому всемогуществу исчезла; старые вожди возстанія сдѣлались исполнителями его воли; множество талантовъ въ литературѣ и искусствѣ, во всѣхъ отрасляхъ государственной и военной службы наперерывъ добивались королевской милости. Извнѣ Франція была могущественнѣе чѣмъ когда-либо: ея единственный соперникъ, Габсбургъ, поколебался; Англія была связана съ ея интересами вслѣдствіе возстановленія Стюартовъ; остальные сосѣди частью были хилы и накануне паденія, какъ Испанія, частью въ безсильномъ разъединеніи, какъ Германія и Италія.

Вотъ какова была монархія при началѣ правленія Лудовика XIV! И если когда-либо въ государствѣ абсолютная власть монарха пользовалась полною популярностью, если гдѣ-либо національная идея шла съ нею рука объ руку, то это было именно тогда во Франціи.

Въ томъ и заключалась великая тайна Ришелье, что онъ постоянно умѣлъ удерживать популярность за этою безграничною властью. Не обращая вниманія на дворянство и гугенотовъ, на царедворцевъ и любимцевъ, — даже мать и жена, братъ, другъ и любовница короля испытывали его суровость, — не обращая вниманія на большія корпораціи, онъ заботился въ общемъ и въ частностяхъ о порядкѣ и безопасности, создалъ сравнительно быстрое, дешевое и строгое судопроизводство, защитилъ крестьянина и горожанина отъ высокомѣрія знатныхъ, обрушилъ все, что было ненавистнаго въ старомъ порядкѣ, на голову большихъ и малыхъ баръ и сѣумѣлъ такимъ образомъ внушить угнетеннымъ классамъ, что эта королевская опека есть лучшее объ нихъ попеченіе. Съ этимъ капиталомъ началъ Лудовикъ свое царствованіе, и какъ ни мало походилъ онъ на великихъ политическихъ геніевъ, его предшественниковъ, все же онъ былъ въ годы юности свѣжъ, живъ, полонъ ума, доступенъ смѣлымъ предпріятіямъ, обладалъ инстинктомъ выбирать людей, былъ вполне проникнутъ духомъ времени, монархическимъ настроеніемъ націи: вотъ почему его идеи не лишены иногда даже нѣкотораго величія. Конечно, это еще не дѣлало его великимъ, но все же онъ былъ блестящимъ, удивительно осчастливленнымъ обстоятельствами явленіемъ.

Кольберъ сталъ во главѣ внутренняго правленія; Лувуа получилъ военное министерство; Ліоннэ и ему подобные завѣдывали дѣлами внѣшней политики; Конде, Тюренъ, Люксамбургъ командовали войсками.

Кольберъ *), творческій, оригинальный умъ, завершилъ техническую

*) Pierre Clement: Gouvernement de Louis XIV, Paris, 1848. Его же монографія о Кольберѣ.

Въ 1861 году, по предложенію министра финансовъ, Наполеонъ поручилъ этому же Клеману, монографія котораго была увѣнчана въ 1848 г. академи-

обработку системы Ришелье. Ришелье не былъ финансистомъ, Мазарини еще менѣе, но Кольберъ былъ имъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такимъ призналъ его уже Мазарини, когда сказалъ королю на смертномъ одрѣ: «Я всѣмъ обязанъ вашему величеству, и за то оставляю вамъ Кольбера» *). Замѣчательный специалистъ своего дѣла, онъ вышелъ изъ банкирской конторы, и это весьма сильно отражалось на его взглядѣ на государство. Кольберъ первый обнялъ во всей ея полнотѣ мысль установить равновѣсіе между благомъ отдѣльныхъ лицъ и общества. На его деньги Людовикъ XIV велъ войны и предпринималъ сооруженія; по его системѣ поощрялось во Франціи земледѣліе, было уничтожено множество пограничныхъ заставъ, торговля и промышленность были доведены до рѣдкаго процвѣтанія, основанъ былъ флотъ, Франція была прорѣзана каналами и дорогами. Онъ—творецъ ліонскихъ мануфактуръ; при немъ заложены гавани: Рошфоръ, Брестъ, Гонфлеръ, С. Мало, Сеттъ и Тулонъ.

Государственное единство было закончено теперь и въ народномъ хозяйствѣ, и во всей администраціи. Государство руководило всѣмъ, создавало торговые предпріятія, пораждало и оживляло туземную промышленность, направляло всѣ производительныя силы народа: оно было все во всемъ.

Въ это время Франція ведетъ свои счастливѣйшія войны, а по внутреннему положенію представляетъ самое цвѣтущее государство на материкѣ. Ея торговля и промышленность первенствуютъ во всей Европѣ; ея флотъ не только равняется англійскому и голландскому порознь, но чуть ли не стоить ихъ обоихъ, взятыхъ вмѣстѣ; и, рядомъ съ этимъ, искусство и литература на высшей степени развитія. Франція находится въ своемъ «золотомъ вѣкѣ».

Но предварительное условіе этой системы и въ особенности мысль о популярной опекѣ надъ податными сословіями были вскорѣ забыты, а между тѣмъ не было ничего, что дало бы чисто-фактическому положенію дѣлъ прочную основу законности. Всемогущество государства было лишь фактомъ, по праву же все еще существовали старыя корпораціи. Не Людовику было ставить государственное благо выше всего; противостоять оупьяненію всемогущества у него не доставало силъ. Его вскорѣ отуманила мысль стать надъ націей вторымъ провидѣніемъ, прельстило желаніе наложить свою печать на все—на право и собственность, на вѣру, нравы и образованіе: его увлекъ всегда пагубный соблазнъ отлить въ свою форму

ческою преміей, изданіе всѣхъ документовъ, касающихся Кольбера. Съ тѣхъ поръ доселѣ вышло 7 частей замѣчательныхъ «Lettres, Instructions et Mémoires de Colbert». Въ текущемъ году издатель обѣщаетъ выпустить остальные 2 части. Ред.

*) См. Mémoires de l'Abbé de Choisy, въ изданіи Петито. LXIII, p. 229. Ред.

всю индивидуальную жизнь націи, задушить всякую, даже ничтожную самостоятельность, властвовать, подобно восточному деспоту, надъ нѣмыми, покорными массами.

«Государство—это я!» сказалъ онъ парламенту, когда тотъ вздумалъ сдѣлать ему заявленіе во имя государственнаго блага. «Все представлять мнѣ», говорилъ онъ при вступленіи на престолъ, «начиная отъ дипломатической дѣлеши до послѣдняго назначенія и послѣдней просьбы».

Рано началъ онъ подчинять государство двору, черезъ мѣру уступать придворнымъ интригамъ и вліяніямъ, допускать вмѣшательство метресъ въ дѣла государства и даже приносить его въ жертву своему произволу, своимъ прихотямъ. Это усилилось, когда со смертью Кольбера прекратилось всякое противодѣйствіе. Полагаясь на превосходство своихъ войскъ, бросается онъ въ безконечныя войны, которыя, наконецъ, даютъ возможность образовать противъ него почти единодушный союзъ въ крайне разъединенной и потрясенной Европѣ. Поглощается цвѣтъ его войскъ, благосостояніе его націи. Онъ изгоняетъ гугенотовъ, которые, точно ходячій памфлетъ, бродятъ тысячами по Европѣ, раздражая всѣхъ противъ него; разрушаетъ этимъ южно-французскую промышленность и снабжаетъ своихъ враговъ капиталомъ знанія и рѣдкаго трудолюбія, выброшеннымъ имъ вмѣстѣ съ изгнанниками. Что было бы изъ Бранденбурга, еслибы онъ не помогъ ему этимъ капиталомъ! Все это съ 80-хъ годовъ стало разрастаться съ страшною силой *). Съ трудомъ удерживалъ еще король за государствомъ его внѣшнее положеніе, но первенство въ Европѣ уже погибло: оно сначала перешло къ Англіи и коснулось потомъ всѣхъ государствъ, бывшихъ доселѣ второстепенными. Флотъ погибъ, гавани и торговля остались беззащитными, финансы до крайности разстроились, промышленность постигъ смертельный ударъ, наконецъ въ самую націю былъ влитъ разъѣдающій ядъ религіозной вражды. Да, король могъ кроваво расправляться съ партіями, но онъ не могъ умертвить ихъ умственно и нравственно.

Къ тому же королевская власть все болѣе и болѣе теряла свое личное достоинство. Генрихъ IV, несмотря на свой развратъ, былъ все же хорошимъ королемъ. Ему еще готовы были простить его личныя увлеченія лишь потому, что онъ былъ храбрымъ солдатомъ, который, при всей своей изнѣженной чувственности, спалъ въ походахъ на голой землѣ, дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія, былъ въ каждой битвѣ во главѣ войска: изумительная, рыцарская личность! Лудовикъ XIV въ своемъ все болѣе и болѣе меркнушемъ величіи былъ уже не тѣмъ; онъ не дѣлилъ нужды не только съ своимъ войскомъ, но даже и съ своимъ народомъ: его дворъ не переставалъ утопать въ роскоши, кода народъ нищенствовалъ. Метрессы

*) W. Krohn: Die Letzten Lebensjahre Ludwigs des XIV. 1865. Ред.

Генриха не давали себя чувствовать государству, съ Людовикомъ раздѣляли правленіе сперва молодая, потомъ старая любовницы. Это стоило государству страшныхъ суммъ, да, сверхъ того, въ военной монархіи это было профанаціей королевской власти, пагубнымъ примѣромъ, которому съ страшною ревностью подражали высшіе классы общества. Людовикъ оставилъ свое государство не умаленнымъ извнѣ, но сильно павшимъ нравственно и экономически. Неоплатный дефицитъ, страшныя раны, нанесенныя войнами, раззоренный народъ, уменьшенное населеніе, войско—одна тѣнь прежняго, вотъ его наслѣдство *). А во всемъ высшемъ обществѣ поселился духъ мятежа и недовольства, да безпримѣрное въ цѣлой Европѣ презрѣніе къ существующему порядку и его представителю, этотъ плодъ безнравственности и легкомыслія. Къ тому же семейство короля вымерло, и все это онъ долженъ былъ оставить 5-лѣтнему правнуку. Не успѣли еще совершить надъ нимъ погребенія, какъ уже обошли его завѣщаніе, и лично имъ ненавидимый племянникъ, Филиппъ Орлеанскій, захватилъ регентство. Правленіе Филиппа съ его Дюбуа довершило нравственное банкротство короны и двора, а финансовая химера Ло присоединила къ этому еще и экономическое банкротство націи. Довольно часто слышался теперь вопросъ: скоро ли рухнетъ это государство? Прошло еще два поколѣнія, пока оно дѣйствительно рушилось. Далѣе мы увидимъ, какое наслѣдство оставилъ правнукъ Людовика XIV своему внуку.

*) При началѣ войны 1688 г. Вобанъ доказывалъ министру Лувуа, что Франція, вслѣдствіе своихъ «церковныхъ обращеній», обѣднѣла на 100,000 жителей и 60 мил. капитала, что торговля разстроилась, а иностранныя флоты обогатились 9,000-ми лучшихъ матросовъ Франціи, иностранныя войска—600-ми офицеровъ и 12,000-ми самыхъ способныхъ солдатъ. См. Clement.

Тотъ же свидѣтель рисуетъ самую мрачную картину обѣднѣнія. Почти десятая часть націи взялась за суму и, дѣйствительно, живетъ подаянiемъ; изъ девяти остальныхъ пять не въ состояніи подать имъ милостыни, изъ четырехъ послѣднихъ три въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, часто обременены процессами и долгами; остальныхъ же, къ которымъ онъ причисляетъ военные и гражданскіе чины, духовенство, дворянство, служащихъ, зажиточное купечество, состоятельныхъ горожанъ, не болѣе 100,000 семействъ. Вобанъ требуетъ реформъ въ финансахъ и хочетъ спасти бѣдный народъ изъ когтей цѣлой арміи откупщиковъ и ихъ помощниковъ съ ихъ всевозможными комми, отъ этихъ пиявицъ, которыхъ хватило бы для наполненія ими галеръ, но которые, надѣлавши тысячи мерзостей, разгуливаютъ по Парижу, какъ будто они спасли отечество. Вычислили, что 30 мил. дохода стоило государству 60 мил. расхода, а собственникамъ 80 мил. убытка.

Состояніе государства и общества. Абсолютизмъ, централизація, феодализмъ *).

Абсолютизмъ королевской власти во Франціи былъ не что иное, какъ постоянная узурпація. Онъ основывался лишь на фактическомъ преобладаніи этой власти, рядомъ съ которою существовали старыя корпораціи съ ихъ обычными правами и притязаніями. Такимъ образомъ, между издревле установленнымъ закономъ и практикой господствовалъ вѣчный разладъ. По закону монархія была ограничена, на дѣлѣ же нѣтъ; по закону парламенты имѣли право на законодательную власть, въ дѣйствительности же монархъ вовсе не заботился объ этомъ; по закону сословіямъ давалось участіе въ правленіи, на дѣлѣ ихъ заботливо отдаляли отъ него.

Такимъ образомъ, общественнаго права не существовало; не менѣе безотрадно и запутано было и положеніе частнаго права. Между судомъ парламентовъ и произволомъ монарха происходитъ вѣчный раздоръ. Съ другой стороны, смотря по мѣстностямъ, то древне-франкское и римское право, то областныя, обычныя права и королевскіе эдикты служатъ основою судебныхъ рѣшеній. При такомъ положеніи дѣлъ даже невѣроятное нагроможденіе судовъ для каждаго сословія и для каждаго рода преступленій, нагроможденіе, безъ всякаго высшаго, всеуравливающего единства, дѣйствительно, могло казаться какому-нибудь Ришелье, Кольберу, Тюрго сравнительно очень значительнымъ улучшеніемъ, которое могло быть проведено лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія **).

Администрація, напротивъ, все болѣе и болѣе сосредоточиваясь со временъ Кольбера, представляла довольно простую картину, но это была роковая простота. Главный министръ былъ и наблюдавшимъ за всѣмъ *contrôleur général*, и министромъ финансовъ, внутреннихъ и морскихъ дѣлъ, общественныхъ работъ и торговли. Онъ съ нѣсколькими другими министрами составлялъ королевскій совѣтъ (*conseil du roi*), гдѣ рѣшались всѣ важныя и мелкія дѣла, отъ главнѣйшихъ вопросовъ иностранной политики до самаго ничтожнаго недоразумѣнія сельскаго старосты. Во главѣ провинцій стояли губернаторы. На эти мѣста назначались обыкновенно лица изъ высшаго дворянства, даже изъ принцевъ крови. Блескомъ подобныхъ мѣстъ желали вознаградить дворянство за все, чего оно лишилось съ тѣхъ поръ, какъ покинуло родныя замки и промѣняло независимость самодержавныхъ бароновъ на блески двора. Эта роль льстила ихъ честолюбію: они

*) Зибель: *Geschichte der Revolutionszeit*. I Bd. Capit. I. Alexis de Tocqueville: *L'ancien régime et la révolution*.

**) Clément: *Gouvernement de Louis XIV*, p. 46.

были въ своихъ провинціяхъ точно вице-короли, пользовались даже нѣкоторою военною властью. Но управлять имъ было нечѣмъ. Управление лежало въ рукахъ интендантовъ. Интенданты почти никогда не назначались изъ дворянъ; обыкновенно это были мѣщане-канцеляристы, вышедшіе изъ ничтожества, благодаря своему усердію, своей ловкости и слѣпой покорности. Во главѣ каждой провинціи стоялъ интендантъ, распредѣлявшій и собиравшій подати, производившій рекрутскій наборъ, руководившій судопроизводствомъ, полиціей и управленіемъ, надзиравшій за общественными работами, и все это какъ фактическій и законный вице-король, передъ властью котораго важный губернаторъ казался чуть не ребенкомъ. На нихъ-то обрушилась всеобщая страшная ненависть народа. Дворяне видѣли въ нихъ піонеровъ королевской власти, постепенно подкапывавшейся подъ ихъ существованіе; въ глазахъ простолюдина это были видимые исполнители системы, лежавшей на немъ неизъяснимымъ гнетомъ. Поэтому въ 1789 г., когда начинала разнуздываться кровожадность массъ, ихъ возгласомъ было не «Долой губернаторовъ!» а «Смерть интендантамъ!» И первую ихъ жертвой былъ именно интендантъ.

Интенданты съ своими помощниками (*subdélégués*), столь же безусловно зависѣвшими отъ нихъ, какъ они сами отъ генераль-контролера, управляли провинціями французской монархіи. Механизмъ былъ въ высшей степени простъ, но уже по своему безграничному обилію правителей убійственъ для самыхъ скромныхъ зародышей гражданской самостоятельности и общинной свободы.

Токвиль сообщаетъ изъ интендантскихъ архивовъ чрезвычайно интересныя доказательства того, какъ, по этой системѣ, государство вмѣшивалось во все, какъ ни одна община не смѣла возстановить рухнувшую колокольню или починить обветшалый церковный домъ, дурную дорогу, сломанный мостъ, безъ соизволенія начальства, которое приходило года черезъ два; и какъ, съ другой стороны, чувство подобной зависимости держать въ пеленкахъ умъ народа, подрываетъ всякую мысль о самостоятельности и самоуправленіи и развиваетъ самыя дерзкія требованія отъ государственной власти и ея вмѣшательства. Земледѣльцы обвиняютъ въ неурожаяхъ правительство: что оно не заботится объ улучшеніи земледѣлія и скотоводства? Крестьянъ интендантъ вознагради за павшую штуку скота. за погорѣвшій домъ, укажи имъ выгодныя отрасли земледѣлія, понизь цѣны на сѣмена для посѣва. Богатыхъ собственниковъ снабди капиталами, чтобы еще больше расширить ихъ хозяйство. Купцамъ и фабрикантамъ дай привилегіи, чтобы защитить ихъ отъ непріятнаго соперничества. Въ числѣ просителей является даже дворянство. Правда, оно питаетъ невыразимое презрѣніе къ этимъ мѣщанскимъ канцеляристамъ и если проситъ о чемъ, то дѣлаетъ это не роняя своего сословнаго достоинства; тѣмъ не менѣе и ему приходится просить, когда захочется от-

срочки, либо сбавки съ двадцатины (*vingtième*), на назначеніе которой интендантъ имѣеть большое вліяніе, или когда его дѣла нуждаются въ государственной помощи.

Воѣ въ государствѣ привыкли считать правительство виновникомъ пасмурной и ясной погоды, счастія и несчастія: государство сдѣлалось какъ бы полными корма яслями для своихъ подданныхъ.

Это имѣло важное значеніе для революціи. Послѣ этого понятно, какимъ образомъ въ смутныя времена могла возникнуть страшная ненависть къ слабому, отнюдь не деспотическому правительству, именно потому, что оно было слабо: если оно считалось всемогущимъ, то оно и должно было все дѣлать, за все отвѣчать и за все нести наказаніе. Понятно далѣе, какъ потомъ терроризму не слишкомъ большаго труда стоило водрузить свое знамя тамъ, гдѣ деспотическая централизація старой монархіи такъ усердно подготовила для него почву.

И рядомъ съ этою централизаціей сохранялись остатки самаго замѣчательнаго феодализма. Французскій крестьянинъ вообще былъ гораздо свободнѣе всякаго другаго крестьянина XVIII столѣтія. Именно передъ нѣмецкимъ крестьяниномъ у него было много преимуществъ: онъ могъ, чего тому не дозволялось, свободно оставлять свой участокъ, покупать и продавать, торговать и работать, какъ ему было угодно. Французскій крестьянинъ уже не былъ крѣпостнымъ; онъ былъ даже земельнымъ собственникомъ, и число мелкихъ землевладѣльцевъ во Франціи было больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Старое предубѣжденіе, будто революція создала дробленіе поземельной собственности, опровергнуто теперь цифрами и фактами. Къ доказательствамъ, которыя приводитъ Артуръ Юнгъ послѣ трехлѣтнихъ изслѣдованій о состояніи сельскаго хозяйства во Франціи непосредственно передъ революціей, Токвиль присоединилъ еще другія свидѣтельства. Неккеръ жалуется на огромное количество мелкихъ земельныхъ участковъ; Тюрго находитъ въ высшей степени пагубнымъ существующій по селамъ обычай дѣлить наслѣдство на слишкомъ мелкіе клочки, а одинъ тайный интендантскій докладъ указываетъ на внушающія опасеніе распаденіе и дробленіе родовыхъ имѣній. Дѣйствительно, почти третья часть всей земли находилась въ распоряженіи мелкихъ собственниковъ, которымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не легко было жить, но слишкомъ легко было умереть съ голоду.

Отношенія крестьянъ къ духовнымъ и свѣтскимъ помѣщикамъ, владѣвшимъ остальными двумя третями земли, были совершенно своеобразны. Французское дворянство давно уже забыло о соединеніи съ преимуществами и обязанностей, которыя для нѣмецкаго дворянства состояли въ участіи въ судопроизводствѣ и управленіи селомъ. Между тѣмъ, какъ въ Германіи помѣщикъ несъ своего рода государственную службу за подати, оброкъ, барщину и пошлины, которыя онъ собиралъ, французскій феодалъ долженъ

былъ уступить государству всѣ привилегіи, налагавшія на него извѣстныя обязанности, и сохранилъ лишь тѣ, которыя со всѣхъ сторонъ обременяли трудъ крестьянина и подавляли налогами его собственность. Положимъ, что рыночные и ярмарочные сборы, исключительное право на охоту и голубятни, обремененіе земли ленными и поземельными налогами, натуральными и денежными повинностями, помѣщичья монополія на пекарни, мельницы и винодавленіе, гербовая пошлина—все это вовсе не было безпримѣрною своеобразиемъ французскаго феодализма. Но своеобразно было то, что гнетущимъ привилегіямъ этого рода не соотвѣтствовали никакія обязанности, благодаря которымъ въ другихъ странахъ не такъ сильно чувствовалась ихъ тяжесть. Такимъ образомъ, что въ другихъ мѣстахъ считалось неизбѣжнымъ зломъ, должно было возбуждать здѣсь невыразимую ненависть. Въ самомъ дѣлѣ, знатный сосѣдъ, который то своимъ правомъ охоты и мельничною привилегіей, то дорожною пошлиною и поземельнымъ налогомъ, наносилъ ущербъ доходу мелкаго крестьянина съ его тяжелой о труда, не дѣлалъ ничего за всѣ эти притязанія. Его даже не видали въ глаза; онъ представлялся въ лицѣ своихъ безжалостныхъ агентовъ какимъ-то мрачнымъ рокомъ, существующимъ лишь для того, чтобы мучить и доводить до отчаянія бѣдняка *). Если дворянство, проматывавшее въ Версаль полученные изъ третьихъ рукъ доходы съ своихъ имѣній, страдало вѣчнымъ безденежемъ, то положеніе крестьянина, которому при всемъ его трудѣ некогда было перевести духъ, было совершенно невыносимо: очень понятно, что онъ въ отчаяніи опускалъ, наконецъ, руки и съ злорадствомъ потиралъ ихъ при ударѣ грозы или скотскомъ падежѣ, потому что тутъ терялъ и помѣщикъ. Такимъ образомъ, во Франціи не было здороваго помѣщичьяго сословія, а слѣдовательно и здороваго крестьянства. Это неестественное отношеніе было одною изъ главнѣйшихъ причинъ революціи. Только въ Вандеѣ было иначе. Тамъ не было и тѣни той страшной ненависти къ привилегированнымъ (*privilégiés*), которая повсюду проявлялась такъ ужасно. Тамъ, напротивъ, крестьянинъ съ львинымъ мужествомъ дрался за помѣщика, потому что послѣдній всегда былъ истиннымъ патриархомъ, сострадательнымъ, заботливымъ правителемъ своихъ владѣній и вполне устранился отъ распутства придворныхъ дворянъ.

Единственно въ этихъ условіяхъ слѣдуетъ искать и причину, почему церковь раздѣлила съ дворянствомъ національную ненависть. Ошибочно предполагать въ массѣ французскаго народа враждебное церкви настроеніе. Вольтеръ съ своими послѣдователями могъ оторвать отъ старой вѣры выс-

*) Кромѣ относящихся сюда отрывковъ изъ Токвиля, ср. болѣе ранній трудъ этого же писателя: *Etat social et politique de la France avant et depuis 1789*; въ *Oeuvres complètes*, v. VIII, 1—54. О.

шіе и средніе классы общества, но милліоны крестьянъ, не умѣвшихъ читать и писать, знали о немъ или очень мало, или совсѣмъ ничего. И когда революція вздумала ввести свой новый церковный порядокъ, въ большей части Франціи они схватились за оружіе: вспыхнула страшная междуусобная война въ защиту стараго порядка, и съ наступленіемъ перваго консульства ничто почти не было принято съ такою радостью, какъ возстановленіе мира и законной свободы церкви. Слѣдовательно, ненавистно въ церкви было только то, въ чемъ она сходилась съ феодализмомъ, именно гнетъ экономическихъ привилегій, за которыя она съ своей стороны ничѣмъ не платила, а затѣмъ фанатическая страсть преслѣдованія, разнузданная Людовикомъ XIV, противъ которой возсталъ гуманизмъ вѣка. Тѣ же сословія, которыя съ восторгомъ привѣтствовали уничтоженіе десятинъ, объявленіе религіозной свободы, дошли до страшнаго раздраженія, когда началось насильственное вторженіе во внутренній строй церкви.

Французская свѣтская и духовная аристократія обратилась въ окостенѣлую касту, лишенную всѣхъ естественныхъ условій жизни, потому что она жила не въ народѣ и не съ народомъ, а на счетъ народа. Какой ничтожный, недостойный духъ долженъ былъ развиваться въ подобной корпорациі, объ этомъ свидѣтельствуетъ классическая просьба, поданная французскими перами въ регентство Филиппа Орлеанскаго, въ 1717 г., когда Монтескье уже выступилъ на литературномъ поприщѣ. Въ этой просьбѣ высокія особы, горько жалуясь на нарушеніе своихъ привилегій, настаиваютъ на слѣдующихъ требованіяхъ. Причащаться имъ не иначе, какъ у епископовъ. Въ церкви имъ однимъ имѣть право стлать коврики и занимать первыя мѣста. Въ монастыряхъ полчаса не начинать безъ нихъ обѣдни. На пирахъ провозглашать ихъ тосты передъ тостами хозяина и хозяйки. Въ театрѣ и на улицахъ во время ѣзды уступать имъ первое мѣсто, «несмотря на всѣ неудобства, которыя могутъ отсюда произойти» (*nonobstant tous les embarras qui en pourraient arriver*). Перамъ не драться съ простыми дворянами, «даже еслибы имъ были нанесены палочные удары» (*même s'ils avaient reçu des coups de bâton*); ремесленникамъ же не смѣть жаловаться за долги, а только напоминать, и то «изрѣдка» (*mais rarement*), и т. д.

Кастическимъ стѣсненіямъ сельскаго населенія соотвѣтствовала и тяжесть гнета цеховъ въ городахъ. Право на трудъ точно также зависѣло здѣсь отъ случайности рожденія, какъ тамъ право облагать пошлиной чужую работу. Цеховой ремесленникъ передавалъ по наслѣдству свое занятіе сыну или зятю. Самому трудолюбивому, искусному работнику невозможно было проникнуть въ священный сонмъ *maîtrises* и *jurandes* *),

*) Такъ назывались во Франціи промышленныя корпорациі, возникшія первоначально съ благою цѣлью—организовать и развивать рабочія силы въ каждой

если за нимъ не было ничего, кромѣ доказательствъ его способностей. Въ Парижѣ насчитывалось 80,000 нецеховыхъ ремесленниковъ, которые тайкомъ занимались своимъ ремесломъ. Они обитали въ предмѣстьяхъ St. Marceau и St. Antoine и послужили въ послѣдствіи самымъ опаснымъ орудіемъ революціи, потому что бились за свою жизнь. Безсмысленное размноженіе цеховъ и связанныхъ съ ними привилегій составляло точно также источникъ дохода для вѣчно нуждающагося въ деньгахъ правительства, какъ и чудовищное злоупотребленіе временъ Лудовика XIV, состоявшее въ томъ, что всякій разъ, когда государство не могло добыть денегъ инымъ путемъ, городамъ продавали за дорогую цѣну право выбора чиновниковъ, потомъ отнимали его и снова продавали.

Этотъ ложный, нездоровый аристократизмъ во всѣхъ кругахъ общества составлялъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ горючихъ матеріаловъ революціи.

Ко всему этому присоединилось исключительное положеніе столицы относительно провинцій. Во время революціи городъ Парижъ господствовалъ надъ французскою монархіею не потому, чтобъ онъ былъ несоразмѣрно населенъ,—въ эпоху религіозныхъ войнъ и фронды онъ уже былъ самымъ многолюднымъ городомъ Франціи и все-таки не имѣлъ рѣшающаго голоса,—но потому, что со временъ Ришелье туда все болѣе и болѣе направлялось все теченіе французской жизни. Тамъ, какъ въ блестящемъ средоточіи, соединились промышленныя и учебныя учрежденія, торговля и ремесла, наука и искусства. И вскорѣ во Франціи, внѣ Парижа, не было ни блеска, ни отличія, ни мѣста для таланта, ни поприща для честолюбія.

Парижъ притянулъ къ себѣ изъ провинцій все, что выдавалось въ умственной и политической жизни; и тѣ стояли подлѣ столицы, не только лишеныя блеска и самостоятельности, но даже рабски подчиненныя ей. При первыхъ ударахъ волнъ революціи, Артуръ Юнгъ находитъ въ Парижѣ цѣлый потокъ газетъ и памфлетовъ, число которыхъ доходило до 92 въ недѣлю. Въ провинціяхъ же все пусто и тихо. Брошюръ встрѣчаетъ онъ здѣсь немного, газетъ не находитъ вовсе. Собранія существовали здѣсь лишь для того, чтобы распространять между людьми извѣстія изъ Парижа и сообщать, что тамъ думаютъ и дѣлаютъ и что поэтому должно думать и дѣлать въ провинціи.

отрасли промышленности. Онѣ начали измѣнять этой цѣли въ XVI в., когда процессъ развитія монополій сталъ замѣтно проявляться во всемъ строѣ государства. Съ этихъ поръ, благодаря ложному взгляду правительства (особенно Лудовика XIV) на источники финансовыхъ доходовъ, всѣ отрасли промышленности постепенно потеряли свою свободу. Всѣ ремесленники стали какъ бы крѣпостными этихъ привилегированныхъ корпорацій, особенно послѣ эдикта 1673 г., заставившаго приписаться къ нимъ послѣднихъ ремесленниковъ, еще сохранявшихъ за собою тѣнь независимости. *Ред.*

Это умерщвление всякаго общественнаго духа въ провинціяхъ, это поглощеніе столицей всей умственной дѣятельности, это прозябаніе безъ вождей въ провинціяхъ—главная причина, почему Франція не можетъ достигъ политической свободы, несмотря на свои революціи. Какое имя ни давай государственному устройству, свойства правительства остаются все тѣ же, и вредный перевѣсъ столицы не уменьшается. Революція 1789 г. приняла бы другое направленіе, еслибы не гнетъ инициативы Парижа, которой не было никакого твердаго противодѣйствія извнѣ. Никогда якобинцы не стали бы у кормила правленія, еслибы провинціальный духъ былъ сильнѣе.

Оттого-то такое роковое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что именно городъ, рѣшавшій участь Франціи, мало-по-малу сталъ не только мѣстопробываніемъ политической власти, искусствъ и наукъ, но также самымъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ страны, въ которомъ возросъ рабочій пролетаріатъ, это готовое страшное оружіе на случай потрясеній. Этотъ парижскій пролетаріатъ выставилъ подвижныя революціонныя колонны, и вскорѣ оказалось, что тотъ, кто умѣлъ управлять ими, повелѣвалъ Парижемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлою Франціей.

ГЛАВА II.

Исключительное положеніе французской литературы относительно двора, государства и общества.

Литература извѣстнаго періода никогда не бываетъ причиной революціи. По большей мѣрѣ ее можно считать признакомъ всего существующаго порядка, отраженіемъ того настроенія, при которомъ происходятъ подобныя событія. Съ этой стороны весьма поучительно постоянно наблюдать за нею, но не слѣдуетъ, какъ это часто случается, въ такой степени преувеличивать ея участіе въ самомъ ходѣ дѣлъ. Это должно сказать даже относительно той литературы, которая предшествовала революціи во Франціи. Конечно, никогда еще не было болѣе неизмѣримой и неизгладимой разницы между міромъ, существовавшимъ въ дѣйствительности, и тѣмъ, который овладѣлъ настроеніемъ умовъ, чѣмъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Какъ будто переносишься въ другую часть свѣта, когда переходишь отъ дѣйствительнаго порядка вещей къ идеальному. Тамъ непостижимыя злоупотребленія и извращенность старыхъ временъ, здѣсь набросанная въ смѣлыхъ очеркахъ картина сповидѣній о какомъ-то новомъ мірѣ, о которомъ было извѣстно лишь то, что онъ ни одною чертой не походитъ на существующій.

Есть степень отчаянія, когда умы, уставшіе бесплодно чернить то ту, то другую частность существующаго порядка, безнадежно отказываются отъ всего этого порядка, возводятъ рядомъ съ разрушающимся совершенно новое, свое собственное, идеальное зданіе, не заботясь о томъ, исполнимо оно, или нѣтъ.

На этой степени стояла французская литература, предшествовавшая революціи.

Отношеніе этой литературы къ міру и къ жизни было совершенно своеобразно: въ этомъ случаѣ Францію нельзя сравнивать ни съ Германіей, ни съ Англіей.

Въ Германіи литература шла своею собственной самостоятельной дорогой, если и не уважаемая, то и не совращаемая съ своѣго пути сильными міра: она шла рука объ руку съ великими переворотами нашей національной жизни. Фридрихъ Великій, сломившій въ Германіи политическое преобладаніе Французовъ, хотя самъ говорилъ и думалъ, писалъ и поэтизировалъ пофранцузски, находился однако на томъ же пути, на которомъ велась борьба съ Французами за умственную свободу, съ Лессингомъ во главѣ. Поэтому въ сущности настроеніе умовъ никогда не расходилось у насъ съ порядкомъ вещей, хотя герои нашей литературы очень мало понимали національное чувство и вовсе не принимали участія въ политикѣ. Англійская литература не могла сравниться по блеску и знаніямъ съ нѣмецкой, но ея представители стояли близко къ общественной жизни и имѣли на нее сильное вліяніе, неизвѣстное въ Германіи. Они руководили печатью, давали направленіе общественному мнѣнію; изъ этой среды выходили и министры, и высшіе сановники, дѣло неслыханное въ другихъ мѣстахъ, здѣсь же совершенно естественное, ибо оно было плодомъ государственнаго развитія. Поэтому эта литература была свободна отъ мечтательности, фантастичности и строго направлена на вопросы дѣйствительной жизни.

Во Франціи литература представляла совершенно своеобразную противоположность этимъ двумъ родамъ развитія: французскій литературный міръ стоялъ вполнѣ внѣ политическаго порядка и тѣмъ не менѣе управлялъ гражданскимъ обществомъ.

Французскіе писатели не имѣли никакой непосредственной связи ни съ одной изъ сторонъ общественной жизни и все-таки пользовались неизмѣримымъ вліяніемъ на столицу, на ея салоны и на всѣ ея руководящія кружки, дававшіе тонъ всей Франціи *). Мысль поставить какого-нибудь Вольтера или Руссо во главѣ правленія показалась бы здѣсь безразсудствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находили весьма естественнымъ, чтобы весь

*) Объ этомъ см. Chapitres inédits къ сочиненію Токвиля: *L'ancien régime et la révolution* (Oeuvres complètes, vol. VIII, p. 37—148). О.

тонъ и вкусы столицы и даже двора подлаживались къ Вольтеру. Монтескье подвизался нѣкоторое время на государственной службѣ, но потомъ навсегда оставилъ ее. Вольтеръ и Руссо были просто писателями и не принимали никакого участія въ общественной жизни. Это былъ для нихъ гнилой, отжившій организмъ, невыразимо ничтожный и недостойный въ сравненіи съ отвлеченнымъ міромъ, воздвигнутымъ ими на основаніи собственныхъ принциповъ. Если у Монтескье, ближе всѣхъ стоявшаго къ практикѣ, былъ свой англійскій конституціонализмъ, то у Вольтера была своя деистическая религія человѣческихъ правъ въ государствѣ и въ церкви, а у Руссо своя социальная республика. Всѣ трое видѣли въ современномъ государствѣ враждебную ихъ идеалу силу. Они издѣвались надъ нимъ, злились на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли неизмѣримое вліяніе на общество, жившее въ этомъ государствѣ. Старое дворянство тѣшилось кощунствомъ Вольтера; проглатывало ѣдкия сатиры Монтескье въ его Персидскихъ письмахъ; любовались даже Руссо, какъ интереснымъ явленіемъ сына природы въ его первоначальной дикости. И, тѣмъ не менѣе, все это составляло лишь десертъ образованія, считалось заплатами пустоты, лакомствомъ для любителей, отъ котораго не ожидали важныхъ послѣдствій. Никто и не предчувствовалъ, что когда-нибудь народъ пойдетъ не за перами, а за этими писателями, что настанетъ время, когда выйдетъ что-либо серьезное изъ этихъ отважныхъ воззрѣній, которыя казались теперь такими невинными, какъ забавныя странности, прелестныя игрушки. Поэтому въ высшемъ обществѣ трудно было найти кружокъ, который не подвергся бы этому вліянію. Возникло буквально соперничество въ покровительствѣ литературѣ и остроумію; и то, что по большей части считалось въ высшихъ кругахъ лишь неизбѣжнымъ зломъ, стало общественною силой.

Этою замѣчательною двойственностью объясняется многое въ жизни этихъ людей. Передъ Вольтеромъ, напримѣръ, часто останавливаешься въ недоумѣніи, замѣчая въ немъ то гордость и сознаніе собственного достоинства, то пресмыкающееся подобострастіе, то проявленіе титаническаго высокомерія, то доказательство страшнаго раболѣпства. Это зависѣло отъ противорѣчія въ общественномъ положеніи этихъ людей: это были отчасти полубоги салоновъ, отчасти литературные пролетаріи гражданскаго общества. Ихъ личное положеніе было неестественно, и это отражалось на ихъ дѣятельности. Своему истинному назначенію они не соответствовали, а все-таки ихъ вліяніе на образованный міръ было слишкомъ велико *).

*) Для слѣдующаго ср. Arnd: Geschichte der franz. Nationalliteratur I, II; Hettner: Literaturgeschichte des 18 Jahrh. I, II; Hatin: Histoire pol. et littéraire de la presse en France, 1860, I—IV; Mémoires du cardinal Pacca, Paris, 1860, vol. 1—3. 0.

Вольтеръ (1694—1778).

Вольтеръ возросъ въ эпоху, когда Лудовикъ XIV и его могущество склонялись къ закату и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовлялся переворотъ въ литературѣ. Мольеръ, Корнель, Расинъ уже сошли въ мѣгилу, Буало прожилъ лишь немного лѣтъ, свѣтила королевской литературы XVII столѣтія частью вымерли, частью замолкли и оставались одинокими. Подобно тому, какъ государство и церковь были охвачены предчувствіемъ внутренняго разложенія, и умственная жизнь сбросила съ себя натянутую строгость академическаго направленія XVII вѣка. Литература становилась все болѣе и болѣе распушенною, начала свертать съ себя иго формы; а по содержанію составляла оппозицію, хотя и выражавшуюся пока лишь въ тайныхъ ударахъ существующему порядку. Ко всему остальному, что предвѣщало паденіе Лудовика XIV, присоединилось и начало тихаго литературнаго возстанія. По рукамъ начали ходить летучіе листки съ рукописными сатирическими стихотвореніями, которыя тайкомъ поглощались съ жадностью и, вмѣсто дешевыхъ остротъ насчетъ старика Буало, любимымъ предметомъ литературы стали ѣдки нападки на особу монарха и на его систему. Эти кружки возставали въ то же время и противъ официальнаго ханжества при дворѣ Лудовика. Но, подобно тому, какъ основою этого ханжества вовсе не было истинно религіозное чувство, такъ и не нравственное негодованіе противъ лицемѣрія приводило въ бѣшенство враговъ безнравственности съ потупленными глазами. Въ этихъ салонахъ безбожіе царствовало вмѣстѣ съ развратомъ. Здѣсь выставляли напоказъ свое невѣріе, насмѣхались надъ напускною религіозностью двора и при этомъ нисколько не скрывали, что въ дѣлахъ нравственности были такихъ же легкихъ убѣжденій, какъ и Лудовикъ съ своимъ дворомъ. Одинъ Французъ выражается объ этомъ въ непереводимыхъ словахъ: «*Ils faisaient la débauche avec délicatesse, ils frondaient avec gaîté et proféraient le blasphème avec grâce*».

Въ этихъ-то кругахъ узналъ Вольтеръ впервые жизнь и свой талантъ.

Вольтеръ родился въ Парижѣ 20 ноября 1694 года *). Первые книги, которыя, обучая его чтенію, далъ ему крестный отецъ, аббатъ Шатонёфъ, заключали въ себѣ безнравственные и противурелигіозныя стихотворенія. Еще воспитываясь у іезуитовъ въ collège Louis le Grand, отличался онъ своими плутнями, но также и своимъ замѣчательнымъ умомъ. «Вы будете знаменемъ деизма во Франціи», уже тогда говорилъ ему патеръ Лесе. Ниновъ де-л'Анкло удостоила даровитаго юношу своей благосклонности

*) Это доказывается недавно открытымъ свидѣтельствомъ о крещеніи Вольтера. См. Hettner, II, 134. O.

и завѣщала ему 2000 франковъ. Онъ долженъ былъ изучать законы, но оставилъ вскорѣ сухое правовѣдѣніе и весь отдался поэзіи. Крестный отецъ ввелъ его въ вѣтренные кружки принцевъ и знатнаго духовенства, и здѣсь красовался онъ рядомъ съ какимъ-нибудь принцемъ Конти, герцогомъ Вандомомъ, герцогомъ де Сюлли, аббатомъ Шолье, Сервиеномъ и др. Здѣсь усвоилъ онъ безграничное *savoir vivre* и *savoir faire*, ту утонченность въ обращеніи съ знатными, которая осталась у него на всю жизнь. Здѣсь же впервые былъ признанъ и одобренъ его юный талантъ.

Уже 15-лѣтнимъ мальчикомъ изумлялъ онъ всѣхъ разнообразіемъ и легкостью своего стиха, непринужденностью разговорной формы, поразительною способностью, не переводя духа, все переваривать въ своемъ умѣ. При этомъ все, что онъ ни создавалъ, было свѣжо, юношески-самобытно, безъ оттѣнка вялости одряхлѣвшей столицы.

Не изъ этой школы можно было вынести мысль серьезно взяться за преобразование правовъ; но она могла сообщить извѣстнаго рода виртуозность, которою именно отличался Вольтеръ. Неуловимая грація легкаго стихотворенія и легкой пѣсни (*poésies fugitives*), кипучій юморъ, крайняя прелесть языка, смѣлый полетъ остроумія (*esprit*) и къ тому же извѣстный здравый смыслъ, трезвый взглядъ на вещи, практическое умѣнье схватывать дѣйствительность, французскій *bon sens*, не легко дающійся въ обманъ, способный оставаться безчувственнымъ и разсудочнымъ даже при изліяніи чувствъ и рѣдко увлекающійся внезапнымъ впечатлѣніемъ, — всѣмъ этимъ никто не обладалъ въ такой степени, какъ Вольтеръ. Къ этому присоединилось особаго рода образованіе и жизнь. Судьба кидала этого человѣка въ самыя разнообразныя отношенія. Онъ чрезвычайно много пережилъ, видѣлъ и перечиталъ. Наконецъ, въ немъ проявился, дѣйствительно, несомнѣнный и самый разнообразный талантъ. Правда, это была лишь блестящая многосторонность производительнаго таланта, а не творческій умъ, предначертывающій пути цѣлому вѣку; но зато она имѣла самое громадное вліяніе на всѣхъ поприщахъ литературной дѣятельности. Это былъ человѣкъ, который, самъ не производя ничего новаго, самобытнаго, вездѣ былъ, какъ дома, и съ удивительною подвижностью ума дѣлалъ попытки то тамъ, то сямъ. Онъ не вездѣ оказывался мастеромъ дѣла; но зато вездѣ давалъ тонъ, который не такъ-то скоро исчезъ.

Ни одно имя въ литературѣ XVIII столѣтія не очернено больше, чѣмъ его. Даже тамъ, гдѣ нельзя было напасть на него лично, старались по крайней мѣрѣ взвалить на него отвѣтственность за послѣдующее. И однако слава всѣхъ поэтовъ всѣхъ временъ не можетъ сравниться съ тѣмъ проливнымъ дождемъ тріумфовъ и похвалъ, который разразился надъ Вольтеромъ. Большая часть Европы читала въ немъ пророка новаго ученія свободы и человѣческаго достоинства. По этимъ же побужденіямъ юная революція первыхъ дней поставила его изображеніе въ своемъ Пантеонѣ.

Но, при всемъ томъ, нѣтъ большаго противорѣчія, чѣмъ между его характеромъ и литературнымъ поведеніемъ. Тотъ же самый человѣкъ, который до послѣднихъ дней своей жизни готовъ былъ помогать несчастнымъ и съ личною опасностью защищать гонимыхъ, выбивался изъ силъ, чтобы быть допущеннымъ къ рукѣ какой-нибудь Помпадуръ. Рядомъ съ чертами мужественной доблести уживаются въ немъ свойства мелкой и низкой душонки. То благородный и рыцарственный, то коварный и злой; то доступный всему великому, то осыпающій враждебною насмѣшкой все божественное въ человѣкѣ; то боецъ за свободу, то холопъ и льстецъ, какъ самый гнусный придворный поэтъ Версаля; то нравственно чистый, то валяющійся въ грязи пошлости; то пылающій дружбой и всѣми благородными качествами, то рабъ ненависти, зависти, неблагодарности, кощунства, религіознаго шпіонства и всѣхъ пороковъ мелкой души; то смѣло бросающій перчатку цѣлому столѣтію, то трусливо скрывающійся за всякою низостью, — такимъ является намъ Вольтеръ въ своей жизни: точь-въ-точь общество, которое воспитало и образовало, взлелѣяло и выдвинуло его. Это вѣрный снимокъ съ того времени, когда возвышенный полетъ мыслей былъ окруженъ нравственною грязью регентства.

Передъ смертью Лудовика XIV Вольтеръ попалъ въ Бастилію: ему приписали одну ѣдкую эпиграму. Здѣсь онъ набросалъ свою Генріаду и докончилъ Эдипа. Послѣднее произведеніе было съ большимъ успѣхомъ поставлено на сценѣ въ 1718 году. Вольтеру хотѣлось сдѣлаться Расиномъ своего вѣка. Въ Эдипѣ ему не удалось не только превзойти Расина, но даже сравняться съ нимъ въ его главныхъ достоинствахъ. Тѣмъ не менѣе, по впечатлѣнію и успѣху, это произведеніе можно поставить на ряду съ произведеніями Расина. Не только все общество рукоплескало ему, но и въ литературномъ мірѣ оно было признано не менѣе образцовымъ, чѣмъ лучшіе труды Расина. Причиной этого былъ счастливый замыселъ Вольтера въ этой, такъ называемой, трагедіи впервые вывести на сцену подъ чужими именами умственную жизнь своего времени. Выспренній, почти испанскій этикетъ языка, наслѣдованный еще отъ Корнея, былъ покинутъ. Тутъ господствовалъ легкій, непринужденный образъ мыслей и дѣйствій; герои были все чисто современныя личности, въ которыхъ можно было найти множество намековъ на окружающее. То восхвалялась свобода или религіозная терпимость, то порицался духовный или свѣтскій деспотизмъ. Котурнъ Расина стоялъ слишкомъ высоко надъ жизнью; въ его величественныхъ, плавно катящихся стихахъ не было замѣтно ни малѣйшаго отношенія къ ней. Здѣсь совсѣмъ не то: здѣсь изобиліе мѣткихъ выраженій, рѣзкихъ и ясныхъ указаній на современность. Здѣсь многіе могли узнать самихъ себя, и всего меньше были пощажены здѣсь сильные міра сего. Все это не придавало произведенію поэтическаго достоинства, но сдѣлало его значительнымъ явленіемъ.

Между другими знатными салонами, посѣщалъ Вольтеръ и салонъ герцога

де-Сюлли. Здѣсь, какъ и вездѣ, литература принадлежала къ домашнимъ аристократическимъ потребностямъ. Вольтера, ея даровитаго представителя, терпѣли, радушно принимали и, какъ ему казалось, имъ восхищались. Однажды за столомъ столкнулся онъ съ нѣкимъ рыцаремъ (chevalier) де-Роганомъ, младшимъ сыномъ какого-то младшаго брата какого-то Рогана.*). Крайне недоступный всему, что называется образованіемъ, этотъ Роганъ высказалъ о чемъ-то свое мнѣніе, и сръзлся. Вольтеръ воспользовался этимъ для нѣсколькихъ мѣткихъ нападокъ. Рогану пришлось это не по вкусу; но требовать рыцарскаго удовлетворенія было слишкомъ недостойно «рыцаря». Роганъ приказалъ четыремъ лакеямъ подстеречь и высѣчь Вольтера на дворѣ у Сюлли. Вольтеръ поступилъ, какъ поступилъ бы въ такомъ случаѣ всякій молодой человѣкъ: онъ обратился къ своему покровителю, герцогу де-Сюлли. Но тотъ нашелъ поведеніе Рогана какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Тогда Вольтеръ отказался отъ этого знакомства, научился фехтовать и послалъ Рогану вызовъ. Тотъ принялъ его, но въ ночь передъ дуэлью Вольтеръ былъ арестованъ и во второй разъ посаженъ въ Бастилію уже на шесть мѣсяцевъ, а по истеченіи ареста изгнанъ изъ Франціи. Эта исторія достойна цѣлой книги. Такъ вотъ въ какомъ положеніи находилась тогда литература относительно знати! Безъ нея нельзя было обойтись, ее привлекали къ себѣ, ухаживали за ея представителями, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при случаѣ давали имъ чувствовать свое грубѣйшее презрѣніе, отталкивали ихъ отъ себя ногой.

Выпущенный изъ-подъ ареста, Вольтеръ отправился въ Англію, чуждый, незнакомый міръ для Французовъ того времени. По сую сторону канала до сихъ поръ еще не могли побѣдить враждебныхъ впечатлѣній, которыя сохранились отъ эпохи Жанны д'Аркъ. Теперь было важно, что самый свѣжій, живой изъ умовъ Франціи нашелъ себѣ убѣжище въ Англіи и проложилъ путь къ той англomanіи, которую Монтескье привелъ въ послѣдствіи съ такимъ громаднымъ успѣхомъ въ цѣлую систему.

Съ цѣлю-ли, или только слѣдуя доброму обычаю истинной аристократіи, но Вольтеру оказали блестящій приѣмъ. Ему высказывали свое негодование за постигшую его несправедливость, его лелѣяли, носили на рукахъ. Французы всегда нѣсколько чувствительнѣе къ этому, чѣмъ всѣ остальные смертные, а Вольтеръ еще болѣе, чѣмъ остальные Французы: онъ сталъ англomanомъ. Величіе британскаго конституціонализма повергло его въ изумленіе. Какъ истинно французскій литераторъ, онъ до сихъ поръ держался вдали отъ всякой государственной жизни: здѣсь же новое впечатлѣніе сильно подѣйствовало на него. Сюда присоединилось могущественное умственное дви-

*) Съ роскошнымъ экземпляромъ этой высокоблагородной фамиліи мы познакомимся въ позорной исторіи ожерелья.

женіе, именно тогда развившееся въ Англіи: это — богатая философская литература со временъ Локка и полетъ естествовѣдѣнія съ Ньютона. Въ политикѣ, въ философій, въ естественныхъ наукахъ Вольтеръ нашелъ школу, какую тогда можно было найти только въ Англіи. Все, доступное ему, усвоилъ онъ съ тою изумительною воспріимчивостію, которою всегда отличался, и теперь представилъ своимъ соотечественникамъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій богатый запасъ воззрѣній и знаній, собранныхъ имъ въ Англіи. Первымъ литературнымъ плодомъ его трехлѣтняго (1726—1729 г.) пребыванія въ Англіи была вновь передѣланная Генріада, насквозь проникнутая благоговѣніемъ къ величію свободной Англіи и не пренебрегшая даже поэтическимъ изложеніемъ Ньютоновой физики. Генріада была трудомъ, законченнымъ лишь теперь, но начало котораго уходило въ первые годы его юности. И объ этомъ произведеніи нельзя судить съ художественной точки зрѣнія. Его должно разсматривать по отношенію къ современнымъ идеямъ, и въ этомъ смыслѣ оно имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно было ожидать отъ него, какъ отъ созданія искусства. Въ немъ есть мѣста, изумительныя по законченности формы; но это вовсе не эпосъ. Въ немъ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда эпохи Генриха IV и духа его вѣка. И какъ могъ Вольтеръ представить героя вѣры, человѣка реформачіи XVI столѣтія? Нигдѣ болѣе, чѣмъ здѣсь, не пренебрежены наивность и непосредственная пластика истинно эпическихъ образовъ. «Несмотря на все толки объ оружіи и войнѣ, говоритъ одинъ французскій критикъ, въ цѣлыхъ 10 пѣсняхъ не найдется сѣна и овса даже для одной лошади». Но, тѣмъ не менѣе, эта поэма имѣетъ необыкновенное значеніе отъ первой страницы до послѣдней.

Это нравоучительная поэма о терпимости, острая, злая полемика противъ всякаго рода церковнаго насилія и преслѣдованія. Здѣсь на примѣрѣ религіозныхъ войнъ и Варооломеевской ночи показывается, куда долженъ придти народъ по этому пути: съ самаго начала и до конца бездна намековъ на современность, благодаря которымъ объективный характеръ эпоса долженъ былъ совершенно исчезнуть, но которые, однако, производили чарующее дѣйствіе на читателя. Такъ въ I-й же пѣснѣ огромное впечатлѣніе производило то мѣсто, гдѣ Генрихъ въ крайности обращаетъ свои взоры на Англію, надѣясь получить оттуда утѣшеніе и помощь, и такимъ восклицаніемъ заключаетъ мечтательное описаніе величія островной державы: «Когда же Французы будутъ счастливы, какъ вы? Когда же они сочетаютъ славу съ миромъ» (I, ст. 328)?

Когда Вольтеръ возвратился во Францію, онъ былъ уже не тотъ, и нація смотрѣла на него, какъ на другаго. Возвеличенный за границей всеобщимъ почетомъ, онъ теперь признавался дома вдвойнѣ необыкновеннымъ человѣкомъ. Вольтеръ созрѣлъ окончательно. до своего пребыванія въ Англіи онъ лишь кропалъ стишки; теперь же принесъ съ собою цѣлое міро-

воззрѣніе съ новымъ, богатымъ содержаніемъ. Его взглядъ въ политикѣ, философіи, естествовѣдѣніи расширился, и это опредѣлило всю его жизнь и дѣятельность. Если онъ и теперь при случаѣ возвращался къ формамъ своего стараго поэтизированія, если порой все еще являлся съ тенденціозною трагедіей, то періодъ собственно поэтизированія въ прежнемъ родѣ уже почти прошелъ. Вольтеръ выступаетъ теперь на болѣе трудныхъ поприщахъ литературы, работаетъ надъ исторіей и естественными науками, но и то какъ апостоль религіозной и гражданской свободы, который обладалъ уже опредѣленными представленіями о своемъ идеалѣ и сознательною увѣренностью въ своемъ призваніи. Впослѣдствіи бывали случаи, когда, отступивъ отъ своихъ задушевныхъ убѣжденій, онъ могъ бы легко достигнуть давно желанной цѣли; но онъ остался на своей дорогѣ, пока мало-по-малу его вліяніе не достигло той степени, когда все, что еще незадолго питало къ нему ненависть, увѣнчивало его лаврами.

Содержаніемъ и цѣлью всей его многолѣтней дѣятельности служила борьба съ авторитетомъ, который въ церкви старался удержать стѣсненіе совѣсти, въ государствѣ рабство массъ, въ литературѣ исключительность завѣщаннаго безвкусія. Эта борьба потребовала самаго разнообразнаго оружія, подступала съ тысячи сторонъ. Тенденціозные трагедіи, эпопея, романъ, легкій, увлекательный рассказъ, веселая сатира, злой пасквиль, философское отвлеченіе, историческое обсужденіе и методъ естественныхъ наукъ — все это било въ одну и ту же точку, все это усиливалось при каждомъ приступѣ сдѣлать новую брешь въ окнахъ стараго авторитета. Никогда еще полемика не принимала такого разнообразнаго вида, и однако, несмотря на постоянную перемѣну оружія и военной системы, въ цѣломъ это была единая, великая битва, начатая и веденная съ обдуманною тактикой. Значеніе этой дѣятельности очевидно. Какъ бы ни мало проистекло отсюда положительныхъ результатовъ, умственный переворотъ былъ фактомъ, и старому догматизму нанесены были раны, которыхъ уже нельзя было залечить. Тутъ участіе Вольтера было особенно велико потому, что никто не могъ ловчѣе дѣлать выборъ среди безчисленныхъ слабостей стараго порядка, никто не умѣлъ нападать на нихъ болѣе неутомимо и упорно. Большинство людей не знаетъ, сколько оно восприняло отъ Вольтера и, къ величайшему своему удивленію, замѣчаетъ лишь при чтеніи его сочиненій, сколько сотенъ его мыслей и воззрѣній сдѣлались общимъ сокровищемъ образованія и выросли вмѣстѣ съ нами, какъ достояніе общаго воспитанія.

Его многосторонность въ употребленіи родовъ литературы безпримѣрна. Все, даже самое незначительное, что выходило изъ-подъ его пера, встрѣчало одобреніе, и удивителенъ тотъ успѣхъ, который имѣла его дѣятельность на трудныхъ поприщахъ, требующихъ серьезной подготовки. Зато Вольтеръ и представляетъ пролагающее путь явленіе въ области историческаго смысла и исторической критики.

Правда, его историческія свѣдѣнія поразительно тощи, и можно смѣло побиться объ закладъ, что въ его книгѣ о Карлѣ XII или Петрѣ Великомъ легко указать на каждой страницѣ по крайней мѣрѣ по одной ошибкѣ или лжи. Но, тѣмъ не менѣе, его заслуга въ развитіи историческаго искусства и всемірно-исторической точки зрѣнія, а также въ широкомъ пробужденіи участія къ предмету исторіи значительнѣе, чѣмъ заслуги множества серьезныхъ, достойныхъ ученыхъ, безсмертіе которыхъ погребено въ пыли книгъ.

Когда Вольтеръ началъ по своему обрабатывать исторію, она была не тѣмъ, чѣмъ должна быть и чѣмъ представляется въ настоящее время. Это былъ не матеріалъ для поучительнаго размышленія всему образованному читающему міру, а жалкій придатокъ къ спеціальнымъ наукамъ, отъ котораго обществу предлагали одни безвкусные обгладки. Для школъ господствовавшаго направленія было составлено руководство, въ которомъ старались, лишивъ все богатство матеріала плоти и крови, сдѣлать его неопаснымъ для строго-церковнаго воспитанія: чѣмъ выходило скучнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ менѣе могло кого-нибудь соблазнить. Изученіе исторіи было дѣломъ специалистовъ. Богословы, юристы, публицисты прибѣгали къ нему и обладали такими свѣдѣніями, какими наше время, пожалуй, не можетъ похвалиться, если взять отдѣльные кружки; но эти кружки были уже и ограниченнѣе. Никто и не предчувствовалъ глубокаго смысла исторіи; не было и мысли о томъ, чтобы связать національный и нравственный интересы великаго народа съ великимъ содержаніемъ исторіи. Теперь не то. И если тогда и здѣсь былъ данъ первый толчокъ, то Вольтеръ былъ при этомъ однимъ изъ первыхъ двигателей.

Какъ же писалъ Вольтеръ исторію?

Вотъ какой-нибудь нѣмецкой герцогинѣ захотѣлось получить нѣкоторое понятіе о нѣмецкой исторіи. А въ этихъ кругахъ любили книги, которыя въ тѣсныхъ рамкахъ заключали эссенцію дѣла, «духъ исторіи», и избавляли отъ труднаго изученія. Нѣмецкой наукѣ не было свойственно производить подобныя книги. Ученый Масковъ написалъ въ четырехъ томахъ in-quarto превосходный трудъ о нѣмецкой исторіи до Каролинговъ. Но придворныя дамы не могли пользоваться такими книгами: онѣ неукладывались на туалетный столикъ. Проѣзжалъ Вольтеръ: ему поручили написать нѣмецкую исторію.

Согласно съ этимъ, сдѣлалъ онъ извлеченіе изъ нѣмецкихъ фоліантовъ и кварталовъ, полилъ его соусомъ французскаго esprit, и Annales de l'empire были готовы. Смѣло брался онъ за трудный матеріалъ, вносилъ въ него прагматизмъ своего остроумнаго взгляда, и все читалось бѣгло, увлекательно, какъ романъ. Какъ ни поверхностна и иуста была обработка содержанія, все же здѣсь былъ историческій духъ, здравое, естественное пониманіе вещей, соответствующее дѣйствительности. Онъ обладалъ

весьма проницательнымъ взглядомъ, подмѣчавшимъ все вымышленное, все само по себѣ ложное, и это одно изъ качествъ, общее у него съ истинными историками. Хуже всего, разумѣется, его біографіи, хотя относительно искусства разсказа многое въ нихъ безподобно. Такъ битвы Карла XII читаются какъ нельзя лучше; но въ нихъ нѣтъ ни слова правды.

Громадную важность имѣетъ сочиненіе: *Essai sur les mœurs*, какъ первый опытъ всеобщей культурной исторіи съ точки зрѣнія «просвѣщенія» XVIII столѣтія. Это сочиненіе предназначалось именно къ подавленію церковнаго пониманія исторіи народовъ, за которымъ упрочили господство *discours* Боссюэта, эта догматическая теодицея въ одеждѣ всемірной исторіи. Вольтеръ хотѣлъ склонить къ задачамъ и воззрѣніямъ «просвѣщенія» все общество, которое или вовсе не заботилось о всемірной исторіи, или судило о ней подъ вліяніемъ какого-нибудь даровитаго епископа. И это удалось ему. Читая его книгу, постоянно замѣчаешь, что онъ, говоря объ Индійцахъ, Персахъ и т. д., имѣетъ въ виду свое собственное время. Онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ современной церковности, и тутъ не рѣдко встрѣчается у него и историческая ложь. Буддизмъ, браманизмъ, все идетъ въ дѣло, чтобы уразумѣть христіанство, и онъ не дошелъ еще до христіанства, какъ уже уничтожилъ его со всѣхъ сторонъ.

Эта книга пробудила самый широкій интересъ къ величественному ходу всемірной исторіи. Съ тѣхъ поръ по этому предмету мы обогатились трудами, полными ума, глубокомыслія и знанія, съ которыми не можетъ мѣряться Вольтеръ. Но, что такія книги стали возможны, это все-таки заслуга Вольтера, потому что онъ создалъ для нихъ кругъ читателей и пробудилъ въ обществѣ радужное участіе къ нимъ.

Монтескье (1689—1755).

Монтескье по годамъ нѣсколько старше, по литературной дѣятельности нѣсколько моложе Вольтера, въ духѣ котораго написано его первое произведеніе. Онъ принадлежалъ къ старому парламентскому дворянству, къ *noblesse de la robe* *). Это была наиболѣе достойная уваженія часть изъ

*) Такъ называлась во Франціи та часть дворянства, которая посвящала себя служенію государству. Это особенное названіе требовалось для отличія ея отъ стараго, феодальнаго дворянства, ибо въ ней встрѣчались лица не чистой аристократической крови, лица изъ низшихъ классовъ общества, получившія дворянскій титулъ вмѣстѣ съ какою-нибудь чиновничьей должностью. Впрочемъ, эта часть дворянства все-таки изобиловала членами старыхъ феодальныхъ фамилій, которыя старались достать мѣстечко на службѣ своимъ младшимъ сыновьямъ: все наслѣдство, вмѣстѣ съ титуломъ, переходило къ старшимъ, по праву майората, считавшемуся необходимымъ для поддержанія блеска аристократическаго рода. *Ред.*

всей нравственно и экономически павшей аристократіи. Во время самага удушливаго деспотизма встрѣчаются здѣсь люди, дѣлающіе честь Франціи. Научныя занятія Монтескье соотвѣтствовали преданіямъ сословія и тому призванію, къ которому онъ готовился. Это было не поверхностное чтеніе дилетанта въ родѣ Вольтера, но основательная, строгая школа ученаго судьи, которая въ свою очередь не походила на обычное образованіе юриста того времени. Онъ не прилѣпился къ буквѣ законовъ, но стремился къ духу права и къ идеѣ всего государственнаго устройства.

Серьезный, сдержанный по природѣ, Монтескье далекъ отъ того духа легкомысленнаго, насмѣшливаго отрицанія, которымъ былъ проникнутъ Вольтеръ. Въ немъ вовсе нѣтъ страсти ниспровергать всякій авторитетъ. Онъ стоитъ среди отношеній своего времени полный достоинства и увѣренности въ себѣ, какъ зрѣлый ученый, какъ знающій свѣтъ человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе его первая литературная дѣятельность соотвѣтствовала направленію Вольтера. Въ 1721 году появилось изъ-подъ пера 32-лѣтняго автора произведеніе, безъ его имени, которое вскорѣ чрезвычайно распространилось: это были *Lettres Persanes*.

Персъ Узбекъ пріѣзжаетъ въ послѣдніе дни Лудовика XIV въ Парижъ и тономъ сына природы описываетъ впечатлѣнія, которыя онъ отсюда выносить. Духъ и характеръ этого описанія обратили на себя всеобщее вниманіе. Его приписывали Вольтеру, что считалось тогда высшею похвалою. Легкая, увлекательная прелесть языка и острота шутки дѣйствительно, напоминали Вольтера. Но, съ другой стороны, при всей игрѣ юмора въ романѣ, глубокая, убійственная критика государства и церкви, вѣры и жизни, прошедшаго и настоящаго Франціи предполагала особенныя знанія, особенный талантъ, какихъ не было у Вольтера.

Персидскія Письма остались единственнымъ опытомъ Монтескье на этомъ, совершенно чуждомъ его природѣ, поприщѣ.

Между тѣмъ онъ сталъ членомъ парламента, сохранилъ въ своей должности незапятнанный характеръ и въ своей частной жизни подалъ рѣдкій въ то время примѣръ самага привлекательнаго здоровья и свѣжести духа. Но у него не доставало вѣры въ призваніе парламентскихъ судовъ. Уже въ Персидскихъ Письмахъ они представляются ему какими-то развалинами. Въ 1726 г. сложилъ онъ съ себя должность, а въ 1728 отправился путешествовать, чтобыѣтимъ-единственно вѣрнымъ способомъ докончить свое историческое и юридическое образованіе. Онъ путешествовалъ много лѣтъ по большей части Европы, видѣлъ Италію, Швейцарію, Голландію, Англію, Венгрію, не какъ туристъ, но какъ изслѣдователь, желающій познать свѣтъ изъ жизни и исторію изъ настоящаго. Замѣтимъ, что до самага Мирабо не было въ XVIII вѣкѣ ни одного Француза, который зналъ бы такъ основательно, какъ Монтескье, законодательство и государственный бытъ европейскихъ странъ.

Первымъ плодомъ его дополненныхъ путешествіями изслѣдованій было сочиненіе, которое, несмотря на свой незначительный объемъ, признается всѣми однимъ изъ образцовыхъ, а нѣкоторыми даже совершеннѣйшимъ изъ литературныхъ произведеній вѣка. Мы имѣемъ въ виду Разсужденія о причинахъ величія и паденія Римлянъ, изданныя въ 1734 г.

Со времени Макиавелли это была первая попытка сдѣлать матеріалъ, который вообще находился въ рукахъ филологовъ и служилъ имъ антикварнымъ пособіемъ для объясненія классиковъ, предметомъ историко-политическаго изслѣдованія. Исторія величія изложена вкратцѣ, гораздо подробнѣе исторія паденія, и здѣсь менѣе имѣлись въ виду Римляне, чѣмъ Французы. Всѣ мѣста, гдѣ изображается испорченность Римлянъ, легко можно приложить къ Французамъ, и при характеристикѣ деспотизма временъ имперіи намъ скорѣе представляется XVIII вѣкъ христіанскаго лѣтосчисленія, чѣмъ первый. Эта книга—политическая программа. Изъ среды самого стараго чиновнаго дворянства его видный представитель высказываетъ убѣжденіе, что старый государственный порядокъ испорченъ и рухнетъ, что онъ перешелъ свой зенитъ и быстро клонится къ упадку.

Въ очеркахъ римскихъ дѣлъ древность составляетъ часто блѣдную, второстепенную картину; все же, что въ свѣжихъ краскахъ выставлено на первый планъ, подходитъ къ Франціи.

Чтобы полнѣе развить положительныя основныя мысли этого сочиненія, Монтескье принимается за болѣе обширный трудъ, который, и не dokonченный, какъ отрывокъ, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи политическихъ идей: мы разумѣемъ Духъ законовъ, изданный въ 1748 г.

Въ этомъ произведеніи величественный матеріалъ подвергся смѣлой искусной обработкѣ, которая никогда не утратитъ своей цѣны. Это не ученая книга въ тѣсномъ смыслѣ слова, но этотъ трудъ имѣетъ преимущества, которыхъ не дастъ никакое книжное знаніе. Прежде всего укажемъ на почерпнутое изъ самой жизни созерцаніе дѣятельности народовъ въ области государства и нравовъ. Притомъ книга не только изящна, но и написана съ величайшимъ искусствомъ. Между строго систематическими трудами нѣтъ ни одного, который могъ бы соперничать съ нею въ блескѣ и прелести изложенія. Многія мѣста точно пословицы: такъ они сжаты и мѣткі, такъ отточены и округлены.

Ядро книги заключается въ ученіи о монархіи, извращеніе которой представлено въ картинѣ французскаго деспотизма, а идеалъ въ характеристикѣ англійскаго конституціонализма. Насколько собственное наблюденіе надъ этимъ послѣднимъ, такъ сказать, снова склонило его къ монархіи (правда, уже къ монархіи съ формами и обезпеченіями конституціоннаго права), это видно при бѣгломъ взглядѣ на тѣ мѣста «Персидскихъ Писемъ», гдѣ авторъ, отчаявшись въ возможности соединенія блага народа съ благомъ государя, совершенно отвергаетъ монархію. Предлагая англій-

скій конституціоналізмъ ради освѣженія французской монархіи, Монтескье упустилъ изъ виду, что англійское государственное устройство созданіе исторіи, которое срослось именно съ англійскимъ бытомъ и потому не могло быть вдругъ оторвано отъ отечественной почвы и перенесено на чужую землю. Разница заключалась уже въ томъ, рѣзко оттъненномъ самимъ Монтескье, положеніи дворянства и корпорацій, которое такъ же мало можно было перенести во Францію, какъ превратить англійскую исторію во французскую. И, тѣмъ не менѣе, составленная Монтескье программа конституціонной монархіи, по англійскому образцу, была завѣтнымъ убѣжденіемъ всѣхъ благомыслящихъ французскихъ патріотовъ до Тюрго, Малерба, Неккера, Мунье, Толандаля, и т. д. Они видѣли въ ней исцѣленіе всѣхъ недуговъ стараго порядка и твердо держались за эту мысль до тѣхъ поръ, пока надъ ними и надъ ихъ программой не разразилась буря.

Вольтеръ и Монтескье служатъ представителями тѣхъ двухъ большихъ круговъ, которые до самой революціи были единственными общественными дѣятелями, обладавшими правами. Знатное, изысканное общество, дававшее тонъ при дворѣ и въ салонахъ резиденціи, не знавшее границъ своему легкомыслію, жертвовавшее своей шуткѣ всѣмъ, даже основами своего собственнаго положенія, держалось за Вольтера. Лучшая часть дворянства, высшее чиновничество, аристократія заслугъ и образованія, люди, понимавшіе ужасное значеніе минуты, съ которымъ они не думали раздѣлаться легкою остротой, искали, вмѣстѣ съ Монтескье, въ подражаніи англійскому конституціоналізму, какъ въ идеалѣ смѣшаннаго правленія, мирнаго средства для врачеванія домашнихъ язвъ.

Но этимъ еще не исчерпывалось настроеніе умовъ во Франціи. Ни Вольтеръ, ни Монтескье не были народными писателями. Правда, сочиненія перваго читались среднимъ сословіемъ; но властвовать надъ собою оно ему не позволяло. Послѣдній же рѣшительно не былъ доступенъ каждому. Кромѣ того, оба принадлежали къ слою общества, настроеніе котораго, особенно въ такое время, уже не было понятно ступенью ниже. Когда на верху общества все приходитъ въ такое разстройство, какъ тогда во Франціи, не говорите массѣ, что при терпѣннѣ и настойчивости тихо воздвигнется новый государственный порядокъ: она не станетъ васъ слушать. У нея не найдется достаточно довольства жизнью, чтобы, на примѣръ, съ читателями Вольтера, обозрѣвать окружающія развалины лишь съ увеселительной стороны. Въ такія минуты у того, кто вообще уже не примиряется съ существующимъ, наступаетъ болѣзненное состояніе души, тотъ пессимизмъ, который рассчитываетъ лишь на самое худшее, который не безъ нѣкотораго наслажденія разрисовываетъ картину, какъ придетъ время—и все пошатнется и всколеблется, какъ только это и можетъ помочь, а не всѣ жалкія попытки чистить и полировать по краямъ. Въ основѣ такого состоянія лежитъ извѣстная летаргія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ ничего

легче, чѣмъ спокойное отчаяніе. Но бываетъ и иначе: иногда въ основѣ лежитъ рѣшительное убѣжденіе, что ничто уже не поможетъ и что ужасный конецъ лучше безконечнаго ужаса. Это настроеніе было распространено во Франціи шире, чѣмъ предполагали Вольтеръ, Монтескье и ихъ читатели. Выразителемъ его былъ Жанъ-Жакъ Руссо, который какъ бы для того и родился.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778).

Руссо вовсе не Французъ въ томъ смыслѣ, какъ Вольтеръ. Въ немъ есть черты, не напоминающія національнаго характера Французовъ. Глубокое уныніе, мечтательная, фанатическая струнка, указываютъ скорѣе на городъ Кальвина, старую Женеву, откуда онъ и происходилъ. Даже его манера писать сильно отличалась отъ господствующаго вкуса: она была совершенно своеобразна и естественна, отчего и производила безпримѣрное впечатлѣніе на Францію и на большую часть Европы. Руссо родился, когда Вольтеръ уже сочинялъ свои первыя стихотворенія. Онъ росъ не какъ баловень высшихъ круговъ столицы, но какъ сынъ мелкаго женевскаго ремесленника, въ стѣснительныхъ, ограниченныхъ обстоятельствахъ. Рано лишился онъ матери, а отецъ избаловалъ талантливаго ребенка. Конечно, въ той ревности, съ которою онъ закармливалъ семилѣтняго мальчика всевозможнымъ чтеніемъ, была добрая цѣль; но онъ дѣйствовалъ безъ всякаго плана и упустилъ изъ виду самое главное въ воспитаніи, привычку къ напряженію и серьезному, послѣдовательному труду. Все окружающее Руссо указывало на будущность среди бѣдности и лишеній, а воспитаніе надѣлило его пагубнымъ противорѣчіемъ, познакомило его съ потребностями, вообще чуждыми этому кругу, и не дало ему ничего изъ самаго необходимаго для юноши въ его положеніи. Въ своей «Исповѣди» онъ представилъ врядъ-ли прикрашенную картину своего юношескаго развитія. Дѣйствіе, произведенное на его душу чтеніемъ, обрисовываетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ. «Отсюда выработался тотъ свободный республиканскій духъ, тотъ непреклонный, неукротимо гордый характеръ, который сталъ крестомъ всей моей жизни и чаще всего побуждалъ меня именно тамъ, гдѣ я менѣе всего долженъ былъ давать ему простора. Такъ образовалось во мнѣ это надменное и нѣжное сердце, этотъ женственный, но повелительный характеръ, который своими вѣчными колебаніями между слабостью и мужествомъ, между безсиліемъ и доблестью, ставилъ меня до конца моихъ дней въ противорѣчіе съ самимъ собою и причинилъ то, что въ жизни мнѣ одинаково были незнакомы самоотреченіе и наслажденіе, радость и воздержаніе».

Этотъ характеръ былъ невыравнимымъ несчастіемъ при его обстоятельствахъ. Для ученаго Руссо былъ слишкомъ бѣденъ, для ремесленника слиш-

комъ избалованъ, для обоихъ призваній слишкомъ испорченъ, потому что онъ никогда не зналъ, что значитъ работать: что же должно было изъ него выйти? «Достигнувъ 16 лѣтъ, я былъ непостояннымъ человѣкомъ, недовольнымъ всѣмъ и въ особенности самимъ собою; у меня не было сочувствія къ моему сословію, не было чутія радостей моего возраста. Терзаемый желаніями, предмета которыхъ я не зналъ, вѣчно со слезами на глазахъ и съ загадочнымъ стремленіемъ въ сердце, я искалъ утѣшенія въ нѣжныхъ объятіяхъ увлекательныхъ видѣній, потому что я не замѣчалъ вокругъ себя ничего, что могло бы преодолѣть ихъ». Такъ выросъ онъ, ни къ чему не приготовленный, ни на что не годный, для ремесленника слишкомъ много, а для всякаго высшаго призванія слишкомъ мало образованный. Онъ былъ игрушкой всякаго внезапнаго увлеченія и рабомъ крайней, необузданной фантазіи, которая терзала его въ счастья и не давала утѣшенія въ бѣдѣ.

Нѣкоторое время работалъ онъ въ канцеляріи, потомъ въ мастерской; но оказался негоднымъ. Въмѣсто того, чтобы работать, онъ читалъ романы, занимался всѣмъ, чѣмъ угодно, только не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало. Онъ бѣжалъ изъ своего роднаго города безъ денегъ, безъ знанія свѣта, безъ ясной мысли о своемъ будущемъ. Сегодня онъ близокъ къ голоду и отчаянію, завтра какимъ-нибудь благодѣяніемъ поставленъ въ пріятную возможность ничего не дѣлать. И никогда и нигдѣ не приходилось ему усиленно преслѣдовать опредѣленную цѣль, добровольно, не по принужденію. Въ одномъ савойскомъ монастырѣ поддается онъ обращенію въ католицизмъ и вскорѣ горько раскаявается въ этомъ—вотъ одна-другая черта изъ его дикой, полной приключеній юности, которую онъ самъ описалъ съ чрезмѣрною подробностью.

Ему было уже 30 лѣтъ, а онъ все еще былъ бесполезнымъ членомъ общества. Единственная работа, которою онъ былъ занятъ нѣсколько серьезно, была музыка, именно то, къ чему у него было меньше всего дарованій, въ чемъ онъ могъ всего меньше надѣяться на успѣхъ.

Тѣмъ не менѣе въ этой пестрой, полной тревоженій жизни кое-что не осталось для него безъ значенія. Онъ стоялъ внѣ гражданского общества. Существующій порядокъ не представлялъ для него никакой прелести и выказывался ему со сторонъ, ускользавшихъ отъ взгляда другихъ. Руссо былъ безъ отечества въ Женевѣ, изгнанникомъ во Франціи. Эта космополитическая неопредѣленность его жизни повліяла на его воззрѣнія и мысли. Собственно онъ никогда душой не былъ Французомъ: какъ къ характеру этого народа, такъ и къ формамъ его обыденной жизни относился онъ иначе, чѣмъ все, что принадлежало къ дающимъ тонъ кругамъ. Къ тому же въ немъ было нѣчто, способное сдѣлать его выразителемъ тѣхъ желаній и взглядовъ, которые неясно бродили у тысячи людей и которыхъ Вольтеръ и Монтескье не могли служить представителями. Въ немъ былъ тотъ пес-

сими́змъ, то самоистязующее отчаяніе, то неопредѣленное стремленіе въ даль, которыя владѣли чувствами подавленной части французской націи. Сверхъ того, въ немъ была черта, совершенно чуждая Монтескье и Вольтеру, именно склонность къ сентиментальной мечтательности и фантастическому идеализму, которая вытекала изъ непомѣрной чувствительности и никогда необуздываемаго воображенія и, проявляясь въ словѣ, охватывала душу потрясающимъ восторгомъ. Массы слѣдуютъ за тѣмъ, кто умѣетъ возбуждать ихъ чувства, а Руссо былъ именно такимъ. Въ его жизни есть еще удивительная романтическая прелесть. Какъ счастливы были Вольтеръ и Монтескье, какъ мало были они знакомы съ нуждой простолюдина, которую Руссо позналъ собственнымъ столь горькимъ опытомъ! А масса естественно всегда сочувствуетъ тѣмъ характерамъ, въ судьбахъ которыхъ находятъ картину своего собственного бѣдствія. Наконецъ, его загадочная, внезапная смерть, вѣроятно отъ собственной руки, набросила на него трагическую тѣнь. Свѣтъ думалъ тогда, что онъ сдѣлался жертвой нужды и лишенія, а быть-можетъ, и преступленія.

Уже почти прошла первая половина столѣтія, Руссо было 38 лѣтъ, а онъ все копѣлъ надъ работой, для которой не былъ рожденъ, надъ перепиской нотъ, компонированіемъ и всякими музыкальными опытами. Какъ писатель, онъ не создалъ еще ничего значительнаго. Но онъ явился въ Парижѣ (въ 1741 г.) и вступилъ въ сношенія съ замѣчательными людьми, какъ Фонтенель, Дидеро, д'Аламберъ, Гриммъ, Гольбахъ. Изысканному обществу Женевецъ казался какою-то диковинкой. Въ Парижѣ, гдѣ все было, такъ сказать вымощено по одному образцу, вдругъ является чистое дитя природы, на которомъ постыдно срѣзались всѣ старанія школы, неотшлифованный бриліантъ, чудакъ, который на все имѣлъ свои собственные взгляды, жилъ въ бѣдности, но презиралъ вспомошествованія, словомъ, истинное лакомство для пресыщеннаго вкуса утонченнаго міра.

На прогулкѣ изъ Парижа въ Венсенъ попалась ему газета, въ которой ему бросился въ глаза вопросъ на премію Дижонской академіи: «Облагородили ли нравы возстановленіе искусствъ и наукъ?»

Вопросъ самъ по себѣ былъ занимательнѣе всякаго отвѣта на него. Королевская академія предлагаетъ вопросъ: имѣетъ ли какое-либо значеніе въ великихъ общественныхъ интересахъ то, что она сама разрабатываетъ?

Удивителенъ былъ самый смыслъ этой задачи. Науки и искусства сами по себѣ никогда не могутъ ни создать, ни измѣнить нравовъ; скорѣе они сами зависятъ отъ состоянія нравовъ, которому служатъ выраженіемъ. Стало-быть, скорѣе вопросъ можно поставить наоборотъ. Но въ томъ-то и заключался одно время истинно французскій взглядъ, что вся высшая умственная жизнь стоитъ внѣ общества и вполне самобытна.

Вопросъ овладѣлъ Руссо съ страшной силой. Какъ онъ самъ рассказываетъ, задыхаясь, почти безъ чувствъ отъ волненія и сердцебіенія, опу-

стился онъ подъ однимъ деревомъ и долженъ былъ около получаса отдыхать тамъ, какъ будто лишившись сознанія, когда прочелъ немногочисленные, но трудныя по содержанію строки. Онъ уже самъ тысячу разъ предлагалъ себѣ этотъ дивный вопросъ и столь же часто сомнѣвался: стоило ли, дѣйствительно, создавать всѣ эти подмостки искусства и науки, чтобы только породить современную ложь и неправду, которыя отсюда проистекли? Онъ видѣлъ крашеную гробницу общества, изящество снаружи и безнравственность внутри, и ему закралась въ голову мысль: не виновато-ли во всемъ этомъ образованіе, переросшее природу, и не было ли состояніе, не тронутое еще разѣдающею ржавчиной образованія, самымъ безмятежно-счастливымъ?

Онъ писалъ свой отвѣтъ, какъ пишетъ человѣкъ о томъ, что долго было задачей его жизни. «Я посвящалъ ему, говоритъ онъ, безсонныя ночи. Я вдумывался на постели съ закрытыми глазами въ вопросъ и съ невыразимыми мученіями переставлялъ въ головѣ свои періоды». Въ поразительно короткое время отвѣтъ былъ готовъ, и трудъ, произносившій обвинительный приговоръ образованію, отдававшій первенство варварству, былъ удостоенъ академіей награды. Владыки старой культуры соглашались съ приговоромъ, которому они подвергались сами: ихъ послѣдняя вѣра въ свое богоподобіе такимъ образомъ исчезла. Вольтеру пришлось это не по вкусу; ему показалось, что «вздумали ходить на четверенькахъ».

Въ этомъ сочиненіи Руссо были всѣ преимущества, равно какъ и недостатки, его произведеній. Тотъ же огонь въ языкѣ, та же привычка обезоруживать возраженія разума постоянными обращеніями къ чувству, та же ловкая, отважная діалектика, которая, начавъ съ недоказанной посылки, съ непреодолимою послѣдовательностью плѣняетъ читателя. Кто не изслѣдовалъ посылокъ, тотъ погибъ отъ этой діалектики.

Такъ здѣсь произвольнымъ положеніемъ, отъ котораго исходитъ весь рядъ доказательствъ, служитъ слѣдующее: съ первобытнымъ состояніемъ простоты, лишенной цивилизаціи, утратило человѣчество и свое счастье. Стоить только счистить съ человѣка цивилизацію, какъ сейчасъ же исцѣлишь его отъ всѣхъ пороковъ и нравственныхъ болѣзней. Руссо высказывалъ затаеннѣйшую мысль черезчуръ образованнаго общества. Пресыщеніе пустымъ остроумничаньемъ и набоѣдливою салонною жизнью вызвало жажду ненадломленной естественности, желаніе здороваго варварства. Когда пріѣдаются лакомства, принимаются снова за черствый хлѣбъ.

Руссо писалъ не съ тою тщательною гладкостью, не въ томъ великосвѣтскомъ стилѣ, который усвоили себѣ первые умы Франціи, а порывисто, бурно, страстно, какъ говоритъ народный трибунъ. Весь рядъ его предложеній, по своему строю и нагроможденію, донельзя неправиленъ и неточенъ; но въ нихъ сила краснорѣчія, буквально забрасывающаго фантазію читателя образами и сравненіями, поднимающими изъ глубины его души весь міръ

чувствъ,—краснорѣчія, какимъ никогда не обладалъ ни одинъ изъ французскихъ писателей. И, дѣйствительно, развѣ онъ не давалъ чего-то, что должно было скорѣе тронуть всякаго благороднаго человѣка, чѣмъ все сочиненія Вольтера? Развѣ онъ не держался далеко отъ всякой насмѣшки и колкости, не говорилъ какъ строгій нравственный судья? Развѣ у него не чувствовалось чего-то положительнаго тамъ, гдѣ у его предшественниковъ не было ничего, кромѣ холоднаго отрицанія? Это высказывается особенно въ его отношеніи къ религіи. Руссо не былъ ни издѣвающимся деистомъ, ни холоднымъ отрицателемъ. У него было то, что Кантъ называетъ «деизмомъ естественной религіи». Откровеніе не было для него закономъ; но онъ и не нападалъ на него. Онъ не только щадилъ вѣчныя религіозныя представленія, которыя передаются въ человѣческой груди отъ поколѣнія къ поколѣнію, но давалъ имъ больше права, чѣмъ кто-либо изъ просвѣщенныхъ Французовъ до него. Онъ проповѣдуетъ своего рода нравственную естественную религію, находившую сильный отголосокъ въ той средѣ, которая порвала связи съ господствующею церковью, но чувствовала себя оттолкнутой и отъ Вольтера. Это не была вѣра въ духъ XVI вѣка, но и не было невѣріе XVIII-го. Это было трудно опредѣляемое среднее религіозное настроеніе большинства его соотечественниковъ, которому онъ сообщилъ воодушевленное выраженіе.

Здѣсь, какъ и во всемъ своемъ существѣ, являлся онъ человѣкомъ народа, съ его благородными и опасными чувствами.

Съ успѣхомъ своего перваго сочиненія Руссо больше не сомнѣвался относительно своего призванія. Затѣмъ послѣдовало разсужденіе о неравенствѣ людей, точно также удостоенное награды, отвѣтъ на второй вопросъ Дижонской академіи въ 1753 году. Если въ первомъ сочиненіи зло внутренняго неравенства среди людей объяснялось результатами цивилизаціи, то здѣсь Руссо сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ: «корень всякаго неравенства собственность, а такъ-называемый гражданскій порядокъ—неравенство, возведенное въ законъ. Кто первый обнесъ клочекъ земли заборомъ, объявилъ: «Это моя собственность», и нашелъ такихъ глупцовъ, что повѣрили ему, тотъ и былъ истиннымъ основателемъ гражданского порядка. Сколько опустошеній и войнъ, сколько кровопролитій и несчастій избѣгнулъ бы родъ человѣческій, еслибы кто-нибудь сорвалъ этотъ заборъ и крикнулъ другимъ: «Не вѣрьте обманщику! Вы погибли, если забудете, что плоды земли принадлежатъ всѣмъ, и что это ничья собственность!» Въ самыя дикія времена революціи не было выражено ни одной мысли, которая превзошла бы эту свою дерзостью.

Теперь слѣдуютъ болѣе обширныя сочиненія, изъ которыхъ каждое есть событіе въ исторіи идей.

Самое важное изъ нихъ—Эмиль, потому что онъ первый подробно развилъ положительную программу воспитанія новаго общества и противопо-

ставлялъ гнету, который еще господствовалъ въ церкви, школѣ, государствѣ и семьѣ, картину крайней естественной свободы. Проповѣдуемая здѣсь революція выступаетъ не въ бурныхъ требованіяхъ, а въ увлекательной одеждѣ поучительнаго романа, въ которомъ разрушительныя истины обложены вѣнкомъ розъ. Оттого-то эта книга произвела потрясающее дѣйствіе на умы. Гдѣ не читались разсужденія Руссо, тамъ поглощали его романъ: онъ исходилъ до деревенскихъ избъ Германіи. Книга заслуживала открытой ненависти духовенства; въ ней заключалась самая опасная ересь.

Этимъ романомъ начинается совершенный переворотъ въ воспитаніи. Впослѣдствіи явились люди, въ родѣ Песталоцци и Зальцмана, которые больше понимали въ воспитаніи, чѣмъ Руссо. Но со времени этой книги старый способъ воспитанія прекратился, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. На ея положительное содержаніе потомъ смотрѣли холоднѣе; но ея отрицательное дѣйствіе было уже само по себѣ вполне необыкновеннымъ явленіемъ.

Подобное же значеніе имѣла и Новая Элоиза, которая требуетъ возвращенія естественнаго права личному чувству и страсти противъ гнета условности. Книга повліяла сильно именно на Германію. Вертеръ Гете былъ на нее отвѣтомъ. И когда воплощенное противорѣчіе всему, что называется возвышенною чувствительностью, Наполеонъ Бонапарте, отправляясь въ Египетъ, онъ взялъ въ свою маленькую походную библіотеку «Элоизу» Руссо и «Вертера» Гете. И эта книга произвела революцію, правда, не прокладываящую себѣ кроваваго пути на улицахъ, но зато вполне преобразовавшую міръ чувствъ. Эту книгу нельзя было назвать цѣломудренной, нравственно чистою; но, въ сравненіи съ неисчерпаемою грязью безнравственности во французскихъ романахъ того времени, она означала большой шагъ къ лучшему.

Оппозиція Руссо не походила на оппозицію его предшественниковъ. Тѣ нападали на церковь и государство, а Руссо на то, что жило въ церкви и въ государствѣ, на самое гражданское общество. Но предметомъ его нападеній было не то или другое воззрѣніе, не та или другая внѣшняя нелѣпость, а весь строй этого общества, съ его распредѣленіемъ имущества и образованіемъ, съ его семейною жизнью и воспитаніемъ, съ его модой и нравами. Все, что пользовалось значеніемъ въ обществѣ, онъ называлъ неестественностью и кривляньемъ; во всемъ онъ видѣлъ неисцѣлимый недугъ. Его предшественники требовали новой церкви, новаго государства, а онъ требовалъ новаго общества, программой котораго было-бы объявленіе угнетеннымъ массамъ того, по чемъ онѣ тосковали—свободы и равенства. И человѣкъ, отстаивавшій и обѣщавшій это, не развѣнчивалъ сватынь народной вѣры: у него было теплое религіозное чувство. Въ глазахъ духовенства онъ былъ еретикомъ; но огромная масса средняго сословія находила въ признаніяхъ своего викарія свои собственныя мысли

о Богѣ и Провидѣніи, о міроустройствѣ и безсмертіи. Къ тому же въ самой своей жизни Руссо былъ вѣрнымъ изображеніемъ пророка бѣдныхъ и страждущихъ. Среди бѣдности, гнета, лишеній и безконечныхъ страданій пробивалъ онъ себѣ дорогу. Онъ не пировалъ за трапезами богачей. Онъ походилъ на мученика своего ученія, и доселѣ еще не объясненная * смерть доставила ему мученическій вѣнецъ. Отсюда и его безграничное вліяніе на тѣ слои общества, которые не находили утѣшенія ни у Вольтера, ни у Монтескье. Въ революціи мы встрѣтимъ школу государственныхъ людей, которая приложила его ученіе къ практикѣ и по его предписаніямъ дѣлала свои опыты надъ организмомъ разлагающагося общества. Для нея-то была написана составляющая эпоху книжка «Общественный Договоръ» (*Contrat Social*, 1762 г.), гдѣ, въ краткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ, катехизически изложено ученіе о соціальной республикѣ. Тридцать лѣтъ спустя, мы находимъ тѣ же положенія, но уже не на бумагѣ, а въ страшной дѣйствительности.

Къ этимъ тремъ мужамъ, къ Вольтеру Монтескье и Руссо, примкнуло все, что въ послѣдующемъ поколѣніи было виднаго во Франціи въ области литературы и политики. Энциклопедисты составили литературную школу Вольтера, а въ политикѣ выдѣлились школы Монтескье и Руссо. Между конституціонными монархистами 1789 г. и соціальными республиканцами 1793 г. стоятъ жирондисты, республиканскій идеалъ которыхъ начертанъ Мабли, однимъ изъ послѣдователей Руссо.

ГЛАВА III.

Конецъ царствованія Людовика XV.

Напоминаю здѣсь еще разъ о неизгладимой пропасти между состояніемъ церкви, государства и народа и взглядами общественнаго мнѣнія въ описываемое время. Старый порядокъ вяло, механически, все съ болѣе и болѣе сомнительнымъ успѣхомъ влачитъ свое существованіе; а новыя, совершенно непримиримыя съ нимъ воззрѣнія уже владѣютъ большею частью націи. Что должно произойти, если это направленіе умовъ столкнется съ гнилыми оплотами старины, которая уже давно была осуждена въ понятіяхъ націи? Вѣдь, судя по ходу дѣлъ, нигдѣ не представляется

* Къ сожалѣнію, эти слова Гейссера о смерти Руссо справедливы и теперь, несмотря на новѣйшее изслѣдованіе г. Распайля (въ газетѣ «*Réforme*»), который старается доказать, что Руссо умерщвленъ собственною женой, Терезой, по наущенію іезуитовъ. *Ред.*

задержки; скорѣе все направлено къ тому, чтобы усилить противорѣчія и открыть самый широкій путь необузданнымъ стремленіямъ націи.

Королевская власть во Франціи, несмотря на свой упадокъ въ послѣдніе годы Лудовика XIV, не утратила слѣдовъ внѣшняго достоинства. Воспоминаніе о прежнемъ величій никогда не давало этому монарху пасть внѣшнѣ въ глазахъ націи, но поведеніе Лудовика XV, какъ государя, втоптало въ грязь королевскую власть и уничтожило всякое чувство политическаго, нравственнаго и личнаго достоинства. Королевская власть съ этимъ позорнымъ правленіемъ метрессъ, приносившимъ благосостояніе народа, честь націи, могущество государства въ жертву королевскимъ любовницамъ и ихъ креатурамъ, поистинѣ была создана для того, чтобы переполнить чашу озлобленія всякаго народа, а тѣмъ болѣе французскаго. И какъ упало, вмѣстѣ съ королевскимъ достоинствомъ, все, что окружало тронъ! Какъ упали дворянство и духовенство!

Въ доброе время Лудовика XIV у знатныхъ дворянскихъ родовъ были достойные представители. Тюренъ, Люксамбургъ, Конде были великими людьми, которые впервые своими заслугами и дѣйствіями облагородили свое благородное происхожденіе. Теперь нельзя было замѣтить ничего подобнаго даже между прямыми потомками этихъ же родовъ. И въ этихъ слояхъ паденіе, низость и личное ничтожество сдѣлали страшный шагъ впередъ.

То же было и съ духовенствомъ. Истекшая эпоха произвела такихъ людей, какъ Боссюэтъ, Массильонъ, Бурдалу, Фенелонъ, которыми нація гордится еще доселѣ. Гдѣ были въ XVIII вѣкѣ епископы, которыхъ можно бы сравнить хотя съ однимъ изъ нихъ? У людей, имѣвшихъ въ этомъ сословіи какое-нибудь значеніе, у Сіейсовъ и Талейрановъ, не было ни охоты, ни притязаній упрочить за собою безсмертіе въ духовномъ санѣ.

Все, что еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ было полно достоинства и внушительности, погибло, начиная отъ короля и перовъ, до епископовъ. А послѣднія 20 лѣтъ царствованія Лудовика XV, именно время отъ Семилѣтней войны до смерти короля, были какъ бы предназначены къ тому, чтобы довести ропшущую и фрондирующую оппозицію до глубокаго нравственнаго отчаянія. Воинственная нація не легко переноситъ пораженіе и никогда не прощаетъ позора, безславія. Поэтому Мирабо и говорилъ, что посрамленіе при Росбахѣ сломило шею королевской власти. Семилѣтняя война стоила Франціи колониальнаго могущества. Мало того. Передъ всею Европой безпримѣрно была унижена честь французскаго оружія въ рукахъ безсовѣстнаго, безбожнаго полчища публичныхъ женщинъ. Нѣкогда блестящее военное первенство Франціи перешло къ новичкамъ, и великія событія XVIII столѣтія, какъ, напримѣръ, раздѣлъ Польши, совершались такъ, какъ будто Франціи вовсе и не было на свѣтѣ.

Послѣдніе годы Лудовика XV прошли во всевозможныхъ мятежахъ. Противъ нихъ, правда, еще выставлялась вооруженная сила; но даже тупоумію

этого короля они казались предвѣстниками страшной приближающейся грозы. Если у короля, вся жизнь котораго прошла въ грязи самого отвратительнаго разврата, который могъ думать только объ изобрѣтеніи все новыхъ утонченныхъ способовъ щекотать свою чувственность, который видѣлъ подлѣ себя не государственныхъ людей и полководцевъ, а лишь сводниковъ и ихъ креатуръ, если въ пустой душонкѣ этого государя родилось предчувствіе потопа, до котораго онъ, правда, не доживетъ, но который долженъ разразиться послѣ его смерти, то, стало-быть, дѣло зашло уже слишкомъ далеко.

Лудовикъ XVI и 15 лѣтъ опытовъ (1774—1789 годы *).

Когда умеръ Лудовикъ XV, никто во Франціи не обольщался мечтами о продолжительности стараго порядка. Повсюду сильно чувствовалось, что должно наступить нѣчто новое и что правительству предстоитъ одно изъ двухъ: или самому взяться за дѣло, или предоставить его случаю. Если новому королю слѣдовало что-нибудь уяснить себѣ, такъ это то, что ему не должно идти по стопамъ дѣда и что вообще старая машина уже никуда не годится. Лудовикъ XVI смутно понималъ эту истину; но ему не доставало ни энергіи, ни ума сдѣлать отсюда выводъ. Этотъ недостатокъ и приводилъ его къ тѣмъ поступкамъ, которые ускорили взрывъ революціи. Онъ

*) Droz: Histoire du règne de Louis XVI, 1839, 3 v. — A. Renée: Louis XVI et sa cour, Paris, 1858, 2 éd. — Tocqueville: Chapitres inédits de l'ouvrage L'ancien régime et la révolution (Oeuvres compl. VIII. 57—148.). Ср. Toulangeon (Paris, 1801, I) и Montgaillard (Paris, 1826, I, II) о революціи; мемуары m-me Campan, Besenval, Lauzun (Beugnot, I) и др. — Campardon: Marie Antoinette et le procès du collier, 1863. — Goncourt: Histoire de M. Antoinette, 1863. — Lescure: La vraie M. Antoinette. — Переписка Маріи-Антуанеты съ Маріей-Терезіей, Іосифомъ II и Леопольдомъ II, изданная Арнетомъ (1865 и 1866 г.).

Переписка Маріи-Антуанеты послужила поводомъ къ любопытной полемикѣ во Франціи и въ Германіи, весьма характеристичной для современныхъ литературныхъ нравовъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ 1864 г. въ Парижѣ появились два изданія писемъ Маріи-Антуанеты, графа Hunolstein'a (Corresp. inéd. de M. Ant. publ. sur les docum. originaux) и Feuillet de Conches'a (Louis XVI, Marie-Ant. et mad. Elisabeth. Lettres et docum. inéd. 2 vls.). Они имѣли блестящій успѣхъ въ публикѣ, которой были доступны лишь нѣсколько писемъ несчастной королевы, изданныхъ въ 1835 г. (въ Revue rétrospective) по оригиналамъ, похищеннымъ въ Вѣнѣ Наполеономъ въ 1809 г. Но вскорѣ ихъ постигла печальная участь. Въ 1865 г. появилось изданіе Арнета (Maria Theresia und Marie Ant. Jhr Briefwechsel währ. d. J. 1770—1780), основанное на подлинныхъ письмахъ Маріи-Антуанеты, хранящихся въ вѣнскомъ архивѣ. Изъ сличенія французскихъ и нѣмецкаго изданій оказалось, что источникомъ

постоянно стремился задержать ее, и она стала еще неизбѣжнѣе; онъ силился притупить ея силу, и она стала еще ужаснѣе. Правда, безсмысленный застой прежнихъ дней прошелъ. Теперь уже не замыкаются съ фараоновскимъ высокомеріемъ отъ всего, что происходитъ въ нѣдрахъ націи; нерѣдко просвѣчиваетъ даже добрая воля, никогда еще не виданная. Но для того, чтобы избрать вѣрныя средства, не хватаетъ ни энергіи, ни ума.

Новому королю, внуку Лудовика XV-го, не было и двадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ (10 мая 1774 г.). И необыкновенной силѣ было бы не легко внести порядокъ въ хаосъ, унаслѣдованный имъ вмѣстѣ съ короной. Никогда еще въ цѣлой Европѣ правительство не пользовалось такою дурной славой. Государство стояло на краю банкротства; права и нравственность, законъ и вѣра находились въ полномъ разложеніи; въ умахъ царствовало дикое броженіе и безграничное недовѣріе. Таково было наслѣдство, полученное Лудовикомъ XVI. Его личность не обладала свойствами, необходимыми для господства надъ такимъ хаосомъ. Онъ, при многихъ своихъ похвальныхъ качествахъ, былъ скорѣе созданъ для того, чтобы еще болѣе увеличить смуты.

То былъ весьма посредственный умъ, и эта посредственность нисколько не была сглажена тщательнымъ, энергическимъ воспитаніемъ. Лудовикъ XVI и учился немногому. Разумѣется, если представимъ себѣ дворъ Лудовика XV и вліяніе, господствовавшее тамъ, мы должны будемъ счесть особеннымъ счастіемъ, что молодой король не былъ по крайней мѣрѣ испорченъ нравственно. Въ умственномъ отношеніи онъ вялъ, медленъ, безпомощенъ. Ему трудно втолковать что-нибудь, а если и удастся, то у него не хватитъ силы воли поступать сообразно съ этимъ. Послѣ всякаго ум-

первыхъ была довольно ловкая по внѣшности поддѣлка, хотя Фелье-де-Коншъ и увѣрялъ, что онъ 20 лѣтъ списывалъ свои драгоценныя письма въ архивахъ Франціи, Австріи, Швеціи и даже Россіи. Подлогъ былъ весьма остроумно доказанъ Зибелемъ (*Hist. Zeitschr.* 1865, I) и основательно поддержанъ французскимъ изслѣдователемъ Geffroy (*Revue des deux Mondes* за сент. 1865 г.), уже давно хорошо зарекомендовавшимъ себя, какъ издателя документовъ касательно исторіи Франціи. Фелье дерзко отбивался отъ нихъ, и въ газетахъ и журналахъ, и въ предисловіяхъ къ 3 и 4 томамъ своего изданія. Но онъ вызвалъ этимъ лишь новыя, неопровержимыя и несомнѣнно завидныя для него доказательства со стороны Зибеля и Жефруа (*Hist. Zeitschr.* 1865, IV. *Revue des d. Mondes* за июнь и июль 1866 г.). Правъ ли Фелье, читатель можетъ судить по слѣдующему курьезу. Онъ объявилъ, что печаталъ нѣкоторыя письма Маріи-Антуанеты по спискамъ, сдѣланнымъ имъ въ вѣнскомъ архивѣ. Это вынудило Жефруа напечатать письмо къ нему Арнета, помощника директора этого архива, въ которомъ сказано: «Ни въ австрійскихъ государственныхъ архивахъ, ни въ собственно императорской библіотекѣ и, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ въ Вѣнѣ не существуетъ никакихъ писемъ королевы (Маріи-Ант.), кромѣ обнаруженныхъ мною. Не знаю, гдѣ видѣлъ г. Фелье что-нибудь подобное». *Ред.*

ственного напряженія погружается онъ въ себя: на охотѣ или за слесарствомъ забываетъ совѣты министровъ и свои собственные указы. Это точно неучъ, чуждый великихъ всеобщихъ интересовъ, вѣчно увлекаемый своими склонностями къ ничтожнымъ страстишкамъ, потому что все остальное лишь мимоходомъ касается его, не оставляя въ глубинѣ его души никакихъ слѣдовъ. Его образъ мыслей былъ полонъ доброжелательства, его нравственность незапятнана; но ему не были знакомы серьезная работа, напряженные занятія. Онъ былъ лѣнивъ, но не изъ страсти къ наслажденію или изъ легкомыслія, а по недостатку умственной живости и привычки къ труду. Въ самыя страшныя минуты своей монархіи стремился онъ не къ запрещеннымъ плодамъ, а къ пустякамъ. Онъ невинно работалъ-себѣ молоткомъ въ слесарнѣ, когда его трону угрожало паденіе.

Мы охотно судимъ о немъ по тому впечатлѣнію, которое производятъ на насъ его поступки въ послѣдніе дни правленія. Здѣсь, когда ему пришлось бороться за свою жизнь, въ немъ обнаружилась его истинная сила, именно извѣстное пассивное геройство. Онъ не унижается до чего-нибудь недостойнаго; остается спокойнымъ и хладнокровнымъ среди бушующихъ страстей; говоритъ съ своими судьями съ «царской краткостью»; отважно идетъ навстрѣчу смерти, но не какъ герой, а какъ мученикъ. Эти послѣдніе дни могутъ, конечно, подкупить насъ. Но это величіе въ страданіи и въ терпѣніи было все-таки не то, что утверждаетъ и спасаетъ тронъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Лудовикъ могъ умереть съ величіемъ; но это все-таки не измѣняетъ приговора исторіи надъ его безпримѣрной слабостью, какъ государя.

Лудовикъ XVI не принесъ съ собою на тронъ ничего, кромѣ добрыхъ намереній упрочить благо народа и счастье Франціи. Что тутъ нужно дѣлать, это было, разумѣется, ему неясно. Какое-то смутное предчувствіе подсказывало ему, что такъ, какъ теперь, не должно быть, но и только. При каждомъ практическомъ вопросѣ колеблется онъ между противорѣчивыми вліяніями; сегодня желаетъ самаго лучшаго, завтра самаго худшаго, и все это съ простодушной увѣренностью, что находится на истинномъ пути.

Подлѣ него стояла дочь Маріи-Терезіи, Марія-Антуанета, тогда цвѣтущая красотой и юностью. Она была болѣе мущина, чѣмъ ея супругъ, болѣе способна представлять величіе престола и съ большими задатками политической воли. Но все-таки это не была такая личность, которая, дѣйствительно, вдохновляла бы Лудовика XVI и руководила бы имъ, которая могла быть душою его политики.

И она была также неопытнымъ, легкомысленнымъ ребенкомъ. И она шалила и забавлялась пустяками въ это ужасное время. И она дѣйствовала подъ впечатлѣніемъ минуты и по капризу. Въ послѣдующей ея жизни встрѣчаются мгновенія, когда думаешь, вотъ-вотъ она встрепетается и рѣшится на важный шагъ; но тутъ помѣшаетъ ей какое-нибудь личное отвра-

шеніе, и она останавливается на половинѣ пути. У нея вовсе не было тѣхъ грязныхъ качествъ, которыя приписывала ей клевета; но не было также и тѣхъ великихъ чертъ, которыя однѣ могутъ спасать. Тотчасъ же послѣ свадьбы Австріячка стала нелюбима народомъ, потому что этотъ бракъ былъ символомъ роковаго союза 1756 года. Люди, которыхъ нельзя не назвать честными, ненавидѣли ее единственно по этой причинѣ. Она никогда не считалась Француженкой, и этого уже было слишкомъ достаточно для королевы Франціи.

Что, кромѣ этого, связывали съ ея именемъ, принадлежить къ грязной области клеветъ того времени. Принцы крови, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, къ безнравственности котораго королева чувствовала омерзѣніе и который мстилъ ей за это гнусными клеветами, были съ большой партіей французскаго дворянства въ открытомъ заговорѣ противъ нея, и все, что они передавали про «Австріячку», то положительно, то полусомнительно, принималось охотно на вѣру. Ея жизнь была такъ чиста, какъ только можетъ быть чиста жизнь французской королевы. Правда, она была вѣтренна, необузданна, легкомысленна, какъ дитя, и то-и-дѣло вызывала неудовольствія. Но строгій этикетъ французскаго двора, противъ котораго она погрѣшала, скрывалъ подъ самыми утонченными, изящными формами ужасную безнравственность, тогда какъ дворъ Маріи-Терезіи, которому она подражала, отличался самою радушной, непринужденной развязностью и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ нравственно-чистымъ во всей Европѣ. Расточительность королевы также сильно преувеличена. Постройки, сады и т. п. ея затѣи не заслуживаютъ и упоминанія, въ сравненіи съ грѣхами другихъ. Но ужъ такова была мода выставять ее причиной всѣхъ золъ, а короля избавлять отъ всякаго упрека.

И оба эти ребенка, одинъ 20-ти, другая 17-ти лѣтъ, должны были управлять Франціей, ребенка, которые, 15 лѣтъ спустя, все еще шалили и забавлялись съ невыразимою наивною. А между тѣмъ эта королевская чета была самою здоровой кровью изъ всего двора: ея семейная жизнь была образцомъ чистоты, тогда какъ братья короля и все остальное высшее общество уже погрязли въ безднѣ разврата. Для хода дѣлъ съ 1789 года не было лишено значенія то обстоятельство, что эта слабая королевская чета жила въ атмосферѣ, отравленной обществомъ Лудовика XV.

Лудовикъ XVI не принесъ съ собою на тронъ ничего, кромѣ честнаго желанія поступать лучше, чѣмъ достойный проклятія его дѣдъ. Первое, что предвѣщало поворотъ къ лучшему, была перемѣна министерства. Между министрами Лудовика XV было двое до такой степени своевольныхъ, жестокосердыхъ и обремененныхъ ненавистью народа, что дальнѣйшая ихъ служба была невозможна. Мы говоримъ о министрѣ финансовъ Терре (Terre) и о министрѣ юстиціи Мону (Maureou).

Первый изъ нихъ, гнуснѣйшій взяточникъ, былъ достаточно безсовѣ-

стенъ, чтобы воровать себѣ у государства милліоны. Онъ не отличался ничѣмъ, кромѣ отвратительнаго цинизма, съ которымъ, шутя, признавался въ своей пошлости и подсмѣивался надъ гибелью государства. Второй, Мопу, самъ по себѣ порядочный человѣкъ, навлекъ на себя общее раздраженіе тѣмъ, что допускалъ множество гадостей. А закрытіе парламентовъ въ 1771 году сдѣлало привилегированные классы его смертельными врагами. Народъ ненавидѣлъ въ этихъ двухъ людяхъ представителей бывшаго дотолѣ позорнаго образа правленія. По всей Франціи пронесся крикъ восторга, когда король отказалъ имъ. А призванные на ихъ мѣста преемники были не безызвѣстные придворные, но самые открытые представители большой преобразовательной партіи, которая, зародившись въ лучшихъ кругахъ націи, доселѣ пользовалась только литературнымъ значеніемъ и теперь впервые достигала кормила правленія. Притомъ эти люди принадлежали къ самымъ уважаемымъ личностямъ эпохи.

Какъ во всѣхъ областяхъ умственной жизни и творчества, такъ и въ наукѣ государственнаго хозяйства дѣйствовала тогда новая школа: это экономисты или фізіократы.

Система Кольбера, состоявшая въ томъ, чтобы не только охранять сверху государственными мѣрами, но даже искусственно создавать торговлю и промышленность, была доведена его преемниками до крайности. И, вотъ, теперь пришли къ убѣжденію, что она ложна, что если потребители должны оплачивать своими податями процвѣтаніе той или другой отрасли туземной промышленности, которая безъ этого, быть-можетъ, и не возникла бы, то этимъ систематически наносится вредъ всему остальному народному хозяйству, особенно его основѣ, земледѣлію. Теперь выставляли прямую противоположность этой системы: если доселѣ все значеніе принадлежало торговлѣ и промышленности, то теперь оно должно было перейти къ земледѣлію.

Одинъ медикъ, слѣдовательно дилетантъ въ этой области, жившій при дворѣ Лудовика XV, Кенэ, хотѣлъ, чтобы изъ всѣхъ имуществъ и цѣнностей обращалось вниманіе только на землю, а изъ всѣхъ налоговъ только на строго и правильно распределенную поземельную подать. Какъ на единственное средство возвысить, для блага собственниковъ и государства, цѣнность земли до ея естественнаго уровня, онъ указывалъ на освобожденіе сельскаго труда и поземельной собственности отъ всѣхъ несправедливыхъ тяжестей, которыя все еще обременяли ихъ.

Эта школа убѣждала посредствомъ цифръ, какъ пагубны существующія подати, *taille*, *gabelle*, *capitation* и т. д., которыя ради быстрого добыванія денегъ истребляли самый капиталъ народнаго благосостоянія. Она доказывала результатами основательныхъ изысканій во всѣхъ частяхъ страны, какъ глубоко пало повсюду французское земледѣліе, какъ бѣдственно было положеніе крестьянина. На основаніи этихъ данныхъ требовала

она всего того, что неизбежно должно было произойти, чего впоследствии и достигла революция, именно облегчения земледѣлія, свободной торговли хлѣбомъ, уничтоженія безсмысленныхъ привилегій феодализма.

Между людьми, которые уже пользовались въ этой школѣ извѣстнымъ именемъ, самымъ важнымъ былъ Тюрго. Его призваніе въ министерство означало попытку осуществить планъ физиократической реформы.

Опытъ физиократической реформы. Министерство Тюрго и Малерба.

Изъ людей этого направленія одинъ только Тюрго (1727—1781) *) былъ испытанъ на дѣлѣ и доказалъ, насколько было возможно, вѣрность этой системы, приложивъ ее на практикѣ. Будучи интендантомъ Лимузена, проявилъ онъ во время своего 10-лѣтняго правленія поистинѣ творческую дѣятельность. Онъ отказался отъ болѣе блестящихъ мѣстъ въ Руанѣ, Ліонѣ и Бордо, чтобы помочь провинціи, которая въ рѣдкой полнотѣ совмѣщала въ себѣ всѣ недуги старой Франціи: бѣдность и тупость населенія, гнетъ податей и плачевное положеніе земледѣлія, закоснѣлость чиновниковъ и привилегированныхъ классовъ. Его управленіе было непрерывною геройскою борьбой съ ослѣпленіемъ вверху, съ равнодушіемъ и лѣнностью внизу. Результатомъ было множество благодѣтельныхъ преобразованій и восторженная любовь провинціаловъ, которою интенданты вообще не могли похвалиться. Когда Тюрго вступилъ въ министерство, благомыслящіе могли торжествовать. Теперь за кормило правленія брался человекъ, болѣе всѣхъ чиновниковъ Франціи призванный быть преобразователемъ. Къ тому же было извѣстно, что онъ скорѣе пожертвуетъ своимъ мѣстомъ, чѣмъ своими убѣжденіями.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Малербъ, человекъ, достойный полнѣйшаго уваженія, съ незапятнаннымъ именемъ на общественной службѣ. Уволенный по не милости изъ министерства, куда онъ вступилъ лишь по чувству долга, впоследствии онъ вызвался защищать обвиненнаго короля, такъ какъ никто не брался за это, и послѣдовалъ за нимъ на эшафотъ.

Двухъ другихъ такихъ честныхъ людей у Франціи не было.

Жаль только, что король поставилъ во главѣ министерства дряхлаго маркиза Морепа, который нисколько не былъ лучше старыхъ придворныхъ.

*) Dupont de Nemours: *Vie et oeuvres de Turgot*.—Batbie: *Turgot philosophe, économiste et administrateur*. Paris, 1861.—Tissot: *Turgot, sa vie et son administration, ses ouvrages*. Paris, 1862.—Mastier: *Turgot, sa vie et sa doctrine*. Paris, 1862.

Въ русской литературѣ также есть специальное изслѣдованіе о Тюрго. Оно принадлежитъ Муравьеву. *Ред.*

Единственная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ былъ изгнанъ изъ Франціи за одну сатиру на г-жу Помпадуръ. Это былъ интриганъ по склонности и страсти. Часто строилъ онъ самыя пагубныя козни единственно изъ любви къ искусству. Притомъ онъ былъ полонъ подкупающей, но ничтожной граціи и нарядности стараго французскаго дворянина, у котораго находилось красное словцо на всякій случай. Неспособный ни къ какой серьезной мысли, смѣется онъ надъ честными министрами. «Эти господа, думаетъ онъ. воображаютъ, что могутъ что-нибудь сдѣлать, тогда какъ я призвалъ ихъ только для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи людей, лишенныхъ всякой поддержки при дворѣ и потому оставленныхъ на мой произволъ.»

Тюрго принесъ съ собою обширный планъ преобразованій, съ помощью котораго надѣялся осуществить свои смѣлыя обѣщанія: «Нѣтъ болѣе государственнаго банкротства, ни явнаго, ни скрытнаго; нѣтъ ни новыхъ налоговъ, ни новаго займа.»

Вся податная система измѣняется до основанія. Распредѣленіе податей переходитъ въ руки самихъ плательщиковъ, а взиманіе исцѣляется отъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя подрывали, какъ благосостояніе крестьянъ и горожанъ, такъ и доходы государства.

Тюрго начерталъ величественный планъ самоуправленія въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ, которое послужило бы основой истинно-здоровой децентрализаціи. Въ каждомъ городѣ и въ каждой сельской общинѣ избирается муниципалитетъ, общинный совѣтъ, обязанный распредѣлять назначаемыя правительствомъ подати, заявлять о потребностяхъ обывателей, разсуждать о полезныхъ для общины работахъ, заботиться о призрѣніи бѣдныхъ и т. д. Изъ общиннаго представительства должно было выйти окружное, изъ окружнаго—провинціальныя совѣты и, наконецъ, изъ этихъ послѣднихъ—государственные чины. Это была лѣстница учреждений, способная воспитать съ самаго низа духъ самостоятельности, устранить произволъ чиновниковъ и изгладить враждебность между сословіями, — словомъ, это было исполненіе предварительнаго условія всякой политической свободы, до которой во Франціи не достигли и до сихъ поръ.

Откупная система податей преобразовывается. Главныя откупщики податей славились своею жестокостью и безстыдствомъ своихъ плутней. Въ тяжбахъ съ плательщиками они установили правило, что сомнительные случаи рѣшаются въ ихъ пользу. Тюрго дѣйствовалъ наоборотъ: сборъ податей сталъ менѣе жестокимъ и доходъ государственной кассы возросъ. Если у сборщика поземельныхъ податей случался въ кассѣ недочетъ, то онъ захватывалъ четырехъ богатѣйшихъ обывателей своего округа, засаживалъ ихъ въ тюрьму и не выпускалъ, пока они не уплачивали недоимки, въ которой вовсе не были виноваты. Въ выгодахъ главныхъ откупщиковъ, не задумываясь, участвовали значительныя лица при дворѣ. Господа, пользовавшіеся

этими грѣховными деньгами, назывались *seignieirs*, и Лудовикъ XV выдавалъ формальные патенты на эти доходы. Все это должно было просто прекратиться.

Кромѣ того, во Франціи существовали внутреннія пошлины въ такихъ размѣрахъ, что нація черезъ каждые два года была подвержена самымъ страшнымъ хлѣбнымъ кризисамъ. Провинціи все еще были отдѣлены одна отъ другой таможенными линіями, которыя дѣлали невозможною даже торговлю хлѣбомъ. При большомъ разнообразіи почвы во Франціи часто случалось, что въ одномъ мѣстѣ былъ обильный или по крайней мѣрѣ сносный урожай, а въ другомъ полнѣйшій неурожай; и вотъ, пѣлымъ провинціямъ приходилось голодать, тогда какъ рядомъ съ ними находились большіе запасы, ввозу которыхъ препятствовали высокія пошлины, составлявшія предметъ барышничества знатныхъ особъ при дворѣ. Это должно было прекратиться. Торговля хлѣбомъ внутри страны должна была сдѣлаться совершенно свободною. Самые тяжкіе подати и налоги, обременявшіе крестьянина, въ особенности дорожныя пошлины, должны были сначала уменьшиться, а потомъ и вовсе исчезнуть. А когда имущество и трудъ крестьянина вполнѣ освободятся отъ всѣхъ тягостей, вмѣсто всего этого предполагалось назначить умѣренный поземельный налогъ. Какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ должны уничтожиться всѣ формы феодализма: гнетъ цеховъ, привилегіи труда и городской аристократіи. Доселѣ скованныя силы будутъ освобождены и приобрѣтены для общаго блага.

Это былъ не только смѣло задуманный, но и полный опредѣленной, ясной мысли и строгаго согласія между причинами и слѣдствіями планъ преобразованій. «Онъ далъ правильную программу французской революціи, говоритъ одинъ изъ отечественныхъ біографовъ Тюрго: все, не вошедшее въ нее, должно или оспаривать, или отвергать».

24 августа 1774 года Тюрго сталъ министромъ, и уже 13 сентября издалъ указъ о свободѣ внутренней торговли хлѣбомъ. Въ объяснительномъ введеніи указывалось на это предписаніе, какъ на лучшее средство сдѣлать продовольствіе народа независимымъ отъ случайностей временъ года и устранить сильное колебаніе цѣнъ на хлѣбъ. Но уже здѣсь проявилась вся неисправимость перержавѣвшей машины. Не говоря о безчисленныхъ затрудненіяхъ со стороны чиновничества и о сопротивленіи парламента, возставленіе котораго безуспѣшно оспаривалъ Тюрго въ совѣтѣ министровъ (въ ноябрѣ 1774 г.), противъ него была устроена цѣлая мучная война (*la guerre des farines*). Она вспыхнула 20 апрѣля въ Дижонѣ, 1 мая въ Понтуазѣ, и т. д. Снабженныя деньгами шайки бродили по странѣ, захватывали обозы съ хлѣбомъ, осаждали пекарни, угрожали хлѣбнымъ лавкамъ, уничтожали всякіе попадавшіеся имъ хлѣбные запасы. Что дѣло велось обдуманно, это видно между прочимъ изъ правильности движеній этихъ шайекъ, цѣлью которыхъ, какъ вскорѣ оказалось, было выморить Парижъ голодомъ

и этимъ вызвать въ немъ рѣшительный переворотъ. Нити заговора сходились въ высшихъ кругахъ. Морена былъ его душой. Парламентъ нисколько не отличался, по своему направленію, отъ духа этого предпріятія. Онъ, вскорѣ послѣ этого, въ одномъ докладѣ противъ указа Тюрго, высказалъ основное правило, что «французскій народъ можно подвергать налогамъ и барщинамъ, сколько угодно (*que le peuple de France est taillable et corvéable à volonté*)». Королю совѣтовали бѣжать. Его довели до того, что онъ запретилъ употреблять вооруженную силу и понизилъ цѣну на хлѣбъ. Но тогда это было мгновенною слабостью. Тюрго и Малербъ приняли противъ заговора энергическія мѣры. Вспыхнувшій 3 мая въ Парижѣ и въ цѣломъ ряду городовъ мятежъ былъ подавленъ и дѣло было доведено до конца. Тюрго облегчилъ ввозъ хлѣба, приказалъ духовенству распространять въ народѣ объясненія и поученія, отстранилъ нелѣпыя ограниченія въ торговлѣ хлѣбомъ, существовавшія еще въ Парижѣ, Бордо, Руанѣ, Безансонѣ, Мецѣ, Ліонѣ, и въ другихъ городахъ. Столицѣ уже не приходилось болѣе голодать въ то время, когда въ 20-ти часахъ отъ нея хлѣба было въ изобиліи; а торговцы, эти естественные посредники равномернаго распредѣленія, уже не преслѣдовались и не притѣснялись, какъ враги общества.

Послѣ ряда отдѣльныхъ преобразованій, посредствомъ которыхъ Тюрго пытался съ возможно меньшимъ шумомъ отстранить самыя грубыя сопротивленія, потребовалъ онъ отъ короля, прежде чѣмъ приступить къ болѣе важнымъ, кореннымъ мѣрамъ, подписи шести указовъ. Два изъ нихъ, уничтоженіе дорожныхъ повинностей и цеховъ, имѣли глубокое значеніе и поэтому дали сигналъ всѣмъ врагамъ смѣлаго министра идти на приступъ. Разразилась горячая борьба съ парламентомъ *).

*) Въ описываемое время парламентъ во Франціи сохранялъ одно только имя, усвоенное имъ съ глубокой древности, утративъ почти все свое первоначальное значеніе. Въ эпоху господства феодализма, въ X—XIII вѣкахъ, парламентъ, состоявшій изъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ и замѣнившій первобытныя народныя собранія (*les champs de Mars ou de Mai*), игралъ роль полномочнаго совѣта короля, рѣшавшаго всѣ высшія дѣла въ государствѣ, какъ политическія, такъ и судебныя. Усложненіе дѣлъ привело уже при Филиппѣ-Августѣ къ раздѣленію парламента на двѣ палаты, судебную (*Curia Regis*) и политическую (*Cour des Pairs*). Впрочемъ, эти палаты различались тогда между собою только кругомъ своего вѣдомства. Вполнѣ независимыми стали онѣ со времени Филиппа Красиваго, когда *Curia Regis*, сохраняя названіе парижскаго парламента и свой старый, аристократическій составъ, обратилась съ исключительно судебное высшее учрежденіе; а *Cour des Pairs*, расширенная въ 1302 г. введеніемъ въ нее депутатовъ отъ третьяго сословія (*tiers état*), стала высшимъ политическимъ учрежденіемъ въ странѣ, принявъ новое названіе государственныхъ чиновъ (*Etats généraux*). Но весьма важно, что парламентъ сохранилъ за собою одно право чисто-политическаго свойства: всякій законъ, всякій указъ короля о податяхъ долженъ былъ заноситься имъ

1776 г. король приготовилъ великому преобразователю еще одинъ триумфъ: онъ настоялъ на занесеніи указовъ въ протоколъ, несмотря на запальчивыя нападки раздраженныхъ привилегированныхъ. Но идти далѣе у слабаго государя не хватило мужества: 12 мая Тюрго получилъ отставку. 20 мѣсяцевъ занималъ онъ свою должность и успѣлъ уничтожить 23 вида тягостныхъ налоговъ: отмѣнить барщину и цехи; преобразовать взиманіе податей; облегчить отъ бессмысленныхъ пошлинъ торговлю съѣстными припасами, хлѣбомъ, мясомъ и виномъ; устранить много старыхъ злоупотребленій; ограничить продажу должностей; исполнить забытыя обязательства государства; наконецъ, установить сносныя отношенія между приходами и расходами. Тюрго удалился съ горестными предчувствіями касательно участи монарха и монархіи. Историки, признающіе Тюрго человѣкомъ, способнымъ предотвратить революцію своевременными преобразованіями, считаютъ 12 мая 1776 года днемъ, въ который былъ брошенъ жребій о будущемъ Франціи. Несомнѣнно, что послѣ паденія этого министра всѣ попытки остановить приближающійся кризисъ помимо или противъ его программы потерпѣли печальную неудачу. Несомнѣнно также, что между его преемниками не было ни одного, котораго даже злѣйшіе враги, говоря по совѣсти, могли бы упрекнуть только въ томъ, что онъ, «порицая своихъ противниковъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ». Тюрго могъ позавидовать даже Мирабо, еще болѣе великій государственный мужъ, который сказалъ, находясь на вершинѣ своей славы: «О, еслибъ за мной было иное прошедшее!» Тюрго былъ послѣднимъ министромъ, въ незапятнанную честность котораго вѣрила вся Франція. Отъ того удара, который потерпѣло довѣріе къ правительству вслѣдствіе его удаленія, монархія никогда уже болѣе не оправлялась.

въ книгу законовъ, хранившуюся у него. Къ тому же королевская власть, покровительствуя этому феодальному учрежденію, какъ противовѣсу новымъ государственнымъ чинамъ, поддерживала его притязанія на контролированіе требованій послѣднихъ. Вотъ почему, когда государственные чины прекратились въ 1614 г., парижскій парламентъ возгордился тѣмъ, что ему одному во Франціи принадлежитъ тѣнь политическаго значенія, сталъ вмѣшиваться въ правленіе и враждовать съ королевскою властью. Онъ самъ называлъ себя «les Etats généraux au petit pied». Королямъ, конечно, было не трудно подавить эту оппозицію привилегированныхъ сословій, стоявшихъ за свои феодальныя права, уже отжившихъ свой вѣкъ. Для этого имъ стоило только не лѣниться, почаще самимъ приходить въ парламентъ (причемъ засѣданіе называлось троннымъ или подушечнымъ, *lit de justice*), который умолкалъ въ ихъ присутствіи. Въ 1771 г. окончилась знаменитая борьба парламента съ Лудовикомъ XV насильственнымъ подавленіемъ привилегій перваго. Боязливый Лудовикъ XVI, тотчасъ по вступленіи на престолъ, возстановилъ старыя права парламента, который снова поднялъ голову, прикрывая свои корыстныя цѣли громкими фразами въ духѣ времени, въ родѣ верховенства народа, и т. под. Въ рассказѣ Гейссера о министерствѣ Бріена читатели найдутъ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ парижскаго и провинціальныхъ парламентовъ. *Ред.*

Новый финансовый опыт. Неккеръ.

За Тюрго слѣдовалъ Ключьи, поспѣшившій возстановить барщины и цехи. Одинъ изъ современниковъ называетъ его «человѣкомъ безъ совѣсти и чести», другой — «министромъ, управленіе котораго было четырьмя мѣсяцами грабежей, вовсе неизвѣстныхъ королю».

Съ трудомъ добытыя средства вскорѣ истощились. Наступилъ день, когда уже нельзя было покрывать ежедневныхъ расходовъ. Нуженъ былъ финансистъ, который имѣлъ бы кредитъ и доставалъ бы деньги. Остановились на банкирѣ Неккерѣ, который, хотя, какъ протестантъ, и не могъ быть генералъ-контролеромъ, тѣмъ не менѣе былъ на дѣлѣ руководящимъ министромъ финансовъ (1776—1781).

Этимъ и начинается общественная жизнь замѣчательнаго человѣка, долго считавшагося во Франціи самымъ способнымъ государственнымъ мужемъ, который, казалось, подобно Атласу, одно время несъ на своихъ плечахъ революціонную страну, потомъ вдругъ исчезъ безъ слѣда. Неккеръ былъ превосходнымъ банкиромъ. Его домъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ благоустроеннымъ въ Парижѣ и пользовался повсюду величайшимъ кредитомъ. Его состояніе позволяло ему необыкновенныя издержки. Самое избранное общество образованныхъ кружковъ постоянно толпилось у его подъѣзда. У него была даровитая жена, остроумная дочь (впослѣдствіи де-Сталь). Словомъ, онъ былъ авторитетомъ въ литературномъ мірѣ, силой въ финансовомъ. За это-то ему прощали тупое педантство, съ которымъ онъ излагалъ свои ученія тономъ проповѣдника-методиста. Его политическое прошлое обѣщало мало. Тюрго, какъ фізіократъ, былъ противникомъ системы Кольбера; Неккеръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ сдѣлаться представителемъ меркантилизма и снисошелъ до того, что поддержалъ грязную интригу противъ Тюрго весьма посредственною брошюрой, основанной на непростительнѣйшемъ непониманіи взглядовъ Тюрго. По рекомендаціи одного изъ любимцевъ Морепа, вступилъ онъ въ министерство. Здѣсь-то самое дѣло должно было доказать, что онъ ни государственный мужъ, ни финансистъ. Онъ былъ только банкиромъ, а заправлять банкирскимъ домомъ и руководить полуобанкротившимся государствомъ—вещи весьма различныя. Къ этому присоединилось его безграничное тщеславіе, взлѣлаянное взаимною лестью, царствовавшею въ его салонѣ. Подобно тому, какъ въ своемъ «Отчетѣ» (*Compte rendu*) онъ дозволилъ себѣ относительно короля невѣроятную безтактность, потребовавъ отъ него для своей жены чуть не безсмертія, такъ и сочиненіе его дочери о революціи, или, скорѣе, о величайшемъ человѣкѣ этой эпохи, т. е. объ отцѣ, какъ нельзя болѣе вѣрно преданіямъ ея роднаго дома.

У Неккера такіе мелкіе, узкіе взгляды, что, когда дѣло шло о спасеніи

Франціи, онъ не могъ настолько побѣдить себя, чтобы раздѣлить съ какимъ-нибудь соперникомъ славу своего положенія. За исторіей остается отдать ему строгую справедливость. Нелѣпо, какъ это дѣлалось потомъ знатными лицами, предполагать, что онъ создалъ революцію, но еще нелѣпѣе взглядъ тѣхъ, которые утверждали, будто революція не зашла бы такъ далеко, еслибы ему предоставили свободу дѣйствій. О нововведеніяхъ, возбужденныхъ Тюрго, онъ не хотѣлъ и слышать. Тогда какъ тотъ предлагалъ коренное леченіе, этотъ схватывался за опасное крайнее средство, за систему покрывать старые долги новыми. Плохой тотъ хозяинъ, кто покрываетъ ежегодно возрастающій дефицитъ не открытіемъ внутреннихъ источниковъ дохода, а займами, захватываетъ слѣдующій годъ уже для начала настоящаго и, такимъ образомъ, къ бремени наличнаго долга прибавляетъ новую тяжесть процентовъ займа.

Слава Неккера заключалась въ томъ, что онъ искусно умѣлъ дѣлать займы. Ему было это сподручно, какъ ловкому биржевому дѣятелю и обладателю безграничнаго кредита въ дѣловомъ мірѣ. У крупныхъ капиталистовъ Парижа, Лондона, Амстердама не находилось денегъ для Клюньи и Калона; но Неккеру они давали съ охотой. Сверхъ того, онъ умѣлъ возбуждать конкуренцію и получалъ деньги въ займы на сносныхъ условіяхъ, а не за такіе ростовщичьи проценты (какъ было потомъ), что уже при полученіи половина занятой суммы исчезала. Но дѣло въ томъ, что самый принципъ-то былъ дуренъ. Каждый годъ отнимали часть будущаго безъ надежды на прочное улучшеніе. Это значило прикрывать, закутывать рану, терзавшую Францію, вести дѣла побанкротски. Неккеръ назанималъ отъ 1777—1780 года болѣе 500 милліоновъ ливровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позаботился ни о какомъ новомъ вспомогательномъ источникѣ. Онъ ограничился совѣтомъ экономничать при дворѣ и въ управленіи. Первый годъ это кое-какъ шло; но вскорѣ медовые мѣсяцы сбереженій истекли, и снова зажили открыто, не менѣе легкомысленно, чѣмъ когда-либо. Этимъ способомъ можно было временно покрыть дефицитъ, но и то ненадолго.

Ко всему этому присоединилось нѣчто новое, выставившее его заслугу еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Франція бросилась въ американскую войну. Восторженное настроеніе вышихъ классовъ, старая ненависть къ Британцамъ, появленіе Франклина, обворожавшаго своей изысканною простотой и французскій народъ, и французское дворянство,—все это дѣйствовало заодно, чтобы увлечь Францію на путь войны и удержать ее на немъ. Въ такомъ положеніи искусство Неккера добывать деньги среди самой войны было ослѣпительною заслугой.

Но Неккеръ распоряжался насчетъ будущихъ поколѣній, удовлетворялъ лишь безотлагательнымъ потребностямъ минуты и дѣйствовалъ по правилу: *après nous le déluge*. Въ 1780 и 1781 годахъ съ прежними средствами дѣло шло уже не вполнѣ удачно. Неккеръ убѣждался, что

наступаетъ минута, когда возрастающія затрудненія заставляютъ подумать о новыхъ вспомогательныхъ источникахъ. Тогда напалъ онъ на мысль, что провинціальныя собранія, уничтоженіе дорожныхъ повинностей, уменьшеніе поголовной подати—все это не пустяки. Все вышло согласно съ восклицаніемъ изумленнаго Людовика XVI: «Да вѣдь это все Тюрго!» Калонъ пришелъ въ послѣдствіи къ тому же результату.

Чтобы приготовить этотъ оборотъ дѣла, Неккеръ написалъ свой Отчетъ, въ которомъ онъ изложилъ въ главныхъ чертахъ прежде всего королю свѣдѣнія о положеніи французскихъ финансовъ. Онъ выполнилъ это несовсѣмъ правдиво. Есть особое искусство группировать числа такъ, что расходъ совершенно совпадаетъ съ доходомъ и только въ какомъ-либо закоулкѣ, рѣдко замѣтномъ для читателя, проглядываетъ дефицитъ. Этимъ не пренебрегъ и Неккеръ. Его Отчетъ не вскрывалъ ни дѣйствительнаго состоянія дѣлъ, ни существенныхъ ошибокъ правительства. Онъ не искажилъ цифръ, но расположилъ ихъ такъ, что скрылъ все, къ чему можно придраться. Въ послѣдствіи думалъ онъ такимъ же образомъ обмануть и національное собраніе, но это ему не удалось.

Впрочемъ Отчетъ не былъ лишенъ значенія. Онъ открывалъ свободный видъ въ чашу лѣса и давалъ матеріалъ для вычисленій и размышленій тому, кто былъ способенъ взглянуть поглубже. Далѣе онъ обнаруживалъ безграничную расточительность двора и какъ бы пальцемъ указывалъ на самое больное мѣсто, которое при всякихъ обстоятельствахъ требовало преобразованій. Отчетъ былъ самою краснорѣчивою защитой неизбежности преобразованій, изъ-за которыхъ палъ Тюрго.

Неккеръ не могъ ограничиться представленіемъ своего труда одному королю. Ему хотѣлось блеснуть имъ передъ обществомъ, и онъ напечаталъ его. Это необыкновенный шагъ во всякой монархіи, тѣмъ болѣе въ абсолютной, одна изъ главныхъ чертъ которой—таинственность въ управленіи. Неккеръ первый проложилъ этотъ путь, и за это міръ сталъ носить его на рукахъ. Дѣйствительное значеніе чиселъ Отчета было тогда сильно преувеличено. Какъ мало выдерживали критику его вычисленія, это было въ послѣдствіи доказано до очевидности. Но за нимъ осталась та заслуга, что онъ вообще заговорилъ первый, сдѣлалъ предметъ такой громадной важности, доселѣ хранившійся въ безусловной тайнѣ, доступнымъ сужденію общества.

Дворъ, какъ ни сильно былъ онъ и безъ того опозоренъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе и осыпалъ Неккера яростными нападками. Неккеръ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ у короля, чтобы, въ удовлетвореніе за нападки двора, онъ назначилъ его дѣйствительнымъ генералъ-контролеромъ и ввелъ его въ королевскій совѣтъ. Король отказался, и Неккеръ понялъ, что его часъ пробилъ. Онъ удалился (19 мая 1781 г.), а общественное мнѣніе вывело отсюда нравоученіе, что съ этимъ дворомъ

вообще каши не сваришь. Неккеръ, болѣе гибкій, чѣмъ Тюрго, этотъ смѣлый преобразователь, настаивалъ не на измѣненіяхъ, равнявшихся внутренней революціи, а лишь на сбереженіяхъ, чтобы по крайней мѣрѣ возстановить сносное отношеніе между приходами и расходами, и все-таки палъ.

Калонъ. Финансовый и нравственный переломъ.

Послѣ двухлѣтняго безцѣльнаго колебанія между Жоли де-Флери и д'Ормессономъ, 3-го октября 1783 года наступило министерство Калона.

Бывшій лильскій интендантъ приходился по душѣ принцамъ крови, графу Артуа, герцогу Орлеанскому и компаніи. Онъ не требовалъ ни преобразований, какъ Тюрго, ни мѣщанской экономіи, какъ Неккеръ; раздѣлялъ ихъ нравы и убѣжденія, или, скорѣе, полнѣйшее отсутствіе и тѣхъ и другихъ; былъ боекъ на словахъ и на бумагѣ. У него всегда было наготовѣ красное словцо и никогда не проявлялось способности краснѣть. Банкротъ въ собственной частной жизни, увлекаетъ онъ въ ту же участь и государство. Въ своемъ образѣ дѣйствій корчитъ онъ Неккера, исчерпываетъ до послѣдней капли его систему займовъ и ея крайностями доказываетъ, какъ безусловно ложна была эта метода. Онъ дѣлалъ заемъ за займомъ, но такъ, что обыкновенно четверть суммы отдавалась впередъ: иначе ему не довѣряли денегъ. Притомъ онъ расточалъ казну поистинѣ неслыханнымъ образомъ.

Но послушать его, такъ въ колоссальныхъ расходахъ, которые дѣлались насчетъ государства частью имъ самимъ, частью съ его дозволенія дворомъ и цѣлою ватагой паразитовъ, былъ хорошо обдуманый, мудрый планъ. «Кто хочетъ занимать, говоритъ онъ, тотъ долженъ казаться богатымъ и жить пышно. Сберегать не только глупо, но и опасно: это возбуждаетъ подозрѣніе въ плохомъ состояніи дѣлъ и удерживаетъ капиталовъ отъ довѣрія. Станемъ же побольше давать, чтобы побольше и получать!» Нельзя откровеннѣе обрисовать безсовѣстнаго мота, чѣмъ этими его собственными словами. Такимъ образомъ, Калонъ дѣлалъ большія покупки и колоссальные заказы, чтобы, какъ говорилось, поднять промышленность и распространить во всемъ лучезарномъ придворномъ кружкѣ сказочный блескъ. Дѣло шло нѣкоторое время, пока не рухнуло разомъ. Въ 1787 г. кредитъ Калона лопнулъ. Требовалось что-нибудь предпринять, чтобы открыть новые доходы, и вотъ онъ набросился на преобразования, для которыхъ проворно составилъ пеструю программу по мыслямъ Тюрго, Неккера, Машо (Machault) и Кольбера. Самое важное въ этой программѣ, какъ-то: поземельная подать, уничтоженіе барщинъ и цеховъ, свобода торговли хлѣбомъ, учрежденіе приходскихъ, окружныхъ и провинціальныхъ собраний,—все это было заимствовано у Тюрго, который, къ счастью, не дожидая до этого поруганія своихъ великихъ идей легкомысленнымъ иска-телемъ приключеній.

Конечно, ничего подобного нельзя было провести ни при парламентѣ, ни при старыхъ чинахъ. А при нотабляхъ? *) Такъ называлось собраніе выборныхъ представителей отъ всѣхъ классовъ націи, которые не избирались, а назначались королемъ, и потому должны были признаны лишь кажущимся представительствомъ сословій. Въ спокойное время, когда правительство находится въ безспорномъ обладаніи всѣмъ своимъ могуществомъ, такое крайнее средство не опасно. Но въ такую эпоху, какъ описываемая, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ эта кажущаяся уступка, которая увеличиваетъ безпокойное движеніе массъ, ничуть не удовлетворяя ихъ требованій.

Король далъ свое согласіе. Нотабли были созваны. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ имъ собраться, въ Версалѣ была прибита театральная афиша съ язвительнымъ объявленіемъ: «Господинъ генераль-контролеръ пригласилъ новую труппу актеровъ, которая въ понедѣльникъ, 29 мая, будетъ играть при дворѣ. Будутъ даваться: главная пьеса, Ложная искренность, и второстепенная, Согласіе противъ воли. Затѣмъ послѣдуетъ балетъ, аллегорическая пантомима сочиненія г. де-Калона, подъ заглавіемъ: Бочка Данаидъ». Что Калонъ надѣялся уговорить нотаблей, это доказывалъ уже его первый шагъ. Но вскорѣ онъ понялъ свою ошибку. Предварительное условіе всякаго соглашенія, довѣріе, которымъ въ высшей степени пользовался Тюрго, было разрушено до основанія, и не позорному Калону было вознаградить эту потерю. А тутъ еще всеобщее отвращеніе къ монархіи и ко двору было довершено въ послѣдніе годы обстоятельствами, лежавшими внѣ финансовыхъ затрудненій. Мы говоримъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ сѣверо-американскими событіями и о страшномъ нравственномъ пораженіи, которое потерпѣлъ дворъ въ пресловутой исторіи ожерелья.

Вліяніе сѣверо-американскихъ событій. Дворъ и исторія ожерелья.

Миръ 1783 года закончилъ сѣверо-американскую войну. Волонтеры изъ французскаго дворянства и послѣднія переправленные за океанъ вспомогательныя войска возвращались на родину. Съ этимъ совпало многое, что

*) Собраніе нотаблей соответствовало, по составу, своему названію, несовсѣмъ современному въ концѣ XVIII вѣка. Оно состояло изъ членовъ королевскаго совѣта, министерствъ и парламента, да изъ представителей духовной и свѣтской аристократіи. Чтобы обмануть народъ, чтобы сказать, что это представительство цѣлой націи, сюда призывали нѣсколько человѣкъ изъ третьяго сословія. Такимъ образомъ, собраніе нотаблей, созываемое королемъ по произволу и лишенное всякихъ правъ, кромѣ пустаго совѣщательнаго голоса, было игрушкою трона, употреблявшаго его орудіемъ сначала противъ государственныхъ чиновъ, а съ 1614 г. противъ парламента, сохранявшаго хотя тѣнь политическаго значенія и независимости. *Ред.*

придавало ихъ появленію глубокое, потрясающее вліяніе на націю. Вмѣшательство въ борьбу съ стариннымъ врагомъ, обѣщавшую восстановленіе чести французскаго оружія, такъ сильно пострадавшей въ Семилѣтнюю войну, казалось само-по-себѣ шагомъ, не лишеннымъ политическаго значенія. Но на дѣлѣ правительство пожало тутъ совсѣмъ другіе плоды. Не станемъ говорить о томъ, каково было французскимъ финансистамъ, при всѣхъ другихъ тяжестяхъ, выносить еще бремя войны. Важнѣе было то горячее участіе, которое принимала вся образованная Франція въ побѣдѣ политической свободы въ Сѣверной Америкѣ.

Зрѣлище счастливаго созиданія демократическаго порядка на почвѣ, гдѣ никогда не было ни старой монархіи, ни старыхъ сословій и привилегій, произвело чарующее впечатлѣніе даже на такія трезвыя страны, какъ Германія. Вся Европа была объята изумленіемъ передъ этимъ простымъ народомъ ремесленниковъ, купцовъ, арендаторовъ, которые такъ неподобно умѣли предводительствовать войсками и руководить политикой своего отечества. Глубже, чѣмъ гдѣ-либо, отразилось это во Франціи, во-первыхъ потому, что здѣсь общество воспламенялось легче, нежели въ другихъ мѣстахъ, во-вторыхъ потому, что разница между положеніемъ дѣлъ по сю и по ту сторону океана выступала здѣсь въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Прибавимъ къ этому, какой капиталъ свободомыслія, таланта, вліянія возвращался теперь въ старую Францію съ Лафайетами, Ноайлями, Рошамбо, Биронами, Ламетами, и мы будемъ въ состояніи измѣрить силу, которую должны были развить на этой почвѣ идеи американской свободы въ то самое время, когда монархія съ каждымъ днемъ близилась къ объявленію своего банкротства.

Но не должно умалчивать также и о той грубой ошибкѣ, въ которую впадали мечтатели изъ кружка обамериканившагося дворянства.

Они не видѣли, что въ американской жизни было нѣчто, чего не доставало въ большинствѣ другихъ странъ и особенно во Франціи. Это были слѣды старой пуританской строгости, выработки и доблести, вынесенныхъ нѣкогда предками этихъ людей изъ своей европейской митрополіи. Именно на строгости семьи и нравовъ, уже незнакомой ни одному государству въ Европѣ, покоились изумительныя демократическія формы Америки. Добродѣтели, именно называвшіяся тогда республиканскими, были здѣсь налицо, и люди, стоявшіе во главѣ народа, служили образцами остальному обществу. Сравните серьезный нравственный духъ и мужественное достоинство, жившіе въ вождяхъ американскаго народа, съ страшною распушенностью, царствовавшей во французскомъ обществѣ, и вы ужаснетесь при мысли соединить американскія государственныя идеи съ французскими порядками. Но тогда благородные умы не замѣчали этого, а между тѣмъ именно при ихъ возвращеніи открылась вся бездна этой испорченности.

Надъ правительствомъ разразилась одна изъ тѣхъ позорныхъ исторій,

которыя нерѣдко предвѣщаютъ наступленіе взрыва, причемъ людская подозрительность играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ само событіе. Скандалъ вовсе не былъ такъ тѣсно связанъ съ дворомъ, какъ тогда думали. Но это ничего не значило: молодой дворъ несъ на себѣ проклятіе стараго даже тамъ, гдѣ онъ менѣе всего этого заслуживалъ. Таково было значеніе знаменитой исторіи ожерелья, въ которую было запутано имя королевы.

Въ Парижѣ жилъ одинъ знатный господинъ, который, какъ типъ стараго общества, почти заслуживаетъ цѣлой біографіи. Мы говоримъ о кардиналѣ де-Роганѣ, архіепископѣ страсбургскомъ, бывшемъ нѣкогда посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ. Мемуары того времени сообщаютъ намъ подробное описаніе его жизни. Онъ принадлежалъ къ одной изъ первыхъ фамилій въ государствѣ: король звалъ его «mon cousin». Онъ былъ одинъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, что не мѣшало ему вести невыразимо безбожную жизнь. Недавно изданныя записки баронесы д'Оберкирхъ прекрасно и безъ всякой злобы обрисовываютъ его во всемъ его утонченномъ развратѣ. Болтливый и легкомысленный, онъ, проживая въ Вѣнѣ, разглашалъ по Парижу множество разныхъ мелочей о вѣнскомъ дворѣ. Королева узнала объ этомъ, и посланникъ былъ отозванъ.

Роганъ получалъ почти королевскій доходъ и жилъ, хотя и постоянно терзаемый своими кредиторами, но сообразно съ достоинствомъ имперскаго князя Германіи, почти равнявшагося высшимъ чинамъ государства. Его положеніе могло бы утѣшить всякаго другаго въ немилости; но онъ не могъ жить безъ солнца придворнаго благоволенія. Всѣ его мечты и помыслы были направлены къ тому, чтобы опять попасть въ милость при дворѣ. Этимъ воспользовалась шайка плутовъ. Одна крестьянская дѣвушка, отецъ которой назывался Валуа, съ помощью этого имени сдѣлала себѣ въ знатномъ обществѣ карьеру. Она утверждала, и ей вѣрили, что происходитъ отъ незаконнорожденного сына Генриха II. А въ старой Франціи дошло уже до того, что сплошь и рядомъ считалось гораздо приличнѣе происходить отъ какого-нибудь знатнаго незаконнорожденного сына, чѣмъ быть ребенкомъ честныхъ людей.

Затѣмъ наша Валуа нашла достойнаго супруга, какого-то лейбгвардейца, именовавшагося «графомъ»,—и вотъ она стала графиней Ламотъ-Валуа. «Графъ» принадлежалъ къ своеобразному классу французскаго общества, къ тѣмъ искателямъ приключеній, которые вѣчно колебались между висѣлицей и салономъ и умѣли играть въ свѣтѣ извѣстную роль *).

*) Описываемый здѣсь характеръ m-me Ламотъ, бывшей m-lle de Saint-Remy de Valois, и ея роль въ исторіи ожерелья въ послѣднее время подтвердились записками одного изъ ея любовниковъ: *Mémoires du comte Beugnot. ped.*

Другимъ актеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ графъ Калиостро, великій чародѣй, это поистинѣ чужездное растеніе въ обществѣ, которое отвергло старую вѣру только для того, чтобы броситься въ объятія новаго суетвѣрія, и разорвало съ церковью, чтобы предаться господамъ, о которыхъ, говоря снисходительно, нельзя было сказать, гдѣ у нихъ кончается мечтатель и начинается мошенникъ. Онъ занялъ деньги у Рогана, какъ бы по порученію королевы, и раздѣлилъ свою добычу съ Валуа. За такую жертву слѣпо-довѣрчивому іерарху была обѣщана милость королевы и даже еще больше. Но главною ловушкой должно было послужить драгоцѣнное брилліантовое ожерелье, цѣною въ полтора милліона*), которое ювелиры предлагали королевѣ, но безуспѣшно, потому что оно была слишкомъ дорого для нея. Кардиналу втолковали, что онъ окончательно побѣдитъ сердце королевы, если поможетъ ей пріобрѣсти эту драгоцѣнность. Записками съ фальшивыми подписями мошенники довели дѣло до того, что кардиналъ поручился ювелирамъ въ уплатѣ суммы, которую королева будто бы обѣщала отдавать по частямъ. Нѣсколько времени дѣло шло хорошо. Графъ Ламотъ отправился съ ожерельемъ въ Англію и прокутилъ тамъ выручку съ добрыми друзьями, тогда какъ ювелиры были въ полной увѣренности, что продали украшеніе королевѣ. Но кардинала все-таки поражало, что королева никогда не носила ожерелья, и, какъ ни появлялся онъ при дворѣ, всегда обращалась съ нимъ попрежнему, съ отталкивающимъ, габсбургскимъ величіемъ. На свою жалобу объ этомъ получилъ онъ изъ фабрики Ламотъ нѣжныя письма и, наконецъ, даже увѣренія въ свиданіи съ королевой въ версальскомъ паркѣ. Нарядили какую-то распутную женщину, видомъ и ростомъ походившую на королеву, и она имѣла свиданіе съ дѣтски-наивнымъ кардиналомъ. Такъ тянулась эта грязная исторія цѣлыхъ два года. Всего отвратительнѣе тутъ было то, что во всѣхъ этихъ кружкахъ не зародилось даже сомнѣнія: мыслимо-ли, чтобы королева взяла въ поручители своей честности такого опозореннаго человѣка, какъ кардиналъ, и даже вступила съ нимъ въ любовную связь?

Наконецъ, должна была настать развязка. Ювелирамъ оставалось еще получить часть суммы, и они обратились непосредственно къ королевѣ, не объясняя ей однако всего. Королева не обратила вниманія на росписку. Ей казалось, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Нѣсколько времени спустя, ювелиры пришли снова, съ твердымъ намѣреніемъ не обходить на этотъ разъ и короля. Гнусный обманъ обнаружился. Король въ первомъ порывѣ негодованія велѣлъ схватить кардинала въ церкви, во время большаго торжества. Но этимъ онъ нанесъ лишь самое глубокое оскорбленіе всему

*) Ожерелье стоило собственно 1,800,000 ливровъ, тысячъ семьсотъ рублей сер. *Ред.*

духовенству. Далѣе онъ повелъ себя относительно обманутаго обманщика такъ, что далъ недоброжелателямъ вождѣльное оружіе противъ двора.

Усилія двора выхлопотать у парламента обвиненіе кардинала возродили подозрѣніе, что его хотятъ заставить молчать, чтобы онъ не разсказалъ еще чего нибудь. И во всей Франціи никто не сомнѣвался, что «Австріячка», способная на все худшее, была виновата и въ этомъ дѣлѣ.

Парламентъ объявилъ Рогана невиннымъ: кардиналъ не совершалъ-де приписываемаго ему преступленія, а что онъ совершилъ, то не было преступленіемъ. Народъ радостно привѣтствовалъ приговоръ судей. Дворъ потерпѣлъ страшное пораженіе и, наконецъ, сдѣлалъ еще глупость, купивъ у Ламотовъ рукопись объ этомъ дѣлѣ, чтобы ея не напечатали. Такимъ образомъ, скандалъ еще болѣе увеличился. Впослѣдствіи рукопись, конечно, была напечатана, а поступокъ двора сочли доказательствомъ, что ея содержаніе заслуживало вѣры. Теперь уже не было такого гадкаго оружія, такой грубой клеветы, которыми не воспользовалась бы ненависть къ королевской власти. *)

ГЛАВА IV.

Калонъ и нотабли.

22 февраля 1787 года было открыто собраніе нотаблей. Оно должно было состоять изъ 7 принцевъ крови, 14 епископовъ, 36 герцоговъ и пэровъ, 12 государственныхъ совѣтниковъ, 38 президентовъ, 12 выборныхъ изъ земства и 25 городскихъ головъ,—всего изъ 144 членовъ. Но явилось только 120 или 130 человѣкъ. Калонъ встрѣтилъ въ собраніи такое же противодѣйствіе своимъ преобразовательнымъ праектамъ, какъ нѣкогда Тюрго въ парламентѣ. Къ нежеланію участвовавшихъ здѣсь привилегированныхъ сословій приносить жертвы, которыхъ требовала каждая изъ предлагаемыхъ реформъ, присоединились еще ненависть и недовѣріе ко всему правительству, которыя, какъ было убѣждено собраніе, раздѣляло съ нимъ почти все общественное мнѣніе. Понятно, что Калонъ совсѣмъ подорвалъ свою игру, когда такъ неблагоразумно вздумалъ обманывать собраніе насчетъ дѣйствительнаго положенія финансовъ. Между нотаблями, въ сущности представлявшими старую Францію съ ея злоупотребленіями и привилегіями, нашелся-таки человѣкъ, выражавшій собою юную Францію съ ея

*) Подробная исторія «алмазнаго ожерелья» переведена изъ Т. Карлейля въ журналъ Заря (1869 г., № 7). *Ред.*

мечтами о свободѣ и человѣческихъ правахъ. Это былъ Лафайетъ, который, съ свойственною ему небрежностью, предлагалъ собранію множество хорошо задуманныхъ, но плохо обсужденныхъ проектовъ и, между прочимъ, вымолвилъ великое слово: созваніе государственныхъ чиновъ. Калонъ потерпѣлъ у нотаблей полное банкротство. Они не только отвергли его предложенія, но доказали ему, что онъ сознательно обманывалъ ихъ. Онъ не могъ оставаться на своемъ мѣстѣ, и его замѣнилъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ораторовъ оппозиціи, архіепископъ тулузскій, Ломени де Бриенъ.

Бриенъ и парламенты (1787—1788).

Бриенъ распустилъ нотаблей и снова попробовалъ взяться за парламенты. Его программа также была повтореніемъ идей Тюрго, и ея судьба движется все въ томъ же очарованномъ кругу. Парламенты противятся преобразованіямъ, которыхъ требуетъ правительство, но тѣмъ же неблагороднымъ побужденіямъ сословнаго духа, которыя дѣйствовали и прежде. На этотъ разъ они принарядились только въ нѣчто новое, въ хвастливыя демократическія рѣчи. Быть-можетъ, въ цѣломъ парижскомъ парламентѣ было всего двое серьезныхъ демократовъ, доказавшихъ потомъ свою искренность. Изъ самыхъ же громогласныхъ ораторовъ вышли потомъ ревностнѣйшіе фанатики реакціи.

Начинается самая странная борьба. Оба представителя стараго порядка вещей терзаютъ другъ друга, работаютъ надъ собственной погибелю и дѣйствуютъ при этомъ тѣмъ оружіемъ, употребленіе коего послужило страшною школою для революціи. Но что для насъ всего удивительнѣе, такъ это—положеніе, принятое общественнымъ мнѣніемъ относительно обоихъ противниковъ. Правительство желаетъ преобразованій, необходимыхъ народу, какъ хлѣбъ насущный; а парламенты борются противъ преобразованій, т. е. противъ народа. И, тѣмъ не менѣе, народъ съ восторгомъ привѣтствуетъ парламенты, страстно работаетъ заодно съ ними надъ ниспроверженіемъ правительства.

Парламентамъ посчастливилось не потому, что народъ любилъ ихъ, но потому, что они составляли оппозицію всѣмъ ненавистному правительству. Не побудительныя причины, но самый фактъ оппозиціи находилъ себѣ сочувствіе. Парламенты вовсе не замѣтили этого, когда, окруженные благоволеніемъ народа, ниспровергали монархію. Но когда была одержана побѣда, они сами были отвергнуты, какъ мертвечина, и стали жертвами революціи, воспитанію которой сами помогали *).

*) Съ этой стороны исторія парламентской революціи превосходно описана въ приведенныхъ уже разъ «Châpitres inédits» Токиля. Ср. статью Гейссера о томъ же въ Preussische Jahrbücher, XX, 128—154.

Правительство выставило противъ парламента свое обыкновенное оружіе, такъ-называемое подушечное засѣданіе (*lit de justice*). 6 августа 1787 года оно насильственно вынудило внесеніе указовъ въ протоколъ и, когда парламентъ сильно протестовалъ противъ этого, удалило его въ Труа (Troyes), одинъ изъ провинціальныхъ городовъ. Тутъ рассчитывали на то, что скука и отсутствіе занятій сдѣлаютъ этихъ господъ болѣе сговорчивыми. И справедливо: такъ и случилось. Нѣсколько времени спустя, они готовы были на уступку, чтобы получить возможность возвратиться. Въ сентябрѣ была заключена постыднѣйшая сдѣлка, въ силу которой привилегированныя сословія еще разъ удержали за собой ненавистную поземельную и подушную подати и за это дозволили правительству пустить въ ходъ, направленную противъ остальнаго народа, старую машину обременительныхъ налоговъ, удвоить двадцатину (*vingtième*).

Но этимъ не кончилась борьба, потому что финансы не улучшались; а до нихъ уже нельзя было дотронуться, не нападая на весь государственный строй монархіи.

Вскорѣ опять дошли до того, что для спасенія отъ самаго крайняго безденежья принуждены были прибѣгнуть къ системѣ королевскихъ приказовъ (*ordre du roi*) и королевскихъ засѣданій (*séance royale*), въ которыхъ не диктовались рѣшенія въ суровыхъ формахъ подушечнаго засѣданія, но допускались пренія и подача голосовъ,—все это, разумѣется, въ присутствіи неограниченнаго монарха. Въ подобныхъ случаяхъ Людовикъ XVI былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Ни по природѣ, ни по привычкѣ неспособный представлять внѣшнее достоинство королевской власти, онъ чувствовалъ себя вовсе не на своемъ мѣстѣ, когда ему нужно было говорить публично. А когда ему приходилось, какъ въ настоящемъ случаѣ, выражаться языкомъ диктатора, то обыкновенно тонъ и жесты изобличали ложь въ содержаніи его рѣчи. Тутъ-то герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ первый шагъ на поприщѣ политики. Когда просто потребовали внесенія въ протоколъ новаго займа, вмѣсто того, чтобы возвѣститъ результатъ подачи голосовъ, герцогъ Орлеанскій спросилъ.

«Развѣ это подушечное засѣданіе?»

— Нѣтъ, отвѣтилъ король: это просто королевское засѣданіе.

«Такая форма занесенія въ протоколъ незаконна», замѣтилъ герцогъ.

— Законна, возразилъ король, потому что я выслушалъ уже всѣ мнѣнія.

Когда король вышелъ изъ залы, не закрывъ засѣданія, парламентъ присоединился къ протесту герцога. Правительство возстало противъ послѣдняго и двухъ другихъ парламентскихъ совѣтниковъ. Это вызвало всеобщее неудовольствіе въ государствѣ. Король думалъ положить всему конецъ, послѣдовавъ несчастному совѣту. Именно въ одинъ и тотъ же день, 17 апрѣля 1788 г., онъ съ одной стороны отмѣнилъ распоряженія противъ герцога и обоихъ совѣтниковъ, съ другой — издалъ объявленіе о своихъ

королевскихъ правахъ, которое было принято всѣми за предвѣщаніе политическаго переворота. Цѣлый мѣсяцъ для всѣхъ были тайной подобнаго рода замыслы. Но апрѣльское объявленіе, высокоумѣнно излагавшее ученіе Стюартовъ объ исходящемъ отъ Бога всемогуществѣ короля, устраняло послѣднее сомнѣніе въ предстоявшемъ. Всѣ знали, какъ далеко было Людовику XVI до своего предка, языкомъ котораго его заставляли говорить министры. Ему недоставало быстроты и энергіи въ поступкахъ, рѣшимости въ выборѣ средствъ,—а это необходимо, чтобы придать вѣсъ такимъ словамъ. Поэтому его объявленіе было на дѣлѣ лишь знакомъ къ организаціи противодѣйствія насилію. Выказанное при этомъ мужество было довольно дешево.

Въ то же время, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, когда въ глубочайшей тайнѣ печатались приказы о судебной реформѣ и объ уничтоженіи парламентовъ, парламентъ обсуждалъ обнародованіе правъ французскаго народа, изложенное въ замѣчательномъ докладѣ д'Эпремениля отъ 3 мая. Вслѣдъ за предисловіемъ, которое открыто указываетъ на тайныя намѣренія двора, здѣсь говорится:

«Франція есть монархія, управляемая королемъ на основаніи существующихъ законовъ. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ основные и обнимаютъ и освящаютъ:

- «1) Право на престолъ мужеской линіи царствующаго королевскаго дома;
- «2) Право націи изъявлять согласіе на подати черезъ посредство государственныхъ чиновъ, правильно созываемыхъ и составляемыхъ;
- «3) Обычное право и привилегіи (*capitulations*) провинцій;
- «4) Несмѣняемость судей и право судебныхъ мѣстъ каждой провинціи обсуждать приказы короля и принимать ихъ въ томъ только случаѣ, если они, съ одной стороны, соотвѣтствуютъ конституціоннымъ законамъ провинціи, съ другой—не противорѣчатъ основнымъ законамъ государства;
- «5) Право каждого гражданина всегда и во всякомъ случаѣ судиться у своего естественнаго судьи;
- «6) Самое существенное изъ правъ, безъ котораго всѣ остальные ничто, именно: никогда, ни по какому повелѣнію не подвергаться аресту, исключая тѣхъ случаевъ, когда арестованный немедленно передается въ руки мѣстнаго судьи.

«Парламентъ протестуетъ противъ всякихъ нападокъ на только-что изложенные основные законы. Онъ единогласно объявляетъ, что никогда не отступить отъ этихъ законовъ. А если насильно прекратятъ его дѣятельность, то онъ вручаетъ неусыпное попеченіе объ нихъ королю, его высокому семейству, перамъ монархіи, государственнымъ чинамъ и каждому изъ собравшихъ или несобравшихъ сословій, составляющихъ націю».

Это объявленіе напоминало по языку *Petition of right* 1628 года *). Парламентъ самъ не зналъ, что говорилъ. Онъ ссылался на права, которыя отчасти никогда не существовали въ такомъ видѣ, отчасти уже давно утратили свое значеніе: ихъ истинные источники находились не въ древнихъ грамотахъ, а въ духѣ времени. Парламентъ былъ увлеченъ потокомъ революціи.

Вечеромъ 5-го мая, среди засѣданія парламента, правительство арестовало двухъ его членовъ, д'Эпремениля и Гуалара де-Монсаберъ, а 8-го обнародовало единовременно во всей Франціи указы, которыми преобразовывалось старое судоустройство, парижскій парламентъ замѣнялся такъ-называемымъ полнымъ судомъ (*cour plénière*), а дѣятельность остальныхъ парламентовъ переходила въ новые высшіе суды (*Grands baillages*) **). До 10 мая казалось, что государственный переворотъ вступилъ въ силу, благодаря подушечнымъ засѣданіямъ. Но тутъ представилось любопытное зрѣлище. Все дворянство, этотъ теперь единственный ходатай націи, еще сохранившій право говорить, возстало за парламентъ, и переворотъ посредствомъ указовъ не удался. Члены новыхъ судовъ подверглись парламентской опалѣ; государственные чины въ провинціяхъ взволновались; никто не сталъ повиноваться губернаторамъ и интендантамъ; не слушались даже штыковъ. Словомъ, вся машина отказывалась служить, и правительство потерпѣло полнѣйшее пораженіе, хотя почти нигдѣ дѣло не доходило до сильныхъ столкновеній или до серьезнаго кровопролитія. При этихъ безпорядкахъ высокое и высшее дворянство употребляло во многихъ мѣстахъ, особенно въ Парижѣ, обоюдоострое оружіе: оно возбуждало массы и приводило въ движеніе всякій сбродъ, въ родѣ того, который нѣкогда велъ «мучную войну» противъ Тюрго. Именно оно устроило первыя упражненія парижской черни въ дѣлѣ анархіи, хотя потомъ само не мало дивилось тому, что, какъ оказалось, народъ умѣетъ владѣть этимъ оружіемъ и безъ своихъ командировъ, а подчасъ даже противъ нихъ. Министръ, присовѣтовавшій послѣднія мѣры, не могъ, разумѣется, оставаться на своемъ мѣстѣ. Бріенъ получилъ отставку (въ августѣ), и король во второй разъ призвалъ Неккера. Ликованіе народа привѣтствовало этотъ выборъ.

*) Этотъ законодательный актъ, вынужденный англійскимъ парламентомъ у того самаго Карла I, который уже 10 лѣтъ обходился безъ парламента, служить одною изъ главныхъ опоръ политической свободы Англичанъ. Имъ утверждалась неприкосновенность личности и собственности гражданъ Англіи. *Ред.*

**) *Cour plénière* составлялась лишь изъ членовъ высшаго дворянства и придворной знати. Ей переданы были остатки политическихъ правъ, сохранявшіеся въ парижскомъ парламентѣ. Провинціальныя парламенты сильно ограничивались указами 1788 года: большая часть дѣлъ, въ которыхъ не были замѣшаны привилегированные классы, переходила въ новые суды, въ *grands baillages*. *Ред.*

Неккеръ и государственные чины.

Нѣтъ ничего удивительнѣе той веселой неустрашимости, съ которою этотъ человѣкъ взялся теперь за кормило правленія. Тутъ было что-то почти комическое. Съ величайшею беззаботностью вступаетъ онъ на утлый челнъ, убѣжденный, что требовалась только его богатырская рука, чтобы все пришло въ порядокъ, — и это при обстоятельствахъ, способныхъ привести въ отчаяніе гораздо болѣе великаго мужа.

Первымъ дѣломъ Неккера было пообѣщать націи созваніе государственныхъ чиновъ *). Въ послѣдніе годы это слово произносилось уже не разъ. Государственные чины были тѣмъ крайнимъ средствомъ въ нуждѣ, которое Монтескье предложилъ полстолѣтія тому назадъ. Послѣ собранія нотаблей, ихъ неоднократно требовалъ Лафайетъ. А когда возникли безпорядки, осенью 1787 г., за нихъ впервые схватилось само правительство. Впрочемъ оно думало созвать чины лѣтъ черезъ пять, т. е. въ 1792 г., когда, какъ извѣстно, уже не существовало самой монархіи. Теперь же утреннымъ подаркомъ министерства Неккера было обѣщаніе, что въ началѣ слѣдующаго года будутъ собраны всеобщіе государственные чины.

*) Изъ примѣчанія на стран. 46 читатель можетъ видѣть, какъ возникло въ 1302 году высшее политическое учрежденіе во Франціи, именуемое государственными чинами (*états généraux*). По своей роли и значенію, оно вполне соотвѣтствовало англійскому парламенту; но по своей судьбѣ оно представляетъ противоположность ему. Государственные чины Франціи не были учрежденіемъ прочнымъ. Они пользовались лишь мгновеннымъ и случайнымъ вліяніемъ: ихъ блестящею эпохой было полстолѣтія (1356—1413), наполненное движеніями народныхъ массъ. Короли созывали ихъ по произволу, обходились безъ нихъ цѣлые десятки лѣтъ (напримѣръ, отъ 1484 до 1560 г.). Но они нерѣдко пользовались верховною властью въ странѣ, порой рѣшали вопросы первой государственной важности (напр. о престолонаслѣдіи), и смѣло, горячо, умно возставали противъ злоупотребленій трона въ своихъ знаменитыхъ тетрадяхъ (*sahiers*), гдѣ излагались жалобы и требованія cadaго изъ трехъ сословій отдѣльно. Вотъ почему во все время окончательнаго прекращенія государственныхъ чиновъ (1614—1789) партія, оппозиціонная правительству, мечтала объ ихъ возстановленіи, шептала ихъ имя. Вотъ отчего, съ другой стороны, отвращеніе къ нимъ при дворѣ стало какъ бы династическимъ преданіемъ. М-ше Самтрап рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что, во время парламентскихъ волненій при Лудовикѣ XV, однажды вечеромъ въ кружкѣ приближенныхъ короля толковали о положеніи правительства. Кто-то замѣтилъ Лудовику XV: «Вы увидите, что все это приведетъ къ созванію государственныхъ чиновъ». Король вдругъ вышелъ изъ своей обычной апатіи и, схвативъ смѣльчака за руку, воскликнулъ: «Смотрите, не повторяйте этихъ словъ! Я не горячъ; но еслибы родной братъ вздумалъ дать мнѣ подобный совѣтъ, я въ 24 часа пожертвовалъ бы имъ ради сохраненія монархіи и спокойствія королевства!» *Ред.*

Ясно было, что созваніе чиновъ въ такое время—революція. Можетъ-быть, другаго исхода не было; можетъ-быть, это была еще самая благодѣтельная форма революціи; но все же это была революція. Дѣлать подобный шагъ, какой сдѣлалъ Неккеръ, значило, зажмурия глаза, опустить руку въ роковую урну, не зная, что вынешь, первый выигрышъ, или пустой билетъ. А между тѣмъ для Неккера это было такъ же ясно, какъ и для миллионовъ его соотечественниковъ. Вся нація была какъ бы въ чаду, надѣясь, послѣ безконечныхъ попытокъ, найти въ государственныхъ чинахъ что-нибудь не изжитое. Только одинъ человѣкъ ясно видѣлъ и говорилъ, что государственные чины ничто иное, какъ революція, что настало время талантовъ. Это былъ Мирабо.

Правительство не принимаетъ никакихъ предварительныхъ мѣръ, чтобы обезпечить за собой руководство могущественною корпораціей. Неккеръ считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы вовремя воскликнуть: *quos ego!* и въ то же время всѣмъ, и тѣмъ, что дѣлаетъ, и тѣмъ, чего не дѣлаетъ, изобличаетъ свою поистинѣ плачевную безпомощность.

Всѣмъ было ясно, что въ 1789 году государственные чины не могутъ быть созваны въ формѣ 1614 г., когда третье сословіе еще съ колѣнопреклоненіемъ подавало свои прошенія и не находило болѣе важнаго предмета для своихъ просьбъ, чѣмъ принятіе мѣръ противъ дурной печати и дерзкихъ памфлетистовъ. Этого не видѣлъ только парижскій парламентъ, прибавившій къ королевскому указу о созваніи государственныхъ чиновъ, котораго онъ самъ такъ настойчиво требовалъ, условіе: «въ формѣ 1614 года». Черезъ это онъ сразу потерялъ всю свою популярность. Этотъ поступокъ ясно показалъ, чего могло ожидать правительство отъ привилегированныхъ. Тѣмъ не менѣе Неккеръ считалъ нотаблей Калона учрежденіемъ, способнымъ дать ему благой совѣтъ въ трудномъ вопросѣ.

Само собою разумѣется, совѣщанія съ нотаблями, собранными во второй разъ, продолжавшіяся съ 6 ноября до 12 декабря, ни на волосъ не подвинули дѣла впередъ. Мало того. Они помѣшали государственнымъ чинамъ собраться въ январѣ 1789 года, какъ первоначально предполагалось.

Послѣ эдикта 27 декабря, по которому третьему сословію присуждалось двойное число представителей, Неккеръ отказался отъ всякой дальнѣйшей инициативы и ждалъ сложа руки, чтобы дѣла уладились сами собой. Предварительные вопросы о составѣ государственныхъ чиновъ и, что еще важнѣе, о подачѣ голосовъ онъ предоставилъ чернильной войнѣ освобожденной печати, накинущейся на нихъ съ невѣроятною живостью и возрастающею страстью, да борьбѣ сословій по провинціямъ, часто принимавшей крайне ожесточенный характеръ.

Прорвался цѣлый потокъ брошюръ. Каждый присвоивалъ себѣ право громко и рѣшительно высказывать свое мнѣніе; только правительство отказывалось отъ него. Съ какимъ-то злорадствомъ смотрѣлъ Неккеръ, какъ воль-

нодумная печать все смѣлѣе и смѣлѣе нападала на его враговъ, привилегированныхъ, и, среди своего величественнаго безстрастія, упускалъ послѣдній случай, хотя въ печати, воспользоваться инициативой, этимъ прирожденнымъ правомъ правительства.

Изъ двухъ—трехъ тысячъ брошюръ, порожденныхъ этимъ вопросомъ, брошюра аббата Сіейса: «*Qu'est-ce que le tiers état?*» имѣетъ непреходящее историческое значеніе. Ея заслуга въ томъ, что она съ неподражаемою мѣткостью и опредѣленностью высказала мысль, волновавшую большинство націи. Ея торжество въ томъ; что въ концѣ концовъ правительство и государственныя чины должны были принять программу, выставленную ею въ самомъ началѣ.

И составитель ея не принадлежалъ къ числу тѣхъ темныхъ памфлетистовъ, которые, правда, сдѣлаютъ удачный шагъ, скажутъ мѣткое слово, но затѣмъ навѣки исчезнутъ. Нѣтъ, это былъ видный человѣкъ, который въ тѣ дни великихъ волненій приобрѣлъ и удержалъ за собой замѣтное мѣсто, благодаря своимъ вполне оригинальнымъ талантамъ. Духовный по своему званію, онъ рано далъ своимъ научнымъ занятіямъ политическое направленіе; сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ свободомыслящей политической школы того вѣка; приобрѣлъ обширныя познанія въ исторіи и политическомъ устройствѣ европейскихъ государствъ, которыя могли дать ему почетное мѣсто рядомъ съ Монтескье и Мирабо. При этомъ онъ блисталъ чрезвычайно ловкою діалектикой, мастерскимъ умѣньемъ создавать и группировать политическія идеи и замѣчательною увѣренностью въ своихъ эпиграмматическихъ положеніяхъ. Природа отказала ему въ высокомъ дарѣ краснорѣчія. Въ собраніи у него едва вырывалось нѣсколько робкихъ, тихихъ словъ. Но эти слова постоянно носили на себѣ печать глубокой, мѣткой мысли, хотя въ нихъ не всегда отражался высокій государственный взглядъ. Это былъ не столько человѣкъ дѣла, сколько мыслитель и теоретикъ, совершенно не созданный для уличной агитаціи, не чуждый нѣкоторой робости за свою собственную особу, но при всемъ томъ обладавшій счастливымъ инстинктомъ. На вопросъ, что онъ дѣлалъ во время террора, онъ отвѣчалъ: «Я жилъ». Конечно, немногіе могли сказать это про себя. Сначала онъ надѣялся найти въ геніальномъ молодомъ солдатѣ, Бонапартѣ, поборника своихъ политическихъ идей; но вскорѣ замѣтилъ, что ошибся въ немъ. Точно также и тотъ сперва представлялъ себѣ теоретика иначе. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, Сіейсу, какъ царубійцѣ, не безопасно было оставаться во Франціи. Онъ бѣжалъ въ одну изъ пограничныхъ нѣмецкихъ странъ, гдѣ жилъ еще во время своей молодости. По смерти онъ былъ совершенно забытъ. Онъ принималъ участіе въ составленіи всѣхъ конституцій отъ 1789 до 1799 года. Всѣ онъ носятъ на себѣ печать его личности и той рутины формулированія, которую должны были признать за нимъ даже враги, какого бы вообще мнѣнія они о немъ ни были.

Въ январѣ 1789 года появился его памфлетъ о третьемъ сословіи. Его содержаніе можно передать въ немногихъ словахъ. Онъ ставитъ три вопроса, на которые и даетъ отвѣты.

«Что такое третье сословіе?»

— Все.

«Какое имѣло оно доселѣ значеніе въ государствѣ?»

— Никакого.

«Чего онъ добивается?»

— Быть чѣмъ-нибудь (*être quelque chose*).

Эти выводы Сіейсъ доказываетъ, между прочимъ, нѣсколькими цифрами. Первое сословіе, духовенство, состоитъ изъ 80,000 человѣкъ, второе, дворянство, изъ 120,000, третье же изъ 25 милліоновъ, т. е. оно сама нація. Изъ этихъ данныхъ онъ выводитъ три желанія: 1) Чтобы это сословіе было представляемо выборными изъ его среды. 2) Чтобы оно имѣло двойное число представителей, сравнительно съ каждымъ изъ двухъ остальныхъ сословій. 3) Чтобы подача голосовъ происходила не по сословіямъ, а поголовно.

Выборы въ государственные чины шли оживленно, страстно и, сравнительно, безъ значительныхъ нарушеній порядка. Если подумать, что народу, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ находившемуся подъ игомъ самаго недостойнаго деспотизма, вдругъ приходилось выбирать, на основаніи очень свободнаго, по тогдашнимъ понятіямъ, избирательнаго закона, да еще во всѣхъ французскихъ общинахъ, то выборы 1789 года можно сравнительно назвать тихими и сдержанными.

Нигдѣ выборы не привлекли къ себѣ такого вниманія всей націи, какъ въ Э и Марсели. Въ обоихъ мѣстахъ кандидатомъ былъ графъ Мирабо. Уже само по себѣ это было явленіе, которое не понравилось именно привилегированнымъ, ибо исконный дворянинъ желалъ быть выбраннымъ въ депутаты отъ третьяго сословія. Еще больше личность кандидата способна была возбудить вниманіе во всѣхъ кругахъ. Его прошлое объясняло, почему въ первую минуту его выборъ столь поразилъ всѣхъ, ибо не легко найти болѣе рѣзкую противоположность, чѣмъ между Мирабо—кандидатомъ на представителя народа и Мирабо—вождемъ собранія, которое впоследствии сопровождало его въ могилу. Въ описываемое время на вопросъ о немъ одни отвѣчали: «Онъ сидѣлъ во всѣхъ государственныхъ тюрьмахъ Франціи», другіе: «Его имя красовалось на висѣлицѣ», третьи называли его блуднымъ сыномъ, четвертые нарушителемъ брака, соблазнившимъ чужую жену. Словомъ, не было преступленія, въ которомъ бы его не обвиняли. Я привелъ только то, что приписывалось ему справедливо. А сколько еще взводилось на него клеветъ! Этимъ объясняется, почему даже люди, которые не смущались этимъ, сначала отнеслись къ нему очень недовѣрчиво. Даже Лафайетъ и ему подобные, не слишкомъ строгіе въ этомъ отношеніи, избѣгали сообществъ съ нимъ. Лишь мало по малу добился онъ вліянія въ

собрании. А когда, года два спустя послѣ тѣхъ выборовъ, президентъ вступилъ въ залу національнаго собрания и началъ свою рѣчь словами: «Я пришелъ исполнить печальную обязанность», по всему собранію пронесся крикъ: «Онъ умеръ!» Лишь одинъ человекъ могъ въ то время такъ интересоваться всю Францію. Онъ былъ внесенъ въ Пантеонъ Франціи, и никогда ни одинъ монархъ, не исключая и Наполеона, не былъ похороненъ съ бѣльшимъ блескомъ. Ни одинъ не вызвалъ такой скорби въ самыхъ различныхъ партіяхъ, какъ человекъ, передъ славой коего всѣ трепетали при выборахъ 1789 г.

Замѣчательны должны быть эти два года, повлекшіе за собой подобный переворотъ; необыкновенны силы, благодаря которымъ отверженецъ 1789 года достигъ диктаторства въ національномъ собраніи. Не упоеніе минутнымъ волненіемъ, не мгновенная вспышка одушевленія партіи внесли въ Пантеонъ преступника 1789 года. Это сдѣлала всепобѣждающая сила генія, и приговоръ исторіи скорѣе будетъ основываться на 1791-мъ, чѣмъ на 1789 годѣ.

Въ національномъ собраніи находился цвѣтъ всей Франціи. Здѣсь соединился весь избытокъ талантовъ и знаній, мысли и остроумія, порожденный золотымъ вѣкомъ самой многосторонней цивилизаціи. Здѣсь подвизались великіе ораторы, превосходные діалектики, литераторы съ блестящими именами. Но все это не были государственные люди въ высшемъ смыслѣ слова, способные изъ хаоса распадающагося государства создать новое. Такихъ людей не бываетъ, да и не можетъ быть много во всякое время. Въ собраніи былъ всего одинъ такой, Мирабо. Онъ имѣлъ мужество руководить революціей, и при томъ съ полнымъ сознаниемъ того, что такое революція. Онъ одинъ имѣлъ впослѣдствіи еще большее мужество опять войти въ колею, когда то показалось ему своевременнымъ. Поэтому самая гордая надгробная надпись, какую только могли ему сдѣлать, была: «Онъ одинъ могъ бы сдержать революцію».

Вотъ почему въ высшей степени интересно ближе познакомиться съ жизнью подобнаго человека. Но, сверхъ того, многое въ этой жизни можетъ послужить ключомъ къ объясненію исторіи французскихъ нравовъ. Она раскрываетъ передъ нами всю картину нравственной неурядицы въ домѣ и семьѣ; а сюда мы еще не заглядывали.

Прошлое графа Мирабо *).

Имя Мирабо принадлежитъ старинному семейству, водворившемуся во Франціи 500 лѣтъ тому назадъ. Оно происходило изъ того города средней

*) Mémoires de Mirabeau, Paris, 1841, 8 v.—Pipitz: Leben Mirabeau's, 1850. 2 B.—Levitz: Mirabeau, 1852. I.

Италіи, который въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ былъ богаче всякаго другаго города великими, громкими именами. Та Флоренція, откуда происходили Данты, Макиавелли, Бонапарты, была колыбелью и рода Арригетти, которые были изгнаны, какъ Гибеллины, и переселились во Францію (1267—68). Первый изъ нихъ, Аццо Арригетти, купилъ землю въ Провансѣ, болѣе другихъ провинцій Франціи носившемъ на себѣ черты италіанскаго характера. Здѣсь-то съ теченіемъ времени семейство получило имя Мирабо, по своему обширному ленному имѣнію. Во всемъ, что намъ извѣстно объ отдѣльныхъ членахъ этого семейства, высказывается рѣзко запечатлѣнный типъ. Домъ Мирабо поражаетъ обиліемъ сильныхъ личностей. Всѣ онѣ принимаютъ участіе въ тревоженіяхъ своего времени: одинъ, Жанъ Рикетти, былъ ревностнымъ католикомъ въ эпоху религіозныхъ войнъ, другой былъ рѣшительнымъ роялистомъ въ дни фронды. Это южныя, страстныя натуры, съ ненадломленною энергіей, съ высокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства; это личности, въ которыхъ, при всей рѣзкости ихъ индивидуальныхъ чертъ, проглядываетъ глубокой фамилійный отпечатокъ; это крутые, часто необузданные люди, грубые и краснорѣчивые на словахъ, энергическіе на дѣлѣ, нелегко покоряемые въ своемъ упорствѣ. Нашъ Габріель Оноре Мирабо не отличался особеннымъ родственнымъ чувствомъ, но о характерѣ своей семьи онъ отзывается съ поразительною теплотой и явною гордостью: «Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, говоритъ онъ въ одномъ изъ очерковъ, набросанныхъ въ Château d'Jf, я постоянно былъ свидѣтелемъ того, какъ отецъ и дядя вспоминали, чествовали и прославляли нашихъ предковъ. Многіе изъ нихъ отличились не успѣхами при дворѣ, не наградами за вассальную службу, а доблестями мужей, заслугами передъ своими соотечественниками, словомъ, тѣмъ, что одно даетъ поистинѣ достойное уваженія отличіе».

Настоящимъ Рикетти былъ и дѣдъ Мирабо, Жанъ Антуанъ, Баярдъ своего времени, герой многихъ битвъ, любимецъ Вандома, покрытый ранами въ войнѣ за испанское наслѣдство, считавшійся мертвымъ, оплаканный родными, и снова возставшій во всей своей исполинской жизненной силѣ. Вернувшись инвалидомъ въ отечество, 40 лѣтъ отъ роду, онъ обзавелся домомъ и семьей, женившись на первой провансальской красавицѣ, дочери одного кастеляна. Это была самая типическая личность изъ всѣхъ Мирабо. Одаренный огромною тѣлесною силой, находчивымъ, острымъ умомъ, самымъ щекотливымъ чувствомъ чести, равно безстрашный и на полѣ битвы, и въ салонѣ, строгій отецъ, передъ которымъ трепетали дѣти.—этотъ человѣкъ даже въ старости представлялъ блестящее явленіе. Его хорошо знали въ войскѣ: «Онъ изъ Мирабо, а они всѣ дьяволы», говорили здѣсь про него. Представляя его королю, Вандомъ замѣтилъ: «Съ той минуты, какъ Французы вступили въ Италію, онъ не выходилъ изъ латъ». — «Да, государь, прибавилъ Мирабо, еслибы я, покинувъ знамена,

явился ко двору подкупить какую-нибудь любовницу, то получилъ бы повышение и меньше ранъ». Король отвернулся. «Пора бы мнѣ знать тебя, сказалъ Вандомъ: впередъ я буду представлять тебя только врагу, а ужъ никакъ не королю».

Онъ умеръ въ 1737 году, оставивъ троихъ сыновей: Виктора, отца великаго Мирабо (род. 1715 г.), Юганна Антона, Мальтійца (родился 1717 года), и Лудовика Александра, рано умершаго и ничѣмъ особенно не заявившаго себя въ исторіи семейства. Мальтіецъ служилъ съ 1730 года морякомъ. Въ 1752 г. онъ сдѣлался мальтійскимъ губернаторомъ. Потомъ, раздраженный пренебреженіемъ начальства, онъ покинулъ службу. Этотъ человѣкъ съ недюжинными умственными и нравственными качествами питалъ нѣжную любовь къ своему старшему брату, маркизу Виктору. Онъ былъ всегда его ближайшимъ другомъ и самымъ горячимъ защитникомъ.

Истиннымъ оригиналомъ былъ этотъ послѣдній, отецъ нашего Мирабо. Самый богатый и даровитый изъ всѣхъ помѣщиковъ Прованса, онъ первый практически примѣнилъ на югѣ Франціи новое ученіе фізіократовъ и проводилъ его съ свойственнымъ всѣмъ Мирабо фанатизмомъ. Разсужденіе о налогахъ (*Théorie de l'impôt*) стоило ему непродолжительнаго ареста въ Венсенѣ въ 1760 году. Множество экономическихъ сочиненій, издаваемыхъ имъ подъ именемъ «Друга людей» (*Ami des hommes*), доставило ему обширную извѣстность. Черезъ нихъ-то онъ познакомился и съ Карломъ-Фридрихомъ Баденскимъ, и съ Леопольдомъ Тосканскимъ, и съ Густавомъ III. Его хозяйственная система, съ одной стороны, дѣйствительно, могла служить образцомъ: онъ былъ, дѣйствительно, другомъ людей для своихъ крестьянъ; у него они были лучше обезпечены, чѣмъ у большей части остальныхъ помѣщиковъ Франціи. Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Какимъ бы я ни казался тяжелымъ и неповоротливымъ, однако я 3-хъ лѣтъ уже проповѣдовалъ, шести былъ чудомъ-ребенкомъ, 12-ти—много обѣщавшимъ мальчикомъ, 20—горячею головой, 30-ти—политическимъ теоретикомъ; ну, а въ 40 лѣтъ, я просто добрый малый».

Рядомъ съ качествами, благодаря которымъ онъ далеко слылъ не только за замѣчательнаго, но и за симпатичнаго человѣка, у него были всѣ черты дикаго, необузданнаго характера, которымъ издавна отличался его родъ. Онъ былъ страшно вспыльчивъ, непреклонно упрямъ, совершенно неспособенъ вынести малѣйшее противорѣчіе и, вдобавокъ, развращенъ пылкою чувственностью.

«Другъ людей», писавшій такія превосходныя разсужденія о гуманномъ обращеніи съ крестьянами, у себя дома представлялъ противоположность собственнымъ ученіямъ. Дружелюбный властелинъ своихъ вассаловъ, онъ былъ тираномъ своей семьи, варварски мучилъ жену, дѣтей, всѣхъ окружающихъ его. Въ угоду своей страсти онъ готовъ былъ поставить на кар-

ту счастье всей жизни своего семейства. Къ тому же этотъ самъ по себѣ разсчетливый, даже скупой человѣкъ, былъ расточителенъ ради своихъ экономическихъ ученій, пускался на дорогіе опыты и терпѣлъ огромные убытки. Но изъ непреклоннаго упрямства онъ никогда не сознавался въ этомъ: пусть лучше погибнетъ его имущество, чѣмъ его ученіе. А онъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ думали; всю жизнь боролся онъ съ лишеніями, которыя старался скрыть отъ свѣта. Наконецъ, онъ уже давно пренебрегъ своими супружескими и семейными обязанностями. Мы находимъ въ его домѣ особу, которая была его любовницей, а маркиза, какъ кажется, также была упрямою, своенравною, пылкою южанкой. Расторженіе всѣхъ узъ, которые скрѣпляютъ все самое святое въ государствѣ и въ семьѣ, это зло, уже начавшее тогда проникать въ высшіе слои французскаго общества, гнѣздилось больше всего въ этомъ домѣ. Злой до бѣшенства отецъ, пылкая мать, поджигающая дѣтей противъ отца, любовница, интригующая между ними обоими,—вотъ элементы семейной жизни, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ знатныхъ домахъ Франціи того времени. Среди такихъ-то обстоятельствъ возросъ графъ Мирабо

9 марта 1749 года родился у маркиза пятый ребенокъ и первый сынъ, Габріель Оноре. Всѣ наши свѣдѣнія о его юности и его домашнемъ бытѣ мы черпаемъ изъ переписки маркиза съ его братомъ Мальтійцемъ или судьей (bailli de Mirabeau). Этотъ послѣдній, въ высшей степени благородная, великодушная натура, показываетъ, что могло выработаться изъ Мирабо, обузданнаго и образованнаго школою жизни. Онъ представляетъ самое привлекательное явленіе во всемъ семействѣ.

Отецъ, кажется, рано почувствовалъ какое-то отвращеніе къ дитяти. Ребенокъ, уже въ колыбели бившій свою кормилицу, не могъ еще ничѣмъ особенно прогнѣвить отца; но очень можетъ быть, что старика постоянно возстановляли противъ наслѣдника страшныя рябины, обезобразившія лице трехлѣтняго мальчика: по крайней мѣрѣ онъ называетъ его «безобразнымъ, какъ чортъ». Тѣмъ не менѣе эта рожа проявляла самыя замѣчательныя умственные способности и стремленія. Ученіе давалось ему изумительно легко. Онъ поглощалъ все съ неутомимою жаждой знанія и усвоенія, но не съ тѣмъ, чтобы болтать, какъ попугай, или обременить свою память: нѣтъ, все, что онъ воспринималъ, перерабатывалось и связывалось. «У него, говоритъ отецъ, какой-то страусовый желудокъ; онъ можетъ все переваривать». Отзывы отца о подрастающемъ сынѣ полны самыхъ странныхъ противорѣчій. Это зависитъ отчасти отъ причудливаго нрава старика, отчасти отъ непріятнаго впечатлѣнія, которое производили на него развивающіяся черты характера мальчика. Молодой графъ обѣщалъ сдѣлаться вполнѣ Рикетти, а старый ни къ чему не былъ такъ неумолимо строгъ, какъ къ тѣмъ недостаткамъ сына, которыми страдалъ самъ. То онъ у него «исковерканная, фанатическая, бѣшенная, необузданная голова, склон-

ная ко всякому злу, еще не зная его и не будучи способна на него»; то подъ дѣтскою курткой бьется «гордое сердце, и рѣдкимъ, благороднымъ чувствомъ собственнаго достоинства обладаетъ взбалмошный хвастунишка, готовый проглотить весь свѣтъ, не достигнувъ и 12-ти лѣтъ»; а потомъ опять онъ «пошлъ и низокъ». Сегодня старикъ расхваливаетъ его «умъ, память, способности, приводящія въ изумленіе, даже въ ужасъ»; завтра онъ видитъ въ немъ «ничтожество, только пускающее пыль въ глаза, изъ котораго выйдетъ лишь получеловѣкъ».

Отношенія между отцемъ и сыномъ все болѣе и болѣе ухудшались, благодаря семейной распрѣ. На сторонѣ втораго, всегда готоваго показать зубы отцу, стояла мать; а козни г-жи де-Пальи и подстрекательства одного стараго слуги не переставали растравлять рану. Но въ этой школѣ сынъ научился надѣяться лишь на свое вліяніе, усвоилъ искусство обдѣлывать людей и управлять ими по своей волѣ. Это въ особенности проявлялось на воспитателяхъ и надзирателяхъ, которыхъ приставлялъ къ нему отецъ: вмѣсто палачей, они становились его защитниками передъ суровою строгостью отца, котораго часто доводили этимъ до отчаянія. Такимъ образомъ достигъ онъ юношескаго возраста. При всей озлобленности, которая проявляется въ письмахъ его отца, мы не встрѣчаемъ въ нихъ ни одной истинно дурной черты въ его поведеніи: то, въ чемъ его упрекаетъ отецъ, по большей части, ребячество; а его дѣйствительные недостатки старикъ долженъ бы былъ порицать прежде всего въ себѣ самомъ. Но онъ былъ необузданнымъ, страстнымъ юношей, со всѣми семейными пороками Мирабо, именно съ ихъ чувственностью и жаждой наслажденій. Съ возрастающимъ раздоромъ супруговъ развивалось и ожесточеніе отца противъ сына, который стоялъ въ семьѣ какъ бы стражемъ между матерью и любовницей отца и былъ естественнымъ защитникомъ первой; онъ не могъ оставаться дома. Сперва поступилъ онъ (1764) въ военную школу строгаго аббата Шоккара, гдѣ приобрѣлъ хорошее познаніе не только въ военныхъ наукахъ, но и въ древнихъ и новыхъ языкахъ, въ музыкѣ и математикѣ. Отсюда онъ былъ опредѣленъ (1767) въ кавалерійскій полкъ маркиза Ламбера, извѣстнаго тираническою дисциплиной, и запертъ въ гарнизонъ въ Сентѣ, гдѣ, пожалуй, можно было умереть со скуки. Съ цѣлою библіотекой въ головѣ, превосходя знаніемъ человѣка и жизни, силою страсти обыкновенныхъ молодыхъ людей, Мирабо былъ брошенъ въ маленькій гарнизонъ для того, чтобы тамъ стать порядочнымъ человѣкомъ. Результатъ почти можно было предвидѣть заранѣе. Мирабо вскорѣ сталъ самымъ извѣстнымъ изъ всѣхъ лейтенантовъ; онъ былъ первымъ въ дѣлахъ любви и чести, игралъ и кутилъ; о долгахъ и говорить нечего. Но, тѣмъ не менѣе, весь городокъ былъ очарованъ имъ, питалъ къ нему безграничное уваженіе и довѣріе. Они повѣрили бы ему въ долгъ, пишетъ коммендантъ, 30.000 ливровъ, еслибы всего на всего у нихъ было столько. Очень скоро разо-

рился онъ съ своимъ полковникомъ, побѣдивъ его въ какой-то любовной исторіи. Отецъ взбѣсился: «Тѣсная, претѣсная тюрьма должна умѣрить его аппетитъ и поубавить полноту его стана.» Оноре бѣжитъ и находитъ защиту у друзей въ Парижѣ; а между тѣмъ заражается серьезное намѣреніе сослать его въ голландскія колоніи, т. е. на вѣрную смерть. Отъ него отступается даже добродушный дядя: «Нужно, думаетъ онъ, покончить съ несчастнымъ, рожденнымъ на горе своимъ родителямъ и на срамъ своему дому.»

Злоба полковника и отца удовлетворилась на первый разъ тѣмъ, что они добыли противъ него *lettre de cachet*. А такого письма съ поддѣльной подписью короля было тогда достаточно, чтобы засадить человѣка въ тюрьму на неопредѣленное время, — самый ужасный видъ административнаго правосудія.

Оноре попалъ на островъ Ре, противъ Марсели. «Теперь онъ, кажется, сидитъ въ хорошей клѣткѣ, пишетъ отецъ къ Мальтійцу въ августѣ 1768 года; я хорошо отрекомендовалъ его губернатору д'Олану; я написалъ ему, что это бѣшенный, упрямецъ, вѣчный лгунъ.» Итакъ, вотъ гдѣ возобновился тотъ способъ лѣченія, который не удался въ Сентѣ, а въ случаѣ новой неудачи, имѣли въ виду Суринамъ. Для слабаго духомъ подобнаго педагогическаго средства вполне достаточно, чтобы свести его съ ума, но сильный человѣкъ скорѣе ожесточится, одичаетъ. Чего-нибудь въ этомъ родѣ весьма могъ опасаться и старикъ Мирабо. Его внѣшнія обстоятельства ухудшились; жена грозила скандальнымъ процессомъ; отъ одичалаго сына, вырвись онъ только изъ тюрьмы, можно было ожидать всего дурнаго, а отцу уже было извѣстно, что онъ успѣлъ «околдовать» и новаго своего укротителя. И вотъ старикъ пожелалъ раздѣлаться съ нимъ навсегда. Онъ освободилъ его лишь для того, чтобы отправить за море. Тогда была въ разгарѣ экспедиція противъ Корсики. Генуэзцы продали этотъ островъ Франціи; но изстари дикій, разбойническій народъ не давался въ руки покупателей. Дѣло дошло до ужасной партизанской войны въ горахъ острова, куда отправляли теперь еще два—три отпѣтыхъ полка, на съѣденіе пушкамъ. Въ одномъ изъ нихъ маркизь купилъ для своего сына мѣсто лейтенанта. О его намѣреніяхъ узнаемъ мы изъ письма, въ которомъ онъ пишетъ своему брату, что «онъ въ настоящее время живетъ между надеждой имѣть интересное потомство (отъ брака одной изъ дочерей) и желаніемъ раздѣлаться съ другимъ, очень ненавистнымъ потомствомъ, которое подкладываетъ ему горячіе уголья подъ ноги и держитъ обнаженный мечъ надъ его головой». Итакъ, онъ ненавидитъ сына не за его дѣйствительные пороки, а за то, что въ печальной семейной драмѣ онъ сталъ на сторону матери.

Мирабо очутился среди ужасной сѣчи съ разбойниками, пылавшими звѣрскою страстью къ убійству. Смерть, казалось, была такъ неизбѣжна, что

никто не ожидалъ возвращенія молодаго графа. Но онъ вернулся, и притомъ съ честью. Въ короткомъ походѣ возродились сильныя стороны его могучей природы, которыя среди гарнизонной жизни проявились лишь въ рядѣ заблужденій. Лейтенантъ вскорѣ сталъ виднымъ офицеромъ и получилъ право на чинъ капитана. Онъ былъ идоломъ солдатъ; истый Мирабо относительно дисциплины и строгости, онъ всегда былъ вполне солдатомъ и дѣлилъ съ своими подчиненными трудъ, нужду и опасности.

Онъ вернулся не кандидатомъ на галеры, какъ ожидалъ отецъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, а славнымъ офицеромъ.

Между тѣмъ въ Провансѣ пріѣхалъ дядя, чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней. Онъ внесъ въ семейство миротворный, мягкій элементъ, и къ нему-то прежде всего толкнулся возвратившійся офицеръ. Сначала боязливый старый баринъ не хотѣлъ даже и видѣть его, но вскорѣ былъ совсѣмъ очарованъ имъ. И не мудрено. Племянникъ явился при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это былъ ловкій, испытанный солдатъ, человекъ, видѣвшій свѣтъ, освободившійся отъ многихъ шалостей своей юности. Все это произвело бы впечатлѣніе на всякаго, не говоря уже о старомъ губернаторѣ, у котораго сердце прыгало отъ радости, когда онъ увидѣлъ въ племянникѣ какъ бы помолодѣвшаго самого себя и не замѣчалъ больше ни одного изъ тѣхъ пороковъ, которые такъ горько порицалъ въ немъ отецъ. У насъ есть часть писемъ его къ брату, относящихся къ этому времени. Судя по нимъ, онъ былъ какъ бы въ опьяненіи отъ умнаго, свѣдущаго юноши, который умѣлъ остро и ловко говорить о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и держалъ себя передъ дядей такъ скромно, осторожно, съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ. Старикъ и его духовникъ были тронуты чуть не до слезъ, когда блудный сынъ воскликнулъ: «Ахъ, еслибы мой отецъ смиловался, только узналъ бы меня! Я знаю, онъ думаетъ, что у меня злое сердце; но пусть онъ испытаетъ меня». Продолжая писать къ своему брату, дядя выразилъ мнѣніе, что, сравнительно съ Оноре, они оба лишь кропатели, хотя что нибудь да значили въ свои 20 лѣтъ. Тутъ маркизъ окончательно увѣрился, что «негодяй», его сынъ, сталъ совершеннымъ архимошенникомъ, и на этотъ разъ пустилъ въ ходъ самыя сильныя орудія своего искусства разыгрывать роль.

Но наконецъ и онъ растрогался и рѣшился снова принять сына въ домъ.

Командиръ представилъ Мирабо къ чину капитана, и эта карьера тогда вполне соотвѣтствовала его наклонностямъ. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ: «Воспитанный въ предразсудкахъ военной службы, сгорая отъ честолюбія и жажды славы, мощный тѣломъ, неутомимый и выносливый, отважный и отчаянный, но въ то же время, говорю по опыту, непоколебимо-хладнокровный во всѣхъ опасностяхъ, одаренный отъ природы необыкновенно быстрымъ, мѣткимъ взглядомъ, я поневолѣ считалъ себя рожденнымъ солдатомъ». Къ тому же онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался военными науками.

«Я могу», говорилъ онъ, «представить извлеченія изъ 300 писателей». Сверхъ того и самая солдатская жизнь, казалось, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовала его таланту и характеру. «Если не ошибаюсь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, я всего болѣе рожденъ для военной жизни, потому что только тамъ я холоденъ, спокоенъ, веселъ, не буенъ. Я самъ чувствую, что расту вмѣстѣ съ моими задачами».

Но отецъ не желалъ этого отчасти изъ скупости, отчасти изъ пристрастія къ своимъ политико-экономическимъ занятіямъ. Чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли сынъ сталъ другимъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ сперва испробовать его, какъ физіократа.

25 августа 1770 года Мирабо покинулъ Провансъ и отправился въ Лимузенъ, въ деревню, къ смягчившемуся наконецъ отцу. Старикъ ввелъ его въ міръ сельскихъ работъ, полей и скотныхъ дворовъ, заставилъ хозяйничать по новой системѣ, сводить счеты, заключать арендные договоры,—словомъ, посвятить себя такой же прозаической дѣятельности, съ которою долженъ былъ помириться Фридрихъ Великій, будучи наслѣднымъ принцемъ. И какъ тамъ сначала строптивый духъ мало по малу подчинился узкимъ формамъ и полюбилъ наконецъ упорный, долготѣннй трудъ, такъ и здѣсь молодой Мирабо вошелъ въ новую роль. Правда, онъ не вѣрилъ во всеспасительную силу новой системы хозяйства, пожалуй, даже подсмѣивался надъ доктринерской тупостью отца, который въ своихъ пристрастіяхъ былъ не по лѣтамъ дѣтски наивенъ; но онъ видѣлъ, что это путь къ снисканію себѣ общественнаго положенія, и держался его нѣкоторое время. Только такое поведеніе могло нѣсколько смягчить сердце отца. Они, казалось, дѣйствительно почти помирились. Въ письмахъ старика, полныхъ признаній, проглядываетъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія къ дарованіямъ и поведенію молодаго человѣка, который доселѣ былъ въ его глазахъ блуднымъ сыномъ. Въ письмахъ къ брату онъ говоритъ тономъ, который можно назвать почти нѣжнымъ, зная его характеръ и особенности его способа выражаться. Такъ въ маѣ 1770 года онъ пишетъ: «Онъ (сынъ) работаетъ, какъ преступникъ, коптитъ надъ имѣніемъ Мирабо; бросается на дѣло съ жаромъ, исписываетъ толстыя тетради. Во всю мою жизнь не видѣлъ я такого проворнаго и прилежнаго писца. Онъ, такъ сказать, накаленная и закрытая хлѣбная печь. Такимъ образомъ, ему сильно грозитъ опасность зазнаться, тѣмъ болѣе, что онъ неизбѣжно долженъ чувствовать свое превосходство не только надъ ровесниками, но даже надъ людьми, гораздо старше его. Узды страха онъ рѣшительно не знаетъ». Въ ноябрѣ 1770 года онъ пишетъ: «Страшная дороговизна и голодъ угнетаютъ нашу несчастную провинцію; Оноре открылъ общественныя работы для бѣдныхъ и дѣйствуетъ, какъ мужъ; онъ работаетъ вмѣстѣ съ ними, ѣстъ за однимъ столомъ одну и ту же пищу, ободряетъ ихъ и не даетъ имъ падать духомъ. Теперь онъ устроилъ даже нѣчто въ родѣ третейскаго суда; затѣмъ

привелъ въ порядокъ запутанные счета. начерталъ правила. Словомъ, это демонъ невозможностей; теперь онъ заслуживаетъ, чтобъ я обращался съ нимъ съ довѣріемъ».

Мирабо доказалъ здѣсь необыкновенную гибкость своего характера. находчивость во всякомъ положеніи, какъ бы оно ни было ему чуждо, и искусство какъ куклами управлять людьми, да еще голодными, что вовсе не было мелочью въ старой феодальной Франціи. Отецъ начинаетъ смотрѣть на сына съ гордостью. «Вотъ уже 500 лѣтъ, говоритъ онъ, всѣмъ Мирабо извиняли то, что они не похожи на другихъ людей; должны и этому простить потомки; онъ не обезчеститъ своего дома». Онъ надѣется сдѣлать изъ него что-нибудь и зоводитъ рѣчь о невѣстѣ изъ провинціальной знати. И здѣсь замѣшался отцовскій эгоизмъ: съ одной стороны, ему хочется удалить сына изъ дому, потому что онъ все еще боялся, какъ бы его не употребили орудіемъ противъ него; съ другой — маркизъ не былъ такъ богатъ, какъ казалось, и выгодная женитьба старшаго сына была бы очень кстати для его собственныхъ разстроенныхъ дѣлъ. И вотъ сынъ знакомится то съ тѣмъ, то съ другимъ семействомъ. Однимъ изъ самыхъ знатныхъ было семейство Мариньяновъ, въ которомъ старшая дочь считалась блестящею партіей. Это была красивая, умная, свѣтская дама, выросшая въ тѣхъ условіяхъ легкой жизни и внѣшняго лоска образованія, которыя считались тогда верхомъ совершенства; къ тому же она обладала неизмѣримымъ, хотя, правда, мнимымъ, богатствомъ. Молодому графу, этой «рожѣ, безобразной, какъ чортъ», по старому выраженію отца, удалось сдѣлаться женихомъ этой дѣвушки и разогнать всѣхъ своихъ соперниковъ (1772). Незадолго до того отецъ былъ съ нимъ въ Версали и тамъ замѣтилъ, что сынъ повсюду затмѣваетъ его. Онъ писалъ объ этомъ: «Смѣшно! Толкуютъ, будто у него больше ума, чѣмъ у меня»!

Женитьба была неудачною спекуляціей: и Мариньяны находились въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Это семейство, въ свою очередь, рассчитывало родствомъ съ Мирабо поправить свои дѣла. На значительное приданое, которое оба дома только и могли дать на долгое время, молодые роскошно прожили цѣлый годъ. У него были свои страсти, у нея свои. У него кружилась голова отъ удовольствія разыгрывать роль важнаго господина, она тоже стремилась поставить свой домъ на широкую ногу. Обѣ стороны не очень-то заботились другъ о другѣ. Но вотъ мало по малу возникло серьезное неудобство въ финансовомъ отношеніи; промотавъ проценты, принялись уже за капиталъ. Подобные случаи бывають и проходятъ у супруговъ близкихъ между собой или по крайней мѣрѣ сближающихся съ теченіемъ времени. Но здѣсь этого не было, да и не могло быть, потому что они никогда не чувствовали склонности другъ къ другу. Частію желаніе отца, частію тщеславіе побудили его жениться на самой интересной невѣстѣ въ Провансѣ; ею руководило подобное же честолюбіе. Они обви-

няли другъ друга въ общемъ несчастіи, и оба были правы. Вскорѣ Мирабо опять окружили заимодавцы, какъ нѣкогда драгунскаго офицера. Впослѣдствіи онъ писалъ о своемъ положеніи въ это время: «Всѣ мои долги ведутъ свое начало отъ перваго года моей женитьбы; не будучи въ состояніи уплатить первыхъ долговъ, я принужденъ былъ надѣлать новыхъ, болѣе значительныхъ. Я не разстроенъ, какъ другіе моты, которые погребаютъ себя подъ развалинами своего богатства, расточивъ его на карты и грязный развратъ. Ходъ дѣлъ моего отца не позволялъ ему снабжать меня деньгами, и я долженъ былъ занимать. Кому не извѣстны тѣ злополучные, но соблазнительные источники, изъ которыхъ обыкновенно черпаютъ дѣти знатныхъ фамилій? Когда кровь холодна, они не прельщаютъ; но у меня тогда кровь не была холодна. Утопающій готовъ схватиться за раскаленный желѣзный листъ, лишь бы спастись. Я началъ изъ легкомыслія, продолжалъ изъ нужды и махнулъ на все рукой съ отчаянія; чтобы забыться, я кинулся въ вихрь увлеченій. Когда я захотѣлъ пробудиться, было уже слишкомъ поздно».

Отецъ выхлопоталъ приказъ объ его арестѣ. «Другъ людей», говорятъ, добылъ ихъ до 60 и, кромѣ того, добивался приговора, который отдалъ бы сына подъ опеку. Такимъ образомъ попалъ онъ въ мартѣ 1773 г. въ Маноскъ, а оттуда, за исторію съ однимъ знатымъ господиномъ, въ замокъ Ифъ (въ августѣ 1774 г.); когда же ему и здѣсь удалось своею чарующею личностью вызвать болѣе мягкое обращеніе, чѣмъ хотѣлось отцу, то онъ былъ брошенъ новымъ приказомъ объ арестѣ въ фортъ Жу. И все это безъ суда и приговора. Какъ преступника, таскали его изъ тюрьмы въ тюрьму. Тутъ было достаточно матеріала для «*Essai sur le despotisme*», который онъ началъ еще въ Маноскѣ.

Причина такой ужасной строгости отца заключалась не въ одномъ намѣреніи обуздать легкомысленнаго должника и вырвать его изъ сферы соблазновъ: здѣсь, по крайней мѣрѣ, такую же роль игралъ страхъ передъ опаснымъ положеніемъ, которое могъ принять Оноре въ безобразной распрѣ отца съ матерью. На это указываетъ намъ самъ Мирабо. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дядѣ (въ августѣ 1775 г.), умоляя его заступиться за него, онъ говоритъ: «Два раза не наказываютъ за одно и то же. Я въ крѣпости, конечно, не за расточительность, которая навлекла на меня столько униженій, причинила мнѣ столько нравственныхъ мученій, стоила цѣлаго года свободы. Я здѣсь за одно обстоятельство, въ которомъ формально я, можетъ-быть, и не правъ; но въ сущности оно лишь дѣлаетъ мнѣ честь, и я никогда не откажусь отъ него, я готовъ защищать его передъ всѣми судами въ мірѣ». Съ этимъ согласуется признаніе отца брату въ маѣ 1776 года: «Я долженъ или не отворять его темницы, или опасаться, что онъ явится сюда поддерживать мать».

25 мая 1775 года Оноре прибылъ въ фортъ Жу. Здѣсь, благодаря до-

бротъ губернатора, ему удастся черезъ нѣсколько времени получить нѣкоторыя права, которыя облегчаютъ его заточеніе: онъ можетъ читать, писать, выходить, даже покидать замокъ и посѣщать сосѣдній городокъ Понтарлье, давъ честное слово не бѣжать. Онъ какъ бы только подъ городскимъ арестомъ. Съ этихъ поръ онъ больше проживаетъ въ Понтарлье, чѣмъ въ Жу. Онъ принятъ въ маленькомъ кружкѣ литературно-образованныхъ семействъ и дѣлаетъ и тутъ долги, впрочемъ такіе, которые онъ могъ легко уплатить: на книги, ландкарты, бумагу—все вещи, необходимыя для него, но которыхъ онъ не могъ купить, потому что у него не было ни гроша.

Здѣсь жила между прочими семья стараго президента Монъэ. Этотъ знатный, но ветхій и изношенный отъ распутства человекъ жилъ открыто, благодаря не столько себѣ, сколько своей молодой, восемнадцатилѣтней супругѣ, на которой онъ женился при обстоятельствахъ, характеристичныхъ для исторіи нравовъ того времени. Сюда былъ введенъ и Мирабо. Въ непродолжительномъ времени между Мирабо и молодою президентшей сначала завязалось нѣчто въ родѣ свѣтскаго любезничанья, а потомъ разгорѣлась страстная любовь, воспринятая имъ со всѣмъ пыломъ его южной природы.

Мирабо былъ еще настолько благоразуменъ, чтобы видѣть, какъ близокъ онъ къ преступленію. Все, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, было ничто иное, какъ легкомысленныя проказы, которыя вовсе не соответствовали по своей важности тѣмъ наказаніямъ, которыми отецъ преслѣдовалъ его, какъ неисправимаго преступника. Но теперь ему предстояло совершить дѣло, которое должно было подтвердить самыя тяжкія нареканія и вызвать самое строгое правосудіе. Оставить собственную жену, соблазнить чужую, даже, можетъ быть, увезти ее, нарушивъ честное слово,—вотъ поступки, которые оправдали бы жестокость отца и справедливо заслужили бы не приказъ объ арестѣ, а уголовный судъ. Что онъ все это передумалъ, доказательствомъ тому служатъ его собственныя слова, относящіяся отчасти къ этому, отчасти къ позднѣйшему времени.

Такъ онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Дюпону: «Прежде чѣмъ сдѣлать эту величайшую въ моей жизни ошибку, я вынесъ страшнѣйшую душевную борьбу съ самимъ собою. Никто не зналъ, что я тогда дѣлалъ. Твердо рѣшившись освободиться отъ стрѣлы, пронзившей мое сердце, хотя бы пришлось даже растерзать его, я написалъ моей женѣ горячее письмо и заклиналъ ее со всѣмъ краснорѣчіемъ, какое только внушили мнѣ минута и обстоятельство, соединить ея судьбу съ моею, что согласовалось съ божескими и человѣческими правами. Я предлагалъ ей удалиться въ Швейцарію и жить тамъ на наши скромные доходы, и, въ случаѣ нужды, даже не получая поддержки.

«Мои труды доставили бы мнѣ средства, какъ только я получилъ бы извѣстность. Согласись она, и, клянусь честью, я разорвалъ бы всѣ мои

оковы, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть отъ тоски. Никогда бы не одерживала лучшей побѣды любовь къ свободѣ и склонность къ супружеской жизни! И эта побѣда была возможна. Быть-можетъ, моя страсть не достигла еще высшей степени безумства; по крайней мѣрѣ, я не былъ еще связанъ священнѣйшими узами».

Но жена отвѣтила съ ледяною насмѣшкой, что онъ дуракъ, и что она не чувствуетъ желанія ѣсть черствый хлѣбъ на чужбинѣ. Мирабо увидѣлъ. «какъ онъ былъ несправедливъ, ожидая плодовъ отъ дерева, которое приносило одни цвѣты». Между тѣмъ его супруга жила не монахиней. У нея праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, одна любовь смѣнялась другою. Тотчасъ по смерти своего маленькаго сына она задала поразительно блестящій балъ. А Мирабо стоялъ точно на раскаленныхъ угольяхъ. Онъ тщетно пишетъ къ отцу, который норовитъ подвергнуть его еще болѣе тяжкому заключенію, проситъ безплодно у военнаго министра самаго скромнаго мѣста, лишь бы оно избавило его отъ мучительнаго положенія. Все напрасно. Онъ уже готовъ бѣжать; но страсть удерживаетъ его. «Если я остался, пишетъ онъ, то это была жертва, которую я приносилъ любви, и повторяю, подобныя ошибки даютъ право на снисхожденіе и участіе со стороны чувствительныхъ сердецъ».

Его покинуло все, что могло бы спасти его изъ бездны, оставалась одна его страсть, и она рѣшила дѣло.

Наконецъ сама Софи Монье начала настаивать на бѣгствѣ. Впослѣдствіи она открыто писала, что нелѣпо толковать о похищеніи; еслибы оно и случилось, то скорѣе она похитила его, потому что она побуждала его къ бѣгству. Разумѣется, это не уменьшаетъ его вины.

Въ январѣ 1776 года Софи отправилась въ Дижонъ къ своимъ родственникамъ; Мирабо, скрывавшійся до того въ Понтарлье, послѣдовалъ за нею. Здѣсь онъ проситъ взять его подъ арестъ, желая такимъ образомъ избавиться отъ заточенія въ Жу и отъ надзора своего личнаго врага. Въ Дижонѣ съ нимъ обходятся прилично. Но отецъ настаиваетъ на другой тюрьмѣ. Его должна скрыть цитадель, куда не заглядываетъ ни солнце, ни мѣсяцъ. Тогда уже онъ рѣшается бѣжать за границу. На почвѣ Швейцаріи, въ Вербьерѣ, соединяется съ нимъ Софи (въ августѣ 1776 г.), и они бѣгутъ въ Амстердамъ.

Мирабо, нарушивъ свое честное слово и свою супружескую вѣрность, соблазнивъ и похитивъ чужую жену, былъ теперь вдвойнѣ, втройнѣ преступникъ, и отецъ могъ обвинить его передъ всякимъ судомъ.

Теперь въ его жизни настаетъ короткій эпизодъ, бывшій для него нѣкотораго рода отдыхомъ, какъ ни ужасно было сплетеніе обстоятельствъ. Съ наслажденіемъ и спокойнымъ торжествомъ смотрѣлъ онъ въ дни своего величія на время своего бѣгства, протекавшее для него и для его подруги въ Амстердамѣ въ добываніи поденной платы самымъ тяжелымъ литератур-

нымъ трудомъ. Первою работою, на которой онъ попробовалъ свои силы, было: «*Essai sur le despotisme*», начатый, какъ мы видѣли, еще въ Маноскѣ. Семейный и государственный деспотизмъ отравилъ ему юность и первые годы мужества. Въ его письмахъ рядомъ съ озлобленіемъ противъ суровости отца постоянно пробивается глубокая политическая мысль, что его личное несчастье проистекаетъ изъ современнаго безотраднaго положенія всей государственной и семейной жизни. Онъ безпрестанно задаетъ вопросъ: «Что это за государство, въ которомъ возможны и терпимы подобныя явленія? Я ничего не сдѣлалъ такого, что бы судъ могъ признать достойнымъ наказанія, а меня все-таки таскали по всѣмъ государственнымъ тюрьмамъ Франціи. Не милости, а правосудія искалъ я, и нигдѣ не могъ найти его».

Вотъ чему обязано это сочиненіе своимъ одушевленіемъ, своей энергіей. Можно было сказать о деспотизмѣ что-нибудь болѣе глубокое, философское, но ничего болѣе страстнаго, огненнаго. Въ этомъ трудѣ была частица ужасной жизни автора, равно какъ и въ сочиненіи о государственныхъ тюрьмахъ и указахъ объ арестѣ—область, въ которой онъ былъ авторитетомъ. Ни одинъ памфлетъ не производилъ такого страшнаго дѣйствія, какъ эти сочиненія. То не были холодныя мечтанія какого-нибудь друга людей; то была воплощенная жизнь. Они еще и теперь потрясаютъ до глубины души, ибо тутъ всѣ преступленія и проступки отдѣльнаго лица забываются передъ колоссальнымъ преступленіемъ подобнаго государственнаго порядка.

Недолго суждено было продолжаться тихой литературной дѣятельности Мирабо въ Амстердамѣ, которая при самомъ усиленномъ трудѣ приносила обоимъ бѣглецамъ лишь скудный доходъ, а имени Мирабо почти ничего: онъ вѣдь и писалъ не ради славы, а ради куска хлѣба.

Въ Понтарлье его заочно осудили на смертную казнь «за соблазненіе и похищеніе», и такъ какъ его не было, то покуда прибили къ висѣлицѣ его портретъ, которому впослѣдствіи суждено было стать лучшимъ украшеніемъ Пантеона, а увезенная была приговорена къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

Отецъ употребилъ всѣ усилія, чтобы снова подчинить сына своей власти: съ одной стороны, онъ все еще боялся того, что издавна составляло предметъ его опасеній; съ другой, страшился разрыва между сыномъ и невѣсткой, причемъ раздѣлъ имущества легко могъ состояться во вредъ его дому.

Наконецъ, съ большимъ трудомъ и огромными издержками, благодаря цѣлой сѣти шпионовъ, которыми онъ опуталъ сына, ему удалось открыть графа, проживавшаго въ Амстердамѣ подъ чужимъ именемъ, и подкараулить его въ тиши его домашняго очага. Онъ потребовалъ отъ Генеральныхъ Штатовъ выдачи осужденныхъ бѣглецовъ (въ маѣ 1777 г.) и получилъ согласіе. Ее заключили въ одинъ изъ тѣхъ монастырей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялись и какъ исправительныя заведенія для женщинъ. Онъ попалъ въ Венсенскую башню. въ сравненіи съ которою даже

лія могла считаться прелестнымъ убѣжищемъ: его встрѣтили мрачный, сырой казематъ, безъ свѣта и радости, да тюремное преданіе, безъ содроганія рассказывавшее о томъ, какъ виновныхъ замучивали до смерти.

Мирабо прибылъ сюда 7 іюня. Ему было 28 лѣтъ. Сколько уже пройдено по жизненному пути, и какая будущность открывалась здѣсь передъ нимъ! Его заперли въ душный казематъ, удалили отъ всякаго сообщенія съ людьми; черезъ отверстіе, называвшееся дверью, совали ему пишу. Въ остальномъ онъ былъ предоставленъ своимъ мыслямъ: книгъ, перьевъ, чернилъ и т. п. ему не дали. «Предоставляю каждому, у кого есть сердце, писалъ онъ однажды, вообразить себѣ подобное положеніе: одиночество среди этихъ желѣзныхъ рѣшотокъ, безъ всякаго развлеченія, эти длинные, убійственные 24 часа, когда скорбь не даетъ сомкнуть глазъ, когда нельзя говорить ни съ живыми, ни съ мертвыми! Душѣ легче бороться съ самыми ужасными внѣшними невзгодами, если только онѣ скоропреходящи, чѣмъ съ временемъ и неизмѣннымъ однообразіемъ мученій... Не знаю, долго ли выносятъ душа и тѣло подобныя страданія; но думаю, что всякій пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ ему представили точный списокъ тѣхъ, кто въ этомъ адскомъ убѣжищѣ умираетъ съ отчаянія или живетъ въ сумасшествіи». Можно строго осуждать всѣ поступки Мирабо, но не при подобной системѣ. Тутъ, съ одной стороны, отдѣльный человѣкъ, тяжело согрѣшившій противъ обычая и закона, съ другой—государственный порядокъ, съ безчеловѣчною жестокостію давящій милліоны. Этотъ человѣкъ могъ быть и совершенно невиненъ, а все-таки ему не лучше было бы въ этихъ тюрьмахъ. Необходимо твердо помнить подобныя вещи, чтобы понять страстную, непримиримую ненависть Мирабо къ этой системѣ, которую раздѣляли съ нимъ тысячи другихъ.

У него завязались мимолетныя личныя сношенія съ тюремщикомъ Ленуаромъ, имѣвшія весьма благотѣльные послѣдствія для несчастнаго узника. Ленуаръ, вообще не славившійся человѣколюбіемъ, сталъ интересоваться преступникомъ, который грифелемъ царапалъ на стѣнѣ каземата начало политической статьи. Онъ далъ ему книгъ, бумаги, перьевъ, чернилъ, свѣчей, и получилъ за то неизъяснимую благодарность.

Необыкновенное впечатлѣніе производятъ отзывы гиганта 1789 года о старомъ, суровомъ тюремщикѣ, проникнутые восторженною благодарностью. Ни отецъ, ни мать, ни дядя, ни жена, ни милость кроткаго короля не были для него тѣмъ, чѣмъ сдѣлался старый полицейскій тиранъ, передъ именемъ котораго трепеталъ весь Парижъ: онъ былъ для него какимъ-то ангеломъ-хранителемъ.

Здѣсь писалъ Мирабо тѣ замѣчательныя письма къ Софи, которыя передавалъ Ленуаръ и которыя никогда не предназначались для гласности. Эти письма—его ежедневные монологи, которыми онъ въ одиночествѣ оборонялся отъ отчаянія. Это—то взгляды на его жизнь, полные раскаянія и сокрушенія, то порывы испанской отваги, кидающейся на тюремныя стѣны; то

нѣжнѣйшія Вертеровскія изліянія, то припадки кипучей ярости противъ стараго образа правленія. Въ этихъ письмахъ передъ нами весь Мирабо, съ его сильными и слабыми сторонами. Тутъ мы видимъ, какъ идеальная струя въ его природѣ все болѣе и болѣе изсякала и мутилась отъ распущенности и цинизма.

Когда онъ снова получилъ свое оружіе, перо и чернила, онъ рѣшился пробить сжимавшія его стѣны. Свобода была для него важнѣе мечтательной переписки съ Софи. Онъ пишетъ къ вліятельнымъ лицамъ, къ Малербу, Морепе, къ министру Амело, и даже посылаетъ просьбу самому королю. Онъ проситъ, чтобы ему дозволили принять участіе въ сѣверо-американской войнѣ. Но все напрасно. Даже отецъ упорно отказывается снабдить его средствами къ опрятной и здоровой жизни. Эти четыре года (1777—1780) были для него ужасною школой. Въ убійственномъ одиночествѣ этого заключенія онъ углубился въ мысли о себѣ самомъ и объ основныхъ причинахъ своего бѣдствія. Въ этой душной атмосферѣ каземата, этимъ послѣднимъ своимъ доводомъ убѣжденія старая монархія вырастила себѣ мстителя. Когда Мирабо покинулъ стѣны своей тюрьмы, уже не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ характерѣ его политической будущности.

Отецъ, которому было очень важно, чтобы сынъ возобновилъ свои супружескія отношенія съ дочерью Мариньяновъ, освободилъ его съ условіемъ принять свою извѣшавшую жену. Но Мирабо является еще самою честною личностью во всей этой позорной семейной исторіи. Онъ съ негодованіемъ отвергъ свободу на такихъ условіяхъ; не захотѣлъ продать себя за такую дешевую цѣну. «Никто въ мірѣ, пишетъ онъ Софи, не въ силахъ отнять у меня состояніе моей жены; но я не желаю и никогда не пожелаю его. Ея состояніе принадлежитъ ей, потому что у нея нѣтъ дѣтей, потому что я презираю ее, потому что я не хочу болѣе жить съ нею». Онъ долженъ былъ снова сойтись съ женщиной, которая стояла ниже его, которую онъ презиралъ; иначе ему приходилось оставаться въ Венсенской башнѣ. Вокругъ этого вращается вся переписка того времени. Ежедневно внушаютъ ему это въ тюрьмѣ, пока онъ, наконецъ, не сдается, хотя и не такъ, какъ ожидали его родители. Онъ пишетъ гордое письмо къ женѣ, заявляя, что лучше всего имъ обоимъ накинуть покрывало на свое прошлое, но получаетъ отъ нея ледяной отвѣтъ. И вотъ завязывается утомительная переписка съ отцемъ.

Съ конца 1778 года и до декабря 1780-го непрерывно продолжается душевная пытка: Мирабо приходится выбирать между тюрьмой и позоромъ. Его положеніе было плачевно. «Въ настоящую минуту, пишетъ онъ около этого времени, у меня нѣтъ сюртука; я буквально хожу на босую ногу, потому что у меня нѣтъ чулокъ; еслибы на мои 500 ливровъ, которыхъ должно хватать на все, купить платья, то у меня не было бы книгъ; а безъ книгъ я или умру, или сойду съ ума». Наконецъ ледъ взломало. Правительство вознегодовало: «Вотъ уже 50 приказовъ объ арестѣ для однихъ

Мирабо!» съ досадою восклицаетъ Морепа: «придется, наконецъ, завести для нихъ особаго секретаря». А тутъ и отецъ возымѣлъ надежду, что, съ помощію вліянія сына, примирится съ женой, которая уже одержала первую побѣду въ скандальномъ дѣлѣ о разводѣ. Уже въ декабрѣ 1779 года Мирабо написалъ по этому поводу матери потрясающее письмо, заклиная ее во имя чести семейства забыть нанесенное ей оскорбленіе и не дѣйствовать подъ вліяніемъ одной страсти. 13 декабря 1780 года онъ былъ переведенъ изъ тюрьмы въ отцовскій домъ. Увидѣвъ старика, онъ содрогнулся; потомъ, мимоходомъ, они бѣгло взглянули другъ на друга: это послѣ 9-лѣтней разлуки! Первое, на что Оноре употребилъ свою свободу, была его послѣдняя попытка помирить отца съ матерью. Но всѣ его убѣжденія, все краснорѣчіе, были безплодны.

Мирабо былъ свободенъ; но затрудненія теперь только начинались для него, потому что у него все-таки не было средствъ къ существованію ни въ семействѣ, ни внѣ его. «Что мнѣ дѣлать съ моею свободой? спрашиваетъ онъ. Отецъ меня осуждаетъ, мать забыла, а можетъ-быть, и ненавидитъ за то, что я хотѣлъ служить ей; дядя страшится меня; работодатели готовы на меня броситься; жена или ея руководители угрожаютъ мнѣ; я лишенъ всего, доходовъ, положенія въ обществѣ, кредита». Впрочемъ, отецъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что сынъ сталъ другимъ человѣкомъ, пройдя высшую школу государственныхъ тюремъ. Онъ называетъ его «сложившимся мужемъ, который умѣетъ держать себя и въ которомъ даже есть что-то величественное». Онъ съ гордостью говоритъ о его поразительныхъ свѣдѣніяхъ, судя по его произведеніямъ, и дивится орлиному взгляду этого проницательнаго ума, силы котораго, кажется, удвоились съ тѣхъ поръ, какъ ему была дана возможность свободно развиваться. Да, Мирабо выдержалъ такое испытаніе судьбы, передъ которымъ устояли бы немногіе. Другаго оно испортило бы на всю жизнь, надломивъ его телѣсно и душевно; даже сильный человѣкъ по меньшей мѣрѣ утратилъ бы свою душевную энергію. Но богатырская натура Мирабо устояла противъ всего этого: онъ сохранилъ всю свою кипучую свѣжесть, всю свою неистощимую энергію. Это поражало даже отца, который никогда не льстилъ ему.

Мирабо посвоему принялся за восстановленіе своего общественнаго положенія, именно тѣми процессами *), которые доставили незавидную извѣстность ему и его семейству. Но снискали необыкновенную славу его таланту. Прежде всего ему нужно было уничтожить насильственный и незаконный процессъ въ Понтарлье и приговоръ 1777 года противъ «соблазнителя и похитителя». Этимъ онъ хотѣлъ, по выраженію отца, «возвратить голову на плеча» себѣ самому и особенно несчастной Софи. Его обви-

*) Joly: Les procès de Mirabeau en Provence d'après des doc. inéd. Paris. 1863.

няли въ нарушеніи честнаго слова, въ искушеніи и соблазненіи чужой жены, и столько было уликъ въ этихъ преступленіяхъ, что строгое наказаніе было неизбѣжно. Потому-то отцу хотѣлось покончить дѣло приказомъ короля, а дядѣ ограничиться робкою защитой. Но Оноре настоялъ на формальномъ судѣ, и—что довольно характеристично для старой Франціи—дѣло велось такъ жалко, что ему удалось получить своего рода оправданіе, отдѣлавшись лишь пятимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Наконецъ, лѣтомъ 1782 г. приговоръ состоялся. Въ теченіе разбирательства Мирабо довелъ судей почти до отчаянія находчивостью, съ которою онъ нападалъ на ихъ промахи, и упорствомъ, съ которымъ онъ возставалъ противъ каждаго ихъ шага. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, когда ему предложили мировую. Онъ отвергъ ее, сдѣлалъ предложеніе съ своей стороны и добился того, что приговоръ 1777 года былъ отмѣненъ, а Софи Монье получила пенсію отъ своего мужа. Наконецъ и самъ онъ сталъ вполне свободенъ. Хотя его побѣда и не въ силахъ была снять позоръ, тяготѣвшій на его жизни, но самый способъ его появленія, его отвага и упорство произвели невыразимое впечатлѣніе. Въ его жизни были великіе скандалы, но не хуже продѣлокъ всей знати, которую онъ безконечно превосходилъ своими замѣчательными качествами.

Затѣмъ слѣдуетъ исторія съ женой. Послѣ долгаго сопротивленія, Мирабо уступаетъ настойчивымъ требованіямъ своего отца, ѣдетъ въ Провансъ и пытается сперва сблизиться съ женой. Это не удается. Тогда онъ подаетъ въ февралѣ 1783 года въ Э жалобу на злоумышленное удаленіе жены: обвинчанная и не разведенная съ нимъ жена должна возвратиться въ его домъ въ установленный срокъ. Этотъ позорный процессъ далеко превосходилъ дѣло въ Понтарлье. Тутъ вскрылось множество другихъ, въ высшей степени непристойныхъ семейныхъ исторій, въ которыхъ все играли роль разлучившіяся четы, да невѣрные супруги. Вся провинція взволновалась при вѣсти о дерзкомъ нападеніи «воскресшаго изъ Венсенской могилы» на могущественнѣйшую изъ мѣстныхъ фамилій. Нападеніе не удалось: Мирабо проигралъ дѣло передъ своими судьями, но выигралъ его въ глазахъ толпы, которая съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за разбирательствомъ и была вполне увлечена его краснорѣчіемъ. Къ досадѣ своего отца, Мирабо самъ велъ дѣло. Очевидцы были поражены его пятичасовою рѣчью, буквально уничтожившею адвоката противной стороны, котораго должны были вынести изъ залы. На дворѣ же стояла необозримая толпа народа, облѣпившаго окна и крыши, чтобы, если не услышать, то хотя увидеть Мирабо, когда онъ будетъ выходить. «Онъ такъ говорилъ, гремѣлъ, ревѣлъ, сказано въ одномъ письмѣ, что его львиная грива взмылилась и взмокла отъ пота». Толпа забыла постыдные поступки Мирабо, но его рѣчи неизгладимо напечатлѣлись въ ея памяти; и когда онъ явился на выборы депутатовъ, всѣ единодушно пожелали избрать его, и никого другаго. Его рѣчи, которыя отчасти напечатаны въ Мемуарахъ, составляютъ страшный обвинительный

актъ противъ старой системы въ законахъ, въ государствѣ и обществѣ. Онъ не выставляетъ себя героемъ добродѣтели, еще менѣе судьею нравственности: онъ удивительно откровенно говоритъ о своихъ ошибкахъ и преступленіяхъ. Но онъ съ поразительною вѣрностью изобличаетъ старый порядокъ. «Гдѣ ваше право считать меня болѣе тяжкимъ преступникомъ, чѣмъ вы сами?» спрашиваетъ онъ. То были политическія рѣчи, направленные не противъ одного семейства, а противъ всего общественнаго порядка.

Теперь, наконецъ, Мирабо раздѣлался съ своимъ прошлымъ. Его семейство отреклось отъ него. Онъ былъ одинокъ и, какъ кажется, терпѣлъ горькую нужду. Снова приходилось ему жить перомъ, ради насущнаго хлѣба, и исчерпывать всю плодovitость своего ума, всю силу своего трудолюбія. Само собою разумѣется, что эти произведенія не могли быть всѣ образцовыми. Изъ его первыхъ 38 сочиненій только одно можетъ назваться такимъ, это *Essai sur le despotisme*. Въ Парижѣ ему не безопасно было оставаться съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстно, что онъ авторъ этого произведенія. Онъ уѣхалъ въ Англію, прежде чѣмъ его успѣлъ настичь новый приказъ объ арестѣ; познакомился съ тамошнимъ бытомъ и жилъ довольно бѣдно литературнымъ трудомъ. По совѣту своихъ друзей, онъ возвратился въ отечество. То было время, когда начиналъ дуть вѣтеръ министерства Калона. Разныя высокопоставленныя особы прибѣгали къ перу; но вскорѣ онъ открыто поссорился съ министромъ и покинулъ Парижъ навсегда: такъ онъ думалъ и рѣшился тогда. Съ Англіей, Швейцаріей, Голландіей онъ уже былъ знакомъ; поэтому онъ отправился въ Германію, и прежде всего въ тотъ самый городъ, который все еще составлялъ средоточіе нѣмецкой жизни, хотя свѣтильникъ въ немъ уже меркнулъ, въ Берлинъ. Фридрихъ Великій принялъ его радушно. Герой исчезавшей и титанъ новой эпохи вели между собою бесѣды, которыя, къ прискорбію, не переданы намъ въ точности. Достопамятенъ тотъ разговоръ, въ которомъ Мирабо спросилъ великаго короля: «Отчего онъ, Цезарь Германіи, не захотѣлъ быть и Августомъ для нѣмецкой литературы?» Фридрихъ отвѣчалъ: «Вы не знаете, что говорите! Давъ умственной жизни Нѣмцевъ идти своимъ собственнымъ путемъ, я сдѣлалъ для нихъ больше, чѣмъ еслибы создалъ имъ литературу». Домъ увѣряетъ, что не встрѣчалъ человека, который бы умѣлъ лучше задавать вопросы, чѣмъ Мирабо.

Онъ изслѣдовалъ до основанія свойства прусской монархіи. Вблизи онъ научился судить о прославленныхъ формахъ этой системы иначе, чѣмъ судили до тѣхъ поръ изъ обычной лести. Онъ уже подмѣчалъ истину, понятую здѣсь лишь 20 лѣтъ спустя, именно, что эта монархія обязана своимъ процвѣтаніемъ болѣе личному величію безпримѣрно дѣятельнаго короля, чѣмъ внѣшнему порядку государственной машины.

Тогда господствовало противоположное воззрѣніе: всѣ были убѣждены, что старика можетъ и не существовать, что машина и безъ него не пе-

рестанетъ работать. Она и работала усердно, но только все катилась подъ гору, до самой Іены и Ауерштедта. Мирабо первый замѣтилъ и высказалъ правду: «Машина вся, какъ есть, плоха; ея недостатки покрывались величіемъ короля; чего онъ не могъ сдѣлать послѣ тревоженій Семилѣтней войны, то должны довершить его преемники путемъ реформъ,—и уже пора». Его сочиненіе о прусской монархіи, появившееся по смерти Фридриха II, требуетъ для этого государства, которое онъ уже торжественно признаетъ залогомъ будущности Германіи, новыхъ экономическихъ началъ. Оно настаиваетъ на уничтоженіи остатковъ феодализма, на отмѣнѣ меркантильной системы, на облегченіи бремени постоянного войска, состоявшаго въ значительной части изъ иностранцевъ и потому не представлявшаго надежной опоры,—словомъ, все на тѣхъ вещахъ, которыя принялись преобразовывать лишь послѣ катастрофы 1806 года.

Сочиненіе Мирабо было, что называется, официально опровергнуто, т. е. было объявлено, что человѣкъ, похитившій чужую жену, совершившій столько гнусностей, наконецъ, человѣкъ, имя котораго красовалось на висѣльномъ столбѣ, не можетъ тутъ произносить своего сужденія. Поселить, простой компиляторъ, опровергая его въ одномъ сочиненіи, отнесся къ нему, какъ къ дерзкому школьнику. Пришло время, когда вспомнили объ этихъ совѣтахъ; но сперва нужно было пройти путь горькихъ испытаній. Изъ негодованія Мирабо на такой пріемъ его труда проистекли тѣ злобныя замѣтки о берлинскомъ дворѣ, въ которыхъ онъ беспощадно бичуетъ тамошніе порядки.

Во Францію онъ возвратился не только потому, что Пруссія со смертію Фридриха Великаго стала для него менѣе дорога, но еще болѣе потому, что онъ видѣлъ приближеніе бури; то былъ 1787 годъ.

Ревностно и страстно кинулся онъ въ политическую борьбу того времени, писалъ брошюры, еще и понынѣ не лишенныя огромной важности, и полиція не преслѣдовала запальчивыхъ, беспощадныхъ нападокъ на старый порядокъ вещей. Въ этихъ произведеніяхъ много такого, что знакомитъ насъ съ Мирабо съ новой стороны. Его привыкли считать всеокрушающимъ трибуномъ описываемаго времени, но здѣсь же мы встрѣчаемся и съ бессмертными государственными истинами совсѣмъ другаго направленія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Если вступать на истинно народный путь, покинувъ устарѣлый языкъ произвола, то все уляжется само собою. При первомъ торжественномъ обѣщаніи, что съ такого-то времени установится лучший порядокъ вещей, все снова успокоится: спокойные граждане, сознающіе, что Франція, по своимъ географическимъ условіямъ, предназначена къ монархіи, выступаютъ впередъ и сдержатъ горячія головы. Здѣсь нѣтъ никакихъ затрудненій, кромѣ тѣхъ, которыя сами себѣ создаютъ, или которыя вытекаютъ изъ страшной болѣзни всѣхъ

старыхъ правительствъ, никогда добровольно не дающихъ сегодня того, что исторгнуть у нихъ силой завтра» *).

Настала борьба парламента съ правительствомъ и пораженіе послѣдняго; затѣмъ пало министерство Бриена, и обѣщано было созваніе государственныхъ чиновъ къ началу слѣдующаго года. Тогда-то Мирабо написалъ то письмо, въ которомъ оправдывается въ своемъ поведеніи во время парламентскаго возстанія и возвѣщаетъ, что только теперь настало его время: «Вотъ уже 10 мѣсяцевъ, какъ я служу мишенью всевозможнымъ клеветамъ за то, что не раздѣляю парламентскаго фанатизма и не написалъ еще ни строчки въ защиту этой оппозиціи. Я всегда держался именно того мнѣнія, что между королемъ и парламентомъ есть еще маленькая партія, именуемая народомъ, къ которой должны бы принадлежать всѣ разумные и честные люди», но къ которой онъ не нашелъ истиннаго сочувствія ни у одного изъ обоихъ противниковъ.

Дѣло приняло другой оборотъ со времени созванія государственныхъ чиновъ. «Этотъ шагъ, писалъ онъ Мовильону, въ 24 часа подвинулъ націю на цѣлое столѣтіе впередъ. О, мой другъ, вы увидите, на что способна эта нація въ тотъ день, когда ей дана будетъ конституція, когда талантъ также будетъ силой».

Онъ выступилъ тогда передъ чинами Прованса, но они оттолкнули его, упрекая его въ прошломъ, въ его порокахъ и преступленіяхъ: его считали за человѣка, готоваго предать свое сословіе, за противника дворянскихъ правъ. Тутъ онъ написалъ своимъ товарищамъ по сословію отреченіе: «Вы, друзья мира, вы черните въ глазахъ народа, съ пыломъ ненависти, единственнаго защитника, котораго онъ нашелъ внѣ своего круга. Во всѣхъ странахъ и во всякія времена аристократы неумолимо преслѣдовали друзей народа и, если въ ихъ средѣ возникалъ другъ народа, они накидывались именно на него, чтобы выборомъ такой искупительной жертвы навести страхъ на другихъ. Такъ палъ послѣдній Гракхъ отъ руки патриціевъ. Но, пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, заклиная боговъ-мстителей; изъ этой пыли возникъ Марій. Марій великъ не тѣмъ, что побѣдилъ Кимвровъ, а тѣмъ, что уничтожилъ римскую

*) Прибавимъ сюда изъ замѣтокъ Гейссера еще слѣдующія слова Мирабо, сказанныя 16 августа 1788 г. г-ну Левровъ Страсбургъ (Souvenir du comte de Pontécoulant): «Безъ сомнѣнія, наши учрежденія нуждаются въ большихъ преобразованіяхъ. Они должны быть обширны и радикальны. Но, чѣмъ болѣе будутъ проникаться этою истиной, тѣмъ очевиднѣе будетъ, что прибѣгать къ насильственнымъ революціямъ значило бы варварски понятить нашъ вѣкъ назадъ, что одного образованія, благодаря книгопечатанію, довольно для введенія всѣхъ необходимыхъ для человѣчества преобразованій, и что, наконецъ, только этимъ путемъ народы не потеряютъ ничего изъ своихъ пріобрѣтеній. О.

аристократію. Но вы, простолюдины, слушайте того, кто въ сердцѣ своемъ носить ваше одобреніе, не будучи имъ подкупленъ. Люди сильны лишь единодушіемъ: будьте тверды. Я же, опираясь на мою совѣсть и на мои убѣжденія, пойду противъ цѣлой вселенной, придется ли мнѣ поддерживать васъ моими трудами и моимъ голосомъ въ національномъ собраніи, или же напутствовать васъ туда моими пожеланіями. Я былъ, есть и буду до гроба мужемъ общественной свободы, мужемъ конституціи. Привилегіямъ настанетъ конецъ, но народъ вѣченъ».

Это было отреченіе отъ однихъ, предложеніе услугъ другимъ. Въ Э и въ Марсели третье сословіе оспаривало другъ у друга его выборъ; у его экипажа выпрягли лошадей; народъ кричалъ: «Да здравствуетъ король и Мирабо!» Такъ онъ вышелъ изъ выборовъ депутатомъ при шумномъ ликованіи собранія.

«Теперь настало мое время!» Этими словами привѣтствовалъ онъ переворотъ при Неккерѣ, и, дѣйствительно, во Франціи не было личности, которая болѣе Мирабо была бы призвана къ вмѣшательству въ великія общественныя дѣла. Онъ созрѣлъ отъ горькаго жизненнаго опыта; въ тридцать лѣтъ онъ пережилъ больше, чѣмъ кто-либо изъ его сверстниковъ; онъ могъ также сказать о себѣ: «Можетъ-быть, немногіе такъ упорно работали надъ собою, какъ я!» Судьба кидала его въ самыя разнообразныя положенія. Любимымъ предметомъ его занятій съ раннихъ поръ были политическіе вопросы; онъ зналъ государственное устройство народовъ какъ изъ книгъ, такъ и изъ жизни. Онъ былъ знакомъ съ міромъ по собственнымъ наблюденіямъ глубже и основательнѣе, чѣмъ вообще удастся людямъ, не говоря уже о Французахъ того времени. Онъ жилъ и наблюдалъ въ Швейцаріи, Голландіи, Англіи и Германіи; его политическій горизонтъ былъ самый обширный и богатый. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ разсуждать самостоятельно, государство и государственная жизнь выступили у него на первый планъ. 23-лѣтнимъ юношей началъ онъ въ заточеніи въ Маноскѣ Essai sur le despotisme, въ Венсенской тюрьмѣ онъ писалъ Lettres de cachet, а съ 1783 года почти вся его дѣятельность принадлежала политикѣ. А какова должна была быть эта политика, можно судить по его жизни. Онъ жилъ въ исходѣ эпохи деспотизма, вызвавшаго небесную кару. Истый Рикетти, онъ съ молодю любилъ свободу больше жизни, и никто больше его не выстрадалъ подъ гнетомъ стараго деспотизма: вотъ источникъ его пылкихъ, потрясающихъ вспышекъ ненависти противъ деспотизма. На напоминаніе: «Твое отечество», онъ отвѣчалъ еще въ Венсенѣ: «Его нѣтъ въ странѣ рабовъ». И уже въ его первомъ литературномъ опытѣ говорится: «Еслибы пришлось выбирать, то, не колеблясь, должно предпочесть власть слабую и неполную власти неограниченной, въ какихъ бы рукахъ послѣдняя ни находилась».

Но при всемъ томъ онъ остается умѣреннымъ. Онъ благоговѣетъ передъ литературными знаменитостями своего времени, Вольтеромъ, Монтескье,

Руссо, и вообще удѣляетъ себѣ слишкомъ скромное мѣсто позади ихъ. Но онъ порицаетъ Вольтера за то, что въ своихъ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ онъ часто проявляетъ одно остроуміе. О Руссо, этомъ предметѣ его живаго поклоненія, онъ говоритъ: «Какъ будто философъ пришелъ съ бесѣды съ Нумой въ Сабинскихъ лѣсахъ или съ Ликургомъ на Тайгетской горѣ!» Онъ возстаетъ противъ первыхъ предвѣстниковъ социалистическихъ ученій, противъ разнузданности опасныхъ страстей и противъ свободы, которая опять должна повести лишь къ порабощенію.

Но что въ особенности отличаетъ Мирабо отъ дѣятелей 1789 года, такъ это то, что передъ его глазами была поднята завѣса, закрывавшая отъ другихъ будущее. Съ мая этого года его не обольщали мечты о мирныхъ переворотахъ, надежды на тихіе, розовые дни. Онъ былъ убѣжденъ, что разразилась страшнѣйшая революція *). Заблаговременно укрыть отъ ея волнъ то, что могло послужить залогомъ общественнаго благосостоянія въ лучшія, болѣе спокойныя времена,—вотъ что, и только это, считалъ онъ задачею и своей и всѣхъ патріотовъ.

Старая и новая Франція по тетрадамъ государственныхъ чиновъ.

По старинному французскому обычаю, каждый изъ трехъ государственныхъ чиновъ снабжалъ своихъ представителей тетрадами (cahiers), въ которыхъ заключались его жалобы, требованія и просьбы. Составленіе этихъ тетрадей было строго предписано и избирательнымъ закономъ 24 января 1789 года. Этому-то распоряженію, которое вездѣ ревностно исполнялось, мы обязаны въ высшей степени замѣчательнымъ документомъ о положеніи страны и настроеніи умовъ въ это время *).

Эти тетради необыкновенно разнообразны, смотря по чинамъ и мѣстно-

*) Въ декабрѣ 1789 года онъ пишетъ къ Мовильону: «Я вижу, что въ вашей Германіи умы находятся въ броженіи, и очень хорошо знаю, что если искра попадетъ въ горючій матеріалъ, то вспыхнетъ каменный уголь, а не солома, какъ въ другомъ мѣстѣ. Но если, быть можетъ, вы и опередили насъ въ дѣлѣ просвѣщенія, то вы менѣе зрѣлы, чѣмъ мы, хотя и мы-то никогда не были зрѣлыми. Вы не зрѣлы, говорю я, потому что у васъ волненія коренятся въ головахъ, а эти головы съ незапамятныхъ временъ привыкли къ рабству. Взрывъ у васъ произойдетъ гораздо позже, чѣмъ у той націи, у которой въ одну и ту же четверть часа можетъ проявиться и героизмъ свободы и поклоненіе рабству».

(*) Grille: Tableau comparatif des mandats et pouvoirs donnés en 1789, Paris, 1824. 2 vol.

Chassin: Le génie de la révolution, 1, 1—2. Les cahiers de 1789, Paris, 1864, 1865. Boiteau: Etat de France 1789, Paris, 1861. 0.

стямъ. Мы встрѣчаемъ требованія, граничащія съ крайнимъ демократизмомъ, и рядомъ съ ними неизмѣримыя притязанія старыхъ привилегированныхъ. Но не въ этихъ крайностяхъ дѣло. Въ частности онѣ встрѣчались и у той, и у другой стороны. Вообще же тутъ были опредѣленные требованія, имѣвшія значеніе программы широко распространенныхъ убѣжденій, лозунга большихъ корпорацій и вліятельныхъ сословій.

Единогласно, безъ малѣйшаго противорѣчія осуждается абсолютизмъ старой монархіи дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ. Оттого-то непонятно было, какъ могла еще сохраниться эта форма, противъ которой съ одинаковою силой высказывались и закоснѣлое дворянство старыхъ временъ, и крайне демократическое третье сословіе.

Замѣчательно, что сильное сопротивленіе встрѣтила также старая система религіозной нетерпимости и единовластіе клерикаловъ. Еще существовали въ законѣ и въ жизни послѣдствія уничтоженія Нантскаго эдикта, т. е. полное безправіе всѣхъ послѣдователей протестантскихъ ученій, исключая протестантовъ бывшихъ нѣмецкихъ областей, которые находились до нѣкоторой степени подъ защитою международныхъ договоровъ. Теперь уже не такъ много было протестантовъ, и, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ инструкціяхъ проявляется желаніе, чтобы, наконецъ, и здѣсь было водворено справедливое равноправіе. За это даже стоятъ отдѣльныя духовныя корпораціи.

Вообще въ порученіяхъ духовныхъ избирателей встрѣчаются такія желанія и жалобы, какихъ врядъ ли можно было ожидать отъ нихъ. Первое сословіе проникнуто убѣжденіемъ, что преобразование во главѣ и въ членахъ, столь необходимое всей націи, должно начаться съ него самого; что безнравственность въ его собственной средѣ главнымъ образомъ способствовала упадку общественнаго духа. Оно оплакиваетъ скандалы, ежедневно позорящіе богослуженіе; требуетъ для ихъ прекращенія очистить его отъ недостойныхъ членовъ; настаиваетъ на искорененіи вреднаго захватыванія въ однѣ руки нѣсколькихъ приходовъ и нечестиваго обычая раздавать церковные доходы свѣтскимъ людямъ (случалось даже, что драгунскимъ офицерамъ предоставлялись церковные доходы). Оно желаетъ, чтобы вообще не одно дворянство получало высшія мѣста и т. д.

Такія жалобы и желанія соотвѣтствовали главнымъ образомъ возрѣніямъ третьяго сословія въ духовенствѣ. Дѣло въ томъ, что и духовенство совершенно распадалось на аристократическое сословіе, высшее духовенство, и на мѣщанское, священниковъ. Эти послѣдніе составляли родъ демократической партіи въ церкви, и они-то первые оставили скамьи привилегированныхъ, перешли къ третьему сословію. Изъ 300 выборныхъ среди духовенства болѣе 200 было священниковъ. Въ высшей степени замѣчательно, что духовенство при избраніи своихъ депутатовъ почти единодушно высказывалось въ пользу исключительнаго законодательнаго

права государственныхъ чиновъ и воплиѣ единодушно въ пользу уравниенія податей между сословіями.

Далѣе встрѣчаются всеобщія жалобы на полное отсутствіе публичнаго и гражданскаго права. Эти права, особенно послѣднее, дѣйствительно, находились въ состояніи вопіющей запутанности. Во Франціи не было двухъ царствованій, въ которыхъ дѣйствовало бы одно и то же право,— крайняя противоположность тому единству законодательства, которое вытекло изъ революціи. «Безпорядочная груда, жалуются городъ Парижъ, римскаго и варварскаго обычнаго права, регламентовъ и указовъ, безъ всякой связи съ нынѣшними нашими правами и безъ единства въ своихъ принципахъ, груда, возникшая во времена язычества и неурядицъ и приуроченная къ быту, уже не существующему болѣе, не можетъ служить основой юридической жизни великой и просвѣщенной націи».

Во Франціи не было гражданскихъ законовъ. Ихъ замѣняли: римское право, котораго народъ не понималъ; древнегерманское, годившееся во времена феодализма, и бездна обычныхъ правъ (ихъ насчитывали до 400), въ каждой провинціи свое особенное; да еще нужно присоединить къ этому указы (*ordonnances*), издѣвавшіеся надъ всякимъ закономъ и обычаемъ и снимавшіе всякія преграды министерскому произволу.

Уголовнаго права также не существовало. Уголовное судопроизводство было крайне тягостно. Смертная казнь была слишкомъ часта. Весь ходъ дѣла отличался, какъ въ инквизиціи, неповоротливостью, насильственностью и жестокостью. Наконецъ, разбирательство было различно смотря по сословію и личности подсудимаго.

Поэтому мы встрѣчаемъ далѣе всеобщія жалобы на отсутствіе всякаго законнаго дешеваго и быстрого суда. Судовъ и мѣстъ съ судебною властью было слишкомъ много *). Судебными должностями торговали, какъ товаромъ. Сами судьи не были независимы. Они нерѣдко отличались невѣжествомъ и обыкновенно принадлежали къ замкнутой кастѣ; одна тетрадь настаиваетъ, чтобы судей уже не выбирать болѣе исключительно изъ дворянъ. Вовсе не было судовъ для быстрого рѣшенія мелкихъ дѣлъ: со всѣхъ сторонъ раздавались требованія мировыхъ учрежденій. И ко всему этому присоединился остатокъ феодализма, помѣщичій судъ. О немъ такъ заявляло третье сословіе Ренна: «Совершенно неудачныя этихъ должностей, неопредѣленность въ нихъ границъ власти и круга вѣдомства, избытокъ апелляціонныхъ учрежденій, которыхъ нерѣдко бываетъ до семи,— все это говоритъ противъ помѣщичьяго суда. Этотъ судъ потворствуетъ беззаконіямъ мелкихъ деспотовъ. Его презираетъ общественное мнѣніе. Онъ долженъ быть уничтоженъ, какъ несовмѣстимый съ счастіемъ, свободой

*) Ср. стр. 10.

и достоинствомъ французскаго народа». Это бѣдственное положеніе дѣлъ относится къ числу тѣхъ, которыя своею негодностью уничтожаютъ всякія партіи и поражаютъ одно всеобщее мнѣніе о себѣ. И самая высшая заслуга революціи состоитъ въ томъ, что она счистила всю эту чудовищную кучу сгнившаго хлама и дала возможность новой монархіи возстановить понятный, быстрый, дешевый и популярный судъ.

Тетради дворянства сильно разногласятъ съ тетрадами перваго и третьяго сословій, которыя нерѣдко буквально сходятся между собою въ важнѣйшихъ вопросахъ. Оказалось, что дворяне не менѣе находятся въ раздорѣ съ самими собою, чѣмъ съ духомъ времени.

Высшее дворянство съ презрѣніемъ взираетъ на низшее, а оба вмѣстѣ всячески отворачиваются отъ перваго и третьяго сословій. И на все, что въ тетрадахъ этихъ послѣднихъ было либеральнаго и своевременнаго, дворяне смотрятъ съ малодушной, исключительно сословной точки зрѣнія. Вообще они упорствуютъ въ мнѣніи, что созваніе государственныхъ чиновъ вовсе не нововведеніе, а только возстановленіе стародавняго обычая, что у Французовъ такой государственный строй, который должно не измѣнять, а возстановить во всей его чистотѣ. Оттого-то они настаиваютъ на подачѣ голосовъ по сословіямъ, требуютъ даже прямого права запрета (veto) для одного сословія относительно постановленій двухъ другихъ и распространяются съ величайшею важностью о мелочахъ этикета. Касательно финансовъ, многіе избирательные округа объявляютъ, что «изъ высокаго почтенія къ монарху, изъ любви къ его особѣ» дворянство готово принять участіе въ тяжестяхъ государства. Оно отказывается отъ податной свободы, предполагая, что и духовенство не отстанетъ отъ него; но налогъ съ него долженъ взиматься лишь по временамъ и носить названіе благородной подати (*la taille noble*).

Съ самою щепетильною заботливостью охраняетъ это дворянство, уже давно утратившее свойства истинной аристократіи, свои ничтожныя внѣшнія отличія отъ остальнаго общества. Въ нѣкоторыхъ тетрадахъ требуется для дворянства въ одно и то же время и свобода отъ военной службы, и исключительное право носить шпагу съ запрещеніемъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, присвоивать себѣ это преимущество лицамъ другихъ сословій. Въ другихъ настаивается на учрежденіи герольдическаго судилища для разбирательства подлинности титуловъ и гербовъ. Въ третьихъ выражается надежда, что государственные чины опредѣлятъ, какія занятія не должны влечь за собою лишеніе дворянскихъ правъ, и т. д.

И это дворянство, само такъ глубоко павшее и выродившееся, тяготѣло надъ третьимъ сословіемъ, надъ рабочимъ и земледѣльцемъ, истинно подавляющею кучей ленныхъ привилегій *), которыя обращали всякую собствен-

*) Ср. стр. 12 и слѣдующія и нѣкоторыя изъ отписокъ о дворянствѣ.

ность почти въ призракъ. Чего тутъ не было? И доходы постоянные, и доходы, обезпеченные круговою порукой, и доходы временные, и заповѣдныя права на мельницы, пекарни и погреба, на охоту и голубей, и цѣлая бездна диковинныхъ привилегій средневѣковой эпохи, въ родѣ права перваго поцѣлуя и первой ночи. Было тутъ и право на защиту отъ кваканья лягушекъ (*silence de grenouille*): крестьяне обязаны были ночью бить палками по пруду, чтобы лягушки не нарушали помѣщичьяго покоя, точно такъ, какъ въ Гегау крестьяне должны были отыскивать своей помѣщицѣ улитокъ, на которыя та наматывала свою пряжу. Насколько при подобной системѣ страдало земледѣліе, видно изъ жалобъ крестьянъ въ ихъ тетрадяхъ. Они просятъ, чтобы имъ было дозволено, хотя передъ самою жатвой, охранять свои поля отъ красной дичи, чтобы хоть за убіеніе зайца не наказывали, какъ гласитъ законъ, смертною казнью. Третье сословіе въ Монфорѣ проситъ даже, чтобы «крестьянамъ было дозволено косить на своихъ лугахъ и собирать, когда угодно, свои посѣвы». Бичемъ страны, жалобами на который переполнены всѣ тетради, были безчинства охоты, которая не прекращалась круглый годъ, потому что Нантъ требуетъ, «чтобы освободили отъ нея хотя на время отъ мая до ноября». Но охота считалась священнымъ правомъ. Въ ея защиту приводили даже мѣста изъ Ветхаго Завѣта, въ родѣ слѣдующаго: «Богъ вручилъ тебѣ всѣхъ звѣрей и соизволилъ, чтобы ты былъ надъ ними господиномъ».

Такія желанія съ ихъ дѣтскою наивною были самыми страшными обвиненіями противъ старой системы. Такія условія въ жизни были оселкомъ, на которомъ изо дня въ день точилась невыразимая ненависть ко всему существующему порядку вещей, разрѣшившаяся потомъ такимъ ужаснымъ взрывомъ. А изъ сличенія числа господъ и подданныхъ у послѣднихъ возникло довольно ясное сознаніе своихъ силъ и своего достоинства.

Избиратели третьяго сословія единогласно приказывали своимъ выборнымъ, чтобы тѣ считали себя не представителями извѣстной корпораціи, но уполномоченными отъ всей націи, ибо два другихъ сословія лишь маленькая частица, какая-нибудь $\frac{1}{50}$ цѣлой націи. Поэтому столь же единогласно требуютъ ихъ тетради поголовной, а не посословной подачи голосовъ. Нѣкоторые изъ нихъ предвидятъ, что оба остальныхъ сословія не подчинятся этому, и предписываютъ, что тогда выборные отъ третьяго сословія, «какъ представители 24 милліоновъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ и должны именоваться національнымъ собраніемъ», обязаны предстать передъ королемъ и сообщая съ тѣми изъ членовъ другихъ сословій, которые пожелаютъ присоединиться къ нимъ, совѣщаться и дѣйствовать, какъ національное представительство.

Далѣе, избиратели третьяго сословія единодушно требуютъ государственнаго строя, основаннаго на конституціи и законахъ, на отмѣнѣ личной

службы и всѣхъ феодальныхъ правъ. Они требуютъ залоговъ неприкосновенности личности и имущества, свободы печати, ненарушимости тайны писемъ, ответственности министровъ, равномернаго распредѣленія налоговъ, учрежденія провинціальныхъ чиновъ, которые наблюдали бы за всѣмъ этимъ, и т. д. Къ этому присоединяется огромное количество проектовъ касательно развитія земледѣлія, скотоводства, хлѣбной торговли, промышленности, воспитанія, потребнаго «человѣку, христіанину, Французу», и т. д. И тутъ же, рядомъ съ проявленіемъ высокаго свободомыслія и горячей любви къ отечеству, встрѣчаются и простодушныя самообличенія въ той страсти къ особности, которую старая монархія привила даже мѣщанству, въ той замкнутости каждой провинціи и cadaго города, въ томъ эгоизмѣ цеховой промышленности, которые принадлежали къ самымъ главнымъ чертамъ старой системы.

Такъ Эльзась требуетъ для себя свободы торговли внутри Франціи и въ то же время уничтоженія таможенной границы на Рейнѣ, препятствующей его торговлѣ съ Германіей. Города Мецъ и Нантъ желаютъ быть подсудными только своимъ провинціальнымъ судамъ. Суконщики домогаются защиты своихъ старыхъ привилегій, а цехи аптекарей—возведенія на степень *collèges*. Нантскіе парикмахеры заявляютъ, что, сверхъ уже существующихъ 92 свидѣтельствъ на ихъ занятіе, не должно выдавать ни одного, въ особенности на званіе дамскаго фризера, потому что оно составляетъ привилегію парикмахеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ слесаря, желающіе, чтобы былъ запрещенъ особый родъ замковъ, и такъ далѣе, до привратниковъ и разнощиковъ *).

На этой почвѣ въ третьемъ сословіи точно также стоятъ другъ противъ друга меньшинство привилегированныхъ и громадное большинство отреченныхъ, какъ въ первомъ церковная аристократія и толпа священниковъ. Впрочемъ, вообще это можно сказать только о городахъ: крестьянинъ почти повсюду испытывалъ одинаково невыносимый гнетъ. Съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ возстаетъ крестьянство противъ феодализма, высказывается все третье сословіе противъ способа управленія въ старомъ государствѣ.

Самыя сильныя жалобы раздаются противъ податей, которыя (подъ именами *taille*, *gabelle*, *capitation*, *vingtième*) или лежали на простолюдинѣ всею своею тяжестью, или обременяли его совсѣмъ неравномѣрно съ другими сословіями. Всеобщее также негодованіе противъ интендантовъ, которыхъ слѣдовало замѣнить провинціальными чинами. На этомъ настаиваютъ всѣ три сословія. Правда, первыя два требуютъ, чтобы провинціальныя чины принимали нѣкоторое участіе въ конституціонной и законодательной власти, а

*) Buchez: Histoire de l'assemblée constituante. I. 2 éd. Paris, 1846.

третье видить въ нихъ лишь административныхъ земскихъ совѣтниковъ; но всѣ они сходятся въ томъ, что старое всемогущество чиновниковъ должно пасть и уступить мѣсто нѣкоторому самоуправленію подданныхъ.

Надъ всею машиной старой монархіи безусловно произносится смертный приговоръ. «Нѣтъ болѣе приказовъ объ арестѣ, государственныхъ тюремъ, тайной полиціи, исключительныхъ судовъ, произвольнаго хватанія людей, тайнаго судопроизводства, интендантовъ и драгонадъ!» раздается со всѣхъ сторонъ, и не щадятъ даже послѣдняго правительственнаго оружія, арміи.

Армія была богадѣльней для старшихъ сынковъ дворянскихъ фамилій, точно также, какъ церковь для младшихъ, и однакоже именно дворянство крайне рѣзко нападаетъ на военное устройство. Вермандуаское дворянство прямо говоритъ: «Нынѣшнее военное устройство противорѣчитъ современному духу націи. Все войско, отъ офицера до рядоваго, проникнуто однимъ всеобщимъ чувствомъ неудовольствія и унынія. Военное устройство должно быть измѣнено и восстановлено на справедливыхъ и прочныхъ основаніяхъ». Сезанское дворянство заявляетъ: «У Лудовика XIV и Лудовика XV во время самыхъ кровопролитныхъ войнъ и на половину не было столько офицеровъ, сколько ихъ теперь у насъ». Армія поглощала въ 1789 году на одно свое содержаніе 90 милліоновъ изъ государственныхъ доходовъ; изъ нихъ 44 шло на рядовыхъ, а 46 на офицеровъ. А ея устройство было вѣрнымъ отпечаткомъ разъединенности, царствовавшей въ гражданскомъ обществѣ.

И здѣсь другъ противъ друга стояли помѣщики и крѣпостные, утопающее въ роскоши дворянство и нищій, страждущій народъ. Вверху необузданная свобода, внизу бѣдствіе и нужда при варварскомъ произволѣ начальниковъ. Тамъ обидное презрѣніе, безсовѣстное легкомысліе; здѣсь затаенная ненависть и страстная злоба. И здѣсь не было недостатка въ смѣшныхъ сторонахъ стараго правленія. Такъ уже 22 мая 1781 года король, отмѣняя одинъ эдиктъ 1750 года, объявилъ, что офицеры, происходящіе отъ дворянъ менѣе, чѣмъ въ четвертомъ поколѣніи, не могутъ производиться въ чинъ капитана, а дѣти поселянъ (*rôturiers*), за исключеніемъ кавалеровъ ордена св. Лудовика, не могутъ достигнуть ни одного чина. Слѣдствіемъ этой системы было то, что приходилось предоставлять должности полковниковъ и майоровъ мальчишкамъ 14 или 16 лѣтъ, такъ какъ не было равныхъ имъ по происхожденію.

Совершенно диковинны были подобныя же постановленія относительно протестантовъ, которые также отстранялись отъ всѣхъ офицерскихъ мѣстъ, тогда какъ въ многочисленныхъ иностранныхъ войскахъ, у швейцарскихъ и нѣмецкихъ наемщиковъ, предводителями почти всегда были протестанты.

Понятно, что правительство, отъ котораго отпала вся невооруженная масса населенія, не могло въ минуту опасности оказать даже какого-нибудь рыцарскаго сопротивленія, когда у вооруженной части народа было такое устройство.

Превосходный образец тона и формы тетрадей 1789 года представляет тетрадь третьяго сословія города Парижа. Въ ней, послѣ общаго вступленія, заключается обширный планъ преобразованія всего государства, раздѣленный на 6 статей: 1) конституція, 2) финансы, 3) земледѣліе, торговля, торговые суды, 4) религія, духовенство, воспитаніе, гошпитали, нравы, 5) законодательство, 6) городскія нужды Парижа.

Въ самомъ началѣ, во вступительныхъ замѣчаніяхъ, сказано рѣшительнымъ тономъ: «Предписываемъ нашимъ представителямъ неуклонно противиться всему, что могло бы оскорбить достоинство свободныхъ гражданъ, которые собираются для того, чтобы на дѣлѣ воспользоваться верховными правами націи.

«Общественное мнѣніе открыто признало необходимость поголовной подачи голосовъ, чтобъ искоренить язвы сословныхъ различій, возстановить право общественнаго надзора и облегчить изданіе хорошихъ законовъ. Представители города Парижа не должны забывать, какъ упорно они обязаны стоять за это; они должны смотрѣть на это, какъ на несокрушимое право, какъ на предметъ особеннаго порученія.

«Имъ предписывается съ особенною силой не соглашаться ни на какой законъ, пока не станетъ закономъ объявленіе правъ націи и пока не будутъ положены и обезпечены главныя основы конституціи.

«Уже по исполненіи этой первой обязанности они перейдутъ къ выясненію и отверженію государственнаго долга».

Въ слѣдующемъ за тѣмъ Объявленіи правъ сказано:

«Во всякомъ гражданскомъ обществѣ всѣ люди равны по своимъ правамъ.

«Всякая государственная власть исходитъ отъ націи и можетъ быть употребляема лишь ей на пользу.

«Всеобщая воля составляетъ законъ; общественная сила обезпечиваетъ его исполненіе.

Только нація можетъ соизволять подати; только она имѣетъ право опредѣлять ихъ размѣры и сроки, указывать способъ ихъ расходованія, требовать отчета въ ихъ употребленіи и отмѣнять ихъ взиманіе.

«Законы существуютъ лишь для того, чтобы обезпечить каждому его личность и собственность.

«Всякая собственность неприкосновенна. Ни одинъ гражданинъ не можетъ быть арестованъ или наказанъ безъ законнаго судебнаго приговора.

«Ни одинъ гражданинъ, не исключая и солдата, не можетъ быть лишенъ своего мѣста безъ судебнаго приговора.

«Каждый гражданинъ имѣетъ право на всякія должности, занятія и званія.

«Естественная, гражданская, религіозная свобода каждого, его личная безопасность, его полная независимость отъ всякаго авторитета, кромѣ

закона, исключаютъ всякое разслѣдованіе его мнѣній, рѣчей, сочиненій и поступковъ, пока они не нарушаютъ общественнаго порядка и не оскорбляютъ чужихъ правъ».

Въ отдѣлѣ «Constitution» подробно развиваются устройство государственныхъ чиновъ, какъ представителей законодательной власти, система управления посредствомъ провинціальныхъ, окружныхъ и общинныхъ собраній и новый судебный порядокъ.

Въ концѣ тетради выражается желаніе, чтобы впредь государственныя чины собирались въ Парижѣ въ собственно имъ предназначенномъ государственномъ зданіи съ надписью на фронтонѣ: «Palais des états généraux». Далѣе требуется, чтобы то мѣсто, гдѣ стоитъ Бастилія, было обращено въ чистую площадь, посреди которой возвышалась бы простая, изящная колонна съ надписью: «Людовику XVI, спасителю общественной свободы».

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПАДЕНІЕ СТАРОЙ МОНАРХІИ И ПОБѢДА СРЕДНЯГО СОСЛОВІЯ. СЪ МАЯ ДО ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА.

Литература предмета.

Кромѣ вышеприведенныхъ источниковъ, сюда относятся журналы этого времени. *Moniteur*, *Lettres à mes commettants* (Mirabeau), *Point du jour* (Barère), *Révolutions de Paris* (Loustalot) и, какъ сводъ всего этого, *Buchez et Roux: Histoire parlementaire de la révolution française*, 1—40 v. Paris, 1834—1838.

Вотъ нѣкоторыя замѣтки о мемуарахъ, найденныя въ бумагахъ покойнаго Гейссера:

Madame Campan. 4 v. Среди совершенно будничной придворной болтовни много хорошихъ свѣдѣній, особенно о послѣднихъ дняхъ королевской фамиліи.

Bailly. 3 v. Paris 1821. Въ этихъ замѣткахъ отражается чистая, наивная, безпорочная натура автора. Посреди страшныхъ диссонансовъ борьбы партій, изъ этихъ записокъ къ вамъ какъ бы доносится нѣжная, успокоительная мелодія.

Bertrand de Molleville, 3 v. Paris 1797. Аристократъ *comme il faut*, рыцарь, но безъ рыцарственности, полный интригъ. Онъ оплевываетъ все великое, но въ то же время съ трогательною добросовѣстностью раскрываетъ всю ограниченность, всѣ недостатки, какъ свои собственные, такъ и своихъ товарищей по сословію. Его слѣдуетъ читать, чтобы познакомиться съ понятіями и міровоззрѣніемъ подобныхъ людей.

Mirabeau: Mémoires. 6, 7, 8 v. Paris 1835. Прекрасный сборникъ рѣ-

чей, писемъ, частныхъ свѣдѣній и т. п., изданный по чувству истиннаго благоговѣнія къ Мирабо. Составленный съ здравымъ смысломъ и въ умѣренномъ тонѣ, этотъ сборникъ можетъ быть употребляемъ съ большою пользою для вѣрнаго пониманія великаго титана.

Ferrières. 3 v. Paris 1821. Этотъ трудъ полонъ хорошихъ свѣдѣній. Быть-можетъ, какъ источникъ, онъ самый важный изъ мемуаровъ. Феррьеръ дворянинъ, но не лишенъ извѣстной доли noblesse. Онъ смотритъ на третье сословіе, какъ на партію, безъ права захватывающую власть. Но онъ настолько патріотъ, что признаетъ совершившійся великій переворотъ событіемъ, осчастливившимъ націю. Онъ, дѣйствительно, любитъ конституцію 1791 года и ожидаетъ отъ нея счастья для Франціи. Онъ способенъ понимать величіе духа. Вообще изъ всей партіи старины это единственный писатель, сочиненія коего достойны уваженія, какъ источникъ.

Lally-Tolendal, 1790. Страстное, написанное подъ вліяніемъ минуты сочиненіе въ духѣ партіи Неккера. Оно рѣдко даетъ болѣе, чѣмъ Монитеръ. Только одно прекрасно доказано въ немъ, именно, какъ съ іюля демократическая партія національнаго собранія становится все сильнѣе и сильнѣе.

Упоминаются и другія матеріалы: Larochefoucauld, Lafayette, Staël, Choiseul, Dumouriez, Barbaroux, Buzot, m-me Roland, Pontécoulant, и позднѣйшіе по изданію (кромѣ Miot de Melito и Beugnot) мемуары Besenval'я, Lauzun'a и Tilly.

О двухъ послѣднихъ находимъ слѣдующія замѣчанія въ бумагахъ покойнаго Гейссера.

Mémoires de Besenval. Хотя эти мемуары не важны для историка, тѣмъ не менѣе они вполне служатъ къ характеристикѣ эпохи. Безанваль далеко не худшій изъ придворныхъ своего времени. Нравственно онъ все-таки выше господъ, въ родѣ Lauzun и Tilly, и искателей приключеній, въ родѣ Калона. Онъ даже съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ судитъ о слабыхъ сторонахъ королей и правителей. Впрочемъ, не смотря на все это, онъ чистѣйшій царедворецъ. Съ изумительною наивною рассказываетъ онъ о своихъ проискахъ и интригахъ съ цѣлью одного посадить министромъ, другому доставить мѣстечко. Съ какимъ-то candor animi сообщаетъ онъ, чего стоили знатные господа этого рода государству и королю. Само собою разумѣется, что онъ восторженный почитатель финансовой мудрости Калона и отзывается о Тюрго съ тупоуміемъ, выходящимъ даже изъ границъ, позволительныхъ царедворцу.

Замѣтки Lauzun'a и Tilly вышли изъ высшаго общества, предшествовавшего 1789 году. Конечно, омерзительно читать различныя варіаціи на тему о любовныхъ похожденияхъ; но онѣ не лишены печальнаго значенія въ исторіи нравовъ. И здѣсь замѣтны свои степени совершенства.

Лозенъ стоитъ далеко выше Тилли. Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ себѣ

сочиняетъ чувства, хотя, конечно, точно также, какъ *chevalier de Faublas*, которому онъ, кажется, послужилъ оригиналомъ. Онъ храбръ, рыцарственъ и не лишенъ нѣкоторыхъ хорошихъ чертъ. Впрочемъ, какимъ бы онъ ни былъ, *Марии-Антуанетѣ* не дѣлаетъ особенной чести то, что она могла отличить извѣстнаго человѣка до такой степени, какъ свидѣлствуютъ письма на стр. 126 и слѣд. и на 173.

Въ *Тилли* нѣтъ ни одной интересной, человѣческой черты. Въ его любовныхъ похожденияхъ участвовало одно тѣло, перевѣсь всегда былъ на сторонѣ *plaizir animal*, причемъ нельзя не признать чертъ низости и пошлости. Онъ былъ не только грязный и сладострастный циникъ, но также игрокъ и искатель приключеній во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Изъ французскихъ изслѣдованій *Гейссеръ* упоминаетъ только о *Тьерѣ* и *Минье*, безъ всякихъ замѣчаній. Изъ нѣмецкихъ онъ останавливается на слѣдующемъ:

Wachsmuth und Schütz: Geschichte der Staatsveränderung in Frankreich, 6 Bd. Leipzig. 1827 и слѣд. Доведено до 1792 года. Это цѣлый магазинъ сухихъ замѣтокъ. Муравьиное прилежаніе въ собираніи и откапываніи фактовъ и самая пошлая ограниченность въ сужденіяхъ. Вся основательность автора не спасаетъ его отъ смѣшнаго непониманія великихъ характеровъ и положеній, отъ жестокихъ искаженій. Тѣмъ не менѣе этотъ трудъ весьма пригоденъ, какъ списокъ грѣховъ учредительнаго собранія и какъ тщательный каталогъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій *).

Сверхъ того упомянуты сочиненія *Арида* (*Geschichte der französischen*

*) *Онкенъ* указываетъ на трудъ *Карла Рихтера: Staats — und Gesellschafts — Recht der franz. Revolution. 1865 — 1866*. Это одинъ изъ самыхъ обширныхъ (2 большихъ тома) и основательныхъ трудовъ, посвященныхъ въ последнее время французской революціи. Сочиненіе *Рихтера* написано съ такою простотою и любовью къ дѣлу, что привлекаетъ даже не специалиста, несмотря на нѣкоторую сухость предмета. Оно представляетъ первую попытку систематической разработки революціоннаго законодательства. Авторъ видитъ въ этомъ законодательствѣ основу, на которой зиждется развитіе государственныхъ формъ въ XIX вѣкѣ. Оттого-то онъ и началъ съ этого пункта рядъ своихъ обширныхъ работъ, направленныхъ къ историческому изслѣдованію государственнаго устройства Европы въ нашемъ столѣтіи.

Для ознакомленія съ французскою революціей русская литература представляетъ переводы трудовъ *Зибеля* (пер. *Ососова*, 4 ч., *Спб.*, 1864—1865), *Минье* (пер. *Арсеньева*, 2 т., *Спб.*, 1867, съ приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи» *Эдгара Кине*), *Карлейля* (пер. *Ляпидевского*. *М.*, 1866), *Токвиля* (пер. *Кондырева*, *Спб.*, 1861), *Жюрье́нь-де ла-Гравьера* («Морскія войны времени французской республики», изд. морскаго ученаго комитета, *Спб.* 1859). *Ред.*

Revolution von 1789 bis 1799. Braunschweig 1851. 6 Bd.) и Зибилля (Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795).

Г Л А В А V.

Открытіе государственныхъ чиновъ 5-го мая.

При такихъ-то обстоятельствахъ собрались въ Версалѣ, въ началѣ мая 1789 года, государственные чины.

Третьему сословію, согласно съ его требованіемъ, редактированнымъ Сіейсомъ, дозволено было выставить двойное число депутатовъ. На 300 человѣкъ отъ каждаго изъ первыхъ чиновъ изъ третьяго выбрано 600.

Вотъ каковы были отношенія между составными частями собранія. Въ духовенствѣ насчитывалось 48 архіепископовъ и епископовъ, 33 аббатовъ и канониковъ, 208 приходскихъ священниковъ (всего 291 человѣкъ). Въ дворянствѣ: 1 принцъ крови, 28 чиновниковъ, 241 дворянинъ (всего 270 человѣкъ). Стало—быть, феодальные землевладѣльцы составляли большинство. Въ третьемъ сословіи: 2 духовныхъ, 11 дворянъ, 18 меровъ, 62 судьи, 16 врачей, 176 мѣщанъ и крестьянъ и 272 адвоката (557 человѣкъ). Въ общемъ итогъ 1118 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ духовенствѣ преобладали приходскіе священники, въ дворянствѣ — мелкіе дворяне, въ третьемъ сословіи—адвокаты.

Что за цѣль была у этого собранія? Что имѣло тутъ въ виду правительство?

Правительство не знало этого, да никогда серьезно объ этомъ и не думало.

Все, что должно быть прочно въ государствѣ, какъ право и обычаи, вѣра и законъ, все это было здѣсь расшатано до основанія. Политическая власть была почти уничтожена. Ея послѣднимъ шагомъ было созваніе этого собранія. Въ немъ заключалось все, что только было во Франціи талантливаго и виднаго по своему имени или происхожденію, а рядомъ съ нимъ стояло правительство, которое смотрѣло на все, сложа руки, ни о чемъ серьезно не заботясь и ни надъ чѣмъ не задумываясь. Оно соглашается на двойное представительство со стороны третьяго сословія, но не дѣлаетъ никакихъ распоряженій насчетъ того, какъ и о чемъ совѣщаться этимъ 1100 — 1200 человѣкъ. Оно думаетъ: эти господа увидятъ сами, какъ имъ справиться другъ съ другомъ.

По мнѣнію Мирабо, дѣйствуя ловко, правительство могло бы все сдѣлать изъ этого собранія. Во всякомъ случаѣ правительству стоило попы-

таться внести въ него что-нибудь опредѣленное, задать ему тему и тонъ. Оно же было безконечно сильнѣе этихъ трехъ сословій, враждебно относившихся другъ къ другу, изъ которыхъ самое могущественное въ послѣдствіи не знало еще своихъ вождей. Теперь даже и самому Мирабо едва ли не больше, чѣмъ правительству, приходилось бороться съ недовѣріемъ собранія.

Но ничего подобнаго не было сдѣлано.

4-го мая собраніе открылось церковною процессіей. При этомъ не забыли вытащить изъ кладовыхъ всѣ диковинныя принадлежности древнихъ парадовъ. Чего тутъ не было? И платья изъ золотой парчи, и дворянскія шляпы съ перьями, и роскошныя ризы духовенства, и скромненькіе черные плащи простолюдиновъ. Гофмаршалу и церемоніймейстеру тутъ было больше дѣла, чѣмъ всему правительству.

Открытіе произошло при важныхъ обстоятельствахъ. Дѣло началось съ торжественнаго слова нансійскаго епископа. Это была не проповѣдь, а народная рѣчь, переполненная такими громкими словами, какъ свобода, равенство, человѣческія права: тутъ каждая пикантность вызывала усерднѣйшія рукоплесканія. Когда торжественное шествіе двинулось ко дворцу, толпы встрѣтили короля громкимъ «ура!», королеву пропустили почти молча, а герцога Орлеанскаго, за его ссору съ дворомъ, приняли съ восторгомъ. Даже Мирабо впервые удостоился народного привѣтствія.

Рѣчи при открытіи 5 мая были сказаны королемъ, хранителемъ большой печати и министромъ финансовъ. Въ нихъ заключалось признаніе правительства въ своемъ полномъ недоумѣніи и въ своей безпомощности. Это внушило самостоятельнымъ умамъ въ собраніи смѣлость взять въ свои руки бразды правленія.

Рѣчь короля была полна доброжелательства, но въ ней не было политическаго содержанія. Вообще она мало касалась положенія общественныхъ дѣлъ. Изъ всего сказаннаго сюда относилось лишь слѣдующее признаніе: «Государственный долгъ, громаднѣйшій уже въ началѣ правленія Людовика XVI, возросъ еще болѣе, благодаря дорогой, но славной американской войнѣ, результатомъ которой было возвышеніе податей, особенно тягостныхъ вслѣдствіе ихъ неравномѣрнаго распредѣленія». Затѣмъ два раза упоминалось о господствующемъ настроеніи умовъ: «Всеобщее безпокойство, крайне горячее желаніе нововведеній овладѣли умами. Это могло бы совершенно сбить съ толку общественное мнѣніе, еслибы не поспѣшили положить всему конецъ соединеніемъ мудрыхъ совѣтовъ съ умѣренными». И еще: «Умы въ броженіи, но собраніе народныхъ представителей будетъ, разумѣется, внимать только голосу благоразумія и мудрости».

Итакъ, изъ королевскихъ устъ не вышло ни приказанія, ни совѣта. Это значило просто: «Vogue la galère! (Была не была!)» Корабль оставался на произволъ волнъ и бури.

Затѣмъ выступилъ хранитель печати, Барантенъ, съ длинной напыщенной рѣчью, большая часть которой, по словамъ Монитера, пропала для слушателей, благодаря слабому голосу оратора. Министръ началъ пышными фразами о царствованіи Людовика XVI; затѣмъ восхвалялъ необходимость правленія съ участіемъ народа; главнаго же вопроса, какъ совѣщаться и подавать голоса сословіямъ, вмѣстѣ или порознь, онъ коснулся лишь вскользь.

«Король, сказалъ онъ, не измѣнилъ прежней, т. е. посословной, формы совѣщаній. И хотя, какъ кажется, желательнѣе поголовное совѣщаніе, представляющее ту выгоду, что при немъ лучше можно узнать общія потребности, все-таки королю угодно, чтобы эта новая форма вступила въ силу не иначе, какъ съ свободнаго согласія государственныхъ чиновъ и съ одобренія его величества».

Въ заключеніе явился пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ Неккеръ, рѣчи котораго всѣ ждали съ большимъ напряженіемъ.

Если гдѣ проявляется его безграничное самообольщеніе, такъ это въ настоящей рѣчи. Неккеръ досталъ довольно объемистую рукопись и въ продолженіе трехъ смертельно-скучныхъ часовъ читалъ собранію цифры и приходно-расходныя статьи. Слушатели, разумѣется, послѣ первой же трети потеряли терпѣніе. И такая-то пошлая рѣчь еще должна была представлять своего рода уловку. Въ результатѣ чтенія оказывалось, что у Франціи долгу всего только 56 милліоновъ, которые можно покрыть сбереженіями. Стало-быть, собственно не было финансовой необходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, и король только по своей безконечной милости доставилъ націи этотъ случай высказать свои желанія. Итакъ, передъ нами обрачикъ и придворнаго, преклоняющагося передъ высшими, и рутинера-счетчика, умѣющаго искусно группировать цифры для низшихъ. О послѣднемъ мы говорили уже прежде.

Главныя числа, въ которыхъ тутъ было все дѣло, остались утаенными. А они представляли совершенно другіе результаты. Въ дѣйствительности государство, по старому дурному обычаю, въ ту минуту, какъ произносилась эта рѣчь, уже передержало изъ текущихъ доходовъ 271½ милліонъ. Къ этому надо прибавить 160 милл. не уплаченной ренты да 120 милл. министерской недоимки *). Сумма составляла текущій долгъ въ 551½ милл., на покрытіе котораго не было вовсе средствъ. Такого положенія финансовъ рѣшительно нельзя было поправлять безъ переворота во всемъ государственномъ порядкѣ. Въ виду такого-то факта у Неккера достало далеко не завиднаго мужества говорить лишь о 56 милліонахъ!

*) Цифры эти Гейссеръ приводитъ по Зибелю. Voiteau вычисляетъ передержки въ 262 милліона. 0.

Повторяю, рѣчь Неккера была уловкой; скучными цифрами онъ хотѣлъ утомить слушателей, а прикрашеннымъ результатомъ обмануть ихъ насчетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Мѣсяца два спустя, онъ долженъ былъ явиться передъ собраніемъ за разрѣшеніемъ займа въ сотни милліоновъ.

Повѣрка выборовъ.

Важнѣйшимъ вопросомъ для будущаго какъ правительства, такъ и сословій, было пока слѣдующее: какъ совѣщаться собранію?

Отвѣчать на этотъ вопросъ законъ позволялъ только одному правительству. Не воспользоваться этимъ правомъ значило подчиниться произволу революціи. Опыты послѣднихъ 15-ти лѣтъ все сводились къ одному вопросу: можно совѣщаться съ старыми чинами, или нѣтъ? Такъ какъ отвѣтъ былъ отрицательный, то и прибѣгнули къ государственнымъ чинамъ. Тюрго, Неккеръ, Калонъ, Бріенъ—все они потерпѣли неудачу съ привилегированными, какъ бы они тамъ ни назывались, парламентами или нотаблями. Благодаря ихъ сопротивленію, государственная машина пришла, наконецъ, въ такой застой, что сами привилегированные, желая овладѣть королевскою властью, потребовали государственныхъ чиновъ. И правительство согласилось на это, въ свою очередь имѣя въ виду обуздать привилегированныхъ. Еслибы обѣ стороны знали, что дѣлали, у нихъ волоса стали-бы дыбомъ.

Дозвольте король совѣщаться по сословіямъ, два сословія подали бы голосъ противъ одного. Эти же два отвергали все, что шло въ разрѣзъ съ старымъ порядкомъ. Тогда это, болѣе чѣмъ 1100-головое, тѣло представило бы то же зрѣлище, которое мы видѣли доселѣ въ парламентахъ и у нотаблей.

Потому-то и было со стороны правительства поразительно-наивно установить двойное представительство третьяго сословія и въ то же время желать подачи голосовъ по сословіямъ, причемъ это двойное представительство ничего не значило. Вообще дѣло правительства было не желать, а приказывать, не то ему пришлось бы во всемъ подчиниться. Это-то съ нимъ и случилось.

Начались пренія о повѣркѣ выборовъ и полномочій.

Уже тутъ пути чиновъ далеко разошлись. 6 мая собралось духовенство и дворянство, каждое въ своемъ помѣщеніи. Они приступили къ повѣркѣ выборовъ, какъ будто и не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что это занятіе, какъ и всякое другое, каждое сословіе должно вести особнякомъ.

Они ссылались при этомъ на послѣднія собранія государственныхъ чиновъ 1588 и 1614 годовъ *).

А по мнѣнію третьяго сословія, точно также не подлежало сомнѣнію, что здѣсь тотчасъ же должна начаться общая дѣятельность. Оно подождало часа два въ отведенномъ ему мѣстѣ, которое въ то же время было назначено общимъ сборнымъ пунктомъ, и разошлось до слѣдующаго дня, узнавъ въ 2 часа, что другія сословія желали отдѣльныхъ совѣщаній. Оно тщательно избѣгало всякаго поступка, намекавшаго на устройство собранія, и изъ котораго можно было бы заключить объ его одобреніи отдѣльныхъ совѣщаній.

7-го мая, по предложенію Мунье, третье сословіе приглашаетъ къ себѣ два остальныхъ частнымъ образомъ, такъ какъ Мирабо объявляетъ, что официальной депутаціи къ нимъ быть не можетъ, пока не провѣрятъ ихъ выборовъ и не устроится собраніе. Лица высшаго дворянства и духовенства, разумѣется, не являются; но и третье сословіе не измѣняетъ своего положенія. 11 мая духовенство избираетъ посредниковъ (*commissaires conciliateurs*), между тѣмъ какъ дворянство, считая себя уже устроившимся, поступаетъ такъ, какъ будто кромѣ него нѣтъ никого на свѣтѣ. 13 мая отправляетъ и оно депутацію къ третьему сословію для сообщенія ему своихъ рѣшеній. Оно требуетъ, чтобы и третье сословіе назначило комиссаровъ для присутствованія при повѣркѣ выборовъ и для открытія совѣщаній. Но это послѣднее не двигается съ мѣста.

Это страдательное поведеніе характеристично для настроенія, преобладающаго въ этомъ большомъ собраніи.

Объ этомъ собраніи обыкновенно судятъ по аналогіи съ позднѣйшими. Представляютъ себѣ на-подборъ геройскія, рѣшительныя, даже крайнія натуры, уже заранѣе готовыя на самыя смѣлыя поступки. Но это не вѣрно. Намъ извѣстно изъ непосредственныхъ свидѣтельствъ того времени, изъ единодушныхъ заявленій лицъ, наиболее посвященныхъ въ дѣло, что это собраніе 557-ми человѣкъ было, какъ и всякое другое въ этомъ родѣ, чѣмъ-то неопредѣленнымъ, безконечно разнообразнымъ, полутысячною массой, въ которой очень немногіе знали своихъ сосѣдей. Въ ней не было еще ни партій, ни частныхъ или общихъ вождей.

Чтобы изъ подобныхъ элементовъ могло образоваться что-нибудь въ

*) Какъ характеристична эта ссылка привилегированныхъ сословій на старые государственныя чины, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго случая, бывшаго на собраніи чиновъ 1614 года. Саваронъ, депутатъ города Клермона, называлъ дворянъ «старшими братьями третьяго сословія». Дворяне обидѣлись и сказали ему: «Мы вовсе не желаемъ, чтобы дѣти сапожниковъ и чеботарей называли насъ своими братьями. Между нами и тобой такая же разница, какъ между господиномъ и слугой». Ред.

родѣ конвента, для этого необходимы продолжительное политическое движеніе и необыкновенное возбужденіе страстей. А чего не перенесла Франція, пока въ ней не возникъ конвентъ! Даже Мирабо, которому суждено было впослѣдствіи сдѣлаться душою собранія, стоитъ еще вполне особнякомъ. Каждый разъ, какъ онъ говоритъ, его предложенія, по увѣренію Бальи, встрѣчаютъ, при всемъ удивленіи къ его таланту, всеобщее непреодолимое недовѣріе *). Его лучшимъ заявленіямъ приходится прежде всего преодолевать нерасположеніе, съ которымъ относятся къ оратору за его нечистое прошлое и за его позорную жизнь.

Происшествіе 6 мая характеристично въ этомъ отношеніи.

На другой день по открытіи государственныхъ чиновъ былъ запрещенъ королевскимъ указомъ, какъ нарушающій законы о печати, листокъ, *Etats généraux*, въ которомъ Мирабо хотѣлъ обнародовать и обсуждать пренія. На самомъ дѣлѣ, во Франціи уже не существовало законовъ о печати. Со времени министерства Бріена одинъ только парижскій парламентъ осмѣлился увеличить свою непопулярность сожженіемъ одной непріятной для него книги. Правительство же давно не знало цензуры. А теперь ему вдругъ вздумалось выказать къ Мирабо строгость, на которую не хватало духу уже цѣлыхъ два года.

Мирабо напечаталъ громовое письмо къ своимъ избирателямъ. Дѣло положительно шло о важномъ вопросѣ, касавшемся не одного этого депутата. А собраніе молчало, никто не раскрылъ рта. Мирабо выпустилъ противъ правительства другое письмо, въ которомъ говорилось: «Стало-быть правда, что думаютъ вовсе не объ освобожденіи націи, а, напротивъ, объ отягченіи ея оковъ? Стало-быть правда, что предъ лицомъ собравшейся націи осмѣливаются выступать съ придворными постановленіями, посягающими на самыя священныя ея права? Стало-быть правда, что, желая къ насмѣшкѣ присоединить еще оскорбленіе, стараются въ своемъ неимовѣрномъ ослѣпленіи внушить ей, что это дѣло министерскаго произвола есть доказательство нѣжнаго попеченія объ ея собственномъ благѣ?... Всякій знаетъ теперь, что такія коварныя мѣры истекаютъ именно изъ министерства, а король къ нимъ непричастенъ. Итакъ справедливо, что въ одно и то же время мы быстро и рѣшительно направляемъ свой корабль

*) «Всѣхъ его предложеній остерегались; къ высказанному имъ совѣту относились неблагоклонно, а между тѣмъ дивились его таланту». Мém. I. 303 sqq. Съ этимъ согласны собственные слова Мирабо въ одномъ изъ его писемъ: «Въ рядахъ привилегированныхъ слышится, что общины озлобило мое «коварное, роковое краснорѣчіе; въ общинахъ говорятъ, что изъ слишкомъ большаго усердія я проиграю общественное дѣло; тамъ составляютъ заговоръ, здѣсь интригуютъ; всюду я служу точкой прицѣла для клеветы, а все-таки иду себѣ своей дорогой».

къ равенству и прочно сидимъ еще въ тискахъ деспотизма... 23 милліоновъ голосовъ требуютъ свободы печати, нація и король единодушно желаютъ общей дѣятельности всѣхъ свѣтлыхъ умовъ,—и вотъ, одурачивъ насъ обманчивою, коварною терпимостью, мнимо-народное министерство имѣетъ наглость запечатывать наши мысли, предоставлять лжи свободу торговли и запрещать, какъ контрабанду, необходимый вывозъ истины».

Въ Версали затрепетали. Продолженіе листка Мирабо появилось подъ измѣненнымъ заглавіемъ: *Lettres à mes commettants*. Но, между тѣмъ какъ парижскіе избиратели дѣлали заявленіе въ пользу Мирабо и угрожаемой въ его лицѣ свободы печати, въ собраніи никто не пошевелинулъ пальцемъ. Онъ это очень хорошо знаетъ и однажды пишетъ: «Я не рѣшался на смѣлыя предложенія, такъ какъ былъ убѣжденъ, что, дойди дѣло до серьезнаго, эти господа все-таки одумаются и покинутъ меня. Поэтому будемъ выжидать». Впрочемъ, въ этомъ письмѣ особенно характеристично рѣзкое различіе, проводимое Мирабо между министерствомъ и королемъ. Первое онъ предоставляет ненависти, ко второму же старается поддержать уваженіе, какъ къ естественному союзнику націи.

Раздоръ между чинами продолжается, не ослабѣвая. Дѣлаются различныя предложенія посредничества. Мирабо напоминаетъ третьему сословію, что оно дѣйствуетъ совершенно справедливо. А Буасси д'Англа произносить пророчество: «Настанетъ день, когда вы вспомните давно забытую истину, что просьбы народа—приказанія, его жалобы—законы, и что, въ дѣйствительности, вся нація пребываетъ здѣсь, тогда какъ остальные чины только ея отдѣльныя части». Плодомъ переговоровъ между посредниками трехъ чиновъ, длившихся отъ 23 до 25 мая, было ничто иное, какъ усиленіе крайностей, лавируя среди коихъ, стоитъ насторожѣ духовенство.

И сюда-то 28 мая вмѣшался дворъ. Какъ всѣ его поступки, такъ и этотъ шагъ объясняется колебаніемъ двухъ партій, терзавшихъ короля, изъ которыхъ худшая знаетъ, по крайней мѣрѣ, чего ей не хочется, тогда какъ лучшей неизвѣстно даже, чего ей хочется.

«Меня увѣдомили, говорилось въ письмѣ короля, что затрудненія, возникшія относительно повѣрки выборовъ, продолжаются еще, несмотря на всѣ старанія ихъ устранить. Не безъ огорченія и даже съ безпокойствомъ вижу я бездѣйствіе національнаго собранія, которое я созвалъ съ тѣмъ, чтобы оно въ союзѣ со мной вело къ возрожденію мое королевство. Если такъ будетъ дальше, то собраніе разрушитъ всѣ надежды, которыя я возлагалъ на его дѣятельность, имѣя въ виду счастье моего народа и процвѣтаніе государства».

И здѣсь опять только желанія, надежды, сожалѣнія, опасенія, но ни одного рѣшительнаго слова, ни одного свѣтлаго совѣта, не говоря уже объ умѣстномъ приказаніи. По крайней мѣрѣ, нельзя было назвать приказаніемъ объявленный указъ о возобновленіи на слѣдующій дань переговоровъ

въ присутствіи и подъ руководствомъ нѣсколькихъ правительственныхъ комиссаровъ. Мирабо дѣлаетъ рѣшительныя предложенія. Но 29 мая еще проводится умѣренное мнѣніе снова попытать переговоровъ.

Переговоры снова начались и снова прекратились, не вызвавъ примиренія. Такимъ образомъ нерѣшительность продолжалась 6 недѣль. Однако положеніе дѣлъ значительно уяснилось. Король снова доказалъ свою нерѣшительность; дворянство ясно обнаружило свое слѣпое, неприступное упрямство. О видахъ на дешевое соглашеніе съ такимъ безуміемъ не могло быть и рѣчи. Это значило: *sint ut sunt, aut non sint*. Мало того. Среди самого дворянства была партія друзей Америки, составлявшая сильное меньшинство, на которое могло разсчитывать третье сословіе. Духовенство же съ своимъ большинствомъ приходскихъ священниковъ вовсе не обѣщало упорнаго сопротивленія въ случаѣ, если бы кто-нибудь мужественно взялся за дѣло. Полное единодушіе было только въ третьемъ сословіи. А къ этому прибавился еще извнѣ гнетъ возраставшаго недовольства.

Шесть недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ собрались государственныя чины, отъ которыхъ ожидали безконечно много. Въ продолженіе всего этого времени безплодно спорили о вопросѣ, котораго не могли даже и уяснить простолюдину. Кто въ дни подобныхъ колебаній дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ быстро, предлагаетъ что-нибудь возможное, удобоисполнимое, за тѣмъ слѣдуетъ масса. Такъ всегда бываетъ. Возьми на себя починъ дѣла королевская власть, народъ пошелъ бы за нею, такъ какъ ему нужно было выйти изъ этого невыносимаго перелома. Не сдѣлать такого шага значило отказаться отъ него въ пользу другой силы, которая и рѣшилась бы на него вмѣсто правительства. Такъ и случилось.

Третье сословіе, какъ національное собраніе.

10 іюня Мирабо помогъ появиться рѣшительному предложенію. Онъ взошелъ на трибуну и своимъ львинымъ голосомъ потребовалъ у слушателей вниманія къ чрезвычайно важному предложенію, которое хотѣлъ сдѣлать робкій аббатъ Сіейсъ, депутатъ отъ Парижа.

Сіейсъ изложилъ свою мысль въ немногихъ словахъ. Прежде всего онъ засвидѣтельствовалъ, что, при долгихъ переговорахъ съ обоими высшими чинами, третье сословіе «держало себя откровенно и безстрастно, за что тѣ платили ему лицемеріемъ и хитростью (*hypocrisie et subterfuges*)». Затѣмъ онъ напомнилъ собранію, что оно не можетъ оставаться долѣе въ бездѣйствіи, не нарушая своихъ обязанностей относительно избирателей и страны. Въ заключеніе предложилъ въ послѣдній разъ призвать (*une dernière sommation*) дворянство и духовенство въ залу третьяго сословія для повѣрки выборовъ сообща и потомъ, занеся въ протоколъ не явившихся, безот-

лагательно приступить къ устройству собранія. Предложеніе было встрѣчено съ живымъ одобреніемъ. Оно было лозунгомъ, началомъ революціи. Послѣ легкаго смягченія формы (вмѣсто «*sommatation*» поставили «*invitation*») предложеніе дѣйствительно получило силу постановленія.

12 іюня третье сословіе оправдывало въ адресѣ къ королю принятое имъ рѣшеніе. На другой день, несмотря на упорство привилегированныхъ, началась повѣрка выборовъ. Уже въ это самое засѣданіе явились привѣтствуемые всеобщимъ энтузіазмомъ три приходскіе священника, и присоединились къ третьему сословію. Дворянство между тѣмъ начало попрежнему уклоняться. Пока длилась повѣрка, въ третье сословіе не переставали переходить одинъ за другимъ приходскіе священники. 15 числа занятіе окончилось. Благодаря этому, третье сословіе сдѣлалось представителемъ націи: недоставало только названія.

Объ этомъ поднялись оживленныя пренія, длившіяся отъ 13 до 17 іюня.

Среди предложеній, болѣе или менѣе сознательно проникнутыхъ мыслию о всемогуществѣ собранія и завершавшихся названіемъ *assemblée nationale*, Мирабо потребовалъ имени представителей французскаго народа (*représentants du peuple français*). Далѣе, по его мнѣнію, идти не слѣдовало. Всякое болѣе сильное названіе было бы незаконіемъ, въ которомъ, можетъ-быть, пришлось бы потомъ раскаяваться. Онъ совершенно ясно понималъ ужасную опасность, представляемую единственнымъ собраніемъ съ неограниченною верховною властью. Передъ нимъ, напротивъ, носился образъ прочной конституціонной монархіи, вовсе несовмѣстной съ подобнымъ парламентскимъ полновластіемъ. Много было сказано тогда блестящаго, но только Мирабо говорилъ, какъ государственный мужъ. Собраніе тогда еще не желало, чтобы парламентъ переросъ монархію. Къ ней въ палатѣ были вполнѣ расположены еще $\frac{9}{10}$; но онѣ не видѣли опасности, заключавшейся въ имени, и потому ихъ можно было увлечь за предѣлы ихъ цѣли. Мирабо произнесъ тогда рѣчь, имѣвшую всемірно-историческое значеніе.

Послѣ короткаго обзора положенія дѣлъ, причемъ было подвергнуто беспощадной критикѣ поведеніе дворянства, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній насчетъ неуклюжаго имени, предложеннаго Сіейсомъ для третьяго сословія, онъ сказалъ:

«Не выбирайте названія, которое можетъ испугать кого-нибудь. Ищите такое, которое у васъ нельзя было бы оспаривать. Пусть оно будетъ мягче, но не менѣе внушительно по своей полнотѣ. Оно должно годиться для всѣхъ временъ, быть доступно всякому развитію, допускаемому событіями, а въ крайности служить оружіемъ на защиту и распространеніе правъ и убѣжденій націи. Это названіе выражается, по моему мнѣнію, словами: представители французскаго народа.

«Кто можетъ оспаривать у васъ это имя? И чѣмъ не станетъ оно, ко-

гда будутъ извѣстны ваши убѣжденія, когда вы создадите хорошіе законы и приобрѣтете общественное довѣріе?»

Въ рѣчи Мирабо было тщательно взвѣшено каждое слово, но ее не оцѣнили по достоинству. Онъ говорилъ далѣе о veto и объ опасностяхъ парламентскаго деспотизма. Уже и теперь настойчиво убѣждалъ онъ не покидать легкомысленно твердой почвы дѣйствительности.

«Когда метафизикъ путешествуетъ по ландкартѣ, онъ легко скользитъ по всякой неровности, онъ не отступаетъ ни передъ горами и пустынями, ни передъ рѣками и пропастями. Если же мы въ дѣйствительности захотимъ совершить такое же путешествіе и достигнуть своей цѣли, то должны постоянно помнить, что странствуемъ по землѣ, а не въ идеальномъ мірѣ.»

Вечеромъ того же дня Мирабо возвращается къ жестоко оспариваемому veto и восклицаетъ:

«Я считаю королевское veto до такой степени необходимымъ, что желалъ бы лучше жить въ Константинополѣ, чѣмъ во Франціи, еслибъ его не было у короля. Да, объявляю здѣсь: я ничего не могу представить себѣ страшнѣе верховной аристократіи изъ 600 человекъ, которые завтра провозгласятъ себя несмѣняемыми, послѣ завтра наслѣдственными и наконецъ, какъ всѣ аристократіи въ мірѣ, захватятъ все въ свои руки.»

Это была въ трехъ словахъ исторія конвента. Но ее не поняли. Теперь боялись только монархіи и защищались съ той стороны, откуда былъ нанесенъ послѣдній ударъ.

Вечеромъ 16 числа Мирабо произнесъ еще третью большую рѣчь, въ которой старался, при возраставшемъ ропотѣ собранія, устранить презрительный второстепенный смыслъ слова *peuple*. Утромъ 17 числа было принято названіе *assemblée nationale*.

Въ постановленіи объ этомъ самое важное мѣсто было слѣдующее:

«Названіе національнаго одно прилично этому собранію при настоящемъ положеніи вещей, такъ какъ его сочлены суть единственные представители, признанные закономъ и извѣстные обществу; такъ какъ они высланы непосредственно почти всею націей; такъ какъ, наконецъ, въ силу нераздѣльнаго единства представительства, ни одинъ депутатъ, изъ какого бы сословія или класса онъ ни былъ избранъ, не имѣетъ права пользоваться своими полномочіями внѣ сего собранія.»

Въ связи съ этимъ находятся два постановленія, единодушно принятые, по предложенію Тарже, и относящіяся къ бѣдственному положенію государства и народа. Объявляется:

1) Назначенные подати и налоги, хотя установленные и взимаемые противозаконно, должны собираться прежнимъ порядкомъ до того дня, въ который разойдется собраніе. Но послѣ этого дня не можетъ происходить взиманіе какихъ бы то ни было податей или налоговъ, исключая тѣхъ, которые свободно и формально соизволить собраніе. Далѣе. Пока не по-

слѣдуетъ повѣрки и утвержденія государственнаго долга, государственные заимодавцы стоятъ подъ защитою чувства чести и законности французской націи.

2) При самомъ началѣ своей дѣятельности, собраніе считаетъ своею первою обязанностью изслѣдовать причины, вызвавшія голодъ въ провинціяхъ государства, и изыскать средства къ самой дѣйствительной и быстрой помощи. Съ этою цѣлью оно учреждаетъ комитетъ и проситъ короля доставить ему всѣ необходимыя справки.

Это постановленіе имѣло всемірно-историческое значеніе. Было объявлено самое полное притязаніе на исключительное право народныхъ представителей соизволять подати. Государственнымъ заимодавцамъ была брошена приманка: мы ручаемся-де въ обязательствахъ, данныхъ вамъ государствомъ. Многимъ же тысячамъ, для которыхъ насущный хлѣбъ былъ важнѣе гражданской свободы, было обѣщано утоленіе голода.

Засѣданіе въ мячной залѣ и «королевское засѣданіе» (20—23 іюня).

По всей Франціи слышался лишь одинъ голосъ—голосъ радостной признательности за это постановленіе. Еслибы король и министерство послушались только своего влеченія и инстинкта самосохраненія, то и они имѣли бы полное основаніе одобрить его. Они бы сказали сами себѣ: «Пусть такъ! Мы ихъ руками жаръ загребли. Прикидываемся полупринужденными и говоримъ: да». Вѣдь король и министерство не любили привилегированныхъ. Но тутъ возобновляется старая борьба противорѣчивыхъ вліяній, игрушкой которыхъ, какъ намъ извѣстно, было правительство. Послѣ двухъ или трехъ дней колебанія вопросъ былъ рѣшенъ. Король принялъ дѣло привилегированныхъ за свое собственное. Онъ рѣшился еще разъ сосредоточить свои послѣднія силы на государственномъ переворотѣ и отважился на это не для себя, а для своихъ злѣйшихъ враговъ.

Засѣданія 20 іюня ожидали съ большимъ напряженіемъ. Надѣялись на переходъ къ третьему сословію большей части духовенства, ставшей накануне за общую повѣрку выборовъ, тогда такъ дворянство протестовало противъ постановленій 17 числа во имя старой «конституціи».

Массаами стекавшейся публикѣ и депутатамъ, желавшимъ къ 9-ти часамъ собраться въ залъ засѣданій, готовилась неожиданность другаго рода. Они увидѣли, что входы заперты и заняты солдатами. На улицахъ было прочтено объявленіе, объяснявшее это необходимостью приготовить залы для королевскаго засѣданія, которое его величество намѣревался открыть 22 іюня.

Этимъ помѣшали соединенію обоихъ сословій, что и было истинною цѣлью правительства. Думали, что тѣмъ дѣло и кончится. Но было поздно.

600 человекъ образовали силу, за которою стояло крайне-возбужден-

ное общественное мнѣніе. Попытка заставить собраніе молчать обратилась въ новое торжество третьяго сословія и въ новое пораженіе правительства.

Негодующіе денутаты говорили: «Если намъ нельзя засѣдать здѣсь, такъ мы пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто, достаточно просторное для насъ». Они отправились въ сопровожденіи большой толпы народа въ мячную залу (*jeu de paume*).

Здѣсь они излили все свое негодованіе на поступокъ правительства. Но, не ограничиваясь этимъ, они высказали также рѣшеніе оставаться вѣрными другъ другу и не уступать никакимъ мелочнымъ придиркамъ. Тутъ кто-то предложилъ, чтобы члены собранія одинъ за другимъ принесли торжественную присягу не разлучаться, гдѣ бы они ни принуждены были засѣдать, пока не будетъ восстановлена, и притомъ на прочныхъ основаніяхъ, конституція. Ему отвѣчали согласіемъ со всѣхъ сторонъ. Протестовалъ только какой-то Мартенъ, но «противъ него, по словамъ Монитера, поднялся общій крикъ негодованія». Увлеченное пылкимъ одушевленіемъ, собраніе принесло присягу, и впечатлѣніе торжественной сцены отразилось во всей Франціи.

Слѣдующее засѣданіе происходило 22 іюня въ церкви св. Лудовика, куда принуждены были перейти, такъ какъ графъ Артуа не далъ уже мячной залы. Тутъ, при громкихъ кликахъ восторга, присоединилось къ третьему сословію 149 духовныхъ лицъ, съ двумя архіепископами и тремя епископами во главѣ.

«Королевское засѣданіе» было отложено до 23 числа.

Его напряженно ожидали. Никто не зналъ, что изъ этого выйдетъ; никто не предчувствовалъ, какъ далеко зайдетъ король. А король собирался, правда, въ силу своей власти, дать конституцію, но подчинивъ ее авторитету привилегированныхъ, собирался ограничить свою монархическую власть, но такъ, что это, пожалуй, вызвало бы новую революцію. Эта конституція никогда не осуществилась. Въ самый день своего объявленія она уже была изорваннымъ листомъ бумаги. Но эта неудача старой государственной власти, въ послѣдній разъ пытавшейся подняться, ободрила собраніе, вмѣсто того чтобы смирить его. А такъ какъ дворянство еще не понижало своихъ притязаній, то дѣло и дошло до кроваваго и самаго ужаснаго взрыва, имѣвшаго полнѣйшій успѣхъ.

23-го числа собрались, съ формальностями, напоминавшими подушечныя засѣданія, всѣ государственные чины, чтобы выслушать приказанія короля.

Лудовикъ взмошелъ на тронъ и смущенно, робко, почти дрожа, сказалъ рядъ повелительныхъ словъ, которыя ему предварительно написали. Онъ приказывалъ, но его видъ противорѣчилъ приказанію. Онъ угрожалъ, но голосъ и жесты изобличали его собственную душевную тревогу.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, выражавшихъ неудовольствіе короля на то, что въ два мѣсяца государственные чины не справились еще и съ первымъ вопросомъ—о формѣ совѣщаній, государственный секретарь прочелъ объявленіе въ пяти статьяхъ, изъ которыхъ первая уничтожала постановленія 17 числа. Затѣмъ читалось другое объявленіе въ 35 статей, въ которомъ заключался цѣлый рядъ либеральныхъ обѣщаній (о правѣ государственныхъ чиновъ на соизволеніе податей и займовъ, объ отмѣнѣ поголовной подати, барщинъ и крѣпостнаго права, государственныхъ тюремъ и предписаній объ арестѣ, о введеніи провинціальныхъ чиновъ, также о печати и о судебныхъ преобразованіяхъ). Но было сказано, что новые государственные чины должны совѣщаться и подавать голоса, какъ старые, т. е. по сословіямъ. Поэтому-то послѣдними словами короля и было: «Я повелѣваю вамъ, милостивые государи, тотчасъ же разойтись и завтра утромъ собраться каждому соловію въ отдѣльной совѣщательной залѣ для возобновленія вашихъ занятій».

Еслибъ устранить это выраженіе, то въ обѣщаніяхъ короля было бы больше, чѣмъ сколько требовалъ нѣкогда Тюрго. «Если чего не достаетъ Франціи, сказалъ онъ однажды, такъ это конституціи». А здѣсь были основныя черты конституціи, съ собраніями государственныхъ чиновъ, съ уничтоженіемъ феодализма и со многими благодѣтельными преобразованіями. Но что прежде заслужило бы глубокую признательность, то считалось теперь не только недостаточнымъ, но даже оскорбительнымъ. такъ какъ послѣдними словами уничтожались всѣ обѣщанія предыдущихъ.

Не было-ли истиннымъ суевѣріемъ думать, что привилегированные станутъ теперь подавать голоса иначе, чѣмъ въ послѣдніе 15 лѣтъ? Не они ли уничтожали все, чтó съ 1774 года предпринималось съ преобразовательною цѣлью? Всѣ обѣщанія становились пустыми, какъ только прибавляли къ нимъ фразу: «подавать голоса по сословіямъ» (*voter par ordre*), чтó могло принести пользу однимъ привилегированнымъ классамъ, а уже никакъ не націи и трону.

Вотъ въ чемъ заключалось ужасное безразсудство поведенія правительства 23 іюня. На словахъ обѣщали много, но тутъ-же заявляли о томъ, чтó было смертельно ненавистно всей Франціи. Притомъ король связывалъ судьбу своей глубоко потрясенной власти съ судьбою другой власти, уже пораженной въ самое сердце.

За королемъ послѣдовали всѣ министры, исключая Неккера, который «блисталъ своимъ отсутствіемъ». Тогда удивлялись этому, какъ крайне либеральному и мужественному поступку. Но почему же не оставилъ онъ министерства, если былъ противъ подобнаго образа дѣйствій?

Какъ только король покинулъ залу, за нимъ немедленно вышли почти всѣ епископы, нѣсколько приходскихъ священниковъ и большая часть дворянства. Прочіе остались. Съ минутой они чувствовали себя безпомощными,

пораженными. Быть-можетъ, величіе королевской власти снова подѣйствовало обаятельно на многихъ. Въ смущеніи смотрѣли они другъ на друга. Слышался глухой ропотъ, когда поднялся Мирабо.

Смѣло, задорно, какъ онъ еще никогда не говорилъ, и какъ никто не обращался къ третьему сословію, выступилъ онъ не по-старому, не противъ ослѣпленныхъ министровъ, морочащихъ короля, но прямо противъ «постыдной диктатуры» вѣнценосца, который осмѣливается давать законы тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ ихъ принимать, какъ «уполномоченному (mandataire) націи».

«Я требую». воскликнулъ онъ, «чтобы вы, въ сознаніи своего достоинства и своей законодательной власти, не нарушали святости присяги, не позволяющей намъ разойтись до составленія конституціи».

Тутъ явился неизбѣжный оберъ-церемоніймейстеръ, маркизь де-Брезе, и проговорилъ тихимъ, робкимъ голосомъ нѣсколько словъ.

«Громче!» закричали ему.

«Милостивые государи! сказалъ онъ теперь внятно. Вы слышали приказаніе короля?»

«Да, накинута на него Мирабо: мы выслушали требованія, подсунутыя королю. Но не вамъ, который не можетъ быть ораторомъ за него, не вамъ, который не имѣетъ здѣсь ни голоса, ни кресла, повторять его слова. А чтобы устранить всякое недоразумѣніе и задержку, я объявляю, что, если вамъ поручено прогнать насъ отсюда, такъ вамъ слѣдуетъ запастись разрѣшеніемъ на вооруженную силу, потому что мы не иначе опростаемъ это мѣсто, какъ только подъ напоромъ штыковъ» *).

«Да, да!» грянуло со всѣхъ сторонъ.

Мирабо вызвалъ силу штыковъ, и, разумѣется, въ такихъ случаяхъ необходимо начать и кончить. Нѣтъ ничего хуже, какъ не довести до конца государственнаго переворота. Даже о самыхъ крутыхъ мѣрахъ судятъ снисходительнѣе, когда переворотъ удастся; но при неудачѣ нѣтъ никакого снисхожденія. Штыки были наготовѣ, и ничего не стоило разогнать ими собраніе, хотя, конечно, этимъ не задушили бы еще революціи. Но король боялся употребить крайнюю мѣру.

Когда оберъ-церемоніймейстеръ передалъ ему рѣшеніе собранія, онъ сказалъ: «Если они не желаютъ уйти, пусть остаются».

И такого-то человѣка хотѣли склонить къ государственному перевороту и побудить къ смѣлымъ поступкамъ! Что можетъ быть нелѣпѣе и несправедливѣе безсмысленныхъ обвиненій, старавшихся впослѣдствіи заклеить

*) Такъ говоритъ Монитеръ. По народному же преданію, Мирабо сказалъ вмѣсто «Je déclare» и т. д. «Allez dire à votre maître que nous sommes ici par la volonté du peuple et que nous n'en sortirons que» etc.

этого короля названіемъ кровожаднаго тирана? Онъ ни на волосъ не походилъ на такового.

Но при такомъ отвѣтѣ 23 іюня было днемъ проигранной битвы для королевской власти. Собраніе продолжало свои засѣданія.

«Милостивые государи! такъ закончилъ свое короткое предложеніе Сиейсъ: сегодня вы еще то же, чѣмъ были вчера». Собраніе единодушно выразило свое желаніе держаться принятыхъ постановленій, къ которымъ, по предложенію Мирабо, присоединило еще новое. Оно касалось личной неприкосновенности каждаго депутата и объявляло всякаго, кто нарушить ее прямо или косвенно, безчестнымъ, измѣнникомъ націи и уголовнымъ преступникомъ. При этомъ Мирабо сказалъ: «Сегодня я благословляю свободу за дорогіе плоды, созрѣвающіе черезъ нее въ національномъ собраніи. Заявить о неприкосновенности депутатовъ значитъ не проговориться объ опасеніи, но слѣдовать внушенію благоразумія. Это узда на совѣтчиковъ насилія, окружающихъ престолъ».

25 іюня среди третьяго сословія явились первые депутаты отъ меньшинства дворянъ; между прочими герцогъ д'Эгильонъ, маркизъ де-Тулонжонъ, Богарне, герцогъ Орлеанскій, графы Монморанси и Клермонъ-Тоннеръ, Рошфуко, Лалли-Толандаль, Ламетъ, Латуръ-Мобуръ,—все имена старѣйшихъ дворянъ, чрезвычайно популярныя послѣ американской войны.

Въ слѣдующіе 2-3 дня продолжался переходъ. Многіе изъ духовенства послѣдовали за приходскими священниками. Дѣло правительства было проиграно. Даже и сами привилегированные, изъ любви къ которымъ король рисковалъ собою, не стояли прочно за государственный переворотъ.

27 и 28 іюня третье сословіе могло уже въ одномъ изъ своихъ донесеній сказать: «Мы представители націи, мы нація»!

Теперь даже и король писалъ предсѣдателямъ обоихъ первыхъ государственныхъ чиновъ, чтобы и они перешли къ остальнымъ. Онъ сдѣлалъ исключеніе лишь для тѣхъ, которымъ избиратели положительно запретили соглашаться на какое бы то ни было сліяніе. Къ концу мѣсяца переворотъ окончился, поддерживаемый тою же самой силой, которая 23 числа старалась помѣшать ему, во что бы то ни стало. Большинство дворянъ и духовенства сидѣло въ національномъ собраніи.

Монархія потерпѣла тяжкое пораженіе. Шесть недѣль она медлила и выжидала, потомъ угрожала и сопротивлялась и, наконецъ, отступила, сказавъ въ заключеніе «да» и «аминь». Еслибы даже забыть ея прежнія ошибки, все-таки на ея сторонѣ та невыгода, что старая власть, уже обезсиленная нравственно своимъ страдательнымъ поведеніемъ, потеряла теперь и обаяніе страха. Никто не боялся ея больше. Национальное собраніе заняло престолъ.

Придворныя интриги и перемѣна министерства.

Оставался еще одинъ путь исправить, если не все, то многое. Королю теперь слѣдовало быстро рѣшиться, какъ совѣтовалъ Мирабо еще 10 іюня, выбрать себѣ изъ этого могущественнаго собранія въ министры самыхъ вліятельныхъ людей и управлять въ духѣ большинства *). Но объ этомъ

*) О планахъ и взглядахъ Мирабо съ 10 іюня до конца мѣсяца прибавляемъ изъ замѣтокъ Гейссера слѣдующее:

«Въ разговорѣ съ Малуе (10 іюня), который долженъ былъ доставить ему свиданіе съ министрами Неккеромъ и Монмореномъ и, дѣйствительно, доставилъ, хотя, разумѣется, это и было бесполезно, Мирабо высказался такъ: «Я желалъ объясниться съ вами, потому что признаю въ васъ, несмотря на всю вашу умѣренность, друга свободы, и еще потому, что я, можетъ-быть, еще больше вашего ужасаюсь замѣчаемаго мною броженія умовъ и тѣхъ бѣдствій, которыя могутъ произтечь отсюда. Я не изъ такихъ, чтобы гнусно продаться деспотизму. Я желаю свободнаго, но монархическаго устройства. Я не хочу поколебать монархіи и вижу въ этомъ собраніи столько вредныхъ умовъ, столько неопытности и вспыльчивости, а въ первыхъ сословіяхъ такое безразсудное упорство и раздраженіе, что, подобно вамъ, опасаясь самыхъ ужасныхъ потрясеній, если вскорѣ не будетъ положенъ предѣлъ всему этому. Обращаюсь поэтому къ вашему прямодушію. Вы короче знакомы съ гг. Неккеромъ и Монмореномъ; вы должны знать, чего они желаютъ и есть-ли у нихъ какой-нибудь планъ. Если это благоразумный планъ, я поддержу его». *Mém. de Mirab. VI. p. 60.* Сюда должно присоединить слѣдующее извѣстіе, помѣщенное Онкеномъ въ приложеніи къ его изданію. «Въ заявленіи Малуе, взятомъ изъ *Beaulieu: Essais hystoriques sur la révolution de France, Paris, 1801, I, 140 sqq.*, находится замѣтка, упущенная изъ виду Гейссеромъ и Дальманомъ. Изъ нея оказывается, что этотъ разговоръ Мирабо съ Малуе происходилъ *dans les derniers jours du mois de mai*, а не 10 іюня; а переговоры Мирабо съ министрами были нѣсколько дней спустя».

Затѣмъ въ концѣ іюня Мирабо (*Bacourt: Correspondance de Mirabeau avec le comte de la Marck, Paris, 1851, I, 91 sqq.*), на вопросъ, какъ пойдутъ дѣла, отвѣчаетъ: «Къ гибели Франціи. Чтобы ее спасти, надо немедленно употребить единственное дѣйствительное средство. Система, которой слѣдуютъ теперь, пошла и нелѣзна. Собраніе предоставляютъ самому себѣ и льстятся надеждой или силой подчинить его себѣ, на что отваживается аристократическая партія, или же обзоружить его пустыми, напыщенными рѣчами г. Неккера; тогда какъ правительству нужно было бы домогаться образованія себѣ въ немъ партіи помощью людей, способныхъ направлять собраніе, увлекать и обуздывать его».

Нѣсколько дней спустя: «Сообщите во дворцѣ, что я гораздо болѣе настроенъ за нихъ, чѣмъ противъ нихъ».

13 іюня умеръ отецъ Мирабо, оставивъ ему ренту въ 50,000 франковъ. Въ первый разъ въ жизни у него былъ надежный доходъ. Это убѣдило Ла-Марка, что Мирабо не было никакой нужды продаваться.

во дворцѣ никто и не думалъ. Тамъ поступили сперва безразсудно, какъ дѣти, и затѣмъ надули губки. Тамъ колотили только по столу, на который споткнулись, были недовольны всѣмъ и всѣми, исключая самихъ себя.

По всей Франціи прошло теперь бурное движеніе, совладать съ которымъ, быть-можетъ, собраніе было уже не въ силахъ.

«Нельзя передать, говоритъ одна тогдашняя брошюрка, лихорадочнаго потрясенія, отъ котораго содрогнулся Парижъ, при одномъ словѣ: король все вычеркнулъ. Подать бы только сигналъ, и разгорѣлась бы междоусобная война. Въ провинціяхъ полный застой, почти нѣтъ хлѣба. А что же дѣлать, какъ не идти на удачу, когда умираешь съ голоду?»

Народъ по провинціямъ засуетился. Въ то время получались сотни адресовъ, которые не только предлагали то и сѣ въ общихъ, обыкновенно дешевыхъ, выраженіяхъ, а прямо спрашивали: не нужно-ли идти въ Версаль защищать депутатовъ, которымъ грозитъ опасность?

Собраніе должно было склониться къ этому взгляду, если не добровольно, то по необходимости. Парижъ, это гигантское тѣло, началъ тогда заявлять свою, независимую отъ Версаля, личную политику, а стараго французскаго войска уже не существовало. Знаменитый полкъ французскихъ гвардейцевъ, составленный изъ цвѣта туземныхъ войскъ, безъ примѣси иностраннаго элемента, полкъ, въ которомъ соединялись обыкновенно геройство и рыцарственность, обратился въ разнузданную шайку, въ которой офицеры должны были бѣжать отъ своихъ солдатъ.

При такомъ положеніи дѣлъ не бываетъ недостатка въ мелкихъ, грязныхъ средствахъ, употребляемыхъ всякою революціей для пропаганды, въ даровомъ бражничаньѣ, даровой ѣдѣ, и т. д. Но нелѣпо думать, будто однимъ этимъ можно что-нибудь сдѣлать. Тамъ, гдѣ государственная жизнь не подгнила, такими средствами ничего не достигнешь. Солдатъ чуждался войска совершенно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ гражданъ отпалъ отъ стараго государства. Офицеръ былъ для него привилегированнымъ въ мундирѣ, и тѣмъ болѣе ненавистнымъ, что варварская дисциплина дѣлала это неравенство вдвое чувствительнѣе.

Когда теперь попытались заключить въ аббатство двухъ бунтовщиковъ, полкъ толпами прихлынулъ къ зданію, выломалъ двери и освободилъ товарищей. И ничей авторитетъ не могъ помѣшать этому или наказать за это.

Исчезъ страхъ къ прежнимъ насильственнымъ мѣрамъ. Въ Нанси случилось даже, что Швейцарцы, на вѣрность которыхъ полагались, какъ на каменную гору, подали сигналъ къ бунту.

Таковы были обстоятельства, когда въ кружкахъ привилегированныхъ и придворнаго дворянства созрѣла мысль о необходимости еще разъ, но съ двойною энергіей, сдѣлать попытку, которая недавно неудалась вслѣдствіе

слабости. Слишкомъ дурно-де начали. Слѣдуетъ начертать лучший планъ дѣйствій. Въ особенности же нужно нанести сильный ударъ, и тогда все кончено.

Уже въ первыхъ числахъ іюля, тотчасъ вслѣдъ за мнимымъ примиреніемъ, начались дѣйствія, которыя можно считать подготовкой новаго политическаго переворота.

Произошло быстрое, внезапное перемѣщеніе войскъ. Всѣ войска, стоявшія въ Версалѣ и въ Парижѣ, были выведены и замѣнены швейцарскими, нѣмецкими, фламандскими, валлонскими *). Ими предводительствовали ихъ собственные иноземные начальники, и на нихъ пока еще можно было положиться. Было несомнѣнно, что такое стягиваніе необыкновенно большаго числа войскъ имѣло цѣлью не личную защиту короля, а внѣшній гнетъ надъ собраніемъ, упущенный изъ виду 23 іюня.

Это не ускользнуло отъ собранія, и въ то время, какъ возбужденіе усиливалось, Мирабо началъ требовать отвода войскъ.

8 іюля онъ взошелъ на трибуну, чтобы не въ подробной, но сильной рѣчи изложить опасности минуты.

Онъ сожалѣетъ, что довѣріе, едва возстановленное миролюбивымъ поведеніемъ короля, такъ быстро опять уничтожается опаснымъ скопленіемъ войскъ въ послѣдніе дни. Онъ порицаетъ правительство за то, что оно угрожаетъ свободѣ въ ея святилищѣ, національному собранію доставляетъ невиданное зрѣлище военныхъ силъ, собранныхъ не на защиту его, и во все не ограждаетъ его отъ оскорбительной «грубости восточной полиціи». Онъ спрашиваетъ, къ чему все это должно повести?

Есть дешевая тактика—пугать своего противника всякими мнимыми опасностями, когда самъ боишься упасть. Не такова была тактика Мирабо. Онъ видѣлъ громадную опасность вторичнаго политическаго переворота, столь же неудачнаго, какъ первый, и неисчислимыя послѣдствія, возникавшія отсюда для монархіи. Поэтому онъ предложилъ подать королю адресъ, который на другой день былъ прочитанъ при шумномъ одобреніи и единогласно (исключая 4 голосовъ) принять:

«Мы пришли для того, говорилось въ началѣ адреса, чтобы представить вашему величеству выраженіе нашей живѣйшей трѣвоги. Будь мы сами ея предметомъ, имѣй мы слабость опасаться за себя, вы сооблаговолили бы снизить до успокоенія насъ и даже, при всемъ порицаніи за недовѣріе къ вашимъ цѣлямъ, вы бы милостиво приняли наши опасенія, отстранили бы

*) У Boiteau (Etat de France, p. 248) перечисляются полки, собранные 14 іюля около Парижа. Между 19 полками большинство иностранныхъ. Тутъ были: Salis-Samaden, Chateauvieux, Diesbach, Esterhazy, Royal-Allemand, Royal-Suisse, Alsace, Hessen-Darmstadt, Romains, Royal-Pologne.

ихъ причину и не допустили бы неопредѣленности въ положеніи національнаго собранія.

«Но, ваше величество, мы умоляемъ васъ не о защитѣ: это значило бы оскорбить ваше чувство справедливости. У насъ есть опасенія, которыя, мы осмѣливаемся это сказать, связаны съ чистѣйшею любовью къ отечеству, съ благомъ нашихъ избирателей, съ общественнымъ спокойствіемъ и съ счастьемъ любимаго монарха, который, уравнивая намъ путь къ блаженству, безъ сомнѣнія самъ достоинъ идти по немъ безъ препятствій».

Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ о совѣтникахъ, которые втираются между чистымъ доброжелательствомъ короля и чистосердечнымъ довѣріемъ народа, въ адресъ сказано:

«Опасность отъ этого скучиванія войскъ чрезвычайна, всеобща и превышаетъ всѣ соображенія человѣческой мудрости.

«Для народа она лежитъ въ провинціяхъ. Если тѣ вдругъ встревожатся за нашу свободу, мы не будемъ знать, чѣмъ обуздать ихъ. Уже одно разстояніе усиливаетъ, преувеличиваетъ все, удваиваетъ опасенія, прибавляетъ къ нимъ горечи и яду.

«Опасность есть и для столицы. Какими глазами долженъ смотрѣть этотъ голодный, страждущій народъ на множество грозныхъ войскъ, оспаривающихъ у него послѣднее пропитаніе?

«Присутствіе вооруженной силы будетъ разжигать, возмущать, возбуждать всеобщее волненіе. Первый шагъ правительства, сдѣланный подъ предлогомъ соблюденія порядка, можетъ открыть собою рядъ невыразимыхъ бѣдствій.

«Есть опасность и для самыхъ войскъ. Французскіе солдаты, придвинутые къ средоточію общественныхъ совѣщаній, принужденные принять участіе, какъ въ страстяхъ, такъ и въ интересахъ народа, могутъ забыть, что по присягѣ они солдаты, и вспомнить, что природа создала ихъ людьми.

«Опасность угрожаетъ труду, нашей первой обязанности, который только до тѣхъ поръ имѣетъ полный успѣхъ и надлежащій ходъ, пока народы вѣрятъ въ свою неограниченную свободу. Кромѣ того, въ возбужденіяхъ страсти кроется заразительная сила. Мы тоже люди: недовѣріе къ самимъ себѣ, боязнь показаться слабыми, могутъ увлечь насъ за предѣлы нашей цѣли. Насъ станутъ осаждать внушеніями, совѣтами безграничнаго насилія, а спокойный разумъ и хладнокровная мудрость не вѣщаютъ среди волненій и бурныхъ сценъ возстанія.

«Опасность даже еще ужаснѣе. Вы можете судить объ ея размѣрахъ по тому смущенію, съ которымъ мы приходимъ къ вамъ. Великіе перевороты совершались по гораздо болѣе ничтожнымъ поводамъ. Сколько предпріятій, роковыхъ для націй и королей, было предзнаменовано далеко не такъ мрачно и страшно.

«Мы всегда готовы повиноваться вашему величеству, потому что вы пове-

лѣваете во имя законовъ. Но теперь самая вѣрность наша требуетъ отъ насъ сопротивленія. Во имя отечества, во имя вашего счастья и вашей славы, мы закликаемъ васъ отослать войска назадъ, откуда ваши совѣтчики вызвали ихъ. Ваше величество въ нихъ не нуждается. Что можетъ побудить монарха, обожаемаго 25 милліонами подданныхъ, окружить свой тронъ съ большими издержками нѣсколькими тысячами иностранцевъ?»

Въ этомъ адресѣ вовсе не было извѣстнаго запугиванья другихъ изъ собственного страха. Въ немъ заключалось предчувствіе великой развязки.

Король принялъ его холодно. Онъ замѣтилъ, что если собраніе тяготеетъ близостью войскъ и желаетъ ихъ удаленія, то онъ готовъ перевести ихъ въ Нойонъ или Суассонъ, а самъ для связи съ ними отправится въ Компьень.

Затѣмъ собраніе не сдѣлало ни одного шага, несмотря на горячія требованія Мирабо. И, прежде чѣмъ оно могло сдѣлать что-нибудь, оправдались худшія опасенія, выраженные въ адресѣ.

11 іюля долженъ былъ послѣдовать государственный переворотъ. Министерство Неккера распускалось: его замѣняла строгая реакція. Парижъ и Версаль усмирялись военною силой.

До послѣдней минуты планъ былъ извѣстенъ лишь немногимъ посвященнымъ. Неккеръ и не предчувствовалъ того, что подготовлялось. Въ то время, какъ онъ собирался обѣдать, королевскій лакей передалъ ему приказъ немедленно отправиться за границу. Только тогда, когда уже онъ достигъ Женевского озера, стало извѣстно міру объ его отставкѣ.

Новое министерство, Фулонъ, Брогли, Бретейль, было дурно выбрано.

Бретейль принадлежалъ къ самой обезславленной части придворнаго дворянства и упоминался только въ обществѣ Полиньяка да графа Артуа.

Брогли былъ старый заслуженный воинъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ участниковъ Семилѣтней войны не опозорилъ себя и въ глазахъ войска придавалъ хорошій видъ дурному дѣлу.

Самымъ несчастнымъ выборомъ былъ Фулонъ, одинъ изъ прежнихъ интендантовъ и именно изъ тѣхъ, о которыхъ носились самые дурные слухи. Онъ слылъ за жестокосердаго, низкаго кровопійцу, о которомъ ходилъ разсказъ, будто во время голода онъ сказалъ: «Пусть народъ жретъ сѣно и солому: развѣ онъ лучше скота»? Въ Семилѣтнюю войну онъ былъ армейскимъ интендантомъ. При переходѣ французскихъ войскъ съ Рейна къ Везеру, онъ отдалъ извѣстное постыдное приказаніе все грабить и распорядился, чтобы, въ случаѣ отступленія, вся страна отъ Везера до Крефельда была обращена въ пустыню. Впрочемъ росбахскіе герои бѣжали въпослѣдствіи слишкомъ скоро, чтобы еще разбойничать.

Отвѣтъ націи на перемѣну министерства былъ быстръ и ужасенъ. Новому министру не было суждено вступить въ свою должность: чернь внесла въ столицу его голову на пикѣ.

Великое возстаніе въ Парижѣ.

11 іюля еще ничего не было извѣстно. Не ранѣе полудня 12 числа разнесся слухъ, будто что-то готовится. Между тѣмъ національное собраніе занималось совершенно отвлеченными преніями о человѣческихъ правахъ и т. п. Событія двигались впередъ безъ его участія. Заправленіе дѣлами все болѣе и болѣе переходитъ теперь изъ Версаля въ Парижъ. А Парижъ, въ теченіе послѣднихъ дней, былъ уже поприщемъ самыхъ сильныхъ волненій. Эта столица сама по себѣ была чрезвычайно благоприятна для всякой революціи, не столько по необыкновенно безпокойному духу своего населенія (въ этомъ случаѣ оно оказалось такимъ же неповоротливымъ и медленнымъ, какъ и во всякомъ другомъ), сколько потому, что она, какъ гигантъ, осяняла собою всю Францію, и ея примѣръ имѣлъ такое громадное нравственное значеніе, какого не было ни у одной изъ остальныхъ частей монархіи.

Въ Парижѣ было около ста тысячъ человѣкъ, которые не знали, гдѣ переночевать. У нихъ не было ни хлѣба, ни крова, а послѣднимъ пристанищемъ служили имъ или смиренный домъ, или галеры.

Этотъ гигантскій городъ, съ своею плохою полиціей и почти неукротимымъ населеніемъ, былъ переполненъ горючимъ матеріаломъ для революціонныхъ страстей. Къ тому же онъ былъ недостаточно снабженъ жизненными припасами.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль броженіе тихо прокладывало себѣ путь и до того охватило одну часть столицы, что уже передъ 11 іюля слѣдовало упрочить за собою городъ, чтобы не допустить его вмѣшаться въ политику на свой ладъ. Взбунтовался самый знаменитый полкъ французской пѣхоты, и уже не было силы, которая бы наказала его. Въ послѣдніе дни, какъ мы видѣли, вокругъ Парижа собрали лагерь изъ 19 полковъ, между которыми 10 было иностранныхъ (всего 30,000 человѣкъ). Едва ли этого было достаточно, чтобы вполне укротить такое населеніе, какъ тогдашнее парижское; но, конечно, этого было довольно, чтобы породить броженіе и ненависть.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя ничего дѣлать вполнину.

О полицейскомъ авторитетѣ въ Парижѣ уже не могло быть и рѣчи. Образовалась новая власть съ нравственнымъ авторитетомъ. То были избирательныя коллегіи въ частяхъ столицы (électeurs), которыя въ извѣстной степени замѣнили прежнюю отжившую монархію. Такимъ образомъ, городъ походилъ на вулканъ передъ изверженіемъ. При такомъ-то настроеніи, когда солдаты объявили, что не станутъ стрѣлять въ народъ, въ виду иностраннаго лагеря подъ стѣнами, разнесся 11 іюля слухъ, что въ Версалѣ что-то затѣвается.

Столпились массы народа. Улицы вдруг наполнились группами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которыхъ трудно было разпознать. Тутъ были и спокойные, приличные граждане, вызванные изъ своихъ домовъ неизвѣстнымъ имъ безпокойствомъ, и недовольные молодые ремесленники, и собственно пролетаріи предмѣстій, и бѣглые колодники, и галерные каторжники, и всякая конфискованная сволочь, намѣревавшаяся ловить рыбу въ мутной водѣ. Эта огромная толпа забушевала.

Перваго намека молвы не на нѣчто случившееся, но на то, на се, что должно совершиться, было достаточно, чтобы изъ всѣхъ мрачныхъ трущобъ столицы привлечь на свѣтъ божій демоническую силу, о которой старой монархіи вовсе и не грезилось. Эта монархія считала населеніе такимъ спокойнымъ и миролюбивымъ, что воображала, будто ей еще лѣтъ 30 нечего бояться возстанія.

Сначала дѣло ограничилось отдѣльными вспышками. Разграбили двѣ булочныя. Вообще же не случилось ничего, выходившаго за извѣстные предѣлы порядка, насколько онъ поддерживался въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что уже нѣсколько недѣль тому назадъ сдѣлалось обыкновеннымъ, что тамъ и сямъ собирались густыя толпы и кто-нибудь всходилъ на первобытную трибуну и въ короткихъ словахъ говорилъ присутствующимъ о томъ, о сѣмъ.

Пале-Рояль былъ маленькимъ городкомъ, не столько по своему объему, сколько по содержанію. Въ немъ были скучены: кофейни, гостиницы, лавки, игорные и публичные дома. Все это принадлежало герцогу Орлеанскому, который получалъ отсюда довольно круглую сумму. Тутъ въ саду уже нѣсколько недѣль происходили собранія всѣхъ, кто не принадлежалъ ни къ одной изъ частей (section) города. Здѣсь говорились дикія, страстныя рѣчи уже не одними господами безъ имени и званія, которые на мгновеніе всплывали на поверхность, чтобы исчезнуть навѣки, но и такими лицами, которыя стали извѣстны въ послѣдствіи, всемірно-историческое значеніе коихъ зародилось здѣсь.

Камилль Демуленъ, человѣкъ чрезвычайно умный и краснорѣчивый, самый даровитый изъ позднѣйшихъ террористовъ, вступилъ въ это время въ общественную жизнь. Онъ наравъ (12 числа) листьевъ съ одного изъ окружавшихъ его деревьевъ и роздалъ ихъ, какъ знакъ отличія, друзьямъ свободы: это подало мысль о кокардѣ, которая, по словамъ Лафайета, должна была обойти весь міръ. Три цвѣта ея составились изъ краснаго и синяго, цвѣтовъ столицы, и, въ знакъ примиренія, изъ бѣлаго, цвѣта старой монархіи.

11-е іюля окончилось при зловѣщихъ признакахъ наступающей грозы. Она еще не разразилась: еще не знали, что случится. Дальнѣйшее предстояло на другой день.

12-го іюля было воскресенье. Оно принесло болѣе точныя вѣсти изъ

Версаля. Слухи были еще не объ отставкѣ Неккера, а о томъ, что онъ впалъ въ немилость. Послѣдовали заявленія въ честь его и принца Орлеанскаго, бюсты которыхъ торжественно носили по улицамъ. Между тѣмъ толпы черни грабили всюду оружейныя лавки.

Тѣмъ временемъ придвигались войска. Нѣсколько полковъ приблизилось къ Марсову полю и даже къ Тюльери. Они расположились тамъ, по видимому, намѣреваясь съ оружіемъ наголо подавить дальнѣйшій мятежъ. Свидѣтельства о духѣ приходившихъ изъ Версаля приказовъ противорѣчили одно другому.

Недалеко отъ Вандомской площади впервые дѣло дошло до стычки. Въ этотъ день всѣ поступки войска носили на себѣ отпечатокъ нерѣшительности и слабости двора. Наполеонъ замѣтилъ, въ послѣдствіи, когда подавлялъ вандемьерское возстаніе, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо стрѣлять вначалѣ пулями, а потомъ, пожалуй, и холостыми зарядами, но не наоборотъ. Для всякаго, кто въ такомъ положеніи хочетъ взять силой, конечно, это единственно вѣрный рецептъ. Здѣсь же все щадили, старались избѣгнуть крайнихъ мѣръ, а между тѣмъ употребляли достаточно силы, чтобы ожесточить противника. Дѣло не шло дальше стычекъ, въ которыхъ достаточно лилось крови, чтобы до крайности разжечь всеобщую ярость; но не произошло ничего, внушающаго страхъ.

День окончился при самыхъ тяжкихъ предзнаменованіяхъ для старой монархіи. По ея поведенію невозможно было рѣшить, не надѣется ли она на свои средства, или, вопреки грозному виду, все еще не хочетъ употребить силы.

Вечеромъ 12 іюля Парижъ былъ въ такомъ возбужденіи, что свидѣтели всѣхъ партій изображаютъ его вполне необычнымъ.

Тотъ общественный осадокъ, что въ мирное время прочно лежитъ на днѣ, не шевелясь, всплылъ теперь на поверхность. Шайки всякой дерзкой сволочи, которая заботилась не о свободѣ и человѣческихъ правахъ, а лишь о безнаказанномъ грабежѣ, осаждали зажиточныхъ парижскихъ гражданъ, можно сказать, въ ихъ собственныхъ домахъ. Мирная, приличная часть городского населенія была оставлена на произволъ грабителей и убійцъ. Никто не могъ имъ помѣшать зажигать городъ, вламываться въ лавки, грабить частные дома и убивать беззащитныхъ. Сами войска только способствовали ослабленію всякаго отпора безпорядку.

Положеніе и настроеніе всѣхъ, кто чуть дорожилъ собственностью и спокойствіемъ, было отчаянно. Теперь положительно нельзя было встрѣтить воинственнаго, геройскаго духа. Тутъ скорѣе царствовало чувство страха и безпомощности, доказывавшее, что значитъ пуститься вдругъ изъ состоянія правильнаго порядка въ открытое море анархіи.

Вооруженная сила уже не трогалась. Полки удалились вслѣдствіе выс-

шихъ приказаній *). Стало-быть, подлили масла въ огонь и удалились, не потушивъ пламени.

Такъ настало утро 13 іюля. Тысячи Парижанъ радовались, что хоть дожили до него. Вдругъ зародилась мысль создать силу, организовать вооруженное самоохраненіе для миролюбиваго класса гражданъ-собственниковъ.

Эта мысль возникла еще въ самомъ началѣ 1789 года, когда при возмущеніи рабочихъ былъ разрушенъ домъ одного фабриканта. Теперь, подъ гнетомъ двойной необходимости, внѣшней и внутренней, она снова пробудилась и приняла болѣе опредѣленный видъ.

Изъ коллегіи избирателей вышелъ планъ образованія національной гвардіи, стражей безопасности противъ толпы дикой черни. Набираться она должна была изъ 60 городскихъ частей въ числѣ 50,000 человекъ.

Планъ былъ чрезвычайно консервативенъ. Крайняя нужда внушила его лучшей части Парижанъ. Первоначальное формированіе этой національной гвардіи находилось по всѣмъ частямъ въ рукахъ порядочныхъ, зажиточныхъ гражданъ: пролетаріатъ предмѣстій былъ нарочно устраненъ. Уже въ теченіе дня образовалась, со свойственною Французамъ быстротой и любовью къ военному дѣлу, почтенная вооруженная сила, конечно, неправильно устроенная и снаряженная, но все-таки такъ сгруппированная и руководимая, что она была въ состояніи устранять самыя дикія вспышки.

Съ одушевленіемъ и пылкимъ рвеніемъ ухватились Парижане за новую мысль. Разумѣется, они не могли помѣшать жителямъ предмѣстій достать себѣ оружіе, которое тѣ награбили въ арсеналахъ и оружейныхъ лавкахъ. То была своего рода національная гвардія низшихъ классовъ. Ихъ жертвой палъ на слѣдующій день купеческій голова Флессель. Несчастный надѣялся обѣщаніями отдѣлаться отъ толпы, съ ревомъ требующей оружія. Но ему не удалось сдержать ее: разъяренная чернь положила его на мѣстѣ.

Утромъ 14 іюля національная стража была достаточно подготовлена къ бою. Но и шайки предмѣстій собирались сдѣлать то же самое. Масса шумно устремляется къ Дому Инвалидовъ, вовсе неукрѣпленному, врывается въ выломанные ворота и требуетъ оружія. Находятъ 20,000 ружей, которыя и забираютъ вмѣстѣ съ пушками.

Ну, а что же дальше?

Одни кричатъ: «Въ Версаль!»! Теперь знали уже все, что тамъ произошло. Другіе полагаютъ, что слѣдуетъ напасть на войска въ открытомъ полѣ. Но настолько хватило благоразумія, чтобы покинуть эту мысль. Тогда раздался крикъ: «Въ Бастилію!»! Эти слова были искрой.

*) Опроверженіе этого устарѣваго взгляда см. у Зибеля, I, 38 (3 изд.) О.

Разрушеніе Бастиліи (14 іюля).

Бастилія, въ видѣ маленькой крѣпости, была обращена къ одному изъ предмѣстій (С.-Антуанъ). Пушки были такъ разставлены, что легко возбуждали мысль о возможности когда-нибудь обратить въ прахъ часть города. Этимъ воспользовались теперь, какъ средствомъ къ возмущенію. Но и независимо отъ этого, Бастилія была предметомъ проклятій для сотни тысячъ Французовъ.

Бастилія, Венсенская башня, замокъ Гамъ и всѣ другіе притоны, какъ бы они тамъ ни назывались, гдѣ старая монархія погребала виновныхъ и невинныхъ, были безгранично ненавистны всѣмъ *). Многія тетради государственныхъ чиновъ прямо требовали, чтобы срыли до основанія эти тюрьмы, имени которыхъ ни одинъ Французъ не могъ произнести безъ ужаса.

Такимъ образомъ, къ страху передъ пушками въ грозной крѣпости присоединилась ненависть къ этому страшному орудію пытки стараго правленія. Все это дѣлало Бастилію цѣлью необузданнаго народнаго движенія. Предпріятіе соотвѣтствовало дикимъ страстямъ массы и радовало мирныхъ гражданъ, видѣвшихъ, какъ стремительный потокъ увлекался въ другую сторону.

Въ Бастиліи было очень мало продовольствія. Гарнизонъ состоялъ изъ сотни съ чѣмъ-нибудь инвалидовъ и Швейцарцевъ. Комендантъ былъ робкій и нерѣшительный человѣкъ. Онъ не хотѣлъ нарушить своего солдатскаго долга и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ покончить дѣло миролюбиво. Гарнизонъ же былъ нерасположенъ къ бесполезной отчаянной битвѣ. Стало-быть, и здѣсь, такъ же, какъ и во всемъ, что находилось въ связи съ старою монархіей, воля была слаба и нерѣшительна.

Масса дѣлаетъ приступъ. Первый подъемный мостъ быстро взятъ. Передъ вторымъ раздается изъ крѣпости ружейный залпъ, на который отвѣчаютъ снаружи. Бой на минуту прекращается. Комендантъ одно мгновеніе склоняется къ сдачѣ. Солдаты точно также. Потомъ имъ опять овладѣваетъ старый солдатскій духъ, не позволяющій ему покинуть ввѣренный ему постъ. Тутъ онъ, говорятъ, сошелъ съ фитилемъ въ пороховую камеру, чтобы взорвать себя вмѣстѣ съ своими солдатами на воздухъ; но будто бы солдаты удержали его.

Бой снова начинается. Картечный залпъ убиваетъ множество осаждающихъ. Теперь кажется, будто гарнизонъ хочетъ сдаться. Одинъ солдатъ

*) Linget: Mémoires sur la Bastille, Londres, 1783.—Ср. съ Mirabeau: Lettres de cachets.—По Boiteau (р. 444), въ Бастиліи въ теченіе 45 лѣтъ умерло 3,000 заключенныхъ разныхъ сословій.

восклицаетъ: «Мы сдаемся на условіи свободнаго отступленія!» А предводители массы, говорятъ, переслали записку съ словомъ «capitulation». Крѣпость уже не могла справляться съ потокомъ. Не весь гарнизонъ былъ изрубленъ, но погибло достаточно, чтобы обезславить всю побѣду. Комендантъ Делоне заплатилъ жизнью за свою нерѣшительность.

Съ нимъ и Флесселемъ пала послѣдняя тѣнь стараго авторитета въ Парижѣ.

Начали разрушать крѣпость. Въ нѣсколько дней парижская тюрьма была сравнена съ землей и на ея мѣстѣ устроено публичное увеселительное мѣсто. Съ чисто національнымъ легкомысліемъ, которое Французы такъ любятъ выдавать за остроуміе, было здѣсь написано: «Jci l'on danse (тутъ танцуютъ)».

Избиратели поддерживали теперь съ трудомъ свой авторитетъ. Еле-еле отстраняли они самыя ужасныя крайности, радуясь, что пало немного жертвъ.

Фулонъ и его невинный зять, Бертъе, были ближайшею добычей безпорядка. Первый попался въ руки разъяренной толпы еще за Парижемъ. Второго, который провинился лишь тѣмъ, что былъ зятемъ ненавистнаго интенданта, приволокли къ Ратушѣ въ ту самую минуту, когда таскали окровавленную голову его тестя, и здѣсь изрубили послѣ отчаяннаго сопротивленія (22 іюля) *).

ГЛАВА VI.

Дворъ, національное собраніе и начало анархій.

Среди этихъ происшествій самую печальную картину представляли дворъ и король.

Когда пришли первыя извѣстія изъ Парижа, король, казалось, еще не покинулъ рѣшенія дѣйствительно привести въ исполненіе мѣры, которыми онъ грозилъ. Потомъ вдругъ явился приказъ отвести войска съ Марсова поля, т. е. отреченіе короля отъ Парижанъ. Насчастный монархъ былъ

*) Объ этомъ злодѣяніи такъ говоритъ Мирабо въ 19 письмѣ къ своимъ избирателямъ: «Но поспѣшимъ сказать, что продолженіе этой страшной народной диктатуры угрожаетъ опасностью общественной свободѣ точно такъ же, какъ и ковы ея враговъ. Общество скоро разложится, если толпа, привыкая къ крови и безпорядкамъ, станетъ выше правительства и отвергнетъ авторитетъ законовъ». Уже этого достаточно, чтобы судить о клеветѣ, будто Мирабо разослалъ въ провинціи апологію этихъ ужасовъ.

безпомощенъ. Его министерство было распущено. Окружающіе его разбѣжались въ разныя стороны. Онъ, не выносившій вида крови, стоялъ лицомъ къ лицу съ разъяренною массою, которую самъ раздражилъ. Подлѣ него ни души. Національное собраніе робко и недовѣрчиво. Неспособный дѣйствовать по-королевски, даже когда опирался на армію и великихъ государственныхъ людей, что онъ могъ сдѣлать теперь?

14 іюля, поздно вечеромъ, въ спальню короля ворвался графъ Ліанкуръ. Онъ видѣлъ бушующій Парижъ и оставилъ его при крикахъ: «въ Бастилію»! Когда онъ разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ, король, говорятъ, всплеснулъ руками и воскликнулъ: «*Mais c'est une revolte*» (вѣдь это мятежъ). На что Ліанкуръ возразилъ. «*Non, sire, c'est une révolution*» (нѣтъ, государь, это революція).

Король былъ одинокъ и искалъ поддержки въ своемъ безпомощномъ состояніи. Его братъ, графъ Артуа, ревностнѣе всѣхъ настаивавшій на государственномъ переворотѣ, первый внушилъ ему (по свидѣтельству Бальи) мысль укрыться въ національномъ собраніи, обратиться къ нему съ словами довѣрія и дружелюбія.

Національное собраніе, воспламененное страстною, увлекательною рѣчью Мирабо, само собиралось послать къ королю депутацію, когда его извѣстили, что монархъ идетъ самъ безъ стражи и свиты. Мирабо потребовалъ повелительнымъ тономъ, чтобы его приняли съ мрачною сдержанностью. «Молчаніе народовъ пусть послужитъ урокомъ королямъ!» Но когда король, съ непокрытою головою, въ сопровожденіи своихъ братьевъ, попросилъ въ простыхъ, задушевныхъ словахъ довѣрія за довѣріе, примиренія за примиреніе, собраніе разразилось бурнымъ ликоваціемъ. И у него было сознаніе извѣстной мысли: «Мы послѣдній якорь спасенія для королевской власти». Оно постановило послать въ Парижъ депутацію изъ ста членовъ и возстановить тамъ спокойствіе.

Два дня спустя, рѣшился отправиться и король. 17 іюля пустился онъ въ этотъ роковой путь, чтобы раздѣлаться съ мятежомъ 14 числа. Онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, что впечатлѣніе этой поѣздки осталось незабвеннымъ для него.

Когда онъ вѣхалъ въ городъ, гдѣ теперь не было уже ни одного солдата, вооруженная масса людей, по большой части съ непривѣтливымъ видомъ, образовала густыя шпалеры по обѣимъ сторонамъ Ратуши. Ни одинъ поклонъ, ни одно привѣтствіе не встрѣтили его со стороны народа. Только въ болѣе населенныхъ и оживленныхъ кварталахъ, гдѣ тѣсно жило среднее сословіе, ободрило его одно: *vive le roi!* Но зато весьма близко къ нему, тамъ и сямъ, раздавались выстрѣлы.

Такъ прибылъ онъ въ Ратушу: тамъ былъ теперь тронъ. Здѣсь встрѣтили его незнакомыя лица, дикія фигуры, вооруженныя, какъ мятежники. Они скрестили въ честь ему пикъ надъ его головою, и онъ объявилъ со слезами на

глазахъ, что любовь народа его пламенное желаніе. Онъ одобрилъ все случившееся.

Мирный видъ этой и слѣдующей недѣль не обманулъ Мирабо. Два мѣсяца спустя, онъ говорилъ одному придворному, своему другу: «О чемъ думаютъ эти господа? Или они не видятъ пропасти, которая разверзается подъ ихъ ногами?... Все потеряно. Погибнуть король съ королевой, и вы увидите, какъ народъ станетъ таскать ихъ трупы по мостовымъ.... Да, ихъ трупы будутъ таскать!»!

Тогда смѣялись надъ такими мрачными опасеніями.

Съ 13 и 14 іюля Франція представляла новый видъ. Старое войско разсѣялось; старая королевская власть была покинута всѣми своими органами. Новая сила сосредоточивалась въ Парижѣ, а во главѣ его стояло два человѣка изъ среды національнаго собранія: Лафайетъ, съ которымъ мы познакомимся впоследствии, какъ съ начальникомъ національной гвардіи, и Балли, предсѣдатель общиннаго совѣта.

Человѣкъ ученый въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, достойный любви, великодушный, Балли внезапно очутился передъ гигантскою задачей, которая была бы не легка самому Мирабо. Онъ, который доселѣ занимался только книгами и изслѣдованіями, былъ призванъ теперь дѣйствовать рѣшительно на поприщѣ, вовсе ему незнакомомъ, и въ такое время, когда столь мягкая природа, какъ его, не могла выдержать долго.

Первые кровавые акты ужаснаго народнаго правосудія были исполнены надъ Делоне, Флесселемъ, Фулономъ и Бертье.

Тысячи людей, у которыхъ вовсе не было жилки позднѣйшихъ террористовъ, были согласны съ Іоганномъ фонъ Мюллеромъ, что свобода, купленная цѣною головъ нѣсколькихъ приверженцевъ старины, обошлась не дорого. Но она еще не была куплена этою цѣной.

Это демоническое недовѣріе массъ, которое не задумывается надъ причинами своей подозрительности, это звѣрское насиліе, которому стоить только разъ пробудиться, чтобы быстро дойти до самыхъ отчаянныхъ, ужасныхъ средствъ, страшно выступили теперь наружу. Уже нечего было спрашивать, что значить новая несправедливость въ сравненіи съ старой, минувшей? Въ головахъ глубокомысленныхъ людей вопросъ ставился лишь въ такой формѣ: достаточно ли сильна новая власть, чтобы, послѣ паденія прежняго порядка, одолѣть эти новые элементы, это звѣрское убійство на улицахъ? И не будетъ ли эта одичалость массъ надолго единственнымъ прочнымъ достояніемъ новаго времени?

На это смотрѣли слишкомъ легко сами по себѣ благородные люди, стоявшіе тогда во главѣ правленія. Они позволяли дѣламъ ускользать у нихъ изъ рукъ, и это было невыразимымъ несчастіемъ. Когда великій процессъ обновленія, который должна была произвести Франція ради всей Европы, ускользнулъ изъ чистыхъ рукъ и достался необузданнымъ массамъ; когда

совершить его пришлось «господину Отнес», у которого нѣтъ разума, по выраженію Лютера, тогда нація должна была нѣсколько времени переходить отъ переворота къ перевороту, пока, наконецъ, не пала въ изнеможеніи и не созрѣла для военной диктатуры.

Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы оцѣнивать громадное значеніе 14 іюля.

Конечно, въ Европѣ было тогда другое настроеніе. Страхъ, отвращеніе, почти ужасъ повсѣмъ притаились повсюду, даже при дворахъ, а въ народѣ было неудержимое и общее ликование о томъ, что рухнула старая каторга. То былъ праздничный день Европы, но, увы, всего одинъ день.

Парижъ сталъ теперь чѣмъ-то самобытнымъ, какимъ-то великимъ, свободнымъ государствомъ, которымъ управляли общинный совѣтъ да національная гвардія, съ Балли и Лафайетомъ во главѣ, а не король и національное собраніе. Самая политика Франціи теперь уже сосредоточилась въ Парижѣ. Версальскій дворъ былъ безъ силы и безъ плановъ.

Король призвалъ Неккера, отставка котораго и послужила сигналомъ для революціи. Возвращающагося министра встрѣтилъ самый блестящій триумфъ. Годъ спустя, онъ опять удалялся. Ни одинъ пѣтухъ не прокричалъ ему вслѣдъ. Такъ достигъ онъ границы, гдѣ едва не былъ задержанъ за свой паспортъ. Эта перемѣна была неизбежна и заслужена.

По возвращеніи своемъ, Неккеръ опьянѣлъ отъ безграничнаго тщеславія, благодаря поклоненію ему со всѣхъ сторонъ. Великое національное собраніе выслало навстрѣчу ему депутацію, пригласило его къ себѣ и обратилось къ нему съ словами глубочайшаго почтенія. Это могло бы отуманить и не столь тщеславнаго человѣка, какъ Неккеръ; онъ думалъ теперь, что на немъ лежитъ долгъ спасти Францію, что ему одному возможно это. Нѣкоторое время онъ поддерживалъ свою власть для того, чтобы потомъ потерять ее повсѣмъ, единственно вслѣдствіе собственной неспособности.

Тѣ же, которыхъ король призвалъ тогда въ министерство, эти Брогли и Бретейли, и тѣ, что присовѣтовали ему такой шагъ, эти Артуа, Конде, Полиньяки, отправились подальше. Произошла первая эмиграція *).

*) Министръ (№ 30, отъ 30 іюля) такъ сообщаетъ объ этой эмиграціи: «Въ три дня всѣ вельможи, любимцы, министры, агенты иностранныхъ дворовъ въ трепетѣ разбѣжались изъ этого государства, которое они хотѣли принести въ жертву своему жестокому тщеславію, своей гордости». Далѣе набрасывается картина того, какъ «опозоренный» Брогли, «высокомѣрный» Бретейль, «гнусный» Ленуаръ, «хилый» Барантенъ, «трусъ» Вильдейль, и др. старались поскорѣе убраться, какъ «безстыдный» Фулонъ, «притворившись мертвымъ», напрасно думалъ избѣгнуть мести своихъ согражданъ; какъ сбѣжала Полиньякъ, переодѣвшись горничной.—Для характеристики образа мыслей

Такимъ образомъ, государственный переворотъ не достигъ ничего, кромѣ бѣгства за границу его зачинщиковъ. Какъ трусы, покинули они короля на произволъ судьбы. Ни у одного не хватило духа пожертвовать за него жизнью, и это послѣ того, какъ они добились одного: остатокъ порядка во Франціи рухнулъ отъ одного толчка. Теперь они попрошайничаютъ при иностранныхъ дворахъ, хлопчутъ о вмѣшательствѣ. И если не ими взлелѣяна, выхожена война 1792 года, то, во всякомъ случаѣ, они много помогли ужасамъ 1792 г., доведя патріотовъ угрозами до крайняго озлобленія.

Какой дешевый роялизмъ—подымать тревогу при дворахъ рейнскихъ курфюрстовъ и наполнять печать дикими, фанатическими выходками, что именно и вело короля къ ступенямъ эшафота!

При такихъ обстоятельствахъ выказывать политическое терпѣніе, выжидать возврата лучшаго времени, это своего рода добродѣтель. Но трусливо покидать поле битвы, это ошибка, которая наказывается, по крайней мѣрѣ, быстрымъ забвеніемъ бѣглецовъ.

Какъ человѣкъ, несчастный король является теперь болѣе достойнымъ состраданія и сожалѣнія, чѣмъ когда-либо. Но политическаго интереса уже не возбуждаетъ личность, которая выступаетъ, лишь повинуваясь толчкамъ извнѣ, сама же вовсе не дѣйствуетъ. Онъ видѣлъ, какъ вокругъ него валится старый порядокъ, какъ исчезаетъ вся его камарилья. Онъ самъ направилъ свой послѣдній политическій ударъ противъ города и собранія, которымъ былъ такъ преданъ... Не будь онъ такимъ добродушнымъ и нерѣдко почти тупымъ, уже одно подобное положеніе привело бы его въ отчаяніе и пробудило бы отъ летаргіи. Но онъ чувствовалъ его даже не такъ глубоко, какъ мы, посторонніе зрители.

Крестьянская война, человѣческія права и 4-ое августа.

Такъ какъ оба первые повелителя Парижа, Балли и Лафайетъ, были выбраны изъ національнаго собранія, то это послѣднее могло слыть за верховную власть во всей Франціи. Каждый день собраніе получаетъ сотни адресовъ, въ которыхъ цѣлыя населенія повергаютъ къ его стопамъ свое

эмигрантовъ можетъ служить Tilly. «Во Франціи, говоритъ онъ (р. 396), жили изо дня въ день, заботились лишь о томъ, какъ бы простить одному сословію и наказать другое, дать королю достаточно сильное министерство, чтобы спасти отъ собственной его слабости остатокъ государства, организовать армію на другихъ, гораздо болѣе глубокихъ основахъ, наказать Парижъ, перенести мѣстопробываніе правительства», и т. п.

имущество и обѣщаютъ такое послушаніе, какого не предлагали еще ни одному правительству.

Въ этомъ заключалось величіе, но зато и трудность положенія собранія. 900 человекъ не могутъ управлять непосредственно, не могутъ присвоивать себѣ исполнительную власть, которая должна находиться въ рукахъ немногихъ. Это, въ случаѣ нужды, прилично въ маленькомъ округѣ, но невозможно въ большой землѣ, сбросившей съ себя всѣ прежнія узы.

Между тѣмъ, какъ въ Парижѣ и Версалѣ все казалось довольно спокойнымъ и улаженнымъ, внѣ, въ провинціяхъ, было совершенно иначе.

Провинціи раздули огонь, и разразилась ужасная война всѣхъ противъ всѣхъ.

Крестьяне вооружились противъ феодальнаго государства. Они осаждали покинутые замки своихъ помѣщиковъ, сжигали монастыри. Цѣлыя шайки разбойниковъ и убійцъ, грабя и убивая, сновали по странѣ. Во Франш-Конте въ продолженіе іюля и августа на каждый день приходилось по одному сожженному замку; въ Дофинѣ—на двѣ недѣли 72 сожженныхъ замка, и такъ было почти по всей Франціи. За исключеніемъ Вандеи и Бретани, гдѣ отчасти крестьяне были зажиточными арендаторами, отчасти помѣщики оставались простыми, добродушными сельскими феодалами, вся Франція была театромъ неописанныхъ ужасовъ. Въ Нормандіи поднялось яростное гоненіе на виновныхъ и невинныхъ. На югѣ къ старому озлобленію массъ присоединился дикій характеръ южной натуры. Тамъ тотчасъ же дѣло дошло до насилія и убійства; тамъ не только сжигали замки и монастыри съ ихъ ненавистными грамотами, но и варварски умерщвляли обитателей, не обращая вниманія на то, были ли они ненавистны и подозрительны, или нѣтъ.

Старый государственный порядокъ, который въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ попытку къ оборонѣ, внѣ столицы былъ сломленъ безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ всякой защиты. Ни одинъ законъ, ни одна власть не признавались; ни одинъ интендантъ, ни одинъ губернаторъ, ни одинъ судъ не подавалъ признаковъ жизни. Нѣкогда всемогущая монархія потерпѣла ужаснѣйшее банкротство, и если нація сама не создавала себѣ авторитетовъ, то ихъ вообще уже не было. Послѣднимъ якоремъ хотя бы малѣйшей безопасности личности и собственности было образованіе національной гвардіи по образцу парижской. Это учрежденіе вскорѣ распространилось по всей Франціи, гдѣ только была потребность въ вооруженной защитѣ.

Между тѣмъ какъ старыя власти бѣжали отъ своихъ прежнихъ подчиненныхъ, отъ національнаго собранія потребовали быстрой, рѣшительной инициативы: въ него еще вѣрили, на него возлагали всѣ надежды. Но не видно было, чтобы національное собраніе вѣрно понимало потребности ми-

нуты и выгоду своего собственного положенія. Слѣдующія двѣ недѣли прошли въ ничтожныхъ занятіяхъ. Собраніе было запружено адресами, объясненіями, депутаціями. Казалось, у него не было другого дѣла, кромѣ принятія всеобщихъ поклоненій. А предметомъ его перваго серьезнаго совѣщанія была любимая мысль Лафайета, предложеніе открыть конституцію объявленіемъ всеобщихъ человѣческихъ правъ.

Подобное объявленіе, въ сжатыхъ, лаконическихъ выраженіяхъ, предпослала своей конституціонной хартіи освобожденная Сѣверная Америка. И молодое, свободное государство могло это сдѣлать, потому что почва, на которой оно стояло, была еще не обработана и не имѣлось историческаго преданія.

Здѣсь было иначе. Здѣсь васъ окружали колоссальныя развалины старой монархіи, и передъ глазами мелькали примѣры дикаго самоуправства сотенъ тысячъ. Здѣсь имѣло глубокій смыслъ превосходное выраженіе Мирабо, сказанное 18 сентября: «Мы не дикари, которые голые приходятъ съ береговъ Ориноко, чтобы присоединиться къ государству. Мы старая нація и, безъ сомнѣнія, слишкомъ старая для нашего времени. У насъ есть правительство, король, извѣстные предрасудки. Все это мы должны, насколько возможно, постараться приноровить къ совершившемуся первороту и предупредить внезапность перехода». Въ то время, когда за Парижемъ бушевала крестьянская война, а внутри его зараждался новый порядокъ, было весьма сомнительно, самую-ли необходимую преобразовательную мѣру составляло возможно-широкое признаніе основныхъ и человѣческихъ правъ. Скорѣе слѣдовало напомнить о забытыхъ обязанностяхъ, чѣмъ о правахъ, только-что добытыхъ кулакомъ. А между тѣмъ всякое подобное собраніе инстинктивно расположено къ такимъ отвлеченностямъ. Кажется, нужно все самому испытывать: чужіе примѣры нисколько не помогаютъ.

Важное, драгоцѣнное время, въ которое національное собраніе могло бы на дѣлѣ установить самые главные столбы новаго порядка вещей, протекло въ отвлеченныхъ преніяхъ. Къ необходимѣйшимъ задачамъ, кажется, перешли только тогда, когда Франція уже не нуждалась въ національномъ собраніи.

Впрочемъ проектъ основныхъ правъ былъ самъ по себѣ не безопасенъ, не говоря уже про то, что совѣщаніе о немъ никакъ не могло быть названо своевременнымъ. Три существеннѣйшихъ опредѣленія о прирожденной свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей, о неотъемлемомъ правѣ подданныхъ на сопротивленіе угнетенію, объ исключительномъ самодержавіи націи, влекли за собою страшныя послѣдствія. Еслибы докладчики сознавали это, они сами же отказались бы отъ своего предложенія.

Положеніе, что люди рождаются и остаются свободными и равноправными, было справедливо и вѣрно, если оно означало равенство передъ закономъ. Но если оно имѣло въ виду матеріальное равенство всѣхъ въ имуществѣ

и въ пользованіи имъ то вело къ толкованію, котораго до сихъ поръ не желалъ и не могъ желать ни одинъ разумный Французъ.

Правомъ сопротивленія вся Франція до самыхъ низшихъ слоевъ пользовалась теперь въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Выдавать его теперь еще формально за основное человѣческое право значило подливать масла въ огонь и освящать стремленія, которыя должны были сдѣлаться опасными не только для стараго, но и для всякаго новаго законнаго порядка.

Наконецъ, третье положеніе, о верховной власти націи, давало республиканцамъ право сказать: «Какое еще значеніе имѣетъ теперь наследственное королевское достоинство? Вѣдь оно не истекаетъ изъ верховной власти націи:—оно должно быть устранено ради основныхъ правъ». Съ такою верховною властью было несовмѣстно никакое королевское достоинство, а между тѣмъ большинство собранія отличалось монархическимъ образомъ мыслей. Самъ Лафайетъ былъ неизмѣннымъ приверженцемъ королевской власти. Зачѣмъ было пробуждать желанія, которыя не намѣревались да и не могли намѣреваться исполнить?

Это положеніе переступало далеко желанную цѣль. Оно собственно требовало, чтобы демократическое сознаніе вступило въ должныя границы, а вызывало сопротивленіе, которое, даже съ готовою конституціей въ рукахъ, снова нужно было подавлять, рискуя разрушить основныя права, и эту конституцію.

Поистинѣ было государственнымъ поступкомъ послѣдовать совѣту Мирабо, отложить вопросъ о человѣческихъ правахъ до окончанія конституціи. Но это предложеніе не прошло.

Впрочемъ опасенія, противопоставленныя здравымъ смысломъ порывамъ энтузіастовъ, не оставались въ самомъ собраніи вовсе безъ защитниковъ.

1 августа началось совѣщаніе о предложеніи, внесенномъ 11 іюля Лафайетомъ, съ вопроса: должно ли конституціи предшествовать объявленіе общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ, или нѣтъ?

Вопреки значительному (56 человѣкъ) большинству записавшихся ораторовъ, Малюе указалъ на всѣ опасности и бесполезность этого предложенія. Онъ вполнѣ почитаетъ человѣческія и гражданскія права, которыя «должны безпрестанно быть у насъ передъ глазами; свобода должна уподобляться дневному свѣтилу, которое свѣтитъ для всѣхъ». Но выводить законодательный актъ изъ метафизической программы не великодушно, въ виду безчисленнаго множества согражданъ, которые, не имѣя собственности, ожидаютъ куска хлѣба отъ обезпеченной работы и надежнаго покровительства закона, въ виду сотенъ тысячъ, которыя скорѣе находятся въ опасности забыть свои обязанности, чѣмъ свои права. Человѣкъ всюду связанъ съ обществомъ, въ которомъ живетъ. Если съ нимъ говорятъ объ отвлеченныхъ правахъ, то его какъ бы отрываютъ отъ этого общества. А этого не требуется для перестройки общественнаго порядка.

Въ этихъ преніяхъ прошли первые дни августа. Лафайетъ получилъ

перевѣсъ, и, вмѣсто человѣческихъ правъ, какъ хотѣлъ Мирабо, была отложена конституція.

Между тѣмъ, снаружи страшно бушевала междуусобная война. Пожары, грабежи, убійства повторялись ежедневно. Виновные и невинные платились за несправедливости стараго феодализма. Массы свирѣпствовали съ безграничною одичалостью, страшнѣе, чѣмъ всякій народъ, привыкшій нѣкогда къ свободѣ. Многіе пали жертвой подозрѣнія; народное правосудіе дѣйствовало въ потемкахъ.

Тогда собраніе справедливо почувствовало, что нужно что-нибудь сдѣлать, чтобы внести въ этотъ хаосъ слово успокоенія и примиренія. Нѣкоторымъ изъ вождей пришло въ голову какимъ-нибудь закономъ удовлетворить справедливое недовольство народа, приведшее къ такому ужасному самоуправству. Вся буря послѣднихъ недѣль касалась не столько монархіи, сколько стараго феодализма, который уже довольно шумно былъ обращенъ въ пепелъ.

Коммиссіонный докладъ, прочитанный депутатомъ Саломономъ 3 и 4 августа, раскрылъ слѣдующее. Сборъ помѣщичьихъ доходовъ, десятины, налоговъ, оброковъ, всюду встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. По всѣмъ приходамъ жители торжественно обязались выдержать сопротивленіе, и всѣ, кто не хочетъ подчиниться этому, подвергаются страшнѣйшимъ угрозамъ и насиліямъ. Вооруженныя шайки проникаютъ въ замки, завладѣваютъ всѣми документами и домовыми книгами и жгутъ ихъ на дворѣ. А законы лишены силы; власти не пользуются никакимъ значеніемъ; отъ правосудія осталась одна тѣнь, которую тщетно ищутъ въ судахъ, и т. д. Подъ впечатлѣніемъ этихъ обстоятельствъ состоялось то соглашеніе, которое вызвало достопамятныя событія ночнаго засѣданія 4 августа.

Издавна объ этомъ засѣданіи существовали весьма различныя мнѣнія. То называли его Вареоломеевскою ночью собственности, то величайшимъ моментомъ въ новѣйшей исторіи. Ни одного изъ этихъ мнѣній нельзя признать вполне справедливымъ. Первое нелѣпо. Постановленія 4 августа не вызвали войны противъ собственности старой аристократіи, а остановили ее; они скорѣе задержали, чѣмъ ускорили ея паденіе. Но и второе, по меньшей мѣрѣ, преувеличено, ибо собраніе сдѣлало только то, чего не могло не сдѣлать. Оно лишь придало законную форму тому, что уже цѣлыя недѣли существовало на дѣлѣ. Всѣ тягости, которыя отмѣнялись теперь закономъ, были уже уничтожены, и послѣдовавшее постановленіе скорѣе успокоило, чѣмъ увеличило волны.

Впрочемъ то, что эти событія были необходимою, не уменьшаетъ заслуги ихъ дѣятелей, ибо, какъ извѣстно, не всегда ясно сознаются потребности времени.

Собраніе вѣрно поняло свою задачу, и это дѣлаетъ ему великую честь.

Съ 3 августа оставался на очереди одинъ еще нерѣшенный докладъ ком-

миссії, который требовалъ отъ собранія слѣдующаго объявленія: «Собраніе не должно смущаться господствующею въ провинціяхъ нуждой въ ущербъ великому конституціонному дѣлу, огромная важность котораго не терпитъ никакихъ перерывовъ въ работѣ. Своевольный отказъ крестьянъ отбывать помѣщичьи повинности ничѣмъ не оправдывается, пока національное собраніе не высказало объ этомъ своего мнѣнія, и никакой предлогъ не освобождастъ отъ этихъ повинностей. Собранію больно видѣть волненія, происшедшія отъ сопротивленія, несогласнаго съ основными положеніями общественнаго права, которыя оно не перестанетъ уважать».

Національное собраніе, слѣдовательно, должно было самымъ рѣзкимъ образомъ отказаться отъ отвѣтственности не только за все, что случилось, но и за тѣ слѣдствія, которыя могли бы отсюда произойти.

Утромъ 4 августа вопросъ о человѣческихъ правахъ былъ принятъ почти единогласно. Вечеромъ того же дня взошелъ на трибуну герцогъ Ноайль и предложилъ предпослать упомянутому увѣщательному объявленію революціонному народу другое, которое частью доставляло бы, частью навѣрное обѣщало бы ему удовлетвореніе его справедливыхъ жалобъ. Онъ требовалъ объявить, что уплата податей снова возобновляется; всѣ подати, подобно всѣмъ общественнымъ повинностямъ, распределяются между всѣми равномерно; всѣ феодальныя права выкупаются по извѣстной умѣренной оцѣнкѣ; барщины, выморочное право и другія личныя обязанности прекращаются безъ вознагражденія.

Эта рѣчь была выслушана съ торжественнымъ молчаніемъ. За нею послѣдовало довольно оживленное движеніе, въ особенности въ бретонскомъ клубѣ, изъ среды котораго вскочилъ на трибуну герцогъ д'Эгильонъ. Сообразно принятымъ условіямъ, онъ внесъ поддерживающій дополнительный докладъ. Онъ подтвердилъ, что въ провинціяхъ не только необузданныя разбойничьи шайки смѣются надъ закономъ, но, по большей части, народъ составляетъ какъ бы заговоръ противъ замковъ, помѣстій, феодальныхъ правъ. Онъ замѣтилъ, что первое примѣненіе закона о человѣческихъ правахъ должно послужить ко благу страждущаго народа. Наконецъ, онъ предложилъ, для восстановленія полнѣйшей равномерности податей, уравнивать налоги не только между отдѣльными лицами, какъ хотѣлъ Ноайль, но и между всѣми корпораціями, городами, общинами, пользовавшимися свободой отъ податей или какими-нибудь преимуществами при ихъ раскладкѣ и сборѣ. Помѣщичьи же права, какъ «обременительный налогъ, вредящій земледѣлію и обращающій села въ пустыни», онъ требовалъ выкупить по умѣренной оцѣнкѣ, которую произведетъ въ каждой провинціи національное собраніе, по заявленіямъ должниковъ.

Такимъ образомъ само дворянство шло впереди всѣхъ въ отреченіи отъ правъ, которыя не могли больше держаться. Двѣ самыя большія и знатныя фамиліи, Ноайли и Эгильоны, жертвовали своими значительными

привилегіямъ. Конечно, здѣсь не обошлось безъ французскаго тщеславія; но здѣсь была также и доля французской рыцарственности.

«Съ невыразимой радостью», говорится въ официальномъ отчетѣ, былъ принятъ этотъ примѣръ самопожертвованія. Но движеніе достигло крайнихъ предѣловъ лишь въ ту минуту, когда заговорилъ сельскій депутатъ изъ Бретани и потребовалъ признанія человѣческихъ правъ и за угнетеннымъ крестьянскимъ сословіемъ. Онъ заявилъ, что національное собраніе предупредило бы пожары замковъ, еслибъ во время уничтожило содержаніе «позорныхъ пергаментовъ» феодаловъ. Онъ напомнилъ объ оскорбительномъ для человѣчества безчинствѣ помѣщиковъ, которые смѣютъ еще запрягать крестьянъ въ повозки, какъ скотину, и заставляютъ ихъ по ночамъ колотить по пруду, чтобы лягушки не нарушали сна ихъ сладострастныхъ господъ... «Повсюду слышится единодушный крикъ. Не теряйте ни минуты: день промедленія повлечетъ за собою новые пожары. Или вы хотите дать свои законы опустошенной Франціи?»

Тутъ всѣмъ овладѣваетъ энтузіазмъ, вскорѣ разрушившій всѣ преграды. Докладъ летитъ за докладомъ; возбужденіе растетъ съ каждою новою рѣчью.

Нансійскій епископъ подаетъ духовенству примѣръ пожертвованія своими феодальными правами, и лишь только другой епископъ, шартрскій, потребовалъ уничтоженія права охоты, какъ вдругъ подымается дворянство, чтобы немедленно принести жертву. Все духовенство встаетъ, чтобы выразить свое согласіе, и подымается такая буря ликованій и одобреній, что нужно было на время прервать засѣданіе.

Вслѣдъ затѣмъ снова открылось зрѣлище. Когда дворянству и духовенству уже нечѣмъ было жертвовать, явились провинціи, города и корпораціи и сложили свои привилегіи. Многіе сожалѣли, что не могутъ дать больше, а тѣ, кому нечѣмъ было жертвовать, безмолвно и изумленно смотрѣли, какъ волненіе одной ночи уничтожило все, что цѣлыя 15 лѣтъ возбуждало столько злобы и раздора; какъ оно устраняло порядокъ вещей, надъ исправленіемъ коего столь долго и столь тщетно трудились самые глубокомысленные государственные мужи.

Вотъ существенныя слѣдствія достопамятнаго засѣданія: уничтоженіе крепостнаго состоянія, помѣщичьихъ правъ, вотчиннаго суда, исключительнаго права на охоту, голубятни и разведеніе кроликовъ и т. п.; отмена десятины, равномерность налоговъ, доступъ всѣмъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, уничтоженіе торговли должностями, уничтоженіе всѣхъ городскихъ и провинціальныхъ привилегій, церковныхъ аннатовъ, скопленія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ приходовъ и синекуръ, введеніе дароваго судопроизводства, преобразование цеховъ и прекращеніе всѣхъ незаконныхъ пенсій.

Новый переломъ. Герцогъ Орлеанскій. Лафайетъ. Октябрскія событія.

Съ 4 августа до конца сентября Францію подавляетъ удушливый зной. Весь міръ чувствуетъ себя неловко и ощущаетъ въ своихъ членахъ приближеніе бури. Причины такого настроенія были различны.

Національное собраніе цѣлыя недѣли трудится надъ теоретическими разсужденіями, которыя представляли бы второстепенный интересъ, еслибы были даже плодотворнѣе, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. А правительство заявляетъ себя совершенно неспособнымъ не только противостать господствующему перелому, но даже вообще довести до конца какое-нибудь дѣло. А тутъ страшный недостатокъ въ деньгахъ. Государство стояло на краю банкротства. Прекрасный романсъ, пропѣтый Неккеромъ 5 мая національному собранію, обратился въ ничто. Суровая дѣйствительность указывала на колоссальный дефицитъ. И далѣе нельзя было затягивать, потому что первый заемъ, на который попытался Неккеръ, не удался. Теперь этотъ финансистъ явился съ чрезвычайнымъ налогомъ на доходъ, который долженъ былъ принести 400 милліоновъ. Предложеніе было весьма непопулярно; а провалилось оно въ собраніи—и банкротство несомнѣнно. Поэтому-то Мирабо съ сильною рѣчью пошелъ напроломъ за министра, котораго вообще презиралъ, и предложеніе прошло. Собраніе, болѣе озадаченное и оглушенное, чѣмъ убѣжденное, одобрило оратора.

Продолженіе законодательнаго труда выказывало то энтузіастическія мечтанія, то радикальныя поползновенія, но почти ни тѣни обдуманной послѣдовательности, зрѣлыхъ государственныхъ мыслей. Энтузіасты торжествовали при объявленіи человѣческихъ правъ, противъ котораго тщетно возставалъ Мирабо; радикалы при принятіи однопалатной системы и отсрочивающаго veto короля (9 и 11 сент.). При этомъ Мирабо развилъ въ одной изъ своихъ превосходнѣйшихъ рѣчей всю свою конституціонную систему и подробно изложилъ тотъ взглядъ на королевское veto, какъ на необходимую защиту противъ тираніи верховнаго собранія, съ которымъ мы уже познакомились раньше *).

Между тѣмъ Парижъ сталъ пропастью, которая поглощала государственныя средства Франціи. Всѣ новыя учрежденія стоили милліоновъ, которые страна должна была выплачивать городской общинѣ. Чтобы при господствующей дороговизнѣ предохранить парижскую чернь отъ голода, государство должно было заботиться о дешевомъ хлѣбѣ; чтобы доставить заработокъ праздному пролетаріату, оно должно было занимать его бесполезными работами. Тысячи людей возились въ грязи, чтобы имъ дали за это поденную плату и возможность слушать клубныя рѣчи.

*) См. стр. 106.

Какъ Парижъ переросъ національное собраніе, такъ его самого началъ переростать пролетаріатъ, отъ котораго приходилось отдѣливаться ежедневною подачкой на водку, чтобы только онъ оставался въ хорошемъ расположеніи духа. А подлѣ него мы видимъ смущенное правительство, національное собраніе, обсуждающее основныя права короля, колеблющагося между вялою нерѣшительностью и отвращеніемъ къ новому порядку; наконецъ, дворъ, до того озлобленный и коварный, что его ближайшіе родственники при вѣнскомъ дворѣ выходили изъ себя, замѣчая, какъ безразсудно ставится онъ подливать масла въ огонь.

Король, что бы тамъ ни говорили, былъ занятъ планами о томъ, какъ бы выйти изъ своего тяжелаго положенія. Онъ замышлялъ бѣжать къ восточнымъ границамъ, напр. въ Мецъ, собрать тамъ вокругъ себя остатокъ вѣрныхъ войскъ и выступить противъ мятежа съ дѣйствительною силой. По всей вѣроятности, онъ не понималъ, что въ сущности его намѣреніе было ничто иное, какъ повтореніе неудачи, постигшей его въ іюнѣ и іюлѣ.

Единственное, что совершило доселѣ законодательство непосредственно для народа, были постановленія 4 августа, и король сдѣлалъ страшную ошибку, лишь отчасти утвердивъ ихъ въ своемъ первомъ отвѣтѣ (18 сент.) и вполнѣ принявъ ихъ потомъ, уступая насилію.

Итакъ, дворъ и національное собраніе озлоблены другъ противъ друга; народъ почти выросъ изъ-подъ опеки ихъ обоихъ и слѣдуетъ за новыми вождями; провинціи въ дикомъ броженіи; въ столицѣ голодная толпа; въ государствѣ ни закона, ни порядка; въ обществѣ ни тѣни личной и имущественной безопасности, ничего положительнаго, кромѣ параграфовъ бумажной конституціи. Въ этомъ печальномъ сплетеніи обстоятельствъ, при всеобщемъ смущеніи и безпомощности, не былъ лишенъ значенія и извѣстный пиръ лейбъ-гвардіи 1 октября. Въ подобныхъ случаяхъ, всякій вздоръ можетъ имѣть великія послѣдствія, подобно тому, какъ довольно одной искры, чтобы взорвать на воздухъ пороховой погребъ.

Въ Версаль былъ введенъ новый полкъ, фландрскій, составленный исключительно изъ иностранцевъ. Лейбъ-гвардія, древній аристократическій остатокъ королевской гвардіи, встрѣтила его роскошнымъ пиромъ. Въ сущности тутъ не было ничего опаснаго. Рязгоряченные виномъ, гости начали, за полными бокалами, нападать на національное собраніе и пѣть дерзкія пѣсни. Въ хмѣлю и тутъ не было ничего страшнаго. Но придворное дворянство не могло не обратить и эту безобидную исторію въ выходку въ пользу королевской власти.

Король возвращался съ охоты безъ всякаго предчувствія о томъ, что происходило и къ какой роли онъ предназначается. Излишнее усердіе друзей должно было повредить ему и здѣсь.

Онъ согласился явиться на пиръ и пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда придворныя дамы раздавали бѣлыя кокарды, при чемъ трехцвѣтныя

исчезали. Появленіе короля довело энтузіазмъ до полного опьяненія. Офицеры торжественно привѣтствовали его и, съ обнаженными саблями, клялись ему въ вѣрности подъ звуки извѣстной пѣсни: «O Richard, mon roi!»! Король стоялъ совершенно ошеломленный, а королева, сама не вполне посвященная въ дѣло, обращалась съ ободрительными словами то къ тому, то къ другому изъ пирующихъ. Теперь все приняло совсѣмъ другой видъ. Теперь революціонная печать могла настроиться на тонъ, который уже давно былъ ей знакомъ. «Между тѣмъ, какъ Парижъ голодаетъ, заговорила она, въ Версалѣ совершаются оргіи: заговоръ противъ народа очевиденъ», и т. д. При дворѣ есть революціонный языкъ, точно также, какъ и офиціальныи: это въ порядкѣ вещей. Но тутъ важно было то, что онъ поджегъ готовую мину.

До сихъ поръ я вовсе не упоминалъ о герцогѣ Орлеанскомъ, который въ прежнихъ описаніяхъ этой эпохи выставляется главнымъ зачинщикомъ всѣхъ слѣдующихъ происшествій. Говорю лишь теперь о немъ съ намѣреніемъ ввести его значеніе въ должныя скромныя границы. Въ сужденіяхъ объ этомъ человѣкѣ мы часто встрѣчаемся съ тѣмъ мелочнымъ взглядомъ на вещи, по которому причины великихъ событій всемірной исторіи кроются въ нѣсколькихъ бочкахъ дароваго пива и вина, въ клубныхъ рѣчахъ, да въ продажныхъ женщинахъ. Герцогъ Орлеанскій, конечно, не брезгавшій всѣмъ этимъ, имѣлъ значеніе только по деньгамъ, бывшимъ въ его распоряженіи: къ политической роли онъ никогда не проявлялъ способностей. Трусливый, нерѣшительный, къ тому же развратникъ до мозга костей, истощенный безграничнымъ распутствомъ, онъ не обладалъ нисколько тѣми задатками, изъ которыхъ вырабатываются Кромвели и Цезари *).

Всякій, кто получалъ отъ него деньги, смѣялся надъ нимъ, какъ только

*) Самый полный матеріалъ для его обвиненія представляетъ сочиненіе Ducoin'a: *Etudes révolutionnaires; Philippe d'Orléans Egalité*, Paris, 1845. Самъ по себѣ ненавистный Орлеанамъ (р. 20), авторъ перебралъ всѣ отдѣльные моменты жизни герцога, разумѣется, воспользовавшись тутъ и всѣми, бросающими на него тѣнь, событіями и предположеніями, такъ что должно посоветовать осторожно употреблять эту книгу (много важныхъ возраженій въ пользу герцога представляетъ Гара. См. Tilly, р. 427—435). Онъ говоритъ сперва о безпутной четѣ, которая называла его своимъ сыномъ; затѣмъ описываетъ самого сына, его хвастовство развратомъ и открытыя сношенія съ публичными женщинами. Въ этомъ погибли всѣ его благородные порывы. «Его невиннѣйшими удовольствіями были охота, собаки, лошади, сани, кареты, трубы, шумъ. Онъ ненавидѣлъ умственные занятія; книга пугала его». Прибавимъ къ этому весьма распространенные слухи о его трусливости и весьма вѣрные факты о грязныхъ средствахъ, которыми онъ старался помочь своимъ разстроеннымъ финансамъ, именно о преобразованіи Пале-Рояля. Непопулярный и осмѣиваемый до извѣстной парламентской сцены, онъ сталъ послѣ нея политической личностью.

повертывалъ къ нему спину; работать на него никто и не думалъ. Даже на Мирабо указывали, какъ на его работника, на что тотъ отвѣчалъ: «Я и герцогъ Орлеанскій! Да этотъ малый не годился бы мнѣ и въ лакеи».

Но герцогъ забралъ себѣ въ голову устроить въ королевствѣ какое-то генералъ-лейтенантство. «Король, рассчитывалъ онъ, такъ или иначе сойдеть съ мѣста, и тогда мой часъ пришелъ: я стану опекуномъ, регентомъ или королемъ». Такъ думалъ онъ, и гдѣ только ни начиналось самое грязное волненіе, онъ уже былъ тутъ съ своею помощію. Но партіи у него не было. Если что-нибудь съ виду и намекало на партію, то это были господа съ такими же пустыми головами, какъ у него, но, конечно, съ большимъ запасомъ денегъ.

Рѣшительно видное положеніе занялъ Лафайетъ, на мгновеніе самый могущественный человѣкъ во Франціи. Онъ самъ думалъ, что останется такимъ навсегда. Но къ революціямъ болѣе, чѣмъ ко всякому другому времени, прилагается мысль о быстромъ исчезновеніи славы міра сего. Онъ стоялъ, въ полномъ цвѣтѣ своей славы и своего вліянія, во главѣ парижской національной гвардіи. Трудно сказать, 30, 50 или 80 тысячъ непосредственно подчинялись ему; но несомнѣнно, что это была единственная сила, вообще имѣвшая тогда какое-либо значеніе, между тѣмъ какъ старая армія разложилась отъ безчинства. Совершенно нелѣпо заподозривать этого человѣка въ Кромвелевскихъ замыслахъ, какъ дѣлали безразсудные придворные роялисты. Въ немъ не было ничего подобнаго. Но тѣмъ не менѣе его положеніе возлагало на него гораздо болѣе ответственности, чѣмъ онъ самъ думалъ. Онъ не былъ заговорщикомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, въ политической совѣсти коихъ уживаются рядомъ и желаніе невиннѣйшимъ образомъ играть съ заговоромъ, вызывать духъ мятежа, и твердое намѣреніе быстро подавлять его. Немножко революціи, чтобы укротить дворъ и дворянство, это казалось ему благотѣльнымъ средствомъ здоровой агитаціи. Вѣдь было же для него «возстаніе священнымъ человѣческимъ правомъ!» *).

*) Много его не напечатанныхъ писемъ отъ 1789 г. приводитъ Mortimer-Ternaux (I, 419 sq.). Они адресованы къ Латуръ-Мобуру и представляютъ Лафайета гораздо болѣе умѣреннымъ и неопаснымъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ (р. 424—426). Онъ сходится съ Мунье и раздоритъ съ Дюпономъ. Онъ пишетъ далѣе (р. 430): «Не допускайте, чтобы была устроена одна палата, или чтобы сенатъ былъ одинаковаго состава съ палатою представителей. Для сената требуется побольше постоянства, важности, отличія. Америка, послѣ десяти лѣтъ опытовъ, была вынуждена признать эту истину. Не допускайте, чтобы королевскія права были уменьшены болѣе, чѣмъ сколько намъ нужно, особенно относительно арміи и иностранной политики». По его мнѣнію, король можетъ отказывать въ утвержденіи закона въ теченіе двухъ сроковъ законодательнаго собранія, да и въ третьемъ онъ долженъ согласиться на него лишь въ томъ случаѣ, когда онъ

Собственно говоря, у него не было честолюбія, великихъ политическихъ плановъ. Онъ работалъ по мелочамъ, изо дня въ день, и былъ одинаково доступенъ всякому сильному воодушевленію. Съ той минуты, когда онъ увлекался «праздникомъ братства», до того дня, когда онъ обнималъ Лудовика-Филиппа, какъ мѣщанскаго короля, онъ былъ для людей, подобныхъ Бонапарту, тѣмъ, что послѣдній называлъ un piais. На нашемъ бѣдномъ языкѣ это значитъ «простофиля» (Einfaltspinsel).

Люди съ такимъ кипучимъ, пламеннымъ характеромъ не очень подходятъ къ строгой муштровкѣ замкнутыхъ партій, и Лафайетъ довольно часто нарушалъ связи съ партіями, къ которымъ онъ принадлежалъ. Впрочемъ, въ немъ безспорно все-таки было много крупныхъ качествъ человѣка партіи первой руки. Онъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, на что указалъ Мирабо въ своемъ отзывѣ о Робеспьерѣ: «Не смѣйтесь надъ нимъ! Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ». Это былъ фанатикъ своихъ убѣжденій. Онъ былъ въ состояніи идти по самымъ труднымъ путямъ, если дѣло шло о проведеніи его ученія. Это-то и возстановило такъ сильно Наполеона противъ него. Въ глазахъ Бонапарта глупецъ былъ тотъ, кто одинъ, вопреки милліонамъ, сопротивлялся консульству. А между тѣмъ, пророчество глупца сбылось.

Къ тому же съ именемъ Лафайета была связана слава сѣверо-американской войны. Онъ рисковалъ для отечества необъятнымъ имуществомъ. Онъ не зналъ ни расчетливости, ни скупости. Мило, привлекательно было все его существо. Онъ всегда оставался рыцаремъ, что не мѣшало ему быть и другомъ блузника, хотя, правда, не въ такой степени, чтобы сойти съ лошади и взять его подъ руку. Наконецъ, въ то время онъ блисталъ цвѣтущею юностью и силой. Онъ несомнѣнно былъ способенъ воодушевить народъ въ пользу королевской власти, еслибы былъ королемъ.

Въ 1830 году онъ былъ въ состояніи сдержать революцію, а ему было тогда 70 лѣтъ. Представимъ же себѣ молодаго Лафайета, не отягченнаго никакимъ горькимъ воспоминаніемъ, юношески пламеннаго, воодушевленнаго человѣка, въ которомъ сливались черты стараго французскаго дворянина съ чертами свободномыслящаго Француза новаго времени!

Съ герцогомъ Орлеанскимъ ему нечего было дѣлать. Онъ былъ его личнымъ врагомъ, и уже при выборѣ въ начальники національной гвардіи онъ сталъ поперекъ его плановъ. При всемъ своемъ крайнемъ недовольствѣ поведеніемъ короля и двора, онъ отнюдь не желалъ самъ коснуться

принимается двумя третями собранія безъ измѣненій. Мало того. Король и тогда можетъ еще объявить: «Конституція въ опасности», и созвать конвентъ. «Вы видите, что, не нападая на принципъ народной воли, королю можно дать нѣчто гораздо болѣе сильное. чѣмъ абсолютное veto, которымъ онъ вовсе не пользуется».

трона. Въ своихъ неясныхъ мысляхъ онъ придумалъ себѣ, вмѣсто трона, нѣчто въ родѣ наслѣдственного президентства. Опаснѣе его программы были его оптимизмъ, которымъ такъ легко и такъ часто злоупотребляли, да его самообольщеніе насчетъ послѣдствій его доброжелательныхъ предложеній.

Утромъ 5 октября на Гревской площади стекались женщины, дѣти, празднующіеся, сперва дюжинами, потомъ сотнями, тысячами. Толпа кричала противъ ростовщиковъ, съ ревомъ требовала хлѣба, направилась къ булочнымъ и, наконецъ, къ ратушѣ. Врядъ-ли когда-нибудь можно будетъ рѣшить, дѣйствительно-ли голодъ вызвалъ крикъ о хлѣбѣ, или это былъ откуда-нибудь данный сигналъ. Да это и не важно.

Другая толпа двигалась въ то же время отъ Пале-Рояля, и мы, конечно, не ошибемся, если примемъ, что здѣсь толчекъ исходилъ изъ главной квартиры герцога Орлеанскаго. Тутъ уже толковали: «Аристократы виноваты въ томъ, что мы нищенствуемъ и голодаемъ: за это ихъ слѣдуетъ проучить».

Такъ собирались скопища въ различныхъ частяхъ города,—все съ требованіемъ хлѣба.

Ядро парижскаго состоятельнаго населенія не было еще тронуто этимъ движеніемъ. Мало того. Національная гвардія, собравшаяся такъ быстро и въ такомъ большомъ числѣ, какъ только можно было ожидать, немедленно выстроилась противъ мятежнаго сброда. И Лафайетъ явился во-время на мѣсто. Здѣсь онъ совершаетъ первый поступокъ, бросающій яркій свѣтъ на его отношеніе къ дѣлу: онъ посылаетъ въ Версаль сказать министрамъ, что прозить походъ Парижанъ на Версаль и что пусть перенесутъ правительство и собраніе въ Парижъ. Такимъ образомъ, это роковое слово вышло не изъ толпы, а отъ самого Лафайета.

Бура принимала гигантскіе размѣры. Вскорѣ къ толпѣ присоединились и копейщики. И вотъ, послѣ долгаго ожиданія, Лафайетъ объявилъ, что онъ долженъ стать во главѣ движенія, чтобы не допустить его исказиться. Это могло быть и справедливо. Но наводитъ сомнѣніе то обстоятельство, что онъ уже съ утра проронилъ слово: «Походъ на Версаль!», которое теперь стало лозунгомъ массъ. Онъ именно любилъ кокетничать съ мятежомъ и выпутываться своимъ двуязычіемъ изъ затрудненій, проистекающихъ отсюда *).

Около полудня на Версаль катился потокъ изъ тысячи головъ, все возраставшій на пути, подобно лавѣ. Впереди шли женщины подъ предводительствомъ Мальяра; за ними палерояльское общество, пролетаріатъ предмѣстій и, наконецъ, національная гвардія съ Лафайетомъ. Все шествіе состояло болѣе, чѣмъ изъ ста тысячъ. Парижъ двигался на Версаль.

*) См. объ этомъ у Зибеля (I, гл. 3). О.

Національному собранію, которое именно тогда старалось вынудить у короля безусловное утверждение человѣческихъ правъ и конституціи, пришлось выдержать первый натискъ. Вотъ ужъ переполнены трибуны; вотъ масса ворвалась и въ залу совѣщаній. Прежде всего Мирабо долженъ былъ оглушить ее своимъ громовымъ голосомъ, чтобы возстановить хотя самый необходимый порядокъ. Затѣмъ среди шума зараждается мысль о депутаціи къ королю. Женщины отправляются къ королю, требуютъ у него хлѣба и свободы. Тотъ весьма дружелюбно бесѣдуетъ съ ними, и Парижанки въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ его пріема.

Поздно вечеромъ самъ Лафайетъ пришелъ во дворецъ, и всѣ его входы были заняты стражей. Всякая вспышка должна быть подавлена, и Лафайетъ неутомимъ на своемъ посту. Здѣсь его не можетъ коснуться ни малѣйшій упрекъ. Все время онъ на ногахъ, охраняя неприкосновенность національнаго собранія и дворца, защищая ихъ величества.

Въ два часа утра Лафайетъ прилежъ отдохнуть, врядъ ли съ цѣлью дать волю мятежу, какъ толковала придворная знать: въ такомъ случаѣ ему незачѣмъ было выбиваться изъ силъ, чтобы подавлять его до этой минуты.

Орлеанская партія на зарѣ подала свой сигналъ. Ея клеветы бросились во дворецъ. Здѣсь стояли лейбъ-гвардейцы съ истинно-королевскимъ приказаніемъ не употреблять оружія и все-таки защищать короля. На нихъ накинулась масса. Передніе часовые были отчасти переранены, отчасти избиты. Теперь осаждающіе взшли вверхъ по лѣстницамъ. Національная гвардія была отведена, Лафайетъ спалъ: представлялся прекрасный случай совершить преступленіе, убійство, а на это-то и рассчитывали.

Сохранилась записочка герцога отъ 6-го октября, въ которой сказано: «Простофиля еще живъ (*le marmot vit encore*). его слѣдовало бы тотчасъ же умертвить».

Шайка убійцъ преслѣдовала по пятамъ короля и королеву, которая скрылась въ своей комнатѣ. Тутъ подоспѣлъ Лафайетъ и прогналъ толпу.

Спасеніе висѣло на волоскѣ: не можетъ быть и мысли о томъ, что Лафайету хотѣлось разыграть роль спасителя, что лишь для этого онъ далъ волю шайкамъ.

Герцогъ проигралъ. «Постарайтесь видѣться съ банкиромъ, писалъ онъ 6 октября одному изъ своихъ повѣренныхъ. Пусть онъ не выдаетъ суммы: деньги не заслужены».

Теперь изъ тысячи устъ раздался крикъ: «Въ Парижъ!»—и дворъ уступилъ. Когда на площади дворца собралась толпа и потребовала короля, онъ появился на балконѣ съ національною кокардой и былъ привѣтствуемъ оглушительнымъ «*Vive le roi!*» Лафайетъ вывелъ и королеву. Онъ поцѣловалъ ея руку въ знакъ примиренія съ народомъ, и тѣ же самые, которые только-что вопили: «Долой королеву!», кричали теперь: *Vive la reine!*

Лафайетъ обнялъ затѣмъ одного изъ лейбъ-гвардейцевъ, которыхъ только-что хотѣли умертвить, и народъ снова разразился привѣтствіями.

Король уѣхалъ. Герцога же Орлеанскаго Лафайетъ велѣлъ призвать къ себѣ, какъ школьника, и приказалъ ему оставить Францію. Тотъ повиновался, и только въ конвентѣ снова вынырнулъ онъ, чтобы подать голосъ за смерть Людовика XVI.

Совѣтуя королю и собранію переѣхать въ Парижъ, Лафайетъ имѣлъ въ виду освободить правительство отъ придворныхъ вліяній и поставить его подъ свое собственное руководство. Это намѣреніе приписываетъ ему Неккеръ, конечно, не безъ основанія.

Когда послѣдовали этому совѣту, произошелъ весьма значительный переворотъ въ дѣлахъ. Вѣдь это впервые вполнѣ испробовала все свое могущество новая сила, еще дотолѣ не выступавшая рѣшительно,—парижское уличное населеніе. Королевская власть и собраніе подчинились верховной волѣ народныхъ сходовъ на дворцовой площади Версаля. То была побѣда, которую эта сила, конечно, не забыла, которую она не преминула воспользоваться. Поэтому 5 октября было днемъ, когда власть перешла отъ доселѣ всемогущаго національнаго собранія къ части парижскаго населенія, вождь которой еще никому не былъ извѣстенъ. Теперь во главѣ ея стоялъ еще Лафайетъ, но завтра могъ стать Петіонъ, послѣ завтра Дантонъ, а тамъ Робеспьеръ. Однимъ могучимъ порывомъ приблизилась страшная опасность: столица и ея массы черни, руководимыя нуловыми вождями и незримыми побужденіями, завладѣютъ участію Франціи.

Судьба, пославшая сентябрскіе дни 1792 года, терроръ 1793 и наконецъ цезаризмъ, нанесла свой первый тяжелый ударъ. Парижъ открыто и безвозвратно взошелъ на тронъ старой монархіи.

Одна часть собранія ѣхала въ Парижъ съ тяжестью на душѣ; другая совсѣмъ отчаявалась въ будущемъ. Эта послѣдняя, въ своемъ крайнемъ ожесточеніи, послѣдовала примѣру стараго дворянства. Мори и Казалесь, Мунье и Лалли-Толандалъ признали все потеряннымъ и удалились. Среднее сословіе стало переселяться, какъ нѣкогда камарилья Артуа и Полиньяковъ. Никогда не должно въ дни волненій стремиться играть роль посредствомъ исчезновенія. Это было слишкомъ рано, какъ вскорѣ должны были признаться сами бѣжавшіе. Мори и Казалесь, поэтому, вскорѣ воротились назадъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО. БОРЬБА КОНСТИТУЦИОННАГО БОЛЬШИНСТВА СЪ МОНАРХИСТАМИ И ДЕМОКРАТАМИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1789 ДО АПРѢЛЯ 1791 ГОДА.

ГЛАВА VII.

Мирабо и королевская власть въ октябрѣ и ноябрѣ 1789 года.

Никто не признавалъ яснѣе Мирабо, къ какой пропасти стремились дѣла со времени октябрскихъ событій. Онъ именно теперь и началъ заботиться. помышлять серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, о возстановленіи власти.

Вполнѣ извращенный, слѣпой духъ партій того времени, проявившійся въ цѣлой литературѣ клеветъ и доносовъ на Мирабо, обвинилъ его, между прочимъ, и въ томъ, будто онъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, подготовилъ событія 5-го и 6-го октября. Но онъ самъ горячо отрицаетъ, какъ личную обиду, всякое подозрѣніе въ тѣсныхъ политическихъ связяхъ съ герцогомъ. А слѣдствіе, наряженное потомъ надъ этимъ мнимымъ заговоромъ, окончилось въ 1790 году его полнымъ оправданіемъ. Вопросъ теперь совершенно рѣшенъ, въ особенности послѣ разоблаченій, заключающихся въ перепискѣ Мирабо съ графомъ Ла-Маркомъ, изданной Бакуромъ *).

Истинная роль и направленіе Мирабо теперь были уже совершенно противоположны всему прежнему. Онъ велъ осаду старой правительственной формы, поджигалъ мѣшкатное національное собраніе и увлекалъ его шагъ за шагомъ. Когда феодальная монархія сразу рухнула въ іюнѣ и іюлѣ,

*) Paris, 1851, 3 v. См. I, 112 и слѣд.

рѣдко кто могъ сказать съ большимъ правомъ, чѣмъ онъ, что это была его вина или заслуга. Какъ въ этомъ, такъ и въ дальнѣйшихъ случаяхъ, его программой былъ разрывъ съ феодальнымъ государствомъ и обществомъ, которыя своимъ тупоуміемъ и упрямствомъ довели королевскую власть до этой пропасти, но въ то же время и возстановленіе обновленнаго государства въ видѣ конституціонной монархіи. Это онъ довольно часто высказывалъ въ своихъ рѣчахъ, а еще чаще въ разговорахъ съ близкими людьми. Онъ былъ слишкомъ трезвымъ знатокомъ людей, слишкомъ далеко отъ увлеченія теоріей и отъ доктринерскаго педантства, чтобы воображать, будто это общество, въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ его 1789 годъ, можетъ послужить содержаніемъ для демократической республики. Его образовали жизнь и свѣтъ. Его не коснулись сотни заблужденій, владѣвшихъ лучшими изъ окружавшихъ его головъ. Его не смущала никакая неясная мечта. Онъ принималъ общество такимъ, какимъ оно было, какимъ оставила его старая Франція, ибо какихъ-нибудь два мѣсяца свободы не могли же вполне преобразовать его.

Онъ желалъ парламентской монархіи, въ которой представители націи обладали бы законодательною властью въ такихъ размѣрахъ, какихъ не давала тогда ни одна конституція въ мірѣ. но въ которой, съ другой стороны, король, сдерживаемый конституціонными рамками, былъ бы также надѣленъ сильными правами и не стѣснялся бы въ своихъ самыхъ необходимыхъ дѣйствіяхъ. Его государственнаго порядка нельзя было найти ни въ учебникѣ, ни въ любомъ сочиненіи Монтескье и Руссо. Онъ стоялъ на почвѣ потребностей Франціи и очищенной программы революціи.

Убѣжденіе, что благо Франціи заключается въ своевременномъ принятіи такого образа правленія и что этотъ оборотъ долженъ совершиться теперь или никогда, вкоренилось въ немъ въ послѣдніе дни. Никто не переселялся изъ Версаля въ Парижъ съ болѣе серьезными заботами. Онъ предчувствовалъ, что будетъ, предвидѣлъ, какъ подѣйствуютъ своимъ неуловимымъ, незамѣтнымъ вліяніемъ столица, агитація клубовъ, безсиліе собранія. Уже въ Версалѣ ему не легко было проводить свои важныя мысли, хотя тамъ его злѣйшимъ врагомъ было лишь его собственное прошлое. Каково же теперь?

Въ то время жилъ во Франціи знатный Бельгіецъ, состоявшій въ близкихъ связяхъ со дворомъ и уже давно коротко знакомый съ Мирабо, графъ Ла-Маркъ, впослѣдствіи принцъ Арембергъ. Изъ писемъ и бесѣдъ этого господина почерпаемъ мы самыя точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Мирабо ко двору, о чемъ доселѣ даже лучшіе свидѣтели не могли сообщить ничего, кромѣ слуховъ и неопредѣленныхъ намековъ. Уже въ іюнѣ Мирабо сообщаетъ Ла-Марку: «Государственный корабль подвергается страшнѣйшей бурѣ, а у руля нѣтъ никого». Немного позже въ немъ уже зарождаются, раньше чѣмъ въ комъ-либо, самыя мрачныя предчувствія объ участи ко-

роля и королевы. Теперь, въ октябрѣ, онъ высказываетъ желаніе самъ взяться за дѣла и склонить дворъ къ своей спасительной министерской программѣ.

Десять дней спустя послѣ описанныхъ происшествій, онъ написалъ докладную записку, помѣченную 13-мъ октября, для передачи королю. Этотъ документъ достаточно важенъ, чтобы сообщить его здѣсь въ главныхъ чертахъ: имъ открывается цѣлый длинный рядъ бумагъ того же содержанія.

Записка начинается описаніемъ страшныхъ опасностей, которымъ подвергло намѣренія и даже личную безопасность короля переселеніе въ Парижъ. Это—перифраза восклицанія, съ которымъ онъ обратился къ королю 3-го числа: «Ваше величество! Если вы отправитесь въ Парижъ, ваша корона потеряна». «Столичная чернь, говоритъ онъ, разъ возбужденная, непреодолима. Приближается зима: можетъ случиться недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; можетъ разразиться банкротство. Что станется въ три мѣсяца съ Парижемъ»? Затѣмъ онъ оплакиваетъ ненаходчивость министровъ и быстрое паденіе собранія. Онъ находитъ, что «собраніе далеко выбито изъ колеи своихъ собственныхъ убѣжденій злополучною неотмѣняемостью, въ которую оно облекло свои первые законы». Затѣмъ онъ указываетъ, «какъ на единственное средство спасти государство и зараждающуюся конституцію, на необходимость такого положенія короля, чтобы онъ могъ немедленно вступить въ союзъ съ своимъ народомъ». О деспотизмъ революціоннаго Парижа онъ замѣчаетъ: «Парижъ уже давно поглощаетъ всѣ доходы королевства. Парижъ—гнѣздо фискальной системы, которая такъ омерзительна провинціямъ. Парижъ создалъ государственный долгъ. Парижъ похоронилъ своимъ пагубнымъ ажіотажемъ общественный кредитъ и омрачилъ честь націи. Неужели же и національное собраніе должно имѣть въ виду только этотъ городъ и губить страну въ угоду ему?»

Тутъ Мирабо переходитъ къ средствамъ спасти короля и собраніе отъ гнета Парижанъ и освободить исполнительную и законодательную власть. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякой мысли о бѣгствѣ къ границѣ: «Удалиться въ Мецъ или въ какое-нибудь другое пограничное мѣсто значитъ объявить войну націи и отказаться отъ трона. Король, въ эту минуту единственная защита своего народа, не долженъ бѣжать передъ своимъ народомъ. Пусть онъ возьметъ его въ судьи своего поведенія и своихъ убѣжденій, но не разрываетъ однимъ ударомъ всѣхъ связей, соединяющихъ его съ нимъ, не возбуждаетъ противъ себя всевозможныхъ подозрѣній. Онъ не долженъ ставить себя въ положеніе возвратиться въ лоно своего государства не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ или съ выпрошеною у чужеземцевъ помощью. И кто можетъ разсчитать, до какой степени въ состояніи разъяриться Французская нація, когда она увидитъ, что ея король измѣнилъ ей, чтобы присоединиться къ опальнымъ и на самого себя навлечь опалу?»

Итакъ, не должно бросаться къ границѣ, къ эмигрантамъ, но точно также не должно стремиться и внутрь страны, чтобы, напримѣръ, поднять дворянство. Слѣдуетъ упорно держаться 4-го августа и быть какъ можно дальше отъ всякаго смѣшенія королевской власти съ феодализмомъ.

Въ заключеніе Мирабо развиваетъ свои собственные предложенія.

Король долженъ, принявши нѣкоторыя предосторожности для безопасности на улицѣ, оставить дворецъ среди бѣлаго дня и отправиться въ Руанъ, главный городъ Нормандіи, той провинціи, которая, съ самаго начала объявила себя за новыя государственныя идеи и своимъ чувствомъ законности представляетъ прочную опору конституціонной монархіи, — предположеніе, которое впоследствии вполнѣ оправдалось. Оттуда онъ долженъ обнародовать манифестъ, заявляя въ немъ слѣдующее. Нынѣ ограничили свободу рѣшеній короля и тѣмъ дали поводъ недовольнымъ отказывать въ повиновеніи постановленіямъ національнаго собранія. Но это можетъ повредить революціи, въ которой король принимаетъ не менѣе участія, чѣмъ самыя горячіе друзья свободы. Онъ желаетъ быть неразлучнымъ съ своимъ народомъ, что доказываетъ выборъ Руана: онъ первый изъ королей, носившихъ его имя, возвращаетъ націю ея полныя права. Изъ постановленій національнаго собранія одни онъ принимаетъ немедленно и безусловно, другія же ему желательно подвергнуть вновь свободному обсужденію націи, не нарушая ихъ временной силы. Онъ призоветъ національное собраніе къ себѣ, чтобы оно свободно продолжало свои работы; потомъ соберетъ національный конвентъ (*convention nationale*) для провѣрки, утвержденія, измѣненія и припечатанія труда перваго національнаго собранія. Всего важнѣе упроченіе государственнаго долга и устраненіе парламентовъ, равно какъ и привилегированныхъ корпорацій. Король желаетъ самъ себя ограничить, довольствоваться самымъ скромнымъ содержаніемъ: роскошь должна исчезнуть у трона и при дворѣ. «Если, заканчивая свою записку Мирабо, этотъ переворотъ произойдетъ быстро, то нація соберется вокругъ своего короля, потому что и она уже пресытилась внезапными лихорадочными волненіями. Но король, съ своей стороны, долженъ упорно уклоняться отъ всякаго плана, основной мыслию коего не были бы миръ и счастье государства, нераздѣльность монархіи и народа».

Не легко было указать такой путь королю, у котораго никогда не хватало силы ни на добро, ни на зло, и который съ 5-го и 6-го октября былъ совершенно надломленъ. Требовалось еще болѣе мужества дѣлать подобныя предложенія передъ лицомъ націи. Ну, какъ попытка не удалась? Она и не удалась. Но, конечно, стоило сдѣлать ее, потому что эта минута была наканунъ перелома въ революціи.

Не явись теперь твердаго порядка, который даровалъ бы націи новую свободу въ прочныхъ формахъ, — и слѣдовало опасаться, что исполнятся самыя мрачныя предчувствія Мирабо, какъ они дѣйствительно и исполнились

всѣмъ. Мирабо старался изо всѣхъ силъ, на словахъ и на бумагѣ, внушить королю любовь и уваженіе къ революціи. Онъ говорилъ его довѣренному: «Представьте же королю, что такое Франція теперь и чѣмъ она была прежде. Пятнадцать лѣтъ тщетно добивался онъ преобразованій, совершенныхъ націей въ одну ночь. Но революція была бы напрасна, еслибы король открыто и честно не примкнулъ къ этимъ преобразованіямъ. Есть ли veto, или нѣтъ, одна или двѣ палаты—для массъ это все равно; но имъ дороги свобода собственности, свобода труда, свобода совѣсти, равенство передъ закономъ.

Это, дѣйствительно, и были плодотворныя идеи движенія. Кто спасетъ ихъ, потому и будетъ принадлежать нація. И это случилось въ послѣдствіи съ великимъ полководцемъ, котораго воодушевленно подняли на щитъ не за его побѣды, но зато, что онъ обезпечилъ народу безсмертное достояніе 1789 года.

Мирабо стоитъ теперь на узкомъ рубежѣ. Изъ грознаго агитатора и трибуна выражается совѣтникъ гибнущей монархіи. Онъ нападалъ на престолъ, когда тотъ еще жаловалъ милостями и почестями; онъ сталъ на его сторону, когда тотъ уже не могъ ничего дать. Онъ сдѣлалъ это не ради династіи, которой ничѣмъ не былъ обязанъ, но изъ любви къ отечеству и изъ законнаго честолюбія занять мѣсто, къ которому чувствовалъ себя призваннымъ.

Двѣ важныя мѣры, принятыя подъ вліяніемъ Мирабо, приводятся въ исполненіе въ первые же дни послѣ переселенія въ Парижъ.

Возмутительное убійство одного булочника (Франсуа), котораго обвиняли за слишкомъ дурной хлѣбъ, напомнило о самомъ больномъ мѣстѣ парижскихъ порядковъ. Это не должно было продолжаться. Мирабо сговорился съ Лафайетомъ, и былъ проведенъ законъ о мятежѣ, который возлагалъ на общинный совѣтъ отвѣтственность за общественный порядокъ и спокойствіе и уполномочивалъ его, послѣ троекратнаго предостереженія, употреблять силу противъ мятежныхъ скопищъ.

Второю мѣрой было облегченіе финансовой нужды чрезвычайнымъ способомъ. Со времени доклада Талейрана (19 октября) всѣ свыклись съ мыслию, что необходимо объявить церковныя имущества достояніемъ націи. При этомъ часть ихъ громаднхъ доходовъ должна была пойти на содержаніе государствомъ церковныхъ должностей, а самыя имущества послужили бы залогомъ для государственнаго долга Франціи, который, такимъ образомъ, превратился бы въ ипотечный.

Совершись это, и, по расчету Мирабо, кредитъ снова оживился бы, ибо государственнымъ заимодавцамъ дали бы ручательство, на которое они могли положиться, и явилась бы возможность возстановить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, котораго не знала Франція уже цѣлыя десятилѣтія. Стоимость церковныхъ имуществъ (200 милліоновъ) была болѣе, чѣмъ

достаточна для покрытія государственныхъ долговъ. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ вынести эти имущества на рынокъ, не давая имъ пойти за безцѣнокъ? Напали на мысль выпустить бумажныя деньги, ассигнаты, которымъ церковныя имущества служили бы залогомъ, и представить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому учрежденію *).

При этомъ, конечно, въ финансовомъ хозяйствѣ вступали на скользкій путь. Но Мирабо предполагалъ тутъ и сильное управленіе твердой, способной руки, которой слѣдовало передать такое обоюдоострое оружіе. Онъ тѣмъ болѣе возлагалъ надеждъ на эту руку, что имѣлъ въ виду не чью иную, кромѣ своей собственной.

Планъ былъ поставленъ на очереди къ концу октября и началу ноября. Вопросъ о томъ, оставаться ли духовенству богатымъ, или погибнуть Франціи, былъ рѣшенъ въ духѣ Талейрана и Мирабо, несмотря на противныя рѣчи со стороны духовенства. Въ самомъ началѣ принципъ былъ одобренъ огромнымъ большинствомъ, и заимодавцамъ французскаго государства доставлялся, такимъ образомъ, безцѣнный залогъ.

Но истинную помощь оказало бы все это только тогда, когда во главѣ государства стояла бы твердая, хорошо направленная правительственная власть. Мирабо считалъ себя способнымъ образовать подобную власть, и, насколько простирается наше знаніе людей, которыхъ могла выставить тогда Франція, онъ, дѣйствительно, болѣе всѣхъ былъ призванъ къ этому дѣлу.

Онъ переговорилъ объ этомъ съ Лафайетомъ и другими, которыхъ нельзя было обойти. Они, казалось, не противились этому.

Прежде всего предполагалось побудить министровъ лично присутствовать въ собраніи и принимать хотя совѣщательное участіе въ преніяхъ. Въ конституціонномъ государствѣ ничего не можетъ быть естественнѣе. Съ духомъ парламентаризма совершенно несовмѣстимо постоянное противорѣчіе между министерствомъ и представителями народа. Правительство исходитъ изъ парламента, оно въ нѣкоторомъ родѣ его исполнительный комитетъ, избранный большинствомъ. Поэтому въ Англіи издавна министры были въ то же время вождями партій. Но для Французовъ того времени это было еще новостью. Они думали, что правительство и народное представительство суть противоположности, и что естественное отношеніе послѣдняго къ первому, какъ и теперь еще нерѣдко думаютъ, это—«патріотическое недовѣріе». У насъ еще многіе считаютъ особенною мудростью вообще представляться гордою защитой правительства, но при случаѣ подставлять ему ногу, чтобы доказать собственную независимость. Точно такъ было и въ описываемое время во Франціи, гдѣ два учрежденія постоянно чувствовали себя

*) Зибель, I, 4 глава. О.

въ открытой или тайной борьбѣ другъ съ другомъ: правительство радовалось каждой ошибкѣ собранія, и наоборотъ.

Это должно было послужить камнемъ преткновенія и для Мирабо.

6-го ноября онъ выступилъ съ рѣчью, которая главнымъ образомъ была посвящена бѣдственному положенію парижскаго населенія и финансовъ государства. Для обсужденія этого вопроса онъ предложилъ устроить чрезвычайныя коммиссіи, а для облегченія согласнаго дѣйствія министровъ и національнаго собранія даровать первымъ совѣщательный голосъ въ преніяхъ послѣдняго.

Теперь въ собраніи всѣ содрогнулись. «Онъ хочетъ быть министромъ», подумали противники, и они были правы: таково, дѣйствительно, было его намѣреніе. У иныхъ, можетъ быть, шевельнулось честное, цѣломудренное отвращеніе къ его репутации; но большинство все-таки испугалось его внушительныхъ дарованій. Плохое министерство было такъ удобно. И если были люди, которые видѣли въ продолженіи дефицита залогъ свободы, то были и такіе, которые опасались за значеніе національнаго собранія при сильномъ, гениальномъ министрѣ.

Дѣло было отложено. На слѣдующее утро всѣ собрались съ силами.

Лафайетъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ опасался, дѣйствуя заодно съ Мирабо, лишиться популярности, и хотя самъ не говорилъ противъ мнѣнія, которое онъ только-что отстаивалъ, но за него дѣйствовали друзья. 7-го ноября, послѣ долгихъ преній, которыя обнаружили господствующее настроеніе, депутатъ Блинъ, только этимъ и прославившійся, ошеломилъ всѣхъ своимъ предложеніемъ, чтобы въ эту сессію никто изъ членовъ національнаго собранія не вступалъ въ министерство.

Тогда Мирабо началъ свою мастерскую рѣчь.

«Я не могу допустить, чтобы виновникъ этого предложенія серьезно рѣшилъ, что собранные здѣсь избранники націи не могутъ составить хорошаго министерства; что королю, когда онъ въ затруднительныхъ случаяхъ нуждается въ совѣтѣ націи, должно быть предоставлено избирать въ совѣтодатели кого угодно, только не гражданина, облеченнаго довѣріемъ націи; что постановленіе, открывающее каждому гражданину, смотря по его достоинствамъ и талантамъ, доступъ ко всякой должности и ко всякому сану, не должно быть примѣнимо лишь къ этому собранію, созванному по волѣ народа.

«Конечно, онъ думалъ иначе. Предложеніе должно имѣть какую-нибудь тайную причину. Очевидно, оно направлено не противъ этого собранія, а противъ его отдѣльныхъ членовъ. Оно можетъ относиться только къ двоимъ: къ самому, сдѣлавшему это предложеніе, и ко мнѣ. Первый, можетъ быть, въ своей безграничной скромности и робости испугался, что на его долю можетъ выпасть величественное доказательство довѣрія со стороны королевскаго величества и желалъ открыть себѣ выходъ, предложивъ исключеніе всѣхъ.

«Чтобы предупредить великую несправедливость, которая, такимъ образомъ, будетъ нанесена этому собранію, я предлагаю такую прибавку: примѣнить требуемое исключеніе къ одному графу Мирабо, депутату отъ Э».

Но и это не помогло. Предложеніе депутата Блина было принято, и это постановленіе убило возможность парламентской монархіи. Что послѣ этого было еще возможно, должно было показать ближайшее будущее.

Государственное устройство 1789—1790 годовъ.

Слѣдующія затѣмъ работы національнаго собранія съ ноября 1789 до сентября 1790 года представляютъ связанное цѣлое. И, какъ бы строго мы ни судили его слабости и недостатки, это цѣлое имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Что было создано въ эти мѣсяцы, то надолго сохранило за собою рѣшительное вліяніе, не потому, чтобы Франція созрѣла для осуществленія конституціоннаго идеала, но потому, что она собрала въ этой Великой Хартіи новаго государственнаго устройства умственный трудъ вѣка на политическомъ поприщѣ. Въ частностяхъ можно и должно было производить измѣненія и огаивченія, что, дѣйствительно, и случилось не разъ, именно въ пользу монархической власти; но общее содержаніе было таково, что должно было служить программой для всякой подобной конституціи. Переберите всѣ конституціи, дарованныя въ Испаніи, Германіи, Бельгіи, Голландіи, даже въ Южной и Центральной Америкѣ: вездѣ въ основѣ лежатъ общій канонъ, и онъ выработанъ конституціей 1789—1790 годовъ. Да, рѣшенія учредительнаго собранія обошли весь свѣтъ.

Самыя важныя изъ нихъ касались гражданскихъ и избирательныхъ правъ, организаціи народнаго представительства, раздѣленія государственной области, устройства общинъ и судовъ, отношенія церкви къ государству.

Въ преніяхъ объ этихъ предметахъ заключается все, что вообще здѣсь можетъ быть спорнаго. И, съ какой стороны ни посмотрѣть на вытекшія отсюда рѣшенія, нельзя отрицать, что самыя совѣщанія служатъ неисчерпаемымъ источникомъ самыхъ многостороннихъ точекъ зрѣнія и сужденій. Здѣсь обнаружилось все богатство политическихъ и юридическихъ свѣдѣній и талантовъ, заключавшееся въ собраніи.

Гражданскія и избирательныя права.

Прежде всего, какъ главное основное положеніе, было постановлено, что первое примѣненіе дѣйствительнаго гражданского права, именно права подавать голосъ и выбирать въ первоначальныхъ собраніяхъ (*assemblées primaires*), должно принадлежать каждому Французу, который достигъ 25-

лѣтнаго возраста, не находится въ услуженіи, не обанкротился, не менѣе года живетъ въ своемъ округѣ и платитъ прямой налогъ, равный трехдневной заработной платѣ.

Такимъ образомъ, опредѣленія о гражданскихъ правахъ тотчасъ же начались съ различія между дѣйствительными (активными) и страдательными (пассивными) гражданами, которыхъ раздѣляли доходы и имущество. Правда, эту границу можно было легко переступить, увеличивъ немного свои заработки; но все-таки она выражала неравенство, а между тѣмъ человѣческія права выставляли всеобщее равенство.

Это было очевидное противорѣчіе, которое не ускользнуло отъ радикаловъ. Обнаружились слѣдствія, которыя совершенно упустили изъ виду благонамѣренные фанатики человѣческихъ правъ, тогда какъ лѣвая сторона, ревностно поддерживавшая ихъ въ августѣ, уже тогда очень хорошо знала, къ чему она стремилась.

Гораздо серьезнѣе, чѣмъ на слова аббата Грегуара, требовавшего избирательнаго права для каждаго «хорошаго гражданина, имѣющаго здравый смыслъ и французское сердце», слѣдуетъ смотрѣть на рядъ умозаключеній, приведенныхъ уже 22 октября Робеспьеромъ. Вотъ онъ. «Конституція опредѣляетъ, что верховная власть пребываетъ въ народѣ (онъ говоритъ *peuple*, а не *nation*), во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ народа (*dans tous les individus du peuple*). Слѣдовательно, каждая личность имѣетъ право принимать участіе въ обязательномъ для нея законѣ и въ управленіи общественными дѣлами, которыя суть ея дѣла. Въ противномъ случаѣ, не правда, что всѣ люди равноправны, что каждый человѣкъъ гражданинъ».

Эти возраженія провалились, вслѣдствіе рѣшенія большинства. Но логическій выводъ, вытекающій изъ «объявленія человѣческихъ правъ», не былъ этимъ опровергнутъ.

Избиратели первоначальныхъ собраній выбираютъ выборщиковъ департаментскихъ собраній, а право быть избраннымъ въ это собраніе обусловливается налогомъ, равнымъ 10-тидневной *) заработной платѣ. Этотъ цензъ былъ призракомъ. На дѣлѣ само собою разумѣлось, что первоначальные избиратели будутъ выбирать въ департаментскія собранія только людей состоятельныхъ.

Департаментскіе выборщики, которыхъ приходилось по одному на 100—130 дѣйствительныхъ гражданъ, избирали депутатовъ въ національное собраніе. Чтобы быть депутатомъ, необходимо было платить налогъ въ размѣрѣ серебряной марки и владѣть какою-нибудь поземельною собственностью.

*) Тутъ память измѣнила профессору, а Онкенъ не исправилъ его ошибки: требовался налогъ, равный шестидневной заработной платѣ. Ред.

Кромѣ этого, постепенно возвышающагося, ценза, всѣ остальные различія были уничтожены. Прежде всего былъ выставленъ великій принципъ, котораго, кажется, нельзя было здѣсь ожидать,—равенство вѣроисповѣданій. Теперь уже не существовало различія между католиками и протестантами. Даже Евреямъ было обѣщано и черезъ годъ, дѣйствительно, даровано равное съ другими гражданами положеніе.

Раздѣленіе государственной области. Общины.

Старая Франція была странно сгруппирована. Были провинціи съ историческими правами и древними конституціями, которыя гордо выставляли, порой даже противъ короля, свои «капитуляціи» и еле понимали говоръ своихъ сосѣдей. Подлѣ этого историческаго раздѣленія шло пестрое государственное: губерніи, генеральства, округа, *baillages*, *sénéchaussées*, и т. д. Все это взаимно перекрещивалось самымъ произвольнымъ и безтолковымъ образомъ и составляло чудовищный хаосъ самыхъ разнохарактерныхъ управленій.

Національное собраніе было на волосъ отъ искушенія вырвать все это съ корнемъ и насильственнымъ переворотомъ очистить поле дѣйствія. Не спрашивая о томъ, что изъ завѣщаннаго достойно сохраненія, что нѣтъ, оно готово было прямо сказать: «все старое должно погибнуть; нѣчто совершенно новое должно возникнуть».

Мирабо въ высшей степени глубокомысленно возражалъ противъ стремленій къ безусловному сглаживанью. Вотъ его слова:

«Я предпочелъ бы математическому, такъ сказать, идеальному дѣленію реальное, сообразное съ матеріальными потребностями, съ особенностями мѣстностей и съ обстоятельствами. Это дѣленіе имѣло бы въ виду не только создать представительство, соотвѣтственное численности населенія, но также сблизить правительство съ подданными и съ условіями страны и въ болѣе значительной степени вызвать соревнованіе съ нимъ гражданъ. Словомъ, оно тотчасъ же подняло бы уровень просвѣщенія и трудолюбія, т. е. истинной силы и истиннаго могущества *). Цѣль общества не въ томъ, чтобы правленіе было легко, но въ томъ, чтобы оно было справедливо и просвѣщенно...

«Я очень хорошо знаю, что (идя по другому, не по моему пути) не раздробятъ домовъ и деревушекъ; но зато разъединятъ еще менѣе разъединимое, порвутъ всѣ связи, которыя такъ давно коренятся въ нравахъ, привыч-

*) ... de rapprocher l'administration des hommes et des choses et d'y admettre un plus grand concours des citoyens; ce qui augmenterait sur le champ les lumières et les soins, c'est à dire la véritable force et la véritable puissance.

кахъ, обычаяхъ, въ общности труда и языка. Я понимаю только одно дѣленіе, — дѣленіе не королевства, но провинцій. А при введеніи такого дѣленія приходится дѣйствовать не на гладкой поверхности, ибо природа не одинаково создала все населеніе, которое, въ свою очередь, порождаетъ національное богатство».

Собраніе порѣшило иначе. Оно раздѣлило страну не по различію или сходству исконныхъ условій жизни, какъ хотѣлъ Мирабо, а чисто внѣшнимъ образомъ, по сѣти географическихъ границъ: рѣкъ, возвышенностей, горныхъ хребтовъ, долинъ, болотистыхъ и песчаныхъ мѣстностей. И вотъ получились 83 департамента, которые разрушили повсюду древніе историческіе округа и перерѣзали всѣ жилы провинціальной жизни.

83 департамента распались на 574 округа, 4760 кантоновъ и 44,000 муниципалитетовъ (общинъ).

Этимъ раздѣленіемъ все-таки достигли, можетъ-быть, большаго, чѣмъ желали. Въ самостоятельной жизни каждой провинціи стараго строя было много темныхъ сторонъ; въ особенности внутреннія таможи и отдѣльные суды были несовмѣстимы ни съ какою формой дѣйствительнаго государственнаго единства. Но когда уничтожили эти наросты, провинціальный духъ сохранялъ еще много здоровыхъ свойствъ, которыя не заслуживали подобной участи. Свобода французскаго народа, можетъ-быть, вовсе не выиграла отъ того, что провинціи были совершенно лишены самобытной жизни, что все ихъ существованіе сдѣлалось лишь отраженіемъ столицы, что всякое своеобразное политическое и умственное образованіе въ странѣ было подавлено, и все было поглощено неизмѣримымъ парижскимъ однообразіемъ.

Въ нашемъ отечествѣ съ трудомъ можно представить себѣ подобную форму государственнаго единства и, конечно, она въ очень многихъ отношеніяхъ противорѣчила бы духу нашего народа. Но и Франціи, можетъ-быть, приходилось сожалѣть о томъ, что отъ ея провинціального духа осталось слишкомъ мало, что области обратились въ одни географическія понятія, что сокрушилось самобытное существованіе корпорацій.

Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что во Франціи дѣйствительная государственная свобода немыслима до тѣхъ поръ, пока отъ централизаціи не сдѣлаютъ значительнаго шага назадъ, къ децентрализаціи; пока не дадутъ провинціямъ больше жизни и самостоятельности, чѣмъ сколько имъ было предоставлено съ 1789 года. Иначе парижскіе клубы или парижскіе гарнизоны всегда будутъ предписывать законы Франціи. Это была одна изъ причинъ, почему Мирабо не одобрилъ принципа новаго раздѣленія. Съ удивительнымъ ясновидѣніемъ указывалъ онъ на опасности этого нововведенія, хотя онъ и не былъ другомъ стараго. Но съ этимъ отдѣломъ конституціи случилось то же, что и со многими другими. Страхъ передъ одною крайностью, которой желали избѣжать, зная ея вредъ, заставилъ впасть въ противоположную крайность, вреда которой не понимали. Своимъ виновникамъ

это произведение могло казаться образцовымъ, потому что оно шло впередъ съ безукоризненной вѣрностью, именно такъ, какъ они желали. Но, можетъ быть, слѣдуетъ сожалѣть, что они такъ желали.

Итакъ, департаментскіе выборщики избираютъ депутатовъ. Одна большая избирательная коллегія назначаетъ всѣхъ представителей департаментовъ въ національное собраніе. Число ихъ сообразуется съ величиной области, съ численностью населенія и съ суммой податей. Общее число депутатовъ должно простираться до 745 человекъ.

Тѣ же выборщики избираютъ 36 чиновниковъ, которые, вмѣстѣ съ исполнительнымъ комитетомъ, должны управлять департаментомъ, въ качествѣ совѣщательной коллегіи, и, далѣе, 12 окружныхъ чиновниковъ, которые точно также завѣдываютъ округомъ. Въ общинахъ старшины, меры, просигеур, просигеур syndique и т. д. избираются дѣйствительными гражданами на два года.

Парижъ получаетъ особенное устройство. Онъ раздѣляется на 48 частей (sections) съ 16 администраторами, снабжается муниципальнымъ совѣтомъ изъ 32 и генеральнымъ совѣтомъ изъ 96 членовъ; а во главѣ всего ставится меръ. Послѣдній занималъ чрезвычайно высокое положеніе и могъ стать могущественнѣе самого короля Франціи. Впослѣдствіи совершенно отступили отъ этого и раздѣлили Парижъ на нѣсколько мерствъ.

Такимъ образомъ, вся Франція распалась на безконечное множество избирательныхъ округовъ, которые составляли какъ бы маленькія самостоятельныя республики; а во главѣ стоялъ монархъ, который не избирался и не имѣлъ никакого вліянія на назначеніе низшихъ органовъ правленія. На долю монархіи выпало слишкомъ мало. Она сама явилась во главѣ государства выборныхъ чиновниковъ, какъ какое-то противорѣчіе или роскошь. Монархія, при такомъ количествѣ демократіи, была отчасти излишняя, отчасти опасна.

Но избирали ужъ слишкомъ много. Не должно забывать, что и самого лучшаго можетъ быть слишкомъ много. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ нами народъ, который былъ лишенъ доселѣ самыхъ ничтожныхъ правъ въ управленіи собственными дѣлами, а теперь вдругъ былъ втянутъ въ безпрестанные выборы. Вѣчно занятый выборомъ своихъ представителей, онъ вскорѣ могъ получить отвращеніе къ нему. Въ такомъ случаѣ было бы достаточно ничтожнаго, но бодрого меньшинства, чтобы среди усталаго народа посвоему направлять выборы, которые выражали бы настроеніе лишь маленькой партіи. А можетъ-быть затѣмъ пришло бы время, когда нація вообще пресытилась бы этимъ пустымъ зрѣлищемъ и стала бы жаждать сильнаго правительства. Эту жажду возбудило правленіе якобинцевъ, а утолило ее консульство. Такимъ образомъ, изъ этого свободнѣйшаго общиннаго устройства вытекла Бонапартовская система префектуръ, самый деспотическій порядокъ въ мірѣ.

Всѣ были утомлены и загнаны; всѣ были рады какой-нибудь правящей силѣ. Вѣдь уже опытъ доказалъ, что коснись только серьезно его гражданскихъ обязанностей, и «мирный гражданинъ» спокойно удаляется отъ всего, предоставляя дѣла или самимъ себѣ, или, скорѣе, тѣмъ, кто стоитъ ближе къ нимъ. Онъ охотно пользуется правами, но не охотно исполняетъ обязанности. И вотъ, награда достается тому, кто дѣйствуетъ, когда другіе спятъ.

Итакъ, все упомянутое было мертвою буквой по отношенію къ тогдашнему устройству Франціи. Но относительно всей великой организаціи будущаго это были труды первой важности, это были подготовительныя работы для полнаго обсужденія всѣхъ главныхъ вопросовъ. Весьма часто справедливость на сторонѣ меньшинства. Она легко можетъ быть отвергнута большинствомъ; но не такъ-то легко оставить ее безъ вниманія.

Судоустройство.

Старые французскіе суды, какъ мы уже видѣли, представляли такой же дикій хаосъ, какъ и общественное управленіе. Оттого-то и здѣсь собраніе руководилось мыслию произвести самыя коренныя преобразованія и съ неутомимою послѣдовательностью вывести все изъ одного начала. Послѣ устраненія простымъ декретомъ парламентовъ, слѣдовало прежде всего создать единую систему судовъ, съ простыми, ясными ступенями и съ правильнымъ разграниченіемъ ихъ вѣдомствъ. Затѣмъ нужно было учредить для техническихъ вопросовъ суды изъ специалистовъ (напримѣръ, торговые), а для мелкихъ дѣлъ простой, независимый, дешовый судъ изъ мировыхъ судей въ каждомъ кантонѣ. Надъ ними требовалось поставить рядъ высшихъ судовъ, вплоть до кассационнаго, который долженъ слѣдить за соблюденіемъ формальностей въ приговорахъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ были введены присяжные для рѣшенія вопроса о фактѣ преступленія. Многіе ораторы требовали присяжныхъ и для гражданскихъ дѣлъ. Шарль Ламетъ полагалъ, что и въ гражданскомъ процессѣ нельзя добиться справедливости безъ присяжныхъ. Это все равно, какъ еслибы сказали народу: «Мы охотно дадимъ тебѣ право защищать твою жизнь, но твое имущество такая вещь, что города не намѣрены предоставлять ее сельскому населенію». Робеспьеръ замѣтилъ, что различіе между вопросами о фактѣ и о правѣ здѣсь такъ же умѣстно, какъ и въ уголовныхъ процессахъ: «Факты, говорилъ онъ, всегда останутся фактами. При каждой продажѣ ставится вопросъ о фактѣ: состоялась ли продажа?»

Лишь незначительное большинство отклонило распространеніе суда присяжныхъ на гражданскія дѣла.

Почти вся нынѣшняя система судовъ съ присяжными покоится на основахъ законодательства этого времени. Съ юридической точки зрѣнія можно еще сомнѣваться въ вѣрности такого способа приговора. Но дѣло въ томъ, что это болѣе политическій, чѣмъ юридическій вопросъ. Во-первыхъ, судъ присяжныхъ популяренъ, пользуется въ народѣ наибольшимъ довѣріемъ. Во-вторыхъ, въ природѣ вещей, чтобы народъ, которому предоставлены всѣ гражданскія права, не былъ лишенъ и самого высшаго изъ нихъ, права на жизнь и смерть гражданина.

Въ вопросѣ о судахъ національное собраніе выказалось во всемъ своемъ блескѣ. Здѣсь всего яснѣе выступила его техническая подготовка. Здѣсь заседали извѣстнѣйшіе судьи, знаменитѣйшіе адвокаты, важнѣйшіе правовѣды Франціи. Творцы славнѣйшаго *Code civil* по большей части принадлежали къ этому собранію, а въ ихъ трудѣ доселѣ измѣнены лишь частности.

Отношеніе государства къ церкви.

Для рѣшенія церковнаго вопроса было чрезвычайно важно, что громадное большинство націи принадлежало къ одной церкви. Уже не очень многочисленные протестанты, терпимые до 1789 г. лишь по милости короля (нантскій эдиктъ все еще не былъ возстановленъ), получили полное равенство правъ, т. е. больше, чѣмъ давалъ имъ нантскій эдиктъ. Евреи пользовались такимъ же положеніемъ. За исключеніемъ этихъ частичекъ, все остальное французское населеніе, милліоны, принадлежали къ католической церкви. Оттого-то опредѣленіе отношеній государства къ церкви было здѣсь гораздо легче, чѣмъ гдѣ-либо, хотя тутъ именно и заключается тотъ пунктъ, надъ которымъ собраніе всего больше ломало голову и потерпѣло очевиднѣйшую неудачу. Правда, подобные вопросы вообще нелегки даже и въ наше время. Но все-таки тогда обошлись съ ними не такъ, какъ слѣдуетъ государственнымъ мужамъ.

Я не изъ тѣхъ, что думаютъ, будто въ вопросахъ государственнаго права и государственнаго устройства каноническое право есть высшій авторитетъ. Но я и не поклонникъ *Constitution civile du clergé* 1790 года, по которому государство хотѣло вмѣшиваться во всѣ духовныя дѣла и бюрократически заправлять ими. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ вліяніемъ крайностей стараго порядка на основателей новаго. Здѣсь взяли верхъ негодованіе на безграничное всемогущество римской церкви, да янсенистская и вольтеріанская злоба на чрезмѣрные притязанія куріи. Оттого-то здѣсь зашли дальше, чѣмъ вообще слѣдуетъ въ конституціонномъ государствѣ.

Главнѣйшіе пункты новаго церковнаго устройства были слѣдующіе:

1) Каждый департаментъ составляетъ епархію (*diocèse*). Всѣ остальные епархіи уничтожаются. Вся епархіальная система издавна была подъ вѣ-

дѣніемъ куріи. Теперь столь же односторонне ударились въ другую крайность и узаконили полную революцію.

2) Каждому духовному лицу воспрещается признавать власть епископа или митрополита, мѣстопробываніе коего находится внѣ французской страны и Французскаго государства.

3) Въ каждой епархіи находится только одна семинарія для образованія духовенства, состоящая въ исключительномъ завѣдываніи государства.

4) Всѣ титулы, должности, саны и церковные доходы, прямо не поименованные въ этой конституціи, теряютъ свое значеніе.

5) Со дня обнародованія этого постановленія приходскія мѣста и епископскія кафедръ будутъ заниматься только по выборамъ дѣйствительныхъ гражданъ простымъ большинствомъ голосовъ.

6) Утвержденный въ своемъ санѣ епископъ не долженъ давать никакой иной присяги, кромѣ той, что онъ исповѣдуетъ католическую и апостольскую религію.

Это противорѣчило всѣмъ другимъ присягамъ, доселѣ обычнымъ у духовенства, и потому смущало его совѣсть.

7) Новый епископъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ обращаться къ папѣ за утвержденіемъ. Слѣдуетъ только просто сообщить папѣ объ этомъ, въ знакъ единства вѣры и церкви.

Государственная власть выступила здѣсь изъ своихъ границъ, что могло быть весьма опаснымъ для нея. Что если французскій народъ настроенъ католически и церковно гораздо болѣе, чѣмъ рассчитывали члены національнаго собранія?

Какъ ни были распространены янсенизмъ и вольтеріанизмъ, массы все-таки придерживались вѣры отцевъ. Здѣсь коренилась сила церкви, и касаться ея было крайне опаснымъ предпріятіемъ. Если свобода должна имѣть значеніе, то именно здѣсь, въ драгоцѣнной области совѣсти.

Ни одно изъ постановленій собранія не встрѣтило такого сопротивленія, какъ это, и не отъ подстрекательствъ духовенства, которыя, разумѣется, не замедлили появиться, а потому, что были глубоко оскорблены извѣстныя чувства, которыхъ не затронетъ ни одно благоразумное законодательство. Собраніе зашло слишкомъ далеко. Оно установило даже присягу конституціи, вызвавшую безконечный рядъ сопротивленій, за которыя духовенство подверглось преслѣдованіямъ. Плодомъ этого была междуусобная война. Безъ распадѣнія священниковъ на присяжныхъ и неприсяжныхъ, безъ раскола въ католическомъ населеніи, западъ и югъ Франціи не взволновались бы до такой степени, какъ это случилось. Именно въ Вандеѣ не возникло бы междуусобной войны. Такъ мстило за себя уклоненіе отъ начала свободы.

Нѣтъ нужды распространяться вообще о значеніи этихъ трудовъ національнаго собранія. Довольно сказать, что въ нихъ, можетъ быть, коренилась будущность цѣлой части Свѣта.

Жаль только, что въ самой-то Франціи было дано мало времени, чтобы эти зародыши пустили корни.

Повсюду основы государственнаго порядка были слишкомъ подорваны прежде и расшатаны теперь, чтобы питать надежду, будто для возстановленія государства достаточно клочка бумаги, на которомъ написана, пожалуй, и драгоценная конституція. Такъ неся корабль по волѣ бури въ неизвѣстную даль. А его экипажъ мирно работалъ надъ начертаніемъ конституціи, достоинства коей нельзя отрицать, но которой все-таки врядъ ли было достаточно, чтобы ввести этотъ корабль въ пристань.

Клубы и печать. Вопросъ о войнѣ.

Ни въ чемъ не проявилось такъ поразительно роковое значеніе переѣзда правительства и собранія въ Парижъ, какъ въ поведеніи клубовъ и печати *). Ихъ вліяніе такъ разраслось, что они могли даже препятствовать упроченію власти болѣе замкнутой и энергичной партіи, чѣмъ большинство національнаго собранія.

Въ сущности свобода печати появилась уже на первой недѣлѣ мая 1789 г. Неудачная попытка подавить мысль Мирабо о государственныхъ чинахъ была послѣднимъ вздохомъ старой цензуры. Но въ описываемое время не

*) Вотъ замѣтка Гейссера въ его выпискахъ изъ Монитера: «Насколько измѣнилось положеніе дѣлъ въ началѣ 1790 года, видно уже изъ бѣглого взгляда на Монитеръ. Большую часть этой газеты наполняютъ теперь отчеты о засѣданіяхъ *municipalité, comité de police, chatelet, comité de recherches*. вмѣстѣ съ тѣмъ толкамъ въ клубахъ, напримѣръ, въ кордельерскомъ и якобинскомъ, придано больше значенія, чѣмъ національному собранію. Парижъ все болѣе и болѣе становится средоточіемъ и рычагомъ всего движенія. А Монитеръ еще довольно умѣренная газета. Въ немъ (№ 23) весьма мѣтко сказано объ «*Ami du peuple*»: «Кто бы могъ подумать, что «*Ami du peuple*» распространенъ въ лучшемъ обществѣ; что его авторъ признанный боецъ извѣстныхъ аристократовъ, употребляющихъ его съ тѣмъ, чтобы онъ себѣ повсюду волненія, возмущая своего друга, народъ, противъ всякаго рода администраціи»? Къ началу этого года относятся и выходки нѣмецкихъ князей, пострадавшихъ отъ 4 августа. Въ № 53 Монитера есть статья въ отдѣлѣ «*Allemagne*», съ весьма замѣчательнымъ заключеніемъ. Вотъ что было сказано тутъ по поводу помощи, которую просилъ у Нѣмецкой имперіи архіепископъ страсбургскій, въ качествѣ ея члена: «Ему не откажутъ въ этой помощи. Даже можетъ случиться, какъ говорятъ вездѣ си громко, что его требованіе, вмѣстѣ съ жалобами другихъ имперскихъ чиновъ, имѣющихъ владѣнія въ Эльзасѣ, приведетъ къ соединенію этой страны съ Германіей, отъ которой она была оторвана честолюбіемъ си къ которой должна теперь снова принадлежать по принципамъ международнаго права».

было уже, съ другой стороны, и законнаго порядка въ дѣлахъ печати. Ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ оспаривать, что въ свободномъ государствѣ должна быть и свободная печать; но никто также не станетъ отрицать, что этой свободѣ, какъ и всякой другой, должны быть положены свои границы. Въ національномъ собраніи никто не сомнѣвался, что воровство, разбой должны быть караемы, какъ преступленія, несмотря на человѣческія права. Но никто не спрашивалъ: не бываетъ ли преступленій и въ печати? Слѣдуетъ ли оставлять безъ наказанія самую явную, позорную клевету, самый наглый призывъ къ убійству, мятежу и насилію? При такой неурядицѣ въ печати возникаетъ тотъ грязный родъ литературы, который обдуманно возбуждаетъ низкія страсти грубѣйшей черни, постоянною подозрительностью и безстыдною клеветой запугиваетъ высшихъ и доноситъ низшимъ. Объ опасностяхъ подобной распущенности часто думаютъ слишкомъ снисходительно. Воображаютъ, будто на человѣка съ самостоятельнымъ умомъ голая ложь и злоба не имѣютъ вліянія. Но при этомъ забываютъ, что въ подобныя времена не разсудительный человѣкъ рѣшаетъ все, а тотъ, кто управляетъ страстями; что тутъ въ массахъ возникаетъ неизмѣримое уваженіе ко всему печатному, вовсе неизвѣстное имъ въ дни мира.

Оттого-то люди, въ родѣ Марата, производили впечатлѣніе и приобрѣли вліяніе, хотя только и дѣлали, что неумоимо клеветали да втоптывали все въ грязь. Газетка Марата «*Ami du peuple*» имѣла самое видное значеніе. Она ежедневно наполнялась самыми преступными подстрекательствами, вмѣсто свѣдѣній клеветами, вмѣсто сужденій плевыми. Она вызывала такія страсти, какъ ненависть, месть, кровожадность. Вотъ ея политика. Такою-то ежедневною пищей были вскормлены шайки 1793 года. Въ этой-то школѣ образовались головорѣзы временъ гильотины.

Приведемъ два-три мѣста изъ этой газетки. Въ одной изъ передовыхъ статей за іюль 1790 г. (№ 198) говорится: «Поставьте въ Тюльерійскомъ саду 800 висѣлицъ: пусть на нихъ болтаются всѣ измѣнники отечества, съ проклятымъ Рикетти во главѣ. Тутъ же рядомъ разложите большой костеръ, чтобы изжарить на немъ министровъ съ ихъ сообщниками». Образованный человѣкъ скажетъ, пожалуй, при этомъ: «слишкомъ грубы выраженія. Они сами произносятъ себѣ приговоръ и производятъ поэтому обратное дѣйствіе». Но онъ забываетъ о звѣрской сторонѣ въ людяхъ; онъ забываетъ, на что она способна въ подобныя времена.

Въ другомъ № сказано: «Назначьте военнаго трибуна; вооружите его лишь на три дня государственною властью; подчинитесь ему съ тѣмъ, чтобы онъ отрубилъ преступныя головы у всѣхъ, кто, вотъ уже 15 мѣсяцевъ, въ заговорѣ противъ васъ. Прежде всего однако бѣгите въ С.-Клу; приведите короля съ дофиномъ въ свои стѣны; арестуйте Австріячку; возьмите въ плѣнъ ея зятя, мера, генерала, и закупите въ кандалы министровъ», и т. д.

Уже по заглавію цѣлаго ряда передовыхъ статей можно судить о духѣ газетки. Тамъ надъ статьями встрѣчается: Настоятельная потребность всеобщаго мятежа. Необходимость всеобщаго возстанія. Набатъ. Неизбѣжная междуусобная война, предсказанная сто разъ въ продолженіе 15 мѣсяцевъ «Другомъ народа.»

Все это безпрерывно проповѣдывалось 365 дней въ году. Наконецъ, чернь стала думать: «А, вѣдь, что-нибудь да такъ», въ особенности, когда ей доказывали, что въ ея голодѣ виноваты измѣнники. Наконецъ, она стала считать Марата непризнаннымъ величіемъ. Зло теперь уже такъ сильно расплодилось, что ограничить его можно было только цѣной свободы.

То же самое было и съ клубами.

Въ маѣ 1789 г. тамъ и сямъ уже возникала мысль устроить политическій клубъ. «Клубъ, сказалъ Мирабо, это—мѣсто, гдѣ одинъ значить то же, что сотня». Назначеніемъ тогдашнихъ клубовъ, какъ и всегда, было собирать подъ одно знамя единомышленниковъ, еще незнакомыхъ другъ съ другомъ. Образование подобныхъ обществъ всегда бываетъ неизбѣжною необходимостью. Но не слѣдуетъ допускать ихъ перевѣса надъ парламентомъ: это уже извращеніе дѣла. Вполнѣ естественно, что въ собраніи 1200 чловѣкъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 800 всегда находились налицо, приверженцы одинаковыхъ или сходныхъ мнѣній сходились для правильныхъ совѣщаній и уговоровъ. Именно бретонскіе депутаты подали тутъ первый примѣръ. Къ нимъ въ началѣ приходили люди всѣхъ оттѣнковъ. Почти всѣ отдѣлы партій, отъ Бальи и Мунье до Барнава и Петіона, собирались въ бретонскомъ клубѣ. Такъ было, пока національное собраніе оставалось въ Версалѣ. Дѣло пошло иначе, когда клубъ переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Парижъ. Этотъ кружокъ еще не позднѣйшій якобинскій клубъ. Онъ проходилъ среднюю ступень конституціоннаго направленія, хотя и былъ уже на пути къ той цѣли.

Кружокъ, подобно національному собранію, началъ засѣданія со всѣми внѣшними принадлежностями парламентаризма, съ предсѣдательствомъ, бюро, протоколами, длинными совѣщаніями, буйными слушателями, подачею голосовъ и постановленіями. Вскорѣ дѣятельность парижскаго населенія и рѣшительное вліяніе на него сосредоточились въ Якобинскомъ монастырѣ, гдѣ происходили клубныя засѣданія въ парламентской формѣ. Наконецъ, кружокъ начинаетъ превращаться въ нѣчто, вовсе несвойственное политическимъ клубамъ. Онъ уже не разговорная зала, гдѣ уясняются вопросы дня, распространяется вѣрный взглядъ на извѣстныя политическія дѣла, но средоточіе цѣлой сѣти побочныхъ обществъ по всей Франціи, которыя, получая сигналы изъ парижской первоначальной ложи, передавали ихъ дальше. Изъ него выходили приказы насчетъ бурныхъ адресовъ, мятежей и всякихъ шумныхъ заявленій. Изъ противопарламента онъ сдѣлался, наконецъ, противоправительствомъ.

Не національное собраніе, но сила внѣ его и противная ему породила ту власть, которой, казалось, принадлежало ближайшее будущее. Какъ въ дѣлахъ печати перешли изъ самаго недостойнаго стѣсненія къ самой неограниченной распушенности, такъ и въ кружкахъ, доселѣ вовсе неизвѣстныхъ во Франціи, тотчасъ же ударились въ неурядицу. Уже поэтому съ каждымъ днемъ становилось все сомнительнѣе, удастся ли еще во Франціи провести ту статью новой конституціи, которая ограничивала свободу законнымъ порядкомъ. У этой статьи все болѣе и болѣе отнимали почву, которая уже была поколеблена, отчасти по винѣ національнаго собранія, отчасти помимо его.

Значительная доля вины въ этомъ ходѣ дѣлъ лежитъ на роялистахъ, которые, будучи не въ силахъ предотвратить новую конституцію, работали въ интересахъ радикаловъ, стараясь сдѣлать ее несостоятельною. Они ликовали при всякомъ волненіи, возникавшемъ во Франціи противъ новаго порядка. Мятежи въ Марселѣ, Монпелье, Валансѣ, Тулузѣ, Монтобанѣ и Нимѣ, возмущеніе солдатъ въ Нанси, матросскій бунтъ въ Брестѣ, возстаніе священниковъ въ Жалѣ, все это было желанно для нихъ. «Чѣмъ безумнѣе, тѣмъ лучше; такъ и придетъ наше время». Они ошиблись: ихъ время не пришло. Если въ растерзанной Франціи было въ чемъ-нибудь полное единство, такъ это въ отвращеніи къ возрожденію стараго порядка.

Въ маѣ того же года снова происходили важныя пренія о правѣ войны и мира, т. е. о существенной статьѣ королевскихъ преимуществъ. Лѣвая сторона хотѣла и это право исключительно предоставить постоянному національному собранію. Между тѣмъ, Мирабо рѣшительнѣе, чѣмъ въ вопросѣ о veto, ратовалъ теперь въ пользу правительства за смѣшанное пользованіе этимъ правомъ. Это было одно изъ самыхъ великихъ политическихъ преній, когда-либо происходившихъ, и двѣ рѣчи Мирабо принадлежатъ къ самымъ значительнымъ государственнымъ рѣчамъ, когда-либо произнесеннымъ. Онѣ настоящій образецъ спокойнаго, обдуманнаго, всесторонняго изложенія политическаго вопроса первой важности.

Вопреки Барнаву, самому видному оратору изъ противниковъ Мирабо, послѣднему удалось провести окончательное рѣшеніе въ своемъ духѣ. По его предложенію было постановлено: правомъ войны и мира сообща располагаютъ король и собраніе, такъ какъ — собственность націи, къ которой они оба принадлежатъ.

Праздникъ братства.

Эта побѣда ободрила тѣхъ, которые все еще надѣялись на мирный исходъ существующихъ внутреннихъ и возникающихъ внѣшнихъ безпорядковъ.

Этой же сторонѣ принадлежала мысль сдѣлать всеобщимъ празднествомъ примиренія и братства (*fête de la Fédération*) годовщину разрушенія Бастиліи (14 іюля) *).

Я не придаю большаго значенія такимъ выходкамъ, какъ праздникъ федераціи (14 іюля 1790 года), тѣмъ болѣе у народа, который въ своихъ впечатлѣніяхъ такъ быстро переходитъ изъ одной крайности въ другую. Но все-таки это была торжественная минута: нація послѣ ужасныхъ событій истекшаго года праздновала въ вдохновенномъ братскомъ союзѣ паденіе своихъ среднихъ вѣковъ и зарю новыхъ дней.

Весьма легко представить себѣ умиленіе и воодушевленіе Лафайета, когда безконечныя оглушительныя ликованія встрѣтили тысячи депутатовъ, высланныхъ Франціей отъ Канала до Пиренеевъ для участія въ торжествѣ, когда весь народъ добровольно слился съ этими депутатами, чтобы воздвигнуть алтарь отечества и принести присягу новой Франціи!

Если въ этомъ празднествѣ былъ смыслъ, то такой: разрывъ съ старинной совершился навѣки, возвратъ невозможенъ. Другой вопросъ, было ли столь же искренне и всеобще привѣтствіе новому порядку, созданному національнымъ собраніемъ? Могли ли творцы конституціи принимать восторгъ братьевъ (*fédérés*) за вдохновенное заявленіе въ пользу ея? Это было по меньшей мѣрѣ сомнительно. Тѣмъ не менѣе демократическая печать боялась этого. Марать и Демуленъ прямо высказывали свое отвращеніе къ празднику, и гремѣли противъ идолопоклонства передъ монархомъ и Лафайетомъ. Они дѣйствительно думали, будто 14 іюля—торжество конституціонной монархіи, созданной національнымъ собраніемъ.

Мирабо, который, какъ въ собраніи, такъ и внѣ его, постоянно относился вполнѣ независимо ко всему его окружающему, былъ одинаково чуждъ надеждамъ однихъ и опасеніямъ другихъ.

Кончина Мирабо.

Во все послѣднее время Мирабо мрачно смотрѣлъ на вещи. Въ мартѣ 1790 года вернулся изъ Бельгіи Ла-Маркъ. Какимъ онъ засталъ Мирабо пусть расскажетъ самъ:

«Я нашелъ, что онъ еще больше всѣмъ недоволенъ, еще больше палъ духомъ, чѣмъ при моемъ отъѣздѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что никогда безъ внутренней борьбы не приступаетъ теперь къ общественнымъ дѣламъ и очень рѣдко уже появляется на трибунѣ. Обратите особенное вниманіе на

*) Это засѣданіе очень живо и увлекательно изображено у Феррьера: *Mém.*, II, 92 и слѣд.

причины такого паденія духа. То были: зрѣлище текущихъ общественныхъ дѣлъ, ежедневно возрастающія волненія умовъ, очевидные успѣхи неистойвой и безумной неурядицы, ослабленіе всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ орудій власти, вѣчное колебаніе короля, неповоротливость и неловкость его министровъ».

Мирабо уже не вѣрилъ въ счастливый исходъ. Его мрачное настроеніе довершалось сознаніемъ, что онъ лично увлеченъ на путь, не только безплодный, но и пагубный для его имени и его политической чести. Поэтому его собственное положеніе стало безнадежнымъ.

Въ ноябрѣ онъ попробовалъ самъ взять въ руки министерство. Постановленіе собранія 7 ноября разрушило это навсегда. Съ тѣхъ поръ ему было необходимо отказаться отъ руководства правительствомъ или собраніемъ, хотя онъ еще считалъ его нужнымъ, чтобы, въ качествѣ парламентскаго министра, направлять дѣла по своему желанію.

Онъ все болѣе и болѣе отстраняется. Собраніе начинаетъ ускользать отъ него. Король не довѣряетъ ему. Къ этому-то, конечно, времени и относятся многочисленныя мнѣнія, написанныя имъ для двора. Всѣ они мастерски отдѣланы и различно развиваютъ тему записки 15 октября. Но его самоувѣренность исчезла и уже не возвращалась.

Его состояніе, разстроенное съ давнихъ поръ, было безотрадно и теперь. Вѣчная нужда въ деньгахъ была такъ же велика, какъ и его потребности. Сначала онъ занялъ у Ла-Марка; потомъ при дворѣ нашли, что такой человѣкъ заслуживаетъ хоть сколько-нибудь денегъ, и Мирабо сталъ получать отъ короля плату.

Онъ не продалъ своихъ убѣжденій. Онъ не поступалъ и не говорилъ противъ совѣсти, ради презрѣннаго металла. Убѣжденія, высказываемыя имъ въ своихъ мнѣніяхъ, находили мало сочувствія при дворѣ. Но все-таки онъ принималъ плату за свои услуги, и это было несмыслаемымъ пятномъ.

Поэтому его положеніе относительно короля и собранія стало непрочнымъ. Если когда-либо дойдетъ до собранія слухъ, что онъ пишетъ королю мнѣнія, все равно, какого бы содержанія они ни были, и получаетъ за это сотни тысячъ франковъ, его замучатъ угрызенія совѣсти, а значеніе его въ собраніи исчезнетъ. На этотъ счетъ первые представители французскаго народа были цѣломудреннѣе и строже многихъ послѣдующихъ.

И относительно двора онъ не былъ уже такимъ, какимъ долженъ былъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ на его безкорыстныя цѣли пала, хотя и самая легкая, тѣнь. «Этому человѣку, думали здѣсь, платятъ за совѣты; его можно пріобрѣсть деньгами». Этимъ и тутъ было все сказано. Кажется, одна Марія-Антуанета поняла и оцѣнила его лучше. Она не считала его, какъ другіе, лишь наемною силой.

Во всякомъ случаѣ важное, завидное положеніе, завоеванное имъ въ

собраніи, несмотря на его прошедшее, исчезло. Его кредитъ у обѣихъ сторонъ былъ потерянъ. Ла-Маркъ часто слышалъ, какъ онъ восклицалъ трогательнымъ голосомъ: «Сколько вреда отъ моей безнравственной юности общественному дѣлу» *)! Къ грѣхамъ юности прибавился еще одинъ, болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ остальные.

Это-то мало-по-малу и подточило жизнь великаго человѣка, еще несломленную столькими страданіями и такимъ безграничнымъ распутствомъ.

Мирабо выносилъ Прометеевскую пытку. Онъ чувствовалъ, что нѣтъ конца хаосу. Онъ видѣлъ, какъ глубже и глубже все погружалось въ бездну неурядицы. И при этомъ сознавать, что осужденъ на бездѣйствіе, такъ какъ дворъ и собраніе одинаково ускользнули отъ него! Единственный человѣкъ, о которомъ можно было спросить, въ состояніи ли онъ укротить революцію, долженъ былъ пасть, переживши самого себя.

Въ одномъ изъ засѣданій въ національномъ собраніи пронеслась молва: Мирабо проданъ двору. Изъ рукъ въ руки сталъ переходить памфлетъ подъ заглавіемъ: «Государственная измѣна графа Мирабо разоблачена!»

Въ своей второй рѣчи о правѣ короля на войну и миръ Мирабо коснулся этого. Когда одинъ изъ его друзей показалъ ему памфлетъ, онъ сказалъ: «Знаю, знаю! Или унесутъ меня отсюда въ триумфъ, или растерзаютъ». Въ такомъ тонѣ было и его возраженіе.

«Странное безуміе, сказалъ онъ, и печальное ослѣпленіе стравлять людей, которыхъ должна дружить и соединять одна цѣль!... Вотъ меня недавно еще хотѣли пронести въ триумфъ по улицамъ, а теперь на этихъ же улицахъ кричатъ: «Великая измѣна графа Мирабо!...» Я и безъ этого урока знаю, какъ мало шаговъ между Капитоліемъ и Тарпейскою скалою. Но не такъ-то легко сломить того, кто ратуетъ за разумъ и отечество...» При этихъ словахъ онъ, по увѣренію Феррьера, бросилъ гордый взглядъ на Ламетовъ.

«Кто сознаетъ, что много сдѣлалъ для отечества и все еще служить ему съ пользою; кто не услаждается суетною извѣстностью и пренебрегаетъ успѣхомъ дня ради истинной славы; кто желаетъ говорить правду, трудиться для общаго блага, не обращая вниманія на судъ измѣнчивой толпы, тотъ въ самомъ себѣ носитъ награду за свои труды и опасности; тотъ ждетъ лишь отъ времени, этого неподкупнаго судьи, одной жатвы, прельщающей его—безсмертія своего имени»...

«Среди тѣхъ, которые, какъ и я, думаютъ, что истина не въ крайностяхъ, вы найдете всѣхъ, кто въ началѣ этой революціи искоренилъ не одинъ предрасудокъ, пренебрегъ не одною опасностью, уничтожилъ не одно сопротивленіе и воспламенилъ этотъ живой духъ въ нѣдрахъ третьяго со-

*) Vacourt, I, 109.

словія. Все это люди, одни имена которыхъ обезоруживаютъ клевету. Незапятнанные и неустрашимые до могилы, они будутъ гордиться любовью друзей и ненавистью враговъ».

А его настроеніе все-таки было безнадежно и отчаянно. Онъ уже не вѣрилъ въ свое собственное мужество.

Внѣ собранія его имя имѣло еще чарующую силу. Когда онъ внезапно умеръ, всѣмъ показалось, что рушился послѣдній столпъ, на которомъ опиралась возможность новаго порядка.

Уже съ самаго начала въ національномъ собраніи часто случались съ Мирабо припадки болѣзни, которая и прежде грозила свести въ могилу это богатырское тѣло. Онъ же не берегся. По цѣлымъ днямъ до поздняго вечера бывалъ онъ въ собраніи. Остатокъ ночи проводилъ въ кутежахъ съ друзьями, или за рабочимъ столомъ. Немногіе могутъ перенести такой образъ жизни. Вдругъ его поразила страшная боль въ брюшной полости. Посторонніе узнали объ этомъ, когда его положеніе было уже безнадежнымъ. Самъ же онъ съ самаго начала предчувствовалъ свою кончину. Любопытны его послѣднія минуты. Ужасныя страданія смѣняются свѣтлыми мгновеніями, въ которыя онъ совершенно объективно относится къ судьбѣ отечества и къ своему собственному положенію. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сказалъ: «Я уношу съ собой траурное одѣяніе монархіи. Лоскутья ея раздѣляютъ между собою мятежники».

Мирабо умиралъ, какъ жилъ: съ полнымъ чувствомъ собственного достоинства, съ сознаніемъ, что цѣлый міръ взираетъ на него. Услыхавъ пушечный выстрѣлъ, онъ спросилъ: «Развѣ уже погребаютъ Ахилла?» Когда одинъ изъ друзей приподнялъ его, онъ сказалъ: «Хорошо, поддержи только голову. О! еслибы я могъ завѣщать ее тебѣ!»

Такъ скончался онъ утромъ 2 апрѣля 1791 г.

Ничто лучше отчета Монитера не передаетъ впечатлѣнія, произведеннаго смертью этого человѣка. Когда въ вечернемъ засѣданіи 2 апрѣля президентъ (Тронше), только-что извѣщенный о смерти Мирабо, прервалъ очередныя дѣла словами: «Я долженъ въ настоящую минуту выполнить чрезвычайно прискорбную обязанность», поднялся глухой шепотъ, охватившій скоро всю залу. Затѣмъ послышалось: «Ахъ, онъ умеръ!»

У его могилы еще на одно мгновеніе соединились всѣ партіи. Наперывъ одна передъ другой старались онѣ сдѣлать ему самыя блестящія похороны, когда-либо виданныя во Франціи. Еще прежде высказанная мысль о созданіи Пантеона осуществилась теперь, и Мирабо освятилъ зданіе. Никогда не воздавалось генію болѣе великихъ почестей.

Умѣренные роялисты видѣли, что вмѣстѣ съ нимъ умерла ихъ послѣдняя надежда. Демократы съ трудомъ скрывали свою радость: его смерть равнялась для нихъ огромному успѣху. Но наружно и они участвовали въ скорби.

2-е апрѣля было эпохой въ исторіи описываемаго переворота. Повто-

ряемъ: революція и порожденное ею собраніе произвели на свѣтъ только одного человѣка, о которомъ можно было спросить: былъ ли онъ въ состояніи ввести революцію въ должныя границы? Это былъ Мирабо.

Смертью этого человѣка завершилась эта сторона ея развитія. Съ этихъ поръ дикія волны качаютъ корабль изъ стороны въ сторону *).

*) Чрезвычайно любопытные документы, относящіеся къ послѣднимъ днямъ жизни Мирабо, именно его работы въ общемъ совѣтѣ (*conseil général*) и въ директоріи парижскаго департамента см. Ad. Schmidt. *Tableaux de la révolution française*. Leipzig, 1867, I, 10 слѣдд.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БѢГСТВО КОРОЛЯ. — БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНІЕ МОНАРХІИ. — ОКОНЧАНІЕ
КОНСТИТУЦИИ И УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ. — СЪ АПРѢЛЯ ДО ОКТЯБРЯ
1791 ГОДА.

Г Л А В А VІІІ.

Революція и монархическая Европа. — Восточныя державы. — Рейхенбахскій
договоръ *).

Со смертію Мирабо при дворѣ исчезло послѣднее противодѣйствіе плану бѣгства за границу.

Чаша вѣсовъ колебалась одно мгновеніе. Съ одной стороны дѣлалось все, чтобы склонить короля къ бѣгству. Его братья, эмигранты, остатокъ придворнаго дворянства неутомимо работали надъ этимъ, да и самъ король въ глубинѣ души былъ согласенъ съ ними. Съ другой стороны, видимъ только колеблющуюся нерѣшительность да все слабѣющую надежду монарха на менѣе опасный исходъ.

У него не хватило отваги упорно противостать бурѣ. Только вліяніе Мирабо могло еще удержать его отъ исполненія плана. На его свѣжей могилѣ эта мысль созрѣла. Пока жилъ великій ораторъ, Лудовикъ рассчитывалъ хоть на какую-нибудь поддержку; когда же тотъ умеръ, онъ почувствовалъ себя вполне покинутымъ.

Уже въ апрѣлѣ схватились за планъ серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, и если его осуществленіе протянулось до іюня, то виной тому были только трудности исполненія.

Удача или неудача бѣгства существенно зависѣла отъ положенія дѣлъ въ

*) Ср. Häusser: Deutsche Geschichte, I.

Европѣ и отъ отношеній, въ которыя станутъ старыя восточныя монархіи къ королевской власти, угрожаемой въ лицѣ Людовика.

На нихъ-то мы и должны бросить здѣсь взглядъ.

Когда вспыхнула революція во Франціи, сѣверъ и востокъ Европы были также въ сильномъ броженіи.

Революцій въ смыслѣ французской тамъ не было. Много нужно было времени, чтобы такія государства, какъ Австрія и Пруссія, послѣ цѣлыхъ годовъ несчастныхъ войнъ, пали подъ ударами, и то не революціи, а побѣдоносныхъ героевъ и войскъ, возникшихъ изъ нея.

Собственно не опасныя идеи 1789 года поколебали ихъ. Онѣ повредили развѣ только мелкимъ сосѣдямъ Франціи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, прирейнской Германіи, гдѣ были тѣ же условія и то же настроеніе, какъ во Франціи предъ революціей. Духовныя владѣнія по нѣмецкому Рейну, множество которыхъ впослѣдствіи Кюстинъ подавилъ однимъ натискомъ гусаръ, и вообще вся куча мелкихъ государствъ по сосѣдству съ Франціей могли бояться революціонной пропаганды; старыхъ же восточныхъ монархій она не коснулась непосредственно.

Единственною великою державой на востокѣ, точно сознававшею свои желанія и съ постоянною послѣдовательностью державшеюся ясной, опредѣленной политики, была Россія *).

*) Мы оставляемъ въ цѣлости взглядъ на внѣшнюю политику Россіи, приведенный въ лекціяхъ Гейссера, какъ образецъ возрѣній нѣмецкой исторической науки относительно этого вопроса. Замѣтимъ только, что этотъ взглядъ страдаетъ отсутствіемъ спокойствія и объективности, которое особенно бросается въ глаза въ такой серьезной наукѣ, какъ нѣмецкая. Кому не извѣстно, что внѣшняя политика всѣхъ безъ исключенія европейскихъ государствъ чрезвычайно послѣдовательна и «ясна, опредѣленна»? Поэтому-то и говорится: «система, напимѣръ, восточныхъ державъ». Ужъ, конечно, не землелюбіе, не жадность къ «добычѣ» того или другаго правителя двигаютъ тутъ арміями и дипломатами, а болѣе глубокія и сокровенныя пружины исторической жизни народовъ. Съ точки зрѣнія этихъ пружинъ занимающій насъ вопросъ очень простъ.

Чтобы стать одною изъ великихъ державъ, Пруссіи необходимо было присоединить къ себѣ хотя часть Рѣчи Посполитой. Вотъ свидѣтельство самого нѣмецкаго историка (Зибель, I, 2 кн. I гл) о необходимости вражды между Пруссіей и Польшей. «Здѣсь вражда лежала въ природѣ вещей. Кто бы не пожалѣлъ объ этомъ! Но какъ далеко можетъ простираться человѣческое сожаленіе въ дѣлахъ націй? Покуда Польша существовала, она должна была помышлять о томъ, чтобы опять сдѣлать Кенигсбергъ польскимъ, а Данцигъ католическимъ; покуда Бранденбургъ оставался нѣмецкимъ и евангелическимъ, его главною задачей было, освободивъ западную Пруссію, соединить марку и герцогство въ одно государство».

Фридрихъ II, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, поднималъ мысль о раздѣлѣ Польши, старую мысль, съ которою историкъ встрѣчается еще въ XVI

У императрицы Екатерины II уже возникалъ замыселъ покончить съ Османскимъ царствомъ; потомъ она бросила его, чтобы раздѣлаться съ Польшею; но вопли онъ никогда не выходилъ у нея изъ головы. Фридрихъ Великій вырвалъ у нея тогда изъ рукъ добычу, и она не могла этого простить ни ему, ни Пруссіи.

Она думала теперь разойтись съ Пруссіей и осоюзиться съ Австріей.

Раздѣлъ же Турціи касался всего ближе Австріи. Ни одному государству такъ не угрожала новая Византійская имперія подъ властью русскаго великаго князя. Замкнутая Россіей съ востока, отрѣзанная отъ устьевъ Дуная, Австрія чувствовала бы, будто у нея перевязали главныя жилы. Ея существованіе подверглось бы смертельной опасности.

Но тутъ возникло поразительное явленіе. Іосифъ II вдругъ сообщилъ совершенно новое направленіе австрійской политикѣ, которая, при всемъ своемъ непостоянствѣ въ другихъ вопросахъ, въ этомъ до сихъ поръ оставалась вѣрна себѣ. Съ безцѣльною неугомонною поспѣшностью хватаясь разомъ за самыя разнообразныя дѣла, жаждая, во что бы то ни стало, увеличить свою державу, онъ вдругъ пересталъ трудиться надъ объединеніемъ австрійской монархіи и охотно согласился на планъ Екатерины. Благодаря такой перемѣнѣ, императрицѣ удалось уладить сближеніе съ Австріей, а это упрочивало за нею ея османскую добычу. Въ маѣ 1787 года состоялось всемірно-историческое свиданіе Іосифа съ императрицею. Его программой было: раздѣлъ Турціи между Россіей и Австріей.

Фридриха II уже не было. Вмѣстѣ съ нимъ сошелъ въ могилу великій неусыпный стражъ европейскаго равновѣсія. Англія страдала внутренними смутами, причинившими ей потерю Сѣверной Америки, отъ которыхъ только-что началъ избавлять ее Питтъ младшій. Франція, по всеѣмъ признакамъ, шла навстрѣчу своему революціонному перелому. Итакъ, изъ большихъ монархій Европы, повидимому, пока нечего было бояться ни одной.

Воображали, будто, при громадномъ преимуществѣ двухъ большихъ войскъ въ численности и военномъ искусствѣ, ничего не стоитъ вторг-

вѣкъ. Екатерина II не соглашается, и Пруссія обращается съ своимъ проектомъ къ Австріи. Въ то же время Франція и, оддерживая Польшу, заставляетъ Турцію объявить войну Россіи. Такъ совершился первый раздѣлъ Польши и наша первая (при Екатеринѣ II) турецкая война. Русскіе дѣйствовали, по мѣткому выраженію императрицы, какъ Римляне, спрашивали не о числѣ враговъ, а объ ихъ мѣстопробываніи. Затѣмъ путешествуетъ Екатерина по новопріобрѣтенному краю: къ ней является Іосифъ II, и уже не въ первый разъ. Онъ желаетъ союза съ нею, потому что ему хотѣлось пріобрѣсти Баварію, чему мѣшалъ Фридрихъ II. Этотъ союзъ, конечно, немедленно вызвалъ отпоръ себѣ: Пруссія заодно съ Англіей заставили Турцію снова объявить войну Россіи. (Ограничиваемся этими голыми общеизвѣстными фактами). Ред.

путься въ сѣверныя провинціи Турціи, взволновать христіанское населеніе, нерешагнуть черезъ Балканъ, и въ Константинополѣ повелѣть возродиться Византійской имперіи.

Но первый походъ вовсе не оправдалъ этихъ расчетовъ.

Оправдалась скорѣе старая истина, что такія большія государства, какъ Турція, несмотря на свою внутреннюю неизлечимую болѣзнь, необыкновенно живучи. Великая Римская имперія, смерть которой предсказывалъ Тацитъ, просуществовала еще цѣлыя столѣтія. Это было до того массивное зданіе, что даже одно вторженіе въ него было чрезвычайно утомительнымъ и мѣшкотнымъ дѣломъ.

Кромѣ того, турецкое населеніе составляло внутри европейской Турціи какъ бы большой военный лагерь готовыхъ къ бою воиновъ, вовсе не настолько отжившихъ, чтобы не отразить силой всякаго врага, когда въ нихъ пробудится старый фанатизмъ. Въ сущности тутъ народъ былъ ничто иное, какъ войско, которое, разумѣется, дурно управляло милліонами подданныхъ, но имѣло за собой преимущество воздержности и тѣлесной силы; къ тому же оно было доступно упоенію религіознымъ энтузіазмомъ.

Походомъ 1788 года не достигли никакихъ заслуживающихъ упоминанія результатовъ: нелѣпаго же и неумѣстнаго было не мало. Разъ даже случилось, что войско Іосифа въ одной стычкѣ съ Турками бѣжало въ паническомъ страхѣ предъ презираемымъ врагомъ.

Только въ 1789 году, когда исчезло разъединеніе въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ, когда Суворовъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе, война измѣнилась *). Одержанныя тогда побѣды означали новый оборотъ войны, но далеко еще не разложеніе Турціи.

Тутъ преемникъ Фридриха II снова вспомнилъ преданіе политики великаго короля; но, конечно, онъ не могъ управлять ею такъ мастерски, какъ

*) Обращаемъ вниманіе читателя на эту весьма поучительную страницу: она хорошо доказываетъ, какъ мститъ за себя ложное, не научное отношеніе къ научному вопросу. И такъ, оказывается, что держава, мечтавшая «въ Константинополѣ повелѣть возродиться Византійской имперіи», въ первый годъ войны (1788) была чуть не побита Турками, «имѣвшими за собою преимущество воздержности (Nüchternheit) и тѣлесной силы (körperliche Tüchtigkeit)». Однажды даже «войско Іосифа» бѣжало предъ врагомъ. И только «когда Суворовъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе», война приняла другой оборотъ. И эта путаница въ изложеніи, и эта тѣлесная сила многоженцевъ Турокъ явились у Гейсера оттого, что ему не хотѣлось признать слѣдующаго факта: Русскіе бились отлично, Суворовъ побѣждалъ уже въ 1787 году, и если имъ что-нибудь мѣшало, то это-жалкое состояніе ихъ союзника, котораго имъ приходилось спасать. Признаться въ этомъ не было бы дурно. У Австрійцевъ были доказательства ихъ доблести: въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ, при своемъ Суворовѣ, Евгеніи Савойскомъ, они отлично побивали этихъ «воздержныхъ» Турокъ, которыхъ дотолѣ еще никто не билъ серьезно. Р е д.

тотъ. У министра Герцберга была мысль, что Пруссія должна сохранить за собою, какъ священное наслѣдіе, роль рѣшительницы судебъ Европы (*L'arbitre des destinées de l'Europe*). Удачно осуществивъ эту мысль относительно Голландіи, онъ намѣревался примѣнить ее и къ Россіи съ Австріей.

Онъ выдумалъ свой собственный планъ, какъ разрѣшить восточный вопросъ. Правда, опять все сводилось къ раздѣлу Турціи, но, по крайней мѣрѣ, Россіи не доставалось львиной части, Австрія же основательно округлялась съ востока; даже сама Турція, по мнѣнію Герцберга, получала цѣнное вознагражденіе за свои уступки.

Относительно Австріи онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду границу Пассаровицкаго мира *), а слѣдовательно земли по нижнему Дунаю. Пограничная линія Молдавіи и Валахіи съ Бѣлградомъ обезопасила бы Австрію со стороны Дуная. Тогда, думалъ онъ, при продолжительныхъ раздорахъ съ Россіей, Австрія должна будетъ, для сохраненія собственнаго существованія, стать пограничнымъ стражемъ съ этой стороны: она будетъ удовлетворена и не потерпитъ русскихъ захватовъ.

Россіи предполагалось уступить по международному праву Крымъ, Очаковъ и Бессарабію. Турція же за такія добровольныя жертвы и уступки, избавлявшія ее отъ бѣльшихъ потерь, должна была получить международное ручательство въ неприкосновенности своихъ остальныхъ частей и вступить, какъ необходимый членъ, въ кругъ европейскихъ державъ, которыя перестанутъ обращаться съ нею, точно съ выскочкой, безъ права затесавшеюся въ ихъ среду.

За расширеніе съ юго-востока Австрія должна была возвратитъ Польшѣ свою добычу 1772 года, Галицію; Польша же за такое приращеніе уступить Пруссіи Данцигъ, Торнъ и воеводство Познаньское и Калишское.

Эту-то увеличенную Польшу Герцбергъ представлялъ себѣ промежуточнымъ государствомъ между Россіей и Пруссіей, которое будетъ въ тѣсномъ союзѣ съ послѣднею *).

*) Пассаровицкій миръ 1718 года, благодаря талантамъ Евгенія Савойскаго, былъ вторымъ вполнѣ невыгоднымъ для Османіевъ миромъ во всей исторіи европейской Турціи (первымъ былъ карловицкій миръ 1699 г.). На основаніи его, Порта уступала Австріи Темешваръ, Бѣлградъ, Малую Валахію (до р. Алюты) и значительную часть Босніи и Сербіи. Ред.

*) Последняя фраза, равно какъ и замыслы Герцберга изложены здѣсь не совсѣмъ точно. Вотъ слова Зибеля (I, 2 кн., 2 гл.), особенно авторитетнаго въ вопросахъ виѣшней политики нѣмецкихъ государствъ описываемой эпохи: «Герцбергъ хотѣлъ внушить Польшѣ и Турціи довѣріе къ Пруссіи и этимъ поддержать ихъ вражду къ императорскимъ дворамъ: съ этою цѣлью онъ ревностно помогалъ имъ, разжигалъ въ Туркахъ воинственный духъ и содѣйствовалъ нѣкоторымъ переменамъ въ польской конституціи, которыя были въ то же время и ударами для русскаго вліянія. Но дальше онъ не желалъ идти

Россіи при этомъ нарочно предоставлялось всего меньше выгодъ, такъ какъ Герцбергъ въ своемъ планѣ именно старался поставить двойное, даже тройное препятствіе расширенію Россіи. Его цѣлью было отдалить Австрію отъ Россіи, сблизивъ ее съ Пруссіей, Польшу же со Швеціей и Даніей со-брать подъ прусскимъ знаменемъ.

Такія намѣренія породили соглашеніе Пруссіи съ Турціей, что уже было почти наступательнымъ движеніемъ обоихъ государствъ противъ Россіи и Австріи, а въ 1790 г. повело къ формальному союзу между Пруссіей и Турціей, основанному на значительно измѣненной программѣ Герцберга.

Извѣстіе объ условіяхъ договора, вынужденныхъ Турками у прусскаго посланника, привело Герцберга въ сильное затрудненіе. Но что сдѣлано, то сдѣлано: отречься отъ договора было опасно. Къ тому же убѣдились, что политикой однихъ заявленій и вооруженнаго посредничества не осуществить столь обширныхъ плановъ, какъ Герцберговскіе. Тутъ восторжествовало самое смѣлое мнѣніе. Въ союзѣ съ Турціей на югѣ, Польшей на востокѣ, Швеціей, Даніей и Англіей на сѣверѣ и западѣ, задумали начать громадную войну противъ Россіи и Австріи въ случаѣ, если-бы онѣ не послушались угрозы. Надѣялись, что съ Австріей, гдѣ къ тому же все было въ броженіи, справиться весьма легко.

Таково было положеніе дѣлъ въ февралѣ 1790 года.

Іосифъ II, который прошлый годъ снова бросился въ войну и въ лагерной жизни обоихъ походовъ пріобрѣлъ зародышъ смерти, до такой степени не понималъ опасности своего положенія, что уже при самомъ концѣ ожидалъ величайшихъ успѣховъ отъ своего предпріятія.

Революція дальняго Запада пока еще не вліяла непосредственно на политическую игру восточной Европы. Взаимная связь проявилась однако вскорѣ другимъ путемъ.

Въ Венгріи готовилось возстаніе, въ Бельгіи оно было въ полномъ ходу, и ни одна провинція не была совершенно спокойна. Пылкій король хотѣлъ измѣнить уже слишкомъ многое. Онъ положительно перевернулъ государство и затѣмъ бросился въ громадныя войны, а между тѣмъ у него повсюду колебалась почва подъ ногами. Быть-можетъ, и безъ того волны скоро поглотили бы его; а тутъ еще грозная война съ Пруссіей.

Но вдругъ онъ умеръ въ февралѣ 1790 г. Несмотря на громадное значеніе и вліяніе, которое имѣла и могла еще имѣть его жизнь для этого государства, въ данную минуту монархія находилась въ таковомъ запутанномъ поло-

въ этомъ; полное возстановленіе Польши казалось ему не въ интересѣ Пруссіи, и онъ отсовѣтовалъ здѣсь, какъ и въ Портѣ, заключеніе формальнаго союза, такъ какъ оба государства и безъ того неизбѣжно должны были искать защиты у Пруссіи, слѣдовательно, всякій договоръ связалъ бы только руки Пруссіи». Ред.

женіи, что лишь благодаря смерти Іосифа II, австрійскіе политики могли выйти изъ него не совѣмъ съ позоромъ.

Чего не могъ сдѣлать самъ императоръ для предотвращенія кризиса, то было легко его преемнику.

Іосифу II наследовалъ братъ его, Леопольдъ II, великій герцогъ тосканскій. Онъ пріѣхалъ изъ государства, которое, по образованію и гуманнымъ законамъ, значительно опередило остальные италіанскія владѣнія. У Леопольда былъ развитой умъ и гибкій характеръ. Онъ обладалъ большою проницательностію и знаніемъ обстоятельствъ. Свободный отъ доктринерскаго упрямства своего брата, хитрый Итальянецъ, онъ проникся духомъ флорентійской дипломатіи.

Онъ началъ съ соглашеній внутри и извнѣ: помирился съ Бельгійцами, уступилъ дворянству и духовенству въ мелочахъ, старался успокоить Венгрію, а въ особенности прилично свернуть на другую дорогу во внѣшнихъ затрудненіяхъ.

Тутъ происходитъ первое сближеніе съ Пруссіей. Между тѣмъ какъ Іосифъ II на первую жалобу Пруссаконъ послалъ дерзкій отвѣтъ, теперь къ Фридриху-Вильгельму II приходили уступчивыя, мягкія посланія. А онъ былъ такъ доступенъ подобному сближенію!

Лѣтомъ 1790 года произошли въ Рейхенбахѣ переговоры, возстановившіе миръ между Пруссіей и Австріей. Однако въ основу ихъ не былъ взятъ Герцбергскій планъ, къ которому Фридрихъ-Вильгельмъ въ началѣ обнаружилъ пламенное рвеніе. Его замѣнило *status quo*, на которое согласился король въ послѣднюю минуту, увѣрившись, что это великодушно.

Австрійская дипломатія одержала первую значительную побѣду надъ государствомъ Фридриха Великаго съ помощью, правда, неожиданнаго, союзника, французской революціи, которая тутъ впервые вліяла на восточныя дѣла.

Пока еще нельзя было предвидѣть, что она выйдетъ изъ своихъ предѣловъ и затопитъ сосѣднія земли; но по своимъ свойствамъ она уже начала возбуждать опасенія.

Европейскимъ престоломъ грозила опасность, и это, очевидно, подѣйствовало на Фридриха-Вильгельма II. За два года до революціи онъ, частью изъ собственныхъ династическихъ интересовъ, частью изъ желанія стать паладиномъ монархической власти, съ блистательнымъ успѣхомъ заявилъ значеніе прусскаго вмѣшательства въ одной распрѣ Оранскаго дома съ Голландскою республикой. У него и теперь мелькнула мысль о чемъ-то подобномъ. Это способствовало больше, чѣмъ тогда думали, ускоренію переворота въ восточной политикѣ.

Отъ этого было еще далеко до коалиціи противъ Франціи. Однако, еслибы противники соединились, частью подъ гнетомъ принятыхъ рѣшеній, частью изъ опасенія революціоннаго духа, то это стало бы первымъ шагомъ къ ней.

Въ маѣ 1791 у Герцберга отнимается руководство внѣшнею политикою Пруссіи и готовится болѣе тѣсное сближеніе съ Австріей. Оно коренится въ той идеѣ, что монархическій интересъ теперь важнѣе всего, что доселѣ разъединяло эти два государства.

Эта идея чрезвычайно ревностно поддерживается Екатериною II. Императрица страстно проповѣдуетъ крестовый походъ противъ революціи.

Хотя она не пожертвуетъ ни человѣкомъ, ни рублемъ для великаго дѣла, но для нея важно именно тутъ запутать Австрію и Пруссію съ тѣмъ, чтобъ онѣ бросили мысль о вмѣшательствѣ въ ея турецкіе планы.

Между тѣмъ въ пониманіи положенія дѣлъ Австрія и Пруссія сильно расходились.

Фридрихъ-Вильгельмъ II думалъ, какъ Іосифъ II: «Мое назначеніе быть роялистомъ (*c'est mon métier d'être royaliste*)». Онъ изъ-за принципа не допустилъ бы революцію восторжествовать надъ монархическимъ порядкомъ.

Леопольдъ II смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ боялся внѣшней войны на западѣ: вѣдь онъ только-что съ опасностью и трудомъ спасъ свое глубоко потрясенное государство. Да и къ самой революціи онъ относился самостоятельнѣе и хладнокровнѣе, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ II. Въ Берлинѣ работали эмигранты, іезуиты, піетисты, ослѣпленію которыхъ не противопоставлялось здраваго обсужденія. Совсѣмъ не то было въ Вѣнѣ.

Можетъ быть, Леопольдъ II придавалъ слишкомъ мало значенія революціи, думая съ Питтомъ, что можно и должно предоставить изверженіе вулкана самому себѣ; но во всякомъ случаѣ онъ не ошибался насчетъ средствъ стараго монархизма въ борьбѣ съ этимъ революціоннымъ движеніемъ. Недавно намъ стало доступно множество писемъ, которыми онъ обмѣнивался съ королевой Маріей-Антуанетой. Изъ нихъ видно, что онъ совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ было принято смотрѣть въ старыхъ монархическихъ кружкахъ. Онъ совѣтуетъ терпѣливо выжидать, склониться подъ ураганомъ, съ условіемъ тотчасъ же по прекращеніи перваго смятенія потребовать назадъ старыя права. Онъ предостерегаетъ сестру совѣтомъ, во что бы то ни стало, держаться дальше отъ стараго придворнаго дворянства. По собственному опыту, говоритъ онъ, ему знакома эта мнимая опора престола. Въ Бельгіи и Венгріи дворяне стояли во главѣ возмущенія: и во Франціи не можетъ быть иначе. Поэтому-то онъ закликаетъ Марію-Антуанету не связываться съ естественными врагами престола.

Съ этой стороны, стало-быть, не поощряли къ продолженію роковаго пути, начатаго несчастною королевскою четой по смерти Мирабо.

Бѣгство короля *).

Планъ бѣгства даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ не представлялъ ничего хорошаго впереди. Еслибы даже королю удалось уйти за

*) Choiseul: Relations du départ de Louis XVI. Paris 1822.

бельгійскую границу, то тамъ ни Бельгія, ни остальная Европа не готовили для него никакой защиты. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ ожидать запоздалой помощи лишь издалека, отъ одного прусскаго короля. Ближайшій же его родственникъ, его шуринъ, императоръ Леопольдъ, не былъ расположенъ помочь ему изъ политическихъ видовъ. Итакъ, даже при удачномъ бѣгствѣ, онъ оставался между небомъ и землею, не лучше всякаго другаго эмигранта.

Поэтому принятое имъ рѣшеніе заслуживало въ эту минуту двойнаго сожалѣнія.

Опасность, которою, по словамъ Мирабо, бѣгство грозило королю внутри государства, была неопровержима. Съ той минуты, какъ онъ бѣжалъ за границу, безвозвратно разрѣшился вопросъ о присоединеніи королевской власти къ эмиграціи, и тогда и ту, и другую ожидали одинаковая участь и одинаковыя несчастія. Надо еще прибавить, что въ минуту бѣгства Людовика за границей не было готово ни одного батальона, на помощь котораго онъ рассчитывалъ. Итакъ, ближайшимъ слѣдствіемъ смерти Мирабо было устраненіе послѣдняго вліянія, не допускавшаго короля идти по стопамъ эмигрантовъ.

Предпринятое въ іюнѣ бѣгство было дѣломъ рѣшеннымъ еще въ апрѣлѣ.

Это можно было угадать уже 18 апрѣля по одному необыкновенному случаю. Король дѣлалъ довольно шумные сборы къ поѣздкѣ въ С.-Клу. Объ этомъ узнали. У дворца собрались толпы народа и объявили монарху, который съ семействомъ сидѣлъ уже въ каретѣ, что не позволяютъ ему ѣхать: это, толковали, означало бы бѣгство.

Король остался. Онъ жаловался національному собранію на сдѣланную ему несправедливость и спросилъ: развѣ онъ даже несвободенъ! Національное собраніе учтиво возразило, что, конечно, свобода его несомнѣнна, но ради всеобщаго спокойствія желательно, чтобъ онъ отказался пока отъ своего намѣренія.

Тутъ король отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ отказывается отъ него и радуется своей свободѣ. Въ пылкихъ выраженіяхъ онъ увѣрялъ національное собраніе, что раздѣляетъ его мнѣнія.

Обѣ стороны разыгрывали, комедію.

Были уже набросаны всѣ подробности плана къ бѣгству. Въ томъ видѣ, какъ былъ задуманъ, онъ не могъ удался. Въ лучшемъ случаѣ, король сохранялъ жизнь, какъ эмигрантъ, но лишался королевства; а при неудачѣ, и его жизнь, и его корона подвергались опасности.

Какъ все, что ни предпринималъ король въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, это дѣло, подобно мелкимъ придворнымъ интригамъ, было начато неловко, неискусно и легкомысленно. Почти три мѣсяца шли приготовленія. Король былъ неопытенъ, какъ ребенокъ. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ Парижа

и Версаля и почти не зналъ своей страны. Ему, какъ малолѣтнему, распи-
сали, куда и по какимъ дорогамъ ѣхать.

Руководителями плана были тѣ же самые придворные, что извѣстны намъ,
какъ роковые внушители не какихъ-нибудь преступныхъ, ужасныхъ рѣ-
шеній, но той вѣтряности, того игриваго легкомыслія, съ которымъ велись
при дворѣ государственныя дѣла. То были графъ Ферзенъ, одна изъ са-
мыхъ ненавистныхъ личностей при дворѣ, да придворные кавалеры и
дамы. Каждый практичный человѣкъ, каждый кондукторъ или почтосодер-
жатель принесъ бы здѣсь гораздо больше пользы.

Прежде всего соорудили громадную, тяжеловѣсную карету. Уже по одной
своей странной формѣ она бросалась каждому въ глаза. Долго и серьезно
перебирали затѣмъ, кому по этикету ѣхать съ королемъ. Между самыми
приближенными участниками бѣгства былъ прежній гвардейскій офицеръ,
обязанный въ крайнемъ случаѣ защищать короля шпагой.

Но одна придворная дама, никогда не покидавшая королевской четы,
упорно отстаивала свое старое право. И не только сдѣлали по ея желанію,
но даже въ угоду ей отсрочили самую поѣздку на 24 часа.

Сперва думали посадить на козлы двухъ-трехъ дюжихъ парней, знав-
шихъ всѣ пути и проселки, страну и ея населеніе; но потомъ, вмѣсто нихъ,
взяли двухъ переряженныхъ придворныхъ.

Съ 18 апрѣля короля и его свиту караулили чрезвычайно строго. Для
Лафайета, котораго Маратъ каждый день упрекалъ, будто онъ хочетъ спа-
сти короля и убѣжать съ нимъ, стало вопросомъ чести не дать Лудовику
ускользнуть. Въ вечеръ, назначенный къ побѣгу (20—21 іюня), онъ съ
своею командой также былъ у дворца. Тутъ мимо него незамѣтно прошмыг-
нула королева съ своею невѣсткой.

Судя по изумительно неловкимъ приготовленіямъ, короля, вѣроятно,
узнали уже на первыхъ верстахъ по дорогѣ въ Шампань. И чудовищная
карета, и диковинная свита, и хорошо всѣмъ знакомое лицо короля, то и
дѣло высовывавшееся изъ любопытства,—сколько поводовъ къ открытію
тайны! Въ иныхъ мѣстахъ его, вѣроятно, и узнали, но оставили въ по-
коѣ. Всеобщее ожесточеніе еще не распространилось такъ далеко отъ Па-
рижа, уваженіе къ монарху не ослабло еще до того, чтобы задержать его
безъ особаго повода.

Удача бѣгства существенно зависѣла отъ своевременной военной помощи,
которою распоряжался дѣятельный солдатъ по природѣ, генералъ Булье.

Булье, тотъ самый отважный рубака, что потопилъ въ крови нансійскій
мятежъ Швейцарцевъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но отсрочка
отъѣзда на цѣлый день все перепутала. Разставленные по дорогѣ до Ша-
лона верховые патрули разъѣзжали взадъ и впередъ, тревожно всматри-
ваясь вдаль. Это привлекло всеобщее вниманіе и возбудило подозрѣніе.

Несмотря однако на такую непостижимую оплошность, король спокойно

доѣхалъ до С.-Менху. Соблюди онъ лишь самую обыкновенную предосторожность, необходимую въ его положеніи, и черезъ нѣсколько станцій онъ былъ бы уже въ Мецъ или Монмеди. Но онъ не позаботился объ этомъ. Напротивъ, онъ самъ создалъ себѣ препятствіе, разрушившее весь планъ.

Онъ подолгу останавливался и не только высовывался изъ кареты, но даже выходилъ на дорогу и разговаривалъ съ окружающими его. Одинъ изъ нихъ, почтмейстеръ Друэ, узналъ его по изображенію, которое дѣлалось на каждой ассигнаціи, на каждой монетѣ.

Друэ былъ членомъ большого парижскаго клуба, идеи котораго проникли въ самые темные уголки Франціи. Это былъ фанатикъ-якобинецъ. Онъ-то рѣшается на свой страхъ распорядиться арестомъ короля. Его поддерживаетъ лишь одинъ знакомый; но онъ приступаетъ къ дѣлу.

Военныя мѣры для защиты короля положительно нигдѣ не соответствовали цѣли. Всѣ распоряженія прямо возбуждали лишь опасное вниманіе и не оказывали серьезнаго сопротивленія національной гвардіи и тому вооруженному сброду, что въ большомъ числѣ встрѣчался теперь до послѣдней деревушки. Къ тому же почти во всѣхъ полкахъ у солдатъ было дурное, ненадежное настроеніе духа.

Въ С.-Менху нашелся въ послѣднюю минуту отрядъ, офицеры котораго были не прочь сопровождать короля; но солдаты отказались отъ этого. Теперь оставалась одна надежда на полкъ нѣмецкой конницы, подъ предводительствомъ Булье. На тотъ можно было положиться, но онъ не являлся.

Такъ прибылъ король въ Варенъ *). Въ ту же ночь явился сюда и Друэ съ своимъ другомъ. Пока король съ королевой блуждаютъ въ-потѣмахъ, отыскивая подставныхъ лошадей, пока офицеры маленькаго отряда поджидаютъ короля по ту сторону рѣки, протекающей черезъ Варенъ и, такъ какъ его все нѣтъ, обыскиваютъ одинъ домъ за другимъ, оба якобинца изъ Менху поднимаютъ на ноги всѣхъ своихъ единомышленниковъ. На шумъ являются мѣстные власти. Вотъ королевская карета, перепряженная, наконецъ, показывается на мосту; Друэ съ своими сообщниками загораживаетъ ей дорогу. Варенскій полицеймейстеръ является къ королю и объявляетъ, что не пуститъ его дальше.

Теперь Лудовику оставалось лишь два исхода: или съ горстью вѣрныхъ солдатъ прорубиться сквозь сбѣжавшую толпу, или же, воспользовавшись остаткомъ уваженія къ себѣ, приказать чиновнику не задерживать своего короля. Ни то, ни другое не было лишено надежды на успѣхъ. Конница Булье могла появиться каждую минуту и придать вѣсу, какъ силѣ, такъ и повелѣнію.

Вмѣсто того, король пустился упрашивать, умаливать. Онъ представлялъ

*) Ancelon: Louis XVI à Varennes. Paris. 1866.

этимъ жестокосердымъ людямъ свое крайнее положеніе, какъ несчастнаго отца семейства. То былъ самый вѣрный путь ободрить людей, которые, быть-можетъ, не вполне еще собрались съ духомъ.

Утромъ пріѣхалъ адъютантъ Лафайета съ приказомъ вернуть въ Парижъ короля и его семейство, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили. А часа черезъ полтора послѣ начала обратнаго путешествія, явился Булье, и ему сказали, что слишкомъ поздно, что уже все разстроено.

Національное собраніе узнало о бѣгствѣ короля ночью, не раньше 11 часовъ, 21 іюня. Оно, по словамъ Монитера, «въ глубокомъ молчаніи» выслушало отъ своего предсѣдателя, генерала Богарне, извѣстіе о «похищеніи короля врагами общественнаго блага». Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ первое мгновеніе поднялся страшный шумъ, утихшій лишь мало-по-малу. Тутъ выяснилась роль большинства въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Постановили не касаться «бѣгства» короля, а говорить лишь объ его «похищеніи (enlèvement)».

Король по неосторожности оставилъ національному собранію прокламацію, въ которой весьма горько упрекалъ его и оправдывалъ свое бѣгство. Тутъ было высказано много основательнаго, хотя все подходило скорѣе къ клубамъ и ихъ дѣятельности, чѣмъ къ монархическому большинству собранія. И во всякомъ случаѣ все плохо гармонировало, какъ съ покорнымъ тономъ, какимъ въ послѣднее время Лудовикъ говорилъ съ собраніемъ, такъ и съ увѣреніями Лафайета, будто король и не помышляетъ о бѣгствѣ.

Этотъ документъ былъ сообщенъ къ концу засѣданія. Но онъ не нарушилъ спокойствія собранія, не желавшаго уничтожить королевскую власть. Принявъ нѣсколько предохранительныхъ мѣръ, собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Робеспьеръ тутъ не выдержалъ: «Я могу, воскликнулъ онъ, лишь выразить мое изумленіе тому, что довольствуются столь мягкими мѣрами».

Поздно вечеромъ 22 числа курьеръ сообщилъ объ арестѣ короля. Собраніе объявило измѣнниками тѣхъ, кто склонилъ короля къ бѣгству, и рѣшило позаботиться, чтобы по возвращеніи Лудовика никто не нарушилъ дѣломъ должнаго уваженія къ его величеству.

Когда затѣмъ, вечеромъ 23 числа, Друэ представилъ свой докладъ, національное собраніе приняло 6 статей объ отсрочкѣ (suspension) королевской власти. Вотъ онѣ: 1) Какъ только король пріѣдетъ въ Тюльери, къ нему немедленно приставить стражу, подъ начальствомъ генералъ-комменданта національной гвардіи, обязанную заботиться о безопасности Лудовика XVI и отвѣчать за его личность. 2) Дофину дать гувернера. 3) Зачинщиковъ бѣгства подвергнуть суду. 4) Королеву также окружить стражей. 5) Рѣшенія національнаго собранія не пуждаются пока въ королевскомъ одобреніи. 6) Министры продолжаютъ пользоваться исполнительной властью, но подъ страхомъ отвѣтственности.

Для строгаго соблюденія одобренной большинствомъ тактики внутри собранія и для примѣненія ея извнѣ, оно назначило тѣхъ депутатовъ, чтобы встрѣтить короля и препроводить его въ Парижъ.

Это были: Латуръ-Мобуръ, единомышленникъ Лафайета, старинный дворянинъ, какъ и тотъ знакомый съ придворными приѣмами. Затѣмъ Барнавъ, краснорѣчивый ораторъ лѣвой стороны и не разъ схватывавшійся съ Мирабо въ жаркихъ спорахъ. По смерти послѣдняго, онъ однако поколебался въ своихъ демократическихъ воззрѣнiяхъ и постепенно пришелъ къ его убѣжденiю, что во Франціи положительно нѣтъ задатковъ республики и стройное правленіе возможно лишь при конституціонной монархіи. Наконецъ Петіонъ, впоследствии жирондистъ и парижскій меръ. То былъ грубый человѣкъ. Въ своемъ жесткомъ, суровомъ республиканизмѣ онъ пренебрегалъ даже и внѣшними знаками уваженія къ королю.

Эти три депутата и привезли назадъ короля.

Въ Парижѣ приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобы предупредить какое бы то ни было оскорбленіе королевскаго семейства и затрудненія поѣзда. Войска и національная гвардія стояли густыми шпалерами при появленіи кареты. Мрачнымъ молчаніемъ встрѣтили короля и проводили въ Тюльери. Нѣкоторые свидѣтели увѣряютъ, будто въ предмѣстьяхъ привѣтствіемъ ему былъ яростный ревъ; но при этомъ однако не пытались остановить поѣздъ.

Король, слѣдовательно, вернулся, и предсказаніе Мирабо сбылось. Если и до бѣгства 20 іюня было трудно спасти монархію, то теперь это стало почти невысказуемо. Французы были изумительно единодушны въ своемъ враждебномъ настроеніи къ королю. Это поразило даже самого Лудовика XVI. До бѣгства было хотя человѣческое состраданіе къ его бѣдствіямъ, теперь исчезло и оно. На допросъ король сказалъ, что во время поѣздки самъ убѣдился въ народномъ желаніи новой конституціи и въ безвозвратномъ приговорѣ общественнаго мнѣнія старому порядку. Поэтому-то онъ ни на минуту не задумывается безусловно принять новую конституцію. Въ мгновеніе, когда онъ говорилъ это, онъ, разумѣется, такъ и думалъ. Но его слова опирались на фактъ, смыслъ котораго всего яснѣе обнаруживался, какъ сопровождавшими его обстоятельствами, такъ и цѣлымъ потокомъ адресовъ, ежедневно приходившихъ теперь изъ провинцій.

Дѣло короля передъ судомъ національнаго собранія и клубовъ.

Съ того времени, какъ привезли короля и отсрочили его власть, демократическая партія дѣлала въ Парижѣ то же, что крестьяне въ деревняхъ, по которымъ проѣзжалъ Лудовикъ на возвратномъ пути. Она забила въ набатъ въ печати и вооружилась въ клубахъ.

Уже 1 іюля Малуэ въ сильнѣйшемъ волненіи взошелъ на трибуну и воскликнулъ: «Въ дверяхъ національнаго собранія, на каждомъ вашемъ шагу, на вашихъ глазахъ, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ конституцію и общественный порядокъ. Съ умысломъ, не только крамольнымъ, но, по всѣмъ признакамъ, преступнымъ, внушаютъ народу уничтожить королевскую власть». Онъ совѣтуетъ преслѣдовать злодѣевъ. Центръ и правая сторона соглашаются съ нимъ. Но крайняя лѣвая, именно гг. Шабру, Дильонъ и Шапелье, отстраняють эту мѣру. При страшной суматохѣ въ залѣ и на галлерейхъ принимается рѣшеніе перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Если послѣдніе ораторы говорили еще довольно двусмысленно о сохраненіи монархіи, то получавшіеся изъ провинцій адреса и заявленія вполне ясно обнаружили, что тамъ готовы скорѣе пожертвовать королемъ, чѣмъ новымъ порядкомъ. Провинціалы не боялись говорить безъ всякихъ обиняковъ объ отреченіи Лудовика.

У монархическаго большинства въ собраніи исчезла почва подъ ногами. Его лишили послѣдняго значенія козни якобинцевъ, которымъ ошибки короля послужили оружіемъ къ сокрушенію однимъ и тѣмъ же ударомъ и королевской власти, и собранія.

Въ какомъ духѣ уже теперь разсуждали о королевскомъ вопросѣ, видно изъ рѣчи, сказанной Бриссо 10 іюля въ якобинскомъ клубѣ. Она полна того «республиканскаго» пыла (*verve républicaine*), который особенно проявлялся у Верньо и Сенъ-Жюста въ 1793 году. Когда же въ ней говорится объ иностранныхъ державахъ, намъ слышится Демуленъ. Ораторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ратуетъ противъ неприкосновенности королевской власти и рекомендуетъ (что весьма характеристично) іезуитское ученіе Маріаны *) объ умерщвленіи тирановъ. Обрисуемъ эту рѣчь двумя-тремя выдержками.

«Египтяне же думали, будто королевская власть существенная принадлежность правленія. Желая однако избавиться отъ зла, сопряженнаго съ существованіемъ живыхъ королей, они замѣняли ихъ камнемъ, который и ставили на престолъ, въ качествѣ мертваго короля. Шейхи клали на него алкоранъ съ саблей и оставались республиканцами. Если камень и алкоранъ не чувствуютъ наказанія, то, вѣдь, они и не могутъ провиниться. Они не составляютъ заговоровъ противъ правъ націи... Объявленіе человѣческихъ правъ требуетъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Стало-быть, равенства нѣтъ съ той минуты, какъ одинъ человѣкъ становится выше закона. А всѣ статьи Объявленія Правъ незамѣтно улетучиваются съ того мгновенія, какъ

*) Іоаннъ Маріана, испанскій іезуитъ, учитель испанскаго короля, Филиппа III, прославлялъ Жака Клемана, убійцу Генриха III. Ред.

одна изъ нихъ дерзко попрапа ногами. Верховенство націи никого не признаетъ господиномъ надъ собою. Стало-быть, если одинъ человѣкъ пользуется привилегіей безнаказанно вступать въ заговоръ противъ націи, ясно, что это привилегированное существо—верховная власть, а нація—его раба. Я могу считать его лишь Богомъ, а гражданъ 25-тью милліонами головъ скота или невольниковъ». Какъ говоритъ ораторъ объ иностранныхъ державахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ о Пруссіи и о Нѣмецкой имперіи. «Боятся ли намъ Пруссіи? Если инквизиція овладѣваетъ престоломъ, она расшатываетъ и подрываетъ его. А прусскій король ничто иное, какъ великій инквизиторъ. То сластолюбецъ, то иллюминатъ, то безразсудно смѣлый, то слабый, этотъ государь играетъ роль и судьи Европы, и игрушки своихъ враговъ... Говорить ли мнѣ о нѣмецкомъ союзѣ (*ligue germanique*), этомъ пустомъ призракѣ; объ этихъ мелкихъ государствахъ, что осмѣливаются укрывать нашихъ бѣглецовъ? Имѣй наше министерство малѣйшее понятіе о величіи нашей революціи, и оно однимъ своимъ словомъ обратило бы въ ничто этихъ темныхъ тирановъ, народы которыхъ освободятся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ».

14, 15 и 16 іюля шли пренія о жизненномъ вопросѣ монархіи и конституціи, о безотвѣтственности и неприкосновенности короля.

Всѣ эти пренія доказали, что республиканская партія въ національномъ собраніи, при единодушій противниковъ, еще очень слаба; но что она не пренебрегаетъ никакими средствами, ни крикомъ, ни шумомъ, ни подготовленнымъ терроризмомъ на галлереяхъ, наполнявшихся подкупленною сволочью. Всѣми этими мѣрами республиканцы прерывали спокойное обсужденіе дѣлъ и старались овладѣть рѣшеніями собранія.

Отсюда-то проистекалъ совершенно противоположный пріемъ одной и той же рѣчи въ залѣ и на галлереяхъ. Когда такіе господа, какъ Вадье, употребляли подобныя выраженія: «Считалъ-ли кто-нибудь изъ насъ возможнымъ, чтобы коронованный разбойникъ безнаказанно убивалъ, опустошалъ все огнемъ и мечемъ и призывалъ въ отечество иностранныхъ наемниковъ?» ихъ прерывали въ залѣ крики даже лѣвой стороны, а на галлереяхъ имъ отчаянно аплодировали. По словамъ Монитера, рѣчь Гупиля, страстнаго королевскаго защитника, сильно нападавшаго на якобинцевъ, иногда даже поименно, была одобрена большинствомъ собранія, тогда какъ большинство галлерей по крайней мѣрѣ промолчало.

Изъ всѣхъ обвинителей короля самую важную рѣчь сказалъ Ребеспьеръ. Вообще идея у него была та же, что и въ клубной рѣчи Бриссо 10 іюля. Но при этомъ Робеспьеръ въ весьма замѣчательныхъ словахъ отклонялъ отъ себя упрекъ въ республиканизмѣ. «Пусть, сказалъ онъ, кто хочетъ обвиняетъ меня въ республиканизмѣ. Объявляю: я ненавижу всякое правленіе съ господствомъ мелкихъ партій. Что пользы сбросить иго одного деспота, чтобы подпасть подъ иго другаго? Когда Англія освободилась отъ

ига одного изъ своихъ королей, это повело лишь къ наложенію на нее еще позорнѣйшаго ига со стороны небольшого числа ея согражданъ. Но, признаюсь, между нами я вовсе не вижу могучаго генія для роли какого-нибудь Кромвеля... Нужно успокоить націю насчетъ того, что она не подвергнется черезчуръ долго олигархическому правленію».

Король, конечно, не мало мѣшалъ своимъ защитникамъ. Даже Грегуаръ выступилъ съ вопросомъ: «Положимъ, король согласится, присягнуть; но какую цѣну придавать намъ его клятвамъ?»

Наконецъ, умѣренные монархисты лѣвой стороны овладѣваютъ словомъ. Даже Дюпонъ и новообращенный Барнавъ защищаютъ короля. На рѣчь Барнава со всѣхъ сторонъ сыплется одобренія. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «Вы не знаете, что если нація въ минуту страсти низвергнетъ королевскую власть, то въ слѣдующее мгновеніе, подчиняясь другой страсти, уничтожить и республику, чтобы воздвигнуть тиранію». Барнавъ очень вѣрно ставитъ, какъ единственный существенный вопросъ, слѣдующій: «Кончить намъ революцію, или начать ее снова?... Пора ей прекратиться. Начатая и признанная къ чести націи, она должна остановиться въ минуту достиженія своей цѣли, въ минуту свободы націи и равенства всѣхъ Французовъ. Желать большаго, значитъ желать конца нашей свободы и начала нашихъ провинностей».

Что большинство подастъ голосъ за безотвѣтственность и неприкосновенность короля, это было уже несомнѣнно.

Принятое рѣшеніе совсѣмъ умалчивало объ обвиненіи Лудовика XVI; оно ввело лишь три постановленія, по которымъ на будущее время король свергался съ престола за подобные проступки.

Этотъ вопросъ послужилъ къ распаденію якобинскаго клуба. Конституціоналисты вышли изъ него и собрались въ монастырѣ Фельяновъ *). Впрочемъ, этимъ не подорвалась власть клуба. Напротивъ, онъ освободился теперь отъ балласта умѣренной партіи, и въ немъ выступила наружу безъ примѣси и исключительно вся сила анархистовъ. Изъ этого кружка вышли потомъ всѣ самые яростные вожди верховной демократіи.

Но предстоящее окончаніе конституціи и спасеніе ея высшаго принципа, неприкосновенности короля, стоило еще кровавой уличной сцены.

Клубы подняли въ предмѣстьяхъ свою постоянную лейбъ-гвардію. Рѣшили обнародовать на Марсовомъ полѣ 17 іюля бурный адресъ, въ родъ того, который появился 15 числа за подписью «le peuple» и громилъ «клятвopепреступнаго короля». Этотъ адресъ, подписанный цѣлыми толпами, долж-

*) Feuillants—такъ называлось общество цистерціанскихъ монаховъ, основанное въ 1577 году для самаго строгаго исполненія устава св. Бенедикта. Въ Парижѣ, въ церкви монастыря Фельяновъ, въ 1791 г. стали собираться друзья Лафайета, ядро умѣренной партіи. Ред.

ны были вручить королю сами подписчики. Толпы, на которыя рассчитывали, признавались достаточно способными уяснить основы дѣла! Правственнымъ виновникомъ похода былъ Робеспьеръ, — умный человекъ, обыкновенно устранявшійся, когда дѣло доходило до кулаковъ, — видимыми руководителями Мальяръ, Журданъ («Coupe-tête, головорѣзъ») и Сантеръ.

Адресъ былъ подписанъ въ воскресенье, 17 іюля, при громадномъ стеченіи народа. Издатели сочиненія *Histoire parlementaire* видѣли оригиналъ его, гдѣ нашли около 6,000 подписей женщинъ, дѣтей и умѣвшихъ поставить лишь +, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такія имена, какъ Шометь, Мальяръ, Геберъ, Ганріо и другіе.

Самый походъ не состоялся. Если клубные трибуны, Мараты и Демулены, по цѣлымъ днямъ подучали и подстрекали народъ, то и полиція не оставалась праздною. Муниципальный корпусъ *) опредѣлилъ принять мѣры для охраненія безопасности и порядка. Здѣсь, какъ и въ комитетахъ національнаго собранія, фельяны имѣли еще перевѣсъ, и 16 числа послѣднее приняло рѣшеніе, придавшее вѣсу дѣйствіямъ муниципального корпуса. Военный законъ, уполномочивавшій парижскую общину, по троекратномъ безплодномъ предостереженіи, силой разсѣивать сборища, давалъ законное средство раздавить возстаніе въ зародышѣ.

Подписчики адреса 17-го іюля знали объ этомъ. Но они не боялись. Лафайетъ и Бальи, разсуждали они, не осмѣлятся сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ.

Собрали національную гвардію, забили по всѣмъ улицамъ генеральный маршъ, на ратушѣ вывѣсили красное знамя. Собравшимся на Марсовомъ полѣ толпамъ, которыя утромъ, на строгія увѣщанія Лафайета, отвѣчали

*) Въ самомъ началѣ революціи, какъ только были изгнаны чиновники стараго правительства, въ большихъ городахъ самовольно образовались народные совѣты (*conseils du peuple*) изъ избирательныхъ собраній. Затѣмъ въ Парижѣ потребовалась болѣе правильная администрація, и явилось (въ іюнѣ 1789 г.) собраніе представителей парижской общины (*Assemblée des représentants de la Commune de Paris*). Оно состояло изъ 120 (потомъ изъ 300) депутатовъ отъ избирателей города Парижа, по два на каждый изъ 60 дистриктовъ столицы, и изъ выборнаго мера. Но и это собраніе не устраняло анархіи. Тогда (въ іюнѣ 1790 г.) возникъ законъ объ окончательномъ устройствѣ парижской общины. Исполнительною властью сталъ муниципалитетъ (*corps municipal*), образовавшійся изъ одного мера, 16 администраторовъ, 32 общинныхъ совѣтниковъ и проч. Городъ былъ раздѣленъ въ это же время на 48 частей (*section*), изъ коихъ каждая составляла «первоначальное собраніе», все участвовавшее въ выборѣ упомянутыхъ лицъ. Меръ съ 16 администраторами образовывали собственное правленіе (*bureau*) столицы, а 32 общинныхъ совѣтника — муниципальный совѣтъ (*conseil municipal*). Для полицейскаго управленія подлѣ мера находились полицейскіе комиссары, по одному изъ каждой части. Ред.

ружейными выстрѣлами, прочли вечеромъ законъ о мятежѣ и предлагали добровольно разойтись. Когда это не подѣйствовало, послѣдовали неожиданные выстрѣлы. Нѣсколько ихъ было достаточно, чтобы разсѣять массы.

Это не была «кровавая баня», какъ выражалась демократическая печать. Если и лилась кровь, то все больше кровь любопытныхъ да заносчивыхъ зрителей, между тѣмъ какъ зачинщики или вовсе не показывались, или же ускользнули вовремя. Впрочемъ, у пораженной партіи были основательныя причины представлять это въ возможно черномъ цвѣтѣ. Лафайетъ, лично подвергавшійся чрезвычайной опасности, былъ на столько великодушенъ, что отпустилъ одного изъ самыхъ главныхъ мятежниковъ, направившаго на него свое оружіе и попавшагося ему въ руки.

Фельяны поздравляли себя съ мнимо-рѣшительною побѣдой. 18 іюля слушали въ національномъ собраніи докладъ мера, поведеніе котораго одобрили. При этомъ безъ долгихъ обсужденій приняли постановленіе противъ мятежныхъ замысловъ, возмутительныхъ памфлетовъ и сборищъ, чему Петіонъ не посмѣлъ противиться энергично. Ближайшимъ слѣдствіемъ было кратковременное молчаніе анархической партіи. Между тѣмъ какъ туловище якобинскаго клуба прислало въ собраніе даже адресъ съ извиненіями, Марать, казалось, исчезъ безслѣдно съ своимъ «Другомъ Народа». Франція дня два должна была обходиться безъ этой благородной газетки. Революціонеры боялись послѣдствій побѣды 17 іюля, опасались, какъ бы не пріободрилось національное собраніе, не закрыло клубовъ якобинцевъ и кордельеровъ и не уничтожило этимъ гнѣзда возстаній. Но они были несправедливы къ фельянамъ. Послѣдніе, словно изнеможенные, переводили духъ послѣ этого доказательства своей энергіи. Имъ казалось, будто они уже довольно сдѣлали, пріобрѣтя пока спокойствіе. Дня черезъ два снова появились демократическія газетки; онѣ осмѣивали враговъ, которые убили двухъ-трехъ невинныхъ, всѣмъ же извѣстныхъ зачинщиковъ оставили въ покоѣ. Демуленъ издалъ яростный памфлетъ противъ Лафайета, Балъи и фельяновъ. Въ немъ самымъ невиннымъ упрекомъ было, будто они затѣяли всю эту исторію для обнародованія закона о мятежахъ.

Какъ бы то ни было, главная задача была рѣшена: неприкосновенность короля достигнута и жизненный вопросъ конституціи оконченъ въ духѣ монархическаго большинства.

Пересмотръ и завершеніе конституціи.

Національное собраніе рѣшило теперь снова пересмотрѣть конституцію и выбросить потомъ постановленія, несогласныя съ основами конституціонной монархіи.

Различныя попытки демократовъ провести-таки поправки въ своемъ духѣ не удались; но и большинство остановилось на полдорогѣ. Послѣ кое-какихъ измѣненій въ законахъ о выборахъ и печати, въ главномъ остались при томъ, что уже Мирабо называлъ слабою стороною новаго порядка. Оставили именно однокамерную систему и отсрочивающее veto.

Въ концѣ августа конституція была готова. 4 сентября короля освободили отъ ареста и 60 депутатовъ національнаго собранія вручили ему документъ *). Планъ собранія былъ вполнѣ возвратить монарху его права, какъ только онъ присягнетъ конституціи, и затѣмъ открыть опредѣленное правленіе.

Король заявилъ депутаціи, принесшей ему документъ, что проситъ времени на размышленіе. Потомъ отправилъ въ собраніе полное признательности письмо; въ немъ онъ соглашался принять конституцію. 14 сентября онъ самъ явился въ собраніе и принесъ присягу. При этомъ онъ просилъ амнистіи за все прошлое. Его отпустили съ восторженнымъ «vive le roi!» и всѣ были въ упоеніи отъ радости.

Прежде, чѣмъ послѣдовало принятіе конституціи, при дворѣ случилось кое-что, плохо согласовавшееся съ этою сценой.

Изъ записокъ придворныхъ мы знаемъ, сколько тяжелыхъ страданій стоило рѣшиться на этотъ шагъ. Король говорилъ неправду, когда писалъ въ упомянутомъ письмѣ о своемъ радостномъ согласіи. Въ дѣйствительности онъ видѣлъ въ этомъ чрезвычайно тяжкія оковы, которымъ подчинился, послѣ долгаго сопротивленія, словно смертному приговору. Во дворцѣ по цѣлымъ днямъ совѣщались о «да» или «нѣтъ», и, можетъ быть, рѣшеніе послѣдней минуты зависѣло лишь отъ благоразумныхъ совѣтовъ императора Леопольда, настаивавшаго на принятіи конституціи.

Король шелъ въ собраніе, какъ идутъ на судъ.

Радостно, съ мужествомъ и спокойствіемъ чистой совѣсти взошелъ онъ 21 января 1793 года на эшафотъ: въ немъ непримѣтно было волненія. Теперь же онъ вышелъ изъ дворца въ слезахъ, въ глубокомъ душевномъ потрясеніи, будто готовился къ смерти. Такъ было за кулисами.

30 сентября 1791 года національное собраніе закрыло свои засѣданія. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ законодательнымъ собраніемъ начинался правильный ходъ новаго парламентскаго правленія. Во главѣ трудовъ учредительнаго собранія стоятъ человѣческія права. За ними слѣдуютъ основныя мысли 4 августа **). Затѣмъ идутъ общія права: допущеніе ко всѣмъ долж-

*) Перепечатано въ Hist. parlementaire, XI, 404 sqq. Тамъ же см. и критику конституціи Малюе съ конституціонно-монархической точки зрѣнія.

**) «Нѣтъ болѣе ни дворянства, ни перства, ни наслѣдственныхъ привилегій, ни различія въ чинахъ, ни феодальнаго правленія, ни вотчиннаго суда, ни какихъ-либо титуловъ, званій и проистекавшихъ отсюда преимуществъ, никакихъ орденовъ и т. д.

ностямъ, одинакія повинности и наказанія, свобода совѣсти и печати, право сходовъ и просьбъ, самоуправленіе общинъ, свобода торговли, покровительство личной свободѣ, уничтоженіе приказовъ объ арестѣ, неприкосновенность тайны писемъ, отдѣленіе судебнаго вѣдомства отъ администраціи, избраніе чиновниковъ и приходскихъ священниковъ, образованіе, попеченіе о бѣдныхъ и сиротахъ, общее право (*code des lois civiles communes*).

Далѣе: постановленія о департаментахъ и правахъ гражданъ, о поселеніяхъ и гражданскомъ бракѣ, объ общинныхъ владѣніяхъ. Наконецъ, законы о правительственныхъ органахъ, постоянной камерѣ, обновляющейся каждые два года (*une législature*), о числѣ депутатовъ, о порядкѣ и правѣ избранія; опредѣленія о королевской власти и регентствѣ, объ отвѣтственныхъ министрахъ, о способѣ переговоровъ короля съ собраніемъ, о *veto*, объ исполнительной власти и управленіи, о судѣ, и т. д.

Вотъ остовъ всемірно-исторической конституціи, великія основы которой до настоящаго времени управляли политическою жизнью большинства цивилизованныхъ народовъ.

Начиная съ 1812 года, все конституціонное движеніе въ Испаніи и Италіи, въ Германіи и Бельгіи, даже въ самой центральной и южной Америкѣ, коренится въ этой конституціи. Едва ли возможно указать на какую-нибудь важную мысль въ политическомъ развитіи послѣднихъ десятилѣтій, которая не заключалась бы въ ней. До сихъ поръ міръ не покинулъ еще пути, указаннаго ею, еще не возвысились надъ требованіями, съ которыми она обращается къ народамъ.

Но, разумѣется, примѣненіе изложенныхъ въ этой конституціи идей вовсе не принесло плодовъ для тогдашняго французскаго народа.

Не будемъ судить теперь слишкомъ строго. То было время, подобное которому едва ли найдется въ исторіи. Рушится съ оглушительнымъ шумомъ монархія, какой свѣтъ не видалъ прежде, и такъ внезапно, что все приходитъ въ ужасъ. На этихъ-то развалинахъ порядка, безъ преданій, безъ органовъ власти, безъ закона, безъ послушанія, безъ политической подготовки народа и его представителей, это собраніе должно было создать новое государство. Поистинѣ, этому собранію слѣдовало быть болѣе великимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности: представлялась гигантская задача, не подъ силу никакому собранію.

Нѣтъ больше ни продажности, ни наслѣдственности публичныхъ должностей. Нѣтъ больше никакой привилегіи, никакого исключенія изъ общихъ правъ всѣхъ Французовъ въ пользу какой бы то ни было части націи или отдѣльнаго лица.

Нѣтъ больше ни цеховъ, ни ремесленныхъ корпорацій.

Законъ не признаетъ больше ни религіозныхъ обѣтовъ, ни какихъ-либо другихъ обязательствъ, противныхъ естественнымъ правамъ или конституціи».

Печать этого необычайнаго времени лежитъ и на его созданіяхъ.

Иначе и быть не могло. Пренія и постановленія собранія неизбѣжно должны были всегда отличаться характеромъ опытовъ. Гдѣ все такъ незакончено и неподготовлено, тамъ не явится стройному созданію. Собранію приходилось бороться съ непримиримыми крайностями. Оно колебалось между демократическими желаніями и страхомъ предъ монархіей. При этомъ и демократы, и роялисты, равно не признававшіе конституціи, наперерывъ старались разрушить или сдѣлать несостоятельнымъ все, вызванное на свѣтъ съ такимъ трудомъ.

Чтобы конституція пустила корни, ничего не было лучше, какъ составить новое собраніе главнымъ образомъ изъ ея авторовъ. Поэтому былъ желателенъ переходъ большинства членовъ прежняго собранія въ новое. Рѣши національное собраніе составить часть законодательнаго собранія изъ учредительнаго, и, какъ бы тамъ ни заговорили объ ограниченіи права избранія, то былъ бы политическій шагъ, предотвратившій бы, вѣроятно, невыразимыя бѣдствія.

Такъ поступилъ въ послѣдствіи конвентъ. Когда же парижское населеніе приготовило противъ него бурный протестъ, Бонапартъ «картечью вымелъ улицы». Одного, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы дѣлать собранію ни теперь, ни послѣ—выключать членовъ учредительнаго собранія изъ выборовъ въ законодательное.

Но именно это и постановило оно по предложенію Робеспьера (21 мая). Нація рѣшаетъ совершенно объективно; выборъ остается свободнымъ, лишь бы онъ не палъ на депутатовъ 1789 г. Это было вовсе не политично. Конституція еще только клочекъ бумаги, а уже удаляютъ тѣхъ, которые одни любили этотъ трудъ и понимали дѣло, тѣхъ, для кого весь интересъ заключался въ его осуществленіи.

Въ числѣ этихъ 1200 исключенныхъ были чуть ли не всѣ политическіе умы тогдашней Франціи. Откуда явиться сію же минуту государственнымъ людямъ на смѣну имъ въ дѣлѣ, стоявшемъ уже столь страшныхъ трудовъ? Пусть даже *homines novi*, за которыхъ приходилось теперь схватиться, и немного уступали бы своимъ предшественникамъ по политическимъ способностямъ: благоговѣнія къ наслѣдію учредительнаго собранія отъ нихъ, разумѣется, нечего было ожидать. Было бы уже хорошо, еслибы вновь избранные считали конституцію 1791 г. почти принятою точкой зрѣнія и видѣли въ ней по крайней мѣрѣ недурную переходную ступень и больше ничего.

Г Л А В А IX.

Иностранныя державы. Конгрессъ въ Пильницѣ (Августъ. 1790 годъ) *).

Между тѣмъ за границей не оставались праздными. Извѣстія о подготавливавшихся тамъ событіяхъ не разъ омрачали настроеніе Франціи, хотя ихъ непосредственное вліяніе преднамѣренно весьма преувеличивалось.

Императоръ Леопольдъ II явно старался избавиться отъ всякаго затрудненія, неизбежнаго для него при вмѣшательствѣ во французскія дѣла. Въ 1791 году онъ отправился въ Италію, въ свои наслѣдственные земли. Тогда произошла сцена 18 апрѣля, доказавшая, что Лудовикъ XVI плѣнникъ Парижанъ. Тутъ король послалъ графа Альфонса Дюрфора къ своему

*) Считаю необходимымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на точку зрѣнія, съ которой смотритъ Гейссеръ на европейскую, особенно нѣмецкую дипломатію описываемой эпохи. Это вопросъ весьма значительный уже потому, что онъ, несмотря на свою важность, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, доселѣ еще не рѣшенъ окончательно въ наукѣ. Столь великія европейскія событія, какъ зарожденіе революціонной войны и начало паденія Польши, стали обсуждаться научнымъ образомъ лишь въ наши дни. Подъ словомъ «научный» мы разумѣемъ изслѣдованіе дѣла по архивскимъ источникамъ — единственный и вполнѣ вѣрный путь къ истинѣ въ этомъ случаѣ. Любопытно, что наиболѣе заинтересованныя тутъ націи, французская и польская, всего менѣе принимаютъ участія въ этой работѣ. Честь почина здѣсь принадлежитъ Нѣмцамъ и намъ, благодаря просвѣщенному взгляду на науку прусскаго и русскаго правительствъ. Австрія сильно отстала отъ нихъ: она доселѣ держитъ замѣчательный вѣнскій архивъ подъ семью печатами и лишь изъ приличія стала кидать изъ него, въ послѣдніе 2—3 года, ничтожныя крохи на просмотръ ничтожнымъ историкамъ, въ родѣ «венгерскаго дворянина» Вивено съ его «Герцогомъ Альбрехтомъ фонъ-Саксенъ-Тешенъ». Русская наука много помогла въ разъясненіи темнаго вопроса въ лицѣ Смита, Милютина и Соловьева, на труды которыхъ Нѣмцы тотчасъ же обратили должное вниманіе.

Но несовсѣмъ ладно идетъ дѣло у нихъ самихъ. Политическія современныя тенденціи, къ сожалѣнію столь свойственныя нѣмецкимъ историкамъ, не мало подбавляютъ темноты къ неяснымъ вопросамъ. «Малогерманскій» историкъ горячится въ спорѣ съ «великогерманскимъ», и наоборотъ. Вотъ почему въ послѣднее время въ нѣмецкой исторической наукѣ идетъ сильная борьба по вопросамъ, о которыхъ мы говоримъ. Гейссеръ и Зибель съ одной стороны, Германъ (Russ. Gesch. и Vorsch. zur deutsch. Gesch.) съ другой, вотъ главные бойцы на этомъ полѣ. Послѣднимъ актомъ въ этой борьбѣ должно считать появившуюся въ 1868 году книжку Зибеля: «Oesterreich und Deutschland im Revolutionskrieg», служащую дополнительнымъ выпускомъ къ его «Исторіи революціонной эпохи». Она вызвана давно ожидаемыми имъ вѣнскими документами, которыми нѣсколько попользовались вышеупомянутый Vivenot и Hüffer (Oesterreich und Preussen gegenüber der französ. Revolution). Ред.

царственному шурина въ Италію для побужденія его къ дѣятельному сопротивленію революціи.

Императоръ поступилъ уклончиво. Онъ отвѣчалъ очень ласково, остерегался однако положительныхъ обѣщаній. Когда же теперь совершенно неожиданно явился самъ графъ Артуа, младшій братъ короля, и развилъ передъ императоромъ готовый планъ европейскаго вторженія во Францію, настроеніе его обнаружилось еще яснѣе.

Онъ заявилъ, что вполне раздѣляетъ принципъ, но, вмѣсто немедленнаго вторженія, соглашался лишь на пограничныя демонстраціи, а вмѣсто дѣйствій въ одиночку предлагалъ европейскій конгрессъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла бы вся политика относительно Франціи.

Послѣ второй, болѣе настоятельной прессы, императоръ рѣшился на первый шагъ; онъ обѣщалъ стянуть на защиту короля всѣ войска, какія только у него были въ Бельгіи. Но тутъ пришло извѣстіе о бѣгствѣ и арестѣ Людовика.

Теперь неотступно просили Леопольда, какъ монарха, какъ шурина Людовика, не ограничиваться обѣщаніями, а сдѣлать что-нибудь серьезное. И вотъ онъ 6 іюля отправилъ изъ Падуи окружное посланіе къ монархамъ Европы. Въ немъ онъ предлагалъ имъ единодушно объявить дѣло короля Франціи своимъ собственнымъ, настаивать на свободѣ и личной безопасности Людовика, и всѣ новые законы признать дѣйствительными лишь съ добровольнаго согласія короля; въ противномъ случаѣ вмѣшаться въ дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вотъ первый промахъ, въ который удалось вовлечь Леопольда II. Подобное заявленіе имѣло смыслъ лишь при 200,000 солдатъ, готовыхъ, въ случаѣ нужды, придать ему вѣсь. Слова же безъ дѣлъ, угрозы безъ штыковъ были опасны.

Между тѣмъ во Франціи все оставалось попрежнему. Для новаго толчка нужно было опять случиться чему-нибудь.

Фридрихъ Вильгельмъ II настаивалъ на свиданіи. Въ высшихъ берлинскихъ кружкахъ не могли дождаться открытія крестоваго похода въ Парижъ. Императрица Екатерина II посильно раздувала огонь, надѣясь пожаромъ на западѣ надѣлать хлопотъ своему безпокойному сосѣду *).

*) Занять войною западныя державы, дѣйствительно, входило въ планы Екатерины, что доказываютъ ея собственныя слова, которыя мы находимъ въ запискахъ ея секретаря, Храповицкаго: «Въ воскресенье, при разборѣ Московской почты, сказано мнѣ: «Я ломаю себѣ голову, чтобъ подвигнуть Вѣнскій и Берлинскій дворы въ дѣла французскія. Пруссскій бы пошелъ, но останавливается Вѣнскій». Написали записку къ вице-канцлеру: «Они меня не понимаютъ: виновата ли я? Есть причины, которыя нельзя открывать; я хочу занять ихъ, чтобы пользоваться свободой дѣйствія; у меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали».

ленно согласился Леопольдъ. Въ послѣдніе дни августа 1791 года съѣхались монархи въ Пильницѣ, оба въ сопровожденіи лишь самыхъ близкихъ своихъ повѣренныхъ.

Имъ было весьма непріятно появленіе непрощеннаго Артуа съ Калономъ и Булье.

Плодомъ этого свиданія былъ планъ манифеста. Вполнѣ еще не рѣшено, обѣ ли стороны и какъ подписали его. Въ сущности оба монарха объявили графу Артуа, что, считая судьбу короля Франціи предметомъ общаго интереса всѣхъ монарховъ, надѣются, что и остальные державы заодно съ ними употребятъ самыя дѣйствительныя средства къ возвращенію королю полной свободы. Они же, между тѣмъ, готовы принять надлежащія мѣры, чтобы поставить свои войска на походную ногу.

Вскорѣ затѣмъ австрійскій дворъ началъ отрицать обязательность этого заявленія. Вообще нѣтъ сомнѣнія, что обѣщанія Леопольда не удовлетворяли широкимъ требованіямъ Артуа, будь даже обнародованное заявленіе болѣе опредѣленно.

Но этотъ документъ явился въ свѣтъ. Заключавшаяся въ немъ угроза была осязательна, и ее довольно живо оцѣнили во Франціи. Для якобинцевъ она представляла превосходное орудіе, для приверженцевъ королевской власти страшное затрудненіе.

Еще и теперь мы встрѣчаемъ во многихъ книгахъ увѣренія, будто пильницкое заявленіе вызвало революціонную войну. Это совершенно несправедливо. Войну начали якобинцы, потому что они желали ея и нуждались въ ней.

Правда, однако, что этимъ обѣ нѣмецкія державы открыли весьма неблагоприятную политику. Было чрезвычайно бессмысленно раздражать революцію и французскій народъ угрозой вооруженнаго вмѣшательства и затѣмъ все-таки ничего не сдѣлать для подкрѣпленія этой угрозы. Выставъ обѣ державы тотчасъ же 200,000 человекъ на Рейнѣ, ихъ поступокъ

Но, кромѣ того, дѣйствуя противъ революціи, Екатерина имѣла въ виду и другую цѣль. Она охотно приняла предложеніе Австріи и Пруссіи составить коалицію противъ Франціи и назначила большую сумму денегъ для вспоможенія братьямъ Людовика XVI и эмигрантамъ, чтобъ оградить безопасность престоловъ отъ революціоннаго движенія и пропаганды. Лучшимъ средствомъ для этого она считала возбужденіе внутренняго антиреволюціоннаго движенія во Франціи, во главѣ котораго должны были стоять братья короля. Оporою имъ должны были служить не иноземныя войска, а многочисленныя Французы, недовольные революціей или ея крайностями. Сосредоточивъ ихъ около себя, принцы должны были обѣщать забыть прошлое, успокоить противниковъ. словомъ, дѣйствовать подобно знаменитому предку ихъ, Генриху IV. Тогда Екатерина не сомнѣвалась въ успѣхѣ, ибо Франція, по ея убѣжденію, была страна монархическая (Соловьевъ. Исторія паденія Польши, стр. 231—232). Ред.

имѣлъ бы смыслъ; теперь же онъ лишь подливалъ масла въ огонь. Этимъ впервые поселили во Французахъ то глубокое недовѣріе къ реставраціонной политикѣ Европы, безъ котораго якобинцамъ врядъ-ли было завладѣть кормиломъ правленія.

Сначала пильницкая угроза вовсе не имѣла непосредственного результата. Національное собраніе закончило свою работу, король примирился съ нимъ. И мѣсяцъ спустя послѣ пильницкаго свиданія, императоръ Леопольдъ II былъ безконечно радъ, что счастливо достигнуто завершеніе конституціи, что король, которому онъ самъ постоянно совѣтовалъ уступить, опять въ сноскомъ положеніи, а онъ самъ, вслѣдствіе этого, освобожденъ отъ тягостныхъ пильницкихъ обязательствъ.

Пруссія и Польша въ 1791-1792 годахъ. (По бумагамъ берлинскаго архива *).

Къ оконченной въ Польшѣ конституціи 3 мая 1791 года берлинскій дворъ относится съ положительнымъ сочувствіемъ, поздравляетъ съ нею Поляковъ и совѣтуетъ курфирсту саксонскому принять ее.

Такъ продолжается лѣтомъ 1791 г., хотя теперь польскія дѣла и уступаютъ французскимъ по интересу. Лишь на одномъ все еще настаиваютъ: чтобы не вступилъ на престолъ, черезъ бракъ или какимъ бы то ни было способомъ, принцъ одной изъ сосѣднихъ династій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно желаютъ покончить дѣло. Высказывается, напримѣръ, опасеніе (министерская нота отъ 6-го іюня), какъ бы медленность саксонскаго курфирста не послужила въ пользу русской партіи.

Положеніе Россіи въ этомъ вопросѣ съ самаго начала не было загадкой ни для Берлина, ни для Варшавы *). Что оно можетъ быть только

*) Отрывокъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти Гейссера. Ср. Sybel, I, кн. 2, гл. 6. О.

*) Взглядъ Россіи на польское дѣло и на связь его съ германскимъ ясно высказался въ собственноручной запискѣ Екатерины II конца 1791 года. Тутъ сказано: «Заключивъ трактатъ съ республикой, гарантировавъ раста соп-venta (ограничительныя условія) нынѣшняго короля, нарушенныя конституціей 3-го мая, я не соглашусь ни на что изъ этого новаго порядка вещей, при утвержденіи котораго не только не обратили никакого вниманія на Россію, но осыпали ее оскорбленіями, задирали ее ежеминутно. Но если другіе не хотятъ знать Россіи, то слѣдуетъ ли изъ этого, что Россія также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господамъ членамъ иностранной коллегіи, что мы можемъ сдѣлать все, что намъ угодно, въ Польшѣ, потому что противорѣчивыя полуволи дворовъ вѣнскаго и берлинскаго противопоставятъ намъ только кипу писанной бумаги, и мы покончимъ наши дѣла сами. Я высказываюсь враждебно только къ тѣмъ, которые хотятъ меня испугать. Екатерина II часто приводила въ трепетъ враговъ своихъ, но не знаю, чтобы враги Леопольда II когда-нибудь его трусили». (Соловьевъ, Исторія паденія Польши, стр. 259). Ред.

враждебно, это считали рѣшеннымъ какъ здѣсь, такъ и тамъ. Поэтому Поляки домогаются склонить Пруссію къ дѣятельному одобренію новаго порядка вещей. Гольцу формально предлагаютъ (депеша отъ 3-го августа): не заявитъ-ли Пруссія на сеймѣ опредѣленно о своемъ желаніи во всякое время и по всякому поводу стоять за новую конституцію? Но въ Берлинѣ вовсе не намѣрены заходить такъ далеко (нота отъ 22-го августа), думая, что и сдѣланнаго достаточно.

Увѣренность во враждебности Россіи росла съ каждымъ днемъ. Въ Варшавѣ не только заявляли Пруссіи и Австріи свои притязанія, но почти съ увѣренностью высказывали надежду, что обѣ державы заступятся за польское дѣло; утѣшались какими-то розовыми грѣзами, которыя омрачились лишь послѣ отрицательнаго отвѣта саксонскаго курфирста (въ октябрѣ).

Ожиданія, возложенныя на Пруссію, и заявленныя какъ въ Варшавѣ, такъ и посланникомъ въ Вѣнѣ, сдѣлались мало-по-малу тягостными въ Берлинѣ. Въ министерской нотѣ отъ 22-го ноября сказано, что нельзя принимать за обезпеченіе новой польской конституціи любезность, оказанную курфирсту саксонскому: «большая разница между простымъ выраженіемъ вѣжливости или участія и обязательствомъ, которое такъ охотно навязываютъ намъ, но котораго мы никогда и не помышляли принимать на себя».

Вѣнскій кабинетъ выказалъ еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ подобное же мнѣніе: «Я все болѣе убѣждаюсь, заявилъ Кауницъ (23-го ноября), что относительно Поляковъ, коихъ легкомысліе, непослѣдовательность и ненадежность обнаруживались столь часто, самое лучшее предоставить ихъ собственной судьбѣ. Пусть, какъ хотятъ, распутываютъ это дѣло». *)

*) Виды вѣнскаго кабинета на Польшу еще лучше и полнѣе высказались въ письмѣ Кауница къ Кобенцелю въ Петербургъ отъ 12-го ноября 1791 года. Тамъ сказано между прочимъ: «Оба императорскіе двора должны немедленно и откровенно объясниться насчетъ польскаго дѣла. Еще 23 мая мы сообщали петербургскому кабинету наши идеи, и просили дать намъ знать объ идеяхъ императрицы. Не разъ вашему превосходительству былъ обѣщанъ отвѣтъ. Медленность въ исполненіи этого обѣщанія ставитъ насъ въ затруднительное положеніе У Австріи и Россіи одни виды насчетъ Польши: обѣ должны желать, чтобы Пруссія не увеличивалась насчетъ Польши и чтобы Польша не усиливалась и не стала опасною сосѣдкой, тогда какъ Пруссія желаетъ слабости Польши съ единственною цѣлью распространить свои владѣнія на ея счетъ.» Изъ сказаннаго выводятся слѣдующія заключенія: 1) Дальнѣйшій раздѣлъ Польши можетъ быть выгоденъ только одной Пруссіи, значитъ, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ обоимъ императорскимъ дворамъ. 2) Необходимо помогать ограниченію королевской власти въ Польшѣ и вообще поддерживать духъ независимости въ польской шляхтѣ. 3) Не менѣе однако необходимо въ будущемъ положить конецъ этому крайнему безпорядку: ничто такъ не выгодно

Австрійскій первый министръ видѣлъ въ требованіи Поляковъ обезпечить имъ помощь безсовѣстное домогательство, послѣ того какъ они сами все затѣяли и не разъ обнаружили злыя намѣренія. Обоимъ дворамъ оставалось держаться полнѣйшаго нейтралитета во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ Польши, что было въ то же время лучшимъ отпоромъ русскимъ притязаніямъ.

Съ этимъ, очевидно равнодушнымъ, воззрѣніемъ совпадали, какъ утрата надежды на мирную развязку у людей, близко стоявшихъ къ событіямъ, такъ и паденіе кредита патріотовъ. Это доказываютъ донесенія Гольца (начиная съ осени) и еще болѣе Люкезини, который, тотчасъ же по прибытіи въ Варшаву (17 декабря), пишетъ: «Эта конституція несокрушима лишь до тѣхъ поръ, пока не вздумаютъ вмѣшаться сосѣднія державы». На что министерство отвѣчаетъ ему 23-го декабря: «Вы знаете нашъ взглядъ на это. Намъ не слѣдуетъ дѣятельно выступать ни за, ни противъ. Мы должны оставаться пассивными, въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, установленный революціей 3 мая, рушится самъ собою».

Съ этимъ согласны донесенія Люкезини, одинаково ярко изображающія какъ затруднительное положеніе новой конституціи, такъ и грозящую Пруссіи опасность, если она слишкомъ горячо вмѣшается въ дѣло. Такой поступокъ лишь помогъ бы Россіи привлечь къ себѣ всѣхъ недовольныхъ и чрезъ это приобрѣсти еще больше вліянія *).

Уже по этимъ заявленіямъ можно судить, какъ незамѣтно измѣнилось настроеніе. Вопреки прежнимъ поздравленіямъ и дружескимъ увѣреніямъ, все опредѣленнѣе выступаетъ желаніе отвязаться и, мало-по-малу, даже злорадство при неудачѣ, грозящей конституціи.

Въ нотѣ 9-го января 1792 года говорится: «Союзъ (между Пруссіей и Австріей) вовсе не касается конституціи, тогда еще не существовавшей и составленной безъ малѣйшаго совѣщанія со мной (съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II). Объ учрежденіи ея я узналъ лишь послѣ ея обнародованія. Я

для прусскихъ плановъ, какъ эти частые выборы королей да легкость, съ какою мѣняются конституціи, благодаря страшной неправильности въ управленіи и сеймахъ. 4) Наслѣдственный король польскій будетъ всегда искреннѣе преданъ обоимъ императорскимъ дворамъ, чѣмъ король избирательный. 5) Легче будетъ обоимъ дворамъ императорскимъ препятствовать улучшенію состоянія Польши, ибо и Пруссія никогда не позаботится объ этомъ улучшеніи (Соловьевъ, Исторія паденія Польши, стр. 255—257). Ред.

*) Денеша отъ 21-го декабря. Plus il est probable que la nouvelle constitution ne se consolidera point par l'acceptation de l'Electeur de Saxe, moins me semble-t-il prudent, de m'éloigner de tous les mécontents qui, abandonnés par la Prusse, se livreraient exclusivement à la Russie et l'aideraient à regagner par-là un pouvoir illimité en Pologne.

Подобная же денеша отъ 28-го декабря; согласная съ нею министерская нота отъ 21 декабря.

тѣмъ менѣе могу вмѣшиваться по поводу этой конституціи и ея сохраненія, что это касается чисто внутреннихъ дѣлъ республики, въ устройствѣ которыхъ я не принималъ, да и не приду участія».

При такихъ обстоятельствахъ начинаетъ дѣйствовать Россія. Съ начала 1792 г. получались извѣстія о неудовольствіи Россіи на Австрію за ея поведеніе, какъ въ польскихъ, такъ и во французскихъ дѣлахъ. Теперь изъ Берлина пришло въ Петербургъ и Варшаву такое объясненіе. При гарантіи въ 1790 году польской территоріи, имѣлось въ виду лишь устраненіе исключительнаго вліянія какой-либо иностранной державы. Министерство совѣтовало тогда королю оставаться вначалѣ пассивнымъ, пока точно неизвѣстны намѣренія Россіи. Впрочемъ, можно было и признать польскую конституцію подъ условіемъ будущихъ въ ней измѣненій, которыя удерживали бы Поляковъ въ политическомъ ничтожествѣ (*nullité politique*). Донесенія изъ Варшавы съ каждымъ днемъ становились все холоднѣе и равнодушнѣе къ внутреннимъ дѣламъ Польши. Пруссіе политики какъ-то безучастно смотрѣли на происки Россіи и на соглашеніе Ржевускаго съ Потоцкимъ *). «Императрица, для ниспроверженія конституціи, писалъ Люкезини, 1-го февраля, не нападетъ на Поляковъ открыто, а станетъ дѣйствовать путемъ подкуповъ, постарается создать свою партію, образовать конфедерацию».

Когда одновременно съ этимъ (7-го февраля) былъ заключенъ австрійско-пруссійскій союзный договоръ **), предложеніе Австріи опредѣленнѣе указывало на конституцію 3 мая, требуя отъ Пруссіи гарантіи «свободной» конституціи Польши. Такое выраженіе встрѣтило однако въ Пруссіи рѣшительное сопротивленіе ***). Наконецъ, согласились въ словахъ. Поставили: «Какой бы то ни было ****) свободной конституціи Польши» *****).

*) Генералъ коронной артиллеріи, Феликсъ Потоцкій, и гетманъ польный коронный, Ржевускій, были главными вождями недовольныхъ майскою конституціей. Они уже съ осени 1791 года начали заискивать помощь Россіи: ѣздили къ Потемкину въ Молдавію, обращались съ просьбами къ Безбородко въ Яссахъ. Третій ихъ сообщникъ, великій гетманъ Браницкій, поѣхалъ даже въ Россію, подъ предлогомъ полученія тамъ какого-то наслѣдства. Въ мартѣ 1792 года въ Петербургѣ явились и Потоцкій съ Ржевускимъ. Ред.

**) См. еще *Articles séparés* въ *Suppl. II. 176 sqq.*

***) Пруссійскій король стоялъ на своемъ и доказывалъ, что прочная наслѣдственная монархія въ Польшѣ опасна для Пруссіи. Онъ исполнилъ, что обѣщалъ въ 1790 году, сохранить польскую независимость; но майскую конституцію Польша устроила впослѣдствіи, самовольно, за его спиной; ради нея онъ не шевельнетъ пальцемъ. Это различіе онъ велѣлъ немедленно объявить самой Варшавѣ. Ред.

****) «le maintien d'une libre constitution de la Pologne» (Соловьевъ: *Ист. пад. Пол.*, стр. 260; *Sybel. Hist. Zeitschr.*, X, 430). Ред.

*****) Министерская нота отъ 3-го февраля: «Ce qui rend la stipulation absolument générale et adaptée à toute constitution que l'on voudrait selon les circonstances regarder comme libre».

Въ эту минуту домогательства Россіи стали яснѣе. «Наконецъ у меня болѣе точныя свѣдѣнія о здѣшнихъ видахъ на Польшу», пишетъ изъ Петербурга Гольцъ отъ 3-го февраля. Онъ видѣлъ собственноручную записку императрицы къ Zubову, въ которой она говорила: «Какъ только покончатъ съ Турками, Репнинъ отправится къ арміи и введетъ въ Польшу 130,000 человекъ. Въ случаѣ сопротивленія Австріи и Пруссіи, я предложу имъ вознагражденіе или раздѣлъ *)».

Посланникъ доносилъ объ этомъ, какъ о глубочайшей тайнѣ; также приняли извѣстіе и въ Берлинѣ. «Вы первый, отвѣчали оттуда, сообщаете мнѣ прямые извѣстія. Мы свято сохранимъ тайну. Но тѣмъ важнѣе возможно лучше изслѣдовать зрѣлость и развитіе плана». Между тѣмъ, прошло нѣсколько недѣль. Гольцъ не узналъ ничего, болѣе положительнаго. Не раньше послѣднихъ чиселъ этого мѣсяца Остерманъ открыто обратился къ нему. Въ своей нотѣ отъ 29-го февраля Гольцъ говоритъ: «Дѣло необыкновенно важно, ибо при упроченіи конституціи 1791 года Польша, въ соединеніи съ Саксоніей, составитъ первокласное государство, которое еще больше будетъ тяготѣть надъ Пруссіей, чѣмъ надъ Россіей». Хотя Россія пока и не высказывала собственныхъ желаній, Гольцъ полагалъ однако, что она добивается территоріальнаго соединенія съ Очаковымъ. Во всякомъ случаѣ, по замѣчанію Остермана, необходимо строго хранить тайну. «Рѣчь идетъ лишь о насъ троихъ, такъ что намъ нѣтъ дѣла до остальныхъ».

«Россія, стало-быть, близка къ мысли о новомъ раздѣлѣ»,

*) Несомнѣнно, что Россія стала дѣйствовать въ это время быстрѣе относительно польскаго вопроса. 17-го февраля было сказано Гольцу въ Петербургѣ: «Теперь, когда насталъ миръ съ Портой, императрица, не теряя времени, пользуется этою счастливою минутой, чтобъ изложить свой образъ мыслей относительно событій въ Польшѣ. Если дѣло 3-го мая прошлаго года должно остаться и крѣпнуть, то нѣтъ сомнѣнія, что Польша, въ соединеніи съ Саксоніей и при помощи новой организаціи, сдѣлается опасною или, по крайней мѣрѣ, неудобною сосѣдкой. Правда, Россія тутъ будетъ обязана только наблюдать за безопасностію своихъ границъ; но Пруссія, кромѣ того, должна имѣть въ виду еще Германію, гдѣ Саксонія, благодаря соединенію своему съ Польшей, непремѣнно усилитъ свое вліяніе и, быть-можетъ, получить перевѣсъ. Обо всемъ этомъ Россія и Пруссія должны серьезно подумать и согласиться, какъ можно скорѣе, насчетъ мѣръ, которыя онѣ должны принять, дабы уладить дѣла соотвѣтственно своимъ интересамъ».

И когда изъ Берлина дали знать, что тамъ думаютъ отложить вмѣшательство въ польскія дѣла до окончанія дѣлъ французскихъ, вице-канцлеръ Остерманъ замѣтилъ русскому агенту при прусскомъ дворѣ: «Вразумляйте, что чѣмъ болѣе дадутъ времени новому порядку вещей утвердиться въ Польшѣ, тѣмъ труднѣе будетъ послѣ его искоренять, тогда какъ теперь для этого потребуются очень небольшія усилія, которыя нѣсколько не могутъ ослабить вооруженій противъ Франціи». (Соловьевъ: Ист. над. Пол., стр. 261). Ред.

было первою догадкой въ Берлинѣ. Конечно, это самое дѣйствительное средство ограничить могущество Польскаго государства (секретное письмо министерству отъ 12-го марта). Затрудненіе представлялось лишь относительно вознагражденія Австріи. Собственные виды на приобрѣтеніе лѣваго берега Вислы были сильнымъ соблазномъ. Прежнія привѣтствія и обѣщанія, поздравленія и совѣты, которыми встрѣтили нѣкогда созданіе 3-го мая, были вполне забыты. Развѣ еще договоръ связывалъ съ Австріей. Съ нею союзъ уже заключили, а съ Россіей готовили. Находили, впрочемъ, невыгоднымъ и союзъ 1790 года, хотя заключенный и при другихъ условіяхъ, но представлявшій нѣкоторыя препятствія раздѣлу (нота отъ 13-го марта).

Между тѣмъ Россія продолжала дѣйствовать. Въ первыхъ числахъ марта на вопросъ Гольца, какъ идутъ сношенія съ Вѣной, Марковъ отвѣчалъ (депеша Гольца отъ 2-го марта), что ей кое-что открыто, но осторожно, ибо Австріи это не такъ касается, какъ Россіи и Пруссіи. Кобенцлю же (т.-е. Австріи) Марковъ старался не подать и виду объ особыхъ переговорахъ съ Гольцемъ.

Затѣмъ настала очередь высказаться и Австріи. «Для Австріи и Пруссіи, говорится въ одной запискѣ, составленной Шпильманомъ, одинаково важно, чтобы въ Польшѣ царствовали спокойствіе и порядокъ. Противъ ея соединенія съ Саксоніей ничего не имѣется. Для предупрежденія всякой опасности можно измѣнить отдѣльные пункты конституціи и ограничить силу войскъ. Въ такомъ-то измѣненномъ видѣ, Пруссія и Австрія могли бы гарантировать эту конституцію».

Это предложеніе встрѣтило въ Берлинѣ положительный отказъ. «Нѣтъ ничего опаснѣе, говорили тамъ, продолжительнаго соединенія Польши съ Саксоніей. Не будь убѣжденія въ чувствѣ законности Австріи, подобное предложеніе привело бы въ тупикъ». Взгляды, слѣдовательно, еще черезчуръ расходились, было еще далеко до возможности соглашенія. Россія была недовольна Австріей. Пруссія считала сперва дѣло покинутымъ, но Россія не переставала приманивать ее. «Когда мы станемъ единодушны, говорилъ Остерманъ Гольцу (нота отъ 27-го марта), и къ намъ вернется, какъ я надѣюсь, старое взаимное довѣріе, тогда не будетъ затрудненій ни для васъ, ни для насъ».

Затѣмъ въ такомъ духѣ и поступаютъ. Австрія держится въ сторонѣ и жалѣетъ объ отклоненіи предложеннаго ею исхода. Кауницъ вѣрно замѣтилъ, что это послужитъ лишь къ тому, чтобы отвлечь отъ французскихъ дѣлъ. Но Россія идетъ себѣ впередъ, показываетъ Австріи недружелюбный видъ и настаиваетъ у Пруссіи на отвѣтѣ *).

*) Не должно упускать изъ виду, что во всей исторіи втораго польскаго раздѣла Пруссія столько же подстрекала Россію, сколько Россія Пруссію. Такъ и въ этомъ случаѣ «настаиванья» шли съ обѣихъ сторонъ. Шуленбургъ, управ-

Пруссія, съ своей стороны, справедливо сознавая, что безъ Австріи все-таки ничего нельзя сдѣлать, старается сдерживаться, чтобы не показалось, будто ее такъ легко увлечь русскими предложеніями. «Слишкомъ большая податливость, думаютъ въ Берлинѣ, можетъ лишь увеличить претензіи Россіи *): стало-быть, лучше пусть къ намъ придутъ, чѣмъ мы сами пойдемъ на встрѣчу».

Своего посланника въ Варшавѣ, Люкезини, Пруссія увѣдомила объ этомъ положеніи дѣлъ и предписала ему отвѣчать уклончиво на извѣстные вопросы. Когда въ это время (въ апрѣлѣ) польскій посланникъ въ Берлинѣ обратилъ вниманіе на русскіе планы и искалъ аудіенціи у короля, послѣдній извинился военными занятіями. Тѣмъ же духомъ было проникнуто данное Люкезини порученіе искусно избѣгать въ Варшавѣ каждаго шага, который могъ бы безъ всякой нужды поставить прусское правительство въ неловкое положеніе.

Желаніе Поляковъ получить отъ Пруссіи войско и генерала (Калкрейта) для войны съ Россіей, конечно, не встрѣтило сочувствія. Мало того. Изъ дипломатической переписки становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе, что Пруссія нерасположена ко всему, касающемуся новаго устройства Польши.

Еще не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ радостно привѣтствовали новую конституцію. Теперь же вдругъ нашли, что польскій сеймъ, какъ нельзя болѣе, похожъ на парижское революціонное собраніе и что тутъ

лявшій внѣшними сношеніями Пруссіи, говоритъ нашему агенту въ Берлинѣ 24-го апрѣля (5 мая), что король никоимъ образомъ не будетъ препятствовать дѣйствіямъ ея императорскаго величества въ Польшѣ; желательно одно, чтобы въ Петербургѣ вошли въ подробности насчетъ того, что намѣрены дѣлать, открылись искренне, потому что тутъ множество предметовъ, заслуживающихъ внимательнаго обсужденія... Необходимо сосѣднимъ державамъ условиться, какъ дѣйствовать въ томъ случаѣ, если Поляки рѣшатся на отчаянныя средства, на примѣръ, вздумаютъ отдаться одному изъ сосѣдей, на что, разумѣется, другіе сосѣди никакъ не могутъ согласиться. Шуленбургъ говорилъ также, что было бы очень хорошо, еслибы «вашъ дворъ изъявилъ желаніе, чтобы для заключенія союза отправленъ былъ въ Петербургъ Бишофсвердеръ: польщенный этимъ порученіемъ и обласканный у васъ, онъ сдѣлается вашимъ».

Это значило, что въ Берлинѣ хотѣли соединить дѣла польскія съ французскими, т.-е. за французскую войну получить вознагражденіе насчетъ Польши, и послали въ Петербургъ предложить эту мысль, какъ будто идущую изъ Петербурга (Соловьевъ, Истор. пад. Польши, стр. 272—274). Ред.

**) Именно такъ писало прусское министерство отъ 22 апрѣля: «Pour peu qu'on fit soupçonner de pareils desseins, la Russie ne manquerait pas d'en tirer ses avantages et nous la verrions bientôt hausser son ton et ses prétentions. Dans ces sortes de matières il vaut toujours mieux voir venir que de faire les premières avances».

конецъ будетъ такой же, какъ и тамъ (нота отъ 27-го апрѣля и подобная же отъ 22-го).

Каждый шагъ Поляковъ считали достойнымъ порицанія, и въ то же время были готовы извинить всякую грубость и угрозу со стороны Россіи; приняли видъ, будто и не думаютъ, что цѣли этой державы враждебны.

До какой степени полно было измѣненіе прусскаго взгляда, доказываютъ размышленія въ родѣ слѣдующаго: «Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное, нѣсколько преобладающее вліяніе; но это вліяніе будетъ менѣе противорѣчить интересамъ Пруссіи, чѣмъ новая конституція Польши съ наслѣдственною монархіей. Опытъ доказалъ, что, когда въ этой странѣ мы дѣлили вліяніе съ Россіей, намъ было лучше; а со времени нашего союза съ Польшей мы должны были терпѣть отъ самого нашего дорогаго союзника противорѣчія и непріятности, которыхъ никогда не сдѣлала бы намъ Россія».

Между тѣмъ дѣло приближалось къ развязкѣ. Россія не переставала представлять Пруссіи, какъ важны быстрота соглашенія и общность дѣйствій. «Если Пруссія, говорилъ Остерманъ, рѣшится на сильное содѣйствіе, то дѣло пойдетъ столь же быстро, какъ и рѣшительно». На заднемъ планѣ стояло тогда быстрое вступленіе русскихъ войскъ, чтобы «поддержать благонамѣренную партію и возстановить старый порядокъ».

Пруссія сожалѣла (нота отъ 21-го апрѣля и 4-го мая), что Россія не условилась съ нею и съ Австріей до начала войны. Общая декларация трехъ державъ непременно имѣла бы желанный успѣхъ. Очевидно, что Пруссію все-таки еще тревожили обязательства, данныя ею Польшѣ; къ тому же возникло опасеніе, что «можетъ быть, Россія дѣйствуетъ вовсе не такъ безкорыстно, какъ говоритъ».

Чувствовали себя стѣсненными. Если Россія въ самомъ дѣлѣ исполнить свою угрозу, во второй половинѣ мая двинетъ войска, то нужно бы по крайней мѣрѣ попытаться предложить какую-нибудь конвенцію, въ силу которой Россія не дѣлала бы въ Польшѣ никакихъ распоряженій безъ единодушнаго согласія (*concert unanime*) трехъ державъ (министерская депеша отъ 18-го мая). Между тѣмъ Россія не переставала настаивать, требовала, чтобы Пруссія издала такой же манифестъ, какъ и она, и т. д. Австрія медлила, Россія раздражалась этимъ. «Не могу, заявляла она (депеша Гольца 1-го мая), пристать къ прусско-австрійскому договору относительно Польши, но желаю заключить съ Пруссіей особый трактатъ».

Тутъ естественно родился вопросъ: какъ отнесется Россія къ французской войнѣ?

Россія не скупилась тогда на обѣщанія. Она хотѣла отправить на Рейнъ 15,000 человекъ, но требовала при этомъ (нота отъ 25-го мая), чтобы во главѣ ихъ были поставлены эмигранты, чего одинаково не желали ни Австрія, ни Пруссія.

Затѣмъ Россія вдругъ предложила союзъ съ Австріей и Пруссіей, цѣлью

котораго должна быть безкорыстная и великодушная помощь Людовику XVI. «Нужно будетъ, заявляла она, увѣрять, что тутъ именно не имѣется въ виду завоеваній, но тѣмъ не менѣе во всякомъ случаѣ нужно настаивать на вознагражденіи за военные издержки».

Между тѣмъ въ Польшѣ все приближалось къ кровавой развязкѣ. Польша потребовала теперь у Пруссіи помощи по договору, но, естественно, ей было отказано наотрѣзъ. О 15,000, которыя Россія хотѣла выставить противъ Франціи, послѣ польской катастрофы не было уже и рѣчи.

Въ это время Австріи и Пруссіи удалось сговориться. Австрія покинула свою прежнюю точку зрѣнія; Пруссія снова заявила, что безъ согласія Австріи ничего не можетъ сдѣлать. И вотъ (въ срединѣ іюня), Россіи было представлено общее заявленіе такого рода: Россія должна склонить вождей конфедераціи обратиться, по поводу возстановленія старой конституціи, также къ Австріи и Пруссіи; тогда всѣ три двора заключать между собою конвенцію въ этомъ смыслѣ.

Австрія, казалось, теперь уже не противилась пріобрѣтеніямъ Пруссіи въ Польшѣ; рѣшеніе своихъ собственныхъ намѣреній она, конечно, удерживала за собой *). Во всякомъ случаѣ, не было сомнѣнія, что она не забудетъ о себѣ. Судя по тайнымъ сообщеніямъ Шпильмана, казалось дѣломъ рѣшеннымъ, что императоръ согласенъ на округленіе Пруссіи насчетъ Польши, предполагая, что онъ будетъ вознагражденъ съ какой-нибудь другой стороны. Относительно Россіи австрійское министерство (докладъ Шуленбурга 3-го іюня) оставалось при мнѣніи, что было бы лучше, еслибы она сама шла на встрѣчу. Выказаться Пруссіи первой казалось ему очень опаснымъ, ибо Россія могла бы воспользоваться этимъ въ Польшѣ такъ, что подчинила бы себѣ всю страну, а это было бы крайне пагубно для Пруссіи.

Когда Гаугвицъ отправлялся въ концѣ мая въ Вѣну и съ нимъ разсуждали о польскомъ вопросѣ, ему объяснили, что если у Россіи есть проекты раздѣла, то въ Берлинѣ не имѣется причины противорѣчить имъ, напротивъ, это сочли бы тамъ легкимъ путемъ вознаградить прусскаго короля; но такъ какъ въ Вѣнѣ все еще желаютъ сохранить настоящее положеніе дѣлъ, то необходима большая осторожность (депеша Манштейна отъ 9-го мая).

23-го мая Гаугвицъ прибылъ въ Вѣну. И онъ нашелъ, что Австріи не противны намѣренія Пруссіи.

*) Въ одномъ письмѣ Фридриха-Вельгельма II къ Шуленбургу отъ 28-го іюня сказано: «Хотѣлось бы мнѣ знать, за что взяты, чтобы достигнуть главной цѣли—пріобрѣтеній въ Польшѣ. Я вижу, что вѣнскій дворъ не прочь отъ этого; онъ пойдетъ на это дѣло тѣмъ болѣе, что его собственные интересы выигрываютъ при исполненіи моихъ намѣреній».

Онъ увидѣлъ (судя по его корреспонденціи), что не только послѣдній союзъ которому Австрія придаетъ столько значенія, располагаетъ вѣнскій кабинетъ въ пользу приобрѣтеній Пруссіи въ Польшѣ, но также и надежда на собственную выгоду. Австрія могла бы тогда искать себѣ вознагражденія со стороны Франціи. У Кобенца проскользнуло даже весьма понравившееся Гаугвицу признаніе, что всего болѣе сюда подходятъ Фландрія и Генегау, не только въ виду простаго увеличенія земель, но еще и потому, что этимъ доставлялась лучшая опора остальнымъ бельгійскимъ владѣніямъ Австріи. Къ тому же приращеніе Пруссіи насчетъ Польши и Австріи насчетъ Франціи, очевидно, послужило бы самою прочной основой для увѣковѣченія счастливаго союза обоихъ дворовъ.

Гаугвицъ былъ убѣжденъ тогда, что проектъ баварскаго обмѣна земель вполнѣ оставленъ *). Прусское министерство не придерживалось такого оптимистическаго взгляда. Оно считало далеко не легкою задачей въ одно и то же время и сговориться съ Австріей, и выждать первыхъ шаговъ со стороны Россіи, чтобы своими предложеніями не развить въ ней высокомерія. «Можете быть увѣрены, писало министерство Гаугвицу отъ 13-го іюня, что если Австрія теперь (*au pis—aller*) и удовольствуется приобрѣтеніемъ въ Бельгіи, то все-таки мысль объ обмѣнѣ, облегченномъ усиленіемъ насчетъ Франціи, навсегда останется ея любимымъ планомъ. Эта держава отступаетъ отъ нея лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда представляются непреодолимые препятствія».

Первый фальшивый тонъ въ молодомъ союзѣ произошелъ отъ этого польскаго вопроса. Кобенцель выразился въ разговорѣ, что въ Вѣнѣ говорятъ, будто Австрійцы дали провести себя Пруссакамъ. Прусское министерство замѣтило на это (18-го іюня). «Въ Берлинѣ думаютъ, что Австрія тащитъ Пруссію на буксирѣ; но не должно приписывать никакого значенія такой политической болтовнѣ (*bavardage politique*)». Впрочемъ, вообще въ описываемое время рѣшительнымъ стремленіемъ прусской политики было прежде всего оставаться въ добромъ согласіи съ Австріей и, насколько возможно, дѣйствовать заодно съ нею въ предложеніяхъ, которыя слѣдовало представить въ Петербургъ. Вотъ собственноручное письмо Фридриха-Вильгельма II (отъ 4-го іюля) въ этомъ смыслѣ: «Прежде всего мы не должны письменно заявлять ничего рѣшительнаго о нашихъ намѣреніяхъ. Слѣдуетъ всячески довести Россію до того, чтобы она дала намъ желательное объясненіе. Далѣе, необходимо дѣйствовать относительно вѣнскаго двора

*) «Я думаю, пишетъ онъ отъ 6-го іюня, что уже нѣтъ болѣе вопроса объ обмѣнѣ на Баварію. Кажется, поняли, наконецъ, невозможность этого проекта. И онъ будетъ покинутъ навсегда, если австрійскому дому удастся получить значительное приращеніе со стороны Фландріи».

со всевозможною осторожностью, чтобы въ теченіе этихъ переговоровъ не возбудить въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія».

Но Россія высказывалась въ первый разъ лишь общими мѣстами. Она признавала право Австріи на вознагражденіе и ясно давала замѣтить, что не желала бы взвалить эту тяжесть на Францію. Все само собою сводилось къ вознагражденію насчетъ Польши. Что и Австрія согласится, въ этомъ тогда не сомнѣвался прусскій кабинетъ. А между тѣмъ снова появлялся на свѣтъ проектъ баварскаго обмѣна земель. Разумовскій самъ поднялъ въ Вѣнѣ этотъ вопросъ и получилъ въ отвѣтъ отъ Шпильмана: «Минута еще несовсѣмъ удобна».

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. НОВАЯ БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦИОННУЮ.
МОНАРХІЮ ДО ПАДЕНІЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1791-го
ДО АВГУСТА 1792 ГОДА.

ГЛАВА X.

Характеристика новаго собранія. Жиронда. Дворъ.

Въ концѣ сентября собрались уполномоченные новаго законодательнаго національнаго собранія.

Изъ 745 его членовъ значительная часть состояла изъ неопредѣленныхъ, неизвѣстныхъ личностей. Изъ всѣхъ политическихъ собраній Франціи въ этомъ было больше всего темныхъ именъ. Въ учредительномъ собраніи великихъ, блестящихъ талантовъ было въ изобиліи; ими не былъ бѣденъ и позднѣйшій конвентъ. Законодательное же собраніе состояло главнымъ образомъ изъ незначительныхъ личностей.

Нигдѣ не было такого обилія, какъ здѣсь, самыхъ молодыхъ людей съ узкими взглядами, безъ всякой значительной политической подготовки *). Но зато всѣ наличные таланты въ новомъ собраніи принадлежали къ одному направленію. За немногими исключеніями, большинство значительныхъ ораторовъ вышло изъ одной партіи, которая смотрѣла на конституцію 1791 года, какъ на рѣшенный вопросъ. Ихъ называли уже теперь жирондистами **),

*) Pontécoulant (Mém. I, 117) замѣчаетъ, что въ этомъ собраніи были большею частью пролетаріи. «На 500 членовъ едва ли насчитывалась сотня поземельныхъ собственниковъ; все остальное состояло изъ адвокатовъ да лицъ, принадлежащихъ ко всякаго рода ученымъ, артистическимъ или промышленнымъ профессіямъ».

*) Въ книгѣ Гаде (Guadet: Les girondins. 1862. 2 vls.), вообще лишенной значенія и критики, на первомъ планѣ находится описаніе Бордо, города куп-

по избирательному округу и мѣсту жительства главнѣйшихъ ихъ вождей. Это имя осталось и за тѣми, которые принадлежали не къ департаменту Жиронды, а къ другимъ провинціямъ.

Во всякомъ случаѣ, эта партія, по своему составу, сильно отличалась южнымъ характеромъ. Ея члены вообще обладали южно-французскою лихорадочной живостью и страстностью, самородной прелестью рѣчи, полнотой кипучаго, богатаго фантазіей краснорѣчія и необыкновенной мѣткостью ѣдкаго остроумія. Все это были люди съ болѣе реторическими, чѣмъ государственными способностями, а по своему призванію—купцы, адвокаты, судьи, писатели.

Ихъ выслало не умѣренное среднее сословіе 1789 года, которое старалось прекратить революцію, а новый средній классъ, который не довольствовался первою революціей и горѣлъ нетерпѣніемъ разрушить до основанія послѣдніе остатки стараго порядка.

Всѣ члены жиронды были демократическіе доктринеры. Ихъ демократія была теоретическимъ идеаломъ, политическимъ порядкомъ, гдѣ владыка—разумъ, философы—цари и цари—философы.

Въ ихъ представленіяхъ господствовали преданія Америки, античнаго

цовъ и законниковъ, искусствъ и наукъ. Далѣе такъ говорится о физіономіи его населенія: «Тутъ вы услышите краткую, звучную, гармоническую, по природѣ ораторскую рѣчь. Бордосецъ восторженъ, откровененъ, благороденъ, но легкомысленъ, непостояненъ, насмѣшливъ. Онъ серьезенъ въ дѣлахъ, но дѣлаетъ ихъ смѣясь. Онъ способенъ на великое, но легко теряетъ бодрость».

Затѣмъ (I, 20) описывается цвѣтъ бордоской адвокатуры 1789 года: Верньо, сынъ адвоката въ Лиможѣ, рано замѣченный Тюрго и нашедшій въ немъ поддержку, Гаде и Жансонне.

Дѣятельность упомянутыхъ лицъ съ 1789 года изложена здѣсь же (I, 85, 88, 94 sqq.).

Они съ жаромъ кинулись въ революцію, заняли общественныя мѣста и выдвинулись, какъ ораторы, но отстаивали еще монархическіе взгляды, (См. окружное посланіе Верньо къ Обществу друзей конституціи, I, 101). Гаде полагаетъ, что перемѣца этого убѣжденія началась съ бѣгства короля; по крайней мѣрѣ тутъ были сдѣланы поступки и заявленія, въ которыхъ очень трудно было найти слѣды монархизма (I, 104).

Впечатлѣніе, которое производили эти люди, передаетъ Рейнгардъ, ѣхавшій съ ними въ сент. 1791 года изъ Бордо въ Парижъ. «Это, говоритъ онъ, очаровательная молодежь, полная энергіи и прелести, необыкновенно пылкая и безгранично преданная идеямъ». Будущій дипломатъ замѣтилъ въ нихъ большую неопытность и легкомысліе; онъ нашелъ, что они слишкомъ подчинены адвокатскимъ привычкамъ. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ до такой степени очарованъ ими, что не отходилъ отъ нихъ. «Съ этихъ поръ, говоритъ онъ, Франція сдѣлалась моимъ отечествомъ, и я навсегда остался въ ней». Подобное же впечатлѣніе произведено было ими и въ Парижѣ, судя по описанію г-жи Роланъ (Mém. I, 115 s., 175 s.)

міра и Руссо,—преданія, лишеныя всякой связи съ дѣйствительностью, всякой почвы въ настоящемъ положеніи Франціи. Они работали въ политикѣ чувствомъ и фантазіей, были паркетными демократами, дрожавшими передъ тѣми элементами, которые служатъ необходимымъ рычагомъ при созиданіи дѣйствительной демократіи. Какъ они представляли себѣ весь ходъ дѣла, требовалось довести монархію до такой точки развитія, на которой она пала бы сама собой безъ шума и на ея мѣстѣ внезапно возникла бы готовая демократія, какъ Паллада изъ головы Зевса. Они думали, что въ одинъ прекрасный день лягутъ спать монархистами, а на слѣдующее утро, проснувшись, найдутъ идеальную республику. Они совершенно забывали слова Фридриха Великаго, что «люди—проклятое отродье».

Оттого-то они не были вліятельными совѣтодателями на улицѣ, среди господъ, проводившихъ свою политику посредствомъ кулаковъ; и, съ другой стороны, они не умѣли беззавѣтно хвататься за всякіе способы, которыми нужно дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Они трепетали передъ силами и средствами этого рода, а дѣйствовать энергически мѣшало имъ колебаніе изъ стороны въ сторону. И вотъ, въ рѣшительную минуту они всегда представляли горсть офицеровъ, покинутыхъ своимъ войскомъ на произволъ судьбы.

Никогда не перестанутъ вспоминать съ участіемъ блестящихъ, пылкихъ ораторовъ, этихъ Верньо, Гаде, Бриссо, Жансонне, Барбару, и т. д.: вѣдь въ исторіи революціи это были послѣдніе представители разума, смѣненные владычествомъ кулака и ужаса! Но, какъ къ государственнымъ людямъ, къ нимъ должно относиться съ строгимъ судомъ.

Этимъ остроумнымъ импровизаторамъ не достаетъ свѣтлаго, яснаго взгляда на дѣйствительное положеніе вещей и хладнокровнаго, спокойнаго присутствія духа въ рѣшительную минуту. Они являютъ удивительное искусство, какъ агитаторы; они умѣютъ, какъ никакая другая партія, увлекать умы пылкими рѣчами. Но у нихъ нѣтъ способности охватывать однимъ взглядомъ всю ширь своихъ дѣйствій съ ихъ послѣдствіями, и еще менѣе обладали они мощью владѣть возбужденными силами.

Такимъ образомъ, они какъ будто для того и были созданы, чтобы совершенно похоронить новую конституцію, которая и безъ того не имѣла прочнаго устоя ни вверху, ни внизу, и вызвать новую революцію, которая, наконецъ, должна была поглотить ихъ самихъ. Ихъ главною виной было то, что законодательное собраніе, какъ уже было замѣчено, вмѣсто созданія законовъ, въ сущности занималось лишь разрушеніемъ ихъ.

Новое собраніе состояло изъ столь неопытныхъ и неиспытанныхъ элементовъ, что весьма скоро большинство очутилось на сторонѣ единственной партіи, обладавшей талантомъ и агитаторскою силой, т. е. жиронды. Среди новичковъ въ дѣлѣ политики всегда пріобрѣтаютъ большинство тѣ, которые умѣютъ пылко и краснорѣчиво высказывать взгляды, каковы бы они тамъ ни были; а на это

жирондисты были мастера въ высшей степени. Роялистическій взглядъ представляла партія, гораздо болѣе слабая и по таланту, и по числу. Сюда принадлежали люди, которыхъ мы видимъ впослѣдствіи, во времена бонапартизма и бурбонизма, въ рядахъ конституціонной оппозиціи. Теперь на долю имъ выпала неблагодарная роль противостоятъ дикому напору жирондистовъ. Это были почтенные люди, дѣльные чиновники; но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи схватиться съ Верньо на ораторской трибунѣ.

Между этими двумя крайностями находились еще разрозненные элементы, которые лишь впослѣдствіи достигли значенія. Таковы были: первый изъ Дантоновскаго кружка, Лакруа, грязный, развратный капуцинъ Шабо и сентиментальный, цвѣтистый ораторъ терроризма, Кутонъ.

Всѣ безразличные члены собранія, для которыхъ роялисты были слишкомъ консервативны, а Лакруа, Кутонъ и Шабо слишкомъ радикальны, пристали къ жирондѣ и были точно созданы для того, чтобы образовать армію ея великихъ ораторовъ. Такимъ образомъ, почти все исходило отъ Бриссо, Верньо, Гаде. Они предсѣдательствуютъ, дѣлаютъ предложенія, проводятъ постановленія. Они поэтому оказываютъ самую существенную услугу собранію и несутъ на себѣ самую существенную отвѣтственность за его поступки.

Уже 5-го октября обнаружился господствующій духъ этого собранія въ постановленіи уничтожить титулы «Sire» и «Majesté» и не давать королю, когда онъ является въ собраніе, мѣста выше президентскаго.

Эти постановленія, глубоко оскорбившія короля, были на другой же день уничтожены: такъ открылась дѣятельность законодательнаго собранія.

Рядомъ съ тѣмъ, что возбудило эту маленькую стычку, стояли на очереди неотложные вопросы, которыхъ нельзя было обойти и которые сами по себѣ должны были послужить воспламенительнымъ снарядомъ въ борьбѣ между собраніемъ и королевскою властью.

Законодательное собраніе было выбрано и составлено среди волненія, возбужденнаго пильницкимъ манифестомъ. Жиронда явилась съ предвзятою идеей, если изъ-за границы угрожаютъ революціи, двинуть туда собственныя войска. Вмѣстѣ съ нею большинство народа желало покончить распрю съ иностранными державами въ случаѣ нужды даже силой оружія.

А съ другой стороны стоялъ король, который, хотя и не былъ въ заговорѣ съ Европой, какъ распускали слухи, но сердцемъ и симпатіями все-таки склонялся къ ней. Онъ порицалъ безразсудные поступки эмигрантовъ, но письменно обращался къ иностраннымъ державамъ съ просьбой помочь какъ-нибудь, дипломатическимъ или инымъ путемъ, и вывести его изъ плачевнаго положенія. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ въ иностранной политикѣ и оставался равнодушнымъ къ внутреннимъ событіямъ. Конституція казалась ему тяжкими узами, церковный порядокъ покушеніемъ на свободу его собственной совѣсти. Не правда ли,

достаточно причинъ для того, чтобы натянутость отношеній съ обѣихъ сторонъ съ самаго начала привела къ взрыву?

Если вообще при такихъ обстоятельствахъ мыслимо было какое-нибудь правительство, то его можно было составить только изъ большинства парламента. Но король не могъ рѣшиться на это; а среди тѣхъ членовъ собранія, которые ближе другихъ стояли къ трону, не было никого, кто бы внушилъ ему подобную мысль.

Обѣ стороны, казалось, молча соглашались другъ съ другомъ въ отвращеніи къ парламентскому правленію. Жирондисты еще не помышляли о своемъ собственномъ министерствѣ. Для большей части положеніе постоянной оппозиціи и удобнаго недовѣрія было гораздо пріятнѣе и желательнѣе, чѣмъ многотрудное, скучное дѣло управленія или поддержка министерства, избраннаго изъ ихъ собственной среды. А король, въ негодovanіи на отвратительную конституцію, находилъ единственное утѣшеніе въ министерствѣ, которое было въ этомъ отношеніи одного мнѣнія съ нимъ.

И дѣйствительно, ближайшій повѣренный короля, морской министръ, Бертранъ де Мольвиль, ненавидѣлъ революцію, какъ только могъ ненавидѣть ее ожесточенный эмигрантъ и закоренѣлый роялистъ стараго закала.

Такимъ образомъ, правительство и собраніе, монархисты и демократы, работаютъ наперерывъ другъ передъ другомъ надъ разрушеніемъ конституціи, прежде чѣмъ она начала жить.

Постановленія противъ священниковъ и эмигрантовъ.

Въ первые же мѣсяцы на передній планъ выступаютъ слѣдующіе вопросы, какъ самые насущные: отношеніе къ неприсяжнымъ священникамъ, къ эмиграціи и къ Европѣ.

Этими вопросами было рѣшено паденіе французской монархіи и была воспламенена великая европейская война.

Вопросъ о неприсяжныхъ священникахъ былъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ наслѣдій учредительнаго собранія. Первою ошибкой было самое изданіе закона, который не могъ быть принятъ въ этомъ видѣ духовенствомъ. Второю, еще болѣе важною, ошибкой, было то, что не остановились при первыхъ препятствіяхъ, а, напротивъ, пошли дальше, потребовали отъ всѣхъ духовныхъ лицъ присяги этому «гражданскому устройству духовенства» (*constitution civile du clergé*). Эта присяга прямо противорѣчила той, которую давали священники при вступленіи въ свою должность. Поэтому отъ нея отказались многіе, вообще приверженные къ революціи. Это должно было послужить урокомъ и предостереженіемъ. Извнѣ было уже столько затрудненій, что не слѣдовало возбуждать въ народѣ еще сомнѣніе въ безопасности самой религіи.

Но сдѣлали наоборотъ. Приступили къ отрѣшенію неприсяжныхъ священниковъ отъ должностей, и этимъ сѣяли сѣмена междуусобной войны.

Это рѣшеніе всего тягостнѣе подѣйствовало на массу приходскихъ священниковъ, потому что оно прямо касалось ихъ существованія. Высшія духовныя лица могли прожить, даже и потерявши свои мѣста; бѣдные же священники должны были выбирать между голодомъ и клятвопреступленіемъ. А между тѣмъ, приходскіе священники всего менѣе заслужили это отъ революціи, потому что въ первую критическую минуту они первые подали въ учредительномъ собраніи знакъ къ отпаденію отъ высшей аристократіи. За это-то крайніе и говорили имъ теперь съ насмѣшкой: «Вотъ вамъ награда за измѣну духовному сословію»!

Эти-то лица теперь преслѣдовать и притѣснять было несправедливо. Къ тому же тутъ затрогивали элементы, болѣе могущественные, чѣмъ богатый высшій классъ духовенства.

Приходскій священникъ былъ тѣсно связанъ съ народомъ. Крестьянинъ бился за вѣру, которой, онъ видѣлъ, угрожали въ лицѣ священниковъ. Это было опаснымъ рычагомъ сопротивленія. Дѣйствительное настроеніе духа на югѣ и западѣ Франціи было далеко не таково, какъ представляло его себѣ національное собраніе.

Когда требуемая присяга была отвергнута, приступили къ карательнымъ мѣрамъ. Но присяга тѣмъ не менѣе оставалась отвергнутой, и ко всѣмъ прежнимъ причинамъ раздора присоединилась еще новая.

Здѣсь замѣшался и личный элементъ. Король не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя полагаютъ свое существованіе въ политическомъ верховномъ правѣ. Онъ давалъ снимать съ себя по частямъ свою верховную власть, переносилъ разграбленіе своего достоинства, какъ несчастіе, которое должно переносить, и не питалъ той глубокой злобы, которую чувствовали бы многіе на его мѣстѣ. Совершенно инымъ былъ онъ въ дѣлахъ религіи. Онъ былъ воспитанъ строго вѣрующимъ и до ханжества преданнымъ церкви отцомъ въ полной противоположности съ дикимъ разгуломъ двора его дѣда. Лудовикъ XVI былъ благочестивъ до суевѣрія. Это была единственная сторона его природы, гдѣ онъ удерживалъ за собой нѣкоторую самостоятельность, и ее не слѣдовало затрогивать.

Ничто такъ не отвратило короля отъ революціи и отъ новаго порядка, какъ сознаніе, что хотятъ насиловать его совѣсть. Человѣкъ, постоянно принимавшій причастіе отъ неприсяжнаго священника, не зналъ уступчивости въ этомъ вопросѣ.

Вмѣстѣ съ вопросомъ объ эмигрантахъ, къ которому мы сейчасъ перейдемъ, расколъ въ церкви былъ важнѣйшимъ предметомъ первыхъ совѣщаній законодательнаго собранія и единственнымъ, относительно котораго голоса здѣсь раздѣлились.

Подъ впечатлѣніемъ священническихъ волненій въ Вандеѣ да въ депар-

таментахъ Майены и Луары, въ ноябрѣ въ собраніи снова возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли идти еще далѣе, или склониться къ уступчивости, чтобы загладить сдѣланную ошибку? Последняго нельзя было ожидать при господствующемъ духѣ въ собраніи; но все-таки не было недостатка и въ головахъ, взывавшихъ къ пощадѣ.

При бурныхъ одобреніяхъ большинства палаты и слушателей на галереяхъ, держалъ Инаръ (Isnard), 14-го ноября, свою рѣчь, по обыкновенію, пылкую, неправильную, но полную мыслей и геніальнаго полета. Приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ.

«Религію, сказалъ онъ, должно считать однимъ изъ тѣхъ орудій, которыми можно принести наиболѣе вреда. Поэтому слѣдуетъ съ двойной строгостью поступать съ тѣмъ, кто пользуется ею, точно также, какъ поджигателей наказываютъ строже, чѣмъ воровъ. Я утверждаю, что тутъ лишь одинъ вѣрный путь къ цѣли, это—изгнаніе изъ королевства. Развѣ вы не видите, что это единственное средство разрушить вліяніе этихъ духовныхъ козней? Развѣ вы не видите, что священника слѣдуетъ отдалить отъ народа, котораго онъ вводитъ въ соблазнъ? И, если мнѣ дозволятъ употребить болѣе грубое выраженіе, я скажу, что этихъ прокаженныхъ слѣдуетъ отправить въ лазареты Рима и Италіи. Развѣ вы не знаете, что одинъ священникъ можетъ причинить вамъ больше вреда, чѣмъ все враги? И это такъ и должно быть, потому что священникъ никогда не бываетъ полужлодѣемъ: какъ только онъ перестаетъ быть добродѣтельнымъ, тотчасъ же становится самымъ страшнымъ преступникомъ въ мірѣ».

Тутъ слѣдуетъ поношеніе за поношеніемъ въ этомъ же тонѣ. Затѣмъ ораторъ спрашиваетъ:

«Вы были свидѣтелями послѣднихъ несчастій въ Брабантѣ, и неужели вы думаете, что революція, вырвавшая у деспотизма его скипетръ, у аристократіи ея бичъ, у дворянства его пьедесталь, у фанатизма его талисманъ, что революція, выкупившая у духовенства его золотыя горы, разорвавшая столько монашескихъ рясъ, сбившая столько священническихъ шляпъ и діадемъ, неужели вы думаете, говорю я, что такая революція не возбудила бы противъ себя враговъ?»

Послѣ подобныхъ разсужденій требуетъ онъ строгихъ мѣръ; потомъ высказываетъ всю свою политическую мораль въ слѣдующихъ короткихъ словахъ:

«Въ великія минуты, когда требуется великая рѣшительность, всякая осторожность ничто иное, какъ слабость. Нужно отрѣзать зараженный членъ, чтобы сохранить всецѣло здоровымъ. Мой единственный законъ—общее благо, къ которому я пылаю страстью».

Рѣшеніе большинства отвергло крайнее предложеніе, но и болѣе мягкій декретъ, принятый 29-го ноября, былъ еще достаточно суровъ, чтобы дать новую пищу междуусобной войнѣ «за короля и религію».

Вотъ сущность этого декрета.

«Въ теченіе 8 дней всѣмъ духовнымъ лицамъ надлежитъ явиться въ муниципалитетъ для принесенія установленной присяги.

«По истеченіи этого срока, всѣ муниципалитеты должны прислать списки духовныхъ лицъ и отмѣтить тѣхъ изъ нихъ, которыя не принесли присяги.

«Присягнувшіе освобождаются отъ дальнѣйшихъ формальностей. Неприсяжные же не будутъ уже получать содержанія и ни копѣйки изъ государственнаго казначейства. (Этимъ уничтожалось постановленіе учредительнаго собранія, по которому этимъ лицамъ назначалась пенсія изъ государственнаго казначейства).

«Кромѣ того, на неприсяжныхъ должно смотрѣть, какъ на заподозрѣнныхъ въ возмущеніи противъ законовъ и въ злоумышленіи (*mauvaises intentions*) противъ отечества; поэтому полиціи дозволяется, въ минуту возникновенія безпорядковъ, удалять каждаго изъ нихъ изъ его мѣстожительства.

«Прекословящіе должны быть заключаемы, но не болѣе какъ на одинъ годъ. Каждый же, кто будетъ обвиненъ въ открытомъ неповиновеніи законамъ или властямъ, будетъ наказываемъ двухгодичнымъ заточеніемъ (*détention*)».

Уже это должно было повести къ разрыву между королемъ и собраніемъ. Первому приходилось воспользоваться своимъ правомъ запрета, и онъ, съ свойственной ему рѣшимостью, готовъ былъ скорѣе отречься отъ престола, чѣмъ лишиться защиты духовныхъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ.

Такимъ образомъ послѣдовала отмѣна декрета въ конституціонной формѣ («король разсмотритъ, *le roi examinera*). И, хотя это случилось въ минуту, когда вниманіе всѣхъ было поглощено великими внѣшними вопросами, тѣмъ не менѣе войну слѣдовало уже считать объявленной.

Съ той и съ другой стороны вспыхнула ненависть. Во дворцѣ говорили: «Съ этимъ собраніемъ никакой миръ невозможенъ!» Въ собраніи слышалось: «Во дворцѣ раздуваютъ возстаніе!» Вражда вскорѣ стала неугасимой.

Столь же мучителенъ былъ другой вопросъ, отношеніе къ эмигрантамъ.

Послѣ осады Бастиліи, часть стараго придворнаго дворянства, самые ярые приверженцы прежняго порядка, зачинщики неудачнаго переворота 11-го іюля, Артуа, Полиньяки, Конде, Бретейли, бѣжали. Тогда это было для ихъ собственнаго дѣла политической ошибкой, ибо опасности, которую они воображали себѣ, еще не существовало; а теперь это стало для короля неизсякаемымъ источникомъ затрудненій и непріятностей.

Чѣмъ смутнѣе становились дѣла во Франціи, тѣмъ въ большемъ числѣ собирались бѣглецы, которые подъ защитой Европы хотѣли поджидать лучшихъ дней. Конечно, долго пришлось имъ ждать возврата времени, (которое такъ и не настало), когда высокое дворянство могло требовать, чтобъ его не беспокоили заимодавцы, и претендовало на право плевать въ театрѣ изъ первыхъ ложъ на каналій въ партерѣ.

За границей нетерпеливые эмигранты, точно сговорившись, вели себя такъ, чтобы съ одной стороны, раздуть вражду противъ себя дома, съ другой—до основанія подорвать довѣріе къ тому порядку, мучениками котораго они хотѣли прослыть.

Во всей красѣ выказали они прирейнскимъ дворамъ свое благонравіе, свое уваженіе къ закону и къ приличію, свой гражданскій смыслъ. такъ что вскорѣ повсюду заговорили: «такъ это-то люди старой Франціи! Ну, теперь намъ понятна революція!» Вся милая распушенность нравовъ, все бездѣльное вѣтряничанье, которыми они такъ обезславили себя дома, не прерывались и здѣсь, такъ что даже самымъ ихъ царственнымъ покровителямъ стало мерзко. А все, что они продѣлывали тутъ сверхъ этого, было размалевано якобинскою печатью въ ужасное пугало. «Сверканье штыковъ, шумъ оружія на Рейнѣ»—было неумолкаемымъ крикомъ партіи войны.

А на дѣлѣ все ограничивалось смѣшной комедіей. Собирались снарядить противъ революціи крестовое воинство. Составили корпусъ въ сотню людей, по образцу старыхъ швейцарскихъ полковъ. И не было-то среди офицеровъ ни одного, кто не насчитывалъ бы у себя 16-ти предковъ. Между эмигрантами царствовало великое различіе. Настоящимъ эмигрантомъ никакъ не признавали господина, который улепетнулъ не тотчасъ при началѣ переворота. Кто имѣлъ несчастье нѣсколько выстоять подъ своимъ знаменемъ, тотъ уже считался полуякобинцемъ. Когда храбрый рыцарственный Казалесь, до самаго конца не покидавшій своего короля, прибылъ въ Кобленцъ, отъ него отстранились: его образъ мыслей былъ, видите-ли, зловреденъ.

Эта игра въ солдатики была тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ шумнѣе она велась. Французамъ не было причины опасаться вторженія отсюда. Но, тѣмъ не менѣе, они имѣли право требовать, чтобы сосѣдніе князья не терпѣли враждебныхъ заявленій по границамъ Франціи, не говоря уже о содѣйствіи и помощи имъ, которую оказывалъ, напримѣръ, курфирстъ трирскій.

Эти происшествія ежедневно доставляли новую пищу газетамъ Демулена и Марата. Каждый смѣшной, напыщенный манифестъ, каждый надменный протестъ, исходившій изъ Кобленца, служилъ ихъ цѣлямъ, поддерживалъ волненіе и увеличивалъ ненависть къ королю, который все сильнѣе и сильнѣе подпадалъ подозрѣнію въ соучастіи съ эмигрантами.

Въ самомъ собраніи за разработку этого вопроса принялась жиронда. Въ борьбѣ за него приобрѣтають рыцарскія шпоры самые вліятельные ея ораторы, Бриссо, Вернію, Инаръ. И вся ихъ политика все тѣснѣе и открытѣе сплетается съ наступательною войною революціи противъ монархической Европы.

Уже на послѣдней недѣлѣ октября выступили противъ эмигрантовъ съ значительными рѣчами Бриссо, Кондорсе и Вернію. Послѣдній произнесъ 22 октября слѣдующую угрозу:

«Скоро увидятъ, какъ эти высокомерные нищие, которые не могли перенести климата страны равенства, заплатятъ позоромъ и нищетой за свое высокомеріе и обратятъ свои полныя слезъ взоры на покинутое ими отечество. А если жажда мести, преодолѣвъ раскаяніе, толкнетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ на почву Франціи и иностранныя державы оставятъ ихъ безъ помощи, то что такое будутъ они, какъ не жалкіе пигмеи, дерзающіе корчить изъ себя титановъ въ борьбѣ съ небомъ?»

На возраженіе, что прежде, чѣмъ дѣйствовать, нужно имѣть основательныя доказательства мнимыхъ фактовъ, онъ отвѣчаетъ, какъ истый жирондистъ: «О, какъ жаль, что вы, съ вашею рѣчью, не были въ римскомъ сенатѣ, когда Цицеронъ разоблачалъ заговоръ Катилины. Вы и отъ него потребовали бы основательныхъ доказательствъ. Мнѣ думается, что онъ замолчалъ бы отъ стыда. И Римъ былъ бы разграбленъ, и на его развалинахъ царствовали бы вы съ шайкой Катилины!»

Въ принципъ собраніе ни въ одномъ еще вопросѣ не было такъ единодушно, какъ въ этомъ. Но чѣмъ именно нужно было рѣшить дѣло, это все еще оставалось неяснымъ, несмотря на разные ловкіе приемы жирондистскихъ ораторовъ.

Наконецъ, 8-го ноября было внесено предложеніе, которое на слѣдующій день привело къ рѣшительному постановленію.

Когда докладчикъ Дюкастель высказалъ сперва положеніе, что, по праву личной свободы, никому не долженъ быть возбраненъ выѣздъ за границу, на галлереяхъ поднялся ропотъ. Но когда онъ продолжалъ: «если же эти бѣглецы-сограждане собираются на границѣ подъ предводительствомъ враговъ отечества и вымаливаютъ помощи у иностранныхъ державъ, то они бунтовщики и заговорщики противъ отечества», — со всѣхъ сторонъ посыпались одобренія *).

*) Характеристичны, какъ для національнаго собранія, такъ и для эмигрантовъ, слѣдующіе документы:

1) Національное собраніе къ графу Прованскому:

«Людовикъ—Іосифъ—Станиславъ—Ксаверій, французскій принцъ!

«Въ силу французской конституціи (ч. III, гл. II, отд. III, ст. I), національное собраніе требуетъ, чтобы вы возвратились въ предѣлы королевства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая съ настоящаго дня. Въ противномъ случаѣ и по истеченіи указанного срока, вы теряете ваше временное право на регентство».

2) Графъ Прованскій національному собранію (Кобленцъ, 6 сентября):

«Господа члены (gens) французскаго собранія, именующаго себя національнымъ!

«Въ силу части I, гл. I, отд. I, ст. I не знающихъ давности законовъ здраваго смысла, разсудокъ требуетъ, чтобы вы опомнились (непереводимая игра словъ: *revenir en vous mêmes*) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая съ настоящаго дня. Въ противномъ случаѣ, и по истеченіи указанного срока, вы будете признаны отрекшимися отъ вашего права считаться разумными существами и будете признаны бѣшенными дураками, достойными дома умалишенныхъ» (См. *Hist. parlem.* XII, 231).

Вотъ главные статьи постановленія 19-го ноября:

1) Французы, находящіеся за границами королевства, съ настоящей минуты объявляются заподозрѣнными въ заговорѣ противъ Франціи.

2) Если къ 1-му января слѣдующаго года они не перестанутъ составлять скопищъ, то будутъ объявлены виновными въ заговорѣ, подвергнутся со-отвѣтственному преслѣдованію и смертной казни.

3) Что касается французскихъ принцевъ и лицъ, занимавшихъ во время бѣгства общественныя должности, то они, если не вернутся къ означенному сроку, будутъ признаны виновными въ томъ же преступленіи и подвергнутся тѣмъ же наказаніямъ.

Это постановленіе можно было упрекнуть въ томъ, что оно воевало съ вѣтряными мельницами, дѣлало огромныя усилія противъ того, что вовсе не было опасно. Но въ одномъ отношеніи собраніе было право.

Дѣло въ томъ, что у Лудовика XVI былъ одинъ только сынъ, слабенькое дитя, рано замученное до смерти. Каждый день могло случиться, что умретъ или дофинъ, или король. Въ обоихъ случаяхъ братья короля стояли ближе всѣхъ или къ самой короцѣ, или къ регентству. Графъ Прованскій или графъ Артуа становились тогда регентами или королями. Если эти господа желали обезпечить за собою право наслѣдства, имъ слѣдовало оставаться во Франціи и отнюдь не вступать въ заговоръ съ ея врагами.

Поэтому-то королю не слѣдовало бы тутъ отказывать въ своемъ утвержденіи. Постановленіе противъ духовенства было покушеніемъ на свободу его совѣсти: здѣсь его отказъ объяснялся весьма уважительными причинами. Въ дѣлѣ же эмигрантовъ все было до такой степени ясно, что даже и онъ могъ бы видѣть, насколько достойны наказанія его братья. Вѣдь этимъ онъ не причинилъ бы имъ вреда: съ запретомъ или безъ запрета короля, они во всякомъ случаѣ оставались бы за границей. Себѣ же самому онъ нанесъ тяжелый ударъ, навлекая на себя подозрѣніе въ томъ, что укрывается подъ одною съ ними крышей. Доселѣ во многихъ книгахъ высказывается это подозрѣніе. У насъ нѣтъ доказательствъ въ пользу него; напротивъ, скорѣе у насъ есть много свидѣтельствъ противнаго. Но, тѣмъ не менѣе, король возбудилъ подозрѣніе въ томъ, что онъ втихомолку одобрялъ поведеніе эмигрантовъ.

Неудовольствіе, возбужденное въ національномъ собраніи этимъ запретомъ короля, не могло быть устранено его увѣреніемъ, что онъ смотритъ на всѣ эти козни, нарушающія спокойствіе государства, «не только съ прискорбіемъ, но и съ неодобреніемъ». Подозрѣніе не разсѣялось и послѣ двухъ писемъ короля къ его братьямъ, въ которыхъ онъ доказывалъ имъ, что «революція завершилась, конституція готова, Франція желаетъ ее, и онъ станетъ придерживаться ея», и высказывалъ надежду, что своею дальнѣйшею враждой къ отечеству они не вынудятъ его одобрить строгія мѣры, которыхъ доселѣ онъ не хотѣлъ утверждать.

Послѣ этихъ приложений на дѣлѣ права запрета въ вопросахъ объ эмигрантахъ и священникахъ, большинству собранія стало ясно, что нужно выбирать одно изъ двухъ: или подчинить короля своей власти, или же дѣйствовать помимо него. Правда, тутъ еще не подымается ни одинъ голосъ противъ поведенія короля; но демократическая печать (*Annales françaises, Patriote français, Révolutions de Paris*) уже страшно бушевала, и на порогѣ національнаго собранія явилась даже депутація отъ секцій Парижа, чтобы протестовать противъ права запрета.

Вскорѣ то же самое должно было разразиться и въ собраніи. Толчкомъ къ этому неизбѣжно служили отношенія къ Европѣ. Чѣмъ запутаннѣе становились они, тѣмъ большую силу пріобрѣтали доводы тѣхъ, которые хотѣли, во что бы то ни стало, разнуздать силы націи. А это именно и было содержаніемъ программы жиронды, политика которой нѣсколько колебалась лишь между двумя путями—между низложеніемъ короля и господствомъ надъ нимъ посредствомъ жирондистскаго министерства.

Но прежде, чѣмъ окончательно рѣшить это дѣло, на первый планъ выступилъ другой вопросъ, тѣсно связанный съ эмиграціей. Мы говоримъ объ отношеніяхъ къ Нѣмецкой имперіи, въ которой нашли себѣ убѣжище эмигранты, быть-можетъ, игравшіе въ ея планахъ лишь роль подставныхъ фигурантовъ.

Г Л А В А XI.

Жалобы Нѣмецкой имперіи *).

До 1789 года значительная часть нѣмецкихъ имперскихъ князей, именно на западѣ Германіи, владѣла землями на почвѣ Франціи и законно пользовалась довольно важными ленными правами. Вестфальскій миръ не нарушилъ этихъ правъ. Напротивъ, онъ прямо постановилъ, что французскій король не получаетъ иныхъ верховныхъ правъ на Эльзасъ и Лотарингію, кромѣ тѣхъ, которыми дотолѣ пользовался австрійскій домъ, и что права, присущія имперскимъ князьямъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ, во Франшъ-Контѣ и Люксамбургѣ, должны оставаться неизмѣнными.

Такимъ образомъ, перемѣна верховной власти не коснулась исключительныхъ правъ cadaго леннаго владѣльца. По строго формальному закону, они не могли быть измѣнены и въ будущемъ, какой бы внутренній переворотъ ни произошелъ во французскомъ государствѣ.

*) Ср. Häusser: Deutsche Geschichte, I.

Съ теченіемъ времени французскіе короли старались завладѣть частью этихъ правъ, а нѣмецкіе князья, покинутые своею имперіей, должны были уступать во многихъ отношеніяхъ. Но за потерю нѣкоторыхъ правъ, доставшихся признанной ими французской верховной власти, послѣдняя торжественно обезпечила за могущественными имперскими чинами пользованіе остальными привилегіями. Сюда относились именно финансовыя преимущества (десятины, оброки, налоги), вотчинные суды и управы. Такъ было въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Вюртембергѣ, Пфальцъ-Цвейбрюкенѣ, въ курфиршествѣ Трирскомъ, и др.

Вдругъ настала ночь съ 4-го на 5-е августа, которая однимъ постановленіемъ уничтожала всѣ феодальныя повинности, отчасти вовсе безъ вознагражденія, отчасти на условіяхъ выкупа; и этимъ она лишь открывала цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Это было ударомъ не только для французскаго дворянства, но также и для имперскихъ князей и рыцарей. Стало-быть, дѣло имѣло международный характеръ.

Французское національное собраніе могло отнимать права и доходы у французскихъ землевладѣльцевъ, но не у иностранныхъ князей, на сторонѣ коихъ была, сверхъ того, буква извѣстныхъ договоровъ съ французскою королевскою властью. Въ началѣ такъ мало сомнѣвались въ этомъ, что всѣ признавали справедливымъ вознаградить нѣмецкихъ князей.

За первымъ шагомъ 4-го августа вскорѣ послѣдовалъ новый. Въ ноябрѣ 1789 года отмѣняется церковная десятина; далѣе церковныя имущества объявляются національными; уничтожается всякая подсудность чужеземной духовной власти; наконецъ разрушается весь старый церковный порядокъ.

Связь и раздѣленіе рейнскихъ епископствъ вели свое начало еще съ того времени, когда вся эта страна представляла одно франко-каролингское государство. Триръ, Майнцъ, Кельнъ простирали свою власть на значительную часть французскихъ владѣній; точно также Шпейеръ и Вормсъ. Оттого-то уничтоженіе десятинъ и церковныхъ имуществъ было для этихъ полуфранцузскихъ, полунѣмецкихъ духовныхъ княжествъ, равно какъ и для орденовъ, имѣвшихъ тутъ свои владѣнія, ужаснымъ, почти смертельнымъ ударомъ. А новое епархіальное дѣленіе, введенное «гражданскимъ устройствомъ духовенства» (*constitution civile du clergé*), было просто гибелью именно для самыхъ важныхъ изъ нихъ.

Нарушеніе права, на что жаловались потерпѣвшіе отъ этого, было очевидно; но столь же очевидно было и невыгодное положеніе, въ которомъ они очутились бы, еслибы потребовали удовлетворенія или даже и отмѣны новаго закона. Тутъ противъ нихъ была бы не только великая нація, которая именно теперь была единодушнѣе, чѣмъ когда-либо, но и собственные подданные, которымъ національное собраніе обезпечивало всевозможныя льготы; а за нихъ, кромѣ формальнаго права, была бы одна

Нѣмецкая имперія, та самая имперія, высшій правительственный органъ коей именно тогда былъ погруженъ въ мучительнѣйшія размышленія о томъ, дѣйствительно-ли подрядчикъ Шнейдеръ виноватъ въ негодности зданія каммергерихта въ Вецларѣ?

Въ теченіе революціи вскорѣ оказалось, что эти слабые западно-германскіе князья не въ состояніи оказать ей сопротивленіе и что если они вообще желали получить какое-нибудь удовлетвореніе, то должны были приступить къ дѣлу, не медля ни минуты, иначе имъ не досталось бы ничего.

Касательно вопроса о вознагражденіи въ 1789 и 1790 годахъ шли безконечная переписка и переговоры между Франціей и Нѣмецкою имперіей.

Ближайшіе къ Франціи имперскіе округа вступились за своихъ духовныхъ князей, права коихъ неоспоримо доказывались документами, и обратились съ жалобой къ имперскому сейму (въ началѣ 1790 года).

Первое заявленіе французскаго національнаго собранія признавало, что это исключительный случай, и хотя настаивало на томъ, что единство націи распространяется на все, но все-таки подавало надежду на вознагражденіе «владѣльцевъ извѣстныхъ леновъ въ Эльзасѣ.» Само собою разумѣется, что размѣръ этого вознагражденія долженъ былъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія національнаго собранія, а не отъ соглашенія между обѣими сторонами.

Этимъ же общимъ смысломъ отличались и увѣренія, которыя передавалъ западно-германскимъ дворамъ французскій уполномоченный Тернанъ лѣтомъ 1790 года.

Отсюда проистекали и нежеланіе этихъ дворовъ вообще вступать въ переговоры, въ крайнемъ случаѣ обѣщавшіе вознагражденіе ассигнатами, и ихъ надежда на имперскій сеймъ.

Сеймъ, съ его мѣшкатнымъ теченіемъ дѣлъ, лишь въ январѣ 1791 г. удосужился заняться этимъ вопросомъ, когда исполненіе революціонныхъ декретовъ было уже въ полномъ ходу. Французское правительство все еще было готово на соглашеніе; но духовные князья и слышать не хотѣли о выкупѣ ихъ правъ и ожидали отъ имперіи энергическаго заступничества.

При преніяхъ, возбужденныхъ, наконецъ, 9 мая докладомъ посланника майнцскаго курфирста, тотчасъ оказалось, что настроеніе пылкихъ духовныхъ князей далеко не преобладаетъ въ Германіи. Послѣдніе какъ водится, весьма много шумѣли. Одни требовали немедленной союзной помощи, другіе — чего-то въ родѣ континентальной системы противъ товаровъ и книгъ революціонной Франціи. Иные требовали отобранія Эльзаса, Лотарингіи и Бургундіи, другіе — объявленія войны. Бряцанье оружія долетало именно съ той стороны, откуда въ послѣдствіи всю рѣшительно армию отправили вверхъ по Рейну на одномъ кораблѣ.

Пруссія, Баварія и Австрія высказались, напротивъ, очень умѣренно, и при ихъ вліяніи удалось провести въ іюлѣ опредѣленіе, которое уполно-

мочивало пока одного императора обратиться къ французскому королевскому двору съ дружественными представленіями.

Не мало труда стоило создать, наконецъ, это опредѣленіе, и что же? Вдругъ ночью съ 12 на 13-е іюля эстафета приходитъ отъ императора. Леопольдъ II приказываетъ пріостановить эльзасское дѣло, ибо со времени бѣгства и ареста Лудовика XVI некуда и адресовать жалобъ сейма.

Императоръ до послѣдняго мгновенія дѣлалъ все, чтобы затянуть и заглушить дѣло, и такъ продолжалось до 10-го декабря, когда мнѣніе имперскихъ чиновъ было высочайше утверждено и могло получить ходъ.

Такъ шли рядомъ, одинъ подлѣ другаго, два, сами по себѣ различные, вопроса. Сначала Нѣмецкая имперія имѣла право жаловаться, и Франція была вполне согласна, что ей слѣдуетъ уступить. Объ этомъ ведутъ мирные переговоры и Нѣмецкая имперія не желаетъ войны. Но мало по малу роли измѣняются. Франція жалуется на Германію за эмигрантовъ, объявляетъ себя стороною, находящеюся въ опасности, подвергнувшеюся нападенію, и правильно готовится къ войнѣ.

Жиронда и война.

Разногласіе между Франціей и Нѣмецкою имперіей находилось въ состояніи спокойныхъ переговоровъ.

Ни бурнымъ натискамъ духовныхъ князей, ни назойливымъ настояніямъ эмигрантовъ не удалось вовлечь главныя державы имперіи въ истинно враждебныя дѣйствія. Такое же разочарованіе, какое испыталъ графъ Артуа въ Пильницѣ, постигло и рейнскихъ курфирстовъ въ Регенсбургѣ. Если тамъ не пошли дальше словъ, то здѣсь и въ словахъ остановились на самыхъ скромныхъ рѣшеніяхъ.

Правда, военныя приготовленія на Рейнѣ были довольно шумны; но нельзя было серьезно опасаться нападенія на Францію со стороны горсти эмигрантовъ и епископскихъ солдатъ. Словомъ, не могло быть и рѣчи объ опасности, которая принудила бы Францію къ войнѣ. А если доселѣ нерѣшительныя, колеблющіяся отношенія получали воинственный характеръ, то лишь потому, что во Франціи желали войны и нуждались въ ней. Здѣсь съ умысломъ, чтобъ имѣть хорошій предлогъ, преувеличивали дѣло до такой степени, что недалекіе и несвѣдующіе начали думать о какой-то дѣйствительной опасности.

Жирондисты сами не подали ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что война казалась имъ неизбѣжною и спасительною необходимостью, за которую слѣдовало взяться, даже еслибы вовсе не было на свѣтѣ никакихъ эмигрантовъ и духовныхъ князей.

Внутренней потребности войны никто не объяснилъ такъ отчетливо,

какъ Бриссо въ одной рѣчи, произнесенной имъ 16-го декабря 1791 года въ якобинскомъ клубѣ.

«Вотъ уже полгода, говорилъ онъ, или, вѣрнѣе, съ самаго начала революціи, обдумывалъ я политику, за которую намѣренъ стоять теперь, и въ силу, какъ размышленія, такъ и фактовъ, пришелъ къ убѣжденію, что народу, достигшему свободы послѣ 10-вѣковаго рабства, необходима война.

«Намъ нужна война, чтобы прочно утвердить свободу; намъ нужна война, чтобы исцѣлить ее отъ пороковъ деспотизма; намъ нужна война, чтобы удалить людей, которые могли бы погубить ее. Благословляйте Небо за то, что оно само помогло вамъ въ этомъ и дало случай прочнѣе утвердить вашу конституцію».

Тутъ ораторъ говоритъ о наказаніи бунтовщиковъ, съ которыми всѣ дружественныя сношенія послужили лишь къ позору, и взываетъ къ войнѣ противъ «горсти заговорщиковъ», къ сильному удару противъ аристократическаго гнѣзда въ Кобленцѣ. Все это сопровождается тономъ, въ которомъ нѣтъ и признака чувства дѣйствительной опасности. Въ сущности вотъ сильнѣйшее доказательство Бриссо: «Вы должны будете краснѣть передъ всею Европой, если и дальше позволите издѣваться надъ собою столь презрѣннымъ врагамъ».

Уже 29-го ноября дипломатическая коммиссія потребовала, чтобы съ упрямыми бѣглецами и ихъ покровителями поступили, наконецъ, безъ дальнихъ размышленій. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Инаръ, одаренный отъ природы изумительнымъ краснорѣчіемъ, но лишенный образованія, въ пламенной рѣчи развилъ всѣ основанія будущей политики.

Онъ требовалъ войны, чтобы Франціи выказаться въ новомъ величіи. «Французскій народъ, воскликнулъ онъ, готовъ сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ. Рабъ, онъ былъ неустрашимъ и гордъ: неужели, свободный, онъ долженъ быть трусливъ и слабъ? Обращаться со всѣми народами, какъ съ братьями, никого не оскорблять, но и не терпѣть ни отъ кого обидъ, обнажать мечъ лишь за справедливость и вкладывать его въ ножны лишь послѣ побѣды, словомъ, быть постоянно готовымъ сражаться и умирать за свободу,—вотъ характеръ французскаго народа!»

Народъ, совершившій такую революцію, непреодолимъ; побѣда, конечно, всегда останется за нимъ. «Знамя свободы есть знамя побѣды. Мгновеніе, въ которое народъ воодушевляется ею, есть мгновеніе тысячей пожертвованій, мгновеніе отрѣшенія отъ всѣхъ интересовъ и страшнаго взрыва воинственнаго пыла».

Въ подобной войнѣ у Французовъ будетъ сильное оружіе—пропаганда революціонныхъ идей. «Скажемъ Европѣ, что если дворы объявятъ войну народамъ, то мы воспламенимъ войну народовъ противъ дворовъ... Скажемъ ей, что 10 милліоновъ Французовъ, кипящихъ любовью къ сво-

бодѣ, вооруженныхъ мечемъ, перомъ, разумомъ, краснорѣчіемъ, способны одни, если ихъ вызовуть, преобразовать лицо земли и привести въ трепетъ всѣхъ тирановъ на ихъ престолахъ».

Таковыми-то рѣчами оглашался Парижъ въ то время, когда вся Европа была еще вполне спокойна. Въ ту минуту, когда ниодно сосѣднее государство не думало серьезно о войнѣ, тамъ уже бросали перчатку старымъ державамъ цѣлой части Свѣта.

И эти ораторы увлекали не одну жиронду. И болѣе разсудительные члены правой стороны уже не были въ состояніи владѣть собой. Имъ всѣмъ были свойственны старая французская страсть къ войнѣ, старое стремленіе къ завоеваніямъ и славѣ, которыя всегда цѣнились у этого народа выше, чѣмъ утомительное и медленное дѣло упроченія тихаго гражданскаго счастья.

Даже и дворъ былъ до того увлеченъ этимъ напоромъ, что уволилъ тогдашняго военнаго министра, который, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, былъ скорѣе мирнымъ министромъ, и поставилъ на его мѣсто графа Л. Нарбона.

Нарбонъ былъ типомъ старофранцузскаго рыцаря изъ сочувствующей Америкѣ школы Лафайета. По своей подвижности и привлекательности, онъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы вести дѣла съ этимъ собраніемъ. Кромѣ того, какъ политикъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ чувства, онъ болѣе всѣхъ былъ способенъ снискать довѣріе большинства, руководимаго тѣми же побужденіями. Это тотъ самый Нарбонъ, переговоры коего съ Наполеономъ въ 1812 и 1813 годахъ возбуждали такой большой интересъ: онъ находился тогда на сторонѣ императора и погибъ потомъ въ Торгау при тяжелой осадѣ. Новый министръ былъ вполне настроенъ на одинъ ладъ съ жирондистскою партіей войны.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль 1791 года во Франціи все работало въ пользу войны. Въ нѣдрахъ революціи все сильнѣе и сильнѣе пробуждалась та страсть къ пропагандѣ, которая вообще была ея главною, отличительною чертой. Въ самомъ народѣ проснулись воинственныя преданія, управлявшія имъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. А партія, стремившаяся къ власти, видѣла въ войнѣ лучшее средство преодолѣть тысячи внутреннихъ препятствій, быстро завладѣть кормиломъ правленія и влить свѣжую жизнь въ государственнй строй. Войны желали даже умѣренные, ибо они ожидали отъ нея искорененія нечистыхъ элементовъ и устраненія внутреннихъ затрудненій, которыхъ ничѣмъ больше нельзя было уничтожить. Войны желали также и тѣ, которымъ революція становилась уже непріятною; они надѣялись, что, благодаря ей, установятся дисциплина и порядокъ, появятся диктаторы и энергическіе люди, которые положатъ конецъ безумствамъ крикуновъ и подстрекателей.

Только одна партія не желала войны. То былъ Робеспьеръ съ своею

свитой, который впоследствии извлекъ себѣ изъ нея главную выгоду. Онъ отвращался отъ войны и боялся ея по тѣмъ же причинамъ, по которымъ внутренніе враги революціи желали ея. Онъ предвидѣлъ то, что ускользнуло тогда отъ взгляда многихъ изъ его же единомышленниковъ, именно, что война выдвинетъ солдатъ и похоронитъ клубы съ ихъ героями, создастъ диктаторовъ, а не трибуновъ, рабство, а не свободу.

Робеспьеръ былъ правъ. Но прошелъ не одинъ годъ, пока всѣ увидѣли, что его пророчество исполняется. Тогда его не понимали и жадно ухватились за поводъ къ войнѣ.

Пригрозивъ еще 14-го декабря духовнымъ князьямъ 150,000-ной арміей, съ первыхъ же дней 1792-го года открыли рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ форпостовъ старой Европы.

Уже 1-го января прошло постановленіе начать обвиненіе противъ «мятежниковъ».

Напрасно умѣренные стараются на время пріостановить дѣло. Жиронда и якобинцы заставляютъ признать обвиненными братьевъ короля, Конде, Калона, Лаквиля и младшаго Мирабо. Тотчасъ же приступаютъ и къ устройству верховнаго государственнаго судилища (*haute cour nationale*).

Сравнительно съ этою тактикой, которая поспѣшно наноситъ теперь ударъ за ударомъ, образъ дѣйствій императора Леопольда, самого холоднаго и безстрастнаго дипломата въ мірѣ, разумѣется, производитъ довольно слабое впечатлѣніе. Какъ бы долго онъ ни жилъ, онъ не былъ бы въ состояніи усмирить бурю. На это не хватало у него ни средствъ, ни глубокомыслія.

Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, онъ весьма вѣрно судилъ о многомъ въ частности; но ему недоставало полного пониманія всемірноисторическаго величія, коренившагося въ революціи. Онъ думалъ, что ее можно ограничить однимъ мѣстомъ, задержать плотиною, что стоитъ окружить ее кордономъ—и она перегоритъ сама собою. Это-то и было страшнымъ заблужденіемъ.

21-го декабря 1791-го года въ одной нотѣ, которая еще вполне вытекала изъ мысли покончить все мирными переговорами, онъ толковалъ о «соглашеніи государей для сохраненія спокойствія и престоловъ» и тѣмъ указывалъ на рѣшеніе французскаго вопроса европейскимъ конгрессомъ.

Вообще это было не болѣе, какъ крайнее средство дипломатіи, очутившейся передъ неразрѣшимымъ вопросомъ. А со стороны Леопольда это было просто противоположностью вызова. Здѣсь, точно также, какъ въ Пильницѣ, онъ скорѣе указывалъ на Европу съ тѣмъ, чтобы уклониться отъ дѣйствія въ одиночку.

Этотъ намекъ дошелъ до національнаго собранія. Точно искра въ порохъ, внезапно явилось тутъ это роковое слово о конгрессѣ государей, яви-

лось въ январѣ 1792-го года, именно въ тѣ дни, когда уже не разъ грозили монархической Европѣ войной народовъ и убаюкивали мечтой о союзѣ съ жаждущими свободы націями свою собственную смущенную политику, которая повсюду между старыми государствами видѣла однихъ враговъ, нигдѣ не встрѣчая помощниковъ. Со страстью напали здѣсь на это слово, и справедливо. Здѣсь я не набросилъ бы на Французовъ и тѣни упрека.

Всякая ревнивая къ своей чести нація съ негодованіемъ отвергнетъ такого рода постороннее вмѣшательство въ ея собственныя дѣла. А народъ, который возмущается при малѣйшей попыткѣ оскорбить его тонкое чувство чести, долженъ служить скорѣе примѣромъ, достойнымъ подражанія, чѣмъ предостереженіемъ.

Это было лучшимъ средствомъ собрать всѣ партіи подъ одно знамя. И жпрондисты не преминули воспользоваться случаемъ.

По предложенію Гаде, 14-го января было постановлено: «Національное собраніе объявляетъ безчестнымъ, измѣнникомъ отечества и государственнымъ преступникомъ всякаго, кто, въ качествѣ-ли агента исполнительной власти, или просто, какъ Французъ, приметъ какое-либо участіе въ конгрессѣ, цѣлью коего будетъ измѣнить французскую конституцію и устроить соглашеніе между французскою націей и состоящими въ заговорѣ противъ нея мятежниками, или сдѣлку съ князьями въ Эльзасѣ.»

Увлеченное воодушевленіемъ, собраніе встаетъ и клянется: «Конституція или смерть»!

Постановленіе рѣшено тотчасъ же передать королю, приглашая послѣдняго немедленно сообщить его всѣмъ державамъ съ присовокупленіемъ, что Франція сочтетъ своимъ врагомъ всякаго европейскаго государя, который вздумаетъ поднять руку на французскую конституцію.

Заявленіе императора Леопольда, что онъ потребовалъ отъ курфирста Трирскаго разоруженія эмигрантовъ, но въ то же время приказалъ генералу Бендеру въ Люксамбургѣ отражать съ оружіемъ въ рукахъ всякое нарушеніе границъ имперіи, вызвало новую страшную бурю, хотя между тѣмъ шумъ оружія въ Трирѣ дѣйствительно замолкъ. 17-го января выступилъ Бриссо съ длинною рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

«Маска, наконецъ, спала; вашъ истинный врагъ признанъ. Приказъ къ генералу Бендеру вскрываетъ вамъ его имя. Это императоръ. Курфирсты были лишь его пугалами, а эмигранты—орудіями въ его рукахъ. Вы можете теперь презирать эмигрантовъ; верховное судилище отмститъ за націю этимъ мятежнымъ принцамъ-попрошайкамъ. Кромвель принудилъ Францію и Голландію прогнать Карла II. Подобное преслѣдованіе было бы слишкомъ большою честью для принцевъ. Бросьтесь на ихъ имущества, а владѣльцевъ предоставьте ихъ собственному ничтожеству. Курфирсты недостойны болѣе вашего гнѣва: страхъ уже повергъ ихъ къ вашимъ ногамъ. Вашъ истинный врагъ—императоръ».

Теперь вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ. Какъ бы тонко и искусно ни соткалъ теперь императоръ дипломатическую ткань, было уже поздно.

25-го января дѣло дошло до рѣшительнаго постановленія. Король долженъ былъ обратиться къ императору съ требованіемъ полного, недвусмысленнаго отвѣта, и въ такой формѣ, которая не уступала объявленію войны.

Декретъ гласилъ: «Особенною депутаціей пригласить короля объявить императору, что отнынѣ онъ можетъ вести съ нимъ переговоры лишь отъ имени французской націи... Король долженъ обратиться къ императору съ запросомъ: желаетъ ли онъ, какъ глава австрійскаго дома, оставаться другомъ французскаго народа? и указать ему, что съ этого дня до 15-го февраля всякій уклончивый, замедляющій отвѣтъ будетъ считаться объявленіемъ войны... Король долженъ безостановочно принимать самыя сильныя мѣры для приведенія границъ въ оборонительное положеніе».

Итакъ, всего, что дѣлалось доселѣ, было еще недостаточно: императору прямо приставляли пистолетъ къ груди.

Теперь Леопольдъ заключилъ 7-го февраля оборонительный союзъ съ Пруссіей и отправилъ 17-го числа во Францію заявленіе, въ которомъ было указано, какъ онъ, только онъ одинъ, успѣшно противился доселѣ требованіямъ войны съ Франціей, и какъ весь военный шумъ слѣдуетъ считать лишь дѣломъ якобинцевъ, въ которомъ благоразумное большинство націи вовсе не принимаетъ участія. Самъ же онъ и теперь не вышелъ бы изъ своего сдержаннаго положенія. Кауницъ въ особо-приложенной бумагѣ прибавилъ къ этому безжалостное, но исторически вѣрное описаніе образа дѣйствій якобинцевъ.

Слѣдуя извѣстной легендѣ, снискавшей себѣ столько довѣрія, по которой иностранныя державы, и въ особенности императоръ, вызвали Францію на необходимую оборону *), нужно думать, что эта нота съ ея злыми выходами должна была окончательно вывести Французовъ изъ терпѣнія. Но изъ Монитера мы узнаемъ совсѣмъ противное. Министръ прочитываетъ ее и, послѣ незначительныхъ упрековъ за злыя выходки, высказываетъ свою живѣйшую радость по поводу «мирныхъ и дружественныхъ заявленій императора». И съ нимъ соглашается собраніе, вопреки ропоту якобинцевъ на набросанную тамъ мѣткую характеристику ихъ.

Нота была прочитана 1-го марта. Въ тотъ же день умеръ императоръ Леопольдъ II, вѣроятно, отъ слишкомъ большаго количества наркотическихъ лекарствъ, принятыхъ имъ противъ легкаго нездоровья.

*) Упомянутая здѣсь легенда пушена въ ходъ французскими историками, не справлявшимися съ архивами. Зибелю (въ его Исторіи револ. эпохи) принадлежитъ честь полного опроверженія этой сказки, на основаніи документовъ, хронологіи и пониманія замысловъ жиронды. Ред.

Этою внезапною смертию уничтожалась самая важная преграда къ войнѣ. Правда, Леопольдъ II уже не могъ остановить войны; но во всякомъ случаѣ онъ велъ бы ее хитрѣе и благоразумнѣе, чѣмъ Францъ II, полнѣйшій абсолютистъ, который совѣтъ находился въ рукахъ эмигрантовъ и былъ фанатически преданъ идеѣ крестоваго похода.

Министерство жирондистовъ. Дюмурье. Объявленіе войны и вторженіе въ Бельгію.

Военная тревога въ національномъ собраніи была политическимъ маневромъ жирондистовъ. Пламенные, бурныя рѣчи Бриссо, Гаде, Жансонне, Вернію были точно также погоней за министерствомъ изъ рядовъ ихъ партіи. Положеніе дѣлъ той минуты было непрочно; долженъ былъ послѣдовать переворотъ, и вотъ, жиронда видитъ въ войнѣ лучшее средство произвести его въ своемъ духѣ.

Поэтому постановленія послѣднихъ дней были ничѣмъ инымъ, какъ побѣдами, которыя приближали эту партію къ власти и подрывали министерство.

Теперь должно было произойти рѣшительное нападеніе на министерство, которое, подобно этому, во всѣхъ главнѣйшихъ вопросахъ идетъ въ разрѣзъ съ большинствомъ, немислимо долгое время. Впрочемъ, если нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ членовъ этого министерства, какъ, напримѣръ, Мольвиль, были вполнѣ преданы политикѣ иностранныхъ державъ и эмигрантовъ, то нельзя было также сказать этого о всѣхъ. Безъ дальнихъ размышленій окрестить его всего именемъ «комитета измѣны отечеству» было чисто якобинскимъ преувеличеніемъ.

Столь дурными не были даже министры, которые дѣйствительно ненавидѣли революцію. Содержать одну-другую газетку, при случаѣ послать въ собраніе пару-другую наемныхъ крикуновъ, чтобы они тамъ пошумѣли за роялистовъ, или поинтриговать втихомолку, чтобы главныя общественныя должности въ Парижѣ достались въ руки Петіона, Дантона и другихъ господъ, популярность коихъ надѣялись купить *)—вотъ государственныя перевороты, въ которыхъ можно было обвинить министровъ. Но во всякомъ случаѣ всѣ они, кромѣ Нарбона, не чувствовали охоты къ войнѣ.

Шатко стало и положеніе короля, какъ ни былъ онъ правъ въ своихъ жалобахъ на то, что другіе никогда не соблюдали конституціи, которой онъ долженъ былъ слѣдовать. Кризисъ такъ усилился, что онъ долженъ

*) Такъ прямо увѣряетъ Barante: *Convention nationale*, I, 22. Подобное же рассказываетъ Mortimer-Ternaux: *Hist. de la terreur*, I, 20.

былъ или идти за большинствомъ націи, или погибнуть. Если только онъ не встрепенется и, вопреки своимъ свойствамъ, не станетъ смѣло и рѣшительно во главѣ движенія, то ему сдѣлаться его первою жертвой. Спѣшеніемъ обстоятельствъ его судьба была предначертана безвозвратно.

Жиронда, заодно съ якобинскимъ клубомъ, постановила устроить нападеніе на министерство. Но дипломатическая коммиссія не выказывала склонности къ подобному шагу. Она полагала, что министерство не прекращало своихъ усилій въ пользу сохраненія мира; что нѣтъ поводовъ къ войнѣ, а, стало-быть, и къ обвиненію министровъ.

Такимъ образомъ, въ самомъ собраніи нельзя было надѣяться имѣть успѣхъ; безъ давленія извнѣ не было возможности сдѣлать шага впередъ.

Съ начала марта въ якобинскомъ клубѣ заговаривали объ обвиненіи министерства. Затѣмъ недѣли полторы уламывали національное собраніе, и 10-го числа взошелъ на трибуну Бриссо, чтобы обвинить министра иностранныхъ дѣлъ, Делессара, въ измѣнѣ отечеству.

Онъ произнесъ ловкую ябедническую рѣчь, въ которой правда и ложь, основательныя жалобы и косвенныя, бездоказательныя обвиненія были сплетены въ одно эффектное цѣлое.

Было справедливо, что поступки министерства были часто несообразны и противны конституціи; что оно выказывало противодѣйствіе и вражду всѣмъ членамъ собранія; что оно постоянно придерживалось въ своихъ нотахъ умѣренного, мирнаго тона, котораго вовсе нельзя было согласовать съ рѣчами жирондистовъ и лишь съ трудомъ можно было привести въ связь съ постановленіями собранія.

Пожалуй, это были ошибки, но ужъ никакъ не преступленія, именемъ которыхъ хотѣли теперь заклеить ихъ. Напрасно умѣренные выставляли это на видъ, напрасно пытались они разобрать лживую сказку Бриссо и изобличить ее ею самою: они были заглушены шумомъ на галлерейхъ, и обвиненіе было принято при бурномъ одобреніи послѣднихъ.

Не мало содѣйствовала этому и рѣчь Вернію, который употребилъ тутъ знаменитую фразу Мирабо:

«Позвольте мнѣ, замѣтилъ онъ, высказать одно соображеніе. Когда въ учредительномъ собраніи предложили ограничить деспотизмъ христіанской церкви, Мирабо сказалъ: «Съ трибуны, откуда я говорю вамъ, видно окно, изъ котораго рука одного французскаго монарха, вооруженная противъ своихъ же подданныхъ проклятыми сектантами, смѣшивавшими священнѣйшіе религіозные интересы съ своими личными замыслами, дала выстрѣлъ изъ ружья, послужившій сигналомъ къ Варѣоломеевой ночи». Такъ воскликну и я теперь: съ этой трибуны, откуда я обращаюсь къ вамъ, видѣнъ дворецъ, гдѣ изверги-совѣтники вводятъ въ заблужденіе и сбиваютъ съ должнаго пути короля, дарованнаго намъ конституціей, куютъ оковы, въ которыя хотятъ заковать насъ, и ставятъ западни, чтобы поймать насъ для австрійскаго дома. Я

вижу окна дворца, гдѣ возбуждается противореволюція, гдѣ измышляются средства снова повергнуть насъ во всѣ ужасы рабства, проведя предварительно чрезъ весь хаосъ анархіи, черезъ всю сумятицу междуусобной войны.

Обвиненіемъ Делессара министерство было низвергнуто.

Теперь только рѣшился король составить министерство изъ большинства.

Поздненько! Вѣроятно, этимъ министрамъ была суждена роль могильщиковъ монархіи: если королю приходилось выбирать себѣ министровъ въ силу такихъ обстоятельствъ, ему слѣдовало считать себя уже наполовину лишеннымъ престола.

Новое министерство состояло большею частью изъ парламентскихъ именъ собранія. Кромѣ Дюмурье, все это были жирондисты, но не ихъ настоящіе ораторы, а силы, менѣе важныя, люди втораго разряда.

Великіе ораторы остались всѣ въ собраніи. Отсюда и острота, что это—министерство госпожи Роланъ. Роланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ ничтожнымъ мужемъ молодой женщины съ замѣчательными качествами и съ могущественнымъ вліяніемъ. Ея записки *) принадлежатъ къ числу немногихъ нелживыхъ книгъ объ этомъ времени. Въ нихъ отражается чистая, незапятнанная душа писательницы, но также и поразительный фанатизмъ, котораго она была исполнена, доставившій ей видное мѣсто между личностями революціи.

Г-жа Роланъ одинъ изъ типовъ французскаго общества. Простенькая, незатѣйливая мѣщаночка, образованная не по своему сословію, вскормленная съ раннихъ лѣтъ идеями Руссо и ему подобныхъ писателей, но вовсе не синій чулокъ, одаренная талантомъ, умомъ, способностью писать и играть роль въ свѣтѣ, возросла она на узкой, шаткой границѣ, отдѣляющей женщину отъ мущины въ юбкѣ. Она представляла типъ, какъ той части третьяго сословія, которая была пропитана идеями Руссо, такъ и того сорта французскихъ дамъ, который дѣйствовалъ въ политикѣ посредствомъ чувства и мечталъ о возможности создать путемъ спокойнаго органическаго развитія *Platonis rempublicam in Romuli faese* (Платонову республику на Ромуловыхъ дрожжахъ).

На эшафотѣ она воскликнула со скорбью: «Боже, какія преступленія совершаютъ во имя свободы!»! Что она поняла это только на эшафотѣ, въ этомъ-то и заключалось роковое въ ея жизни.

Ее называютъ единственнымъ мущиной, котораго выставила жиронда. И не даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, знаменательно для этой партіи, что женщина была ея лучшею головой и, въ лицѣ Шарлоты Корде, ея мстителемъ **).

*) *Mémoires de Madame Roland*. 2 т. Новое изданіе Добана 1864 г.

**) *Op. Dauban: Etude sur m-me Roland et son temps*. Paris, 1864. Ред.

Единственный изъ новыхъ министровъ, самъ по себѣ что-нибудь значившій, обладавшій знаніемъ дѣла и людей. былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Дюмурье.

Дюмурье принадлежалъ къ числу людей, которымъ не благопріятствуютъ внѣшнія обстоятельства, которымъ поэтому приходится талантомъ брать съ бою извѣстное положеніе въ жизни, причемъ они по необходимости забываютъ черезчуръ совѣстливую разборчивость въ средствахъ.

Происходя изъ мелкаго старо-французскаго дворянства, бѣдный, безъ доходовъ, безъ положенія въ свѣтѣ, безъ могущественныхъ покровителей, онъ рано былъ принужденъ искать, гдѣ бы то ни было, средствъ къ жизни. Будь у него терпѣніе и непреклонная стойкость въ работѣ, при его неоспоримыхъ дарованіяхъ, отъ него не ускользнула бы почетная, быть-можетъ, даже великая будущность; но онъ былъ непостояненъ, жаденъ до удовольствій, измѣнчивъ. При старомъ правительствѣ служилъ онъ полусолдатомъ, полудипломатомъ: въ качествѣ послѣдняго, ему приходилось исполнять несовсѣмъ почетныя порученія. Какъ только настала революція, онъ тотчасъ смекнулъ, что съ монархіей ужъ не составитъ себѣ счастья, — и вотъ, онъ революціонеръ.

Сначала онъ былъ вполнѣ конституціоналистомъ, потомъ конституціоналистомъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ, наконецъ, сумѣлъ представиться демократомъ *). Въ описываемыя послѣднія недѣли шелъ онъ

*) Этотъ человѣкъ всего лучше и наивнѣе характеризуетъ себя самъ. Стоитъ только прочесть въ его Запискахъ, какъ онъ, одаренный талантомъ и ловкостью, будучи заброшенъ въ 1790-мъ и 1791-мъ годахъ въ Парижъ, умѣлъ подлаживаться къ обстоятельствамъ. То онъ съ Мирабо, то съ республиканцами; то онъ въ якобинскомъ клубѣ, то посылаетъ увѣрить короля въ своей преданности. Онъ готовъ къ услугамъ всѣхъ и хвастается своими заслугами. Знаменательно, какъ онъ говоритъ о своемъ обращеніи съ якобинцами:

«Его долгое отсутствіе вычеркнуло его изъ этого общества. Побудительною причиной возвратиться было слѣдующее: общество якобинцевъ въ Парижѣ имѣло связи болѣе чѣмъ съ двумя тысячами обществъ въ провинціяхъ: въ пяти департаментахъ, въ которыхъ ему предстояло начальствовать, ихъ было тридцать или сорокъ, и, вдобавокъ, весьма воспламеняющихся (*sulfureuses*). Еслибы онъ только былъ якобинцемъ по принципу, но при этомъ не казался еще таковымъ, то тамъ смотрѣли бы на него, какъ на аристократа и, стало-быть, онъ былъ бы далеко не полезенъ своему отечеству и королю. Онъ принялъ предосторожность уведомить Людовика XVI о своемъ поступкѣ и о своихъ побудительныхъ причинахъ» (II, 104).

Выжидать, пользоваться минутой, *non sibi res, se rebus submittere* (не подчинять себѣ обстоятельствъ, а самому подчиняться имъ) — вотъ его жизненная философія. Самое приличное для него имя — интриганъ.

Мѣтко говорить о немъ г-жа Роланъ: «Мнѣ казалось, что я нашла въ немъ очень умнаго повѣсу, смѣлаго рыцаря, который смѣялся надъ всѣмъ, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ и славы . . . Это былъ прилежный и храбрый

рука въ руку съ якобинцами. сыпалъ ихъ отборными словами, но при этомъ былъ холоденъ до глубины души, и поэтому жирондисты оставались рѣшительно непонятными ему. Толпа причисляла его къ жирондистамъ, но это была ошибка.

Онъ видѣлъ быструю гибель короля, видѣлъ невозможность поддержать всѣми покинутого герцога Орлеанскаго. и не намѣревался ни пасть съ первымъ, ни подняться за втораго. Но у герцога былъ 18-лѣтній сынъ, ловкій, многообщавшій юноша. Въ ужасномъ обществѣ отца и его приближенныхъ онъ выросъ настолько нравственнымъ, что его частная жизнь была безупречна. Лудовикъ-Филиппъ, король-гражданинъ 1830 года, былъ, какъ мнѣ кажется, кандидатомъ Дюмуре. который и ввелъ его въ красной шапкѣ въ якобинскій клубъ.

Все министерство 10-го марта относилось къ королю какъ-то сурово, холодно и подозрительно. Лудовикъ сошелся скоро едва-ли не съ однимъ только Дюмуре. Этотъ и здѣсь служилъ нашимъ и вашимъ.

Можно было ожидать, что новое министерство, чѣмъ скорѣе, тѣмъ охотнѣе, объявитъ войну.

Вступленіе Дюмуре тотчасъ же ознаменовалось двумя нотами отъ 18-го и 27-го марта, необыкновенными по своей формѣ и изложенію.

Кратко, дерзкимъ и вызывающимъ тономъ, какъ обыкновенно говорилось въ клубахъ и какъ самъ Дюмуре выражался иногда среди якобинцевъ, требовали онѣ отъ Вѣнскаго двора положительнаго объясненія: разорветъ-ли онъ для удовлетворенія Франціи всѣ заключенные противъ нея договоры и отзоветъ-ли немедленно свои войска, или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ война—рѣшенное дѣло. Въ отвѣтъ на это Австрія, съ своей стороны, требовала вознагражденія нѣмецкихъ имперскихъ князей, удовлетворенія папы за Авиньонъ и подавленія Франціей у себя дома всего, что могло потревожить другія государства.

Это равнялось разрыву. 20-го апрѣля король прибылъ въ національное собраніе, прочелъ докладъ своего министерства, гдѣ развивались причины объявленной войны, и потребовалъ у членовъ согласія. Онъ читалъ бумагу дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, словно собственный смертный приговоръ, и такое чувство было вполне основательно.

Докладъ приняли съ восторгомъ. Никто не подумалъ передать этотъ важный вопросъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, безъ чего въ подобныхъ собраніяхъ идутъ плохо даже незначительныя дѣла. Не подвергли и

малый, хорошій генералъ, ловкій льстецъ. Онъ прекрасно писалъ, легко выражался и былъ способенъ на великія предпріятія. Ему недоставало только характера, соотвѣтственнаго его уму, или болѣе хладнокровной головы, чтобы преслѣдовать замышляемые имъ планы». (I, 361 и 370; Ср. также стр. 388).

краткому предварительному обсужденію рѣшенія, благодаря коему Европа цѣлыхъ 22 года была затоплена кровью.

Жиронда, съ Бриссо и Гаде во главѣ, вела пренія съ поразительною быстротой. Требовался возможно скорый, безвозвратный разрывъ. Большинствомъ, близкимъ къ единогласію, рѣшили войну. Только семь голосовъ (въ томъ числѣ Теодоръ Ламетъ) были противъ. Даже массы фельяновъ и роялистовъ подали голосъ за войну. Въ заключеніе Верньо сказалъ еще превосходную рѣчь. Онъ напомнилъ о клятвѣ 14-го января. о кликахъ: «Конституція или смерть»!

«Найдется-ли ледяное сердце, которое не затрепетало бы въ столь возвышенную минуту? Найдется ли каменная душа, которая (смѣю такъ выразиться) не воспарила бы къ небу съ кликами всеобщей радости? Найдется ли безчувственный, который не созналъ бы, какъ растетъ все его существо, какъ, при шумѣ благороднаго одушевленія, расширяются его силы до сверхчеловѣческой мощи? Такъ что же! Представимъ Франціи, представимъ Европѣ величественное зрѣлище одного изъ такихъ національных торжествъ. Воскресимъ энергію, передъ которою падаютъ въ развалинахъ Бастиліи. Сообщимъ новый полетъ тому пылкому чувству, что привязываетъ насъ къ свободѣ и отечеству. Да огласятся всѣ части нашего государства восклицаніемъ: «Жить свободными, или умереть! Вся конституція безъ урѣзокъ или смерть»! *)

Манифестъ о войнѣ, представленный Жансонне въ концѣ засѣданія и принятый безъ преній, оканчивался слѣдующими словами:

«Национальное собраніе объявляетъ:

«Французская нація, вѣрная правилу, освященному ея конституціей, не начинать войны съ завоевательною цѣлью и никогда не обращать своего оружія противъ свободы какого-либо народа, берется за мечъ лишь въ защиту собственной независимости. Неизбѣжная для нея война—не борьба одной націи съ другою, а законная оборона свободного народа отъ несправедливаго нападенія одного изъ государей.

«Французы никогда не смѣшиваютъ своихъ братьевъ съ своими истинными врагами. Они сдѣлаютъ все, чтобы смягчить бичъ войны, пощадить, сохранить собственность и обратить всѣ неразлучныя съ войной бѣдствія на головы заговорщиковъ противъ ихъ свободы.

«Они заранѣе признаютъ своими всѣхъ иностранцевъ, которые отрекутся отъ дѣла враговъ Франціи, станутъ подъ ея знамена и посвятятъ свои силы на защиту ея свободы. Они употребятъ даже всѣ доступныя имъ средства, чтобы пріютить ихъ во Франціи».

*) Недовольные голоса, съ крикомъ «Point de serment!» отвергавшіе предложеніе новаго празднества конституціи, принадлежали, разумѣется, членамъ, понимавшимъ яснѣе жирондистовъ эту монархическую конституцію. О.

Примѣръ 20-го апрѣля не единственный въ исторіи.

Большое рѣшеніе громадной войны съ Карфагеномъ, выбившее Римъ изъ старой колеи для преобразованія его въ новую всемірную державу, было принято не отцами республики, — сенатъ ничего не постановлялъ, — а собравшимся на сходку народомъ при такомъ же порывѣ страсти, при такой же жаждѣ военныхъ предпріятій.

Впрочемъ здѣсь есть и большая разница. Тогдашній Римъ зналъ, съ чѣмъ начать и вести войну. Онъ былъ первою державою на материкѣ Италіи, величайшимъ военнымъ государствомъ на западѣ Стараго Свѣта. Положеніе Франціи было не столь благопріятно. Здѣсь рѣшились на войну, не зная, на какія средства вести ее.

Французскіе историки стараются проворно скользить по этому вопросу. Они не прочь увѣрить насъ, будто одинъ патріотическій энтузіазмъ своими чарами вызвалъ тѣ войска, что стали впоследствии ужасомъ Европы. Никто не оспариваетъ значенія его для войны. Но для нея, кромѣ того, нужны самыя матеріальныя вещи: порохъ и свинецъ, ружья и пушки, провіантъ и деньги, техническія познанія и надежная дисциплина. Этого-то здѣсь прежде всего положительно не доставало, и тутъ не могло помочь одно воодушевленіе.

Прошло цѣлыхъ два года, пока Франція не приобрѣла всего нужнаго для войны, пока у нея не образовались хорошее войско и способные генералы. До тѣхъ поръ ее каждую минуту могла постигнуть страшная катастрофа.

Старое войско совершенно разстроилось. Правительство дало безсрочный отпускъ тысячамъ офицеровъ; оно дозволило имъ дезертировать за границу, не замѣнивъ ихъ новыми. Рядовые вполне предались революціонному своеволю. Не ранѣе 1795-го и 1796-го годовъ солдаты стали настоящими демократическими солдатами. Только тогда они внѣ службы пользовались свободой въ преизобиліи и знать не хотѣли никакихъ мундировъ; а на службѣ всякій, пренебрегшій разъ своею обязанностью, считался измѣнникомъ.

Отъ этого пока были еще очень далеки. Организованный матежъ принадлежалъ еще къ неотъемлемымъ человѣческимъ правамъ солдата. Весьма характеристичны для духа господствующихъ партій, особенно для якобинцевъ, желавшихъ возмущеніемъ арміи предупредить появленіе деспотизма штыка, позорныя празнества, которыми всѣ клубы и даже само національное собраніе встрѣчали, на пути изъ Баньо въ Парижъ, словно спасителей государства, крамольныхъ Швейцарцевъ изъ Нанси, только-что освобожденныхъ отъ заслуженной каторги. У депутата Гувьона сердце надрывалось отъ стыда. Его братъ былъ въ числѣ убитыхъ Швейцарцами въ Нанси. Гувьонъ не хотѣлъ больше засѣдать въ собраніи, которое чтитъ убійцъ: онъ вышелъ, отправился въ армію и тамъ нашелъ смерть *).

*) Barante: Convention nationale, I, 40 sqq.—Mortimer-Ternaux: La terreur, I. 60 sqq.

По недостатку въ запасахъ оружія, аммуниціи и военныхъ снарядовъ ясно видно, что Франція въ военномъ отношеніи была еще совершенно та же, что въ Семилѣтнюю войну. Самый тяжелый упрекъ въ этомъ падаетъ на правительство, которое привело все въ упадокъ. Легко зарождалось подозрѣніе, не нарочно ли оно пренебрегло обороной страны, чтобы предать ее беззащитную и безоружную, иностранцамъ.

Французскіе историки любятъ скользить и по вопросу о постыдномъ началѣ войны, перевернувшей потомъ всю Европу.

20-го апрѣля объявили войну, намѣреваясь тотчасъ же вторгнуться въ ближайшую сосѣднюю провинцію, Бельгію *). Бельгія поссорилась съ Австріей. Дюмурье зналъ объ ихъ разладѣ и надѣялся, что враговъ Австріи примутъ съ распростертыми объятіями: солдаты разбѣгутся, не желая бороться противъ революціи, а народъ съ восторгомъ примкнетъ къ своимъ избавителямъ. Правда, здѣсь во вліятельныхъ кругахъ господствовало недовольство, но именно по той причинѣ, по которой революція была имъ еще ненавистнѣе Австрійцевъ: были затронуты старыя привилегіи церкви и дворянства. Это-то Дюмурье совершенно и упустилъ изъ виду, рассчитывая въ нѣсколько дней однимъ геройскимъ натискомъ захватить эту провинцію и присоединить ее къ Франціи.

Изъ трехъ армій, съ конца 1791-го года выставленныхъ Франціей на сѣверной и восточной границахъ (Люкнеръ въ Эльзасѣ, Рошамбо во Фландріи и Лафайетъ близъ Меца), вторженіе должна была сдѣлать послѣдняя, центральная.

«Тутъ дѣло идетъ о революціи, сказалъ королю Рошамбо при распредѣленіи команды, а въ этомъ Лафайетъ смыслить больше моего».

Лафайету приказано было съ 10,000 человекъ проникнуть изъ Живе **), въ Намюръ, здѣсь стянуть къ себѣ остальные свободные полки его арміи

*) Bourgoing: Histoire de la diplomatie de l'Europe pendant la révolution française. Paris, 1865—1867. II, 1.—Renouard: Der französ. Revolutionskrieg. Cassel. 1863. O.

**) Givet (по мѣстному говору собственно Chivet) маленькій городокъ, играющій важную роль въ системѣ укрѣпленій Шарльмона. города, лежащаго на лѣвомъ берегу Мааса (близъ Рокруа, въ Арденск. департ.) Онъ раздѣляется на двѣ части. Petit Givet на правой сторонѣ Мааса и соединенный съ нимъ мостикомъ Grand Givet на лѣвой. Вмѣстѣ съ цитаделью Шарльмона и съ усыпанною рavelинами и люнетами возвышенностью Mont d'Haurs на правомъ берегу Мааса, Живе представляетъ одну изъ сильнѣйшихъ естественныхъ крѣпостей въ мірѣ. Весь этотъ рядъ укрѣпленій, охватывающій Шарльмонъ, устроенъ Людовикомъ XIV. Напрасно блокировали его конныя войска въ эпоху революціи и Наполеона. Онъ достался лишь Русскимъ по второму парижскому миру и былъ очищенъ ими не ранѣе 1818 г., согласно съ опредѣленіемъ венскаго конгресса. Ред.

и съ ними (почти 25.000) идти на Брюссель или Люттихъ. Въ подкрѣпленіе ему велѣли отрядить Рошамбо, не пользовавшемуся большимъ довѣріемъ, три колонны, подъ предводительствомъ генераловъ: Бирона (10,000 чел.), Теобальда Дильона (4,000) и Карля (1,200). Казалось, этихъ 40,000 человекъ было довольно для успѣшнаго сопротивленія много-много 30,000-мъ Австрійцевъ.

Начинать дѣйствія назначали не позже 29-го и 30-го апрѣля.

Чрезвычайно плачевенъ исходъ этого смѣлаго плана.

29-го апрѣля Лафайетъ былъ на пути къ Живе, Биронъ къ Монсу, Дильонъ къ Турне. Войска послѣдняго разбѣжались, едва завидя небольшіе отряды непріятеля, и въ дикомъ безпорядкѣ устремились въ Лиль, гдѣ съ крикомъ: «Измѣна! Измѣна!» бросились на своего генерала, изрубили его, потомъ еще одного священника и офицера, да вздернули на фонари нѣсколько плѣнныхъ Австрійцевъ *).

Биронъ остановился у Монса, гдѣ окопались 3,000 Австрійцевъ подъ предводительствомъ Болье. Ночью, при приближеніи австрійской конницы, его войска обнаружили уже такое расположеніе къ паникѣ, что онъ назначилъ на утро отступленіе. Оно и началось. Но при Кивренѣ **) на Французовъ напали австрійская конница и пѣхота. Теперь весь полкъ кинулся въ полнѣйшемъ разстройствѣ къ Валансьену. Здѣсь бѣглецы намѣревались, по примѣру своихъ лильскихъ товарищей, саблями изрубить «измѣнниковъ», т. е. Рошамбо, генераловъ и офицеровъ. На основаніи этого роковаго извѣстія, Лафайетъ остановился въ Живе, куда пришелъ форсированнымъ маршемъ. Все было кончено ***).

При обсужденіи этихъ событій въ національномъ собраніи 3-го мая, доискались и до настоящей причины бѣдствія. Бенъ сообщилъ одно мѣсто изъ памфлета Марата, поразительно разоблачавшее лильскія происшествія: «Вотъ уже болѣе шести мѣсяцевъ, говорилось тамъ, какъ я предсказывалъ, что наши генералы, все отличные придворные лакеи, измѣнятъ націю и покинутъ границы. Надѣюсь, армія раскроетъ глаза и пойметъ, что ея первая задача—изрубить въ куски своихъ генераловъ».

Будь справедливо, какъ тысячу разъ объявляла якобинская печать, будто французская граница окружена щетиной вражескихъ штыковъ, что бы стоило теперь непріятелю вторгнуться черезъ открытыя границы и уни-

*) Гейссеръ почерпнулъ извѣстіе объ этихъ плѣнныхъ изъ французскихъ источниковъ. Оно невѣрно: по Зибелю, пользовавшемуся документами, у Австрійцевъ въ этотъ день не было захвачено въ плѣнъ ни одного солдата. О.

**) Quiévaain—мѣстечко на самой границѣ Франціи и Бельгіи, по дорогѣ изъ Валансьена въ Монсъ. Ред.

***). Основанное на документахъ описаніе этихъ событій находится у Зибеля, I, 349 sq. (3-е изд.). О.

чтожить армию, которая ни разу не устояла даже передъ эскадрономъ Австрійцевъ? Но и непріятель запоздалъ вооруженіемъ. Итакъ, эта первая невзгода, которая легко могла обратиться въ роковую для Французовъ, прошла безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Все кончилось фактическимъ перемиріемъ. Но при возобновленіи военной опасности положеніе стало опять довольно критическимъ. Новое войско все еще не являлось. Францію спасли не военное устройство (оно зародилось не ранѣе 1793-го г.) и не энтузіазмъ—его не было и слѣдовъ,—а нелѣпая и безсовѣстная политика первой коалиціи.

Теперь проходитъ почти три мѣсяца, пока иностранныя державы въ состояніи подойти съ своими войсками къ границамъ Франціи. Въ то мгновеніе, какъ союзники приближаются къ первымъ ея крѣпостямъ, опрокидывается тронъ Лудовика. Стало-быть, все случившееся въ этотъ промежутокъ времени во Франціи существенно не зависитъ отъ внѣшнихъ дѣлъ. Непріятельскій напоръ развѣ ускорилъ катастрофу, но не создалъ ея, ибо она стала неизбежною съ самаго начала. Паденіе короля было неминуемо, какъ только онъ не отдался на волю потока, наводнявшаго теперь Францію.

Тутъ вина была съ обѣихъ сторонъ. Не сходявшая у всѣхъ съ языка привязанность къ конституціи была столь же сильна во дворцѣ, какъ и въ собраніи. И здѣсь, и тамъ въ ея толкованіи видѣли вопросъ о собственномъ господствѣ и не могли любить формы, которая именно это господство и оставляла все еще сомнительнымъ и спорнымъ.

ГЛАВА XII.

Нападеніе жиронды на тронъ. 20-е іюня.

Едва объявили войну нѣмецкому императору, какъ начали открыто нападать на самый тронъ, все еще маскируясь словами: «конституція и свобода».

О тогдашнемъ настроеніи короля рассказываютъ сами его приверженцы. Насколько его пассивность допускала чувства ненависти и ожесточенія, они были направлены на новый порядокъ. Въ глубинѣ души ему были противны и національное собраніе, и конституція, и вся его надежда была устремлена на внѣшнюю помощь.

Новое министерство образовалось изъ членовъ жиронды, по большей части принадлежавшихъ къ якобинскому клубу. Отношеніе короля къ большинству, изъ котораго оно вышло, не измѣнилось вслѣдствіе этого. Лудовикъ не можетъ рѣшиться управлять съ людьми этого большинства, не довѣряетъ имъ, считая ихъ скорѣе тюремщиками, чѣмъ совѣтниками. Скоро обнаружилось, что онъ не слѣдуетъ совѣтамъ министерства. Правда, официально и формально король обращается къ нему, но въ такой формѣ, которая доказываетъ, что онъ видитъ въ немъ лишь свои оковы.

Довѣренными у него были теперь собственно Барнавъ, Дюпонъ, Ламетъ. Они стояли къ нему въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и Мирабо подъ конецъ своей жизни.

Для прекращенія всей путаницы, при дворѣ ждали съ плохо скрытымъ томленіемъ сильнаго напора извнѣ. Лица, составлявшія по этому настроенію одно цѣлое, съ королемъ и королевой во главѣ, назывались якобинскою печатью «австрійскимъ комитетомъ». Но ничего подобнаго не было. Справедливо одно: король не слѣдовалъ внушеніямъ министерства. За кулисами стояли люди, у которыхъ на каждый министерскій совѣтъ готовъ былъ противоположный. И весь этотъ кружокъ ожидалъ, разумѣется, своего освобожденія отъ переворота, который могли произвести иностранныя державы.

Съ 18-го мая 1792 года въ національномъ собраніи неоднократно толкуютъ объ этомъ «австрійскомъ комитетѣ». По поводу весьма смутныхъ и неопредѣленныхъ обвиненій слышатся уже страшныя слова Фоше: «Здѣсь дѣло вовсе не въ нравственномъ достоинствѣ доносовъ, а въ ихъ пользѣ для общественнаго блага».

Оправдательное королевское письмо открыто выставляютъ нарушеніемъ конституціи, и жирондисты всегда стоятъ на первомъ планѣ въ этихъ, все болѣе и болѣе рѣшительныхъ нападеніяхъ, составляющихъ введеніе къ сценамъ 20-го іюня и 10-го августа.

Король дошелъ уже до того, что, гдѣ ни показывался публично, толпы народа преслѣдовали его громкими криками и самой площадною бранью.

Другимъ орудіемъ для обвиненія двора послужилъ составъ конституціонной гвардіи.

По уничтоженіи революціоннымъ потокомъ въ октябрѣ 1789 года старой королевской гвардіи, увидѣли необходимость дать королю вооруженную охрану другаго рода. Образовали новую лейбгвардію, частію изъ старыхъ линейныхъ войскъ, частію изъ національныхъ гвардейцевъ помоложе; численность и составъ этого полка опредѣлялись конституціей.

И тутъ вина въ раздорѣ была обоюдная. Для возрастающаго большинства собранія вообще всякая королевская гвардія была помѣхой; дворъ же не шадилъ ничего, чтобы обратить эту гвардію въ безусловно преданный себѣ полкъ. Въ нее включили множество постороннихъ, ее усилили лицами, которыя казались двору надежнѣе. Къ національнымъ гвардейцамъ изъ мѣщанъ примѣшали представителей стараго дворянства, Вандейцевъ, эмигрантовъ, заклятыхъ противниковъ конституціи. Съ той поры въ полку возникли неудовольствія, и онъ еще болѣе сталъ постоянною мишенью для тѣхъ, кому всякая королевская гвардія была бѣльмомъ на глазу.

Въ безсмѣнномъ засѣданіи 28-го мая выступилъ Базиръ, желая въ качествѣ обвинителя поднять вопросъ о противномъ конституціи составѣ

королевской гвардіи. По его словамъ, при дополненіи ея не соблюли долж-ныхъ условій, даже открыто нарушили ихъ. Въмѣсто честныхъ людей втиснули въ нее «прежнихъ тѣлохранителей (*gardes du corps*), молодыхъ семинари-стовъ, лишь для мундира сбросившихъ съ себя духовное одѣяніе, прямыхъ выходцевъ изъ Кобленца»... и т. п.

Онъ такъ ловко сумѣлъ перемѣшать дерзкіе вымыслы съ фактами, подтверждаемыми мемуарами Кампановъ, что распушеніе гвардіи можетъ показаться чуть не необходимостью.

Къ этому Кутонъ присоединяетъ съ якобинскою манерой еще болѣе ненавистныя обвиненія, именно доказываетъ, что во дворцѣ радовались не-удачамъ французской арміи на сѣверо-восточной границѣ. Гдѣ недостаточно грубаго тона клеветы подобныхъ господъ, тамъ на помощь союзникамъ является ораторское искусство разныхъ Гаде и Верньо.

«Чье имя, спрашиваетъ Верньо, безпрерывно призываютъ, или, лучше, поминутно поносятъ при извѣстныхъ вамъ постыдныхъ оргіяхъ? Имя ко-роля. Чье имя произносятъ или позорятъ при тайныхъ козняхъ, затѣ-ваемыхъ для нарушенія спокойствія и усиленія волненій? Имя короля. Чье имя призывается при издѣваніяхъ надъ конституціей, при заявленіяхъ ненависти къ свободѣ и закону? И какую любовь выставляютъ предлогомъ къ сопротивленію всему? Любовь къ королю», и т. д.

И вотъ, постановляется распустить находящуюся налицо гвардію и немед-ленно возобновить ее на законныхъ условіяхъ; а пока должность при ко-ролѣ отправлять парижской національной гвардіи.

Задняя мысль ясна. Король потерялъ послѣдній оплотъ, сколько нибудь охранявшій его. У него отнималось всякое оружіе, всякая защита. Это ыл о еще однимъ важнымъ шагомъ ближе къ идеалу жиронды, къ поло-женію, въ которомъ королевская власть сама себя уничтожаетъ *).

*) Вотъ замѣтки Гейссера, объясняющія положеніе жирондистовъ въ маѣ 1792 года.

Издатели *Hist. parlem.* (XIV, 230 sqq.) доказали, какъ жирондисты въ маѣ 1792 г. постоянно колебались между фельянами и якобинцами и старались ла-вировать при подачѣ голосовъ. О положеніи партій тамъ говорится (стр. 232): «Жирондисты называли себя патріотами, фельяновъ умѣренными, а монтанья-ровъ бѣшенными. *Brissot* (*Patriote français* отъ 18-го мая) такъ опредѣляетъ эти три названія:

«Патріотъ—другъ народа и конституціи».

«Умѣренный—ложный другъ конституціи и врагъ народа».

«Бѣшенный—ложный другъ народа и врагъ конституціи».

«Въ полемикѣ жирондисты называли «*Comité Autrichien*» предводителей умѣренныхъ, а «трибунами или заговорщиками», предводителей бѣшенныхъ. Фельяны и монтаньяры нападали лишь на одного врага и на одно имя; первые боролись съ анархистами, вторые съ интриганамъ».

Чѣмъ больше, такимъ образомъ, жирондисты раздѣляютъ партіи, тѣмъ рѣ-

За обезоруженіемъ короля слѣдовало вооруженіе жирондистскихъ якобинцевъ.

6-го іюня рѣшено, по предложенію, за два дня явившемуся отъ военнаго министра Сервана, учредить постоянное войско изъ 20,000 чело-вѣкъ, т. е. изъ 20,000 якобинцевъ. Оно составлялось посредствомъ на-бора по пяти вооруженныхъ изъ cadaго кантона государства. Въ годовщи-ну разрушенія Бастиліи въ первый разъ новобранцы должны были стать подъ ружье, чтобы затѣмъ расположиться лагеремъ подъ Парижемъ. Оди-нокіе голоса, предсказывавшіе ужасную опасность такого постановленія для самихъ его виновниковъ, были заглушены бурей одобреній, привѣтство-вавшихъ съ галлерей эту мысль.

Подъ предлогомъ заботы о лучшей защитѣ короля и столицы создали вой-ско, готовое въ дни крови рѣшительно дѣйствовать заодно съ якобинцами.

Понятно, что король наложилъ свой запретъ на этотъ послѣдній законъ. У него отняли гвардію и, вмѣсто вознагражденія за нее, созвали со всей Франціи въ Парижъ 20,000 чело-вѣкъ якобинской молодежи.

И втораго декрета, еще болѣе усилившаго наказаніе неприсяжныхъ свя-щенниковъ, изгонявшаго ихъ, онъ не принялъ, подобно первому, отмѣчен-ному уже его запретомъ.

Тутъ министры Серванъ, Роланъ и Клавьеръ подали въ отставку. Къ этому нельзя было придратъся: министры отождествлялись съ упомянутыми декретами. Король отставилъ ихъ: это — его право.

шительнѣе собирается около Ребеспьера плотная фаланга позднѣйшихъ террори-стовъ. Съ своею «чистою добродѣтелью», неподкупностью, холодною послѣдова-тельностью и своими вкрадчивыми доносами, онъ уже и теперь умѣетъ подры-вать почву подъ жирондистской партіей. Замѣчательнымъ довазательствомъ этому служить одна статья въ его *Défenseur de la constitution* подъ названіемъ: «Главные причины нашихъ бѣдствій (*Hist. parlem. XIV, 397 sqq.*).» Тутъ сна-чала идутъ общія замѣчанія, совершенно въ Робеспьеровскомъ притворно-лицемѣрномъ духѣ, именно противъ двора, упрекаемаго за всѣ бѣдствія. Онъ будто бы создалъ партію, которая теперь медленно дѣйствуетъ въ реакціон-номъ духѣ. «Между тѣмъ какъ одни открыто защищаютъ основы конституціи, другіе словно держатся середины между нею и свободой, третьи придаютъ своимъ мнѣніямъ отчетливый оттѣнокъ патріотизма и называютъ себя защитниками на-родныхъ правъ, но эти господа незамѣтно идутъ извилистыми тропами къ общей цѣли всѣхъ враговъ конституціи», и проч. Затѣмъ, послѣ многихъ второсте-пенныхъ замѣчаній, статья возвращается къ учредительному собранію, будто и тамъ всего больше надѣлала вреда подобная партія. Наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, она говоритъ совершенно-прямо: «Самые извѣстные вожди пар-тіи заговорщиковъ, о которой я намѣренъ говорить, гг. Бриссо и Кондорсе. За этими именами слѣдуютъ имена многихъ депутатовъ изъ Бордо, гг. Гаде, Верньо, Жансоне.... Я сейчасъ набросаю вѣрную исторію ихъ политическаго поведения.» Тутъ приводится множество обвиненій. Самое важное—подача го-лосовъ въ различныхъ случаяхъ, при которыхъ жирондисты являлись или друзьями порядка, или прямо шли заодно съ фельянами.

Теперь однако началась недостойная, преступная интрига. Ужъ, разумѣется, если у короля и было еще какое-нибудь право, такъ это увольнять своихъ совѣтниковъ, замѣняя ихъ по своему выбору другими. Оттого-то было-бы положительно безсовѣстною дерзостью самимъ министрамъ ставить ему это въ преступленіе.

А здѣсь именно такъ и случилось.

Привели въ дѣйствіе хорошо организованную машину клубовъ. Якобинская печать неистовствовала противъ короля. Прежній министръ внутреннихъ дѣлъ, Роланъ, обнародовалъ въ національномъ собраніи свое письмо къ королю отъ 10-го іюня. Оно было наполнено безстыднѣйшими обвиненіями, которыя въ каждомъ монархическомъ государствѣ подняли бы противъ автора процессъ объ оскорбленіи величества. Обнародованіе, кромѣ того, нарушало обѣщанную тайну. Пустили въ ходъ то же самое, что впоследствии низвергло самое жиронду.

Теперь людямъ втораго и третьяго сорта показалось, что ихъ часъ насталъ. Въ собраніи съ восторгомъ встрѣчаютъ отставленныхъ министровъ. Тѣ самые, кому ничего не могло быть пріятнѣе увольненія королемъ жирондистовъ, бѣсились и неистовствовали по поводу противоконституціонной министерской перемѣны. И всякому, кто за послѣднее время едва сдерживалъ свое нетерпѣніе, теперь, наконецъ, показалось, что близка минута, обѣщавшая послѣднимъ натискомъ опрокинуть этотъ тронъ. Въ Тюльерійскомъ саду уже прочли цѣлымъ тысячамъ народа брошюрку, угрожавшую смертью «чудовищу», Лудовику XVI.

За два дня до мятежа, 18-го іюня, Лафайетъ, какъ всегда вредившій королевской власти при своемъ желаніи служить ей, прислалъ національному собранію письмо, гдѣ въ длинной, укорительной проповѣди рѣзко излагалъ свое мнѣніе.

Въ этомъ письмѣ такъ превосходно высказывалось собранію множество неоспоримыхъ истинъ, что его, несмотря на частыя и сильныя выходки противъ якобинцевъ, приняли съ полнымъ одобреніемъ. Тѣмъ не менѣе, было прямо противно конституціи, чтобы генераль, какъ Лафайетъ, говорилъ такимъ тономъ съ законодательнымъ собраніемъ. На это совершенно вѣрно указалъ впоследствии Верньо.

Письмо изображаетъ состояніе Франціи и вытекающія отсюда обязанности національнаго собранія. «Положеніе сомнительно. Франціи угрожаетъ опасность извнѣ и волненіе внутри. Пока иностранные дворы заявляютъ возмутительное намѣреніе посягнуть на наше національное величіе и становятся врагами Франціи, ея *внутренніе враги*, въ упоеніи фанатизмомъ или тщеславіемъ, питаютъ призрачныя надежды, да еще мучатъ насъ своимъ вызывающимъ недоброжелательствомъ.

«Вы обязаны подавить ихъ. Это до тѣхъ только поръ въ вашей власти, пока вы вѣрны конституціи и закону».

Винювники всякаго нарушенія спокойствія и всего несчастія—якобинцы. Ихъ слѣдуетъ преодолѣть. «Можете ли вы не видѣть, что шайка,—во избѣжаніе неясности назову ее по имени—шайка якобинцевъ произвела всѣ эти безпорядки? Оттого-то я громко обвиняю ее. Организованная словно государство въ государствѣ, предводимая въ столицѣ и въ побочныхъ кружкахъ виѣ ея какими-то честолюбцами, эта секта образуетъ отдѣльное общество среди французскаго народа. Она вырываетъ у него власть, угнетая его представителей и уполномоченныхъ.

«Тамъ, въ ея публичныхъ засѣданіяхъ, вѣрность закону называется аристократизмомъ, а его нарушение—любовью къ отечеству. Тамъ дьявольскимъ одобреніемъ встрѣчаютъ убійцъ и преступниковъ».

Эти анархисты лѣвой стороны ничто иное, какъ сообщники реакціонныхъ заговорщиковъ правой.

«Что за поразительное сходство въ языкѣ между сектантами аристократіи и тѣми, которые присвоиваютъ себѣ имя патріотовъ! Всѣмъ имъ хочется ниспровергнуть наши законы. Всѣ они наслаждаются волненіемъ, возстаютъ противъ властей, учрежденныхъ народомъ, ненавидятъ національную гвардію, проповѣдуютъ арміи неповиновеніе, посѣваютъ то недо-вѣріе, то уныніе».

Тутъ идетъ длинное мѣсто pro domo, гдѣ онъ говоритъ собранію, кто и что онъ такое. Онъ становится какъ бы страницей всеобщей исторіи, перечисляя всѣ свои подвиги ради свободы и въ Америкѣ, куда онъ отправился, узнавъ отъ посланниковъ, что дѣло свободы проиграно, и во Франціи, гдѣ онъ, 11-го іюня 1789 года, предлагая объявленіе человѣческихъ правъ, осмѣлился сказать: «Чтобы быть свободной, націи достаточно пожелать этого».

Все, что ни говорилъ «солдатъ свободы», довольно справедливо. Но тѣмъ не менѣе письмо это вообще было огромною ошибкой. Разумѣется, онъ отважился на то, на что теперь во всей Франціи уже ни у кого не хватало духу. Но онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, чтобы принести пользу, зато довольно своевременно, чтобы нанести послѣдній ударъ своему дѣлу,

Лафайетъ вызвалъ якобинцевъ на смертный бой, и они не сидѣли сложа руки. Вечеромъ, во время своего засѣданія, клубъ снова огласился страшными угрозами противъ генерала, который самъ себя изобличилъ, какъ новый Монкъ. Перчатка была поднята.

19-го іюня сообщили собранію, что король наложилъ свой запретъ на декретъ противъ священниковъ и на наборъ 20,000 федератовъ. Въ тотъ же день началась по предмѣстьямъ та безпокойная хлопотливость, которая обыкновенно предшествуетъ близкому взрыву.

Революціонныя звѣзды второй и третьей величины думали, что довольно сказано пустыхъ словъ и настало время дѣйствовать. Во всякой революціи есть такіе второстепенные дѣятели. Они не способны на великія роли,

зато положительно необходимы для руководства мятежемъ, для устройства бурныхъ просьбъ и важныхъ волненій. По парижскимъ предмѣстьямъ не было недостатка въ подобныхъ силахъ.

Пивоваръ Сантеръ, требовавшій въ послѣдствіи прощенія налога съ огромнаго количества пива, раздареннаго имъ революціонерамъ въ 1789 и 1790 годахъ, мясникъ Лежандръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и потомъ генералъ Россиньоль, обѣднѣвшіе дворяне, въ родѣ сумасшедшаго маркиза С. Гюрюжъ и Поляка Лазовскаго, многообѣщавшіе бандиты, въ родѣ Александра и Фурнье,—вотъ люди, которыхъ заставляли дѣлать то, за что не желали отвѣчать сами, которыхъ выдвигали впередъ, при неудачѣ отрекаясь отъ нихъ, а при успѣхѣ пожиная плоды ихъ преступленій. Этому кружку надоѣло положеніе Франціи, и, раздраженный полумѣрами, онъ сталъ думать: «Надо намъ взяться за дѣло: одинъ толчокъ—и королевская власть рушится» *).

Съ начала іюня въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ находился избранный кружокъ «мирныхъ гражданъ», какъ они называли себя, собиравшійся въ церкви Воспитательнаго Дома «для назиданія въ своихъ правахъ и обязанностяхъ». Тамъ стояла кафедра Сантера и его друзей. Тамъ же было и гнѣздо заговора, который 20-го іюня устроилъ свою первую значительную демонстрацію, и виновники коего не нуждались ни въ министерской перемѣнѣ 12-го, ни въ запретѣ 19-го числа, чтобы понять свои желанія.

Городскія власти во-время получили достовѣрное извѣстіе о томъ, что 20-го іюня будетъ демонстрація со стороны массъ. Департаментская директорія не щадила труда для побужденія мера къ энергическимъ мѣрамъ противъ нея. Но меръ, Петіонъ, нарочно оставался въ полномъ бездѣйствіи. Также рѣшилось поступить и національное собраніе. Вечеромъ 19-го іюня депутація марсельскихъ гражданъ подала ему просьбу, въ которой говорилось: «Наконѣцъ, наступилъ день народной мести. Левъ обыкновенно великодушный, теперь же черезчуръ раздраженный, поднимется съ своего логовища и устремится на стаю своихъ враговъ». При неистовомъ одобреніи лѣвой стороны постановили, несмотря на возраженіе недующей правой, напечатать этотъ документъ и разослать по 83-мъ департаментамъ. По прочтеніи предложеній директоріи насчетъ сохраненія спокойствія и порядка, собраніе, молча, перешло къ очереднымъ дѣламъ!

Итакъ, предмѣстьямъ ничто не препятствовало посѣтить, въ праздникъ воспоминанія засѣданія въ мясной залѣ, національное собраніе, равно какъ и «господина и госпожу veto».

20-го іюня къ полудню жители предмѣстій появились близъ Тюльерій-

*, Для всего послѣдующаго см. Mortimer-Ternaux. I, 130 sqq., и Sybel. I. 366 sqq. O.

скаго сада. То было 30—40 тысячъ копейщиковъ и другихъ вооруженныхъ. Ихъ окружало и тѣснило пропасть безоружныхъ ротозѣевъ и праздношатающихся, женщинъ и дѣтей.

Національное собраніе знало о приближеніи вооруженныхъ просителей. Ему пришлось обсудить свое поведеніе, на случай, если масса потребуетъ доступа въ его святилище и чести засѣдать въ немъ. Совѣщанія были въ полномъ ходу, какъ вдругъ на улицѣ поднялся шумъ и въ то же время предсѣдателю подали бумагу отъ пивовара Сантера. Онъ требовалъ, отъ имени предмѣстья С.-Антуанъ, допустить его со свитой къ рѣшеткѣ въ залѣ. Тутъ возникаютъ горячія пренія. Между тѣмъ какъ одинъ сообщаетъ, что просителей на улицѣ 8000 вооруженныхъ человѣкъ, другой замѣчаетъ лѣвой сторонѣ, требующей допущенія: «Ясно: вы призвали копейщиковъ, и теперь не отдѣляетесь отъ нихъ». Въ ту минуту, какъ споры становятся все горячѣе, масса на улицѣ реветъ отъ нетерпѣнія. Она вдругъ появляется въ залѣ у рѣшетки, не дожидаясь ничьего разрѣшенія. Удастся однако увѣщаніями принудить ворвавшихся выйти на время, пока не окончилось совѣщаніе. Когда, вслѣдъ затѣмъ, были открыты двери, одинъ изъ ораторовъ прочелъ длинную, напыщенную рѣчь, гдѣ на каждомъ словѣ упоминались Катилина и другіе герои древности. Королю въ ужасныхъ выраженіяхъ угрожалось смертію. «Заговоръ открытъ. Часъ насталъ. Насажденное нами дерево свободы мирно зазеленѣетъ. Возможна ли для короля другая воля, кромѣ воли закона? У народа также есть воля. Его голова больше вѣситъ, чѣмъ головы вѣнчаныхъ деспотовъ. Эта голова—родословное древо напій, и передъ коренастымъ дубомъ должна склониться слабая трость».

И вотъ, начинается торжественное шествіе патріотовъ изъ предмѣстій. С. Гюрюжъ и Сантеръ стоятъ у трибуны и командуютъ львинымъ голосомъ. При барабанномъ боѣ, пѣніи и дикихъ восклицаніяхъ маршируетъ и танцуетъ масса черезъ весь залъ. Въ толпѣ, пестрѣющей разнообразнымъ оружіемъ, виднѣются невинные шалуны и дѣти, которыхъ тащили матери за собой.

Церемонія длилась цѣлый часъ. Когда послѣдній изъ ея участниковъ покинулъ залъ, Сантеръ и С. Гюрюжъ поспѣшили во главу своихъ колоннъ, чтобы предводительствовать во второмъ визитѣ, сдѣланномъ въ Тюльери двору.

Тамъ, частію въ саду, частію по близости, стояло 22 батальона національной гвардіи, такъ что входы во всѣ рѣшительно королевскіе покои были защищены отъ всякаго нападенія. Но начальникъ гвардіи поступалъ, какъ Петіонъ. Онъ не двинулся съ мѣста и исчезъ при первой возможности.

Толпа осаждаетъ главные ворота дворца. Городскіе офицеры отбиваютъ ее; но при объявленіи, что «право просьбы священно», пропускаютъ къ королю черезъ боковой входъ нѣсколькихъ вооруженныхъ. Такимъ образомъ ворота отворяются изнутри, и масса устремляется во дворецъ.

Въ залѣ *le Oeil de Bœuf* находился король съ тремя изъ своихъ министровъ и многими волонтерами національной гвардіи. Въ то время, какъ наружная дверь задрожала подъ ударами топоровъ и ружейныхъ прикладовъ, которыми напирающая толпа пробивала себѣ входъ, во внутреннюю дверь, на помощь королю, вошло нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, готовыхъ защищать его отъ всякаго насилія. Когда ворвалась чернь и стала грозить этому слабому отряду никами, саблями, штыками, онъ геройски прикрывалъ собою короля. Втиснутые въ оконную нишу, осажденные видѣли, какъ залу быстро наводняла дикая толпа, непрерывно кричавшая съ грозными жестами: «Долой господина Veto! Къ чорту Veto! Пусть онъ опять возьметъ министровъ-патріотовъ! Безъ того мы не уйдемъ!»

Король и кучка его защитниковъ служили въ трехчасовой неописанной суматохѣ примѣромъ непоколебимаго, изумительнаго хладнокровія.

Когда въ минуту затишья мясникъ Лежандръ бросилъ королю въ лицо безстыдное оскорбленіе, тотъ возразилъ съ полнымъ достоинства спокойствіемъ: «Я буду поступать согласно съ конституціей и рѣшеніями національнаго собранія».

«Долой короля!» заревѣли изъ толпы. На короля нахлобучивается красная шапка, причемъ раздаются: «Да здравствуетъ нація!» и даже: «Да здравствуетъ король!» Эта сцена длилась часъ. Король только-что опорожнилъ за благоденствіе парижскаго народа стаканъ, поданный изнемогшему монарху какимъ-то національнымъ гвардейцемъ, какъ Верньо и Инаръ, съ двумя депутатами правой стороны, пробрались къ нему. Однако и ихъ усиліямъ не удалось разсѣять толпу. Часъ спустя, явился, наконецъ, Петионъ. Онъ извинялся, будто дѣйствительно и вѣрно не зналъ ничего о происходившемъ во дворцѣ. Онъ не счелъ нужнымъ приказать молчать одному юношѣ, закричавшему королю: «Утвержденіе декретовъ, ихъ исполненіе, или смерть вамъ!»

Почти три часа волны потока то нахлынутъ, то отольютъ. Наконецъ, онъ началъ стекать. Пароля: «Бей короля!» не дали. Причина того, что его не импровизовали, разумѣется, лишь въ твердости короля и его приближенныхъ, обезоружившей трусливую чернь.

Между тѣмъ, королева съ дофиномъ вынесла въ совѣщательной залѣ подобное же испытаніе. Въ этотъ день и она ни на мгновеніе не измѣнила своему достоинству. Не одна изъ страшныхъ рыбныхъ торговыхъ, подступавшихъ къ ней съ ругательствами, чувствовала себя побѣжденною величіемъ, съ которымъ Марія-Антуанета обращалась къ нимъ. Одна изъ нихъ осыпала королеву свирѣпыми проклятіями и бранью, но такъ была потрясена ея гордымъ выраженіемъ, что со слезами просила прошенія. Даже у пивовара Сантера смягчилось сердце. Онъ самъ снялъ съ дофина красную шапку, такъ какъ въ ней «слишкомъ жарко» бѣдняжкѣ.

Не раньше половины девятого, вечеромъ, свидѣлась, по очищеніи всѣхъ

покоевъ, несчастная королевская чета. Лудовикъ и Марія-Антуанета въ слезахъ бросились другъ другу въ объятія.

Въ числѣ тысячи любопытныхъ, глазѣвшихъ на суматоху въ Тюльери, находился одинъ молодой артиллерійскій капитанъ. Скрестивъ на груди руки, ходилъ онъ нетерпѣливо взадъ и впередъ съ двумя своими товарищами. То былъ Бонапартъ. Онъ не понималъ снисхожденія короля и думалъ: «Будь у меня хоть 3—4 пушки, я разсѣялъ бы всѣхъ этихъ каналій!»

Разумѣется, легко было съ небольшими усиліями избавиться отъ сволочи. Но еслибы и случилось такъ, все-таки королевская власть была уже погибшей.

Впечатлѣніе происшествій 20-го іюня. Лафайетъ въ Парижѣ.

20-е іюня кончилось, какъ мальчишеская выходка. Если не дошли до преступленія, то и не достигли никакого политическаго результата. Достаточно повода, чтобы всякій, сколько-нибудь дорожившій еще внѣшней благопристойностью, отказался отъ дѣла. Тѣмъ болѣе жиронда. Для отреченія отъ мятежниковъ 20-числа ей стоило схватиться лишь за побѣдоносныя возстанія.

Всѣхъ же другихъ отрезвило впечатлѣніе дня. И въ столицѣ, и по провинціямъ зашевелились искренніе приверженцы конституціи. Поднялась буря адресовъ въ пользу королевской власти и законнаго порядка. Проявлялось порой страстное негодованіе на возмутительныя, недостойныя сцены того дня. Устыдились, что во всемъ Парижѣ не нашлось и 200 смѣльчаковъ для защиты безоружнаго короля отъ пьяной шайки.

Будь возможно спасеніе монархіи, настроеніе слѣдующихъ за 20-мъ числомъ дней открывало въ этомъ отношеніи самую отрадную перспективу. Уличный скандалъ снова повернулъ общественное мнѣніе въ пользу короля. Теперь осмѣлились выступить тѣ, кому пришлось по душѣ письмо Лафайета, кто ненавидѣлъ правленіе клубовъ. Замѣтили пропасть, до которой дошли. Между тѣмъ, какъ шло слѣдствіе надъ забывшимъ свой долгъ Петіономъ и его сообщниками, а кружки лучшихъ парижскихъ гражданъ обходили энергичный протестъ противъ нарушенія законовъ 20-го іюня, быстро покрытый 20,000 подписей, въ національномъ собраніи выступилъ противъ якобинцевъ якобинецъ же: Дельфо торжественно отрекся отъ клуба, къ которому доселѣ принадлежалъ. Онъ потребовалъ, при непрерывныхъ яростныхъ возраженіяхъ лѣвой стороны, смертнаго приговора «чудовищу», 200-мъ патріотическимъ Обществамъ, которыя, руководя Парижемъ, покрыли все государство сѣтью организованнаго возмущенія.

И Лафайету не было покоя въ его лагерьѣ у Бавэ. На этотъ разъ онъ не послалъ письма, а самъ пріѣхалъ въ Парижъ въ сопровожденіи лишь

одного адъютанта. Это было уже немного больше, чѣмъ можно было вообще ожидать отъ него, но для дѣла все-таки мало. Чтобы раздавить якобинцевъ, ему не слѣдовало прїѣзжать одному. А онъ именно считалъ себя цѣлою арміей.

Съ дерзкою отвагой пренебрегая угрозами своихъ глубоко-раздраженныхъ противниковъ, онъ обнаружилъ всю свойственную ему неустрашимую рыцарственность. Лично это было смѣло и доблестно, и превосходно доказывало, на что способенъ отдѣльный храбрый человѣкъ. Для спасенія же королевской власти и уничтоженія якобинцевъ, которымъ онъ поклялся смертию, ему слѣдовало привести армію или преобразовать національную гвардію, во всякомъ случаѣ не терять ни минуты.

Вмѣсто своихъ полковъ, онъ привезъ національному собранію, къ величайшему успокоенію струсившихъ-было якобинцевъ, только адресъ отъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Отъ ихъ имени онъ потребовалъ наказанія мятежниковъ и уничтоженія поджигавшей ихъ секты террористовъ.

Пріемъ, оказанный Лафайету, былъ ободрителенъ. Несмотря на нападенія жиронды и якобинцевъ, удалось говорить оратору правой стороны. Въ длинномъ панегирикѣ прославлялъ онъ Лафайета, какъ «первенца французской свободы». Однако положеніе было не таково, чтобы подобные отдѣльные случаи значили что-нибудь. То, что недавно затѣяли и выполнили глупо и поребячески, могло повториться уже какъ преступленіе, съ большею ловкостью и успѣхомъ.

Когда Лафайетъ прибылъ въ Тюльери, національные гвардейцы привѣтствовали его съ полнымъ воодушевленіемъ, но король принялъ равнодушно и холодно. Обмѣнявшись немногими, довольно незначительными словами, генералъ откланялся. По удаленіи его, сестра короля воскликнула: «Забудемъ прошлое, бросимся въ объятія единственного человѣка, который можетъ спасти насъ!» Королева возразила на это: «Лучше погибнуть, чѣмъ быть обязаннымъ спасеніемъ Лафайету съ конституціоналистами.»

Въ національномъ собраніи сносный, въ Тюльери дурной пріемъ — вотъ пока весь результатъ смѣлаго путешествія, за которое такъ легко было поплатиться жизнью. Когда теперь Лафайетъ устроилъ сходку для всѣхъ своихъ приверженцевъ, чтобы вечеромъ 29 числа напасть врасплохъ на якобинскій клубъ, большинство не пришло, — и онъ увидѣлъ себя покинутымъ. И болѣе отважныхъ конституціоналистовъ парализовало именно убѣжденіе, что дворъ неисправимъ, что всякая удачная мѣра въ его пользу облегчаетъ побѣду эмигрантамъ. Даже самъ Лафайетъ какъ-то чувствовалъ, что не легко было удержать разъ начавшуюся реакцію. Въ сущности объ это разбились и другіе планы, предложенные королю однимъ изъ его министровъ, причемъ Лафайету выпадала также главная роль. Хотѣли съ помощью національной гвардіи разогнать якобинскій клубъ и сдѣлать безвредными его вождей. Затѣмъ, подъ прикрытіемъ арміи, отвезти короля въ

Компъентъ. На границахъ собрать войска для отраженія непріятеля. Политику великихъ державъ обезоружить объявленіемъ: «Вы намъ не нужны. Мы сами справились съ анархіей». Такимъ образомъ постараться достигнуть полнаго мира.

Планъ начертали правильно и въ широкихъ размѣрахъ. Но для его успѣха нужно было, чтобы монархъ и монархисты были совсѣмъ другими людьми и чтобы кромѣ смѣлой рѣшимости, не достававшей ни королю, ни Лафайету, между обоими существовало довѣріе. Его же никогда не было, да и не могло возникнуть, пока при слабомъ государѣ послѣднее рѣшеніе принадлежало королевѣ.

Итакъ, Лафайетъ только погромѣлъ саблей, да представилъ совершенно бесполезное доказательство своего личнаго мужества.

Якобинцы разразились язвительными ликованіями, когда 30-го іюня «генераль конституціи» уѣхалъ изъ Парижа, послѣ 48-ми часоваго пребыванія въ немъ. Сначала они запрятались-было, думая, что онъ придетъ съ 3 или 4 полками, къ которымъ тотчасъ присоединилась бы большая часть національной гвардіи, для нанесенія имъ рѣшительнаго удара. Когда же онъ ничего не сдѣлалъ, къ нимъ быстро вернулась прежняя дерзость. Они даже предупредили нападеніе.

И все-таки, при рѣшительности и мужествѣ, какъ легко еще было сдѣлать что-нибудь! Два раза предлагали въ національномъ собраніи объявить подсудимымъ вѣроломнаго генерала, и два раза предложеніе это было отвергнуто большинствомъ двухъ третей.

Здѣсь, слѣдовательно, можно было чего-нибудь достигнуть, стоило лишь захотѣть. Но уже пропало даромъ 12 дней послѣ 20-го іюня, и жиронда, съ своей стороны, пошла впередъ рѣшительнымъ шагомъ.

Планы спасенія. Верньо и «Отечество въ опасности».

2-го іюля повторили въ другой формѣ, отвергнутое сперва королемъ рѣшеніе 8-го іюня, относительно устройства подъ Парижемъ якобинскаго лагеря. Теперь опустили только слово: «союзнники (*fedérés*)», и король согласился. На другой день Верньо взошелъ на трибуну и произнесъ свою извѣстную знаменитую рѣчь на тему: «Отечество въ опасности»!

Національное собраніе находилось подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ слуховъ, что маршалъ Люкнеръ принужденъ былъ отступить съ вѣрною арміей въ Лиль и Валансьенъ и зажечь при этомъ предмѣстья Куртре. Ораторъ съ этого и началъ.

«Мы ожидаемъ извѣстія о побѣдоносномъ наступленіи, а вмѣсто того узнаемъ о малодушномъ бѣгствѣ. Покидаются выгодныя позиціи. Театръ войны переносится изъ сосѣдней земли въ наши собственныя владѣнія. А

несчастливымъ Бельгійцамъ остается на память о насъ лишь пламя пожара, свѣтившее намъ при отступленіи. При этомъ надвигаются Пруссакъ и Австрійцы. Первые уже ближе къ нашимъ границамъ, чѣмъ бы намъ слѣдовало думать по успокоительнымъ увѣреніямъ нашихъ министровъ.

«Между тѣмъ какъ внѣшнія дѣла сложились такъ, что малѣйшее замедленіе, ничтожнѣйшій промахъ могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, внутри Франціи зрѣетъ противореволюція. Дворянство и священники возстаютъ открыто. И все это, дѣйствительно или только по виду, совершается во имя короля.

«Во имя короля французскіе принцы вызвали противъ Франціи всѣ европейскіе дворы. Изъ мести за королевское достоинство создали Пильницкій договоръ. Ради защиты короля спѣшатъ отряды старыхъ тѣлохранителей (*gardes du corps*) въ Германію подъ знамя возстанія. Чтобы помочь королю, эмигранты выпрашиваютъ себѣ, какъ милостыни, мѣста въ австрійскахъ войскахъ и ополчаются на терзаніе нѣдръ своего отечества. Для присоединенія къ этимъ странствующимъ рыцарямъ королевскихъ привилегій, дезертируютъ съ своихъ постовъ, при видѣ врага, другіе странствующие рыцари, исполненные чувства чести и деликатности. Они попираютъ ногами присягу, обкрадываютъ кассы, подкупаютъ солдатъ. Такимъ образомъ слава для нихъ въ трусости и клятвопреступленіи, въ дезертиствѣ, въ воровствѣ и убійствѣ! Для блеска престола ведетъ съ нами войну венгро-богемскій король, подвигается къ границамъ прусскій. Во имя короля нападаютъ на свободу. Еслибы удалось уничтожить ее, быстро растерзали бы государство, чтобы его лоскутками вознаградить союзныя державы за издержки. Словомъ, единственная причина, единственный предлогъ для всѣхъ бѣдствій и страданій, обрушившихся на насъ и еще угрожающихъ намъ въ будущемъ, имя короля.»

Тутъ ораторъ останавливается. Словъ, что у него на языкѣ, онъ не произноситъ. Онъ не дѣлаетъ вывода, неизбѣжно вытекающаго изъ посылокъ. Онъ облакаетъ его въ длинный рядъ гипотезъ, набросанныхъ и сгруппированныхъ съ удивительнымъ искусствомъ.

«Предположимъ, что противъ 100,000 Австрійцевъ и 100,000 Пруссаковъ мы выставляемъ лишь отряды въ 10—20,000 человѣкъ. Предположимъ, что мѣры, самыя необходимыя для защиты страны, принимаютъ слишкомъ тихо, медленно, что изъ двухъ генераловъ, руководящихъ отраженіемъ непріятеля, одинъ подозрителенъ, другой принужденъ не побѣждать. Предположимъ, наконецъ, что Франція плаваетъ въ крови, надъ нами господствуютъ иностранцы, конституція ниспровергнута, противореволюція въ полномъ ходу. И при всемъ этомъ король говоритъ въ свое оправданіе: «Я не сообщникъ тѣхъ, которые возвратили мнѣ мои права. Я не нарушилъ точныхъ требованій конституціи (въ частностяхъ это случается).»

«Нація тогда была бы вправѣ отвѣтить своему королю: «О король! Ты,

навѣрное, думаешь, подобно тирану Лизандру, что истина не дороже лжи, и что взрослыхъ морочать клятвами, какъ дѣтей забавляютъ игрушками. Ты прикидывался любящимъ законы только ради спасенія власти, служившей тебѣ для сопротивленія имъ. Ты принялъ конституцію лишь потому, что не желалъ быть низверженнымъ съ престола, на которомъ оставался для ея разрушенія. Ты внушилъ довѣріе націи, чтобы только она не мѣшала успѣху твоего вѣроломства. И ты хочешь провести насъ теперь лицемѣрными клятвами?... Нѣтъ, нѣтъ! Ты, котораго не могло тронуть великодушіе Французовъ, ты, который способенъ чувствовать братолюбіе деспота, ты не выполнилъ своихъ конституціонныхъ обѣтовъ! Ты уже ничто для этой конституціи, позорно нарушенной тобою; ты уже ничто для народа, которому такъ трусливо измѣнилъ»!

Буря неистовыхъ одобреній прервала здѣсь оратора, какъ прерывала почти на каждомъ значительномъ мѣстѣ его рѣчи.

Предложеніе его клонилось къ объявленію отечества въ опасности, т. е. всей Франціи въ осадномъ положеніи и подъ диктатурой національнаго собранія.

Въ заключеніе Верньо напомнилъ собранію о послѣднемъ средствѣ, если бы все другое неудалось, средствѣ, которое по крайней мѣрѣ упрочивало за нимъ безсмертіе въ потомствѣ. «Оно достойно возвышеннаго призванія, выполняемаго вами, достойно народа, вами представляемаго. Подражайте доблестнымъ Спартанцамъ, что пожертвовали собой у Термопилъ, почтеннымъ сенаторамъ, что неподвижно ожидали смерти отъ руки дикихъ враговъ! Нѣтъ, вамъ незачѣмъ молиться, чтобы изъ вашего праха возникли мстители за васъ! Въ тотъ день, какъ земля обогрится вашею кровью, навѣки исчезнетъ предъ всемогуществомъ націи и народной ненависти тиранія вмѣстѣ съ своей славой, своими дворцами, своими защитниками и льстецами! И еслибы ваши послѣднія минуты и помрачились скорбію о томъ, что вы не осчастливили своего отечества, вы унесете съ собою, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что ваша смерть ускорила паденіе притѣснителей народа, ваше самопожертвованіе спасло свободу».

Все, что можно было сказать противъ этого предложенія въ защиту короля, министровъ и генераловъ, высказалъ тогда Дюма въ рѣчи, часто прерывавшейся ропотомъ и шиканьемъ. Онъ разбивалъ обвиненія и предупреждалъ жиронду отъ страстей, которыя она намѣревалась разнуздать, напрасно надѣясь потомъ опять сдержать ихъ.

Предложеніе Верньо прошло, 4-го іюля постановили:

«Национальное собраніе вправѣ, безъ соизволенія короля, объявить отечество въ опасности.

«Какъ только президентъ произнесетъ торжественныя слова: «Граждане! Отечество въ опасности!» во всемъ королевствѣ соберутся безсмѣнно законныя власти созовутъ всѣхъ національныхъ гвардейцевъ, граждане представляютъ все имѣющееся у нихъ оружіе и боевые снаряды.

«Всякій Французъ и иностранецъ, живущій во Франціи или путешествующій по ней, обязанъ носить трехцвѣтную кокарду. Каждый, сколько-нибудь уличенный въ возмущеніи, преслѣдуется правильнымъ судомъ и наказывается смертію».

Чтобы напустить на Францію ураганъ, жиронда открыла всѣ Эоловы мѣха.

Между тѣмъ, дворъ и приближенные короля представляли картину не-описанной безпомощности и замѣшательства. Тамъ настроеніе мѣнялось, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Никто не былъ увѣренъ, что не бросятъ въ полдень того, что было почти рѣшено утромъ, и не станутъ на другой день опять серьезно думать о покинутомъ. Король то готовъ согласиться на спасительные планы, набросанные Лафайетомъ, Лалли и Монсьелемъ, то снова отступаетъ передъ смѣлостью рѣшенія, предаваясь крайней слабости. Такъ колеблется изъ стороны въ сторону и, наконецъ, останавливаются на опаснѣйшемъ изъ всѣхъ рѣшеній: не дѣлать ничего самимъ, а на поступки собранія отвѣчать просто «да» и «аминь», пока не явятся на помощь Пруссакіи.

Это похоже на утопающаго при кораблекрушеніи. Ему совѣтуютъ то, другое для спасенія: войти въ лодку и смѣло пуститься по волнамъ, ухватиться за канатъ или обломокъ дерева и попытаться переплыть. Но онъ ничего не дѣлаетъ, а стремглавъ бросается въ воду, чтобы не утонуть.

10-го іюля король окончательно отказался отъ плановъ бѣгства своихъ министровъ и далъ отставку послѣднимъ, согласно съ ихъ желаніями.

Теперь у вождей жиронды страннымъ образомъ снова возникла мысль еще разъ управлять королемъ посредствомъ своего министерства. Они мало-по-малу убѣдились, что стоявшіе за ними господа—Робеспьеръ и Дантонъ на первомъ, Колло д'Ербуа съ Маратомъ на второмъ, Сантеръ и Лежандръ на третьемъ планѣ—измышляютъ ударъ, который хватитъ даже дальше нихъ и ихъ цѣлей. Изумительная предупредительность короля въ послѣдніе дни представлялась имъ какъ бы сигналомъ, а возраставшій въ клубахъ раздоръ съ самою крайнею лѣвою стороной настоятельно указывалъ имъ на необходимость соглашенія.

И вотъ, Верньо, Гаде, Жансоне дѣлаютъ королю черезъ посредниковъ различныя предложенія. Идутъ переговоры. Относящіеся къ этому бумаги найдены впослѣдствіи въ Тюльери. Въ нихъ нѣтъ ничего преступнаго. Онѣ именно касаются жирондистскаго министерства и, конечно, раскрываютъ дальнѣйшіе планы партіи.

Переговоры не имѣли успѣха. Жирондисты требовали чего-то въ родѣ отреченія короля въ пользу его министровъ; а король и теперь не могъ рѣшиться ни на какое парламентское правленіе.

Послѣдовательность требовала, разъ протянувъ руку собранію, идти съ его

большинствомъ и изъ него составить министерство. Но непоследовательность въ натурѣ слабыхъ. Король больше, чѣмъ когда-либо, приблизился къ собранію, и все-таки не хотѣлъ подчиниться результатамъ такого поступка.

Итакъ, онъ оттолкнулъ жиронду. То было прощаніемъ навѣки. Партія еще разъ колебалась между мирнымъ и насильственнымъ подчиненіемъ правительства. Первое не удалось: теперь началась открытая борьба для выполненія втораго. Переворотъ произошелъ быстро. Вѣдь ужъ и безъ того мимолетная перемѣна въ отношеніяхъ жиронды къ королю возбудила подозрѣніе къ ней въ якобинцахъ и не разъ навлекала на нее упрекъ въ измѣнѣ.

Паденіе королевской власти *). Прелюдія къ сверженію короля.

Съ послѣднихъ чиселъ іюля о сверженіи короля уже вездѣ говорятъ вполне открыто. 23-го іюля въ національномъ собраніи прочли лаконическій адресъ: «Законодатели! Лудовикъ XVI измѣнилъ націю, закону и своей присягѣ. Народъ обладаетъ верховною властью; вы, его представители, произнесите приговоръ о сверженіи, и Франція спасена!» Почти каждое утро въ Тюльерійскомъ саду прибывали афишу со словами: «Гнѣвъ народа виситъ на ниткѣ, а королевская корона—на волоскѣ».

Вечеромъ 20-го іюля въ якобинскомъ клубѣ Робеспьеръ произнесъ рѣчь, вполне раскрывшую программу терроризма наканунѣ его первой рѣшительной побѣды.

«Серьезная болѣзнь, сказалъ онъ, требуетъ сильныхъ лекарствъ. Полумѣры дѣлаютъ ее лишь неизлечимѣе. Страданія Франціи превзошли всѣ мѣры».

«Гдѣ же корень этихъ страданій?»

«Въ исполнительной власти и въ законодательномъ собраніи, въ исполнительной власти, желающей погубить государство, въ законодательномъ собраніи, которое не можетъ или не хочетъ его спасти».

«Гдѣ же единственная помощь?»

«Въ измѣненіи исполнительной власти. Сверженіе короля—первое, самое доступное средство, но его недостаточно. Что пользы, если исчезнетъ призракъ, называемый королемъ, а деспотизмъ останется?»

«По лишеніи Лудовика XVI трона, въ чьи руки перейдетъ королевская власть? Въ руки ли регента или другаго короля, или какой-нибудь корпорации? Что выиграетъ свобода, если интрига и честолюбіе удержатъ за собой бразды правленія? О, черезчуръ благородный и легковѣрный народъ!

*) Mortimer-Ternaux. II, livr. V, VI, VII. O.

Берегись новаго обмана. Смотри, не тaitся ли въ сверженіи короля новой западни, если только оно не будетъ соединено съ другими болѣе рѣшительными мѣрами?»

Но не перейдетъ ли власть въ руки законодательнаго собранія? Тогда у насъ будетъ только другое названіе для той же самой вещи. «Я вижу въ этомъ сліяніи всѣхъ властей лишь самый невыносимый деспотизмъ. Одна-ли у него голова, 700-ли,—онъ все-таки деспотизмъ. Я не знаю ничего ужаснѣе идеи безграничной власти, перенесенной на многочисленное собраніе, стоящее выше законовъ, хотя бы то было общество однихъ мудрецовъ».

Взамѣнъ королевской власти и законодательнаго собранія Робеспьеръ требуетъ національнаго конвента. Онъ не смущается грубымъ противорѣчіемъ, что и это—сліяніе властей и лишь другое имя для самаго страшнаго деспотизма.

Подобнаго же мнѣнія держались въ это время и жирондисты. И они желали свергнуть короля и законодательное собраніе, но вполнѣ полюбовно и мирно, безъ кровавыхъ и грязныхъ средствъ дюжинныхъ демагоговъ. И они прибѣгали къ возстанію, но, какъ совершенно искренно говоритъ Барбару, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ зачинщиковъ *), «это возстаніе ради свободы должно быть величественно, какъ она сама, священно, какъ добываемыя имъ права, и достойно послужить образцомъ для всѣхъ народовъ, которымъ, для уничтоженія цѣпей, стоитъ лишь возстать на своихъ тирановъ». Разумѣется, для этого слѣдовало точно выполнить ихъ предписанія. И тогда не текла бы кровь, пролитая 10-го августа. «Республику основали бы безъ болѣзненныхъ конвульсій и безъ рѣзни. И мы не сдѣлались бы презрѣнными въ глазахъ всѣхъ націй, какъ пожираемые язвой владычества черни».

Каковы же орудія, которыми жиронда и особенно Барбару намѣревались произвести безкровный государственный переворотъ?

2-го іюля изъ Марсели пустились въ путь 500 бандитовъ, чтобы, въ качествѣ «марсельскихъ федератовъ», предложить свои услуги якобинскому клубу въ Парижѣ. Ядро этого сброда, собраннаго южными якобинскими клубами, выставила марсельская гавань. Въ ней, какъ во всякомъ значительномъ приморскомъ городѣ, сходилосъ отребье черни съ цѣлаго полміра.

Вступленіемъ этой шайки въ предмѣстье С.-Антуанъ думали воспользоваться для большаго, торжественнаго возстанія, съ цѣлью низложить или устранить на время короля. Барбару условился съ Сантеромъ и Фурнье въ планѣ до мелочей. Осуществись онъ, и, по мнѣнію Барбару, 30-го іюля однимъ хорошо нанесеннымъ ударомъ безъ шума будетъ уничтоженъ король вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ; переворотъ совершится безболѣзненно,

*) Mémoires, p. 51.

безъ капли крови. Но уже самое начало было неудачно. Въмѣсто 40,000 человѣкъ, съ которыми Сантеръ хотѣлъ присоединиться въ предмѣстьи С.-Антуанъ къ южнымъ соратникамъ, тамъ оказалось всего 200 федератовъ изъ департаментовъ, да горсть парижскихъ копейщиковъ. А между тѣмъ на улицахъ лучшихъ городскихъ частей множество мирно гуляющихъ не безъ ужаса смотрѣло на сновавшихъ мимо нихъ страшныхъ, конфискованныхъ гостей.

Конечно, день не могъ обойтись безъ геройскаго подвига.

Послѣ полудня, Марсельцы сидѣли въ кабакѣ въ Елисейскихъ поляхъ. Въ одномъ ресторанѣ, неподалеку оттуда, обѣдалъ гренадерскій батальонъ національной гвардіи. Чернь и демагоги ненавидѣли гвардейцевъ за то, что они во многихъ случаяхъ выказали строго-конституціонный образъ мыслей. Когда они вышли изъ ресторана, чернь бросала въ нихъ грязью и камнями и по данному знаку Марсельцы кинулись на нихъ съ саблями. Одного изрубили въ куски; многихъ другихъ или тяжело, или смертельно ранили. Когда депутація отъ пострадавшихъ потребовала удовлетворенія у національнаго собранія, оно перешло къ очереднымъ дѣламъ. Вотъ намекъ на услуги доброму дѣлу, которыхъ можно было ожидать отъ Марсельцевъ! Вотъ намекъ на тотъ строгій порядокъ, который думала соблюдать при этомъ жиронда!

Съ первыхъ дней августа все ведетъ къ кровавому перелому. Многое скопилось теперь.

Приближающимся къ границѣ врагамъ предшествуетъ безумный манифестъ герцога Брауншвейгскаго. По словамъ Дюма, одного изъ самыхъ преданныхъ монархистовъ въ національномъ собраніи, этимъ манифестомъ бѣжавшіе принцы совершили истинное «братоубійство» надъ Людовикомъ XVI и его семействомъ *). На посланіе, въ которомъ король торжественно отрекается передъ національнымъ собраніемъ отъ всякаго соучастія въ дѣлѣ, отвѣчаютъ уже яростными нападками. Отъ секцій столицы, изъ которыхъ Нетіонъ съ Манюелемъ импровизовали въ ратушѣ, подъ именемъ «центрального корреспонденціоннаго бюро», новый революціонный комитетъ худшаго сорта; приходятъ адресъ за адресомъ. Они, одинъ сильнѣе другаго, требуютъ отрѣшенія короля. Между тѣмъ террористы частію не допускаютъ противозаявленій, частію дѣлаютъ ихъ подозрительными. 8-го августа возникаетъ, наконецъ, въ національномъ собраніи второе обвиненіе противъ Лафайета. Правда, его снова оправдываютъ еще болѣе значительнымъ большинствомъ, чѣмъ прежде; но когда собраніе расходилось, толпа самымъ возмутительнымъ образомъ угрожала противнымъ ей депутатамъ и мучила ихъ.

*) Mortimer Ternaux II, 164, примѣч.) обнаружилъ два доколѣ не напечатанные письма королевы о поступкѣ обоихъ ея деверей. О.

По мнѣнію самыхъ отчаянныхъ зачинщиковъ, возстанію слѣдовало раз-
виться не далѣе вечера этого дня, но болѣе умѣренные настояли на
прибавкѣ еще одного дня для подготовленія.

10-е августа. Плѣненіе короля. Бѣгство Лафайета.

Заправленіе планомъ находилось въ рукахъ множества людей, собирав-
шихся теперь для послѣднихъ переговоровъ въ мрачномъ и грязномъ ка-
бакѣ одного предмѣстья. На этотъ разъ принимали участіе: Робеспьеръ,
Дантонъ, Бильо-Варенъ, Марать, Демуленъ. Имѣлось въ виду не повторе-
ніе мальчишества 20-го іюня и не «величественное возстаніе», задуман-
ное Барбару 30-го числа, а серьезное нападеніе на короля и полное
ниспроверженіе существующихъ властей. Еслибы пожелали новую форму
правленія назвать республикой, Робеспьеръ не имѣлъ бы ничего противъ
этого. Въ кличкахъ онъ былъ терпимъ.

Съ 8 августа все было въ ходу. Военныя силы были собраны. Роли распе-
дѣлены. Выползшіе теперь изъ своихъ притоновъ предводители выбраны.

Во дворцѣ видѣли приближеніе бѣды, и въ свою очередь стали воору-
жаться. Здѣсь могли рассчитывать никакъ не больше, чѣмъ на 2,000
національныхъ гвардейцевъ изъ прилежащихъ къ дворцу округовъ. Это
были люди изъ зажиточнаго средняго сословія (*haute finance*), изъ купечества
и богатаго промышленнаго класса. Если они и не были вполне монархи-
стами, то во всякомъ случаѣ они были противниками порядка вещей, за-
думаннаго обитателями предмѣстій съ ихъ демагогами. Далѣе рассчитывали
на 900 человекъ конныхъ жандармовъ и на одну батарею. Съ увѣрен-
ностью можно было положиться на 950 Швейцарцевъ.

Во главѣ этого, нѣсколько пестраго, военного корпуса стоялъ главно-
командующій національною гвардіей, Мандатъ, старый отважный солдатъ
и надежный патріотъ. Искренно вѣрный присягѣ и конституціи, онъ рѣ-
шился до послѣдней капли крови защищать короля и его жилище. Онъ
былъ полонъ надеждъ и думалъ, что съ 3—4 тысячами человекъ дво-
рецъ устоитъ противъ всякаго нападенія.

Услыхавъ 9-го августа о рѣшительныхъ приготовленіяхъ къ возмуще-
нію, онъ начерталъ такой планъ. Прежде, чѣмъ колонна, спускающаяся
изъ предмѣстья С.-Антуанъ, соединится съ колонной изъ предмѣстья С.-
Марсо, онъ съ своими войсками, удачно расположенными по сую сторону
моста, ударить на нее съ фронта, съ тыла и съ фланговъ, разсѣетъ ее
и, такимъ образомъ, тотчасъ парализуетъ возстаніе.

Далеко не въ такомъ самоувѣренномъ настроеніи были сами мятежники.

9-го августа секціи были еще различнаго мнѣнія. Правда, въ *Quinze
Vingts* (С.-Антуанъ) послѣдовалъ вызовъ; но онъ не встрѣтилъ ожидае-

мага отголоска. Всѣ другія секціи, за исключеніемъ пяти или шести, отнеслись къ нему или нерѣшительно, или прямо враждебно. Даже въ 11 часовъ стоявшіе особнякомъ дѣятели въ *Quinze Vingts* принуждены были, вмѣсто собственнаго рѣшенія, довольствоваться отправкой трехъ уполномоченныхъ въ ратушу для дальнѣйшихъ постановленій сообща съ комиссарами другихъ секцій.

Въ это время меръ Петіонъ находился во дворцѣ. Онъ увѣрялъ короля, что волненіе велико, но имъ все сдѣлано для защиты ихъ величествъ. Онъ съумѣлъ ускользнуть отъ тягостнаго разговора съ честнымъ Мандатомъ. Тотъ спросилъ: зачѣмъ полиція раздаетъ Марсельцамъ патроны и отказываетъ въ нихъ національной гвардіи? «Какая здѣсь духота!» сказалъ онъ Редереру и исчезъ въ паркѣ, чтобы вздохнуть чистымъ воздухомъ.

Въ полночь начался набатный бой на трехъ колокольняхъ въ центрѣ Парижа. Заиграли генераль-маршъ, и легіоны собрались, одни для мятежа, другіе для обороны. Тутъ ихъ увѣщевалъ предводитель, тамъ подстрекали демагоги. Въ одно и то же время ихъ располагали къ повиновенію и къ непослушанію.

Съ 3-хъ часовъ постепенно собираются представители секцій, или, вѣрнѣе, 70—80 неизвѣстныхъ особъ, дерзающихъ засѣдать и рѣшать отъ имени секцій. Между ними нѣтъ ни одного изъ знатныхъ демагоговъ. Мараты, Робеспьеры, Бильо, Фабры, д'Еглантины лежатъ въ своихъ берлогахъ, пережидая, пока утихнетъ буря.

Теперь въ ратушѣ засѣдаютъ рядомъ два общинные совѣта: туловище законнаго общиннаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ якобинскаго профессора Кузэна, и революціонный комитетъ секцій, подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Гюгенена (*Huguenin*). Этотъ послѣдній также, какъ и его сотоварищи, былъ до той поры совершенно неизвѣстенъ. Весьма скоро затѣмъ его, вмѣстѣ съ сообщниками, судили за разныя низости и преступленія. Онъ-то заправлялъ дѣйствіями въ страшную ночь съ 9-го на 10-е августа.

Его первую цѣлью было устранить генераль-коменданта Мандата. Настоящій общинный совѣтъ подалъ ему въ этомъ дружескую, сосѣдскую помощь. По настоянію секціоннаго комитета, Кузэнъ, какъ представитель мера, отправляетъ къ генераль-коменданту одинъ приказъ за другимъ тотчасъ явиться въ ратушу. Мандатъ, подчиненный меру, счелъ законнымъ повиноваться, наконецъ, приказу.

Послѣ 5-ти часовъ утра покинулъ онъ Тюльери и отправился въ ратушу. Тутъ общинный совѣтъ накинулся на него съ вопросами и упреками. Онъ обвинялъ Мандата во всеобщемъ волненіи, такъ какъ онъ своевластно принималъ вызывающія военныя мѣры.

Мандатъ ссылается на приказанія мера и на свою большую отвѣтственность и хочетъ удалиться. Тутъ его схватываютъ и тащатъ къ Гюгенену. Послѣдній подвергаетъ его новому допросу и, наконецъ, даетъ ему подпи-

сать приказъ, по которому половина его войска отзывается отъ Тюльери. Мандатъ хладнокровно отказывается, и Гюгененъ велитъ арестовать его.

Противъ такого незаконнаго присвоенія власти протестуетъ другой, сосѣдній общинный совѣтъ. Но секціи объявляютъ, что верховный народъ при возмущеніи стягиваетъ къ себѣ всю власть. Въ силу народной верховности, онѣ постановляютъ отрѣшеніе отъ должности усердныхъ городскихъ чиновниковъ и немедленно выгоняютъ отцовъ города изъ ихъ залы. Мандата рѣшаются отвести въ аббатство, послѣ получасоваго плѣна въ ратушѣ; но едва онѣ вступитъ на большую лѣстницу, какъ позади его раздается пистолетный выстрѣлъ, который кладетъ его на мѣстѣ.

Теперь насталъ часъ отвести мера въ безопасное мѣсто, подѣ видомъ ареста. Петіонъ, гуляя въ Тюльерійскомъ паркѣ, чтобы освѣжиться, сообщилъ черезъ своихъ друзей національному собранію, будто его взяли подѣ стражу во дворцѣ и грозятъ ему смертію. Собраніе послѣшило вытребовать его въ свой залъ и этимъ избавить отъ мнимой опасности. Затѣмъ секціи снарядили 600 человекъ, чтобы не выпускать его изъ-подѣ домашняго ареста. А онѣ немедленно далъ знать всѣмъ властямъ о своемъ арестѣ, указывая, что «высшею властью» онѣ освобождается отъ всякой отвѣтственности.

Смерть Мандата рѣшила судьбу дворца не въ военномъ, а въ нравственномъ отношеніи.

Энергическій главнокомандующій могъ заставить шаткихъ солдатъ исполнять свои обязанности. Когда же въ самомъ началѣ его не стало и на мѣсто его не явилось сильнаго преемника, открылся свободный путь всякому поползновенію къ измѣнѣ и бѣгству. Жандармы уже во всеуслышаніе объявляли, что ни за что не станутъ стрѣлять въ народъ. Національные гвардейцы были нѣсколько въ лучшемъ настроеніи, но имъ недоставало единства и довѣрія къ себѣ. Безусловно надежны были одни Швейцарцы. Съ ними еще можно было отважиться на борьбу, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, лечь подѣ развалинами дворца. Но король въ подобныхъ обстоятельствахъ разсуждалъ не какъ король, а какъ заботливый отецъ мѣщанскаго семейства, которому безопасность близкихъ дороже всего.

Чувствуя необходимость сдѣлать что-нибудь для воодушевленія солдатъ, королю посовѣтовали показаться передѣ войсками. Когда онѣ появился на балконѣ, выходившемъ на площадь Карусель, его привѣтствовало оглушительное «Vive le roi!» Со двора, внизу, онѣ слышитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ національной гвардіи противный крикъ: «Vive la nation!» тогда какъ другіе совсѣмъ молчатъ. А проходящій мимо сада батальонъ обитателей предмѣстій реветъ даже: «Да здравствуютъ санкюлоты! Долой Veto! Долой короля!»

Между тѣмъ, садъ и площадь Карусель наполняются мятежниками. Толпа собирается уже у большихъ воротъ, ведущихъ во дворецъ. Она требуетъ

доступа къ «измѣнникамъ» внутри дворца. Редереръ пытается успокоить ее добрымъ словомъ и удалить. Но это не удается ему, и онъ совѣтуетъ королю бѣжать съ семействомъ въ нѣдра національнаго собранія.

Король колеблется. Королева положительно сопротивляется *). Она, казалось, рѣшилась мужественно встрѣтить врага. Редереръ увѣряетъ, что нельзя терять ни минуты, что въ крайнемъ случаѣ принуждены будутъ «вытащить» ее. И только когда онъ поклялся, что своею головой отвѣчаетъ за жизнь короля, она сдается. Съ королемъ, ведя за руку принца, вступаетъ она на тяжелый путь черезъ улицу въ національное собраніе.

Дѣйствовалъ ли тутъ Редереръ по расчету, доказать трудно. Вѣрно одно. Бѣгство изъ дворца, по признанію самихъ мятежниковъ, было военною ошибкой, такъ какъ одни храбрые Швейцарцы больше чѣмъ превосходили плохо вооруженную толпу на площади Карусель. Далѣе вѣрно, что поданный Редереромъ совѣтъ былъ совершенно въ духѣ жирондистовъ, съ которыми онъ его обдумывалъ. Такой совѣтъ вполнѣ удовлетворялъ сантиментальному нерасположенію къ кровопролитію и мелочному эгоистическому желанію держать въ своихъ рукахъ дорогихъ заложниковъ въ то время, когда тамъ, на улицѣ, идетъ кровавый бой.

Часовъ въ 8 или въ половинѣ 9-го совершило королевское семейство роковой путь въ Sall du Manège.

Удаленіе короля произвело замѣтное разстройство между оставшимися, еще довольно многочисленными, національными гвардейцами. «Къ чему драться?» говорятъ одни. «Пойдемъ домой защищать свои семьи!» замѣчаютъ другіе. И такимъ образомъ многіе уходятъ: иные присоединяются къ мятежникамъ.

Въ то время, какъ защитники короля опрастываютъ часть Тюльерійскаго двора, выходящую на площадь Карусель, передъ дворцомъ, на улицѣ, все сгущается шумная толпа. Сначала тутъ были лишь женщины да дѣти. Сантеръ приближался съ своею колонной очень медленно. Вообще онъ не обнаруживалъ расположенія стать во главѣ атаки. Онъ отправился въ ратушу, велѣлъ тамъ секціямъ провозгласить себя генераль-комендантомъ національной гвардіи и объявилъ о своемъ намѣреніи руководить нападеніемъ отсюда, гдѣ драгоцѣнная жизнь главнокомандующаго находится въ меньшей опасности.

Въ 8 часовъ передъ дворцомъ появилась первая колонна мятежниковъ подъ предводительствомъ Вестермана и Лефрана (Lefranc). Король только-что оставилъ дворецъ, и большинство національных гвардейцевъ едва очистило передній дворъ, какъ бунтовщики ударили въ ворота, требуя, чтобъ ихъ выпустили. Бывшіе на дворѣ канонеры заставляютъ королевскихъ при-

* Объ ея славномъ поведеніи см. Pontécoulant: Mém. I, 114.

вратниковъ отворить. Обѣ половинки распахнулись. Толпа врывается. Измѣнившіе національные гвардейцы, канонеры и жандармы встрѣчаютъ ее съ распростертыми объятіями.

Одни Швейцарцы, въ числѣ еще 750-ти человекъ, да 100 національных гвардейцевъ удаляются въ комнаты. Офицеры обсуждаютъ, нельзя-ли съ честью спасти жизнь ихъ храбрыхъ солдатъ. У большой лѣстницы, въ передней, идутъ переговоры. Мятежники требуютъ сдачи, Швейцарцы честнаго отступленія съ оружіемъ. Вдругъ пистолетный выстрѣлъ. Часовые дѣлаютъ залпъ по толпѣ въ передней, и она разсѣвается въ дикомъ бѣгствѣ. Дворъ очищается въ одно мгновеніе; а такъ какъ Швейцарцы стрѣляютъ и изъ оконъ, и потомъ дѣлаютъ вылазку, то вскорѣ пустѣетъ и площадь Карусель. Между тѣмъ, какъ одни съ страшнымъ ревомъ: «Убіиство! Измѣна!» убѣгаютъ въ отдаленнѣйшія улицы, другіе продолжаютъ на безопасномъ разстояніи стрѣлять по Тюльери. Но съ обѣихъ сторонъ уже мало потерь.

Въ это время королевское семейство сидѣло въ ложѣ стенографовъ въ національномъ собраніи. Оно достигло его при ругательствахъ и проклятіяхъ неистовой черни, которая только-что варварски убила двухъ-трехъ несчастныхъ роялистовъ и вслухъ грозила тою же участью и королевѣ.

«Я пришелъ сюда, сказалъ Лудовикъ XVI представителямъ націи, для предупрежденія великаго преступленія. Я думаю, что нигдѣ мнѣ небезопасно такъ, какъ среди васъ».

Единственное оставленное для него мѣстечко въ залѣ было что-то въ родѣ клѣтки, футовъ 12 въ ширину и 6 въ вышину, за президентскимъ кресломъ. И отсюда-то услыхалъ несчастный монархъ пальбу, поднявшуюся въ борьбѣ его Швейцарцевъ съ мятежниками. Первымъ его дѣломъ было отправить одного изъ сопровождавшихъ его приближенныхъ къ Швейцарцамъ съ приказомъ немедленно прекратить огонь, очистить дворецъ и возвратиться въ казармы.

Три четверти часа, отъ 10½ до 11¼ длился бой, когда королевскій посланецъ достигъ полка Швейцарцевъ, только-что сдѣлавшихъ вылазку, и передалъ ему повелѣніе короля. Его тотчасъ исполнили. Огонь прекратился. Швейцарцы собрались, какъ можно скорѣе, и покинули дворецъ.

Нѣсколько минутъ спустя по удаленіи послѣдняго швейцарскаго полка, прибыли мятежники, и не подозрѣвавшіе причины, прекратившей борьбу. Они приблизились къ большой лѣстницѣ, гдѣ незадолго передъ этимъ происходила кровавая сцена, и вступили въ пустой дворецъ, не завоеванный, а добровольно покинутый защитниками, по приказанію самого владѣльца *).

*) Рядомъ съ этимъ фактомъ, противорѣчащимъ прежнимъ рассказамъ, Мортимеръ особенно выставляетъ на видъ, что мятежниковъ пало лишь 100 человекъ и ранено 60, а не 5,000, или 3,500, какъ старались увѣрить всѣхъ.

Удалявшіеся Швейцарцы, сильно обстрѣливаемые скрытыми врагами, раздѣлились въ Тюльерійскомъ саду на двѣ колонны. Одна направилась къ Salle du Manège, гдѣ по повелѣнію короля и сложила оружіе, другая попала по дорогѣ къ площади Лудовика XV въ перекрестный огонь національныхъ гвардейцевъ, жандармовъ и черни, гдѣ почти до послѣдняго человѣка была уничтожена съ безпримѣрною жестокостью.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ свирѣпствовали убійство и пожаръ, опустошеніе и грабежъ. Чувствительному Барбару пришлось смотрѣть, какъ та самая сволочь, которая передъ этимъ трусливо разбѣжалась, проявляла теперь настоящее геройство въ рѣзнѣ оставшихся раненыхъ, беззащитныхъ женщинъ и служителей, въ грабежѣ и раззореніи сокровищъ дворца.

Такимъ образомъ, тронъ опростался. Не то, чтобы его защитники пали отъ несокрушимой храбрости героевъ 10 августа: монархія покинула сама себя. Въ крайнемъ случаѣ, она могла бы совершить здѣсь блестящія поминки по себѣ. Она могла пасть съ оружіемъ въ рукахъ и вызвать удивленіе даже у враговъ. Но Лудовикъ XVI не чувствовалъ желанія къ этому. Онъ рѣшился скорѣе переносить позоръ за позоромъ, постепенно унижаться и терять собственное достоинство, чѣмъ хотя на мгновеніе испытать что-либо подобное. Какъ долженъ былъ оступѣть человѣкъ, предпочитавшій эту жизнь рыцарской смерти въ собственномъ дворцѣ!

И вотъ, въ стенографской ложѣ національнаго собранія онъ 16 часовъ слушалъ, какъ рѣшалась гибель его короны. Онъ сидѣлъ спокойный и невозмутимый, какъ будто это вовсе и не касалось его, когда Верньо выступилъ съ рядомъ предложеній, которыя вслѣдъ затѣмъ и были приняты.

«Въ уваженіе того, сказалъ онъ:

«Что отечество дошло до крайней опасности, а священнѣйшая обязанность законодательнаго корпуса изыскивать всѣ средства для его спасенія,

«Что эта опасность преимущественно происходитъ отъ всеобщаго недо-
вѣрія къ поведенію главы исполнительной власти въ войнѣ, предприня-
той отъ ея имени противъ конституціи и независимости націи,

«Что это недо-
вѣріе вызвало въ различныхъ частяхъ государства требо-
ваніе о возвращеніи дарованной Лудовику XVI власти,

«Что національное собраніе не желаетъ однако увеличивать свою власть злоупотребленіемъ и не можетъ согласовать конституціонной присяги съ своимъ твердымъ намѣреніемъ спасти свободу иначе, какъ воззваніемъ къ верховенству націи,

«Національное собраніе постановляетъ:

«Французскій народъ приглашается къ образованію національнаго конвента; о родѣ и времени выборовъ будутъ сдѣланы предложенія чрезвычайною комиссіей.

«Глава исполнительной власти предварительно пріостанавли-

вается въ отправленіяхъ своей должности *) до тѣхъ поръ, пока національный конвентъ не переговоритъ о мѣрахъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для обезпеченія личной безопасности и господства свободы и равенства.

«Чрезвычайная коммиссія должна въ этотъ же день представить предложенія объ образованіи новаго министерства, объ избраніи воспитателя для королевскаго принца, о назначеніи временнаго содержанія королевскому семейству, вмѣсто росписи государственныхъ расходовъ на него, взносъ которыхъ приостанавливается.

«До возстановленія спокойствія въ Парижѣ, король и его семейство должны оставаться въ стѣнахъ законодательнаго корпуса; департаментъ въ этотъ же день приготовить для нихъ помѣщеніе въ Люксамбургѣ. Они станутъ подъ защиту гражданъ и закона.

«Каждый чиновникъ, каждый солдатъ, унтеръ-офицеръ, офицеръ, какого бы чина онъ ни былъ, равно какъ и всякій армейскій генералъ, покидающій свой постъ въ эти дни волненія, объявляется безчестнымъ и измѣнникомъ отечеству».

Вмѣсто приостановки власти короля, якобинцы партіи Горы тотчасъ потребовали его сверженія. Исключая этого пункта, Верньо въ своихъ предложеніяхъ въ сущности лишь формулировалъ ихъ программу. Вѣдь они же собственно и были побѣдителями 10 августа!

Это тотчасъ обнаружилось въ новомъ министерствѣ.

Жирондѣ хотѣлось вполне овладѣть имъ. Она потребовала простаго возстановленія министерства Ролана. Но это удалось ей лишь отчасти. Дантонъ сталъ министромъ юстиціи.

Во время возстанія на площади Карусель, Дантонъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ: его душевный другъ, Вестерманъ, велъ ко дворцу толпы. А жиронда сидѣла или спокойно дома, или въ безопасности въ національномъ собраніи. Поэтому ей пришлось тотчасъ подѣлиться торжествомъ дня и принять чловѣка, не имѣвшаго ничего общаго съ ея ораторами, съ ея идеалами.

Вскорѣ открылось, что министры только фигуранты, но не ораторовъ собранія, какъ прежде, а одного своего сослуживца, съ дерзкою энергіей не отступавшаго даже передъ преступленіемъ, — фигуранты Дантона. Особенно Роланъ видѣлъ, какъ офиціально злоупотребляли его подписью. Ему пришлось публично отречься отъ назначенія департаментскихъ комиссаровъ изъ кружка патріотовъ «ратуши», отправленныхъ отъ его имени.

Дантонъ управлялъ Франціей. Жирондистскіе ораторы стояли въ тѣни.

*) Le chef du pouvoir exécutif est provisoirement suspendu de ses fonctions. Ред.

Этой партіи, запятнанной позоромъ, ничего болѣе не оставалось, какъ безсильно ломать себѣ руки. Рѣдко Немезида такъ быстро и безпощадно карала партію, которая играла въ республику и монархію и не желала серьезно ни той, ни другой.

Франція приняла извѣстія о событіяхъ и постановленіяхъ 10 августа какъ бы въ тупомъ ошеломленіи, въ оцѣпенѣлой безпомощности. Молчаніе департаментовъ послѣ этого дня изумительно рѣзко оттънялось отъ послѣднихъ оживленныхъ адресовъ, приходившихъ передъ тѣмъ въ Парижъ. Лишь въ побочныхъ клубахъ проявлялось, тамъ и сямъ, подстроенное одобреніе. Масса населенія встрѣчала новыя событія въ безнадежномъ отчаяніи. Въ нѣкоторыхъ возникла даже мысль о сопротивленіи. Но ничего серьезнаго не было сдѣлано. Да иначе и быть не могло. Нація была безъ предводителей, департаменты и провинціи безъ средоточія, и Парижъ дѣлалъ все. Не менѣе 72 департаментовъ были противъ событій 1793 года; но одинъ департаментъ побѣдилъ ихъ всѣхъ. Только здѣсь знали, чего хотѣли, и для осуществленія своихъ цѣлей не пренебрегали никакимъ средствомъ. Всѣмъ другимъ не доставало программы и особенно оружія для отраженія великихъ нѣмецкихъ державъ при такомъ королѣ, какъ Лудовикъ XVI. Это послѣднее обстоятельство, наконецъ, рѣшило дѣло.

Была сдѣлана лишь одна мужественная попытка законнаго сопротивленія парижскимъ демагогамъ. Но ея судьба показала шаткость всего подобнаго.

Лафайетъ побудилъ въ Седанѣ, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, общинныя и окружныя власти къ рѣшительному протесту противъ переворота 10 августа. Онъ довелъ дѣло до того, что три департаментскіе комиссара, прибывшіе утромъ 14 августа, были немедленно арестованы и заключены въ крѣпость. Въ то же время онъ привелъ своихъ солдатъ ко вторичной присягѣ въ вѣрности конституціи 1791 года, націи, закону и королю, и потребовалъ того же отъ подчиненныхъ ему генераловъ. Но едва негодующее національное собраніе приняло рѣшенія противъ возмущившихся властей и мятежнаго генерала, какъ онъ уже не могъ ручаться даже за свою жизнь. Генеральный совѣтъ энскаго департамента, весьма живо высказавшійся около 20 іюля въ одномъ адресѣ, вполне измѣнился. Онъ приказалъ всѣмъ національнымъ гвардейцамъ схватить генерала, гдѣ бы они его ни встрѣтили. Генералы Дильонъ и Люкнеръ измѣнили ему. Въ его собственномъ войскѣ началось броженіе. Одни желали его смерти, другіе готовы были биться за него до послѣдней крайности. Тутъ-то онъ рѣшился бѣжать. Съ 21 офицеромъ, все это его единомышленники и друзья, переступилъ онъ границу и попалъ въ Рошфоръ въ руки передовыхъ австрійскихъ постовъ. Съ нимъ и его тремя ближайшими друзьями, бывшими съ нимъ въ національномъ собраніи (Алекс. Ламетомъ, Латуръ-Мобуромъ, Бюро де Пю-

зи), поступили, какъ съ государственными преступниками, съ рѣдкою жестокостью. Ихъ таскали по прусскимъ и австрійскимъ государственнымъ тюрьмамъ. Изъ послѣдней, въ Ольмюцѣ, они были освобождены Бонапартомъ лишь по миру въ Кампоформіо.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ. БОРЬБА МЕЖДУ ЖИРОНДОЙ И ЯКОБИНАМИ. КАЗНЬ КОРОЛЯ. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖИРОНДЫ. СЪ АВГУСТА 1792 ДО 31 МАЯ 1793 ГОДА.

ГЛАВА XIII.

Господство общиннаго совѣта.

Побѣдителями 10-го августа были: революціонный общинный совѣтъ, занявшій ночью, при оглушительномъ боѣ набата, позицію въ ратушѣ, и стоявшій въ первомъ ряду за нимъ дерзкій демагогъ, Жоржъ Дантонъ.

Національное собраніе согласилось—чувствуя ли свое безсиліе, или ошеломленное событіями—признать этотъ, никѣмъ не уполномоченный, комитетъ временнымъ представителемъ осиротѣвшей исполнительной власти, все, что онъ ни сдѣлаетъ, считать хорошимъ, все, чего онъ ни захочетъ, поспѣшно утверждать.

Такъ 10-го же августа было рѣшено: при выборахъ въ конвентъ уничтожается всякій цензъ; каждый двадцати пятилѣтній Французъ, прожившій годъ на одномъ мѣстѣ и пропитывающійся трудомъ, получаетъ право голоса; немедленно должно устроить подъ стѣнами Парижа укрѣпленный лагерь для федератовъ и выдать храбрымъ воинамъ, а также и Марсельцамъ, оказавшимъ 10-го августа столь важныя услуги, на путевыя издержки и поденную плату. Позаботились также и объ увѣковѣченіи геройскихъ подвиговъ, поручили секретарямъ собрать всѣ «actes de vertu, ознаменовавшіе собою достопамятный день». Особенному же комитету безопасности дано было право арестовать каждаго, чьи поступки онъ найдетъ нужнымъ разслѣдовать въ интересахъ отечества и т. д.

11-го числа начинаютъ уже обрисовываться черты будущей Франціи. О республикѣ пока еще не говорятъ; но всѣ картины, бюсты, памятники и статуи, напоминающія о монархіи, исчезаютъ съ большимъ или меньшимъ шумомъ. Исчезаетъ также и послѣдняя тѣнь уваженія къ королевскому семейству, такъ какъ національное собраніе опредѣляетъ, по шумному настоянію общиннаго совѣта, отправить царственныхъ узниковъ, вмѣсто Люксамбурга, въ двѣ комнатки на башнѣ Тампля.

Въ тотъ же день начинается устройство террора. Еще наканунѣ однимъ почеркомъ пера были отставлены отъ должности по всему государству избранные, согласно съ конституціей, мировые судьи, по подозрѣнію въ роялистическомъ образѣ мыслей. Теперь всѣ общинныя власти призываются закономъ къ аресту и осужденію «подозрительныхъ», а каждый активный гражданинъ къ ихъ преслѣдованію.

Стало уже недостаточно военнаго суда для «преступниковъ 10-го августа», т. е. для защитниковъ дворца. Робеспьеръ съ братіей требуютъ быстрого, чрезвычайнаго суда для всѣхъ заговорщиковъ, даже и для такихъ, «которые не участвовали въ защитѣ, но могли бы участвовать»; если же національное собраніе не тотчасъ придетъ къ настоящему рѣшенію, то они угрожали набатомъ, генералмаршемъ и вторымъ возстаніемъ. Такъ возникаетъ 17—18 августа первый революціонный трибуналъ. Въ нѣсколько часовъ креатуры ратуши импровизовали во всѣхъ секціяхъ выборы посредствомъ комедіи во вкусѣ той, которой самъ общинный совѣтъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ. Отъ этого суда нельзя ожидать ни пощады, ни проволочекъ; но Марать находитъ излишнею даже и тѣнь дѣлопроизводства. Онъ открыто проповѣдуетъ убійство заключенныхъ въ аббатствѣ: «Что за глупость начинать ихъ процессъ! Ихъ процессъ конченъ».

Между тѣмъ комитетъ безопасности устраиваетъ преслѣдованіе противъ подозрительныхъ. Парижъ становится похожимъ на осажденный городъ. Запираются всѣ ворота. Прекращается всякое сообщеніе съ ближайшими окрестностями. На улицахъ неистовствуетъ толпа наемныхъ шпіоновъ. Рядомъ съ ними дѣйствуетъ войско «патріотовъ», добровольно исполняющихъ обязанности донощиковъ. Домашніе обыски и аресты служатъ средствомъ къ добыванію насущнаго хлѣба. Вотъ первые слѣды свободы, завоеванной 10-го августа!

Національное собраніе также вовлекается въ это движеніе. При тщетномъ сопротивленіи умѣренныхъ, оно рѣшаетъ всѣхъ неприсяжныхъ священниковъ, которые въ продолженіе двухъ недѣль не оставляютъ добровольно королевства, отправить въ Гвіану. А между тѣмъ несчастнымъ, которые до истеченія законнаго срока требуютъ паспортовъ для добровольнаго изгнанія, комитетъ безопасности отказывается; мало того, онъ бросаетъ ихъ въ тюрьмы, гдѣ потомъ они были перебиты сентябрскими убійцами.

Лишь съ большимъ трудомъ собраніе отвергло два варварскія предло-

женія: одно— «поступить съ женами и дѣтьми эмигрантовъ, какъ съ заложниками націи»; другое — собрать войско изъ 1200 волонтеровъ для умерщвленія князей и генераловъ, враждебныхъ революціи.

Парижъ управлялся немногими комитетами безъ истинныхъ руководителей; улицы были осаждены страшнымъ пролетаріатомъ; Францію мучили комиссары съ неограниченною властью; а между тѣмъ съ границъ долетали вѣсти, одна другой мрачнѣе. Врагъ окружилъ Лонгви и Тіонвиль; а Франція могла выставить противъ испытанныхъ прусской и австрійской армій лишь слабое, плохо вооруженное войско, да къ тому же на западѣ у нея показались первые признаки междуусобной войны.

Якобинцы обнаруживаютъ теперь въ собраніи и внѣ его лихорадочную дѣятельность, чтобы набрать войско, достать оружіе и военные снаряды, запастись провіантомъ, на вербовать волонтеровъ и добыть денегъ. О послѣднемъ они заботились не только для войны, но и для пролетаріата столицы и департаментовъ.

Въ концѣ августа были отобраны имѣнія у эмигрантовъ и предложены благонамѣреннымъ покупателямъ на условіяхъ, равнявшихся даровой уступкѣ, т. е. ограбленію владѣльцевъ *). Феодальныя права не были отмѣнены законнымъ образомъ, а были просто уничтожены. Общій доходъ отъ этого громаднаго грабежа доходилъ, по крайней мѣрѣ, до 6,000 милл.

Гнетъ внѣшней опасности, хотя довольно слабо, но еще соединяетъ общинный совѣтъ и національное собраніе, между которыми рано или поздно долженъ произойти разрывъ. При извѣстіи о сдачѣ Лонгви національное собраніе постановляетъ, въ духѣ самаго дикаго якобинства, что должно казнить cadaго гражданина, который въ осажденномъ городѣ говоритъ о сдачѣ, что, какъ только Лонгви попадетъ опять въ руки французскихъ войскъ, его надо срыть до основанія, а всѣхъ жителей объявить безчестными и лишенными гражданскихъ правъ.

Уже и тутъ, въ собраніи, заботились о томъ, какъ бы избавиться отъ общиннаго совѣта. Въ секціяхъ же, мнимое могущество которыхъ такъ безпримѣрно злоупотреблялось здѣсь въ теченіе двухъ недѣль, его значе-

* Вотъ пояснительныя подробности, заключающіяся въ трудѣ Зибеа (I, кн. 4, гл. 2): «Въ концѣ мѣсяца національное собраніе дошло до обширныхъ конфискацій. Первая изъ нихъ касалась эмигрантовъ. Ихъ имѣнія находились подъ секвестромъ съ апрѣля; теперь велѣно было продавать ихъ, и именно, чтобы облегчить санкюлотамъ пріобрѣтеніе, по жребію, отъ двухъ до трехъ акровъ, и не за капиталъ, а за ежегодную ренту. Кредиторы эмигрантовъ должны были быть удовлетворены, насколько позволяла покупная цѣна; покупщикъ могъ выгнать арендаторовъ, если договоръ былъ заключенъ еще старымъ владѣльцемъ. Словомъ, тутъ были на-лицо всѣ опредѣленія, составляющія самую всестороннюю и рѣзкую характеристику грабежа». Ред.

ніе было уже подкопано съ успѣхомъ. Ратушники знали это и рѣшились предупредить своихъ враговъ. Требовалось дѣло, которое развязало бы имъ руки и внутри, и внѣ государства. И у нихъ былъ годный на это человѣкъ, Жоржъ Дантонъ.

Жоржъ Дантонъ и сентябрскія убійства *).

Дантонъ передъ заговоромъ 10-го августа появлялся постоянно на второмъ или третьемъ планѣ. При первыхъ попыткахъ организовать парижскую демократію, онъ стоитъ рядомъ съ Камиломъ Демуленомъ. Послѣ бѣгства короля, когда дѣло шло о томъ, чтобы уничтожить его безответственность, Дантонъ выдвигается на Марсовомъ поле; а когда, позднѣе, нерѣшительность національнаго собранія и колебаніе жиронды отклонили этотъ вопросъ, онъ далъ, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, Маратомъ и другими, толчокъ къ событіямъ 10-го августа, которыя и привели его въ министерство.

Онъ былъ изумительно щедро одаренъ природой. Но выдвинуло его въ глазахъ всего міра его поведеніе. Въ началѣ революціи онъ былъ безвѣстнымъ адвокатишкой, который, при глубокомъ отвращеніи къ постоянному труду и при безграничномъ развратѣ, быстро расточалъ свой крошечный заработокъ. Это былъ *bon vivant*, который вдругъ могъ проявить баснословную энергію и затѣмъ впасть въ полную спячку.

Ему было 30 лѣтъ, когда онъ кинулся въ потокъ революціи. Это былъ истый питомецъ общества Лудовика XV, прошедшій чрезъ весь развратъ частной жизни, чрезъ всѣ оргіи того времени, почти всѣмъ пресыщенный и отупѣвшій для всего, кромѣ наслажденій. Безъ вѣры въ идеалы, безъ энтузіазма къ какимъ бы то ни было нравственнымъ правиламъ, но одаренный удивительными способностями, онъ казался созданнымъ именно для такого времени.

Рано обратилъ онъ на себя вниманіе Мирабо, который здѣсь обнаружилъ свою поразительную проницательность, предсказавъ замѣчательную будущность человѣку, который былъ тогда не больше, какъ развращенный, плохой адвокатъ. Впрочемъ никто лучше его и не могъ понять Дантона.

Это богатырское тѣло, крѣпкое еще, несмотря на все распутство, эти взъерошенные волосы, громадный голосъ, сверкающій взоръ, подавляющее краснорѣчіе — все напоминало Мирабо. Дантонъ и былъ въ извѣстной степени Мирабо низшихъ слоевъ общества, великій трибунъ улицъ и барри-

*) Bougeart: Danton, Bruxelles, 1861.—Robinet: Danton, Paris, 1863
Оба сочиненія—апологіи. О.

кадѣ. Гдѣ недостаточно было тонкаго краснорѣчія и діалектики, тамъ раздавалось его слово.

У него была смѣлость, у него было мужество, презиравшее смерть, которое его противники отрицали въ немъ, но которое онъ доказалъ, какъ только могъ доказывать. сластолюбецъ. Дантонъ не боялся массъ, а это много значитъ. Всѣ остальные террористы страшились ихъ, онъ лишь презиралъ ихъ. Онъ управялялъ ими, какъ своимъ орудіемъ, и давалъ имъ чувствовать это. Даже когда чернь у подножія его эшафота осыпала его проклятіями, у него нашлись одни ругательства для нея.

Это не то, что Робеспьеръ. Подстрекнувъ своихъ агентовъ, онъ потомъ, когда мина уже совсѣмъ готова, не станетъ выбирать себѣ безопаснаго мѣстечка, гдѣ бы выждать конца взрыва. Онъ всюду былъ самъ, гдѣ нужно было драться.

У него не было нѣжнаго раздумья жирондистскихъ ораторовъ, которые, вовсе не желая возстанія, съ удовольствіемъ пожали бы его плоды. Онъ могъ спросить ихъ: гдѣ были вы 10-го августа, когда мы одерживали побѣду?

Массы повиновались ему, потому что боялись его. Ужъ умирая подъ гильотиной, онъ своимъ львинымъ голосомъ закричалъ ревущему народу: «Молчать!»—и крикуны смолкли.

Характеръ Дантона, конечно, объясняетъ ужасъ, охватывавшій жиронду при одномъ его имени. Однако отъ природы онъ не былъ кровожаденъ и свирѣпъ. У него была даже своего рода мягкая *bonhomie*, столь свойственная чувственнымъ людямъ. Онъ могъ устроить сентябрскія убійства и въ то же время подать знакъ нѣкоторымъ изъ своихъ знаменитыхъ противниковъ, чтобы они постарались какъ-нибудь убраться. Онъ не желалъ крови отдѣльныхъ личностей и не былъ мстителенъ, какъ Робеспьеръ.

Но онъ извѣдалъ безпутную жизнь и достаточно пропитался пороками прошлаго, чтобы смущаться предъ какимъ бы то ни было средствомъ. Онъ не хотѣлъ убивать отдѣльныхъ лицъ, но предъ убійствомъ массъ не отступалъ съ ужасомъ. У него положительно не было политической совѣсти. Онъ, не стыдясь, высказывалъ то, что другіе облекали въ цвѣтистое краснорѣчіе. У него послѣ убійства доставало духу сказать: «Да, я убилъ!»

Да, человекъ, искавшій въ революціи не свободы и республики, а только власти и наслажденій, превосходившій всѣхъ отчаянною дерзостью своихъ поступковъ, могъ внушать ужасъ, если подумать, что въ его рукахъ находилась судьба Франціи.

Франція пренебрегла въ свое время правленіемъ Мирабо. Теперь она управлялась Дантономъ, и новый регентъ, прежде всего облекшійся судебною властью, немедленно ознаменовалъ начало новой свободы страшнымъ торжествомъ, носившимъ на себѣ отпечатокъ его личности, отъ котораго онъ никогда не отрекался: онъ произвелъ сентябрскія убійства.

Мрачными предвѣстниками сентябрьскихъ ужасовъ были домашніе обыски, которые національное собраніе принуждено было разрѣшить ему.

Въ этотъ день онъ сказалъ замѣчательную рѣчь, въ качествѣ «народнаго, революціоннаго министра»:

«Врагъ угрожаетъ государству, но пока онъ взялъ еще только Лонгви. Еслибы комиссары собранія въ своемъ заблужденіи не противорѣчили мѣрамъ исполнительной власти (т. е. комитету возстанія въ ратушѣ), то армія Келлермана тотчасъ же соединилась бы съ арміей Дюмурье. Вы видите, что наша опасность выходитъ изъ ряда вонъ. Пусть же національное собраніе покажетъ себя достойнымъ націи. Судорожнымъ движеніемъ (*une convulsion*) мы низвергли деспотизмъ; могучимъ движеніемъ оборонительной силы націи мы должны отбросить деспотовъ. До сихъ поръ мы вели Лафайетовскую, призрачную войну; теперь же должны начать страшныя военныя дѣйствія. Пора сказать народу, что онъ долженъ всею своею массой кинуться на врага».

Тутъ естественно ожидаешь совѣтовъ насчетъ того, какимъ же образомъ въ самый короткій срокъ отправить на границы, навстрѣчу врагу, всѣхъ Французовъ, способныхъ носить оружіе, обучивъ и вооруживъ ихъ, какъ можно лучше? Но, вмѣсто того, рѣчь идетъ только о комиссарахъ исполнительнаго комитета, къ которымъ національное собраніе должно присоединить еще своихъ, чтобы настраивать общественное мнѣніе (*exercer l'influence de l'opinion*) въ департаментахъ и объявлять муниципалитетамъ, что каждому изъ нихъ будетъ дано право (*sera autorisée*) выставить лучшихъ изъ ихъ хорошо вооруженныхъ воиновъ.

Затѣмъ слѣдуетъ самое важное мѣсто въ рѣчи, гдѣ открывается, что не внѣшній, а внутренній врагъ—истинный предметъ доклада: «До сихъ поръ запирали ворота столицы—и хорошо дѣлали: весьма важно овладѣть измѣнниками. Но теперь необходимо завтра же схватить ихъ, хотя бы ихъ было цѣлыхъ 30,000, чтобы Парижъ могъ снова вступить въ открытыя сношенія со всею Франціей.

«Общинному совѣту предоставляется право хватать всѣхъ подозрительныхъ; но французскій народъ съ завтрашняго же дня долженъ быть въ состояніи защищать васъ и входить въ сношенія съ Парижанами *).

«Мы требуемъ отъ васъ полномочія начать домашніе обыски (*visites domiciliaires*). Въ Парижѣ навѣрно есть 80,000 годныхъ ружей. Такъ вотъ всякій, у кого есть оружіе, пусть спѣшитъ къ границамъ. Какъ народы, завоевавъ свободу, упрочивали ее? Они спѣшили навстрѣчу вра-

*) Этихъ словъ нѣтъ въ текстѣ изданія *Histoire parlementaire*. Мы находимъ ихъ у Mortim.-Ternaux, III, 134. О.

гу, а не давали ему приблизиться. Что сказала бы Франція, еслибы Парижъ вздумалъ ожидать нашествія врага въ тупомъ остоленіи? Французскій народъ захотѣлъ быть свободнымъ—и будетъ свободенъ. Вскорѣ здѣсь соберутся многочисленныя военныя силы. Вскорѣ отдадутъ все необходимое въ распоряженіе общиннаго совѣта съ обязательствомъ вознаградить собственниковъ. Все принадлежитъ отечеству, когда отечество въ опасности».

Поиски за 80,000 ружей были, разумѣется, только наглымъ предлогомъ. Въ дѣйствительности ихъ нашлось всего какихъ-нибудь 2,000, что, конечно, хорошо было извѣстно. Тутъ дѣло шло объ уничтоженіи права домашняго очага, неприкосновенности лица и имущества, объ организаціи войны противъ подозрительныхъ.

Національное собраніе совершенно растерялось. Какъ будто и вправду дѣло шло о спасеніи угрожаемаго отечества чрезвычайными мѣрами; оно приняло безъ преній рѣшеніе, по которому весь классъ собственниковъ оказывался внѣ закона, а разбойничьи шайки Дантона, Марата и Робеспьера становились господами Франціи.

Было опредѣлено: «Во всѣхъ общинахъ Франціи общиннымъ чиновникамъ и ихъ делегатамъ приступить къ домашнимъ обыскамъ, чтобы въ точности узнать, сколько у гражданъ военныхъ снарядовъ и оружія, сколько лошадей, плуговъ и телѣгъ (!). У подозрительныхъ отнять оружіе и отдать его защитникамъ отечества и равенства».

Ружей, какъ уже сказано, нашлось до смѣшнаго мало. Но зато сколько открыто «подозрительныхъ»! Какой ужасъ распространился повсюду отъ домашнихъ обысковъ!

29-го августа началось исполненіе этихъ первыхъ подготовительныхъ мѣръ правленія террористовъ.

Съ 4-хъ часовъ пополудни оцѣпляются городскія улицы, запираются лавки и дома. Ни одинъ экипажъ, ни одинъ пѣшеходъ не смѣютъ показаться. Всѣ, съ женами и дѣтьми, сидятъ дома, и кто не принадлежитъ къ господствующему цвѣту, тотъ едва смѣетъ дышать. Съ 10-ти часовъ вечера комиссары начинаютъ свой обходъ по домамъ. По 30-ти комиссаровъ въ каждой изъ 48 частей гигантскаго города пускаются въ путь съ ужасающею одновременностью. Ихъ сопровождаютъ «делегаты» и копѣйщики предмѣстій, обязанные забирать ружья и «подозрительныхъ». Арестуются цѣлыя массы. Изъ приводимыхъ цифръ самая низкая 3,000, высшая—8,000 человекъ.

До вечера 31-го августа продолжался домашній обыскъ со всѣми его ужасами. Кто не ускользалъ въ суматохѣ, того тотчасъ же сажали въ тюрьму, гдѣ онъ могъ считать себя погибшимъ.

Бурному комитету возстанія въ ратушѣ уже нечего было бояться роялистовъ внѣ національнаго собранія. Но послѣднее ревностнѣе, чѣмъ

когда-либо работало именно теперь надъ его гибелью, — работало, конечно, съ весьма позорнымъ результатомъ.

На первую попытку устранить комитетъ онъ отвѣчалъ дерзкимъ постановленіемъ, которое «именемъ отечества» провозглашало его несмѣняемымъ и неприкосновеннымъ. Явившееся затѣмъ, по предложенію Гаде, рѣшеніе національнаго собранія распустить общинный совѣтъ и замѣнить его въ 24 часа дѣйствительными представителями секцій точно также не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ еще болѣе чувствительнаго пораженія собранія. Является депутація, въ которую втиснули собственно заброшеннаго уже Петіона, и вручаетъ составленный Робеспьеромъ безстыдный адресъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Мы арестовали мятежныхъ священниковъ, сообразно съ вашими рѣшеніями, велѣли посадить ихъ въ тюрьмы, и чрезъ нѣсколько дней почва свободы будетъ очищена отъ ихъ присутствія». Не успѣла еще коммиссія по этому адресу приготовить свой отчетъ, какъ Тюрьо, за которымъ стоялъ Дантонъ, уже внесъ проектъ закона, утверждавшій за шайкой мятежниковъ всю захваченную ею власть. И національное собраніе приняло этотъ проектъ (2-го сентября).

Этимъ было обезпечено убійство массъ. Для него выбрали воскресенье 2-го сентября, прежде чѣмъ его виновники могли узнать, какъ сильно помогутъ имъ военныя событія на границахъ.

Извѣстіе: «напали на Вердюнь!» послужило основаніемъ и предлогомъ для самыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

«Вердюнь, такъ представлялъ въ ратушѣ дѣло Манюель, — единственная крѣпость, которая могла бы остановить Пруссакъ на пути къ Парижу. Гарнизонъ, несмотря на всю свою храбрость, не будетъ въ состояніи отстоять ее; стало-быть, она почти уже потеряна, и Парижъ открыть Пруссакамъ»!

Этого было достаточно, чтобы комитетъ всеобщей охраны (*) созвалъ на Марсово поле всѣхъ способныхъ носить оружіе и боемъ въ на-

*) Комитетъ всеобщей охраны, Comité de surveillance générale, былъ однимъ изъ нѣсколькихъ комитетовъ, на которые распался около того времени общинный совѣтъ. Это устройство совѣта было введено Дантономъ и Маратомъ для того, чтобы правильнѣе и сильнѣе организовать ихъ исполнительную власть, лежавшую собственно въ ратушѣ, соперничавшей съ хилымъ національнымъ собраніемъ. Оно послужило образцомъ для тѣхъ комитетовъ, которые управляли всѣми дѣлами конвента. Въ описываемую минуту комитетъ всеобщей охраны только-что зараждался, существовалъ почти только по имени. Но весьма скоро онъ сталъ во главѣ всѣхъ остальныхъ комитетовъ и началъ играть весьма важную роль, напоминающую знаменитое гнѣздо тиранства, славившееся во время конвента подъ именемъ комитета общаго блага (comité de salut public). Онъ состоялъ изъ ничтожнаго числа клеветовъ Дантона и Марата. Ред.

бать, трескомъ барабановъ, громомъ пушекъ привелъ городъ въ то лихорадочное состояніе страха и возбужденія, которое было такъ благопріятно для его дѣйствительныхъ плановъ.

Національное собраніе приняло съ восторгомъ заявленія ратуши. Всѣ раздоры были забыты, и Верньо, великій ораторъ жиронды, которая вчера только готова была умертвить засѣдавшій тамъ комитетъ, заявилъ ему, что признаетъ его спасителемъ государства.

«Сегодня, сказалъ онъ, Парижъ долженъ показать себя во всемъ своемъ величіи. Я снова узнаю его мужество въ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, и теперь можно сказать: отечество спасено»!

При громкомъ одобреніи галлерей, онъ требуетъ, чтобы національное собраніе преобразовалось въ большой военный комитетъ и вмѣстѣ съ ратушей само подало примѣръ, «какъ рыть могилу врагу».

И Дантонъ бросился на трибуну и воскликнулъ: «Все въ движеніи, все трепещетъ, все горитъ желаніемъ борьбы.... Одна часть народа поспѣшитъ къ границѣ, другая будетъ рыть шанцы, третья защищать наши города... Парижъ станетъ подкрѣплять эти великія усилія. Коммиссары городской общины торжественно пригласятъ гражданъ вооружиться и выступить на защиту отечества.... Набатъ, въ который станутъ бить, не сигналъ къ тревогѣ, но самое нападеніе на враговъ отечества.... Чтобы ихъ побѣдить, милостивые государи, намъ нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость, и Франція спасена» (*).

Среди такихъ-то проявленій дикаго, фанатическаго патріотизма, Дантонъ могъ надѣяться вырвать у національнаго собранія полномочіе, которое облекало формальною диктатурой его и патріотовъ ратуши. Онъ потребовалъ смертной казни для всѣхъ, кто откажется или самъ выступить на бой, или выдать свое оружіе благонамѣреннымъ защитникамъ отечества. Онъ потребовалъ смертной казни для каждаго, кто окажетъ малѣйшее непослушаніе или сопротивленіе приказаніямъ и мѣрамъ исполнительнаго комитета, и получилъ согласіе на все. То было уполномоченіе на убійства 2—3-го сентября.

Чего же онъ хотѣлъ этимъ достигнуть?

У Марата, Робеспьера и другихъ дѣло шло о томъ, чтобы однимъ и тѣмъ же ударомъ поразить своихъ личныхъ враговъ и, посредствомъ терроризма, управлять выборами въ конвентъ. Дантонъ же дѣйствовалъ не столько изъ личной мстительности и разсчитаннаго честолюбія. Ему не было дѣла до отдѣльныхъ личностей: еще утромъ 2-го сентября онъ помогъ спастись

*) «Le Tocsin qu'on va sonner n'est point un signal d'alarme, c'est la charge sur les ennemis de la patrie... Pour les vaincre, messieurs, il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace et la France est sauvée».

и некоторымъ изъ своихъ противниковъ. У него все происходило скорѣе изъ дикаго, преступнаго фанатизма, который, не видя возврата для себя самого, хотѣлъ, посредствомъ великой гнусности, сдѣлать невозможнымъ этотъ возвратъ и для націи. Чѣмъ больше соучастниковъ, тѣмъ меньше перебѣщиковъ; чѣмъ сильнѣе ужасъ, тѣмъ вѣрнѣе покорность столицы. Широкая кровавая полоса должна была отдѣлить новую Францію отъ старой, революцію отъ ея противниковъ, которые все еще вѣрили, что дѣла могутъ принять другой оборотъ *).

Всего добросовѣстнѣе развилъ онъ свой взглядъ въ рѣчи, сказанной имъ 30 августа въ совѣтѣ министровъ: «Въ этомъ состояніи слабости мы, республиканцы, подвержены двойному огню: непріятельскому внѣ государства и роялистскому внутри его. Въ Парижѣ тайно пребываетъ роялистическая директорія, и она поддерживаетъ сношенія съ прусскимъ войскомъ. Сказать вамъ, гдѣ она собирается и кто къ ней принадлежитъ, невозможно. Чтобы ее разстроить нужно напугать роялистовъ (*il faut faire peur aux royalistes*).» Тутъ онъ сдѣлалъ движеніе, которое привело въ ужасъ слушателей **).

Прежде чѣмъ выступить къ границамъ, навстрѣчу внѣшнему врагу, нужно раздѣлаться съ внутреннимъ врагомъ въ тылу: таковъ былъ лозунгъ коммиссіи безопасности и ея министра, Дантона.

Часа въ 2 или 3 пополудни шайки изъ ратуши бросились на свои беззащитныя жертвы по темницамъ. Началось съ 22 священниковъ въ депюмеріи. Марсельцы притащили ихъ въ аббатство и убили одного за другимъ. Послѣ священниковъ настала очередь плѣнныхъ Швейцарцевъ и королевскихъ гвардейцевъ. Такимъ образомъ, убійство прошло по всемъ тюрьмамъ. У кармелитовъ и бернардиновъ, въ Лафорсѣ, въ Шателе, въ Консьержери, въ Бисетрѣ, въ Сальпетріерѣ кровь льется рѣкой. Ровно два дня и двѣ ночи идетъ страшная рѣзня. 187 «патріотовъ», этихъ палачей, не больше, казнили отъ 1300 до 1500 невинныхъ ***).

*) Издатель книги: *Souvenirs de Pontécoulant* (I, 116), говоритъ: *On voulait enchaîner le peuple par une épouvantable solidarité et en l'entraînant dans un crime inouï le rendre plus docile à tous ceux qu'on allait exiger de lui. «Ex crimine maxima peccandi necessitas», a dit Tacite.*

**) *Barante: Convent. nationale*, I, 247. Ср. упоминаемый у Зибеля (I, 492) манифестъ Дантона, который приглашалъ «гражданъ снова взяться за оружіе, чтобы кровь всѣхъ измѣнниковъ была первою жертвой свободѣ, чтобы при выступленіи противъ врага назади не оставалось никого, кто могъ бы обезпокоить» друзей свободы. Любопытно, что этотъ манифестъ былъ присоединенъ къ подобному же циркуляру комитета всеобщей охраны, который здѣсь уже названъ знаменитымъ въ послѣдствіи именемъ «комитета общаго блага».

Ред.

***) Зибель (I, 484) не рѣшается точно опредѣлить число погибшихъ. Вотъ его слова: «Нельзя опредѣлить въ точности всего числа убитыхъ. Сове-

Не стану вдаваться въ подробности этихъ кровавыхъ сценъ. Предоставляю ихъ любителямъ ужаснаго.

Набатный бой Дантона раздавался не только для столицы, но и для провинцій. Во многихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Лионѣ, Орлеанѣ, Реймсѣ и Мо, дѣйствительно происходили подобныя же сцены. Но всегда требовалось присутствіе парижскихъ комиссаровъ, федератовъ и бандитовъ, чтобы пустить въ ходъ такія преступленія. Впрочемъ, и имъ по большей части не удавалось даже провести выборы въ конвентъ въ духъ своей партіи. Запуганное среднее сословіе допускало ужасы, остановить которые оно было не въ силахъ. Но при выборѣ въ конвентъ оно произнесло свой обвинительный приговоръ сентябрскимъ убійцамъ.

Военныя событія въ Шампани. (Августъ и сентябрь 1792 года *).

Въ дни сентябрскихъ убійствъ союзники имѣли успѣхъ въ Шампани въ первый и послѣдній разъ.

Революціонный лагерь представляетъ довольно отвратительное зрѣлище. Но тутъ, рядомъ съ кровавыми ужасами парижскихъ уличныхъ демагоговъ, замѣтно воинственное воодушевленіе французской націи, которому мы не можемъ отказать въ своемъ уваженіи, даже въ восхищеніи. Поэтому-то общее впечатлѣніе событій во Франціи гораздо лучше, чѣмъ то, которое мы выносимъ изъ лагеря союзниковъ. Здѣсь все такъ жалко и ничтожно.

Еслибы Марія-Терезія и Фридрихъ Великій подняли все противъ революціи, пустили бы въ ходъ всѣ рычаги дѣйствія, чтобы лучше погибнуть съ честью, чѣмъ подчиняться якобинцамъ, это было бы понятно, по крайней мѣрѣ, съ монархической точки зрѣнія. Но что значилъ походъ, предпринятый этимъ лѣтомъ противъ якобинцевъ, этого нельзя понять ни съ какой точки зрѣнія.

Изъ вороха писемъ и документовъ каждому становится черезчуръ ясною тайна похода. Мы видимъ, отчего всѣ дѣйствія союзниковъ такъ безотрадны и жалки въ борьбѣ съ разстроенною Франціей, съ этой не дисциплинированной толпой, которая едва заслуживала названія войска, словомъ, въ борьбѣ

менные разскащики говорятъ о восьми, десяти, даже о пятнадцати тысячахъ мертвыхъ; историки-демократы нашего времени едва допускаютъ тысячу, ибо списки обѣихъ главныхъ тюремъ показываютъ лишь 311 убитыхъ. Но выводъ невѣренъ уже потому, что множество арестованныхъ, при бурномъ движеніи послѣднихъ дней, вовсе не было занесено въ списки. Изъ другихъ современныхъ списковъ, по одному оказывается 1414 убитыхъ, по другому 1316, по третьему 1,003; прибавьте къ этому, кромѣ того, больше 1,000 убитыхъ въ Бисетрѣ.

Ред.

*) Sybel, I, 502 sqq.—Häusser, I, 320 sqq.—Reynouard.

съ врагомъ, который, по всѣмъ расчетамъ, былъ теперь слабѣе, нежели когда-либо прежде и послѣ. Среди прусскихъ государственныхъ мужей и полководцевъ также рѣдко можно было встрѣтить людей съ рыцарскимъ, средневѣковымъ настроеніемъ Фридриха-Вильгельма II. какъ и съ реакціоннымъ фанатизмомъ Франца II. Такіе царедворцы, какъ Бишофсвердеръ, обогатившійся опытомъ въ «картофельной войнѣ» *), могли, разумѣется, гордо разсуждать: «Къ чему покупать столько лошадей? Комедія не протянется долго: къ осени мы вернемся домой». Но въ лагерѣ смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Государственные люди школы Фридриха Великаго не хотѣли и слышать о войнѣ, которая, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не доставила бы никакой выгоды на Западѣ, а на Востокѣ, по всей вѣроятности, принесла бы много вреда.

Особенно предводитель союзнаго войска, герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій, котораго сами Французы хотѣли баснословно почитать за его военный талантъ, предложивъ ему начальство надъ своими войсками, смотрѣлъ на войну съ революціей вовсе не какъ на военную прогулку, о которой неумоимо говорили эмигранты. Онъ придавалъ неизмѣримое значеніе силѣ революціоннаго воодушевленія. Это-то съ самаго начала и подѣбло всю его вѣру въ себя. А онъ и безъ того былъ крайне нерѣшителенъ и остороженъ. У него было очень мало энергіи и присутствія духа.

Къ этому присоединилось ложное положеніе короля относительно войска. Съ 1640 года прусскіе монархи лично предводительствовали своими войсками и притомъ съ высокимъ отличіемъ. Это наложило свой отпечатокъ на государство и сообщило прусскому военному дѣлу своеобразный полетъ. Теперь же король только по имени стоялъ во главѣ войска, такъ какъ онъ весьма основательно не полагался на свое предводительство. Герцогъ Брауншвейгскій всегда былъ при немъ, какъ менторъ, и почти никогда не сходился съ нимъ въ мнѣніяхъ. Если король былъ слишкомъ смѣлъ, то герцогъ былъ уже черезчуръ робокъ и неповоротливъ. Въ этомъ заключалась самая важная причина анархіи въ главной квартирѣ, гдѣ постоянно возникали только полумѣры и гдѣ никто не былъ ни вполнѣ отвѣтственъ, ни вполнѣ независимъ.

Притомъ обѣ союзницы, Австрія и Пруссія, оставляли за собой нерѣшеннымъ чрезвычайно важный вопросъ. Подготавлился новый раздѣлъ Польши, и отъ одной Россіи зависѣло назначить, когда долженъ наступить кризисъ для всей этой путаницы.

*) Такъ называется въ насмѣшку война между Пруссіей и Австріей за баварское наслѣдство (1778—1779), въ которой было пролито гораздо болѣе чернилъ, чѣмъ крови. Ред.

Между тѣмъ, какъ на Западѣ, по большей мѣрѣ, можно было достигнуть лишь восстановленія чужаго трона, на Востокѣ могли послѣдовать удары, ближе всего касавшіеся собственныхъ престоловъ. При договорѣ, который заключили обѣ нѣмецкія державы противъ Франціи, одна изъ нихъ бросала косвенные взгляды на Великую Польшу, другая на Баварію. Поэтому-то ни одна и не могла отдаться всею душой войнѣ, и первая неудача войскъ на Западѣ, а дипломатовъ на Востокѣ поселила раздоръ между ними.

14 іюля 1792 года короновался во Франкфуртѣ новый императоръ Францъ II. Здѣсь и на слѣдующемъ затѣмъ княжескомъ сеймѣ въ Майнцѣ происходили послѣдніе переговоры о войнѣ. Сюда явился также посланный отъ Людовика XVI, Женевецъ Малле-дю-Панъ, чтобы именемъ своего монарха предостеречь нѣмецкія державы отъ глупостей, въ которыя могли вовлечь ихъ эмигранты и за которыя пришлось бы поплатиться никому другому, кромѣ королевскаго семейства.

Онъ просилъ манифеста, который сдѣлалъ бы строгое различіе между націей и террористами и не угрожалъ бы первой восстановленіемъ стараго порядка вещей, что неизбѣжно бросило бы ее въ объятія якобинцевъ.

Особенно же онъ убѣждалъ союзниковъ, изъ любви къ королю и патріотамъ, не выказывать никакого сочувствія эмигрантамъ. Въ такомъ случаѣ оставалось только одно: вмѣшаться, но зато самымъ серьезнымъ образомъ, въ дѣла терроризма.

Его совѣты были напрасны.

Манифестъ 25 іюля, составленный какимъ-то маркизомъ Лимономъ въ духѣ самыхъ ожесточенныхъ эмигрантовъ и въ несчастную минуту подписанный герцогомъ Брауншвейгскимъ, доказалъ, что здѣсь не могли оцѣнить этихъ разумныхъ предложеній.

Манифестъ угрожалъ всей французской націи ни болѣе, ни менѣе, какъ истребленіемъ всѣхъ мѣстечекъ, городовъ и деревень, съ Парижемъ на первомъ планѣ, если, хотя въ чемъ-нибудь, не будетъ оказано должнаго благоговѣнія къ королю и его семейству. Эти угрозы казались тѣмъ болѣе вздорными, что лучшее время къ нападенію, въ маѣ, послѣ позорныхъ апрѣльскихъ событій, было уже упущено, и всѣ нерасположенные къ войнѣ, съ герцогомъ во главѣ, могли сообразить теперь, что военныя силы, на которыя приходилось рассчитывать, далеко меньше условленныхъ. Австрія обѣщала болѣе 100,000 человѣкъ, а въ дѣйствительности на верхнемъ Рейнѣ и въ Нидерландахъ у нея было всего какихъ-нибудь 70,000. Стало-быть, вмѣсто необходимыхъ для завоеванія Франціи 110,000, теперь, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, имѣлось подъ рукой всего 80,000 съ чѣмъ-нибудь.

Этого было слишкомъ мало для такого времени, когда нельзя было оставлять крѣпостей въ тылу; а за отчисленіемъ войска (какъ обыкновенно дѣлалось) для прикрытія границъ отъ Брюсселя до Страсбурга и для наблюденія за крѣпостями, осталась бы боевая армія всего въ 50,000 человѣкъ.

Непріятель не мѣшалъ наступленію на Францію, начавшемуся изъ Кобленца въ послѣдніе дни іюля, и тѣмъ не менѣе оно совершалось чрезвычайно медленно. Причиной первой 8-ми дневной остановки у Трира и Конца (5—12 августа) была неповоротливость въ багажной и провіантской части. Мука, изъ которой въ Шампани пекли хлѣбы для прусской арміи, молотась въ Магдебургѣ: тогдашнее господство мелкихъ государствъ въ Германіи не позволяло поступать иначе, а правильная реквизиціонная система еще не была извѣстна. Другая, 4-хъ дневная, остановка у Монфора (14—18 августа) произошла отъ тяжелыхъ сомнѣній, вызванныхъ извѣстіемъ о событіяхъ 10 августа и о плѣненіи короля, котораго хотѣли освободить.

Въ мрачномъ, далеко не бодромъ настроеніи духа перешли 19 числа границу. Здѣсь одинъ случай освѣжительно подѣйствовалъ на войска. Толпа непріятеля, столкнувшись съ прусскимъ авангардомъ, разбѣжалась при первомъ выстрѣлѣ и открыла свободный проходъ въ Лонгви. Между населеніемъ нашлись такіе, что ликовали, избавившись отъ якобинцевъ: но не было ни одного, кто бы поблагодарилъ за это Пруссакъ или французскихъ принцевъ, бывшихъ въ ихъ свитѣ.

Крѣпостью Лонгви овладѣли 23 августа, Вердюномъ—2 сентября. Оба города были въ плохомъ состояніи, а населеніе послѣдняго съ роялистическимъ образомъ мыслей. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не могъ еще заключить по этимъ легкимъ успѣхамъ, что вѣрны рассказы эмигрантовъ о восторженной встрѣчѣ освободителей. Гораздо сильнѣе подѣйствовало на солдатъ то обстоятельство, что застрѣлился комендантъ Вердюна, Бореперъ, принужденный жителями къ сдачѣ города, а удалявшійся гарнизонъ кричалъ Пруссакамъ: «*A revoir aux champs de Chalons*»!

Герцогъ вовсе не скрывалъ своей досады на эмигрантовъ, рассказамъ которыхъ не вѣрили Пруссакъ. Онъ теперь совершенно серьезно вернулся къ своей прежней мысли—ограничиться въ этомъ первомъ походѣ Маасомъ и взятіемъ крѣпостей, по этой рѣшкѣ заложить прочный фундаментъ для втораго, основательнѣе рассчитаннаго похода. Правильно ли это было съ военной точки зрѣнія, это еще не рѣшено специалистами. Но въ политическомъ отношеніи тутъ, навѣрное, была сдѣлана ошибка, такъ какъ нужно было во время нанести быстрый, смертельный ударъ извѣстной партіи, изъ рукъ которой хотѣли вырвать жертву.

Такая методическая война была просто невозможна для короля Фридриха-Вильгельма II. Онъ настаивалъ на дальнѣйшемъ наступленіи, и герцогъ, по своему обыкновенію, уступилъ, т. е. смолчалъ, но рѣшился такъ исполнить желаніе короля, чтобы все-таки остаться правымъ.

Пруссакъ ничего не знали объ ужасномъ разстройствѣ французскаго лагеря. А здѣсь еще страдали отъ тяжелыхъ послѣдствій 19 августа, когда непріятель вступилъ уже на почву Франціи. Здѣсь господствовала анархія между предводителями, что и не могло быть иначе, благодаря событіямъ

до бѣгства Лафайета и послѣ него. Здѣсь не доставало дисциплины у солдатъ: загадочнымъ образомъ пропали цѣлыя тысячи, которыя по необходимости приходилось замѣнять совершенно необученными волонтерами *). Прибавьте къ этому самое жалкое вооруженіе и продовольствіе, недостатокъ во всемъ и безпорядокъ повсюду.

Единство въ предводительствѣ явилось не раньше 18 августа, когда во главѣ сѣверной арміи сталъ Дюмурье, умѣвшій ловко ладить съ якобинцами. Но у него, вмѣстѣ съ Келлерманомъ (смѣнившимъ стараго Люкнера), было въ распоряженіи всего 60,000 человекъ далеко не равнаго достоинства. Какъ офицеръ, новый главнокомандующій былъ мужественъ, талантливъ и предприимчивъ; но какъ предводитель, онъ строилъ лишь воздушные замки. Въ ту минуту, когда линія по Маасу отчасти была уже потеряна, а отчасти близка къ гибели, онъ все еще носился съ своими старыми завоевательными планами относительно Бельгіи. Уже военный министръ Серванъ принужденъ былъ указать ему, что развязка компаніи—въ Аргонскомъ лѣсу. Разумѣется, это не мѣшало ему впослѣдствіи приписать себѣ честь открытія этихъ, какъ онъ выражался, «*Термопилъ Франціи* **»).

Герцогъ Брауншвейгскій стоялъ на 6 миль ближе къ Аргонскому лѣсу ***), чѣмъ Дюмурье. Овладевъ онъ во-время проходами на высотахъ между Вердюномъ и С. Менху (Menehould), и, какъ увѣряютъ знатоки, Франція очутилась бы въ отчаянномъ положеніи; но онъ побоялся непоследовательности въ своемъ строго методическомъ образѣ дѣйствій и далъ Французамъ возможность подоспѣть ему навстрѣчу.

4 сентября Дюмурье, отправившись изъ Седана, достигъ Аргонскаго прохода въ Гранпре, а на другой день Дильонъ изъ Менху дошелъ до прохода въ Илетѣ (Islettes). Дюмурье торжествовалъ: въ своемъ воображеніи онъ уже гнался по пятамъ за бѣгущими Пруссакими и совершенно упустилъ изъ виду, что собственно только теперь предстоитъ развязка.

Герцогъ допустилъ врага обойти съ сѣверо-запада свою позицію у Гранпре. 12 сентября Пруссакими, подѣ предводительствомъ Калькрейта, подали

*) Между волонтерами 1792 года и ихъ выборными офицерами было много позднѣйшихъ героевъ Наполеоновскаго времени: Гувьонъ, С. Сиръ, Журданъ, Ланъ, Лекурбъ, Массена, Моро, Мортъе, Удино, Сугамъ. Mortimer-Ternaux, t. I. III.

**) Mémoires, II, 391 sqq.

***) Въ Шампани, между Марной и Маасомъ, лежитъ горная и лѣсистая мѣстность, весьма важная въ стратегическомъ отношеніи, именуемая Аргонскимъ лѣсомъ. Центръ ея составляетъ С. Менху. Близъ этого городка, къ юго-западу, находится Бальми; а къ сѣверо-востоку идутъ по одной линіи Гранпре и Седанъ. Эта линія, упирающаяся въ Маасъ близъ бельгійской границы, прорѣзывается двумя цѣпами горныхъ отроговъ. Къ востоку отъ нея, за Маасомъ, подлѣ самой Бельгіи, расположенъ Лонгви. Ред.

руку австрійскому корпусу Клерфе при Брикне, на сѣверѣ отъ Гранпре. Счастливый натискъ Австрійцевъ на лѣсной проходъ *Scoix aux bois* 13 числа открылъ путь въ тылъ французскаго лагеря при Гранпре, и послѣдній не могъ удержаться. Въ ночь съ 14-го на 15-е онъ былъ очищенъ.

Отступление Дюмурье изъ этого лагеря неизбежно перешло бы въ катастрофу, еслибы, не говоря уже про 2 эскадрона прусскихъ гусаръ, которыхъ было достаточно, чтобы разсѣять цѣлыя тысячи непріятеля, пустили въ дружное преслѣдованіе хотя одну пѣхоту авангарда. Въ такомъ случаѣ Дюмурье пришлось бы весьма плохо. Но герцогъ опять не допустилъ до битвы. Онъ былъ слишкомъ занятъ печеньемъ хлѣбовъ для своихъ солдатъ, и потому Дюмурье невредимо ускользнулъ въ С. Менху.

Тутъ онъ устроилъ новый лагерь и, подъ прикрытіемъ Дильона, стоявшаго у Илетскаго прохода, стянулъ къ себѣ боевыя силы Берноввиля и Келлермана. Уже 19 сентября у него стояло въ довольно выгодной позиціи 60,000 человѣкъ, противъ которыхъ Пруссакки могли выставить только 39 или 40 тысячъ.

Герцогъ придумалъ подробный, методическій маневръ, какъ не выбить, а вытѣснить Французовъ изъ этой позиціи. Но король, подъ вліяніемъ ложнаго извѣстія о намѣреніи Французовъ уйдти въ Шалонъ, потребовалъ немедленнаго нападенія, опасаясь, какъ бы они опять не ускользнули. Хотя прусская армія была и не велика, за нее нечего было бояться, такъ какъ, сравнительно съ разнымъ сбродомъ непріятельской толпы, не бывшей еще ни разу въ дѣлѣ, перевѣсъ, разумѣется, былъ бы на сторонѣ ея старыхъ, опытныхъ солдатъ, жившихъ преданіями великаго прошлаго.

Итакъ, утромъ 20 сентября было сдѣлано нападеніе на высоты Вальми, гдѣ Келлерманъ расположился довольно далеко отъ Дюмурье.

Войска были въ восторгѣ, что наконецъ-то дѣло дошло до боя. На артиллерійскій огонь непріятеля, привѣтствовавшій нападающихъ, Пруссакки отвѣчали такъ дружно, что въ одну минуту разсѣяли французскую колонну, выступившую подъ начальствомъ Шазо. Во время канонады у Келлермана взорвало 2 пороховые ящика, что произвело неописанное смятеніе. Паническій страхъ охватилъ молодыхъ солдатъ, и, еслибы теперь ударить въ штыки, пораженіе Французовъ было бы неизбежно. Съ этимъ согласны всѣ ихъ собственные генералы.

Въ 11 часовъ сформировались прусскія наступательныя колонны. Жаждавшіе битвы солдаты нетерпѣливо ждали сигнала къ нападенію. Но его не послѣдовало. Въ этотъ послѣдній моментъ герцогъ восторжествовалъ надъ королемъ. Дѣло ограничилось одною сильной канонадой, стоившей больше крови, чѣмъ требуется въ правильномъ штурмѣ. Молодымъ офицерамъ, готовымъ съ досады переломать свои шпаги, оставалось довольствоваться утѣшеніемъ Гёте: они были свидѣтелями всемірно-историческаго дня.

Вечеромъ обѣ стороны стояли тамъ же, гдѣ и утромъ. Пруссакки считали

это позоромъ, Французы—знаменитою побѣдой: вѣдь въ первый еще разъ не разбѣжались ихъ молодые солдаты. Жалкая утренняя робость была забыта: ее смѣнила надменная самоувѣренность побѣдителей.

Такой случай, какъ только-что упущенный, больше не повторился для Пруссаковъ. У нихъ не было недостатка въ средствахъ отважиться на новый смѣлый ударъ, который могъ бы значительно поправить ихъ ошибку; но это нужно было сдѣлать немедленно, нето весь походъ пропалъ.

Дюмурье именно опасался чего-нибудь подобнаго и съумѣлъ спасти. Онъ вступилъ въ переговоры. Онъ надѣялся черезъ нѣсколько дней усилить свое войско до 80,000 человекъ и рѣшился посредствомъ переговоровъ достигнуть необходимаго для этого перемирія.

Въ прусскомъ лагерѣ, среди самыхъ близкихъ къ королю лицъ, еще до начала враждебныхъ дѣйствій, всего болѣе было распространено убѣжденіе, что какой-угодно миръ лучше войны съ такою союзницей, какъ Австрія. Теперь, когда исчезли уже всѣ иллюзіи, оно выступило еще сильнѣе. Дюмурье узналъ объ этомъ, и тутъ-то сталъ ковать свою интригу. Цѣлымъ толпамъ солдатъ изъ Лотарингіи и Эльзаса наказано было увѣрять передовые прусскіе посты, что Франція любитъ Пруссію и ненавидитъ Австрію. Самъ же Дюмурье опутывалъ въ это время довѣреннаго короля, полковника Манштейна, лестью и разными приманками и, наконецъ, открыто выступилъ съ прямымъ предложеніемъ французско-прусскаго союза (27 сентября).

Тѣмъ временемъ парижскій конвентъ провозгласилъ республику. Пруссійскій король видѣлъ, что паденіемъ монархіи, которую онъ хотѣлъ спасти, уничтожалась всякая возможность мирнаго посредничества, да, кромѣ того, его возмущала одна мысль о разрывѣ съ Австріей, которую старались внушить ему. Переговоры были рѣзко прерваны, и въ новомъ манифестѣ отъ 28 сентября герцогъ принужденъ былъ говорить съ якобинцами тѣмъ же тономъ, какъ и 24 іюля.

А между тѣмъ 8 дней прошло въ бездѣйствіи. Дюмурье укрѣпилъ свою позицію, значительно усилилъ войско, тогда какъ союзники пострадали отъ голода, непогоды, различныхъ лишеній и потерпѣли большой уронъ въ людяхъ отъ злокачественнаго поноса *).

Кампанія была проиграна. Измученные, упавшіе духомъ солдаты начали 29 сентября отступать по плохимъ дорогамъ и труднымъ проходамъ, которые часто на нѣсколько часовъ загромождались багажемъ и телѣгами.

Отступление было бы въ высшей степени опасно, еслибы непріятель вздумалъ серьезно помѣшати ему, т. е. въ большихъ размѣрахъ повторить

*) «Пруссійскій король попался въ ловушку и умираетъ съ голоду», писалъ Дюмурье къ Бирону отъ 25 сентября.

то, что уже въ послѣдніе дни съ успѣхомъ было испробовано отдѣльными партіями мародеровъ. Но, вмѣсто того, Французы теперь опять принялись за переговоры, а въ прусскомъ лагерѣ схватились за это съ вѣрнымъ инстинктомъ.

Въ теченіе всего отступленія не переставали переговариваться съ коммиссарами конвента объ отдѣльномъ французско-прусскомъ мирѣ. Хотя изъ этого ничего не вышло, но крайней мѣрѣ прусскій уполномоченный, Калкрейтъ, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ союзныя войска отступали преспокойно, точно на маневрахъ.

Такимъ образомъ, черезъ проходы благополучно достигли до самаго Мааса. Но военная хитрость все-таки не имѣла полного успѣха. Герцогъ Брауншвейгскій радовался, добравшись до линіи по Маасу, которую онъ и хотѣлъ удержать за собой, думая въ будущемъ году съ помощью Австріи возобновить оттуда борьбу, какъ вдругъ, въ началѣ октября, корпусъ князя Гогенлоэ былъ отозванъ изъ союзной арміи. При вѣнскомъ дворѣ проснулось старое подозрѣніе къ Пруссакамъ, при первомъ извѣстіи о ихъ переговорахъ съ Французами. Съ удаленіемъ Гогенлоэ уже не хватало силъ удержать за собою даже и то, что герцогъ въ крайнемъ случаѣ считалъ необходимымъ базисомъ для новаго похода. Къ этому присоединились тревожные слухи о вторженіи Кюстина во владѣнія духовныхъ курфюрстовъ, безотрадное положеніе коихъ было всѣмъ достаточно извѣстно.

Итакъ, нужно было совсѣмъ уйти изъ Франціи, и съ этихъ поръ ослабѣвшій союзъ обоихъ государствъ поддерживался лишь общимъ долгомъ чести охранять нѣмецкія государства отъ нападенія санкюлотовъ.

ГЛАВА XIV.

**Національный конвентъ. Выборы. Уничтоженіе монархіи (21 сентября).
Первая борьба между жирондой и партіей горы.**

Подъ впечатлѣніемъ сентябрскихъ ужасовъ, въ законодательномъ національномъ собраніи совершился замѣчательный переворотъ. Жиронда начинаетъ поворачивать назадъ. Она болѣе и болѣе открыто отрекается отъ обогранныхъ кровью демагоговъ ратуши и увлекаетъ большинство собранія къ рѣшеніямъ, которыя, разумѣется, не имѣли дальнѣйшаго успѣха, но тѣмъ не менѣе весьма характеристичны для наступившаго настроенія. О страшныхъ сентябрскихъ дняхъ уже никто не говоритъ; но зато много разсуждаютъ о погранныхъ тогда священныхъ правахъ, которыя на будущее время должны быть охранены отъ повторенія подобныхъ оскорбленій.

Министръ Роланъ кается въ томъ, что дозволилъ Дантону страшно злоупотребить своимъ именемъ при назначеніи департаментскихъ комиссаровъ. Верньо, Керсень, Мезюйе возстаютъ противъ терроризма ратуши и ея бандитовъ, которые совершаютъ во Франціи грабежи и убійства и покрываютъ позоромъ передъ всею Европой святое дѣло свободы.

«Пора, восклицаетъ Верньо, разорвать эти позорныя оковы и раздавить эту новую тиранию! Пусть погибнетъ національное собраніе, пусть угаснетъ самое воспоминаніе объ его имени, если мы снесемъ оскорбленіе, которое кладетъ пятно на имя Французовъ»!

Увлеченное собраніе повторяетъ обѣтъ великаго оратора и тотчасъ же единодушно издаетъ рядъ постановленій противъ произвола комиссаровъ и парижской ратуши.

Затѣмъ 20 сентября объявляется декретъ о возстановленіи порядка и о личной безопасности гражданъ въ Парижѣ.

Одною статьею этотъ декретъ уничтожаетъ комитетъ возстанія въ ратушѣ, постановляетъ въ теченіе трехъ дней произвести новые выборы въ муниципалитетъ и генеральный городской совѣтъ. Двумя другими статьями даетъ, въ первый разъ въ исторіи Франціи, ясныя и твердыя предписанія къ охраненію права домашняго очага и личной свободы.

Теперь домашній очагъ каждого гражданина становится неприкосновеннымъ въ ночное время. Нарушить это не смѣютъ даже во имя закона. Отъ захожденія солнца до разсвѣта ни въ одномъ домѣ не можетъ быть произведенъ обыскъ, за исключеніемъ того случая, когда преслѣдуется только-что захваченный на дѣлѣ преступникъ. Иначе каждый гражданинъ, коего домашній очагъ будетъ оскорбленъ, вправе сопротивляться подобному насилию всѣми доступными ему средствами; а виновники такого беззаконія преслѣдуются публичнымъ обвинителемъ, какъ посягатели на личную свободу.

Стало-быть, теперь собраніе сознало, что оно сдѣлало, позволивъ Дантону вырвать у него страшное полномочіе на розыскъ ружей по домамъ. Но запоздалое постановленіе на бумагѣ, долженствовавшее поправить эту ошибку, было его лебединою пѣснью. На слѣдующій день составилъ національный конвентъ *).

Выборы въ конвентъ вообще доставили поразительную побѣду умѣреннымъ партіямъ и въ особенности жирондѣ. Это не мало помогло рѣшимости послѣдней смѣлѣе держаться того положенія, въ которомъ мы видѣли ее въ послѣдніе дни сентября.

Изъ членовъ законодательнаго собранія перешло въ конвентъ не менѣе

*) Barante: Convention nationale, I—V. — Mortimer-Ternaux, IV, V (доходитъ до казни короля). — Louvet: Mémoires. — Guadet: Les Girondins. — Alary: Les Girondins par Guadet. Bord. 1863.

181 и даже изъ учредительнаго собранія поступило 77. Несмотря на гнетъ, производимый на массы двойнымъ страхомъ непріятельскаго вторженія и сентябрьскихъ убійствъ, все-таки преобладающее большинство въ департаментахъ избрало частію жирондистовъ, частію стоявшихъ къ нимъ всего ближе «дикихъ». За исключеніемъ Парижа, одинъ сѣверовостокъ могъ представить главнымъ образомъ яacobинскіе выборы; но и здѣсь былъ необходимъ крайній терроризмъ для доставленія побѣды «патріотамъ».

Даже и въ Парижѣ яacobинцы знали, что произойди, согласно съ закономъ, тайные выборы по запискамъ, и поражение ихъ неизбежно. Поэтому секціи рѣшили просто подавать голоса публично и словесно *).

Но даже и теперь не довѣряли избирателямъ. Подачу голосовъ назначили въ яacobинской залѣ, въ присутствіи верховнаго народа, готоваго броситься съ кулаками на всякаго подозрительнаго. Если же и тутъ проскользнулъ бы какъ-нибудь непріятный выборъ, секціи удерживали за собою право исключить не нравившагося имъ кандидата.

Такимъ образомъ, при иниціативѣ Колло и Робеспьера выбрали въ конвентъ парижскихъ террористовъ. По одному знаку Робеспьера, депутатомъ Парижа сталъ также его младшій братъ, проживавшій въ Аррасѣ въ полной безвѣстности.

Терроръ, стало-быть, все-таки не произвелъ должнаго дѣйствія. Франція протестовала противъ сентябрьскихъ героевъ и осудила бы ихъ, не будь террора, пренебрегавшаго всякимъ закономъ и стыдомъ.

Конвентъ до нѣкоторой степени обязался передъ своими избирателями уже съ самаго начала разойтись съ сентябрьскими убійцами. Поэтому-то вопросу и происходитъ тотчасъ же раздѣленіе партій. Жиронда принимаетъ на себя, во имя общественной совѣсти, роль обвинительницы. Она защищаетъ отвращеніе провинцій къ деспотизму парижскихъ демагоговъ и стоитъ теперь, какъ консервативная правая сторона, противъ анархической лѣвой. За нее огромное большинство; но ей, съ одними своими словами, не угнаться за дерзкими поступками живаго меньшинства.

Первые выборы, предпринятые собраніемъ для своего устройства, обнаружили тотчасъ перевѣсъ умѣренныхъ. Въ предѣдатели почти единогласно выбрали Петіона, а въ секретари Кондорсе, Бриссо, Верньо, Ласурса, Рабо С. Этьена и Камю.

При началѣ преній 21 сентября посыпались самыя разнообразныя предложенія, относившіяся частію къ новой конституціи, частію къ управленію.

*) То же произошло въ Мо, и именно на другой день послѣ умерщвленія убійцами семи священниковъ. Вообще «патріоты» провели своихъ депутатовъ еще въ 10 департаментахъ.

У Зибеля (I, кн. 4, гл. 3) приведены поразительные факты изъ исторіи выборовъ въ конвентъ, доказывающіе враждебное чувство, которое питали провинціи Франціи къ яacobинцамъ. Ред.

И среди нихъ Колло д'Эрбуа напоминаетъ, что слѣдуетъ безотлагательно принять рѣшеніе, о которомъ до сихъ поръ еще никто не говорилъ. Именно онъ предлагаетъ уничтожить королевскую власть.

Со всѣхъ сторонъ единогласное одобреніе.

Кинель думаетъ, что теперь собственно уже вовсе не нужно такого постановленія. Базиръ находитъ, что по крайней мѣрѣ приличіе требуетъ обсудить его, чтобы не показалось, будто это собраніе «въ минуту энтузіазма» увлекается не довольно взвѣшенными рѣшеніями.

Епископъ Грегуаръ отдѣлывается ихъ обоихъ. Первому онъ замѣчаетъ: «Хотя каждому извѣстно, что искони всѣ династіи были ничто иное, какъ порода лютыхъ звѣрей, питающихся человѣческимъ мясомъ, а потому никто не станетъ ихъ защищать, все-таки полезно торжественнымъ закономъ уничтожить магическую силу, лежащую въ талисманѣ королевской власти».

Второму онъ возражаетъ такъ: «Къ чему совѣщанія, если всѣ согласны? Короли въ нравственномъ мірѣ то же, что чудовища въ природѣ. Дворы—лабораторія преступленій и вертепъ тирановъ. Исторія королей—повѣсть о страданіяхъ народа».

Затѣмъ никто не желаетъ говорить.

Въ глубокомъ молчаніи отбираются голоса и при всеобщемъ восторгѣ объявляется:

«Національный конвентъ постановляетъ уничтоженіе королевской власти во Франціи.»

Это былъ первый и послѣдній случай единомыслія въ собраніи. Когда, 23 сентября, министры Роланъ и Камбонъ докладывали о положеніи государства и одинъ требовалъ строгихъ мѣръ противъ распространяющейся анархіи, а другой помощи въ финансовой нуждѣ*), былъ поданъ сигналъ къ борьбѣ.

На другой день она открылась.

Керсенъ сказалъ: «Пора воздвигнуть эшафоты для убійцъ и ихъ руководителей. Пора отомстить за человѣческія права, оскорбленныя всѣмъ, что происходитъ во Франціи. Чтобы здѣсь возстать противъ убійцъ, быть-можетъ, нужно больше мужества, чѣмъ думаютъ. Но хотя бы мнѣ суждено было пасть подъ ихъ кинжалами, я хочу быть достойнымъ довѣрія моихъ согражданъ».

При оглушительномъ одобреніи значительнаго большинства, онъ требуетъ немедленнаго учрежденія комитета для разслѣдованія положенія государства и столицы и для предложенія мѣръ противъ разбойниковъ и убійцъ.

*) Изъ 2,700 милл. ассигнатовъ, вышущенныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ, оставалось еще 24 милл. Расходы были непомѣрны, а подати уже не уплачивались.

Патріоты ратуши, Тальенъ, Сержанъ, Фабръ, Колло, напрасно хлопчатъ объ отсрочкѣ: всеобщее негодованіе слишкомъ велико.

Особенно глубокое впечатлѣніе произвели слова стараго республиканца, Бюзо. Прежде онъ подавалъ голосъ съ Робеспьеромъ, а теперь говорилъ: «Мое сердце всегда принадлежало республикѣ. Въ 1791 году, когда дрожали при одномъ ея имени, я былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ и подавалъ за нее голосъ. Но это республиканское сердце неспособно смиряться передъ угрозами и насиліемъ людей, коихъ цѣлей и намѣреній я не знаю. Неужели думаютъ, что мы можемъ сдѣлаться рабами какихъ-нибудь парижскихъ депутатовъ?»

По его предложенію, почти единогласно рѣшаютъ назначить 6 комиссаровъ съ тѣмъ, чтобы они: 1) немедленно представили отчетъ о состояніи государства и города и сдѣлали предложенія 2) о законѣ противъ виновниковъ убійствъ и 3) о наборѣ конвентскаго войска изъ 83-хъ департаментовъ.

Вооружившаяся между тѣмъ партія горы нападаетъ на другой день на это рѣшеніе, какъ на первый шагъ къ диктатурѣ или тріумvirату.

Жиронда сбрасываетъ обвиненіе на засѣдающихъ въ ратушѣ. Ласурсъ объявляетъ о своемъ презрѣніи къ деспотизму Парижа надъ Франціей. Столица не должна сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ въ Римскомъ государствѣ древній Римъ: она должна составлять $\frac{1}{3}$ часть націи—и ничего болѣе. Барбару открыто выступаетъ противъ Робеспьера: «Да, говоритъ онъ, здѣсь есть партія, стремящаяся къ диктатурѣ. Это—партія Робеспьера. Его-то я и обвиняю».

Дантонъ и Робеспьеръ впервые выступаютъ противъ обвинителей.

Дантонъ уже не говоритъ съ своею прежнею увѣренностью. Онъ почти отстаётъ отъ своихъ сообщниковъ и приближается къ точкѣ зрѣнія большинства. По его мнѣнію, между демократами собственно только одному можно приписать деспотическое вліяніе, именно Марату, за его сочиненія. Къ его дикости не должно однако относиться слишкомъ строго, такъ какъ она съ нимъ самимъ сыграла плохую шутку. Лично у него, Дантона, нѣтъ ничего общаго съ Маратомъ; напротивъ, уже нѣсколько разъ доходило между ними до стычекъ, что можетъ засвидѣтельствовать Петіонъ.

Робеспьеръ произноситъ одну изъ своихъ невыносимо скучныхъ рѣчей и цѣлый часъ утомляетъ собраніе исчисленіемъ всѣхъ подвиговъ, которыми онъ тогда-то и тогда-то спасъ государство. Сущности обвиненія онъ вовсе не касается.

Послѣ многихъ напрасныхъ усилій, удаётся, наконецъ, говорить Марату.

Собраніе даетъ почувствовать страшному человѣку, возлѣ котораго никто не хочетъ сидѣть, свое полное отвращеніе.

При первомъ его восклицаніи: «Я хочу говорить для обвиненія самого себя!» слышится со всѣхъ сторонъ: «Долой, долой его!» А когда онъ на-

чалъ свою рѣчь: «У меня въ этомъ собраніи много личныхъ враговъ». его прерываютъ крикомъ: «Мы всѣ, мы всѣ!»! Въ отвѣтъ на это Марать презрительно оскаливаетъ зубы. Онъ объявляетъ, что ни у Дантона, ни у Робеспьера, ни у кого не было мысли о триумvirатѣ или диктатурѣ. Онъ одинъ думалъ объ этомъ, какъ о единственномъ средствѣ спасти отечество. И народъ отдалъ ему справедливость, когда ставши самъ диктаторомъ, счумѣлъ избавиться отъ измѣнниковъ *). Уже пролилась кровь 100,000 гражданъ, и еще прольется кровь 100,000, потому что не послушались его вовремя, не назначили диктаторомъ смѣлаго, способнаго человека, чтобы однимъ здоровымъ кровопусканіемъ освободить народъ отъ его враговъ.

«Вотъ мои убѣжденія. Я ихъ напечаталъ, подписалъ свое имя—и не краснѣю. Если вы еще не возвысились настолько, чтобы понять меня, тѣмъ хуже для васъ.

«Меня хотятъ обвинить въ честолюбивыхъ планахъ? Я не унижусь до оправданія. Смотрите на меня, и судите меня. Пожелай я продать свое молчаніе, получить мѣсто, у меня не было бы недостатка въ милостяхъ двора. А какова моя судьба? Я самъ забился въ конуру, осудилъ себя на нищету и на всевозможныя опасности. Кинжалы 20,000 убійцъ носились надо мной, а я, лежа уже на плахѣ, проповѣдывалъ истину». Собраніе содрогнулось отъ отвращенія и презрѣнія, когда Марать оставилъ трибуну.

Слѣдовавшій за нимъ Верньо сказалъ, что для представителя народа несчастіе говорить послѣ человека, который все запятналъ клеветой, желчью и кровью. Онъ прочелъ циркуляръ комитета безопасности, которымъ Робеспьеръ осудилъ на смерть отъ руки убійцъ его, вмѣстѣ съ Дюко, Бриссо, Гаде, Кондорсе, Ласурсомъ и др., какъ наемниковъ герцога Брауншвейгскаго, и затѣмъ поджигательную статью Марата. По окончаніи ея, кто-то вскрикнулъ: «Изверга слѣдуетъ отдать подъ судъ!»! между тѣмъ какъ другіе кричали: «Въ аббатство, въ аббатство его!»!

Марать проситъ не раздражаться противъ него. Онъ читаетъ другую, кроткую статью и вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и грозитъ тотчасъ размозжить себѣ черепъ, если составятъ противъ него обвинительный декретъ. Затѣмъ опять преспокойно прячетъ смертоносное оружіе и говоритъ: «Я останусь среди васъ, чтобы показать презрѣніе къ вашей ярости».

*) «Lorsque les autorités constituées ne servaient plus qu'à enchaîner la liberté, qu'à protéger les complots, qu'à égorger les patriotes avec l'arme de la loi, me ferez vous un crime d'avoir provoqué sur la tête des traîtres la hache vengeresse du peuple? Non; si vous me l'imputiez à crime, le peuple vous dementirait. Car, obéissant à ma voix, il a senti que le moyen que je proposais était le seul qui pût sauver la patrie; et, devenu dictateur lui-même, il a su se débarrasser seul des traîtres». Ред.

Утомленное скандаломъ собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Партіи помѣрились силами. Талантъ, большинство, достоинство и патріотизмъ были на сторонѣ жиронды. Лишь 50 голосовъ принадлежали лѣвой сторонѣ, поведеніе которой было заклеимлено всеобщимъ отвращеніемъ. Но это меньшинство была живая секта, съ полнѣйшимъ единодушіемъ, съ строжайшею дисциплиной, съ крайней безпощадностью и дерзостью. А большинство, не сомкнутое, безъ единства во главѣ и въ частяхъ, постоянно довольное парламентскими побѣдами, достигало, пожалуй, отдѣльных смѣлыхъ постановленій, но никогда не дѣйствовало рѣшительно. Оно, такимъ образомъ, упускало изъ своихъ рукъ, одну за другой, всѣ выгоды своего положенія.

Рѣшенія 24 сентября, вызвавшія такое сильное ожесточеніе партіи горы, это былъ лишь разбѣгъ, за которымъ не послѣдовало прыжка. Дѣло не дошло ни до смѣлаго шага противъ ратуши, хотя теперь даже и предмѣстье С. Антуанъ было противъ установившейся анархіи, ни до образованія настоящаго парламентскаго войска. Захваченная врасплохъ жиронда выпускаетъ изъ рукъ (15 октября) и военный законъ. Когда вскорѣ затѣмъ Барбару, разумѣется, безъ предварительнаго совѣщанія, вноситъ множество предложеній, касательно отсрочки конвента въ извѣстныхъ случаяхъ (*lorsque la représentation nationale aura été avilie*), образованія конвентскаго войска, наказанія заговорщиковъ, уничтоженія муниципалитетовъ и секцій, какъ постояннаго учрежденія, партія распадается. Ея члены борются между собой, кто за предложенія, кто противъ нихъ, и даже подписываютъ оправдательный приговоръ парижской общинѣ. Тутъ уже начинается роль Барера, который безцвѣтными предложеніями посредничества отнимаетъ силу у плановъ жиронды.

При такомъ составѣ партій, даже обвиненіе противъ Робеспьера, принятое сперва очень шумно, могло имѣть лишь жалкій исходъ.

Когда, 29 октября, читался докладъ Ролана о сентябрьскихъ злодѣянiяхъ парижской общины, обо всѣхъ ея убійствахъ и грабежахъ, а Луве горячо напалъ лично на Робеспьера, послѣдній какъ-будто растерялся, и дѣло его казалось проиграннымъ. Онъ просто искривился подъ тяжестью обрушившихся на него обвиненій. Но ему даютъ время опомниться и созвать своихъ приверженцевъ. Якобинскій клубъ точитъ оружіе. 5 ноября послѣдовалъ его отвѣтъ, и положеніе дѣлъ стало уже совсѣмъ иное. Въ немъ самомъ возрастаетъ смѣлость по мѣрѣ сознанія этой переменны и безпомощности противниковъ. Наконецъ, даже и онъ получаетъ оправдательный приговоръ *).

Теперь Колло д'Эрбуа могъ съ торжествомъ воскликнуть въ якобинскомъ

*) Mort. Ternaux, IV, 291—340.

глубѣ: «Намъ больше не зачѣмъ скрывать, что ужасное событіе 2 сентября есть великій членъ символа вѣры нашей свободы»!

Виновники сентябрьскихъ ужасовъ выиграли процессъ въ національномъ конвентѣ. Противники ихъ сдѣлали все, чтобы до крайности раздражить ихъ словами, и ничего, чтобы дѣйствительно наказать ихъ или запугать, ничего для собственной защиты отъ ихъ ярости.

При слѣдующемъ, болѣе важномъ вопросѣ, это рѣшительно отозвалось на судьбѣ самой этой партіи.

Дѣло короля. Юридическій вопросъ.

Вопросъ, что станется съ королемъ, былъ для конвента великимъ жизненнымъ вопросомъ. Въ дѣлѣ Людовика XVI заключался терроризмъ и всемірная война. Съ его ходомъ и окончаніемъ необходимо совпадали всѣ важнѣйшія слѣдствія, къ которымъ могли придти, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла Франціи. Поэтому-то оно представляло великій историческій интересъ.

Все, что касается чисто человѣческихъ симпатій и антипатій, мы оставимъ тутъ въ сторонѣ и обратимъ исключительное вниманіе на политическую и юридическую сторону вопроса.

Совершенно помимо неависти и расположенія къ особѣ короля и къ его достоинству, по закону его нельзя было ни судить, ни казнить. На всѣ сомнительные случаи было обращено вниманіе, частью въ постановленіяхъ національнаго собранія, частью въ конституціи. И самъ король своимъ поведеніемъ сдѣлалъ все, чтобы была взвѣшена всякая возможность столкновенія.

Рядомъ съ конституціей въ 1791 году обнародовали постановленіе о безусловномъ прощеніи за все прошлое. Слѣдовательно, если до 1791 года король и совершилъ какія-нибудь преступленія, то всѣ они подпали подъ амнистію; тѣмъ болѣе, что, вѣдь, тогда онъ былъ еще абсолютнымъ, неограниченнымъ королемъ.

Съ сентября 1791 года конституція такъ опредѣлила положеніе короля, что за каждый сколько-нибудь преступный шагъ отвѣчаютъ лишь его совѣтники, а онъ самъ неприкосновененъ.

Позаботились и объ единственномъ случаѣ, когда примѣненіе этого правила могло стать опаснымъ. Постановили: «Если король и его совѣтники употребятъ враждебныя мѣры противъ націи, призовутъ иностранное войско, то король лишается престола, а на его совѣтниковъ падаетъ вся тяжесть закона».

Теперь рѣчь шла только объ одномъ этомъ случаѣ. Самая большая вина короля заключалась въ сношеніяхъ съ иностранцами. И будь она доказана, наказаніе за нее было только одно, лишеніе трона. т. е. то, кото-

рое теперь уже постигло короля. Не насилуя закона, невозможно было коснуться еще и его особы и жизни.

Разумѣется, многіе уже высказывали мнѣніе, что тутъ вообще слѣдуетъ оставить въ сторонѣ право и судъ, предоставивъ рѣшеніе лишь важнѣйшему изъ всѣхъ законовъ, закону общественнаго блага. Молодая республика, угрожаемая внутренними и внѣшними врагами, не достигнетъ мирнаго процвѣтанія, пока развѣвается знамя всѣхъ ея противниковъ. Она лишь тогда вздохнетъ свободно, когда разобьется послѣдній сосудъ монархіи. Но даже и съ чисто политической точки зрѣнія такая исключительная мѣра вовсе не была способна упрочить республику и изгнать собственно королевскую власть.

Это уже было доказано Англіей. Тамъ также казнили короля, и при совершенно другихъ, отягчающихъ обстоятельствахъ; а королевская власть все-таки возродилась сильнѣе, чѣмъ прежде. Карлъ I боролся съ многовѣковымъ конституціоннымъ порядкомъ, въ прочности коего никто не сомнѣвался, какъ бы ни смотрѣли на его значеніе. Онъ попытался искоренить этотъ установившійся порядокъ въ 11 лѣтъ правленія безъ парламента. Онъ нарушилъ конституцію, которой присягалъ; въ открытой борьбѣ съ нею развилъ самыя опасныя способности—умъ, беспощадную энергію и тонкую хитрость; потомъ попалъ въ руки тѣхъ, кого хотѣлъ уничтожить съ оружіемъ въ рукахъ. Освободить такого монарха значило доставить лагерю противниковъ чрезвычайно опасную силу.

Къ тому же то было XVII столѣтіе. Тогда въ вопросахъ человѣческой жизни были далеко не чувствительны. Въ XVIII же вѣкѣ образованный міръ бредилъ любовью къ людямъ и человѣческому достоинству. Словомъ, то было иное время, иной человѣкъ, иное юридическое положеніе. И, тѣмъ не менѣе, даже въ Англіи ничто такъ не способствовало новому подъему королевской власти, какъ уголовный судъ надъ Карломъ I. Такое искупленіе заставило забыть о грѣхахъ и ошибкахъ этого короля. Тотчасъ же въ странѣ какъ бы возродилось монархическое настроеніе, и 11-лѣтняя дѣятельность Кромвеля была Сизифовой работой надъ погибелью королевской власти, которая, вскорѣ по его смерти, возвратилась въ лицѣ недостойнаго сына того же Карла. Безъ крайней нужды никогда не слѣдуетъ создавать мучениковъ партіи. Мученичество—сѣмя обращенія. Кровь мучениковъ не разъ подымала глубоко навшія партіи.

Во Франціи, съ одной стороны, хорошо сознавали, что по буквѣ и ясному смыслу конституціи вполне безспорна невозможность судить короля. Съ другой стороны, не могли отдѣлаться отъ мысли, что нѣтъ иного средства разъ навсегда уничтожить опасности, представляемыя королевскою властью, и упрочить республику.

Этой мысли не могла поколебать даже огромная разница въ характерахъ Людовика XVI и Карла I, хотя ее положительно слѣдовало принять въ

разсчитать. Карлъ I возбуждалъ иногда ненависть и во всякомъ случаѣ оная; Лудовикъ же XVI вовсе нѣтъ. Все его прошлое—безотрадная картина некоролевской слабости. Онъ заслуживалъ лишь сожалѣнія да глубокаго состраданія. Онъ былъ такъ униженъ, что уже ничто, кромѣ мученической смерти, не могло поднять уваженія къ нему. И вотъ, настала часть, когда изъ 25 милліоновъ 24 почувствовали это чисто-человѣческое соболѣзнованіе о судьбѣ монарха.

Первое заявленіе, прямо указывавшее на судъ короля, принадлежало жирондѣ, не желавшей упустить починъ въ этомъ дѣлѣ.

Валазе, который, 4 мѣсяца спустя послѣ казни короля, лишилъ себя жизни, выступилъ 6 ноября съ первымъ обвиненіемъ противъ Лудовика. Онъ прочелъ длинный, напыщенный докладъ. Въ пошлой формѣ, съ плутовскими приѣмами, подогрѣвалъ онъ все, что газеты давно уже пережевывали до тошноты. Его обвинительный актъ—тряпье, плохая журнальная статья, и больше ничего.

Что касается стиля доклада, то довольно одной выдержки: «Въ чемъ не виноватъ онъ? Передъ вами преступникъ въ свалкѣ со всѣмъ чело-вѣчествомъ. Да, я обвиняю его, какъ лихоимца насчетъ хлѣба, сахара и кофе»!

Точно также, какъ Валазе, говорили уличные демагоги самаго низшаго полета. Обращикъ того, какъ лучшія головы старались тутъ выпутаться изъ юридическихъ затрудненій, представилъ на другой день Меле (Mailhe) въ своей рѣчи.

Первый вопросъ: «Можно ли судить короля за проступки, совершенные имъ на конституціонномъ тронѣ»? по мнѣнію оратора, не требуетъ отъ Французовъ ни объясненій, ни отвѣта. Здѣсь онъ просто рѣшается утвердительно огромнымъ большинствомъ націи. Объясненія предназначаются лишь для незначительнаго количества тѣхъ, кого еще мучить сомнѣніями конституціонная совѣсть. Они предназначаются также для другихъ націй, которыя подвластны еще королямъ и должны поучиться у Французовъ, какъ обращаться съ ними. Они предназначаются наконецъ «для всего чело-вѣческаго рода, который взираетъ на васъ, колеблясь между желаніемъ и страхомъ наказать своихъ тирановъ, и, быть-можетъ, рѣшится на это только по вашему примѣру».

Меле не уклоняется отъ юридическаго вопроса. Онъ приводитъ даже статьи конституціи, въ самомъ крайнемъ случаѣ угрожающія королю только лишеніемъ престола; но онъ находитъ, что въ этомъ-то конституція и несправедлива и, съ высшей точки зрѣнія, не имѣетъ значенія.

«Развѣ неприкосновенность короля, спрашиваетъ онъ, значитъ, что ему дозволяется безнаказанно предаваться самымъ дикимъ страстямъ, если только онъ умѣетъ искусно избѣгать подводнаго камня, сверженія съ престола? Развѣ она значитъ, что король долженъ употреблять свою конституціон-

ную власть для уничтоженія конституціи? Тайно призвавъ въ страну орды иностранцевъ себѣ на помощь, лишивъ жизни тысячи гражданъ и потомъ все-таки потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ противъ свободы, можетъ ли онъ искупить все это потерей скипетра, ненавистнаго ему, потому что онъ не желѣзный? Столько времени предаваемая, столько времени угнетаемая нація не вправѣ-ли страшно отмстить въ минуту своего пробужденія и подать всему міру великій примѣръ?»

Иначе, конституція поставила бы отдѣльное лицо выше закона. Но это еще Руссо провозгласилъ преступленіемъ. Слѣдовательно, конституція неправа. Сверженіе короля—не наказаніе, какъ говорятъ его защитники. Оно было бы наказаніемъ, если бы сохранилась конституція; но нація измѣнила ее въ силу своего неотъемлемаго права на самоопредѣленіе. «Король существовалъ лишь по милости монархической конституціи. Первый порывъ націи къ республиканской конституціи уничтожилъ и короля». Остался лишь преступникъ, и передъ нимъ стоитъ верховная нація.

Ея право судить короля вытекаетъ изъ сущности общественнаго договора, посадившаго его на престолъ. Поэтому оно выше и священнѣе всякаго письменнаго закона. А призванный судебный комитетъ этой націи—конвентъ.

«Развѣ вы не видите, какъ народы земнаго шара, какъ всѣ существующія и будущія поколѣнія тѣсняются вокругъ васъ, ожидая въ нетерпѣливомъ безмолвіи приговора, который покажетъ бы имъ: можетъ-ли когда-нибудь призванный исполнитель законовъ стать независимымъ отъ творцовъ закона? Даетъ ли королевская неприкосновенность право безнаказанно душить гражданъ и общество? И что такое монархъ? Богъ ли, карающую десницу коего благословляютъ, или человѣкъ, наказуемый за преступленія?»

Обратившись въ судью Карла I, англійскій парламентъ, дѣйствительно, превысилъ свою власть. По тогдашнимъ законамъ Англіи палата общинъ была лишь одною изъ трехъ конституціонныхъ властей. Она не могла ни судить короля, ни дозволить суда надъ нимъ. Ей слѣдовало дѣйствовать, какъ законодательному собранію: она должна была пригласить англійскую націю къ образованію конвента. Сдѣлай она это, и пробилъ бы послѣдній часъ королевской власти въ Англіи. Не то во Франціи. Тутъ республику вполнѣ представляетъ конвентъ, пользующійся во имя націи всѣми верховными правами.

Въ заключеніе ораторъ напоминаетъ о словахъ Монтескье: «У самыхъ свободныхъ народовъ встрѣчается необходимость накинута покровъ на свободу, словно на изображенія боговъ... Въ государствахъ, всего больше дорожащихъ свободой, есть законы, оскорбляющіе ее относительно отдѣльнаго лица».

Такъ думала и говорила жиронда, желавшая лишь судить, а не убивать короля. Но она доводила дѣло прямо до цареубійства и не имѣла духу сказать открыто, что именно задумала. Такъ поступаютъ лицеиры и со-

фисты, для которыхъ нѣтъ достаточно строгаго осужденія. Жиронда играла всеми тѣми фразами, которыя въ другихъ устахъ стали ужаснѣйшею истиной для нея самой. Поэтому она и заслужила вполнѣ участь, постигнувшую ее впослѣдствіи. Ея точка зрѣнія неопредѣленна здѣсь, какъ и вездѣ, что вытекало не столько изъ легкомыслія и заблужденія отдѣльных лицъ, сколько изъ неясности и противорѣчій въ ея взглядѣ вообще.

Идеальная республика, которой первоначально желали жирондисты, была сама по себѣ бессмыслица. Дѣйствительная же, созданная къ ихъ ужасу, съ ихъ же помощью, переросла ихъ. Какъ оппозиція шаткому трону, они чувствовали подъ собою почву; но какъ оппозиція силамъ, ими самими вызваннымъ, они утратили устойчивость. Изъ всѣхъ ихъ смутныхъ понятій ни одно не имѣло такихъ роковыхъ послѣдствій, какъ то, которое заключалось въ дѣлѣ короля.

Они дѣлаютъ все возможное, чтобы достигнуть суда надъ королемъ. При этомъ большинство изъ нихъ намѣрено держать его, какъ заложника, между тронъ и эшафотомъ, поступать съ нимъ, какъ со средствомъ для переговоровъ, какъ съ добычей. Но вотъ партія горы говоритъ, наконецъ: «Ну, убьемъ его!» и они отступаютъ съ трепетомъ: такъ далеки были они отъ этого!

Въ засѣданіи 13 ноября Мориссонъ и Фоше выступили за короля.

Первый строго держится юридической почвы, конституціи 1791 года. Онъ опровергаетъ всѣ мнимыя основанія, которыя старались вывести изъ естественнаго права необходимой обороны. «Развѣ мы въ борьбѣ? Нѣтъ: тотъ, въ кого метять, теперь обезоруженъ, беззащитенъ, лишенъ всякой возможности вредить. Никого нельзя осудить иначе, какъ въ силу уже существующаго закона. Пока мнѣ не покажутъ буквально подходящаго текста закона, противъ котораго провинился Лудовикъ, я буду говорить: вы не можете судить его».

Фоше совѣтуетъ щадить дни короля, имѣя въ виду цѣлесообразность.

«Пусть его живетъ, какъ ходячее свидѣтельство проклятія, которому обречена королевская власть. Пока идея монархіи покоится на его главѣ, аристократы не сгруппируются вокругъ него: они ненавидятъ и презираютъ его за слабость. Но если мы повлечемъ его на мѣсто казни, то дадимъ заговорщикамъ новое орудіе въ руки».

Не такъ, какъ жирондисты, высказывается 3 декабря Робеспьеръ. Безъ двусмысленности, безъ увертокъ, объявляетъ онъ съ достойнымъ признаніемъ прямодушіемъ: «Собраніе безъ своего вѣдома уклонилось отъ истиннаго вопроса. Тутъ нѣтъ никакого судебного дѣла: Лудовикъ—не подсудимый, а вы не судьи. Вы государственные люди, представители націи и не можете быть ничѣмъ инымъ. Ваше дѣло не произносить судебный приговоръ въ пользу или противъ извѣстнаго человѣка, а принять мѣры ради об-

ественнаго блага, выполнить роль національнаго провидѣнія*). Людовикъ долженъ умереть, чтобы жила республика».

Это было логически-ясно обдуманно и честно высказано. Что толковать о правосудіи, когда собираешься совершить юридическое убійство! *Salus publica suprema lex esto* (**,—такова была мысль всѣхъ, вообще желавшихъ судить короля. Одни лицемѣры могли скрывать это, одни тупоголовые могли не понимать этого.

За Робеспьеромъ другой изъ партіи горы рассказалъ исторію о морскомъ путешествіи. Въ ней вѣроломный капитанъ уличается въ желаніи предать свой экипажъ корсарамъ.

«Французы! воскликнулъ ораторъ. Этотъ вѣроломный капитанъ соткалъ свою измѣну при договорѣ въ Пильницѣ. Онъ на вашу гибель вступилъ въ заговоръ съ Вѣнскимъ дворомъ. Онъ содержалъ въ Кобленцѣ враждебную революціи армію и до признанія конституціи, и во время этого признанія, и послѣ него. Я требую казни измѣнника капитана, Людовика XVI!»

Собраніе не возвысилось до кровавой логики Робеспьера, чтобы тотчасъ же нанести ударъ открытою силой. Оно рѣшило разыграть съ Людовикомъ передъ конвентомъ комедію судебного процесса.

Перемѣна въ жирондѣ. Допросъ.

Въ ноябрьскихъ рѣчахъ жирондистовъ очертилась партія безъ программы, безъ вождей, безъ связи. Одни, дѣйствительно, думаютъ о казни, другіе говорятъ о кротости, третьи строго держатся законной почвы. Вначалѣ тутъ все хаосъ. Лишь постепенно выясняются взгляды, упрочивается направленіе партіи. Ораторы горы слишкомъ осязательно раскрыли, куда стремятся ихъ политика, черезчуръ ясно доказали, что смерть короля—не конецъ, а начало новаго безконечнаго кровопролитія, что эта новая фаза революціи поглотитъ и жиронду.

И, вотъ, жиронда начала въ глубокой тайнѣ осторожно пріостанавливаться и измѣняться, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что спасеніе короля—ея собственное спасеніе. Этотъ переворотъ чрезвычайно замѣчателенъ. Цѣлый ноябрь старались раздуть ненависть къ «тирану» и доказать право націи на судъ надъ нимъ; а теперь вдругъ потребовали, чтобы его хотя и привлекли къ суду, но не осуждали.

Тутъ имѣли вліяніе какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла.

*) Une mesure de salut public à prendre, un acte de providence nationale à exercer.

**) «Общественное благо—верховный законъ». Ред.

Когда якобинцы партіи горы увидѣли, что пренія затягиваются и грозятъ стать нескончаемыми, они пустили въ ходъ свою старую, обычную пружину.

Появились бурныя петиціи, требовавшія скорой расправы съ королемъ и угрожавшія, въ противномъ случаѣ, возстаніемъ народа во всемъ его величіи. Старое оружіе, которое жиронда употребляла нѣкогда противъ короля, обратилось теперь противъ нея самой. Не было недостатка въ подозрѣніяхъ, клеветахъ, угрозахъ медлителямъ-измѣнникамъ.

Уже это давало матеріалъ для размышленія. А тутъ послѣдвали указанія и извѣ, положившія конецъ колебанію жирондистовъ, не оставлявшія имъ выбора. Въ ихъ планы вовсе не входила безконечно продолжительная война. Благодаря послѣднимъ успѣхамъ на востокѣ и сѣверѣ, они могли теперь прекратить ее не только съ честью, но еще съ приобрѣтеніемъ клочка для округленія своихъ границъ. Они намѣревались согласиться на приличный миръ, чтобыосоюзиться, если возможно, съ какимъ-нибудь не абсолютнымъ государствомъ.

Стало-быть, въ ихъ планы входилъ союзъ съ Англіей. Они уже толкнулись съ нимъ тогда не только къ министрамъ, но и къ выдающимся вождямъ нижней палаты.

Фоксъ и другіе знаменитые политики Великобританіи, порой бравшіе подъ свое покровительство революцію противъ фанатическихъ выходокъ Борка, шли въ этомъ случаѣ имъ навстрѣчу. Однако они рѣшительно объявили, что, если король будетъ умерщвленъ, имъ невозможно будетъ хоть сколько-нибудь дѣйствовать заодно съ ними.

Такимъ образомъ, смерть короля равнялась для жирондистовъ всемірной войнѣ извѣ и господству террора внутри. Ни того, ни другаго они никогда не желали и не могли желать. Имъ оставалось измѣниться. Сначала имъ такъ нравилась мысль обойтись съ жизнью своего короля, какъ нѣкогда Шотландцы обошлись съ жизнью Карла I. Эта мечта теперь исчезла. Оставалось: или, или...

Такъ-то дошли вожди жиронды до рѣшенія соединить свою судьбу съ судьбою короля. Конечно, не имъ, столь страстно до сихъ поръ нападавшимъ на короля за его преступленія, было предлагать теперь вопросъ о его безнаказанности. Они напали поэтому на слѣдующій выходъ: конвентъ судить короля, а приговоръ конвента судить нація, спрошенная въ первоначальныхъ собраніяхъ. Отъ конвента жиронда ожидала осужденія, а отъ націи оправданія короля даже въ томъ случаѣ, еслибы она сама подала голосъ за смерть. Этимъ надѣялись, по крайней мѣрѣ, выиграть время и больше прежняго возстановить свою власть внутри страны. Противъ этого нельзя было ничего возразить и съ точки зрѣнія Руссо *).

*) По словамъ Гаде (II, 93), его дядя сказалъ своей женѣ: «Я сдѣлаю все возможное для спасенія жизни Лудовику XVI. Онъ наша послѣдняя защита.

Дѣло вступаетъ поэтому, съ 10 декабря, въ новую стадію. Жиронда все больше и больше становится на сторону защитниковъ короля. Но ея единственный успѣхъ—начало борьбы съ партіей горы, борьбы, которая не спасла короля и, сверхъ того, окончилась ея собственною гибелью.

Уже первая, хорошо подготовленная попытка Гаде (10-го декабря) окольными путями, какъ контрабанду, провести принципъ «воззванія къ первоначальнымъ собраніямъ» (*appel aux assemblées primaires*) поднимаетъ бурю среди партіи горы, предъ которой отступаетъ жиронда.

Вечеромъ того же дня Линде предлагаетъ обвиненіе Лудовика Капета. На другой день, не задолго до появленія короля у рѣшетки собранія, Барбару прочитываетъ точный реестръ (*acte énonciatif*) всѣхъ преступленій и предательствъ «послѣдняго короля Французовъ».

Много открытій ожидали обвинители отъ бумагъ потайнаго желѣзнаго шкафа, о которомъ въ послѣднее время сообщилъ министръ Роланъ. Но не оказалось ничего, что могло бы поразить насъ. Письма королевскихъ братьевъ, черновые отвѣты на нихъ не обнаружили ничего новаго. Новостью было лишь разъясненіе отношеній Мирабо ко двору. Вслѣдствіе этого собраніе рѣшило выбросить его статую изъ Пантеона въ клоакъ. Отсюда само собою вытекало позднѣйшее перенесеніе статуи Марата изъ клоака въ Пантеонъ.

Матеріалъ для обвиненій, конечно, почерпали изъ условной басни (*fable convention*), въ которую якобинцы передѣляли французскую исторію, начиная съ мая 1789 года. Въ ней каждая политическая ошибка короля клеймилась именемъ государственнаго преступленія, каждое его двусмысленное колебаніе называлось черною измѣной, а всѣ несчастія французской арміи и всѣ низости демагоговъ вмѣнялись ему въ личную вину.

Ничего не забыли. 20-го іюня 1789 года король хотѣлъ помѣшать засѣданію общинъ. 23-го происходило королевское засѣданіе, въ которомъ онъ приказалъ голосовать по сословіямъ. 11-го іюля онъ созвалъ извѣстное реакціонное министерство, и не тотчасъ утвердилъ постановленія 4-го августа. Привлекъ къ себѣ на службу Мирабо. Пытался убѣжать. Молчалъ о пильницкихъ объясненіяхъ, и ничего не дѣлалъ при возмущеніяхъ въ Арлѣ, Нимѣ, Жоли, Монтобанѣ. Помощь эмигрантамъ, связи съ братьями, нерадѣніе объ арміи, флотѣ и колоніяхъ, враждебныя дѣйствія его дипломатическихъ агентовъ, запретъ на постановленіе о священникахъ, образованіе королевской гвардіи, сохраненіе Швейцарцевъ, оборона 10-го августа, — вотъ списокъ преступленій, составленный противъ него послѣ пятинедѣльныхъ работъ.

Его голова увлечетъ въ своемъ паденіи и наши. Но для этого у насъ лишь одно средство,—воззваніе къ народу. Если оправдаемъ короля мы, чернь у насъ на глазахъ задушить его».

По прочтеніи обвинительнаго акта (11-го декабря), Лежандръ изложилъ церемоніаль, съ которымъ судъ долженъ принять обвиняемаго: «Пусть подсудимый содрогнется отъ гробоваго молчанія»!

Король явился не сейчасъ. Чтобы наполнить промежутокъ, Манюэль предложилъ: «Такъ какъ не должно казаться, будто конвентъ занимается однимъ королемъ, то пусть онъ обсудитъ пока законъ противъ эмигрантовъ». Уже готовы были приняться за дѣло, какъ вошелъ Сантеръ и доложилъ, что Лудовикъ Капетъ у двери въ залу.

При глубокой тишинѣ вошелъ король. Всклоченная борода, блѣдныя, впалыя щеки, безпорядокъ въ одеждѣ свидѣтельствовали, что передъ конвентомъ былъ преступникъ, которому не очень хорошо жилось въ Тамплѣ. Предсѣдалъ въ палатѣ Бареръ, бывшій въ 1789 году конституціоналистомъ. Онъ прошелъ всѣ отѣнки измѣнчиваго времени. Вчерашній жирондистъ, онъ собирався теперь перейти въ партію горы. Его блестящій талантъ говорить и писать дѣлалъ его драгоцѣннымъ для всѣхъ партій. За умѣнье, съ какимъ онъ облакалъ потомъ въ цвѣтистыя рѣчи всѣ кровавыя распоряженія терроризма, Боркъ прозвалъ его «Анакреономъ гильотины». И сегодня у него не было недостатка въ умѣстныхъ выраженіяхъ, когда онъ обращалъ вниманіе собранія на появленіе «бывшаго (сi-de-vant) короля». «Европа смотритъ на васъ, сказалъ онъ, исторія записываетъ ваши мысли и дѣла».

«Лудовикъ! обратился къ королю Бареръ. Французская нація обвиняетъ васъ. Вамъ прочтутъ изложеніе проступковъ, въ которыхъ вы уличаетесь. Можете сѣсть».

Обвинительный актъ читается статья за статьей. При каждой изъ нихъ подсудимый приглашается возражать на обвиненіе. Обыкновенно и самому дюжинному преступнику сообщаютъ за много дней до допроса, въ чемъ его обвиняютъ, чтобъ онъ приготовился къ защитѣ. Королю же приходилось импровизировать свое оправданіе. Лудовикъ XVI сдѣлалъ это вполнѣ спокойно и съ холоднымъ присутствіемъ духа. Вообще онъ уничтожилъ обвиненіе въ двухъ словахъ. Во всемъ предшествующемъ конституціи онъ совершенно вѣрно ссылался на право своей, тогда еще неограниченной, верховной власти надъ государствомъ и войскомъ, во всемъ послѣдующемъ — на отвѣтственность своихъ министровъ.

Ни разу въ жизни онъ не владѣлъ собою лучше, чѣмъ теперь. То было, свойственное ему, пассивное мужество, вытекавшее изъ его чистой совѣсти и набожности. Въ эту-то минуту онъ былъ всего больше королемъ.

По окончаніи допроса королю дозволили выбрать себѣ защитника. Онъ указалъ на двухъ извѣстныхъ адвокатовъ, Тарже и Тронше. Первый отказался въ героическомъ посланіи, подписанномъ: «Республиканецъ Тарже». Другой же согласился. Съ нимъ вмѣстѣ выступилъ неожиданно, какъ волонтеръ, бывшій сослуживецъ Тюрго, старый великодушный Малербъ.

Въ письмѣ къ президенту *) онъ просилъ чести «защищать того, кто былъ его господиномъ, кто два раза призывалъ его къ себѣ въ совѣтники, когда этой должности еще всѣ добивались».

Тронше и Малербъ, оба пожилые, избрали себѣ въ помощники и ораторы молодаго, даровитаго адвоката Десеза (Desèze) изъ Бордо.

Онъ говорилъ 26-го декабря.

Его защитительная рѣчь вытекла изъ одной опредѣленной мысли, которая и проведена въ ней съ юридическимъ совершенствомъ. Въ первой общей части доказывается невозможность судить короля. Затѣмъ, одно за другимъ, опровергается каждое отдѣльное обвиненіе. Ораторъ заслужилъ славу, которую онъ впослѣдствіи приобрѣлъ за свою смѣлость.

Въ собраніи, чуть не вполне подчиненномъ грубому терроризму массъ, онъ подалъ примѣръ чрезвычайнаго мужества. Но самая рѣчь, при всемъ своемъ юридическомъ достоинствѣ, была холодна и суха. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, она была лишена вдохновенія, а, главное, она была слишкомъ мало рассчитана на настроеніе тѣхъ, кого, быть можетъ, была надежда расположить къ оправданію.

Въ рыцарскомъ прямотушіи, разумѣется, не было недостатка въ этой рѣчи. «Граждане, такъ закончилъ Десезъ ея первую половину, я хочу говорить съ вами съ откровенностью свободного человѣка. Я ищу между вами судей, и нахожу лишь обвинителей. Вы хотите произнести свое сужденіе о Лудовикѣ, а у васъ уже готовъ приговоръ ему. Лудовикъ, стало-быть, единственный Французъ, для котораго не существуетъ ни закона, ни защитительной формы суда? У него нѣтъ ни правъ гражданина, ни преимуществъ короля? Его не уважаютъ ни въ прежнемъ, ни въ новомъ положеніи? Что за неслыханная, что за непостижимая судьба!»

Входя въ частности, ораторъ останавливается на поведеніи короля 10 августа. Одного только упрека Лудовикъ XVI никогда не могъ простить своимъ обвинителямъ, упрека въ пролитіи крови гражданъ. На это-то особенно и обратилъ вниманіе Десезъ.

«Короля обвиняютъ въ кровопролитіи 10-го августа! Но всему міру извѣстно и никѣмъ не опровергнуто, что у этого возстанія, давно подготовленнаго, были свои агенты, свои учредители, свой кабинетъ и своя директорія. А въ залѣ, гдѣ я говорю, оспариваютъ другъ у друга славу этого дня!

«Вы упрекаете въ кровопролитіи того, кто въ этотъ день затѣмъ только и пришелъ въ національное собраніе, чтобы не дать крови проливаться; того, кто во всю свою жизнь не издалъ ни одного кроваваго повелѣнія; кто 6 октября запретилъ своимъ собственнымъ гвардейцамъ защищаться въ Версалѣ; кто въ Варенѣ успѣшилъ сдаться въ плѣнъ, чтобы только не

* Это письмо напечатано въ Монитёрѣ, въ № 350.

подвергать опасности жизнь хоть одного человѣка; кто 20-го іюня отвергъ всякую, предлагаемую ему, помощь, чтобы остаться одному среди народа; кому, наконецъ, ничего не можетъ быть больнѣе, какъ невольно и противъ желанія стать печальнымъ поводомъ къ кровавой катастрофѣ... Развѣ вы не чувствуете состраданія, жалости къ королю, несчастье коего теперь уже безгранично? Французы! Помолодившая васъ революція пробудила въ васъ великія добродѣтели. Но берегитесь, какъ-бы она не ослабила въ вашей душѣ человѣчности, этой одной добродѣтели, безъ которой всѣ другія ложь и призракъ!

«Выслушайте заранѣе приговоръ исторіи. Она скажетъ: 20-ти лѣтъ вступилъ Лудовикъ XVI на престолъ, на которомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ служилъ примѣромъ нравственной чистоты. Онъ не принесъ съ собою порочной склонности или пагубной страсти. Онъ былъ бережливъ, строгъ, справедливъ. Онъ всегда являлся другомъ народа. Народъ желалъ уничтоженія тягостнаго налога, и онъ уничтожилъ его. Народъ требовалъ отмѣны крѣпостнаго состоянія, и онъ отмѣнилъ его въ своихъ владѣніяхъ. Народъ требовалъ реформъ и свободы, и онъ далъ ихъ ему, и самъ шелъ ему навстрѣчу съ своими жертвами. Граждане, я не доканчиваю. Я останавливаюсь передъ приговоромъ исторіи. Подумайте! Вѣдь она разберетъ вашъ судъ; а ея приговоръ будетъ приговоромъ цѣлыхъ вѣковъ».

Вы видите, у Десеза не было недостатка ни въ силѣ краснорѣчія, что тогда не было рѣдкостью, ни въ той мужественной правдивости, которою обладали очень немногіе. Но его защита была неудачна въ самомъ своемъ основаніи. Какъ ни мѣтка была юридическая часть въ безпристрастныхъ глазахъ законовѣдовъ, какъ ни горячо обращался ораторъ къ сердцамъ судей, онъ ничего не могъ сдѣлать: онъ вовсе не коснулся политической стороны вопроса, а тутъ-то собственно и таилась слабая струнка собранія.

Ему слѣдовало обратиться къ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые честно думали, будто дорога къ свободѣ идетъ черезъ трупъ короля. Ему слѣдовало показать воображающимъ, будто изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, что въ сущности они выбираютъ большее, подводя нерѣшительныхъ и непроницательныхъ къ пропасти, къ которой сами беззаботно спѣшатъ. А это-то онъ совершенно и упустилъ изъ виду.

Пораженіе жиронды. Казнь.

На другой день начались настоящія пренія. Они уже вертѣлись не на винѣ короля, не на компетентности собранія (то и другое считалось рѣшеннымъ), а все на воззваніи къ народу (*appel au peuple*), т. е. на существованіи жиронды и горы. Этими совѣщаніями наполнены послѣдніе декабрскіе дни.

Въ преніяхъ 27 декабря всего важнѣе были рѣчи двухъ ораторовъ, С. Жюста и Салля (Salles).

Первый, изъ партіи горы, трезво и холодно, съ неподвижною и безпощадною манерой Робеспьера, выставялъ на видъ, что теперь оправданіе короля было бы собственнымъ самоосужденіемъ, а воззваніе къ народу возстановленіемъ монархіи. Второй, со стороны жиронды, въ этотъ разъ впервые выступилъ съ большою рѣчью. Онъ занялся тою стороною вопроса, которую Десезъ совершенно упустилъ изъ виду. Пророчески предсказывалъ онъ послѣдствія цареубійства. По его мнѣнію, мысль, будто оно утвердитъ республику,—заблужденіе. Напротивъ, королевская власть выйдетъ обновленною изъ крови Лудовика XVI; а нація будетъ ввергнута въ войну со всею Европой. Отвѣтственность за подобное рѣшеніе должна лежать на одномъ народѣ, въ его совокупности; отсюда-то и вытекаетъ необходимость воззванія къ народу. Замѣчательно, что воззваніе обѣ стороны считаютъ оправданіемъ короля. Такъ сильно чувствовали въ Парижѣ, что въ департаментахъ совсѣмъ другое настроеніе.

Эти двѣ рѣчи заключали въ себѣ все, что можно было сказать о смерти короля и объ ея политическихъ послѣдствіяхъ.

Въ ближайшихъ затѣмъ преніяхъ члены жиронды и горы уже вступили въ бой одинъ на одинъ. Это отразилось именно въ рѣчи Робеспьера 28-го и въ отвѣтѣ Верньо 31-го декабря.

Робеспьеръ не преминулъ замѣтить предварительно, что онъ, лишь скрѣпя сердце, и съ большимъ усиліемъ надъ собою произносилъ приговоръ Лудовику: долгъ передъ отечествомъ требуетъ-де жертвы отъ его человѣколюбія.

«Я раздѣляю, сказалъ онъ, съ слабѣйшимъ изъ насъ всѣ его личныя чувства въ отношеніи къ судьбѣ обвиняемаго. Неумолимый, когда приходится вполнѣ отвлеченно изыскивать мѣры строгости, которыя долженъ употреблять правосудный законъ противъ враговъ человѣчества, я однако почувствовалъ, какъ, при видѣ подсудимаго во всемъ его униженіи передъ верховною властью народа, поколебалась въ моей душѣ республиканская добродѣтель. У ненависти къ тиранамъ и у любви къ человѣчеству одинъ источникъ въ сердцѣ честнаго человѣка, любящаго свое отечество. Но, сограждане, послѣднее испытаніе преданности, которою представители народа обязаны своему отечеству, состоитъ въ пожертвованіи этими первыми движеніями естественной чувствительности благу великаго народа и угнетеннаго человѣчества. Сограждане! Слабость чувства, жертвующая невинностью преступленію, есть жестокость; кротость, примиряющаяся съ тираніей, есть варварство.

«Поэтому призываю васъ къ охраненію высшаго интереса общественнаго блага. Что принуждаетъ васъ заниматься Лудовикомъ? Не желаніе мести, недостойное націи, а необходимость наказаніемъ тирана скрѣпить общественную свободу и спокойствіе».

Робеспьеру каждая проволочка процесса, каждая отсрочка приговора кажется

попыткой окольнымъ путемъ возстановить тиранію, и самую опасную попытку онъ видитъ въ воззваніи къ народу. Воззваніе къ народу для него равняется ниспроверженію республики. Спросить народъ объ его мнѣніи въ первоначальныхъ собраніяхъ значитъ всѣ собранія въ кантонахъ страны и въ городскихъ секціяхъ превратить въ столько же поприщъ бурныхъ преній за и противъ Лудовика, за и противъ королевской власти. Туда вотрутся умѣренные, фельяны, аристократы. Опять соберутся роялисты, враги свободы. Они подучатъ народъ и, быть-можетъ, одержать побѣду. А это означало бы объявленіе междоусобной войны.

Далѣе у Робеспьера идутъ самыя ядовитыя выходки противъ жирондистовъ. Ихъ политика наглядно очерчена въ слѣдующемъ изображеніи.

Тогда они имѣли бы случай подъ покровительствомъ закона защищать короля открыто. «А кто же краснорѣчивѣе, хитрѣе, неистощимѣе на средства интригановъ этихъ честныхъ людей, т. е. плутовъ стараго и новаго правленія? Съ какимъ искусствомъ станутъ они сперва декламировать противъ короля, чтобы потомъ рѣшить въ его пользу! Съ какимъ краснорѣчіемъ провозгласятъ сначала верховность народа, права человѣчества, чтобы возстановить затѣмъ роялизмъ!»

Въ заключеніе онъ опять чрезвычайно язвительно бичуетъ жирондистовъ, объявляя, что послѣ короля они всѣхъ виновнѣе.

31 декабря отвѣчалъ Верньо. Онъ произнесъ самую большую и самую сильную изъ своихъ рѣчей, и все-таки это было лишь роскошное надгробное слово его партіи.

Повидимому, рѣчь начинается спокойно и чисто-теоретически изложеніемъ логической точки зрѣнія, изъ которой вытекаетъ воззваніе къ народу. Изъ ученія самихъ якобинцевъ о верховности народа выводитъ онъ ораторъ слѣдующія положенія:

«Всякое дѣйствіе, исходящее отъ представителей націи и не подвергнутое ея формальному или безмолвному утвержденію, — посягательство на ея верховность.

«Только народъ, обѣщавшій Лудовику неприкосновенность, можетъ объявить о своемъ желаніи примѣнить здѣсь свое право наказывать, отъ котораго онъ отрекся».

Устранивъ всѣ сомнѣнія въ удобоисполнимости такого освѣдомленія, онъ оканчиваетъ часть своей рѣчи, посвященную судьбѣ Лудовика, и открываетъ нападеніе на гору. Великій ораторъ наносилъ, дѣйствительно, сокрушительные удары террористамъ. Насъ глубоко поражаетъ сравненіе этого предсказанія кровавыхъ послѣдствій цареубійства съ ужасами, буквально осуществившимися впослѣдствіи.

Клеветы Робеспьера не удивляютъ оратора. «Есть люди, каждое дыханіе коихъ, по самой ихъ природѣ, — ложь, равно какъ ядъ змѣй, которыя, по натурѣ своей, живутъ только для его выдѣленія».

Они предвѣщаютъ междуусобную войну и избіеніе гражданъ. «Я удивляюсь проницательности этихъ пророковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли вамъ весьма труднымъ предсказать о пожарѣ дома, когда вы сами подносите факель, чтобы его зажечь?» Кто это желаетъ междуусобной войны? Не они ли сами, эти господа, которые ищутъ помощи противъ народныхъ представителей въ кинжалахъ убійцъ, а противъ законовъ въ возмущеніи; которые учатъ, будто истина всегда у меньшинста и Катилина правъ, замѣнивъ въ государствѣ свободу тираніей; которые проповѣдуютъ разложеніе общества и поносятъ измѣнникомъ каждаго, кто не возвысился до уличнаго разбоя и убійства?

Показавъ затѣмъ, что ничто такъ не способно толкнуть обѣ великія державы, Испанію и Англію, въ лагерь противниковъ республики, какъ убійство короля, и что всемірная война, которая вспыхнетъ тогда, окончательно ввергнетъ страну въ нищету и бѣдствія, Верньо возвращается къ продѣлкамъ якобинцевъ, желающихъ теперь умертвить короля, чтобы потомъ повлечь на эшафотъ и самый конвентъ.

«Развѣ вы не слыхали, какъ тамъ и сямъ разъяренный народъ кричитъ: «Дорогъ ли хлѣбъ, въ этомъ виноватъ Тамплъ; мало ли денегъ, терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ Тамплъ; видимъ ли мы каждый день печальное зрѣлище нищеты, виноватъ Тамплъ»? Кто намъ поручится, что по смерти Лудовика тѣ же люди не станутъ кричать: «Дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ конвентъ; мало ли денегъ, виноватъ конвентъ; терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ конвентъ; тащится ли, еле-еле подвигаясь, правительственная машина, виноватъ конвентъ, обязанный управлять ею; возрастаютъ ли бѣдствія войны вслѣдствіе заявленій Англіи и Испаніи, виноватъ конвентъ, вызвавшій эти заявленія поспѣшною казнью Лудовика»?

Въ концѣ Верньо говоритъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ приговоръ конвента, онъ считаетъ измѣнникомъ всякаго, кто ему не подчинится. Этимъ объясняется его позднѣйшая подача голоса за смерть короля, когда провалилось «воззваніе къ народу».

Въ теоріи расчетъ жирондистскихъ предводителей былъ вѣренъ. Многочисленный средній классъ французской націи, къ которому намѣревалась обратиться жиронда, хотя и не былъ столь республиканскихъ убѣжденій, какъ она, однако нисколько не уступалъ ей въ ненависти къ терроризму якобинцевъ, совершенно открыто поговаривавшихъ уже о новомъ избіеніи цѣлыхъ массъ и о грабежѣ богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Сомнительно одно: было ли вообще какое-нибудь средство обуздать этотъ терроризмъ, когда уже дали ему такъ усилиться?

Печать Марата уже неистовствовала противъ измѣнниковъ, которыхъ приходилось силой принуждать къ выполненію ихъ обязанностей. Наемная сволочь принялась уже мучить нелюбимыхъ депутатовъ. Въ постоянныхъ засѣданіяхъ секцій уже опять возникло не меньше прежняго революціонныхъ судовъ для подозрительныхъ и измѣнниковъ, и уже опять начались домаш-

ніе обыски и аресты въ такихъ размѣрахъ, что за послѣдніе дни 1792 года изъ Парижа бѣжало не менѣе 14,000 человѣкъ.

Таковы-то были средства для пріобрѣтенія большинства, котораго нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ. Единственная защита жиронды, 5,000 человѣкъ федератовъ, до сихъ поръ находившихся преимущественно подъ вліяніемъ Барбару, были уже ненадежны. Согласіе новаго военнаго министра, Паша, на выдачу стоявшихъ въ С. Дени 132 пушекъ и на вооруженіе ими секцій ускорило ихъ отпаденіе. Когда, такимъ образомъ, конвентъ 14 января приступилъ къ рѣшительному совѣщанію, онъ походилъ уже на осажденную крѣпость, у воротъ которой господствуетъ мятежь, а въ ней самой ужась и измѣна.

Послѣ долгихъ и жаркихъ преній, согласились въ трехъ слѣдующихъ вопросахъ, которые рѣшили по порядку подвергнуть голосованію:

1) Виновенъ ли Лудовикъ въ заговорѣ противъ свободы націи и въ посягательствахъ на всеобщую безопасность государства?

2) Подвергнется ли приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, утвержденію народа?

3) Какое должно быть наказаніе?

Голосованіе началось въ засѣданіи 15 января. Предсѣдательствовалъ Верньо.

По первому вопросу жиронда сама отняла у себя возможность дать уклончивый отвѣтъ: 683 депутата объявили поэтому: «виновенъ»; 15 поступили также съ прибавленіемъ: «какъ законодатели, а не какъ судьи (*comme législateurs et non comme juges*)»; 13 (въ томъ числѣ Мориссонъ, ораторъ 13 ноября) отказались подать голосъ, не желая присвоить себѣ права судей.

Когда и герцогъ Орлеанскій, теперь гражданинъ *Egalité*, произнесъ свое «oui», въ собраніи поднялся ропотъ.

Судьбу втораго вопроса можно было уже предвидѣть въ послѣдніе дни. Отпаденія уже начались. Такіе люди, какъ Сіейсъ, Инаръ, Бареръ, еще прежде повернули слегка влѣво. А это были вожди цѣлаго отряда, послѣдовавшаго теперь за ними. 424 голоса противъ 283 отвергли «воззваніе къ народу». Между отвергнувшими было много самыхъ близкихъ друзей Верньо. Голосованіе по третьему вопросу рѣшились отложить до 16 января. Засѣданіе 15 числа окончилось въ 10 часовъ вечера при сильномъ шумѣ.

На другое утро оно тотчасъ же открылось безпорядочными сценами съ чернью. Всѣ входы въ залъ были осаждены надежными друзьями якобинцевъ. «Благонамѣренныхъ» встрѣчали ревомъ одобренія, «подозрительныхъ» ругательствами и толчками.

При входѣ въ залъ, каждый депутатъ протискивался черезъ густыя шпалеры дикихъ, отчаянныхъ молодцовъ, чрезвычайно осязательно заявлявшихъ свой образъ мыслей.

Подача голосовъ по третьему вопросу, все равно что уже рѣшенному

вторымъ, шла не такъ прилично, какъ обыкновенно намъ описываютъ *).

Во время безконечной переклички, при чемъ каждый изъ 721 присутствующихъ поочередно всходилъ на трибуну, чтобы въ длинной или короткой рѣчи объяснить свое голосованіе, вездѣ по залѣ стояли и сидѣли болтающія группы; иные растягивались на своихъ скамьяхъ, пока экзекуторъ не произносилъ ихъ именъ. Они лорнировали галлерей, гдѣ пестрая компанія пролетаріевъ и падшихъ женщинъ развлекалась водочкой, чокаясь стаканами за смерть Лудовика, сопровождая каждый смертный приговоръ неприличнымъ одобреніемъ, а каждое неугодное ей мнѣніе разбойничьимъ ревомъ.

Робеспьеръ и тутъ произнесъ длинную рѣчь. Ему, разумѣется, пришлось оправдываться въ противорѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ, нѣкогда голосовавшій за уничтоженіе смертной казни, предлагаетъ теперь смерть короля? Задача довольно трудная. Въ немногихъ словахъ ея, конечно, не разрѣшишь.

Когда Филиппъ Egalité прочелъ по измятой бумажкѣ: «Единственно по чувству долга и по убѣжденію, что всякій, посягающій или имѣющій посягнуть на верховность народа, заслуживаетъ казни, подаю я голосъ за смерть», почти вся зала почувствовала отвращеніе.

Перекличка началась 16 января въ 8 часовъ вечера, продолжалась цѣлую ночь и слѣдующій день и кончилась вечеромъ 17 числа въ ту же пору. Въ концѣ обнаружилось, что изъ 721 присутствующихъ 2 подали голосъ за заключеніе въ цѣпяхъ, 26 за отсрочку наказанія, 46 за смертную казнь, но съ примѣненіемъ ея по заключеніи мира, 286 за заточеніе и изгнаніе (*détention et bannissement à la paix*), и лишь 361 безусловно за смерть. Слѣдовательно, судьба короля была рѣшена большинствомъ только одного голоса **). На слѣдующее же утро, большинствомъ 380-ти голосовъ противъ 310, была отвергнута отсрочка казни, требуемая со многихъ сторонъ, и процессъ Лудовика XVI окончился ***).

Лудовикъ XVI не ждалъ другаго исхода. Уже послѣ извѣстнаго допроса

*) Вѣрно рассказываетъ Mortimer-Ternaux (V. 438 sqq.). Ср. Sibel, II, 82.

**) Mort.-Ternaux (V, 515) представляетъ статистику позднѣйшей судьбы на-реубійцевъ. По ней 31 человекъ умеръ на эшафотѣ, 18 насильственною смертью другихъ родовъ, 121 заняли при Наполеонѣ разныя правительственныя мѣста, отъ министерскихъ до низшихъ.

***) Въ прошломъ году въ Брюсселѣ появилось собраніе документовъ, относящихся къ процессу Лудовика XVI и Маріи Антуанеты, изданное барономъ Кетхендорфомъ, подъ названіемъ: *Archives judiciaires, Recueil complet des Discussions législatives et des Débats, résultant des grands procès politique jugés en France de 1792 à 1840*. Ред.

онъ набросалъ свои послѣднія распоряженія. Когда теперь старикъ Малербъ со слезами сообщилъ ему рѣшеніе, онъ ни на мгновение не потерялъ присутствія духа. Имъ овладѣло то пассивное настроеніе, которому не сравниться съ мужественнымъ героизмомъ, не боящимся смерти. Онъ не зналъ чувства гнѣва, ожесточенія, при которомъ тягостна кончина. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на жертву, которой необходимо пасть; а его религіозность убѣдила его, что эта жертва безпорочна. Этого для него было достаточно, чтобы умереть спокойно.

Не упустили ничего, чтобы отравить осужденному послѣднія минуты. Жестокую разлуку съ семьей, грубость палачей на его послѣднемъ пути порицали впослѣдствіи даже его враги, какъ бесполезное варварство.

Утромъ 21 января его вывели. Городъ былъ пустъ, лавки заперты. Общественныя власти напрасно употребляли все усилія, чтобы разставить сколько-нибудь крикуновъ для возгласа: «Долой короля!» Немногіе слышавшіеся голоса были, очевидно, подкуплены. Сами граждане оставались вдали. Ни въ окнахъ, ни на улицахъ почти никто не показывался. Все было тихо.

Такъ взвели его на эшафотъ. О его послѣднихъ минутахъ у насъ есть показаніе Самсона *), палача, казнившего всѣхъ значительныхъ особъ до Робеспьера. Взойдя на эшафотъ, Лудовикъ хотѣлъ говорить. Когда ему представили невозможность этого, онъ далъ отвести себя на мѣсто, гдѣ его привязали. Тамъ онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Народъ, я умираю невиннымъ!» Затѣмъ, обратившись къ своимъ палачамъ, сказалъ: «Господа, я невиненъ во всемъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Я желаю, чтобы моя кровь упрочила счастье Французовъ».

Приготовленія къ смерти, связываніе рукъ, обрѣзаніе волосъ и обнаженіе верхней части тѣла, онъ, по увѣренію того же свидѣтеля, перенесъ съ хладнокровіемъ и твердостью, изумившими палача и его помощниковъ. «Я увѣренъ, прибавляетъ Самсонъ, что эту твердость онъ почерпнулъ изъ правилъ набожности, которыми никто глубже его не былъ проникнутъ. То былъ самый великій, самый бодрый его день».

ГЛАВА XV.

Война съ зимы 1792 г. до весны 1793 года. Жеманъ. Франкфуртъ.
Майнцъ. Неервинденъ.

Партіи, подавшія въ процессѣ короля другъ другу руку съ весьма неодинаковыми чувствами, ни одному изъ всѣхъ своихъ лицемѣрныхъ оснований не придавали столь большаго вѣса, какъ слѣдующему: «Король—сре-

*) Въ письмѣ къ редактору журнала *Thermomètre*, отъ 20 февраля 1793 г.

доточіе всѣхъ домашнихъ и внѣшнихъ заговоровъ противъ революціи. Онъ подстрекаетъ къ междуусобной войнѣ въ странѣ и ко вторженію извнѣ. Устранивъ его, мы приобретаемъ спокойствіе внутри и миръ на нашихъ границахъ». Эти основанія осудила исторія. Не упрочили, а подкопали на цѣлыя десятилѣтія то, чего хотѣли достигнуть цѣной цареубійства. Вмѣсто гражданского мира, начался кровавый терроризмъ, первою жертвой котораго сдѣлалась жиронда; вмѣсто примиренія съ Европой, явилась всемірная война, безконечно-долгая и стоившая безчисленныхъ жертвъ.

Уже 30 января министру иностранныхъ дѣлъ пришлось сообщить конвенту, что англійское правительство, при извѣстіи о смерти короля, немедленно приказало французскому посланнику до 1 февраля оставить королевство. Конвентъ отвѣчалъ на это объявленіемъ войны Англіи и Голландіи. И у Бриссо, докладчика по всѣмъ дѣламъ, касавшимся пропагандной войны, не было недостатка во фразахъ, съ которыми изумительно разнилось дѣйствительное состояніе тогдашняго военного управленія. «Вамъ предстоитъ, сказалъ онъ, борьба на сушѣ и на морѣ со всею Европой, или, по крайней мѣрѣ, со всѣми тиранами Европы. Пусть купецъ забудетъ свою торговлю для занятій только однимъ каперствомъ; пусть капиталистъ принесетъ, наконецъ, въ жертву свое состояніе, чтобы поддержать наши ассигнаты и помочь при недостаткѣ въ наличныхъ деньгахъ: пусть землевладелецъ и крестьянинъ откажутся отъ всякой прибыли и привезутъ свой излишекъ на наши рынки... Вся Франція должна превратиться въ одинъ лагерь. Ей слѣдуетъ приготовиться къ случайностямъ, рѣшиться на лишенія. Близка минута, когда будетъ преступленіемъ имѣть двѣ пары платья, если будетъ нагъ хотя одинъ изъ нашихъ братьевъ солдатъ».

Въ то время, какъ національный конвентъ угощался такими пустыми рѣчами, сѣверное войско, съ которымъ надлежало завоевать Голландію, именно по винѣ войнолюбивыхъ якобинцевъ, находилось въ состояніи неописаннаго пренебреженія. Дюмурье завоевалъ Бельгію битвой при Жемапѣ (6 ноября 1792 г.), этою первою истинною побѣдой, одержанною революціонными войсками въ открытомъ полѣ. Этотъ геройскій подвигъ тѣмъ болѣе дѣлалъ чести ему и его войскамъ, что новое военное управленіе министра Паша (съ 19 октября) передало всѣ дѣла подонкамъ якобинской партіи, которая оставила армію на произволъ судьбы, безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ всякаго попеченія. Послѣ побѣды стало еще хуже, насколько это было возможно. Итакъ, оказалось невозможнымъ воспользоваться успѣхомъ. Мало того. Дѣла Французовъ весьма скоро готовы были принять чрезвычайно опасный оборотъ. Коммиссары конвента опустошали и грабили освобожденную страну самымъ безстыднымъ образомъ. Войска, не получая изъ Франціи ни платья, ни продовольствія, по необходимости начали точно также распорядиться самовластно. Это возмущало населеніе, сѣяло страшную ненависть даже тамъ, гдѣ сочувствовали революціи, и разрушало всѣ планы Дюмурье на мирный исходъ дѣлъ въ Бельгіи.

Армія, предназначена для завоювання Голландії, зимувала в Люттихѣ. Тутъ солдати нуждались во всемъ: въ соломѣ, дровахъ, хлѣбѣ и амуніціи. Тутъ цѣлые батальоны ходили босикомъ, а рядовые арміи и національной гвардіи дезертировали цѣлыми толпами. Дюмурье же, явившись въ Парижъ для жалобъ на такое безпримѣрное положеніе, едва осмѣливался показываться въ публикѣ, боясь быть разорваннымъ шайками Марата и Робеспьера. Онъ ничего не достигъ, кромѣ перемѣны въ военномъ министерствѣ. Тутъ же послѣдовали: новый выпускъ ассигнатовъ, новыя постановленія, уничтожавшія всякую дисциплину въ войскѣ, да распоряженія для новаго набора 300,000 человекъ.

Между тѣмъ положеніе французской арміи на Рейнѣ вполнѣ измѣнилось. Лѣвый берегъ Рейна былъ отданъ въ октябрѣ санкюлотамъ Кюстина при обстоятельствахъ, чрезвычайно характеристичныхъ для крайняго разстройства, какъ духовныхъ владѣній, такъ и мелкихъ свѣтскихъ государствъ, но положительно ничего не рѣшавшихъ въ военномъ отношеніи. Эти легкія побѣды надъ убѣгавшими князьями, надъ такою крѣпостью, какъ немедленно сдавшійся Майнцъ (21 октября), надъ народонаселеніемъ, которое отчасти привѣтствовало якобинство, отчасти, молча, сносило его, не заслуживали восторга, встрѣчавшаго ихъ со стороны Французовъ. Первая же битва во всемъ походѣ, побѣдоносное нападеніе во Франкфуртѣ (2 декабря 1792 г.) Пруссаконъ и Гессенцевъ на четыре французскіе батальона, выставила въ самомъ лучшемъ свѣтѣ доброкачественность нѣмецкихъ войскъ. Ея нравственное впечатлѣніе поправило многія погрѣшности непростительной вялости похода въ Шампани.

Въ концѣ года Французовъ оттиснули съ праваго берега Рейна. Обложеніемъ Кастеля подготовилась осада Майнца. Въ коалиціи тоже пробудилась новая жизнь съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь покончили со всѣми романическими иллюзіями и сошлись на почвѣ трезвой политики интересовъ.

Еще въ декабрѣ 1792 года Австрія признала замыслы Пруссіи относительно Польши. За это Пруссія обѣщала поддерживать ея баварскіе планы насчетъ обмѣна или уступки земель и особенно энергично помогать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціей. Оттого-то эта война и принимаетъ съ начала 1793 года вполнѣ новый видъ. Коалиція вывела въ поле не 100,000, какъ въ 1792 г., а 220,000 человекъ. Хотя она далеко не могла преодолѣть всѣхъ препятствій, неразлучныхъ со всякою коалиціонною войною. однако въ первую половину 1793 года самое положеніе враждебной арміи и политики представляло ей множество благопріятныхъ условій, которыми она тотчасъ воспользовалась съ успѣхомъ.

Уже въ первыхъ числахъ марта былъ освобожденъ отъ осады Мاستрихтъ, и линія по Маасу вполнѣ очистилась отъ французскихъ войскъ. Судя по способу отступленія Французовъ, потерявшихъ тутъ 12,000 дезертировъ и 100 пушекъ, при болѣе быстромъ наступленіи Австрійцевъ Французовъ

постигла бы катастрофа. Не ранѣе 13 марта прибылъ къ своему бельгійскому войску Дюмурье, только-что совершившій вторженіе въ Голландію. Взглянувъ на ходъ дѣла, онъ тотчасъ же убѣдился, что быстрое рѣшеніе на полѣ битвы—единственное средство остановить распространеніе деморализаціи. И вотъ, 16 числа, онъ выступилъ по дорогѣ въ Люттихъ и удачно сразился съ австрійскимъ авангардомъ. Это снова ободрило его солдатъ, упавшихъ духомъ. Но 18 марта его на голову разбили главныя силы Австрійцевъ, послѣ многочасовой жаркой битвы при Неервинденѣ. Его правое крыло было совершенно разсѣяно. Въ дикомъ безпорядкѣ устремились бѣглецы къ французской границѣ. Лишь осторожность и медленность принца Кобургскаго помѣшали перейти пораженію въ полное истребленіе. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого удара была перемѣна въ Дюмурье. Онъ зналъ, что якобинцы никогда не простятъ ему этого пораженія, и задумалъ теперь быстрымъ скачкомъ въ коалиціонный лагерь спасти самого себя, королевство и всѣхъ тайныхъ враговъ террора.

Мы вернемся къ этому событію въ томъ мѣстѣ, гдѣ будемъ говорить о вытекшемъ изъ него внутреннемъ переворотѣ во Франціи.

Сближеніе между Дантономъ и жирондой. Революціонный судъ 10-го марта.

За предсмертною борьбой королевской власти настаетъ въ слѣдующихъ мѣсяцахъ послѣднее сопротивленіе жиронды. Уже во время преній о «воззваніи къ народу» якобинцы открыто обвиняли ея вождей въ государственной измѣнѣ и въ клубахъ главные крикуны возвѣщали имъ участь короля. Въ самомъ конвентѣ ихъ дѣло далеко еще не было проиграно. На ихъ сторонѣ все еще было огромное большинство. И поднимись они, наконецъ, съ единодушіемъ и энергіей, за ними непремѣнно осталось бы, по крайней мѣрѣ, руководство собраніемъ. Но для этого имъ слѣдовало быть не тѣми, какими они были всегда. Они только жалуются да упрекаютъ, но не представляютъ ни одной сильной мѣры, ни одного умѣстнаго предложенія для улучшенія обстоятельствъ. Съ ораторскою пышностью, съ полнымъ парламентскимъ формализмомъ, разыгрываютъ они роль огорченныхъ и обвинителей, съ негодованіемъ отвращающихся отъ пошлостей уличныхъ демагоговъ. Въ нравственномъ отношеніи это могло быть совершенно основательно; но въ политическомъ-то это вовсе не было средствомъ возстановить свою славу и вырвать дѣло изъ рукъ своихъ противниковъ. Единственнымъ положительнымъ дѣйствіемъ жирондистовъ былъ проектъ конституціи, обнаружившій всю ихъ неспособность. Докладчикомъ комиссіи, надъ которой они вполнѣ господствовали, былъ Кондорсе, пустой доктринеръ. Онъ сопоставлялъ политическія дѣла, какъ числа, не заботясь о существу-

ющихъ отношеніяхъ. Изъ его рукъ вышла новая конституція, съ которой и на одинъ день нельзя было возстановить истиннаго порядка. Въ ней не было ничего, кромѣ выборовъ и выборныхъ властей, ничего, кромѣ свободы и основныхъ правъ. Это произведеніе осуждало само себя. Даже и въ спокойныя времена непримѣнимо что-либо подобное, не говоря уже про такія обстоятельства, какъ тогдашнія.

Такимъ образомъ, все предвѣщало близкій кризисъ, неизбежный при первомъ внѣшнемъ толчкѣ. На дѣлѣ, помимо конституціонной комиссіи, въ Парижѣ уже развивалась въ общихъ очертаніяхъ сердцевина новаго правительства для всей Франціи, принявшаго потомъ свою страшную законченную форму. Въ клубахъ и секціяхъ замѣчается усиленная дѣятельность. Исполнительный органъ тѣхъ и другихъ, городской совѣтъ, издаетъ свои приказы, словно нѣтъ конвента. Сегодня появляется одинъ бурный адресъ, завтра другой. Правда, его требованія пока еще отвергаются; но зато ихъ общій мотивъ теперь уже выясняется во всемъ своемъ ужасѣ. Это—междоусобная война бѣдныхъ съ богатыми, возстаніе пролетаріевъ противъ класса собственниковъ. Незаслуженная нужда бѣдныхъ, преступное ростовщичество богатыхъ—вотъ ходячія слова дня. Въ дѣйствительности было наоборотъ. Государство давало милліоны на прокормленіе «благонамѣренныхъ» праздношатающихся и вовсе не защищало собственниковъ, предоставленныхъ организованному грабежу и воровству. Нищеты, которая могла бы оправдать всякое насиліе противъ собственности, вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, она тотчасъ же исчезла бы при желаніи арміи и пролетаріата работать, а не грабить. Съ тѣхъ поръ какъ война, и именно послѣдній наборъ, такъ страшно понизили число рабочихъ рукъ, а государство издержало громадныя суммы, чтобы поддержать въ Парижѣ и въ департаментахъ дешевую среднюю цѣну на хлѣбъ, заработная плата возвысилась, а цѣны на хлѣбъ пали больше, чѣмъ когда-либо *).

Весь шумъ, слѣдовательно, былъ сочиненъ. Это было орудіе политическихъ цѣлей террористовъ. Теорія, по которой они присвоивали себѣ право на чужую собственность, видна изъ рѣчи Робеспьера передъ конвентомъ. Въ ней уже выступаетъ коммунизмъ, хотя пока, правда, съ нѣкоторой застѣнчивостью. «Первый соціальный законъ, говорится въ ней, тотъ, который упрочиваетъ за всѣми членами общества возможность существованія. Всѣ другіе законы подчинены ему. Для жизни-то прежде всего и служить всякая собственность. Собственность никогда не должна быть въ противорѣчій съ достаточнымъ содержаніемъ человѣка, столь же священнымъ, какъ и сама жизнь. Все, необходимое для поддержанія жизни,

*) Sybel, II, 244 sq.

составляет совокупную собственность цѣлаго общества. Только излишекъ противъ этого необходимаго есть личная собственность, которая и предоставляется людямъ для наживы».

Проведя черту между «потребностью» и «излишкомъ», какъ его понимала толпа, приходили къ возможно-ничтожному maximum'у цѣнъ, какого и требовали пролетаріи на хлѣбъ, свѣчи и сахаръ, а прачки на мыло. При несогласіи же добровольно сдѣлать эту операцію, оставалось лишь, по совѣту Марата, взяться за практику, вламываться въ лавки и вѣшать ростовщиковъ.

Такое нападеніе на торговцевъ произошло 25 февраля. Шайки женщинъ и переодѣтыхъ мужчинъ врывались въ различныя лавки и магазины, забирали провизію, одежду, цѣнныя вещи, все, что ни попадалось подъ руку, и такъ до вечера обшаривали улицу за улицей. Одни благонамѣренные якобинцы избѣжали контрибуціи; у подозрительнаго же средняго сословія разграбили 1,200 домовъ.

При такихъ происшествіяхъ возникаетъ, въ грубыхъ очертаніяхъ, своего рода свобода, разумѣется не жирондистская,—свобода разбойничьихъ вторженій и воровства. Подобныхъ безпорядковъ нельзя было отвратить такимъ проектомъ конституціи, какъ созданный теперь жирондистами.

Въ первыхъ числахъ марта вернулся изъ Бельгіи Дантонъ и, въ качествѣ комиссара конвента, подтвердилъ всѣ полученныя еще до него мрачныя извѣстія о положеніи французской арміи на Маасѣ. 30 ноября его послали, съ тремя другими депутатами, его единомышленниками, въ Бельгію, для приготовленія новой провинціи къ присоединенію.

Надѣленный неограниченнымъ полномочіемъ декретомъ 15 декабря *), онъ съ своими товарищами распоряжался тамъ, какъ въ завоеванной странѣ. Здѣсь дѣлали то, къ чему въ теченіе мѣсяцевъ привыкли дома. Возмущали чернь противъ собственниковъ, грабили государство, общины, церкви. Подонки якобинцевъ, какъ саранча, напали на страну и принялись во имя свободы такъ хозяйничать, что Дюмурье пришелъ въ отчаяніе, а благоразумные жители Бельгіи были возмущены до глубины души. Дантонъ съ друзьями ничему не давалъ спуска. Страшныя суммы исчезли въ ихъ рукахъ. Такъ вернулся Дантонъ, запятнанный, правда, не кровью, а незаконнымъ обогащеніемъ. Въ его жизни прибавился лишній шагъ, отрѣзавшій ему всякій возвратъ и лишившій его довѣрія честныхъ политиковъ.

Въ эту минуту онъ стоялъ между партіями, боровшимися за власть. Онъ смѣялся надъ глупостью жиронды, которая только и умѣла что пускать, для препровожденія времени, мыльные пузыри политическихъ отвлеченностей. Онъ видѣлъ спасеніе Франціи лишь въ суровой диктатурѣ.

*) См. Mortimer-Ternaux. V. 66.

но не желалъ, чтобы она, какъ безпорядочное самоуправство безпорядочныхъ властей, принадлежала убійцамъ и грабителямъ Марата, равно какъ и клубамъ Робеспьера. Онъ требовалъ диктатуры конвента. Это тотчасъ и стало цѣлью перваго предложенія, внесеннаго имъ въ собраніе п возвращеніи. Это средство ручалось ему, по крайней мѣрѣ, въ одномъ: въ соединеніи національныхъ силъ противъ иностранцевъ. Какъ вообще ни ничтожна его политическая проницательность, какъ ни полонъ у него недостатокъ того, что мы называемъ совѣстью, у него былъ тотъ грубый патріотизмъ, которому спасеніе родной земли дороже всего. А этого-то, казалось ему, можно было достигнуть лишь необыкновенными средствами. И дѣйствительно, изъ всѣхъ предложеній, мѣра, представленная имъ въ ту минуту, была единственною плодотворною политическою мыслью. Разумѣется, людямъ «свободы» постыдно было сознаться, что теперь дошли уже до необходимости диктатуры.

Дантонъ сказалъ въ одной рѣчи (10-го марта): «Изложенныя вамъ общія соображенія вѣрны. Но теперь дѣло не столько въ изслѣдованіи причинъ ударовъ судьбы, могущихъ на васъ обрушиться, сколько въ быстромъ и надлежащемъ отпорѣ имъ. Когда домъ въ пламени, какая мнѣ нужда до мошенниковъ, расхищающихъ мебель? Я тушу огонь».

Затѣмъ онъ развиваетъ планъ возмущенія Голландіи, гдѣ слѣдуетъ пустить въ ходъ замыслы Дюмурье (о которомъ онъ отлично отзывается), хорошо направленные, но плохо поддержанные. Далѣе онъ говоритъ:

«Для выполненія этого требовался характеръ, а, сказать правду, его-то и не доставало. Страсти въ сторону. Онѣ все въполнѣ мнѣ чужды, исключая той, которая относится къ общественному благу. При гораздо болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, когда врагъ стоялъ у воротъ Парижа, я сказалъ тогдашнимъ правителямъ: «Ваши совѣщанія жалки. Я знать ничего не хочу, кромѣ врага. Побьемъ его! Всѣхъ васъ, утомляющихъ меня своими личными ссорами, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага республики, всѣхъ васъ я презираю, какъ измѣнниковъ отечества. Я всѣхъ васъ ставлю на одну доску!» Я сказалъ имъ: «Что мнѣ до моей славы! Была бы свободна Франція, а тамъ пусть позорятъ мое имя! Что же, пусть меня клеймятъ именемъ кровопійцы! Давайте, если нужно, пить кровь враговъ человѣчества! Возьмемъ съ бою, завоюемъ свободу!» Положеніе націи ужасно, жестоко. Деньги, находящіеся въ обращеніи, уже расходятся съ своею номинальною цѣною. Дневный заработокъ рабочаго уже не удовлетворяетъ его потребностей. Нужно сильное лекарство. Завоюемъ Голландію, воскресимъ республиканскую партію въ Англіи, поднимемъ на ноги Францію, и мы пойдемъ, покрытые славой, навстрѣчу потомству. Прочь пренирательства на словахъ, прочь непріязнь,—и отечество спасено!»

Жиронда видѣла, каково ея положеніе. Если она вообще желала что-

нибудь значить, она должна была принять мысли Дантона, побрататься съ нимъ и, опираясь на его сильную руку, съ помощью его еще неослабѣвшей популярности, захватить ходъ дѣла въ свои руки. Этого и тѣлъ. Онъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ людямъ съ Робеспьеровской лицемѣрной добродѣтелью. Въ жирондѣ онъ видѣлъ превосходные таланты, которымъ недоставало лишь единого вождя. И онъ не преслѣдовалъ ихъ мелочною завистью, какъ Робеспьеръ. Но именно въ томъ, что эта партія и этотъ вождь нуждались другъ въ другѣ, и обрисовалась вся сила горькой участи жирондистовъ.

Имъ, такъ давно привыкшимъ считать себя первыми, приходилось теперь затереться въ свиту Дантона. Сколько разъ проклинали они сентябрскія убійства, какъ начало всѣхъ бѣдствій, а теперь надо было протянуть руку сентябренскому убійцѣ! Будь у жирондистовъ болѣе политическаго смысла, они не отступили бы въ ужасѣ предъ этимъ союзомъ. Они большею частью по собственной винѣ были въ такомъ положеніи, когда уже спрашиваешь не о томъ, съ кѣмъ идешь, а лишь о томъ, противъ кого. Но тутъ у нихъ возникаютъ нравственные сомнѣнія относительно возможностиосоюзиться съ сентябрскимъ убійцей, съ грабителемъ Бельгій. Они забывали при этомъ, сколько уже проглотили пилюль безъ всякой для себя пользы. А вотъ теперь, когда дѣло шло, быть-можетъ, о ихъ существованіи, они колебались. Они открыто высказали Дантону свои сомнѣнія. Тотъ возразилъ: «Вы упрямые дураки! Вы увлекаете меня и себя къ гибели!» Мысль не осуществилась тотчасъ, но она и не была еще покинута, когда Робеспьеръ состряпалъ планъ, который долженъ былъ значительно приблизить дѣло къ его идеалу республики.

Онъ хотѣлъ прежній комитетъ надзора или всеобщей охраны *) преобразовать въ правительственное учрежденіе, въ которомъ соединялись бы нити внутренней и внѣшней политики. Онъ не сомнѣвался, что ему удастся сполна замѣстить его своими приверженцами.

Рядомъ съ этимъ комитетомъ общаго блага является революціонный судъ (*tribunal révolutionnaire*). Независимый отъ конвента и свободный отъ всѣхъ законныхъ формальностей, онъ распоряжается жизнью и смертью политическихъ преступниковъ безъ присяжныхъ, безъ слѣдствія, чисто по произволу судей.

Комитетъ клуба, тиранившій Францію, да исключительный судъ, предававшій палачу всѣхъ его враговъ, вотъ существенные пружины въ планѣ Робеспьера.

На пути къ этой цѣли Робеспьеръ одержалъ большую побѣду 9-го марта. По предложенію Дантона, слѣдовало отправить въ департаменты, въ

*) См. стр. 262.

качествъ комиссаровъ, 82 депутата, чтобы сдѣлать сборъ съ богатыхъ на военныя потребности и ускорить новый наборъ молодыхъ солдатъ, происходившій до той поры чрезвычайно вяло. Робеспьеръ съ своими приверженцами устроилъ такъ, что этихъ комиссаровъ выбрали исключительно изъ среды самыхъ дикихъ и надежныхъ ихъ партизановъ.

Эти вѣстники горы внесли ужасъ въ провинціи и заранее парализовали тамъ всякое сопротивленіе событіямъ, которыя затѣвались тогда въ Парижѣ.

10 марта въ конвентѣ начались пренія о революціонномъ судѣ. Въ клубѣ совершенно открыто высказали, чего тутъ хотѣли достигнуть. Имѣли въ виду смертный приговоръ всей жирондѣ или посредствомъ конвента, или и безъ него. Жиронда сама не придавала другого смысла предложенію, внесенному теперь депутатомъ Линде. По прочтеніи его, Верньо воскликнулъ: «Лучше умереть, чѣмъ постановить инквизицію, которая была бы въ тысячу разъ ужаснѣе венеціанской»!

При несогласіи и разъединеніи, царствовавшихъ въ жирондѣ, ей не удалось отклонить самый судъ, но она, по крайней мѣрѣ, вырвала у него опасное оружіе, направленное противъ конвента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ нея. Неожиданно для себя самой, она приобрѣла большинство въ пользу требованія, чтобы о фактѣ преступленія судили присяжные, назначаемые конвентомъ, и притомъ выбираемые изъ всѣхъ департаментовъ. Робеспьеру съ горой хотѣлось суда, наполненного ихъ парижскими патріотами, который, какъ Дамокловъ мечъ, висѣлъ бы надъ самимъ конвентомъ. Это устранили. Судей, присяжныхъ и обвинителей назначалъ конвентъ *). Ни одно судопроизводство не происходило безъ его предварительнаго разсмотрѣнія. Этимъ гора лишалась всякаго односторонняго распоряженія обоюдоострымъ оружіемъ. Въ главномъ тутъ и Дантонъ стоялъ на сторонѣ жиронды. Онъ говорилъ за судъ, но желалъ, чтобы онъ не былъ орудіемъ горы, чтобы онъ стоялъ въ тѣсной связи съ сильною правительственною властью, которую онъ съ жирондой намѣревался образовать изъ конвента.

«Нѣтъ ничего труднѣе, сказалъ онъ, какъ опредѣлить понятіе политическаго преступленія. Но тѣмъ необходимѣе, чтобы чрезвычайные законы приводили въ страхъ мятежниковъ и рука правосудія настигала этихъ виновныхъ не хуже, чѣмъ обыкновенныхъ преступниковъ. Здѣсь благо народа требуетъ сильныхъ средствъ и ужасныхъ мѣръ. Я не вижу ничего средняго между обычными формами и революціоннымъ судомъ». Затѣмъ Дантонъ обращается къ событіямъ кровавыхъ сентябрскихъ дней, ужасы которыхъ заставили вздохнуть «каждаго добраго гражданина», и говоритъ: «Будь тогда чрезвычайный судъ для политическихъ преступниковъ, народъ не дошелъ бы до такого страшнаго собственнаго суда. Да послужатъ намъ уро-

*) См. Hist. parlem 25, 59, sqq.

комъ ошибки нашихъ предшественниковъ. Сдѣлаемъ то, чего не сдѣлало законодательное собраніе. Будемъ страшны, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть страшнымъ. Устроимъ судъ не возможно лучший (этого нельзя), но возможно менѣе дурной! Да обрушится мечъ закона на головы всѣхъ его враговъ! Когда окончится великое дѣло, я призову васъ къ оружію. Сначала судъ, затѣмъ новая исполнительная власть, снабженная всѣмъ необходимымъ, чтобы быть сильною и дѣятельною. Тотъ и другая—сегодня же, а завтра—маршъ на врага!»

Рѣшеніе 10 марта—общая побѣда Дантона и жиронды. Последнія событія были какъ бы подготовкой къ союзу, въ которомъ Дантонъ становится головой и рукой, а жиронда туловищемъ и органомъ слова. Одно нападеніе горы, въ конвентѣ, было отбито; а другое, внѣ его, прошло въ уличныхъ беспорядкахъ. Еще въ ночь съ 9 на 10 марта пустилась въ путь толпа патріотовъ низшаго разряда, съ Фурнье и Лазовскимъ во главѣ, намѣреваясь разломать типографскіе станки жирондистовъ и, если можно, убить одного или нѣсколькихъ изъ ихъ предводителей. Дѣйствительно, разорили двѣ типографіи, но дальше не пошли. Какъ при этихъ происшествіяхъ, раннимъ утромъ, такъ и при шумныхъ сходкахъ, въ продолженіе дня, дѣло не доходило до кровавыхъ сценъ. Станнымъ образомъ вину въ этомъ нарушеніи спокойствія приписали Дантону. Но это было немыслимо въ ту минуту, когда онъ готовился заключить союзъ съ жирондой.

Отъ этого союза зависѣлъ срокъ существованія жиронды и избавленія Франціи отъ правленія чистаго террора. Жиронда преодолѣла кое-въ-чемъ свое отвращеніе къ Дантону, и съ половины марта зараждается соглашеніе между ними. Жирондѣ это стоило большой жертвы, но она ее принесла. Составляли сходки, старались простить и забыть, и условились дѣйствовать сообща.

Первымъ плодомъ соглашенія были выборы въ новый 25-членный комитетъ общаго блага, который долженъ былъ послужить началомъ правленія конвента. Робеспьеръ провелъ лишь одного кандидата; Дантонъ съ жирондой—всѣхъ своихъ. И все-таки этотъ миръ былъ непроченъ. Жиронда не могла оставаться вѣрной новому настроенію. Оскорбленное чувство собственнаго достоинства, досада на паденіе, отвращеніе къ человѣку, которому она, отвернувшись, протягивала руку,—все содѣйствовало тому, чтобы этотъ союзъ казался ей страшными узами. Первый неожиданный случай снова пробудить дремлющія противоположности и больше, чѣмъ когда-либо, разъединить примирившихся по необходимости.

Измѣна Дюмуре. Разрывъ между Дантономъ и жирондой.

18 марта послѣдовало пораженіе при Неервинденѣ *). Дюмуре очутился

*) См. стр. 393.

въ самомъ затруднительномъ положеніи. Съ якобинцами онъ рассорился съ тѣхъ поръ, какъ они возмутили Бельгію и разстроили его войска. Пораженіе 18 марта окончательно отрѣзало ему всякій возвратъ къ нимъ. Въ конвентѣ у него нѣтъ почвы подъ ногами, онъ ни жирондистъ, ни дантонистъ. Все, что эта партія до сихъ поръ сдѣлала для него, теперь также пропало послѣ Неервиндена. Свои отношенія къ господствующимъ партіямъ онъ понималъ совершенно вѣрно. Однако, какъ ни былъ онъ уменъ, онъ слишкомъ низко ставилъ могущество революціи, важное при всей ея внутренней неурядицѣ, и слишкомъ высоко свою власть надъ войскомъ. Онъ, который сначала носилъ якобинскую шапку, а потомъ безмолвствовалъ при смерти короля, вообразилъ, что теперь настала минута для роялистическаго предпріятія и для противореволюціи.

Войско почти ускользнуло у него изъ рукъ. Съ страшнымъ крикомъ: «Измѣна!» оно бросилось къ французской границѣ. Дюмуре обратился теперь въ австрійскій лагерь и протянулъ руку врагамъ революціи для восстановления во Франціи порядка и конституціонной королевской власти. Австрійцы все еще представляли себѣ Дюмуре героемъ-побѣдителемъ, во главѣ вѣрнаго, преданнаго ему войска, и согласились съ большими надеждами. Дюмуре обѣщалъ, если его оставить въ покоѣ (отъ всякой непосредственной помощи онъ отказывался), разогнать конвентъ, освободить заключенныхъ въ Тамплѣ и провозгласить королемъ сына Лудовика XVI, съ конституціей 1791 года.

Трудно повѣрить, чтобы онъ серьезно думалъ о Лудовикѣ XVII. До сихъ поръ онъ съ явнымъ умысломъ, постоянно и вездѣ прославлялъ и хвалилъ молодаго Эгалите, герцога шартрскаго, выставляя его, гдѣ только можно, въ яркомъ свѣтѣ. По моему, нѣтъ сомнѣнія *), что это былъ его настоящій кандидатъ на престолъ. Принцъ, способный, талантливый юноша, достаточно извѣдалъ революцію, чтобы понимать ее, и все-таки не запятналъ себя ни однимъ поступкомъ, который помѣшалъ бы ему вступить въ ряды европейскихъ монарховъ. Изъ Бурбоновъ онъ былъ способнѣе всѣхъ примирить новый порядокъ вещей со старымъ. Во всякомъ

*) Зибель (II, кн. VI, гл. VI) держится противнаго мнѣнія. Онъ говоритъ, по поводу переговоровъ Дюмуре съ Австрійцами: «Эти переговоры, при которыхъ присутствовалъ Лудовикъ-Филиппъ Шартрскій, показываютъ, что Дюмуре не думалъ о восстановленіи Орлеанскаго дома: ясно также, что такой планъ съ самаго начала не могъ разсчитывать на содѣйствіе союзниковъ. Дюмуре высказалъ всю правду тремъ комиссарамъ, которыхъ снова принялъ поздно вечеромъ въ Турне, и отнесся къ намеку на орлеанистскіе планы, какъ къ нелѣпой клеветѣ. Вообще онъ былъ въ настроеніи человѣка, сломавшаго за собой всѣ мосты и нашедшаго полную безопасность въ своемъ рѣшеніи». Ред.

другомъ положеніи подобный планъ не былъ бы безнадеженъ; но въ теперешнемъ онъ рѣшительно не годился.

Въ Парижѣ отчасти знали, отчасти вѣрно предчувствовали намѣренія Дюмуре. Вечеромъ 26 марта съ нимъ встрѣтились три комиссара отъ конвента, которымъ онъ открыто изложилъ свои планы. Были сказаны запальчивыя слова насчетъ конвента и якобинцевъ, а на другой день Дюмуре сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Онъ подписалъ съ союзниками договоръ, по которому онъ, между тѣмъ какъ Австрійцы пока не двигаются впередъ, направляется во главѣ своего войска въ Парижъ и въ пухъ и прахъ разбиваетъ тамошнее правительство, чтобы затѣмъ тотчасъ же установить новый порядокъ. Лишь въ крайней нуждѣ обратится онъ къ дѣятельной помощи австрійской арміи.

Именно теперь прибылъ военный министръ съ четырьмя комиссарами конвента, чтобы пригласить Дюмуре въ Парижъ къ отвѣту, или, въ случаѣ его отказа, схватить его.

Дюмуре велѣлъ схватить ихъ и выдать Австрійцамъ. Теперь все зависѣло отъ войскъ, а они покинули своего генерала. Національная гвардія открыто взбунтовалась. Ненавидѣвшая ее армія не осмѣлилась слѣдовать за нимъ. Такимъ образомъ, съ нимъ случилось еще худшее, чѣмъ съ Лафайетомъ. Тотъ могъ, по крайней мѣрѣ, съ честію сложить съ себя команду и перейти границу, напутствуемый любовью своихъ войскъ. А Дюмуре солдаты отказывались повиноваться, какъ измѣннику. Едва увѣренный въ своей жизни, бѣжалъ онъ къ Австрійцамъ 4 апрѣля.

Этотъ исходъ былъ важнымъ оборотомъ дѣла для Франціи въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Въ политическомъ теперь у противниковъ террора исчезъ послѣдній внѣшній оплотъ; въ военномъ—границы Франціи стали открыты врагу съ тѣхъ поръ, какъ раздробили армію, завоевавшую Бельгію.

Прежде самыхъ событій въ Парижѣ распространилась молва о нихъ. Она пала искрой среди тамошняго чрезвычайнаго возбужденія. Еще до ареста комиссаровъ отпаденіе Дюмуре считалось несомнѣннымъ фактомъ. Донесеніе трехъ первыхъ комиссаровъ, которымъ Дюмуре открылъ свою душу, произвело въ засѣданіи конвента 1-го апрѣля дѣйствіе бомбы. Великимъ событіемъ бурныхъ совѣщаній было обвиненіе жирондою Дантона въ сообщничествѣ и измѣнѣ, а съ его стороны запальчивый вызовъ прежнихъ союзниковъ на борьбу. Ослѣпленные своею ненавистью къ Дантону, послѣдніе видѣли во всемъ, что ни случилось въ войскѣ и въ Бельгіи, послѣ его прибытія туда, лишь одну интригу, одинъ мрачный заговоръ противъ республики. Дантонъ, вѣдь, говорилъ о диктатурѣ: слѣдовательно, онъ думалъ о возстановленіи королевской власти. Онъ все еще старался, во что бы то ни стало, поддержать измѣнника Дюмуре, когда другіе давно уже напали на слѣдъ его плановъ: стало-быть, онъ замыш-

лялъ, съ помощью генерала и его войскъ, ниспровергнуть республику. Съ подобными соображеніями взошелъ Ласурсъ на трибуну. Онъ намѣревался изложить не «формальное обвиненіе», а только рядъ «предположеній». Вотъ ихъ результатъ. Тройка, Дюмурье, Дантонъ и Лакруа, сговорились въ Бельгіи совершить, съ помощью штыковъ, государственный переворотъ и посадить на тронъ одного изъ Орлеановъ. Ласурсъ заключилъ такъ: «Народъ желаетъ правосудія. Онъ довольно насмотрѣлся на Капитолій и на тронъ, теперь ему хочется видѣть Тарпейскую скалу и эшафотъ». Такъ ослѣпила ненависть жиронду, что она вѣрила подобнымъ бабьимъ сказкамъ и изъ-за нихъ разрывала только-что заключенный миръ.

Дантонъ, какъ подстрѣленный вепрь, взбѣшенный, кипящій яростью, бросился на трибуну. Онъ протянулъ этимъ людямъ руку, хотѣлъ спасти ихъ отъ гибели, и вотъ они готовы предать его гильотинѣ, какъ государственнаго преступника!

Обратясь къ крайней лѣвой на горѣ, онъ началъ: «Долгое время казалось мнѣ необходимымъ, ради моего труднаго призванія, обуздывать мою буйную натуру. Вы за это обвинили меня въ слабости. Вы правы. Я сознаюсь въ этомъ передъ цѣлою Франціей. Тѣ самые, которые желали избавить тирана отъ меча правосудія (сильные перерывы оратора), теперь на столько безстыдны, что выступаютъ моими обвинителями». Тутъ начинается возраженіе, полное сокрушительныхъ нападокъ на жиронду. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Я окопался въ крѣпости разума; сдѣлаю вылазку съ оружіемъ правды и обращаю въ прахъ злодѣевъ, желающихъ меня обвинить»!

Якобинцы затрепетали отъ удовольствія и злорадства. Дантонъ опять ихъ. Это отреченіе въ гнѣвѣ и страсти означаетъ ихъ побѣду. Дантонъ, какъ и жиронда, дѣйствовалъ скорѣе по страсти, чѣмъ по зрѣлому обсужденію. Онъ зналъ, что пробьетъ и его часъ, и ради себя самого добивался союза съ жирондою. Но онъ былъ запальчиваго, кипучаго темперамента. Размышленіе явилось у него слишкомъ поздно. Такимъ образомъ, отпаденіе Дюмурье разрушило непродолжительный, ложный миръ между Дантономъ и жирондой. Дантону однако не хотѣлось вести борьбу съ этою партіей. Онъ даже и теперь старался еще сблизиться съ нею. Но это было невозможно. Для него едва ли оставался возвратъ, а для жиронды его вовсе не существовало. Якобинцы считали теперь свою побѣду несомнѣнною. Въ ближайшихъ къ этому роковому засѣданію недѣляхъ, отъ 1 апрѣля до конца мая, заключается развязка. Происходитъ открытый кулачный бой пролетаріата съ послѣдними остатками законнаго порядка и съ представителями страны. Жирондисты до конца оставались мужественны и послѣдовательны, хотя и не обнаружили ни малѣйшей способности къ энергичной революціонной тактикѣ. Страданія, испытанныя ими въ эту послѣднюю минуту ихъ политическаго существованія, разумѣется, и были причиною, почему позднѣйшіе историки относились къ нимъ столь снисходитель-

но. Послѣ нихъ наступаетъ долгая, страшная ночь ужаснаго деспотизма. Они послѣдніе смѣлые, но несчастные поборники умѣренной свободы. Поэтому и забываютъ, что они пали жертвой тѣхъ же самыхъ мѣръ, которыя сами употребляли нѣкогда противъ королевской власти.

Послѣдняя борьба жиронды. Конвентскіе комиссары*).

Послѣ сцены 1-го апрѣля и лишь черезъ три дня послѣдовавшей за нею катастрофы Дюмурье, нетерпѣливымъ, взбалмошнымъ головамъ горы показалось, что пора выпугнуть изъ конвента жиронду и, если можно, взвести ее на эшафотъ. Пустили въ ходъ извѣстную, хорошо организованную махинацію, въ видѣ бурныхъ петицій. Опять пришли патріоты секцій и улицъ и представили конвенту свои обвиненія. И здѣсь жиронда поплатилась за старый грѣхъ. Сколько разъ позволяла она толпѣ врываться въ собраніе и шумѣть при совѣщаніяхъ, пока находила это полезнымъ для своей борьбы съ королевскою властью! Теперь это обоюдоострое оружіе обратилось на нее самое. Изъ множества тогдашнихъ адресовъ два особенно замѣчательны по своей дерзости. 10 апрѣля секція хлѣбныхъ амбаровъ внесла адресъ, служившій выраженіемъ образа мыслей всѣхъ парижскихъ секцій. Онъ начинался объявленіемъ, что народъ усталъ смотрѣть, какъ всѣ его справедливыя просьбы тлѣютъ въ пыли комитетовъ, и заключался требованіемъ приговорить къ смерти Ролана съ партіей и изгнать изъ конвента всѣхъ подозрительныхъ депутатовъ, т. е. всю жиронду.

По этому поводу поднялась сильная буря. Робеспьеръ **) произнесъ одну изъ своихъ образцовыхъ рѣчей, просто переполненную ядовитыми клеветами. Верньо отвѣчалъ ему блестящею импровизаціей ***), начинавшейся словами: «Осмѣлюсь отвѣчать Робеспьеру, которому хочется вѣроломнымъ романомъ, искусно обработаннымъ въ затишьѣ кабинета, и холоднымъ остроуміемъ пробудить новые раздоры въ конвентѣ. Осмѣлюсь отвѣчать безъ приготовленія. Я могу обойтись безъ искусства, безъ котораго онъ безсиленъ. Мнѣ достаточно моего сердца... Я говорю не ради себя. Я знаю, что въ революціяхъ обыкновенно поднимаются грязные подонки народа и, достигнувъ поверхности, какъ бы господствуютъ надъ честными людьми. Ради себя я могъ бы переждать, пока снова не исчезнетъ это преходящее междуцарствіе; но я долженъ говорить для вразумленія Франціи, вводимой въ заблужденіе». И вотъ, Верньо, импровизируя, опровергаетъ съ двадцати

*) О событіяхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1793 года находимъ нѣсколько новыхъ подробностей у Шмидта: *Tableaux de la révol. française*, p. 117—379. О.

**) *Histoire parl.* 25, 337 sqq.

***) Тамъ же, 362 sqq.

точекъ зрѣнія всѣ обвиненія Робеспьера. При оглушительномъ одобреніи большинства, онъ заканчиваетъ: «Да будетъ это послѣдній день, теряемый нами въ неприличныхъ преніяхъ!»

Этотъ штурмъ отбить. Пять дней спустя, начался новый, посильнѣе. Парижская община прислала 15 апрѣля адресъ, совершенно открыто обвинявшій жиронду въ государственной измѣнѣ республикѣ и въ сообщничествѣ съ Дюмурье. Онъ требовалъ исключить и предать опалѣ 22 депутатовъ партіи «за нарушеніе ими закона своихъ избирателей» *).

Списокъ, само собою разумѣется, составили не анонимные подписчики, не умѣвшіе попадать столь вѣрно, а главная якобинская ложа, намѣревавшаяся однимъ ударомъ снять головы съ партіи, сломивъ всю ея ораторскую силу. Однако даже и по отнятіи этихъ головъ оставалось довольно большое туловище. 72 другихъ депутата имѣли вполнѣ въ виду, что дѣлали и говорили эти 22.

Предложеніе, заключавшееся въ этомъ адресѣ, было пока еще немного сильно. Требовалось побольше подготовки для осуществленія подобнаго шага. И на этотъ разъ жирондѣ удалось еще устранить адресъ, какъ недостойный націи и ея представителей (постановленіе 20 апрѣля).

Между тѣмъ, жиронда сдѣлала, съ своей стороны, первое нападеніе на Марата, друга народа. За безумный адресъ, въ которомъ онъ призывалъ гражданъ къ оружію противъ конвента, постановили арестовать его и допросить передъ революціоннымъ судомъ. Это походило на побѣду жиронды; но это лишь такъ казалось: въ дѣйствительности такой поступокъ былъ совершенно неполитиченъ. При лучшихъ условіяхъ попадали все-таки лишь въ одну голову изъ цѣлой партіи, хотя и въ самую безстыдную, однако не въ самую опасную. Маратъ былъ самъ по себѣ вполнѣ второстепеннымъ субъектомъ, выдававшимся лишь по своей наглости: онъ безстыдно трубилъ о томъ, что другіе обыкновенно говорятъ развѣ уже съ глазу на глазъ. Его, достойной проклятія, печати дозволяли усилиться и неистовствовать, пока еще легко было подавить ее. Хотя бы теперь и удалось заставить молчать одного, вмѣсто него тотчасъ явился бы другой: еще много было такихъ грязныхъ молодцовъ изъ клоака революціи. Пока жиронда не схватитъ за голову самого Робеспьера, напрасны всѣ ея жалобы на второстепенныя креатуры, всѣ ея преслѣдованія Марата.

Жирондѣ пришлось именно теперь потерпѣть отъ Марата самое чувствительное пораженіе. Революціонный судъ единогласно оправдалъ его. Граждане и граждавки, ждавшіе на улицѣ приговора, на своихъ плечахъ понесли Ма-

*) Между поименованными были: Brissot, Guadet, Vergniaud, Gensonné, Grangeneuve, Buzot, Barbaroux, Petion, Lanjuinais, Lasource (Hist. parlem. 26, 7).

рата, увѣнчаннаго дубовою зеленью, обратно въ конвентъ (24 апрѣля). Тутъ ужъ и Дантонъ подумалъ: «Что лишнее, то лишнее»!

Между тѣмъ какъ въ Парижѣ жиронда истощалась въ порывахъ, которые отчасти еле-еле отсрочивали ея паденіе, отчасти оканчивались ея открытымъ пораженіемъ, внѣ столицы хозяйничали, повсюду распространяя страхъ, 82 комиссара изъ конвента. Уже нѣсколько недѣль были они на своихъ мѣстахъ, съ фанатическимъ рвеніемъ раздувая борьбу пролетаріевъ съ собственниками, и внося ужасъ и анархію въ каждый городъ, въ каждую деревню.

Изъ рекрутъ, набранныхъ ими съ грубымъ насиліемъ по селамъ и городамъ среди сыновей средняго сословія, комитетъ общаго блага образовалъ, съ неутомимой дѣятельностью, войско на защиту границъ. Изъ черни, снабженной ими оружіемъ и подстрекаемой противъ богатыхъ, они составили лейбъ-гвардію своей партіи. Всѣ сопротивлявшіеся или негодные для обѣихъ цѣлей лишались покровительства закона. Ихъ арестовали толпами и заточали. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль бросили въ тюрьму въ отдѣльныхъ департаментахъ, произвольно, безъ тѣни законныхъ причинъ, 3 или 4 тысячи человѣкъ. Контрибуція съ богатыхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, уничтоженіе всѣхъ законныхъ властей, устройство руководимыхъ изъ Парижа, какъ изъ центра, верховныхъ конвентовъ черни по образцу парижской ратуши, словомъ, безграничный постоянный терроризмъ,—вотъ плоды дѣятельности комиссаровъ.

Эта обширная побѣда Робеспьера внѣ Парижа сильно воздѣйствовала на все еще неуясненное положеніе столицы. Здѣшніе комитеты начали дѣйствовать также, какъ отводки якобинскаго клуба по провинціямъ. Тутъ было еще много жирондистовъ, но они лѣниво и равнодушно оставляли дѣла идти своимъ путемъ. Почва, на которой теперь завоевывалось рѣшеніе, была не въ ихъ вкусѣ. Имъ не хотѣлось сойти на арену уличныхъ демагоговъ. Они презирали чернь, господствовавшую теперь. Они не желали употреблять уловокъ, которыми тутъ только и можно было дѣйствовать. Ихъ владѣніемъ была ораторская трибуна. Здѣсь ихъ никто еще не превосходилъ. И что такое всѣ обточенные сочиненія Робеспьера противъ одной импровизированной рѣчи Верньо? Что такое Мараты и Дантоны передъ полетомъ и благородствомъ жирондистскихъ ораторовъ? Но, вѣдь, они только ораторы, и ничего больше. Высказавъ основательно свое мнѣніе въ конвентѣ, они, довольные и гордые, отправляются въ Пале-Рояль, гдѣ наслаждаются взаимнымъ удивленіемъ передъ своею виртуозностью. Произнесетъ Верньо одну изъ своихъ великихъ рѣчей, и идетъ отдохнуть въ кругу знакомаго ему семейства, шалить тамъ съ дѣтьми, шутить съ дамами,—и доволенъ-предоволенъ. Что рѣчи слѣдуетъ сопровождать дѣлами, которые не достигаются парламентскими побѣдами, этого жирондисты никогда не понимали. Эта дѣтская

наивность, это суевѣріе во всемогущество своихъ рѣчей, эта робость передъ возбужденіемъ рѣшительнаго дѣла, не покинули ихъ и теперь, когда для нихъ вопросъ шелъ о жизни и смерти.

Оттого-то пока они могли отразить на нѣкоторое время грозившій имъ великій ударъ, въ частностяхъ они претерпѣвали пораженіе за пораженіемъ. Ихъ компанія почти уже была проиграна, прежде чѣмъ дѣло дошло до дѣйствительной главной битвы. Прошелъ рядъ декретовъ, которыхъ имъ не слѣдовало пропускать. Они или вяло боролись съ ними, или, какъ настоящія дѣти природы въ политикѣ, слишкомъ поздно обращали на нихъ вниманіе, уже почувствовавъ на себѣ заключавшійся въ нихъ ядъ.

Вышія цѣны и принудительный заемъ. Предложеніе Гаде 18-го мая.

Стариннымъ любимымъ желаніемъ патріотовъ въ клубахъ и въ предмѣстьяхъ было установленіе высшихъ цѣнъ (maximum), и прежде всего на хлѣбъ. Ни одинъ изъ безчисленныхъ бурныхъ адресовъ не обходился безъ этого требованія народа. Въ этихъ кружкахъ не произносилось ни одной рѣчи, не расходилось ни одного собранія безъ того, чтобы головы не разгорячались по этому поводу. Конвентъ до сихъ поръ постоянно отвергалъ эти предложенія. Теперь, 2 мая, они прошли; 8000 обитателей предмѣстій устроили грубую демонстрацію, непреминувшую произвести свое впечатлѣніе. Приняли высшую, или, вѣрнѣе, низшую (minimum) цѣну на хлѣбъ. Ею едва покрывались издержки производства. Этимъ страшно ограбили земледѣльческую часть населенія.

Другою любимой мечтой въ томъ же родѣ была контрибуція съ богатыхъ, подъ именемъ принудительнаго займа, для военныхъ цѣлей. Тутъ Монпелье подалъ нешуточный примѣръ, вынудивъ 5 милліоновъ! Парижъ не хотѣлъ отстать и обложилъ подобною податью въ 12 милліоновъ богатыхъ Парижанъ. Впрочемъ, здѣсь терроризмъ сокрушился о непредвидѣнное препятствіе. Мирные граждане воспротивились грабежу и сбросили съ себя въ секціяхъ прежнюю робость, думая теперь: «Лучше ужасный конецъ, чѣмъ ужасъ безъ конца». То же сообщалось въ энергическихъ заявленіяхъ изъ Бордо, Марсели, Ліона и Руана. Возрастающее неудовольствіе поднялось въ Парижѣ и внѣ его противъ озадаченныхъ якобинцевъ и въ пользу покинутой жиронды, которая теперь снова ободрилась и собралась съ послѣдними слабѣющими силами, чтобы нанести ударъ якобинцамъ. Замѣчательно, что жиронда еще въ послѣднія числа апрѣля и въ началѣ мая получила предложенія отъ Дантона. Онъ готовъ былъ поправить слѣдствія своей рѣчи 1-го апрѣля и опять работать вмѣстѣ съ нею. Но жирондисты ужъ больше не связывались съ нимъ.

18 мая въ конвентѣ послѣдовалъ ударъ, хорошо задуманный, но слиш-

комъ дурно подготовленный, какъ все, предпринимаемое жирондой. Въ началѣ засѣданія Гаде, осязательною параллелью послѣдней судьбы Длиннаго парламента *), показалъ, куда ведетъ насильственное возмущеніе меньшинства противъ большинства въ собраніяхъ. Онъ представилъ, какъ 50—60 «патріотовъ» *par excellence* сначала «очистили» парламентъ отъ большинства своихъ 150 противниковъ, а потомъ сами были разогнаны Кромвелемъ, который на одного кричалъ: «Ты воръ!» на другаго: «Ты пьяница!» и т. д., пока, наконецъ, не послалъ всѣхъ ихъ во-свояси.

Послѣ сильной перебранки изъ-за введенія въ конвентъ хорошей полиціи для защиты отъ черни его совѣщаній и членовъ, Гаде выступилъ съ предложеніемъ, которое должно было поразить зло въ корнѣ: «Надо, сказалъ онъ, имѣть мужество сондировать всю глубину нарыва. Зло заключается въ анархіи, въ возмущеніи властей противъ конвента,—властей, столь же алчныхъ до денегъ, какъ и до господства. Предлагаю поэтому три слѣдующія мѣры:

«1) Парижскія власти отмѣняются. Городской совѣтъ предварительно, и именно въ ближайшіе 24 часа, замѣняется начальниками секцій.

«2) Лица, долженствующія замѣнять конвентъ, собираются въ самый короткій срокъ въ Буржъ съ тѣмъ, чтобы образовать тамъ національное собраніе, укрытое отъ парижскихъ насилій, и сосредоточить тамъ республиканскую власть, какъ только они узнаютъ, что произошло покушеніе на свободу конвента» **).

При чрезвычайномъ движеніи, при громкомъ одобреніи съ правой и сильнымъ ропотѣ съ лѣвой стороны, выслушиваются эти предложенія. Колло д'Эрбуа восклицаетъ въ это время: «Теперь заговоръ открытъ!» Гаде прибавляетъ:

«3) Эти постановленія рассылаются по департаментамъ съ чрезвычайными гонцами.

*) Въ исторіи Англіи Длиннымъ называется тотъ парламентъ, который, во время первой революціи, просуществовалъ цѣлыхъ 13 лѣтъ (1640—1653). Здѣсь, когда революція, съ Оливеромъ Кромвелемъ во главѣ, одолѣла старый порядокъ вещей, крайняя пуританская партія, индепенденты, дѣйствительно, самовольно распорядилась съ большинствомъ, состоявшимъ изъ пресвитеріанъ. Она выгнала изъ залы засѣданій 81 членъ противной стороны, вслѣдствіе чего длинный парламентъ получилъ новое названіе туловища (*Rump*). Въ 1653 г., въ разгаръ своей славы и силы, Кромвель разогналъ штыками и этотъ общинный парламентъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ введенъ протекторатъ. Ред.

**) У Гейссера (стр. 412) эта статья предложенія Гаде изложена слишкомъ общо и далеко отъ подлинныхъ словъ Гаде. Она даже была бы совсѣмъ непонятна читателю, еслибы мы ограничились переводомъ словъ Гейссера. Вотъ почему мы перевели съ подлинныхъ словъ Гаде,—пріемъ, къ которому мы были вынуждены прибѣгнуть и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ.

«По принятіи этихъ мѣръ, заключаетъ онъ, мы станемъ работать съ душевнымъ спокойствіемъ людей, отнесшихъ въ безопасное мѣсто довѣренную имъ святыню».

То было сильное средство, спасительное дѣло, какъ для жиронды, такъ и для Франціи. Парижъ терялъ начальниковъ охлократіи, сидѣвшихъ въ конвентѣ. Господствующая чернь теряла, вмѣстѣ съ своими властями, органы, посредствомъ которыхъ она силой и страхомъ подавляла населеніе. Противоконвентъ въ ратушѣ становился недѣйствительнымъ, и на его мѣсто созывались законные представители общины, удаленные терроризмомъ клубовъ. Здѣсь попали въ сердце терроризма. А въ Буржѣ конвентъ пріобрѣталъ не только независимость отъ тираніи массъ, но и руководство возрастающею оппозиціей якобинцамъ, зашевелившимся по департаментамъ.

Въ первое мгновеніе собраніе увлеклось предложеніемъ. Большинство рукоплескало одобрительно, между тѣмъ какъ лѣвая сторона роптала, а галерея угрожала. Воспользуясь свѣжимъ рвеніемъ правой стороны, очевиднымъ изумленіемъ горы, неподготовившейся къ чему-либо подобному, прими и осуществи немедленно предложеніе,—и оставалась бы еще надежда на счастливый исходъ.

Тутъ выступилъ Бареръ, «Анакреонъ гильотины», по выраженію Борка. Онъ желалъ лишить жиронду, къ которой все еще его причисляли, ея послѣдняго убѣжища. Это одна изъ тѣхъ презрѣнныхъ натуръ, которыя способны плыть по всякому теченію, которыя послѣдовательны лишь въ постоянной и равномерной безхарактерности. Бареръ прошелъ всѣ фазы, съ роялиста до республиканца-фанатика, и теперь готовился вступить въ послѣднюю, оставшуюся ему. Онъ-то и отклонилъ искуною уловкой мечъ, поднятый надъ головой горы.

Въ кроткой рѣчи, никого не упрекая, объявляетъ онъ себя противникомъ предложенія Гаде, которое однако совѣтуетъ не отвергнуть, а замѣнить менѣе рѣзкимъ и все-таки дѣйствительнымъ. Пусть поведеніе столь сильно обвиняемаго городского совѣта будетъ разслѣдовано комитетомъ изъ 12 членовъ, которые сдѣлаютъ затѣмъ дальнѣйшія предложенія. Словомъ, дѣло откладывалось для болѣе зрѣлаго обсужденія. Такъ осторожны не были при рѣшеніи войны, въ процессѣ короля и въ другихъ роковыхъ вопросахъ...

За Барера, само собой разумѣется, были всѣ якобинцы; но къ нимъ присоединились еще и многіе нерѣшительные изъ умѣренныхъ, предпочитавшіе, при всѣхъ обстоятельствахъ, менѣе крутой путь. Такимъ образомъ, его предложеніе приняли. то-есть, все равно, что отвергли мѣры Гаде.

Комитетъ двѣнадцати образовался. Его задачей было разслѣдовать всѣ дѣйствія парижскаго общиннаго совѣта за послѣдній мѣсяцъ, развѣдать обо всѣхъ заговорахъ противъ свободы, собрать улики и схватить виновныхъ. Для этого онъ имѣлъ право обращаться за необходимыми справками къ министрамъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ и къ членамъ комитета общаго блага.

Такимъ образомъ, еще разъ возникъ комитетъ, и опять выборы пали на жирондистовъ. Разумѣется, тутъ не было вождей партіи, тутъ заседали лица втораго разряда. Но все-таки это былъ органъ жиронды, работавшій въ ея духѣ. Якобинцы, напротивъ, выиграли время, то-есть, въ этомъ случаѣ все.

Даже полупобѣда, доставшаяся жирондѣ, благодаря этому комитету, тотчасъ же поставила ее въ иное положеніе. Двѣнадцать работали съ большою энергіей. Они по закону господствовали надъ обстоятельствами. Они могли ниспровергнуть революціонныя власти, произвести, какъ въ ратушѣ, такъ и въ секціяхъ, полный переворотъ. Въ ихъ рукахъ было совершить всякій государственный переворотъ въ интересъ своей партіи. Они и не замедлили воспользоваться этимъ полномочіемъ сообразно съ планомъ. Они отправились въ ратушу, разсмотрѣли бумаги, оставили нѣсколько якобинскихъ чиновниковъ, выступили противъ секцій, приостановили 2—3 изъ самыхъ яростныхъ газетъ; арестовали кое-кого изъ извѣстнѣйшихъ зачинщиковъ по предмѣстямъ, какъ Гебера, Варле. Это безпримѣрно ожесточило противниковъ. Теперь и здѣсь уже больше не медлили съ послѣднимъ, крайнимъ средствомъ. Въ первые же дни по утвержденіи двѣнадцати, не было сомнѣнія въ рѣшимости якобинцевъ на беспощадное насиліе противъ своихъ враговъ. Патріоты ратуши протестовали въ конвентѣ прежде всего противъ притѣсненія, испытаннаго «превосходнымъ гражданиномъ», Геберомъ. Они сдѣлали это такимъ тономъ, что президентъ Инаръ воскликнулъ въ негодованіи: «Парижу слѣдуетъ уважать народное представительство. Если обезчестятъ конвентъ, если, среди одного изъ вѣчно повторяющихся волненій, о которыхъ власти никогда ничего не сообщаютъ конвенту, наложатъ руку на народныхъ представителей, то... объявляю это отъ имени всей Франціи (тутъ поднялся неописанный шумъ)... то погибнетъ Парижъ, и скоро пришлось бы разыскивать по берегамъ Сены, стоялъ-ли тамъ когда-нибудь этотъ городъ!» (25 мая).

Инаръ угрожалъ наступленіемъ провинцій на Парижъ и его демагоговъ.

Каково было настроеніе въ Бордо и Ліонѣ, въ Руанѣ и Марсели, какъ разсуждало здѣсь городское, а въ Вандеѣ и Бретани сельское населеніе, все это отлично знали въ Парижѣ. Еслибы только дали время этимъ врагамъ, терроризму въ столицѣ насталъ бы скорый конецъ. 12 лѣтъ тому назадъ, мы сами видѣли, какъ городское среднее сословіе въ провинціи приняло подобное же положеніе относительно побѣдоносной революціи въ Парижѣ *). Угроза Инара пробудила тѣ самыя чувства, съ какими тогдаш-

*) Гейссеръ намекаетъ на февральскую революцію. Припомнимъ, что его лекціи, печатаемые нами, были читаны въ 1860 году. Ред.

ніе парижскіе демагоги относились къ собранію палатъ, какъ къ неминуемому протесту департаментовъ противъ хозяйничанья столицы. Она удвоила страстную торопливость враговъ жиронды и поэтому была чрезвычайно пагубна для нея.

26 мая прошло въ различнымъ неудачныхъ покушеніяхъ на якобинскія демонстраціи. Въ конвентѣ все было спокойно. Но зато тѣмъ шумнѣе было въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ Робеспьеръ употреблялъ все усилія, чтобы поддержать бодрость въ своихъ товарищахъ. Но уже на другой день все пошло совершенно иначе. «Взрывъ готовъ произойти», послалъ сказать конвенту мэръ въ самомъ началѣ засѣданія. Маратъ открылъ нападеніе на комитетъ двѣнадцати словами, изъ которыхъ было видно, что созрѣли внѣшнія приготовленія къ сильному гнету надъ собраніемъ. Одна секція, у которой арестовали начальника, потребовала, чтобы комитетъ предсталъ предъ революціоннымъ трибуналомъ. «Прошло время жалобъ. Говоримъ вамъ, спасите республику, если не хотите, чтобы мы сами спасли ее».

Въ отвѣтъ на это президентъ сказалъ: «Собраніе прощаетъ вашу поспѣшность по вашей молодости. Знайте, что, заползетъ ли тиранія въ подвалъ, раскинется ли по площади, на тронѣ ли она, или на ораторской трибунѣ клуба, владѣетъ ли она скипетромъ или кинжаломъ, носитъ ли она на головѣ корону или шапку,—все-таки она тиранія и всегда будетъ тираніей».

Во время неистоваго шума, разразившагося по поводу этихъ словъ, на улицѣ явились предвѣстники нападенія челобитчиковъ, тотчасъ затѣмъ наводнившихъ конвентъ.

Противъ толпы неистоваго народа, желавшаго ворваться въ залъ, стояла у входовъ въ собраніе національная гвардія трехъ секцій, преданная жирондѣ. Пренія въ конвентѣ уже готовы были перейти въ открытый кулачный бой горы съ жирондой, какъ вдругъ появилась толпа въ 3 или 4 тысячи патріотовъ, овладѣвшая однимъ входомъ. Она широкимъ потокомъ разлилась теперь по лавкамъ конвента. О преніяхъ и голосованіи не могло быть и рѣчи. Инаръ оставилъ президентское мѣсто. Его занялъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ горцевъ, Геро-де-Сешель. Онъ обратился къ ораторамъ челобитчиковъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ и распушенія комитета двѣнадцати, съ знаменитымъ изреченіемъ: «Граждане! Сила разума и сила народа—одно и то же» *). При его предсѣдательствѣ были постановлены, не конвентомъ—онъ былъ потопленъ,—а горой

*) Эту замѣчательную фразу (*la force de la raison et la force du peuple sont la même chose*) студенты записали невѣрно (*Die Gewalt und die Vernunft des Volks sind eins und dasselbe*), а Онкенъ пропустилъ ее неисправленною, какъ и нѣсколько другихъ погрѣшностей въ запискахъ студентовъ Ред.

съ собравшеюся въ конвентѣ чернью, освобожденіе арестованныхъ и распущеніе комитета двѣнадцати.

Это было немного грубо. Такъ нагло не могли умертвить жиронды. На другое утро она въ полномъ составѣ явилась въ конвентъ и потребовала вторичной подачи голосовъ по рѣшенію, насильственно исторгнутому у собранія, когда его осадила сволочь изъ предмѣстій. Его, дѣйствительно, отмѣнили 280 голосами противъ 230; но новымъ арестомъ освобожденныхъ все-таки не осмѣлились распорядиться: остались при дальнѣйшемъ существованіи комитета и «предварительномъ» освобожденіи арестованныхъ. Этотъ оборотъ дѣлъ былъ возможенъ лишь въ отсутствіи помощниковъ, призванныхъ наканунѣ горой. А для горы такой результатъ былъ лишь поощреніемъ къ избѣжанію дальнѣйшихъ ошибокъ отъ медленности.

31-е мая и 2-е іюня. Паденіе жиронды.

Все болѣе и болѣе грозное движеніе по провинціямъ, ихъ очевидное желаніе идти на Парижъ, возрастающее безпокойство и распаденіе въ секціяхъ, все это не позволяло уже мѣшкать. Теперь и Дантонъ принялъ окончательное рѣшеніе. Онъ еще нѣсколько разъ протягивалъ руку жирондистамъ: «Да будетъ миръ между нами!» сказалъ онъ Верньо; но тотъ возразилъ: «Лучше открытая война, чѣмъ худой миръ». А на извѣстіе о кровавыхъ планахъ враговъ Верньо отвѣчалъ: «Лучше быть убитымъ, чѣмъ самому убивать».

Каково было теперь положеніе людей въ родѣ Дантона, это онъ самъ высказалъ весьма рѣзко, съ своею обычною грубостью *). «Мнѣ хорошо извѣстно, заявилъ онъ, что въ собраніи мы—меньшинство. За насъ лишь толпа нищихъ, которые патріотствуютъ только тогда, когда пьяны. Мы ничто иное, какъ горсть простофилей. Маратъ—лающій песъ, Лежандръ годець развѣ въ мясники. Остальные только и могутъ, что подавать голоса посредствомъ вставанья или сидѣнья. По таланту, мы гораздо ниже жирондистовъ. Но преодолѣй они насъ, и намъ вмѣнять въ преступленіе сентябрскіе дни, убійство Капета и 10-е августа. Поэтому—маршъ на нихъ. Это краснобаи, которые все совѣщаются и ходятъ ощупью въ потьмахъ. У насъ больше отважности, чѣмъ у нихъ, да еще въ нашемъ распоряженіи сволочь» **).

*) Barante. III, 133.

**) Barante (II, 477 sqq.) передаетъ, конечно по рассказамъ Лудовика-Филиппа, анекдотъ, показывающій, какъ ничтожна была вѣра Дантона въ республику. Дантонъ сдѣлалъ министерское предостереженіе принцу, неосторожно выразившемуся въ Парижѣ о сентябрскихъ убійствахъ. «Молодой человѣкъ!

Такъ началось, въ ночь съ 30 на 31 мая, великое возстаніе противъ конвента. Оно открылось бурными заявленіями противъ комитета двѣнадцати и завершило свое торжество 2 іюня арестомъ жирондистскихъ ораторовъ.

Рано утромъ 31 мая собрался конвентъ при громѣ пушекъ и боѣ въ набатъ. Главные жирондистскіе ораторы явились вооруженными. Они на все рѣшились. Пришли челобитчики. Дантонъ защищаетъ ихъ дѣло. Гадаетъ оспариваетъ и въ высшей степени раздражаетъ якобинцевъ. О комитетѣ двѣнадцати уже не было и рѣчи. Трибуны неистовствовали и шумѣли. Когда возбужденіе и смятеніе достигли надлежащей степени, явилась торжественная депутація изъ всѣхъ революціонныхъ городскихъ властей. Она прочла тему возстанія, какъ ее изложилъ Дантонъ въ одномъ адресѣ. Она объявляла мечь народа не одному комитету двѣнадцати, а всей партіи, предводители которой были поименованы: «Пора, говорилось тутъ, прекратить борьбу патріотовъ съ безумцами, осаждающими ихъ безпрестанно. Разумъ народа возмущенъ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ. Его величественный гнѣвъ готовъ вспыхнуть. Пусть трепещутъ его враги! Вся вселенная содрогнется отъ его мести».

Вечеръ наступилъ при сценахъ неописаннаго смятенія. Наконецъ, около 10 часовъ закрылось засѣданіе постановленіемъ, по которому уничтожался комитетъ двѣнадцати и захватывались его бумаги.

Это было не то, чего желали челобитчики. Пока еще свободны предводители жиронды, они не могли легко дышать. Дѣло шло о новомъ возмущеніи, которое не остановилось бы на просьбахъ и постановленіяхъ.

1-го іюня комитетъ возстанія началъ многочисленными арестами приводить въ порядокъ мятежныя секціи. Въ полной тайнѣ привлекъ онъ на помощь себѣ противъ конвента своихъ сосѣдей, 12,000 человекъ, назначавшихся къ походу въ Вандею.

Утромъ 2 іюня Марать самъ подалъ съ башни ратуши сигналъ къ набатному бою. Поднялись предмѣстья. 40,000 человекъ шли на конвентъ. Его, словно крѣпость, осадили прибывшія ночью войска, которыми, име-

замѣтилъ онъ. Вы говорите о томъ, чего не знаете. Это я далъ приказъ 2-го сентября, и долженъ былъ такъ сдѣлать. Я привелъ въ ужасъ это парижское населеніе, которое готово было кричать: «Да здравствуютъ Пруссаки»!.. Я спасъ республику: Франція должна мнѣ быть благодарна, а вы, можетъ-быть, больше, чѣмъ кто-либо». Герцогъ Шартрскій выразилъ удивленіе при этихъ словахъ. Дантонъ продолжалъ: «Кто знаетъ, что можетъ случиться? Эта страна не создана для республики. Придетъ время, она закричитъ: «Да здравствуетъ король»! Это можетъ васъ касаться, и то, что я сдѣлалъ, послужитъ къ расчищенію вамъ пути, къ устраненію препятствій».

емъ комитетовъ возстанія, командовалъ Анріо. Намѣревались склонить къ отреченію жиронду, какъ партію, и въ то же время арестовать ея вождей. Нѣкоторые якобинцы находили опаснымъ разсѣять конвентъ открытымъ насиліемъ. Это могло бы повести къ страшному отпору со стороны департаментовъ, а его безъ нужды не желали вызывать.

Первое, что въ засѣданіи того дня услышалъ собранный въ довольно большомъ числѣ конвентъ, были извѣстія о серьезномъ возстаніи въ департаментахъ Ардешъ и Лозеръ, о кровавомъ мятежѣ въ Ліонѣ, кончившемся поражениемъ террористовъ, и о новыхъ событіяхъ междуусобной войны въ Вандеѣ. Затѣмъ слѣдовали уже не пренія, а рядъ сценъ бѣшенныхъ страстей. Ругались и проклинали; угрожали кулаками и пистолетами. Ораторская трибуна нѣсколько разъ чуть не обагрилась кровью. Въ одну изъ немногихъ минутъ затишья Бареръ, по уговору съ Дантономъ, внесъ предложеніе, приглашавшее депутатовъ, обвиненныхъ парижскимъ департаментомъ, добровольно сложить съ себя на время свои полномочія. Лишь Инаръ и еще трое согласились на это. Остальные заявили желаніе остаться на своихъ мѣстахъ. Большинство изъ осажденныхъ, именно Ланжюине, Барбару, вели себя съ рѣдкимъ мужествомъ. И Верньо, несмотря на мягкость своей натуры, явился героемъ больше, чѣмъ когда-либо. Все, что умъ, остроуміе, мужество и нравственное превосходство могутъ сдѣлать съ грубыми массами, было исполнено жирондистами 2 іюня. Это былъ ихъ славный день. На протестъ жиронды, что конвентъ не свободенъ, Бареръ предложилъ самому собранію испытать это. Въ торжественномъ шествіи конвентъ отправился вонъ. Но съ нимъ случилось то же, что съ Людовикомъ XVI 18 апрѣля 1791 г., когда онъ собрался ѣхать въ С. Клу. Конвентъ узналъ, что находится въ плѣну у подкупленной сволочи. Грозно скомандовалъ Анріо своимъ пушкарямъ и тѣмъ прогналъ его назадъ въ зданіе.

Такъ-то окруженная пушками и штыками гора составила списокъ депутатовъ, которыхъ слѣдовало арестовать прежде всѣхъ. Запуганное, дрожащее отъ страха большинство согласилось на это предложеніе.

Конвентъ распорядился домашнимъ арестомъ депутатовъ: Жансонне, Верньо, Бриссо, Гаде, Горса, Петіона, Саля, Шамбона, Барбару, Бюзо, Биротто, Рабо, Ласурса, Ланжюине, Гранжнева, Лесажа, Луве, Валазе, Дульсе, Лидона, Легарди, всѣхъ членовъ комитета двѣнадцати, исключая Фонфреда и С. Мартена, и министровъ Клавьера и Лебрена, — всего 32 человѣка.

Эта мѣра имѣла еще видъ кротости и снисходительности. Не было назначено ни процесса, ни тюрьмы: ограничились домашнимъ арестомъ. Парижскій департаментъ изъявилъ готовность извѣстнымъ числомъ заложниковъ поручиться за жизнь обезоруженныхъ. Эту кажущуюся снисходительность вынудилъ у якобинцевъ Дантонъ. Ему хотѣлось устранить жиронду, но крови ея онъ не требовалъ. Спрашивалось только, надолго ли уцѣлѣетъ онъ самъ послѣ того, какъ уничтожено послѣднее препятствіе къ организаціи террора?

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

ТЕРРОРЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ МЕЖДУУСОБІЕМЪ И ЕВРОПОЙ РАЗЛОЖЕНІЕ.
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПАРТІЙ ДО 9 ТЕРМИДОРА. СЪ ІЮНЯ 1793-го ДО
27 ІЮЛЯ 1794 ГОДА.

ГЛАВА XVI.

Опасное положеніе Франціи внутри и извнѣ при началѣ террора. Спасеніе, благодаря слабости коалиціи.

Пока засѣдалъ конвентъ, нація почти ни о чемъ не слыхала, кромѣ парламентскихъ волненій, безплодныхъ преній, ожесточеннаго раздора партій, безстыдныхъ петицій и нескончаемыхъ комитетовъ. Впродолженіе цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ ничего не сдѣлали для организациі разстроеннаго государства, для вооруженія угрожаемаго иностранцами народа. Франція была теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ никогда еще не бывала. Въ ту самую минуту, когда едвали не весь западъ государства стоялъ подъ ружьемъ въ открытомъ возмущеніи противъ якобинцевъ, когда главные города самыхъ значительныхъ департаментовъ возстали противъ парижскаго ига, война на границѣ принимаетъ самый благопріятный для враговъ оборотъ. Союзники не только возвратили себѣ потерянное, Бельгію, прирейнскія земли и крѣпость Майнцъ, но, завоевавъ, въ первой половинѣ іюля, Конде, а во второй Валансьенъ, вырвали и самыя важныя звѣнья изъ сѣверо-восточной цѣпи французскихъ крѣпостей. Дорога въ Парижъ была открыта военной силѣ въ 200,000 человѣкъ, а противъ нея стоялъ крайне разьединенный народъ, терзающій самъ себя, да войско безъ оружія, безъ продовольствія, безъ офицеровъ и безъ дисциплины. Такое безпримѣрное со-

стояніе было дѣломъ партійки, управлявшей тогда Франціей. Франція, разумѣется, спаслась и на этотъ разъ, какъ въ 1792 г., но не терроромъ, который привелъ ее на край ужасной катастрофы, а слабостью коалиціи. Эта послѣдняя уступила безпримѣрно благопріятное положеніе, потому что уже ни одна держава не была предана войнѣ всѣмъ сердцемъ. Пруссія и Австрія горѣли нетерпѣніемъ покинуть войну: первая, чтобы схватить польскую добычу, а вторая, чтобы не отстать отъ земельного барышничества и, въ случаѣ неудачи баварскихъ проектовъ, хотъ помѣшать Пруссіи увеличиться. У каждой стороны были свои собственные заднія мысли, а потому онѣ и не двигались съ мѣста. Въ угоду Англичанамъ рѣшились, наконецъ, вмѣсто Парижа, идти на Дюнкирхенъ и обложить эту, столь важную для Англичанъ, крѣпость. Такимъ образомъ, Франціи дали три мѣсяца на вооруженіе. Будь единство въ коалиціи, да способный, энергичный предводитель во главѣ ея войскъ, положеніе Франціи стало бы по-истинѣ отчаяннымъ. Въ эту минуту неслыханнаго несогласія, откуда было ей взять воодушевленіе и самопожертвованіе для отраженія врага? Почти всѣ департаменты видѣли въ новомъ правленіи посягательство на все, что было имъ дорого и свято, а въ побѣдѣ этой партійки надъ единственнымъ врагомъ, превосходившимъ ее по внѣшней силѣ,—уничтоженіе послѣдняго препятствія, которое сколько-нибудь сдерживало еще войну всѣхъ противъ всѣхъ.

Французы, частью по незнанію, частью по духу партій, ни слова не говорятъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. У нихъ вовсе не упоминается о польскихъ дѣлахъ, имѣвшихъ рѣшительное значеніе для всего хода войны. А между тѣмъ на нихъ долгое время покоилась вся наша нѣмецкая политика, что можно доказать теперь документами. Вы найдете это частью у Зибеля, частью въ моей «Нѣмецкой Исторіи». Документы по этимъ дѣламъ представляютъ не только самый рѣзкій приговоръ близоручкой политикѣ нашихъ великихъ державъ, но и ясное опроверженіе сказки о томъ, будто терроръ спасъ Францію отъ величайшей опасности въ ея жизни. Французы охотно рассказываютъ, будто до описываемой минуты война лишь потому была такъ несчастлива, что терроръ не стоялъ еще у кормила правленія; а какъ только спали съ него узы, онъ точно волшебнымъ мановеніемъ извлекъ изъ земли войска, офицеровъ, оружіе и запасы. Передъ этимъ колоссальнымъ энтузіазмомъ къ свободѣ иностранцы и сложили-де оружіе.

Это совершенно ложно. Невозможнаго не сдѣлать никакому энтузіазму. хотя бы надъ нимъ и висѣлъ бичъ террора. Съ тѣхъ поръ прошло еще три мѣсяца, прежде чѣмъ французскому войску пришлось похвалиться побѣдой. И эти три мѣсяца подарила Франціи коалиція. Энтузіазмъ французскихъ армій на первый разъ былъ еще таковъ, что восточная армія считала своихъ дезертировъ не тысячами, а десятками тысячъ.

Вотъ тогда только, послѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ, благодаря упущенію времени державами старой Европы, могло подготовиться то великое потрясеніе, котораго не избѣжало ни одно государство съ старымъ порядкомъ вещей. Такъ и слѣдовало. Надо было перерыть до основанія и перетряхнуть старый государственный строй, чтобы на его развалинахъ образовать новый.

Гражданская война. Департаменты. Возстаніе въ Вандеѣ.

За дѣло, погибшее въ Парижѣ 2-го іюня, схватились въ западныхъ центральныхъ департаментахъ. Все среднее сословіе по городамъ, все, что принадлежало къ зажиточному классу, сходилось съ жирондой въ страшномъ отвращеніи къ новому правительству, исполненному безграничнаго насилія противъ жизни и собственности мирныхъ гражданъ. Города: Бордо, Реннъ, Монпелье, Эвре, Канъ, Лиможъ, Тулуза, Марсель, Нимъ, Гренобль, Ліонъ, вступились за жиронду. Конвентъ осаждали адресами, дышавшими однимъ чувствомъ къ «горсти нечестивыхъ злодѣевъ.» Въ нихъ довольно не двусмысленно грозили походомъ на Парижъ. «Какая, говорили граждане Ренна, обязанность народа въ теперешнемъ положеніи? Возстать одинъ за другимъ, идти въ Парижъ, не для покоренія его, а для подкрѣпленія тысячей гражданъ, дожидających тамъ лишь нашего прибытія, чтобы свергнуть порабощеніе и возвратить народнымъ представителямъ ихъ достоинство и свободу».

Эта оппозиція всего серьезнѣе проявилась въ Ліонѣ. Здѣсь, кромѣ кое-какихъ связей съ эмигрантами, основавшимися прежде всего въ Туринѣ, умы высшихъ классовъ богатаго купечества были, по чувству самосохраненія, настроены въ пользу законнаго порядка. Но, рядомъ съ этимъ, тутъ была и масса рабочаго населенія, вдвойнѣ доступная соблазнительному ученію якобинцевъ. Съ 10 августа, а еще больше съ сентябрьскихъ убійствъ, городъ этотъ находился въ страшномъ броженіи. Здѣсь шла рѣчь не о политическихъ задачахъ. Тутъ жизни и собственности зажиточныхъ прямо угрожала война пролетаріевъ. И тутъ нашелся Маратъ, въ лицѣ нѣкоего Шалье, организовавшаго революціонный общинный совѣтъ и революціонную армію. Но въ здѣшнихъ секціяхъ господствовалъ другой духъ рѣшимости и энергіи, чѣмъ въ парижскихъ.

Когда 29 мая дѣло дошло до борьбы вокругъ ратуши, мятежниковъ побѣдили; Шалье былъ схваченъ и потомъ казненъ. Этотъ исходъ прямо совпалъ съ низверженіемъ жиронды въ Парижѣ. Второй городъ Франціи стоялъ, торжествуя, на сторонѣ побѣжденныхъ 2 іюня.

Все это, разумѣется, казалось страшнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности. Вообще у всѣхъ этихъ элементовъ сопротивленія было лишь опа-

сеніе за кровь и семью, за жизнь и имущество. Тутъ не было никакой политической мысли и, прежде всего, никакого единства въ руководствѣ. Что во время этого движенія вожди жирондистовъ, которыхъ иностранцы сто разъ увѣряли, будто Франція отомститъ за нихъ ихъ врагамъ, сидѣли подъ арестомъ (впрочемъ легкимъ), это ничего не значило. Они не были способны доставить этому движенію то, чего ему не доставало, — единство и вождей. Они не были люди дѣла, люди беззавѣтной, отважной рѣшимости. Имъ во всѣхъ обстоятельствахъ приходилось подчиняться меньшинству, знавшему, что не побѣди оно—и эшафотъ его вѣрный удѣлъ. Ненависть, разумѣется, была неописанная, если такъ оборонялись старые города, Тулуза и Марсель, если Тулонъ охотнѣе отворилъ свои ворота Англичанамъ чѣмъ посланцамъ новаго правительства. Но отъ этого было еще далеко до похода въ Парижъ. Что тутъ требовалось, это испыталъ въ Нормандіи, къ своему горькому разочарованію, старый генералъ-роялистъ, Вимпфенъ.

Въ ту самую минуту, когда союзники стояли уже на французской землѣ, Англичане намѣревались овладѣть Тулономъ, а большіе южные и центральные города съ силой отчаянія принимались за оборону противъ якобинцевъ, яркое пламя охватило на западѣ старую католическую и королевскую Францію.

То, что въ другихъ мѣстахъ раздражало мирныхъ гражданъ противъ парижскихъ террористовъ, не имѣло ничего общаго съ роялизмомъ и еще менѣе съ противореволюціей, хотя якобинцы постоянно кричали объ этомъ.

Въ Вандеѣ же открыто поднялась противореволюція. Также и въ Бретани. Здѣсь изъ этого развилась мѣстная война роялистовъ-поселянъ съ республиканцами-горожанами.

Въ Вандейцахъ *) текла преимущественно старокатолическая кровь. Ихъ едва затронуло умственное развитіе остальной Франціи. Въ этой мѣстности было мало городовъ. Въ уединенныхъ же деревушкахъ, на отдаленныхъ фермахъ, плохо соединенныхъ гадкими дорогами, жило населеніе, ничего не знавшее о большомъ свѣтѣ. Все, что въ другихъ мѣстахъ волновало и потрясало людей, не проникало въ этотъ уголокъ. Здѣсь земледѣльцы были еще неизмѣнно преданы помѣщикамъ, которые не были кровопійцами, а жили съ своими крестьянами за-просто и справедливо. Тѣ и другіе одинаково строго держались старой католической вѣры. Церковно-служитель въ Вандеѣ былъ далекъ отъ высшаго чиновнаго духовенства, отъ теократической надмѣнности духовныхъ остальной Франціи. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ пресловутыми abbés. Онъ вышелъ изъ крестьян-

*) *Guerres des Vendéens. 1824, 4 vls.* Здѣсь на 9—64 стр. I-го тома находится превосходное введеніе о прежнемъ состояніи этой мѣстности.— См. также мемуары: Turgreau, Bonchamps, Laroche-Jaquelin, Carnot.

ства и остался столь же вѣренъ своему происхожденію, какъ и оба другія сословія. Дворянинъ на одномъ и томъ же клочкѣ земли дѣлилъ съ своими крестьянами горе и радость. Священникъ управлялъ совѣстью обоихъ. Всѣ три сословія были счастливы, довольны своимъ положеніемъ и ничего не знали о ненависти и жадѣ новизны, которыя бушевали въ этихъ сферахъ по другимъ мѣстамъ королевства.

Здѣсь не понимали новой Франціи. Здѣсь холодно, даже съ гнѣвомъ, приняли постановленія 4-го и 5-го августа, это «богатое приданое революціи»; а *constitution civile du clergé* *) воспламенило ненависть. Эти люди вообще немного уразумѣли изъ нововведеній; но что у нихъ хотѣли отнять священника, не принесшаго безбожной присяги, похитить сыновей, чтобы втиснуть ихъ въ армію цареубійць, это они поняли. Они не хотѣли допустить этого, признавая за собой право и свободу, за которыя и боролись съ одушевленіемъ, даже съ фанатизмомъ.

Но несчастная провинція была одинока. Такъ какъ Франція не могла устроиться подобно Вандеѣ, то именно послѣдней и пришлось погибнуть. Все описанное положеніе дѣлѣ было крайне лестно для мало-мальски бдительнаго врага. Но коалиція была не такова. Въ ней у каждой стороны были свои собственныя цѣли: одна осуждала другую на самое постыдное бездѣйствіе.

Рядомъ съ этимъ интересна работа партіи, готовой всѣмъ рисковать, попиравшей право, законъ, принципы. Она достигла, по крайней мѣрѣ, одного: нація пришла въ состояніе лихорадочнаго движенія и дѣятельности, чего, конечно, вовсе еще не замѣчалось 2-го іюня. Не въ терроризмѣ заключалось спасеніе Франціи, а именно въ томъ, что здѣсь силы не были истощены исполнѣ въ безплодныхъ раздорахъ. Напротивъ, ихъ собрали для великой цѣли, хотя, конечно, съ неслыханнымъ насиліемъ, съ непримѣрнымъ кровопролитіемъ. Такъ здѣсь мало-по-малу достигли возможности побѣдить и терроръ.

Переходъ къ единовластію якобинцевъ. Робеспьеръ.

Большое затрудненіе, мѣшавшее побѣдителямъ 2 іюня исполнѣ насладиться успѣхомъ, представлялъ вопросъ: что дѣлать съ тѣми жирондистами, которые пренебрегали побѣгомъ изъ-подъ своего легкаго ареста точно такъ же, какъ и всякимъ соглашеніемъ, и на сторонѣ коихъ стояло огромное большинство Французовъ?

Послѣ того, какъ шайкамъ, которыя въ послѣднемъ возстаніи спасали

*) См. стр. 155.

государство за 40 су на брата, заплатили еще дешевле, это обстоятельство выступило на первый планъ.

6-го іюня Бареръ, отъ имени комитета общаго блага, представилъ объ этомъ удивительный докладъ, какъ и всѣ его предложенія— вѣрный барометръ господствующаго настроенія. Понимая, что дѣло жиронды еще не потеряно, онъ осуждалъ 2 іюня, но, не менѣе того чувствуя приближеніе единовластія якобинцевъ, сдѣлалъ такъ, какъ будто это дѣло ихъ вовсе не касалось. Онъ не былъ ни за кого, ни за жиронду, ни за якобинцевъ. Когда, 8-го іюня, Робеспьеръ воспротивился его предложеніямъ во вредъ тираніи революціонныхъ комитетовъ и въ пользу временнаго покровительства жирондистамъ, онъ тотчасъ взялъ ихъ назадъ. Онъ былъ готовъ перепрыгнуть въ другой лагерь.

Робеспьеръ развивалъ тогда въ своей рѣчи взгляды, которые оправдывали его безграничное господство, какъ неизбежную необходимость, какъ требованіе самосохраненія, въ глазахъ всякаго, кто такъ далеко зашелъ, что ему уже не было возврата. «Повѣрьте, говорилъ онъ, отечество уже не въ силахъ долго переносить путаницы, господствовавшей до сихъ поръ въ нашей средѣ. Извнѣ насъ окружаютъ враждебныя арміи; въ нашихъ пограничныхъ войскахъ мы все еще должны опасаться измѣнниковъ *). Внутри страны еще не погашено пламя мятежа, и намъ слѣдуетъ позаботиться, чтобы оно не разгорѣлось еще сильнѣй. Дѣйствительно, взгляните на наше внутреннее положеніе. Марсель въ состояніи противореволюціи. Бордо на пути къ ней. Въ Ліонѣ аристократія погружаетъ мечъ въ сердце лучшихъ гражданъ... Нужно истребить эту борьбу. Положеніе, въ которомъ находятся большіе города, угрожало овладѣть и Парижемъ. Эти города утопаютъ въ крови добровольнаго возстанія безчисленнаго народа, и Парижъ плавалъ бы въ ней».

Ясно, куда стремится Робеспьеръ. Терроръ послѣдовательно доводится до крайности. Жирондистамъ надо пасть. Они теперь то же, чѣмъ были нѣкогда въ Тамплѣ король, заложники противореволюціи. Съ ними падутъ и всѣ ненадежные, нерѣшительные и колеблющіеся, и въ первомъ ряду Дантонъ, выказавшій именно въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно подозрительную умѣренность.

Послѣ доклада Барера и печальнаго приѣма, встрѣтившаго предложенія комитета общаго блага, на первый планъ выдвигаются личности, работавшія доселѣ главнымъ образомъ за кулисами клубовъ и ратуши. Соціально-демократическая партія, которая съ 1789 г. постоянно появлялась лишь въ свитѣ или въ союзѣ съ какою-нибудь другою, хватается теперь самостоятельно за кормило правленія. Люди, необходимые съ 10-го

*) Робеспьеръ подразумѣваетъ здѣсь генераловъ изъ аристократовъ.

августа, по своему господству надъ клубами и ратушей, но вовсе не представлявшіе независимой, самобытной силы, Робеспьеръ, С. Жюсть да Кутонъ, задають теперь тонъ, вытолкнувъ жиронду и опередивъ Дантона.

Пришло время, когда требовалось быть либо молотомъ, либо наковальней. Идеалъ Робеспьера приблизился къ своему осуществленію *). 2-е іюня было дѣломъ этого человѣка въ сообществѣ съ другими: то, что предстояло теперь, принадлежало ему одному.

Франція впервые узнала этого человѣка въ 1789 г., какъ оратора крайней лѣвой стороны. Среди блестящихъ талантовъ, среди пламенныхъ патріотовъ перваго собранія, онъ разыгрывалъ роль чудака-святого. Своимъ оригинальнымъ воззрѣніемъ на государство, далеко расходившимся съ господствовавшими тогда идеями, онъ попеременно возбуждалъ то смѣхъ, то ропотъ. Но для смѣющихся у Мирабо уже тогда готово было слово: «У этого человѣка есть будущее. Онъ вѣритъ въ то, что говорить». Въ немъ не было ничего, что ослѣпляетъ или подкупаетъ. Его голосъ былъ тонокъ и рѣзокъ; его выраженія были лишены теплоты, увлеченія и колорита. Его воззрѣнія постоянно вертѣлись въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругу. Онъ дѣлалъ свои предложенія съ сухой монотонностью и поучительнымъ назиданіемъ методиста-проповѣдника, всю мудрость котораго знаешь наизусть, послушавъ его разъ. Отсюда невыносимая скука, за которую столь часто прерывали его. Въ первое время ему почти никогда не давали договорить.

Но онъ оставался вѣренъ себѣ въ своемъ ученіи; неутомимо стоялъ за него даже и тамъ, гдѣ пріобрѣталъ имъ не лавры, а однѣ насмѣшки. Въ учредительномъ собраніи онъ лишь протестовалъ. Съ послѣдовательностью, ни разу не колебавшеюся, настаивалъ онъ на своей вѣрѣ въ *Contrat Social* Руссо, коему самъ былъ фанатически преданъ. Міръ узналъ одинокаго чудака по Монитёру, помѣщавшему цѣлую кучу его протестовъ. Толпа замѣтила человѣка, среди постоянныхъ заявленій коего особенно просто и прѣвлекательно звучало слѣдующее: «Народъ чистъ и хорошъ, но его правители и представители дурны».

Робеспьеръ всегда оставался одинаковымъ. Правда, онъ съ лицемернымъ, фарисейскимъ самохвальствомъ прославлялъ себя за свое постоянство; но несомнѣнно, что онъ съ необыкновенной ловкостью сумѣлъ пріобрѣсти славу непогрѣшимой вѣрности убѣжденіямъ. А это—сила при всѣхъ обстоятельствахъ, въ особенности же въ подобныя минуты, какъ описываемыя. Какихъ партій и программъ не поглотила уже революція! Какимъ превратностямъ не подвергались видные вожди! Послѣ такого прошлаго, откуда взяться довѣрію къ будущему? Среди демагоговъ

*) Hamel: Histoire de Robespierre 3 vls. Смѣлая апологія. О.

Робеспьеръ былъ единственною, еще не растраченною силой. Перенесясь въ настроеніе господствовавшихъ теперь кружковъ, можно понять, что бѣльшимъ довѣріемъ пользовался лишь тотъ, въ чьей жизни замѣчалось доселѣ меньше скачковъ и противорѣчій, тотъ, кто, хотя бы и не съ особеннымъ остроуміемъ и скромностью, непрерывно держался одного и того же евангелія.

Робеспьеръ неутомимо трудился надъ созданіемъ подобнаго положенія, и метода, которой онъ слѣдовалъ при этомъ, была мастерски рассчитана. Уже въ ноябрѣ 1792 года *Patriote français* *) превосходно изобразилъ его съ этой стороны. «Онъ гремитъ противъ сильныхъ и богатыхъ. Онъ довольствуется немногимъ и не знаетъ физическихъ потребностей. У него только одно призваніе—говорить, и онъ говоритъ безпрестанно. Онъ создаетъ себѣ школу, у него есть свои тѣлохранители. Онъ привѣтствуетъ якобинцевъ, когда увѣренъ, что пріобрѣтетъ себѣ приверженцевъ среди нихъ. Онъ молчитъ, когда есть опасность пострадать его кредиту. Онъ отказывается отъ мѣстъ, на которыхъ могъ бы служить народу, и выбираетъ такія, гдѣ можетъ господствовать надъ нимъ. Онъ появляется, когда надѣется привлечь вниманіе, и исчезаетъ, когда сцена занята другими. У него всѣ характеристическія черты не основателя религіи, а главы секты. Онъ пріобрѣлъ себѣ славу нравственной строгости, мѣтящей въ святость. Онъ взлѣзаетъ на скамьи, говоритъ о Богѣ и Провидѣніи, называетъ себя покровителемъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Его свита—женщины и нищіе духомъ».

Никто не зналъ, чтобы за нимъ былъ какой-нибудь особенный порокъ. Онъ казался справедливымъ, неподкупнымъ, простымъ и воздержнымъ,—словомъ, вполне такимъ, какимъ всегда прославлялъ себя.

Французская школа, желающая обоготворить его, какъ удивительную голову, слишкомъ высокаго мнѣнія о его умственныхъ дарованіяхъ. Онъ не творческій, зиждущій талантъ. Послѣдовательность для него легка, такъ какъ его политика—пустое отрицаніе. Это ясная, логическая голова, но безъ всякой геніальности. Ему недостаетъ и дерзкой отваги истинныхъ демагоговъ. 10-го августа онъ сидѣлъ въ тѣни своей комнаты и въ тихомъ углу переживалъ всѣ взрывы, имъ подготовленные. При этомъ онъ бездушенъ, завистливъ, истинно-неблагороденъ. У него ненависть настоящаго пролетарія ко всему выдающемуся, ко всякой аристократіи, и именно къ аристократіи таланта. Между тѣмъ какъ на устахъ у него вѣчно гуманность и добродѣтель, въ сердцѣ у него ядъ и желчь. У него нѣтъ добродушія, свойственнаго Дантону при всей его дикости и революціонной страстности.

*) *Histoire parlement.* 21, p. 21.

По своей натурѣ, Робеспьеръ неспособенъ потрясать и увлекать массы: но тѣмъ выше его талантъ въ революціонной организаціи. Съ изумительнымъ мастерствомъ, съ вѣчно-бодрой, неутомимой дѣятельностью, выковалъ онъ себѣ въ полной тиши, въ клубѣ и въ ратушѣ, оружіе для искорененія всякой другой силы. Съ чутьемъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ, вывѣдываетъ онъ болѣзнь мѣста своихъ враговъ и соперниковъ и, когда настанетъ минута, хладнокровно наноситъ ударъ. Онъ ищетъ власти ради самой власти, не такъ, какъ Дантонъ, наслажденію и разврату коего завидовали массы. Его нравственная строгость не такъ безупречна, какъ ее обыкновенно прославляютъ. Знавшіе его хорошо, могли поразсказать и объ «оргіяхъ» сего святаго. Но эти вещи дѣйствовали на него иначе, чѣмъ на Дантона. Онѣ не совращали его съ пути и нисколько не уменьшали его энергіи. Непомѣрно было его франтовство самимъ собой. Разъ навѣстилъ его Барбару и нашелъ его комнату переполненною изображеніями и бюстами Робеспьера всѣхъ сортовъ, положеній и размѣровъ. Но его личное самохвальство блѣднѣло передъ тѣмъ тщеславіемъ, съ которымъ онъ лелѣялъ свое прославленіе въ народѣ. Въ тысячѣ оборотовъ *) умѣлъ онъ внушать ему, будто въ немъ процвѣтаетъ все доброе и прекрасное, а все, на что народъ смотритъ косо, отравлено и обезсилено.

Этотъ человѣкъ былъ теперь владыкой минуты. «Не по словамъ, а по дѣламъ слѣдуетъ судить человѣка», сказалъ однажды Робеспьеръ. Такъ давайте и мы судить его по его дѣламъ, а не по словамъ!

Первымъ его созданіемъ суждено было быть конституціи, отъ которой онъ ожидалъ чудесъ, если послушать его да посмотрѣть на его рвеніе. Спокойствіе, миръ, согласіе, законъ и порядокъ вернутся въ растерзанную Францію. Должно замѣтить, что по устраненіи конституціоннаго проекта жирондиста Кондорсе, поручили Геро де Сешелю составленіе новаго. Онъ скоро принялся за дѣло, въ какомъ духѣ — видно изъ знаменитаго письма, въ которомъ онъ говоритъ, что послалъ въ бібліотеку и выпросилъ себѣ для изученія произведенія царя Миноса. Еще лучше его серьезное заявленіе: «Я сдѣлаю конституцію до того непримѣнною, что, бьюсь объ закладъ, она останется клочкомъ бумаги».

Вполнѣ непримѣнима и была конституція *), утвержденная 23 іюня, особенно та ея часть, гдѣ Робеспьеръ работалъ всего больше, именно человѣческія права. Она провозглашала въ теоріи безграничную самопомощь народа противъ всякаго угнетенія, а между тѣмъ никто не попиралъ ея

*) См. подборъ фактовъ у Баранта (III, 63), который справедливо говоритъ о Робеспьерѣ: «У него была жилка общихъ мѣстъ» (il avait la verve des lieux communs). О.

*) Объ ней см. у Баранта (III, 217). О.

безбожнѣ, чѣмъ сами законодатели. Якобинцы были чрезвычайно недовольны конституціей. Шабо воскликнулъ въ клубѣ: «Да, вѣдь, тутъ недостаетъ обезпеченія хлѣбомъ тѣхъ, у кого его нѣтъ; недостаетъ уничтоженія бѣдности и нищеты. Конституція говоритъ о социальныхъ, а не объ естественныхъ правахъ. Она предоставляетъ произволу законодателей распределение налоговъ и не предписываетъ прогрессивной подати. Она создаетъ колоссальную исполнительную власть, убивающую свободу, а во всякой исполнительной власти заключаются сѣмена королевской власти... Но, скажутъ, коли только одна власть, что ручается тогда за свободу? Отвѣчаю: ручается гильотина». Такія и подобныя заявленія раздавались безпрепятственно. Отчего нѣтъ новыхъ конфискацій? спрашивали одни. Почему нѣтъ дальнѣйшихъ мѣръ террора противъ семей эмигрантовъ? говорили другіе. Отчего такъ мало казней? спрашивали третьи. Въ отвѣтъ на эти вопросы явилось и отступное. Возникли: принудительный заемъ, декретъ противъ ростовщиковъ, лишавшій всю торговлю покровительства закона, и мѣра противъ ассигнатовъ временъ королевства. Эти-то и подобныя вещи потомъ, послѣ термидора, считались толпами мятежниковъ «конституціей 1793 года».

Организація террора. Подготовка и планъ Робеспьера. Убіиство Марата 13 іюля.

8-го іюля выступилъ самый близкій повѣренный и товарищъ Робеспьера, Сень-Жюсть съ удивительнымъ предложеніемъ. Оно открывало прямыя дѣйствія противъ арестованныхъ жирондистовъ, какъ главъ распространеннаго по всей Франціи заговора. Этотъ длинный чудовищный документъ, еще больше насилующій историческую истину, чѣмъ нѣкогда обвинительный актъ противъ короля, оканчивался такъ: «Изъ всего этого слѣдуетъ: затѣянь заговоръ, чтобы помѣшать во Франціи учрежденію республики. Анархія послужила заговорщикамъ предлогомъ для поработенія народа, разьединенія департаментовъ и вооруженія однихъ противъ другихъ. Попытались посадить на тронъ сына Капета. Козни заговорщиковъ противъ введенія республики удвоились послѣ предложенія французскому народу принять конституцію. На сходкахъ у Валазе составили планъ умертвить часть конвента. Попробовали воспламенить междуусобную войну сѣвера съ югомъ Франціи» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ самое предложеніе:

1) Конвентъ объявляетъ измѣнниками отечеству Бюзо, Барбару, Горса, Ланжюине, Саля, Луве, Бергуапа, Бирото, Петіона, которые 2-го іюня уклонились отъ изданныхъ противъ нихъ декретовъ и возмутились въ департаментахъ Эръ, Кальвадосъ и Ронъ-Луаръ, съ намѣреніемъ помѣшать учрежденію республики и возстановить королевскую власть.

2) Есть основаніе обвинить Жансонне, Гаде, Верньо, Мольво и Гардьена, какъ сообщниковъ тѣхъ, что бѣжали и стали во главѣ возмущенія.

Этимъ жиронда объявлялась въ опалѣ. Конечно, ничего не значило, что 18-го іюля, при дополненіи списка и опредѣленіи настоящей проскрипціи, С. Жюсть прибавилъ нѣсколько фразъ о милосердіи и великодушіи свободы и т. д., чего, повидимому, требовали тогдашнія обстоятельства.

Два дня спустя послѣ предложенія С. Жюста, 10 іюля, партія Робеспьера окончательно взяла бразды правленія, когда обновился комитетъ общаго блага. До сихъ поръ онъ состоялъ изъ жирондистовъ и дантонистовъ; теперь въ него вступаютъ только чистокровные якобинцы. Барера выбрали лишь потому, что не могли обойтись безъ его пера и его дѣятельности, какъ докладчика. Изъ приверженцевъ Дантона попалъ только Геро де Сешель: онъ былъ очень гибокъ и не могъ ничего испортить. Зато С. Жюсть, Кутонъ, Р. Линде были ближайшіе сообщники Робеспьера, да при нихъ состояло еще два-три спутника и фигуранта.

Отъ этого времени подготовки послѣ 31 мая и 2-го іюня 1793 года до насъ дошелъ чрезвычайно замѣчательный документъ, собственноручно писанный Робеспьеромъ. Въ немъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ раскрывается весь планъ этого человѣка*).

«Если мы въ чемъ нуждаемся, говорится здѣсь, такъ въ единой волѣ. Она можетъ быть или роялистическая, или республиканская. При республиканской намъ необходимы республиканскіе министры, республиканскіе журналы, республиканскіе депутаты, республиканскій полкъ.... Пока государственное тѣло страдаетъ отъ ранъ революціи и разъединенія воли, внѣшняя война—смертельный бичъ».

Здѣсь тотчасъ прорывается инстинктивный страхъ якобинца передъ арміей: ею нельзя управлять посредствомъ клубныхъ рѣчей, а между тѣмъ она необходима для отраженія врага.

«Внутреннія опасности происходятъ отъ средняго сословія (bourgeois). Чтобы одолѣть его, созовемъ народъ. Все было сдѣлано для подчиненія народа игу средняго сословія и для возведенія на эшафотъ защитниковъ республики. Буржуа восторжествовалъ въ Марсели, Бордо, Ліонѣ. То же было бы и въ Парижѣ (въ этомъ Робеспьеръ, слѣдовательно, честно сознается), еслибы не настоящее возстаніе. Нынѣшнему возстанію слѣдуетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не примутъ мѣръ, необходимыхъ для спасенія республики. Пусть возстаніе по тому же плану распространится изъ края въ край. Санкюлоты получаютъ жалованье и останутся дома. Ихъ нужно снабдить оружіемъ, страстью, просвѣщеніемъ. Надо всевозможными

*) Hist. Parl. 30, p. 126. Ср. Pontécoulant: Souvenirs (I, 240 sqq.) о разговорѣ Робеспьера съ Бареромъ и Демуленомъ.

средствами поднять республиканское воодушевление. Освободите депутатов, и республика погибла. Они сами не перестанут подстрекать департаменты, да и намѣстники ихъ будутъ не лучше. Пусть новые, надежные комиссары наблюдаютъ за Кюстиномъ. Извнѣ полезно осоюзиться съ мелкими державами. Но это невозможно, пока у насъ нѣтъ одной національной воли».

Затѣмъ, во второй замѣткѣ, слѣдуетъ сопоставленіе данныхъ для дѣйствія.

«Въ чемъ цѣль?— Въ примѣненіи конституціи въ пользу народа.

«Кто наши враги?— Порочные и богатые.

«Какія средства употребляются ими?— Клевета и притворство.

«Что облегчаетъ имъ употребленіе этихъ средствъ?— Невѣжество санкюлотовъ. Надо, слѣдовательно, просвѣтить народъ.

«Что же препятствуетъ этому?— Продажность писателей, которые каждый день обманываютъ его безстыдною ложью.

«Что изъ этого слѣдуетъ?— Надо объявить въ опалѣ писателей, какъ опаснѣйшихъ враговъ отечества, и издать цѣлый потокъ хорошихъ сочиненій.

«Что еще препятствуетъ основанію свободы?— Войны, внѣшняя и междоусобная.

«Что требуется для окончанія первой?— Поставить во главѣ нашихъ храбрцовъ республиканскихъ генераловъ и наказать тѣхъ, которые продадутъ насъ.

«Что необходимо для прекращенія второй? Наказать измѣнниковъ и заговорщиковъ, именно виновныхъ депутатовъ и чиновниковъ. Выслать патріотическія войска съ предводителями-патріотами, чтобы низвергнуть аристократовъ въ Ліонѣ, Марсели, Тулонѣ, Вандеѣ, Юрѣ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ водружено знамя мятежа и роялизма. На злодѣяхъ, что оскорбили свободу и пролили кровь патріотовъ, слѣдуетъ показать ужасный примѣръ.

«Итакъ:

«1) Опала недостойнымъ, противореволюціоннымъ писателямъ и распространеніе хорошихъ сочиненій. 2) Наказаніе измѣнниковъ и заговорщиковъ, именно депутатовъ и чиновниковъ. 3) Назначеніе патріотическихъ генераловъ да устраненіе и наказаніе всѣхъ другихъ. 4) Пропитаніе и законы для народа, т. е. *panem et circenses*».

Вотъ система Робеспьера. Съ такими идеями принялъ онъ наслѣдство, къ которомъ нѣкогда было отказано Мирабо. Это вовсе не печальное убожище безпомощнаго отчаянія, необходимое средство для перехода, какъ, пожалуй, готовы подумать. Это вытекло изъ плана, съ давнихъ поръ начертаннаго Робеспьеромъ и предназначеннаго, въ его мысли, къ долгому существованію. Тутъ весь Робеспьеръ, полный того закоренѣлаго, безпощаднаго доктринерства, которое ради логической послѣдовательности сжимаетъ

въ тиски міръ и людей. Онъ находился подъ вліяніемъ ученія Руссо, по которому весь образованный міръ ничто иное какъ гримаса, все существующее лишь бездна испорченности. Лучшаго положенія не достигнуть иначе, какъ подвергнувъ до костей хворое тѣло страшной кровавой испаринѣ для отдѣленія здороваго отъ больного.

Это ученіе при другихъ обстоятельствахъ имѣло бы развѣ только патологическій интересъ: теперь же оно стало ужасною дѣйствительностью. По мнѣнію Робеспьера, одной трети націи было достаточно для населенія государства идеальнымъ обществомъ. Ея счастье, конечно, заслуживаетъ, чтобы вырѣзать двѣ другія трети, раздѣденныя ракомъ. Все это онъ, какъ мальчикъ свою азбуку, выучилъ наизусть по Руссо и безсчетное число разъ повторилъ передъ своими приверженцами. Теперь пришло время осуществить идею. А Робеспьеръ именно человѣкъ, который можетъ серьезно отнестись къ подобному ученію. Рядомъ съ безграничнымъ тщеславіемъ, свойственнымъ лишь тѣмъ главамъ сектъ, которыя считаютъ себя полубогами, онъ одержимъ непомѣрной завистью ко всякому достоинству и таланту, недоброжелательствомъ ко всему выдающемуся. И это не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Притомъ онъ холоденъ, безсердеченъ, недоступенъ никакому мягкому ощущенію, въ силу котораго человѣкъ ищетъ себѣ подобнаго. У него вовсе нѣтъ той примиряющей, прощающей черты, которая вытекаетъ скорѣе изъ мягкаго, чувственнаго темперамента, чѣмъ изъ болѣе благородной природы, и которое мы замѣчаемъ даже у Дантона. Онъ суровъ, свирѣпъ, жестокъ до крайности. Онъ наслаждается удовлетворенною мстительностью. При его пронырливыхъ, лицемѣрныхъ рѣчахъ, переполненныхъ, всѣ до одной, ядовитыми обвиненіями, клеветами и подозрѣніями, припоминается что-то похожее на гіену, которая медленно ходитъ вокругъ своей жертвы и затѣмъ вдругъ устремляется на вѣрную добычу. Кто могъ бы поставить талантъ этого человѣка выше уровня такихъ людей, какъ Мирабо и др., кто могъ бы доказать, что, хотя однажды, его рѣчи о гуманности были серьезны, — тотъ пусть имъ восхищается. Но это ни для кого не возможно.

Еще система террора не приведена въ дѣйствіе, еще гильотина не работаетъ по его плану, а въ головѣ Робеспьера все уже готово. Истребленіе средняго сословія, подстрекательство и вооруженіе черни противъ него, остракизмъ противъ всѣхъ враговъ особы Робеспьера и его системы, подкупъ массъ для всякаго злодѣяства, — все это уже совершенно ясно и трезво развито въ указанномъ документѣ, относящемся къ іюню и іюлю 1793 года. Тутъ уже не было надежды на отступленіе.

Жирондѣ не доставало генерала, чтобы собрать солдатъ мятежныхъ городовъ и повести ихъ на Парижъ. У нея не было даже и программы, которая соединяла бы подъ однимъ знаменемъ пестрые элементы, едва согласные между собой въ своей боязни и ненависти. Разумѣется, чтобы соединить и выстроить про-

тивъ Парижа эти столь разнородныя массы и столь противорѣчивыя интересы, требовался политическій геній полководца изъ разряда Мирабо. Само по себѣ, это, конечно, было мыслимо. Въ наши дни, вѣдь, поднялась же однажды Франція противъ Парижа *)! Но при описываемыхъ обстоятельствахъ возстанія вспыхивали въ отдѣльныхъ мѣстахъ и тотчасъ же подавлялись одно за другимъ. Недоставало едиподушія въ стремленіяхъ да человѣка, который возбудилъ бы или вынудилъ его. Дѣло ограничилось лишь рядомъ отдѣльныхъ возмущеній, служившихъ только новымъ рычагомъ и предлогомъ терроризму: въ виду двойной опасности внутри и извнѣ, представлялось неизбѣжной необходимостью употреблять самыя крайнія средства. Изъ каждаго неудачнаго удара, предпринятаго жирондистскимъ кружкомъ, или въ пользу его, якобинство извлекало новую пищу и желанное оправданіе себѣ.

Тотчасъ послѣ обновленія комитета общаго блага, всего дня три спустя, произошелъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые ускорили гибель жиронды: я говорю объ умерщвленіи Марата Шарлотою Корде **). 11-го іюля она прибыла въ Парижъ, а 13-го была допущена къ Марату. Марать, какъ благонамѣренный республиканецъ, чрезвычайно уютно устроилъ свою жизнь. Въ собственномъ домѣ содержалъ онъ свою любовницу и наслаждался празднествами, пирушками и оргіями. Плоды законченной свободы только-что начали созрѣвать для него, какъ его поразилъ кинжалъ Шарлоты Корде. Мысль, что этотъ малый, вытасченный изъ клоака,—центръ якобинской партіи, была основнымъ заблужденіемъ жиронды. Исполненная такого же демократизма, какъ г-жа Роланъ, эта дѣвушка слышала въ Канѣ ***) пламенные рѣчи жирондистовъ противъ терроризма Парижа, и отправилась туда. Она думала: «падетъ Марать—жиронда и Франція спасены.» Она не подозрѣвала, что ударъ ея кинжала всего опаснѣе тѣмъ, для спасенія коихъ она употребила это, по ея мнѣнію, вѣрнѣйшее средство. Что жиронда—шайка убійцъ, это было до сихъ поръ лишь дерзкою клеветой: теперь же это становилось фактомъ для якобинцевъ.

*) Гейссеръ намекаетъ злѣсь на подавленіе февральской революціи и на возстановленіе Бонапартовской имперіи. Прибавимъ отъ себя, что въ наши дни освобожденіе, и сознательное, французской провинціи отъ Парижа становится все болѣе и болѣе очевиднымъ фактомъ. Ред.

**) *Revue des deux mondes*. Avril 1862.—Ch. Corday: *Oeuvres politiques*. 1863.—Vatel: *Dossiers du procès criminel*. 1862.—Chéron de Villiers: *Charlotte Corday* 1865.

***) Въ описываемое время Шарлота Корде уже нѣсколько лѣтъ проживала въ Канѣ (Caen), главномъ городѣ нижней Нормандіи и центрѣ жирондистскаго возстанія, у одной своей родственницы, бездѣтной старушки-вдовы. Здѣсь она увлекалась Ж. Ж. Руссо, Реналемъ и Плутархомъ. Здѣсь она присутствовала на сходкахъ такихъ жирондистовъ, какъ Бюзо, Барбару, Петіонъ, Горса, Луве и др. Ред.

Дѣло произвело сильное впечатлѣніе. Молодая, цвѣтушая красотой дѣвушка, хладнокровно закалываетъ человѣка, до той минуты никогда ею невиданнаго, и затѣмъ съ гордымъ, неустрашимымъ видомъ сознается въ поступкѣ, которымъ желала отомстить за отечество и свободу,—въ этомъ было что-то, напоминающее величіе античныхъ тираноубійствъ. Якобинцамъ было непріятно впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ. Это доказываетъ ихъ неутомимое стараніе обезславить дѣвушку безупречнаго поведенія. Робеспьеръ же, конечно, былъ доволенъ: онъ избавился отъ неприличнаго союзника *) и приобрѣлъ новыя основанія для короткой расправы съ жирондой.

Революціонный судъ **) и терроръ à l'ordre du jour. Докладъ Барера 5-го сентября. Революціонная армія. Законъ противъ подозрительныхъ 17-го сентября.

Революціонный судъ продолжалъ существовать въ своей первоначальной формѣ. Но до сихъ поръ онъ обнаруживалъ не слишкомъ энергичную дѣятельность. Лишь нѣсколько политическихъ процессовъ было рѣшено тамъ. Теперь отважились на первую, болѣе серьезную попытку.

Генералу Кюстину, побѣдоносному полководцу 1792 года, не посчастливилось въ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ ни на Рейнѣ, ни въ Бельгіи. Тамъ были потеряны Франкфуртъ и Майнцъ, тутъ Конде и Валансьенъ. То были несчастія, въ которыхъ больше всего виноваты якобинцы, умышленно разстраивавшіе армію; тутъ не было и мысли объ измѣнѣ. Кюстинъ, такъ сказать, стремглавъ бросился въ революцію, старался изгладить память о своемъ старомъ дворянствѣ многими истинно якобинскими выходками. И ни что не было ему такъ чуждо, какъ отступленіе передъ непріателемъ. Но въ Парижѣ имъ недовольны. Онъ отвѣчаетъ за несчастіе французскаго оружія: *a—la responsabilité c'est la mort* (отвѣтственность, это — смерть), говорили здѣсь. Надо удалить всѣхъ генераловъ стараго времени. Большинство ихъ все-таки было изъ хорошаго дворянства. Какъ истинные солдаты, они, въ глубинѣ души, были враждебны затѣямъ клубовъ и анархій въ мундирѣ.

*) Бюзо (Мém., р. 92) такъ выражается о Маратѣ: «Природа, казалось, создала Марата съ тѣмъ, чтобы въ одномъ лицѣ собрать всѣ людскіе пороки. Онъ безобразенъ, какъ преступленіе, что сквозитъ черезъ всѣ поры его тѣла, отвратительнаго и сгнившаго отъ разврата. Это звѣрь дикій, трусливый и кровожадный и т. д.

**) Campardon: Histoire du tribunal révolutionnaire, 1862. 2 vls.—Berriat St. Paix: Justice révolutionnaire. 1861.

Бирона уже 11 іюля отрѣшили отъ должности и на его мѣсто послали въ Вандею, въ качествѣ перваго убійцы, безбожнаго Росиньоля. На очереди стояли теперь остальные: Кюстинъ, Богарне, Гушаръ, Ла-Марльеръ, Дильонъ, Брюне. На первомъ рѣшились попробовать, насколько податлива армія и силенъ революціонный судъ.

Осторожность, необходимая относительно арміи, была причиной, почему процессъ нѣсколько затянулся. Онъ пошелъ быстрѣе, когда явились извѣстія, что войско не встревожится. Послѣ нѣкотораго сопротивленія согласился на юридическое убійство и революціонный судъ, въ которомъ должность обвинителя исполнялъ Фукье-Тэнвиль. Такимъ образомъ, Кюстина быстро казнили въ августѣ. Армія безмолвна: можно, стало-быть, идти дальше. Генераловъ, одного за другимъ, привлекаютъ въ революціонный судъ и отправляютъ подъ гильотину. И побѣда не спасала отъ якобинцевъ. Побѣду при Гондскотѣ вмѣнили генералу Гушару въ преступленіе, такъ какъ онъ недостаточно ею воспользовался, «недовольно перебилъ Англичанъ». «Все, что изъ дворянъ, говоритъ Бареръ, въ опалѣ у общественнаго мнѣнія. Все это просто новобранцы-измѣнники».

Передъ этими удачными ударами, окончательно разрушавшими существующія арміи, поистинѣ смѣшны громовыя фразы, которыми конвентъ намѣревался выкопать изъ земли новыя войска. Едва проектированное начальное ополченіе (*levée en masse*), о которомъ Бареръ съумѣлъ, въ пошломъ, напыщенномъ докладѣ 23 августа, рассказать чудеса, встрѣтило такое сопротивленіе, что комитетъ отрекся даже отъ мысли о немъ. Мало того. Онъ выставилъ его злонамѣренною выдумкой, которую будто бы аристократы подсунули патріотамъ, желая подвергнуть ихъ ненависти и осмѣянію. Главное мѣсто въ рѣчи Барера можетъ служить образцомъ употребительнаго тогда сумасброднаго слога: «Молодежь будетъ драться: ея обязанностью будетъ побѣждать. Женатыя будутъ ковать оружіе и примутъ на себя перевозку клади и орудій, а также доставленіе продовольствія. Женщины во время революціи исполнять, наконецъ, свое истинное призваніе: онѣ бросятъ ничтожныя рукодѣлья и станутъ своими нѣжными руками готовить мундиры и палатки воинамъ. Онѣ будутъ гостепріимны и заботливы въ тѣхъ убѣжищахъ, гдѣ защитники отечества окружаются попеченіемъ, необходимымъ при ихъ ранахъ. Дѣти превратятъ въ корпію все полотно: за нихъ, вѣдь, сражаются! Дѣти, эти созданія, которымъ предназначено пожать всѣ плоды революціи, поднимутъ къ небу свои чистыя руки. Назначеніе стариковъ снова будетъ то же, что у древнихъ: они велятъ нести себя въ публичныя мѣста, чтобы вспламенять тамъ мужество молодыхъ воиновъ и возвѣщать ненависть къ королямъ и единство республики», и т. д.

Все это было пустою болтовней въ ту минуту, когда почти вся Франція открыто возсталала противъ правительства, осмѣлившагося сказать:

«Toute la France doit être debout» (вся Франція должна подняться на ноги); когда среднее сословіе самыхъ большихъ городовъ вело междуусобную войну съ якобинцами; когда въ Вандеѣ возставшіе крестьяне гнали передъ собой войска конвента; когда, наконецъ, у всѣхъ способныхъ носить оружіе на югѣ, западѣ и въ центрѣ страны врагъ былъ передъ глазами.

Комитету пришлось довольствоваться новымъ наборомъ молодыхъ солдатъ; но и тотъ состоялся не ранѣе, какъ послѣ разгрома Ліона *).

Въ организациі террора, подвергнутой обсужденію 5 сентября, конвенту посчастливилось болѣе, чѣмъ въ національномъ наборѣ, который, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, былъ крайне необходимою мѣрой въ виду положенія дѣлъ на границахъ.

Докладчикомъ опять Бареръ. На этотъ разъ онъ является истиннымъ Анакреономъ упоенной кровью свободы. Ему удастся о самыхъ страшныхъ вещахъ излить цѣлый потокъ плясовыхъ, легкомысленныхъ выраженій.

«Поставимъ терроръ очереднымъ дѣломъ, говоритъ онъ, употребляя «великое слово» парижской общины *), — и въ одно мгновеніе исчезнутъ роялисты и умѣренные, со всею противореволюціонною шайкой, безпокоюща васъ! Роялистамъ хочется крови? Ладно. Имъ дадутъ крови заговорщиковъ, г-дѣ Бриссо, Марій-Антуанетъ. Имъ хочется приготовить потрясеніе? Ладно. Они и вкусятъ его послѣдствія. Прочь незаконные поступки мести! Это исполнять чрезвычайные суды... Роялистамъ хочется помѣшать конвенту въ его занятіяхъ? Заговорщики! Смотрите, онъ вмѣшается въ ваши собственныя. Вамъ хочется приготовить погибель горѣ? Ладно. Гора васъ раздавитъ».

Согласно съ этимъ, приступаютъ прежде всего къ учрежденію революціонной арміи на жаловань изъ государственной кассы. Она будетъ состоять изъ 6 тысячъ пѣхоты и 1,200 канонировъ. Ея назначеніе—«уничтожать заговорщиковъ противъ революціи вездѣ, гдѣ понадобится придать вѣсь революціоннымъ законамъ и мѣрамъ конвента на пользу общаго блага».

*) Барантъ и Мемуары С. Сира. О.

Ліонъ, второй городъ Франціи по обширности и богатству, былъ почти буквально уничтоженъ въ ноябрѣ 1794 г. Причина такого варварства изъяснена потомству самимъ конвентомъ. На замѣчаніе, что разрушеніе Ліона нанесетъ смертельную рану всей французской торговлѣ, Геберъ отвѣчалъ: «Промыслы и искусства вообще прирожденные враги свободы. Въ выгодахъ Парижа не терпѣть подлѣ себя на французской почвѣ столь важнаго города, какъ Ліонъ». Ред.

*) Вотъ фраза Бапера: «Les aristocrates de l'intérieur méditent un mouvement. Ils l'auront organisé, régularisé par une armée révolutionnaire qui exécutera enfin ce grand mot qu'on doit à la commune de Paris: Plaçons la terreur à l'ordre du jour!» Ред.

Одно постановленіе того же дня опредѣляло начать немедленно процессъ Бриссо, Верньо, Жансонне, Клавьера и Лебрена; другое—ежедневно вознаграждать тремя франками членовъ революціонныхъ комитетовъ и 40 су присутствующихъ въ секціяхъ, которыя должны собираться каждый понедѣльникъ и четвергъ. То было, по выраженію Камбона, «жалованье (*liste civile*) интриганамъ городской общины».

Такимъ образомъ, созвали два постоянныя войска наемниковъ революціи, одно вооруженное, другое нѣтъ. Къ этому присоединилось въ тотъ же день преобразование революціоннаго суда. Онъ дѣлится на четыре части, каждая изъ 16 членовъ. Дѣло подсудимаго, тотчасъ послѣ допроса, передается по жребію въ одну изъ этихъ частей и тамъ быстро рѣшается. Уже со 2-го іюля каждый присяжный получалъ ежедневно 18 франковъ. Такая организація оставалась до 22-го преріала (іюня). Членами суда были креатуры Робеспьера и комитетовъ; присяжными—частью фанатики-патріоты, частью благонамѣренныя простофили, едва знавшіе грамоту. Судьи и присяжные находились подъ строжайшимъ надзоромъ комитета общаго блага, у котораго были для этого свои шпіоны и докладчики. Главнымъ лицомъ въ комедіи процесса былъ обвинитель Фукье-Тенвиль. Въ началѣ революціи онъ занималъ купленное мѣсто прокурора въ Шатле*) и совершенно обнищалъ. Революція снова подняла его. Она доставила ему карьеру и большой доходъ.

17-го сентября явился страшный законъ о подозрительныхъ.

Подозрительными объявляются:

1) Тѣ, которые оказались приверженцами тираниі, федерализма и врагами свободы, въ силу своего поведенія, своихъ словъ, либо сочиненій **).

2) Тѣ, которые не докажутъ, какъ предписано закономъ 21 марта, чѣмъ живутъ и какъ исполняютъ свои гражданскія обязанности.

3) Тѣ, кому отказано въ свидѣтельствѣ хорошаго гражданского поведенія (*civisme*).

4) Общественные служители, удаленные отъ должностей либо конвентомъ, либо его комиссарами.

5) Всѣ тѣ старинные дворяне (включая сюда мужей, женъ, отцовъ, матерей, сыновей и дочерей, братьевъ и сестеръ, и агентовъ эмигрантовъ), которые не постоянно являли приверженность революціи.

*) *Châtelet*—главное судебное учрежденіе въ Парижѣ, послѣ парламента. Оттого-то оно обыкновенно вступало въ борьбу съ правительствомъ, когда послѣднее успѣвало какъ-нибудь зажать ротъ парламенту. Ред.

**) »... ceux, qui par leur conduite, leurs écrits ou leurs propos» etc. У Гейсера (р. 445) выражено несовсѣмъ точно. Р е д.

6) Всякій, кто выселился въ промежутокъ времени отъ 1-го іюля 1789 г. до объявленія закона 1 апрѣля 1792, хотя бы онъ и вернулся въ срокъ, назначенный этимъ закономъ, или раньше *).

ГЛАВА XVII.

Начало времени террора **). Судъ надъ королевой и жирондистами (октябрь). Терроръ въ департаментахъ.

Война объявлена врагамъ террора. Машина приведена въ дѣйствіе. Работа можетъ начаться. Она открылась судомъ надъ королевой и жирондистами.

Въ тотъ же день, 3-го октября, постановили ихъ обвиненіе или, скорѣе, смертный приговоръ. По утвержденіи обвинительнаго акта Амара противъ жиронды, выступилъ Бильо-Варенъ: «Остается принять еще одно рѣшеніе. Женщина, позоръ человѣчества и своего пола, вдова Капета, должна, наконецъ, испустить на эшафотѣ свои злодѣянія.»

14 октября явилась королева передъ трибуналомъ. Она посѣдѣла въ ту страшную ночь, когда вырвали у нея изъ объятій сына. Стоя теперь эмблемой печали, и все-таки гордая, непреклонная, передъ своими судьями, она производила потрясающее впечатлѣніе на каждого. Дантонъ и Демуленъ желали, чтобы въ обращеніи съ нею были соблюдены хотя формы приличія; но этого не понимали и не хотѣли креатуры Робеспьера. Марія-Антуанета ни на одно мгновеніе не измѣнила своему достоинству. Съ холоднымъ спокойствіемъ отвѣчала она на вопросы. При грязныхъ же, низкихъ обвиненіяхъ Гебера, которыя заставили бы покраснѣть отъ стыда самую грубую торговку, она отвертывалась съ гордымъ презрѣніемъ. Три дня и три ночи длились пренія. Смертный приговоръ она выслушала, не измѣнившись въ лицѣ. Мужественно и безбоязненно вошла она на кровавые подмостки.

Въ день казни Бареръ давалъ обѣдъ своимъ добрымъ друзьямъ, Робеспьеру да С. Жюсту. Говорили о процессѣ королевы и объ общемъ положеніи дѣлъ. Робеспьеръ заявилъ безпокойство по поводу большого числа враговъ, ко-

*) Вотъ какъ комментировалъ Бареръ этотъ законъ: «Подозрительны дворяне! Подозрительны придворные и законовѣды! Подозрительны священники! Подозрительны банкиры, иностранцы, биржевые игроки! Подозрителенъ тотъ, кто жалуется на все, совершающееся въ революціи! Подозрителенъ тотъ, кого опечаливаютъ наши успѣхи!» Р е д.

**) Thénard: Souvenirs de la terreur à Cambrai. 1860. — Gouvet: Mémoires. — Beugnot: Mémoires. I.

торыхъ предстояло казнить республикѣ. Вполнѣ же презрѣнный Бареръ сказалъ: «Всѣ дворяне, всѣ священники, всѣ придворные и даже доктора — существа, несовмѣстимыя съ равенствомъ». С. Жюсть посоветовалъ высылать вонъ цѣлыми массами подозрительныхъ всѣхъ классовъ, а Бареръ прибавилъ: «Можетъ быть, судно республики достигнетъ гавани не иначе, какъ по морю крови». Робеспьеръ боялся, какъ бы чрезмѣрное кровопролитіе не возмутило человѣческаго чувства. Съ другой стороны, думалъ онъ, ложная снисходительность къ сравнительно-небольшому числу виновныхъ не помѣшала бы мѣрамъ, необходимымъ для блага цѣлаго народа? По мнѣнію Барера, во всякомъ случаѣ слѣдовало начать съ членовъ учредительнаго собранія и съ вождей законодательнаго *).

Такимъ образомъ, дошли до жирондистовъ.

Едвали когда-нибудь обвиненіе, замышленное съ цѣлью политическаго убійства, было такъ неловко, какъ это. Ихъ упрекали не въ томъ, что, какъ политическую ошибку, легко было вмѣнить имъ въ преступленіе, а въ томъ, чему они были чужды больше всѣхъ смертныхъ, въ роялизмъ. Это было нелѣпо и заслуживало полной ироніи подсудимыхъ. Но, вѣдь, дѣло не въ судѣ, а въ расправѣ палача. Такъ и поняли обвиненные. Они не скупились на выраженія своего неописаннаго презрѣнія къ сволочи, провозглашавшей себя судьями надъ ними. Письма Верньо и Бриссо къ комитету общеннаго блага переполнены оскорбительными выходками противъ «трусовъ, продающихъ свою совѣсть и счастье республики ради спасенія популярности, которую они все-таки потеряли». Они знали, что умрутъ, и во всей силѣ развивали свое аттическое остроуміе, чтобы хотя съ помощью этого оружія какъ можно дороже продать свою жизнь. И такъ были величественны мужество и хладнокровное презрѣніе къ смерти большинства изъ нихъ, что даже во время суда якобинцы боялись дурнаго оборота дѣла и нашли нужнымъ, чтобъ усилить давленіе на присяжныхъ, сократить охраняющія подсудимаго формы.

Но жирондисты держались ложной системы защиты. Они хвалились всѣми своими дѣяніями, съ сентября 1791 года до января 1793, которыя, по правдѣ, теперь уже не могли прославить ихъ, и отвергали всѣ средства защиты, могшія искупить ихъ прежніе проступки. Декламациі противъ «тирановъ», усилія отстоять свое право на 10 августа представлялись довольно ничтожными послѣ того, какъ повсюду созрѣли плоды этихъ бѣдственныхъ событій. Слава жирондистовъ состояла въ поведеніи по смерти короля. А на это они, разумѣется, едвали могли добросовѣстно сослаться, не сознавшись въ предшествовавшихъ ошибкахъ. Между тѣмъ, задачей ихъ было оправдаться передъ потомствомъ, а не передъ жалкими судьями, сидѣвшими

*) Barante III, 367.

противъ нихъ. Въ остальномъ ихъ вездѣ побивали ихъ собственныя слова, точно также, какъ самымъ сильнымъ свидѣтелемъ противъ нихъ былъ Пашъ, одна изъ ихъ креатуръ *).

Во всѣхъ этихъ процессахъ вовсе нѣтъ того тона холодной, неумолимой неизбѣжности, который въ нѣкоторомъ смыслѣ лежитъ даже въ основаніи сентябрьскихъ убійствъ Дантона. Вездѣ чувствуешь скорѣе отвратительную древне-гальскую наглость, беззавѣтную жестокость, *vae victis!* Благороднаго Балъи, 70-лѣтняго старика, влекутъ на Марсово поле. Безчеловѣчная чернь бросаетъ въ него грязью и мучить его до полусмерти, прежде чѣмъ падаетъ на него гильотина. То же испытала г-жа Роланъ, умершая съ такимъ же стоическимъ геройствомъ.

Въ обращеніи съ несчастными жертвами вездѣ видна одна и та же животная злость, звѣрская жажда мученій и крови. Фаталисты среди французскихъ историковъ стремятся представить все это нравственной необходимостью. Послушать ихъ, такъ это жертвы, принесенныя Франціей своей свободѣ. Ну, да, это и повело къ свободѣ, которой они теперь наслаждаются! Ни однимъ народомъ нельзя долго управлять посредствомъ убійствъ. Франція глубоко пала. Но съ послѣдней, оставшейся у ней энергіей, она скорѣе бросилась въ объятія имперіи, чѣмъ дозволила дальнѣйшее господство террора.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ свидѣтельствъ рѣзни террористовъ останется навсегда приговоръ истребленія, произнесенный 12 октября конвентомъ надъ побѣжденнымъ, наконецъ, (9 октября) Ліономъ. Вотъ порученія, данныя чрезвычайной комиссіи изъ пяти членовъ для примѣрнаго наказанія реакціонеровъ: «Всѣхъ жителей Ліона обезоружить. Ихъ оружіе передать защитникамъ республики и отчасти ліонскимъ патріотамъ, которыхъ притѣсняли богачи и враги революціи». И здѣсь, стало-быть, прежде всего подняли вооруженный пролетаріатъ, какъ революціонную армію. Далѣе: «Городъ Ліонъ разрушить. Всѣ жилища богатыхъ сравнять съ землей. Не оставить ничего, кромѣ дома бѣдняка, хижинъ задушенныхъ патріотовъ, зданій промышленности и памятниковъ, посвященныхъ челоуѣколюбію и общественному просвѣщенію... Имя Ліона вычеркивается изъ ряда республиканскихъ городовъ. Горсть уцѣлѣвшихъ домовъ будетъ впредь называться *ville affranchie* (освобожденный городъ). Среди ліонскихъ развалинъ воздвигнуть колонну съ надписью: Ліонъ воевалъ противъ свободы—и Ліона не стало, которая будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о преступленіяхъ и наказаніи роялистовъ этого города».

*) Гаде (племянникъ) подробно описываетъ истинно потрясающія послѣднія судьбы опальныхъ и бѣжавшихъ жирондистовъ (Гаде, Бюзо, Барбару, Петіона и др.): II, 376 sqq., 434 sqq., 489 sqq.—О его сочиненіи см. Alary: *Les Girondins par Guadet*. Bord. 1863.—Кромѣ самого Гаде, на эшафотъ взвели его престарѣлаго отца, брата, тетку, тестя, шурина и свояченицу.

Фантазія превратить самый цвѣтушій, торговый и промышленный городъ Франціи въ деревню, окруженную грудой развалинъ, казалась слишкомъ безумной даже какому-нибудь Кутону. Онъ оттягивалъ исполненіе приговора. Пришлось, для осуществленія варварства, употребить такихъ людей, какъ развращенный актеръ Колло д'Эрбуа и фанатикъ Фуше. Они исполнили бы порученіе буквально, не будь линейныхъ войскъ, которыми, наконецъ, надоѣли рѣзня и грабежъ революціонной арміи: они возмущались открыто и тѣмъ до нѣкоторой степени остановили разрушеніе. Но и то, что уже совершилось, было слишкомъ ужасно. До конца декабря было убито гильотиной и картечью около 6,000 человѣкъ. Цѣлыя улицы были сравнены съ землей. Системой безграничнаго грабежа и опустошенія было уничтожено на десятки лѣтъ благосостояніе богатаго торговаго мѣста. Позднѣйшія невыразимыя усилія Наполеона какъ бы волшебствомъ вызвать прежнее процвѣтаніе города имѣли мало успѣха.»

Обоимъ палачамъ Ліона принадлежитъ извѣстный классическій документъ о цѣли революціи *). Онъ начинается замѣчательными словами: «Дѣйствующимъ въ духѣ революціи все позволительно. У республиканца лишь одна опасность—отстать отъ законовъ республики. Предупреждая ихъ, превосходишь ихъ. Воображая, что опередилъ ихъ, часто еще и не догоняешь ихъ». Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Чтобы быть истиннымъ республиканцемъ, каждому гражданину надо пережить революцію въ самомъ себѣ. Его правила, его чувства, поступки, словомъ все пусть измѣнится въ немъ. Васъ притѣсняютъ—раздавите своихъ притѣснителей. Да не будетъ у васъ инаго божества, кромѣ свободы, иной нравственности, кромѣ естественной».

По этой-то системѣ хозяйничали во всей Франціи. Вездѣ грабежъ шелъ рука-объ-руку съ убійствомъ. Въ каждомъ городѣ былъ свой революціонный комитетъ и революціонная армія для исполненія его приказаній. Этотъ комитетъ получалъ отъ революціоннаго комиссара неограниченное полномочіе. Жизнь и собственность были безправны передъ разнузданной чернью. Ничья жизнь не была безопасна передъ ея кровожадностью, никакая собственность не была обезпечена передъ ея разбойничьимъ вторженіемъ.

«Я дивлюсь вашему затруднительному положенію, писалъ Фуше шайкѣ преступниковъ, поселенныхъ имъ въ Муленѣ въ качествѣ революціоннаго комитета. У васъ недостатокъ въ хлѣбѣ? Поднимите на ноги вашу революціонную армію; пошлите на эшафотъ вашихъ священниковъ и помѣщиковъ, если они сопротивляются поборамъ. У васъ нѣтъ жилищъ? Завладейте домами вашихъ плѣнныхъ подозрительныхъ. Короче, идите твердымъ, мужественнымъ шагомъ къ цѣли всеобщаго возрожденія».

*) О немъ говорится у Баранта, III, 408 sqq. Ср. Зибеля, II, 427. О.

Такъ говорилъ позднѣйшій герцогъ Отранто. Въ то время никто не подозрѣвалъ, что онъ окончитъ свое поприще прославленнымъ оракуломъ европейской дипломатіи, украшенный орденами всѣхъ державъ.

Спеціальностью террористовъ по департаментамъ было фанатическое неистовство противъ христіанства. Оно проявлялось въ прекращеніи богослуженія, въ преслѣдованіи священниковъ, въ опустошеніи и упраздненіи церквей, въ наглому поруганіи религіозныхъ обрядовъ и празднествъ.

И здѣсь впереди всѣхъ былъ Фуше. Въ Пикардіи Андрэ Дюмонъ хвалился своимъ приказаніемъ арестовать всѣхъ священниковъ, позволившихъ себѣ праздновать воскресенье. Въ другомъ мѣстѣ онъ отослалъ на монетный дворъ 400 иконъ и ни въ одной церкви не оставилъ ни куска свинца, мѣди, или серебра.

Циниченъ и наивенъ ихъ способъ сбора контрибуціи. Въ Бефорѣ одинъ облагается 7000-ми франковъ, какъ *égoïste*, другой 1000-ю фр., какъ *gentier modéré*. Въ Страсбургѣ съ хлѣбниковъ, этихъ «враговъ челоуѣчества», взымается контрибуція въ 300,000; съ одного аптекаря, за слишкомъ дорогой ремень, взято 15,000 франковъ. Крестьяне въ департаментѣ Нижняго Рейна должны платить 4 милліона за свое желаніе слушать обѣдню только у старыхъ священниковъ. Такимъ образомъ, въ Буржѣ удалось въ два дня выжать два милліона; почти столько же въ Тулузѣ, гдѣ арестовали 1500 челоуѣкъ. Марсель также доставила милліоны. 12000 челоуѣкъ выселилось. И совершенно также поступали вездѣ. Цѣну всей добычи по этой разбойничьей системѣ полагаютъ въ 300—400 милліоновъ, а число всѣхъ арестованныхъ въ 200,000 слишкомъ *).

Вопросъ, какъ далеко все это зайдетъ, возможно ли долго такъ управлять Франціей, началъ теперь беспокоить даже такихъ людей, какъ Дантонъ и Демуленъ. При видѣ этихъ гекатомбъ, которыхъ, какъ ежедневной жертвы свободѣ, требовали подонки націи, возникало раздумье, не уничтожила бы эта политика самое себя. Такимъ образомъ, въ послѣдніе дни 1793 г. принимаются поворачивать назадъ. Это-то и было началомъ разложенія самой господствующей партіи, которое черезъ $\frac{3}{4}$ года освободило, наконецъ, Францію отъ террора.

А какова была оборона страны отъ непріятеля, которою оправдывались тогда всѣ ужасы и которая даже теперь многимъ Французамъ представляется великимъ спасительнымъ дѣломъ террора?

У насъ есть самыя полныя свидѣтельства объ этомъ въ показаніяхъ лицъ, находившихся тогда въ войскѣ. Они единогласно говорятъ, что состояніе армій вопіяло къ Небу противъ безсмысленнаго хозяйничанья воровъ и мошенниковъ господствовавшей партіи. Все, что, наконецъ, было

*) Подробности см. у Зибеля, II, 421. 0.

сдѣлано здѣсь, съ цѣлью внести свѣтъ въ неописанный хаосъ, совершенно не терроромъ, а помимо него. Здѣсь было поприще, избранное великимъ организаторомъ, Карно, какъ только онъ вступилъ въ комитетъ общественнаго блага. Хладнокровно, не заботясь о правительствѣ, начинаетъ онъ принимать мѣры къ вооруженію и оборонѣ Франціи. До ноября и начала декабря онъ былъ еще далеко не въ силахъ поступать по своему желанію. Правда, комиссары конвента сгоняли къ границамъ цѣлыя тысячи народа *), но большинство ихъ разбѣгалось дорогой, такъ какъ имъ нечѣмъ было жить. Немногіе, доходившіе до мѣста, не находили ни оружія, ни предводителей, ни аммуниціи, ни продовольствія. Не будь въ коалиціи нравственнаго разложенія, ея добрыя войска съ небольшими усиліями разогнали бы эти толпы. Изъ новобранцевъ въ первые мѣсяцы дезертировало 40,000 человекъ: не было хлѣба для нихъ. Положеніе казалось отчаяннымъ каждому искреннему патріоту и возмутительнымъ каждому честному солдату, только не парижскимъ террористамъ. Они на каждую жалобу по поводу очевиднаго вреда ихъ правленія отвѣчали гильотиной.

Во главѣ войскъ, которыя, по ихъ милости, гибли въ нищетѣ и своей волѣи, они поставили благонамѣренныхъ крикуновъ своего издѣлья. По устраненіи генераловъ-дворянъ, ихъ мѣста заняли не талантливые люди простаго званія, чувствовавшіе въ себѣ призваніе, а креатуры клубовъ, полководцы пикинеровъ, господа, заслужившіе рыцарскія шпоры, какъ Росиньоль, при темничныхъ убійствахъ 2 сентября. Во главѣ рейнской арміи стояли люди, забавно неспособные, въ родѣ того господина, который на военномъ совѣтѣ, послѣ глубокаго забытья, проговорилъ: «Надо всегда маршировать прямо сомкнутыми колоннами!»

Прошло много времени, прежде чѣмъ удалились эти господа и выдвинулись способныя личности. Но это было сдѣлано не господствующей партией, у которой спасеніе отечества никогда не сходило съ языка, а помимо нея.

*) Здѣсь Онкенъ указываетъ на критику, которой подвергъ Зибель (II, 8 кн., 2 гл.) извѣстную басню республиканцевъ о 14-ти арміяхъ, будто бы выставленныхъ тогда Франціей. Зибель, на основаніи парижскаго военного архива, доказываетъ, что: 1) армій было всего 11; 2) тутъ подъ арміями разумѣлись просто отряды тысячъ въ десять; 3) впослѣдствіи, чтобы прикрыть ложь, изъ этихъ же «армій» и нѣкоторыхъ гарнизоновъ составили 12-ую и 13-ую арміи и присочинили существовавшую лишь на словахъ какую-то *armée intermédiaire*. Когда, при празднованіи взятія Тулона, всѣ арміи должны были прислать отъ себя депутатовъ, и тутъ оказалось, что двухъ изъ нихъ вовсе нѣтъ, въ программѣ торжества переважно вписали никогда не бывавша *armée du haut Rhin* и *armée révolutionnaire*! Ред.

Первое распаденіе террора на партіи. Преступленія атеистовъ Клотца, Гебера, Шомета. Робеспьеръ противъ Enragés (21 ноября). Постановленіе конвента 6-го декабря.

Когда въ сентябрѣ были приняты рѣшенія, ставившія терроръ очереднымъ дѣломъ, господствующая партія казалась совершенно единодушной. Когда падали первыя жертвы, одна изъ ея частей уступила другой. Дантонъ допустилъ, чтобы взошли на эшафотъ жирондисты, во имя коихъ нѣкогда было поднято знамя междуусобной войны. Зато Робеспьеръ дозволилъ поразить королеву, герцога Орлеанскаго и другихъ. Теперь совершалось то же, что во время проскрипцій Суллы и Антонія съ Октавіемъ, когда дѣлали взаимныя уступки даже въ головахъ казненныхъ.

Первыя серьезныя несогласія между террористами поднялись при вопросѣ объ отношеніяхъ къ христіанству.

Съ тѣмъ, что принадлежитъ къ внѣшнимъ подмосткамъ церкви, къ принятымъ формамъ и обрядамъ, покончили быстро.

Уничтоженіе христіанскаго календаря *) и христіанскихъ именъ не представило затрудненій. Замѣна перваго названіями мѣсяцевъ, заимствованными отъ временъ года, а вторыхъ именами, взятыми изъ языческой древности, вполне согласовалась съ господствовавшей страстью къ разрыву со всею исторіей. Чувствовали такое полное отчужденіе отъ прежняго развитія, что желали отдѣлаться отъ всякаго символа, напоминающаго его хоть однимъ словомъ или именемъ. Да, вѣдь, это и былъ единственный способъ покончить со стариной! Были бы рады, будь это возможно, однимъ

*) Съ 22 Сент.	до 22 Окт.	Vendémiaire.
» » Окт.	» » Нояб.	Brumaire.
» » Нояб.	» » Дек.	Frimaire.
» » Декаб.	» » Янв.	Nivose.
» » Янв.	» » Февр.	Ventose.
» » Февр.	» » Марта	Pluviose.
» » Марта	» » Апр.	Germinal.
» » Апр.	» » Мая	Floréal.
» » Мая	» » Іюня	Prairial.
» » Іюня	» » Іюля	Messidor.
» » Іюля	» » Авг.	Thermidor.
» » Авг.	» » Сент.	Fructidor.

Високосные дни называются Sansculottides. Они посвящены національнымъ праздникамъ: fêtes des Vertus, du Génie, du Travail, de l'Opinion, des Récompenses.

декретомъ вычеркнуть все 17-тивѣковое прошлое. Но это трудновато. Болѣе серьезный и глубокий вопросъ поднялся въ ту минуту, когда отдѣльныя личности изъ господствующей партіи начали истреблять послѣдніе остатки католической, или, скорѣе, христіанской религіи. Трудно было сказать, такъ ли это легко, какъ воображали горячія головы въ клубахъ; допустить ли масса французскаго народа отнять у себя распятіе и вѣру отцовъ столь же легко, какъ бросили ихъ парижскіе пролетаріи? Разумѣется, это еще не отвѣтъ, если какой-нибудь священникъ попроситъ измѣнить его имя Эразма въ Апостата (отступника) или если санкюлоты de la Nièvre принесутъ серебряную утварь «съ престола своего Бога, своего бывшего Господа», и потребуютъ уничтожить католическое богослуженіе, замѣнивъ его культомъ нравственности.

Изъ школы матеріалистовъ XVIII вѣка было, разумѣется, не мало людей, которые въ своемъ честномъ фанатизмѣ воображали, будто стоитъ вызвать голое безбожіе, и въ мірѣ положено начало свободѣ. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно и поучительно, что приверженцы этой новой секты, въ своей нетерпимости и безумномъ рвеніи къ обращенію, рѣшительно нисколько не уступали старому фанатизму священниковъ и средневѣковому духу преслѣдованія, отъ котораго, казалось, счастливо избавились. Они, скорѣе, далеко превзошли ихъ.

Однимъ изъ такихъ Enragés (бѣшенныхъ), какъ ихъ обыкновенно называли, былъ Анахарсисъ Клотсъ. Мы имѣемъ сомнительное счастье быть его соотечественниками. Родомъ онъ изъ Нижнерейнскаго Клеве. Онъ рано бросился въ крайнее направленіе, сперва какъ ораторъ человѣческаго рода (такъ называлъ онъ себя), затѣмъ какъ «личный врагъ Іисуса». Онъ безумствовалъ, какъ честный глупецъ, какъ ослѣпленный идеологъ. Онъ всею душой предался дѣлу, какъ это и свойственно честной нѣмецкой натурѣ. Онъ еще не представлялъ самаго дурнаго явленія: онъ, вѣдь, серьезно относился къ вопросу. Но за нимъ стояли другіе которыхъ обыкновенно называли *enfants du peuple* (дѣти народа). Это существа, которыя при всякомъ большомъ потрясеніи выплескиваются на поверхность, внося въ новое время неурядицу и испорченность старины. Они принадлежали отчасти къ тѣмъ кружкамъ, которые при Лудовикѣ XV причислялись къ хорошему обществу. Они были вооружены нѣкоторымъ литературнымъ и свѣтскимъ образованіемъ и, какъ полуученые, сильно склонялись къ крайностямъ людей этого сорта. То были Ронсены, Шометы, Моморо, Геберы. Послѣдній—образецъ всего этого типа. У него достало наглости обвинить на судѣ Марію-Антуанету въ кровосмѣшеніи съ собственнымъ сыномъ. Геберъ былъ издателемъ ужаснаго журнала «*Père Duchesne*» и исправнѣйшимъ слугой палачей терроризма; но въ своей частной жизни представлялъ противоположность тому, чего слѣдовало бы ожидать отъ него. Это былъ совершенный джентльменъ, съ утонченнымъ, вкрадчивымъ обращеніемъ,

остроумный весельчакъ мягкаго нрава, способный вечеромъ пировать съ тѣми аристократами, на которыхъ донесъ утромъ *).

Верховнымъ жрецомъ религіозной и нравственной анархіи былъ развратный Шометь. Послѣ очень нечистаго прошлаго, онъ, начиная съ 10-го августа, достигъ нѣкоторой славы, какъ уличный ораторъ и журналистъ, и, наконецъ, важнаго мѣста генеральнаго прокурора въ парижской общинѣ. Вотъ на кого падаетъ отвѣтственность за всѣ безумныя атеистическія предложенія ратуши! Онъ устроилъ дерзкую апотеозу гнуснаго Марата. Онъ организовалъ теперь атеистическіе праздники и публичныя поруганія христіанскаго культа. Ему принадлежитъ ученіе, выражающееся во фразѣ: «Разводъ—божество, охраняющее бракъ». «Настаетъ царство нравственности!», сказалъ онъ, когда проповѣдовалъ о многоженствѣ. Слѣдующія слова, произнесенныя въ клубѣ, принадлежатъ одному изъ его приверженцевъ: «Наступитъ время, когда любовь отца къ сыну и дѣтская любовь сына къ отцу будутъ наказываться, какъ посягательства на естественную свободу людей».

Опьяненіе этихъ господъ не единственный случай сумашествія 1 ноября одинъ церковнослужитель присылаетъ въ конвентъ письмо, начинающееся такъ: «Граждане! Я попъ, я приходскій священникъ, т. е. сумасбродъ». Вслѣдъ затѣмъ является депутація отъ Парижской общины, подъ предводительствомъ Моморо. Ее сопровождаютъ такъ-называемый парижскій епископъ съ своими викаріями и много священниковъ. Ораторъ говоритъ: «Руководимые Разумомъ, пришли мы сложить съ себя санъ, данный намъ суевѣріемъ. Этому великому примѣру послѣдуютъ наши товарищи». Тутъ епископъ подтверждаетъ эти слова, и президентъ поздравляетъ великодушныхъ людей съ жертвой, возложенной ими на алтарь отечества: «Вотъ истинное богослуженіе, приличное Высшему Существо! Вы достойны его». Затѣмъ братскія объятія, при шумномъ восторгѣ. Тутъ и протестантскій пасторъ не отстаетъ въ благородномъ соревнованіи. Дня два спустя, является Сіейсъ, который во все время террора ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что «жилъ». Онъ объявляетъ, что теперь пришло желанное время господства Разума, а онъ никогда не зналъ другаго культа, кромѣ свободы и равенства, никогда не держался другой религіи, кромѣ гуманности и любви къ отечеству: вотъ почему онъ точно также оставляетъ свое мѣсто.

Только Грегуаръ, фанатикъ-янсенистъ, громко и торжественно провозглашалъ себя христіаниномъ, какъ прежде, такъ и потомъ. «Я не вижу повода, говорилъ онъ, отречься отъ того, что считалъ святыней во всю свою жизнь». Но между духовенствомъ онъ одинъ поступалъ и говорилъ такъ.

Всему этому соотвѣтствовалъ слѣдующій случай въ конвентѣ. Всталъ

*) Campardon, I, 307.

Дюпонъ и воскликнулъ: «Какъ! Вы воображаете, что опрокинули троны, когда стоятъ еще алтари? Вамъ бы хотѣлось основать французскую республику съ другими алтарями, а не съ алтаря отечества, съ другими религіозными символами, а не съ деревьями свободы? Природа и Разумъ—вотъ мои боги. Да, я честно признаюсь: я богоотступникъ».

Такимъ-то образомъ, брали изъ церквей облаченія и священные сосуды и дарили ихъ тунеядцамъ да развратнымъ женщинамъ. Въ публичныхъ процессіяхъ вполнѣ умышленно позорили все, что въ этой странѣ въ теченіе тысячелѣтій составляло религію и богослуженіе. Все, въ чемъ народъ привыкъ видѣть не внѣшность, а сущность своей святыни, безбожно попиралось ногами. Это произвело такое впечатлѣніе на массы, какого не ожидали Парижане. И въ самомъ дѣлѣ, что же бы осталось, когда бы у нихъ уничтожили все, чему ихъ благочестивая вѣра или суевѣріе придали таинственную, чудесную силу? Когда грабили и низвергали изображенія святыхъ, которымъ онѣ молились въ продолженіе столѣтій; когда разбрасывали и оскверняли мощи, у которыхъ онѣ просили исцѣленія отъ своихъ немощей, возникъ вопросъ: «Гдѣ же собственно истина, если уже ея нѣтъ и здѣсь? И кто апостолы этого новаго ученія? Не тѣ ли самые, что, носясь по странѣ, какъ разбойники и поджигатели»? Многое перенесли массы; многое допустили онѣ обратить въ прахъ, именно все, что напоминало имъ о старомъ проклятомъ времени. Но своего христіанства, или того, что понималось подъ нимъ, онѣ не хотѣли отдать, тѣмъ болѣе, что похитители ихъ вѣры были въ то же время низкіе преступники.

Департаменты ясно заявляли это настроеніе. Какъ даже Шаботамъ и Базирамъ было теперь страшно при мысли, не обрушились бы безмѣрные злодѣянія террористовъ на самихъ виновниковъ, такъ же непокойно становилось на душѣ и у руководителей, задумавшихъ управлять Франціей. Они начали понимать, что это—самоубійство ихъ правленія.

Робеспьеръ до сихъ поръ не вмѣшивался въ дѣло. Его религія была нѣсколько разжиженный отваръ чувствительнаго раціонализма Руссо. Что въ правленіи нельзя обойтись безъ религіи, это было ему ясно; но ему казалось столь же естественно возможно больше разводянить ее, дать ей улетучиться. Онъ не атеистъ, а деистъ, и до нѣкоторой степени строгій. Но христіанство Откровенія и всѣ внѣшнія принадлежности церкви представлялись ему точно также, какъ и атеистамъ, роскошью, ненужнымъ придаткомъ.

Безчинство гебертистовъ пришлось ему не по душѣ. Хотя въ религіозномъ отношеніи онъ былъ достаточно терпимъ, чтобы спокойно смотрѣть на него, пока оно было безвредно, однако онъ не хотѣлъ и не могъ допустить его подрывать въ корнѣ свое правленіе. Онъ видѣлъ, что оскверненіе церквей не столько преступленіе въ старомъ смыслѣ, сколько ужасная ошибка, отчуждающая отъ него массы. Крімъ того, онъ пресытился второстепенными орудіями, которыя считали себя теперь столь важными. Они испол-

нили свою обязанность и начали мѣшать ему съ тѣхъ поръ, какъ стали распоряжаться самовластно. Теперь они для него уже *engagés*, которымъ слѣдуетъ напомнить, что они небезсмертны, показать, что они лишь передовые посты его войска, уже ненужные ему болѣе.

Такимъ образомъ, 21 ноября онъ выступаетъ противъ нихъ съ одной изъ тѣхъ замѣчательныхъ рѣчей *), которыя онъ обыкновенно произносилъ въ яacobинскомъ клубѣ подобно монологамъ: на нихъ никто не отвѣчалъ. Въ ней чрезвычайно ясно отражается его настроеніе.

Онъ спрашиваетъ: «Правда ли, что фанатизмъ (священниковъ) главная причина нашихъ страданій? Фанатизмъ! Онъ умираетъ, можно сказать, онъ умеръ». Затѣмъ онъ нападаетъ на людей, до той поры вовсе неизвѣстныхъ въ революціи, которые вдругъ стали изрекать великія слова, которые присвоиваютъ себѣ фальшивую популярность, самихъ патріотовъ вовлекаютъ въ ложныя мѣры, поселяя между ними раздоръ. Они во имя свободы нарушаютъ свободу богослуженія и побиваютъ фанатизмъ новымъ фанатизмомъ. Подъ предлогомъ уничтоженія суевѣрія, они изъ самаго атеизма создаютъ своего рода религію. Эти вещи всякій воленъ понимать, какъ ему угодно. Никто не можетъ вмѣнить своему ближнему въ преступленіе, если тотъ иначе думаетъ, чѣмъ онъ. Еслибы даже это сдѣлалъ какой-нибудь законодатель или законодательное собраніе, его поступокъ былъ бы безсмысленъ.

«Пусть философъ строить свою мораль на иныхъ основаніяхъ (не общепринятыхъ; но насъ да сохранить Богъ отъ оскорбленія какъ этого священнаго побужденія, такъ и этого всеобщаго чувства, присущаго народамъ. Гдѣ гений, способный въ настоящую минуту замѣнить своими изобрѣтеніями ту великую идею, которая охраняетъ порядокъ общества и всѣ добродѣтели отдѣльнаго человѣка?»

Робеспьеръ не остановился на рѣчи, на которую клубъ осмѣлился отвѣчать повелѣніемъ закрыть всѣ церкви. 6 декабря, по старанію Дантона и Робеспьера, конвентъ постановилъ запретить всѣ враждебныя дѣйствія противъ свободы богослуженія. Тутъ безбожникамъ стало ясно, что они все еще не совсѣмъ угадали желанія Робеспьера. И вотъ, явился Геберъ съ заявленіемъ, что вышло недоразумѣніе, что онъ формально отрекается отъ атеизма, что въ своемъ журналѣ онъ проповѣдуетъ крестьянамъ чтеніе Библіи, а на Христа смотритъ, какъ на основателя демократическихъ обществъ.

Противъ Клотса Робеспьеръ выступилъ лично 12 декабря. «Можемъ ли мы, сказалъ онъ въ яacobинскомъ клубѣ, видѣть патріота въ нѣмецкомъ баронѣ? Можемъ ли считать санкюлотомъ человѣка, истребляющаго болѣе

*) Hist. parlem. 30, 274 sqq.

100,000 ливровъ годового дохода? Нѣтъ, Французы, будемъ остерегаться иностранцевъ, желающихъ слыть еще лучшими патріотами, чѣмъ сами Французы! Тутъ идетъ рядъ обвиненій противъ бѣднаго Клотса. Его упрекаютъ за его «*orateur du genre humain*». Онъ-де пренебрегъ званіемъ гражданина Франціи и, вмѣсто того, захотѣлъ называться гражданиномъ міра. «Еслибы онъ былъ хорошій Французъ, да развѣ пожелалъ бы онъ, чтобы мы отважились на завоеваніе вселенной»? А затѣмъ говорится объ его атеизмѣ, размножающемъ по всему свѣту враговъ Франціи, и, наконецъ, о его прусскомъ происхожденіи. «Парижъ кишитъ иностранцами, Англичанами и Австрійцами. Они сидятъ среди насъ, вмѣстѣ съ агентами Фридриха-Вильгельма... Клотсъ Пруссакъ... Я обрисовалъ вамъ его политическое прошлое... Произнесите приговоръ».

Клотса вытолкнули изъ якобинскаго клуба. Это былъ первый шагъ къ гильотинѣ. Его единомышленники вскорѣ послѣдовали за нимъ тою же дорогой. Начались «очищенія» клуба.

Это былъ первый глубокій и важный раздоръ въ принципахъ между мастеромъ партіи и его работниками, которые, по его порученію, отваживались на самыя грязныя, самыя насильственныя дѣла. О нихъ, разумѣется, можно было думать, что когда-нибудь они, пожалуй, сдѣлаютъ противъ него то, что такъ часто исполняли на службѣ у него.

Въ ту самую минуту, какъ возникъ серьезный разладъ между элементами, дотолѣ тѣсно связанными, сюда присоединился еще новый разрывъ съ другой стороны.

Перемѣна въ Дантонѣ и его первое столкновеніе съ Робеспьеромъ.

Le Vieux Cordelier Демулена.

Дантонъ вернулся въ Парижъ. Со времени исключенія его изъ комитета общественнаго блага, у него не было ни офиціальнаго положенія, ни вліянія. Лишь изрѣдка слышались еще въ конвентѣ его громовыя рѣчи; но одобреніе ихъ становилось все слабѣе и слабѣе. Ими пресытились, да и ему надоѣлъ конвентъ. И вотъ, онъ уѣхалъ на свою родину, въ Арсисъ-сюр-Объ, женился на молодой красивой дѣвушкѣ и, казалось, намѣревался устроить себѣ тихую жизнь. Медовый мѣсяцъ переживалъ онъ въ счастливомъ уединеніи, веселый и довольный, словно вездѣ была весна. Онъ старался забыть о шумѣ вокругъ него и о крови, приставшей къ его рукамъ. Нѣкогда онъ одинъ, и прежде всѣхъ, провозгласилъ терроръ, безъ личной ненависти къ отдѣльнымъ лицамъ. «Примиритесь для великихъ насильственныхъ мѣръ! Дерзайте (*audace*), дерзайте, дерзайте!» прокри-

чалъ онъ съ безсовѣстностью практическаго человѣка, который думаетъ: когда нація разъединена до самой глубины, департаменты возмутились противъ столицы, враги стоятъ на границахъ, тогда нечего скупиться на кровь, тогда нужно схватить національную силу желѣзной рукой и раздавить все, что не покорится само. Дантонъ желалъ, исполнѣ желалъ этого, но больше ничего.

Ему были противны правильныя убійства безъ конца, подстереженіе талантовъ Франціи, одичалое бандитство. Хотя онъ и не любилъ Барнава, но разъ ему и нѣкоторымъ другимъ подалъ знакъ бѣжать отъ собственныхъ убійцъ. Теперь они сдѣлались первыми жертвами гильотины. А тутъ еще свирѣпствуетъ гнусная рѣзня въ Ліонѣ, Аррасѣ, Юрѣ, Марсели, Тулонѣ, и т. д. Эти оргіи кровожадности были неважны ему. Къ тому же онъ не шутилъ, когда сказалъ однажды: «Пусть клеймятъ позоромъ мое имя, лишь бы страна была свободна, т. е. независима отъ иностранцевъ». А террористы оказались такъ ужасно неспособными къ веденію войны. Съ этимъ чувствомъ огорченія вернулся Дантонъ въ Парижъ. Ему все было отвратительно: и кровавая анархія комитетовъ, и диктатура глубоко презираемаго имъ Робеспьера, и собственное прошлое, возставшее передъ нимъ во всемъ ужасѣ этого настоящаго. Онъ былъ принужденъ сказать себѣ, что самъ указалъ тотъ путь, по которому теперь шли. Онъ содрогнулся передъ цѣлью, осуществленною не такъ, какъ онъ желалъ.

Поэтому-то интересны его первыя слова, сказанныя 26 ноября:

«Народъ желаетъ оставить терроръ очереднымъ дѣломъ. Но онъ точно также желаетъ, чтобы терроръ служилъ своей истинной цѣли, т. е. дѣйствовалъ противъ аристократовъ, эгоистовъ, заговорщиковъ, иностранныхъ вѣроломныхъ друзей. Народъ не хочетъ, чтобы и тотъ дрожалъ, кого природа не щедро надѣлила силой, но кто своими средствами, какъ бы слабы они ни были, стремится служить отечеству» *). . . . Слѣдующее затѣмъ изложеніе направлено преимущественно противъ гебертистовъ. Среди ужасной рѣзни цѣлыхъ недѣль Дантонъ произнесъ предостереженіе своимъ могучимъ голосомъ. Уже привыкли къ ежедневному стуку смертоносной машины, словно иначе и быть не могло, — и вотъ, самъ сентябрьскій убійца призываетъ къ кротости. Это озаботило Робеспьера больше, чѣмъ всѣ безчинства Клотсевъ и Геберовъ. Послѣдніе были лишь орудіями: ихъ можно было отбросить. Теперь же рука сильнаго человѣка грозила переворотомъ. Съ нимъ слѣдовало обойтись осторожно: тамъ, на улицахъ, Дантона знали лучше, чѣмъ Робеспьера, который всегда показывался лишь въ четырехъ стѣнахъ совѣщательныхъ залъ. За этого противника надо было приняться искусно, тихонько. Робеспьеръ и счумѣлъ чрезвычайно осторожной рѣчью ослабить

*) Дальнѣйшія слова все еще довольно проникнуты духомъ террора. Ихъ цѣлью было уничтожить подозрительность горы. О.

(25 декабря) въ якобинскомъ клубѣ первое обвиненіе противъ Дантона. Но въ то же время онъ ясно высказалъ свое мнѣніе объ немъ.

Но и Демуленъ съ другими друзьями Дантона, въ свою очередь, почувствовали необходимость положить предѣлъ ужаснымъ продѣлкамъ послѣднихъ недѣль. Та же сильная ненависть къ старому порядку вещей, которая руководила Дантономъ, привела Демулена, не столь порочнаго, какъ онъ, къ крайней лѣвой сторонѣ движенія. Но теперь онъ увидѣлъ, что его идеалы лежатъ попранные въ грязи. Онъ вздохнулъ свободно при возвращеніи Дантона и, какъ записной журналистъ, быстро нашелъ лучшее средство вернуться на прежнюю дорогу. Дѣло было такъ.

За нѣсколько недѣль до бури противъ атеистовъ, Шометъ издалъ, помѣченное 10-мъ октября, опредѣленіе слова *Suspect* (подозрительный). Его приняли вездѣ, какъ достовѣрное объясненіе этого понятія. Вотъ оно. «Подозрителенъ тотъ, кто въ собраніяхъ народа старается искусственными рѣчами, бурнымъ крикомъ и ропотомъ сдержатъ его энергію; кто искусѣе, чѣмъ эти собранія, и съ притворнымъ сожалѣніемъ ведетъ таинственныя рѣчи о страданіяхъ республики; кто, смотря по событіямъ, мѣняетъ поведеніе и слова; кто, безмолвствуя при преступленіяхъ роялистовъ и федералистовъ, усиленно ратуетъ противъ небольшихъ ошибокъ патріотовъ; кто, желая слыть республиканцемъ, выказываетъ заученную строгость и непреклонность, но тотчасъ же уступаетъ, какъ только дѣло пойдетъ объ умѣренномъ или аристократѣ; кто жалѣетъ корыстолюбивыхъ откупщиковъ и купцовъ, противъ которыхъ законъ былъ принужденъ принять строгія мѣры; кто не принималъ участія ни въ чемъ, касающемся революціи; кто равнодушно отнесся къ республиканской конституціи и обнаружилъ неосновательныя опасенія за ея существованіе; кто хотя бы и ничего не сдѣлалъ противъ свободы, но ничего также и въ пользу нея; кто не посѣщалъ секцій и отговаривался занятіями», и т. д.

Противъ всѣхъ этихъ продѣлокъ *) Демуленъ сталъ издавать теперь журналъ, который назвалъ *Le Vieux Cordelier*, связывая его этимъ именемъ съ бывшимъ клубомъ, къ которому онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Дантономъ. Журналъ этотъ былъ полонъ ума, остротъ, ядовитой сатиры, и надѣлалъ чрезвычайно много шума. Изъ всѣхъ ежедневныхъ газетъ его справедливо нашли достойнымъ включить въ литературные памятники революціи.

Первый номеръ (январь 1794 г.) требовалъ, указывая на Англію, воз-

*) По мнѣнію Зибеля (II, 451) эти продѣлки относятся къ числу маневровъ, которые употреблялъ тогда Робеспьеръ, чтобы окончательно уничтожить въ общественномъ мнѣніи ратушу, уже подчиненную имъ (4 декабря) комитету и затѣмъ побитую въ лицѣ гебертистовъ. О.

вращенія поправнаго права свободной печати. «Годъ тому назадъ мы смѣялись надъ мнимой свободой Англичанъ, не дающей имъ неограниченной свободы печати. Каково же теперь положеніе Франціи сравнительно съ Англіей? Гдѣ французскій журналистъ, который осмѣлился бы говорить о глупостяхъ нашихъ комитетовъ, генераловъ и якобинцевъ такъ, какъ *Morning Chronicle* Питта? Неужели я, Французъ, Камилъ Демуленъ, не могу быть также свободнымъ, какъ англійскій журналистъ?»

Второй нумеръ направленъ противъ атеистовъ. Третій осмѣиваетъ извѣстное ученіе о понятіи *Suspect*, язвительно пародируя выдержки изъ Тацита. Тутъ говорится: «Популяренъ ли гражданинъ, — онъ соперникъ государя, способный возбудить междуусобную войну (*si studia civium in se verteret et si multi idem audeant, bellum esse*): онъ подозрителенъ. Наоборотъ. Избѣгаетъ ли онъ популярности и сидитъ въ углу у своего очага, — уже это уединеніе бросается въ глаза и привлекаетъ вниманіе другихъ (*quanto metu occultior, tanto famae adeptus*): онъ подозрителенъ. Богатъ ты, — угрожаетъ опасность, какъ бы ты не подкупилъ своими деньгами народъ (*auri vim atque opes Plauti principi infensas*): ты подозрителенъ. Бѣденъ, — никто столь не предприимчивъ, какъ неимущій (*Syllum inopem, unde praecipuam audaciam*): ты подозрителенъ. Если ты мрачнаго, меланхолическаго нрава, значитъ ты элишься, что все въ государствѣ благополучно (*hominem bonis publicis moestum*): ты подозрителенъ. Ты философъ, ораторъ, или поэтъ, — блескъ твоего имени опасенъ (*Virginium et Rufum claritudo nominis*): ты подозрителенъ», и т. д. *).

То былъ ударъ кинжала не массамъ, — имъ недоступна страшная иронія Тацита, — а предводителямъ. И такіе удары наносилъ своимъ перомъ человекъ, который когда-то пламенно восхвалялъ владычество террора и прошелъ, хотя лично незапятнанный, черезъ рядъ ужасныхъ дѣлъ. Впечатленіе отъ этого журнала должно было внести расколъ въ господствующую партію.

Низверженіе и казни гебертистовъ и дантонистовъ (мартъ и апрѣль 1794 года).

Самымъ больнымъ мѣстомъ парижскаго правительства было, какъ мы уже видѣли, управленіе арміями. Пока длился терроръ, дѣятельность правительства существенно проявлялась въ выталкиваніи старыхъ генераловъ,

*) Барантъ (IV, 71—89) подробно говоритъ объ этомъ журналѣ и объ оказанномъ ему приѣмѣ. О.

въ многочисленныхъ отставкахъ подозрительныхъ офицеровъ, которыхъ можно было назвать истинными геніями сравнительно съ ихъ преемниками, избранными изъ сора клубовъ. Всѣ способные судить свидѣтели, безъ различія политическаго цвѣта партій, говорятъ одинаково о томъ, какъ эти послѣдніе, съ свитой подлыхъ донощиковъ столицы, хозяйничали въ войскѣ. Только послѣ самыхъ горькихъ опытовъ, которыхъ, наконецъ, не могъ уже перетолковать предразсудокъ кружка, была введена постепенно другая система: таланты стали выдвигаться, а неспособные фигуры отходить на задній планъ. Теперь во главѣ войскъ появились очень молодые, неопытные, но даровитые вожди. Уже самымъ принятіемъ начальства они представляли немаловажное доказательство своей храбрости: всякое предводительство было опаснымъ дѣломъ, малѣйшая неудача считалась преступленіемъ, заслуживающимъ смерть. 17-ти и 22-лѣтніе юноши, за которыхъ пришлось теперь ухватиться, относились къ этому легче разсудительныхъ мужей. Такъ-то образовали извѣстную Мозель-рейнскую армію, подъ предводительствомъ генерала Гоша (Noche, род. 1768 г.), юноши, окруженного такимъ же молодымъ генеральнымъ штабомъ. Этому даровитому вождю, которому на этотъ разъ подчинили Пишегрю, удалось 26 декабря взять приступомъ Вейссенбургскую линію и отбросить за Рейнъ императорскую армію, бывшую подъ начальствомъ Вурмзера. Въ то же время достигли важнаго успѣха на югѣ: другой молоденькій предводитель, Бонапартъ, взялъ Тулонъ.

Поворотъ въ судьбѣ французскаго оружія, начавшійся въ сентябрѣ и въ октябрѣ (1793 г.) успѣхами на сѣверѣ, при Хондскотѣ (предводительствовалъ Гушаръ) и при Ваттиньи (Журданъ), получилъ къ концу года блестящее завершеніе на востокѣ и югѣ.

Но въ Вандеѣ ни на шагъ не подвинулись впередъ. Тутъ противъ самаго храбраго и ожесточеннаго врага стояли самые жалкіе и безголовые предводители. Росиньоли и Лешели не умѣли ни одерживать побѣдъ, ни возстановлять мира. Они считали себя палачами и поджигателями въ опустошительной войнѣ. Въ своихъ донесеніяхъ они сообщали лишь о дѣяніяхъ трусливой мести въ мѣстностяхъ, покинутыхъ воинственнымъ врагомъ. Они расписывали только, какъ несчастная провинція дымится кровью, покрыта трупами, походить на тлѣющую груды пепла, — «поразительный примѣръ національнаго правосудія». Чтобы нанести, наконецъ, сильный ударъ, туда отправили, съ тремя другими войсками, армію, столь храбро сражавшуюся при Майнцѣ. Въ лицѣ Клебера, Марсо, Вестермана явились свѣжіе элементы въ этой жалкой работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтели страшныхъ злодѣяній, обвинители совершавшихъ ихъ вождей. А этого до сихъ поръ никто не осмѣливался вывести на свѣтъ Божій. Общій другъ Вестермана и Дантона, членъ конвента, Филиппо, принесъ въ Парижъ извѣстіе о вандейскихъ дѣлахъ. Онъ сообщилъ о позорномъ

управленіи и злоупотребленіи войсками, о варварскомъ раззореніи страны. Онъ безпрестанно описывалъ ужасные поступки генераловъ, ихъ корыстолюбіе и неспособность, ихъ трусливыя, грубыя убійства беззащитныхъ, между тѣмъ какъ на полѣ битвы они предоставляли дѣлать все другимъ.

Эти жалобы и ихъ опроверженіе волновали всѣ парижскіе кружки, начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1793 года. Добрые друзья Росиньолей и Лешелей не давали, разумѣется, пасть своимъ любимцамъ, и вотъ, въ якобинскомъ клубѣ разразилась буря среди дантонистовъ и гебертистовъ. Ей суждено было окончиться кровавой катастрофой. Это вывело Робеспьера изъ большаго затрудненія. Ему хотѣлось избавиться отъ обоихъ противниковъ. Ихъ поединокъ какъ нельзя лучше помогалъ его плану.

Бареръ, который сталъ теперь подлѣе и презрѣннѣе, чѣмъ когда-либо, неумоимо мѣняя цвѣта, смотря по состоянію дѣлъ, представляетъ въ одинъ прекрасный день докладъ, гдѣ между прочимъ говорится: «Объявляю открыто и рѣшительно, что нѣкоторые писатели неумышленно и невольно только и дѣлаютъ, что способствуютъ разжиганію революціонныхъ страстей и оживленію правъ королевской власти», и т. д. Это было первымъ знакомъ того, что печать Демулена начала уже не нравиться во вліятельныхъ сферахъ; а ему самому этимъ давалось понять, что пора или преклониться, или приготовиться къ исключенію. Но Демуленъ не понялъ, или не хотѣлъ понять намека. Его газетка продолжала появляться черезъ каждыя пять дней, и въ ней онъ даже самъ напалъ на Барера.

25-го декабря явился Робеспьеръ съ рѣчью, которая, по обыкновенію, начиналась общими разсужденіями и оканчивалась спеціальнымъ обвиненіемъ. О преніяхъ по такимъ заявленіямъ уже нечего было и толковать. Конвентъ сталъ нѣмымъ. Робеспьеръ съ С. Жюстомъ произносили одни монологи, которые спокойно выслушивались всѣми и молча принимались.

Въ настоящемъ случаѣ Робеспьеръ говорилъ сперва о теоріи революціоннаго правленія, а затѣмъ выступилъ противъ дантонистовъ и гебертистовъ. «Приходится направлять корабль между двумя подводными камнями. Одинъ называется слабостью, другой неистовствомъ. Съ одной стороны модерантизмъ, съ другой—излишество. Модерантизмъ такъ же относится къ умѣренности, какъ импотенція къ цѣломудрію, а излишество столь же похоже на энергію, какъ водянка на здоровье. Обѣ крайности ведутъ къ одной и той же цѣли». Затѣмъ Робеспьеръ показалъ совершенно ясно, что подъ модерантизмомъ онъ подразумѣваетъ Дантона и Демулена съ приверженцами, а подъ излишествомъ—Гебера, Клотса и атеистовъ.

И вотъ, когда поднялся споръ между дантонистами и гебертистами, онъ вмѣшался въ него. но не какъ союзникъ тѣхъ или другихъ, а какъ судья ихъ. Только съ дантонистами онъ больше, чѣмъ съ другими, находилъ нужной сходную осторожность. «Объявляю, говорилъ онъ въ одной рѣчи, истиннымъ

монтаньярамъ, что побѣда въ ихъ рукахъ осталось и что лишь раздавить двухъ-трехъ змѣй». Но когда, нѣсколько дней спустя, одинъ господинъ (Фабръ д'Эглантинъ) воскликнулъ въ якобинскомъ клубѣ: «На гильотину!» Робеспьеръ приказалъ выгнать нескромнаго крикуна. Еще рано было.

Рѣчь Робеспьера 5-го февраля «объ основаніяхъ политической нравственности» была новымъ шагомъ на начатомъ пути. И здѣсь общія разсужденія сходятся въ одномъ остріѣ, направляемомъ противъ враговъ направо и налѣво. «Мы желаемъ порядка вещей, гдѣ сковываются всѣ низкія и жестокія страсти, а всѣ благородныя и благодѣтельные свойства возбуждаются закономъ. Мы хотимъ изгнать изъ нашей страны эгоизмъ нравственностью, привычку убѣжденіями, моду господствомъ разума», и т. д. Основной законъ новой формы государства—добродѣтель, когда оно наслаждается миромъ, и страхъ врагамъ *citra* и *ultra* (внутреннимъ и внѣшнимъ), когда оно борется за свое существованіе. Тутъ слѣдуютъ обычные обвиненія, и самыя сильныя изъ нихъ противъ гебертистовъ. Въ этомъ же смыслѣ говорилъ 26 февраля С. Жюсть. «Я безпощаденъ къ врагамъ моей страны. Я знаю только справедливость. Справедливость же не мягкость, а строгость. Во Франціи есть политическая секта, играющая во всѣ масти. Говорятъ ей о страхѣ, она желаетъ мягкости; становятся мягкими, она прославляетъ страхъ. Ей хочется блаженствовать и наслаждаться. Тотъ, кто совершаетъ революцію вполонину, самъ себѣ роетъ могилу».

Такимъ образомъ, разладъ медленно и постепенно доходитъ до явнаго разрыва. Горячія сцены и враждебныя выходки смѣняются моментами обманчиваго примиренія, при которомъ нѣтъ недостатка въ объятіяхъ и лудиныхъ поцѣлуяхъ. Слѣдовало обезопасить себя отъ Дантона, такъ какъ онъ дикій, страшный человекъ. Какъ онъ уже ни изолированъ, въ крайности онъ могъ отважиться на что-нибудь и произвести на массы свое чарующее дѣйствіе. Еслибы Дантонъ рѣшился на открытый поединокъ съ Робеспьеромъ, исходъ едва ли былъ бы сомнителенъ. Но онъ этого не хотѣлъ. Именно теперь въ немъ была странная смѣсь чувствъ, непонятная безпечность и конвульсивное содроганіе при одной мысли объ арестѣ. У него повсюду были надежные шпіоны. Они предостерегали его и каждый день приносили новости; но его самоувѣренность была непоколебима. «Онъ, (т. е. Робеспьеръ), не отважится на это», повторялъ Дантонъ своимъ озаченнымъ друзьямъ, и даже въ послѣднее время заявлялъ еще: «Не вѣрю этому! Я бы зубами растерзалъ парня, еслибы у него была хоть одна мысль объ этомъ.» Лишь два пути оставались Дантону: или бѣжать или употребить противъ враговъ возмущеніе массъ. На совѣтъ бѣжать, онъ возразилъ: «Да, еслибъ только можно было на подошвахъ унести съ собой отечество». А отважиться на возстаніе, по его мнѣнію, уже не стоило труда. Онъ пересталъ дорожить жизнью. Онъ чувствовалъ тошноту отъ пресыщенія своимъ прошлымъ, да къ тому же и сомнѣвался въ возможности даже счастливымъ

возстаніемъ пересѣчь дорогу революціи. Онъ вѣрилъ въ фаталистическую необходимость завершить ей свой путь, хотя бы ей пришлось перешагнуть черезъ него. Прежде онъ помышлялъ о мирѣ съ иностранными державами, о соглашеніи съ Пруссіей и Австріей. Депутатъ Гофманъ, представитель Майнца въ конвентѣ, самъ подтвердилъ мнѣ, что именно таковъ былъ планъ Дантона, который и поручилъ ему даже посредничество. Теперь и это исчезло. Отъ этой политики Дантонъ уже ничего не ожидалъ для себя въ будущемъ.

15-го марта внезапно произошелъ арестъ «объшенныхъ» (Enragés), а 17-го Геро-де-Сешеля, друга Дантона. На послѣднемъ рѣшились испытать, хочеть ли и можетъ ли сдѣлать еще что-нибудь Дантонъ для своихъ друзей. Если онъ останется спокойнымъ, то ужъ не ускользнуть ему. Дантонъ не пошевелился. Въ ночь 31 марта напали на него самого. Окружили дома дантонистскихъ вождей и арестовали Дантона, Демулена, Лакруа, Филиппо *).

При вѣсти объ этомъ происшествіи, въ конвентѣ впервые раздался громко болѣзненный крикъ, который давно уже можно было подслушать. Какъ ни онѣмѣло собраніе, у Лежандра, столь же сильнаго приверженца Дантона, какъ и Сантеръ, достало мужества говорить въ его пользу. Этого еще никогда не случалось. Съ паденія жиронды о смерти важныхъ людей не проронили ни слова. Теперь слѣдовало быстро и рѣшительно задумать первую попытку конвента къ проявленію самостоятельной жизни. Робеспьеръ бросился на трибуну и, при громкомъ одобреніи собранія, сказалъ: «Не думаетъ ли Лежандръ, что съ именемъ Дантона соединена какая-нибудь привилегія? Нѣтъ, намъ не нужно привилегій! Нѣтъ, намъ не нужно идоловъ!»! Процессъ «объшенныхъ» былъ легокъ. Они старались вывернуться съ помощью лжи: такъ были они жалки и ничтожны! Они оказались еще недостойнѣе своихъ судей и этимъ окончательно проиграли дѣло. Для одобренія ихъ казни въ первый разъ обошлись безъ подкупленныхъ крикуновъ. Когда ихъ вывели, имъ насмѣшливо закричали: «Теперь, кажется, показалъ-таки себя Богъ, котораго вы отвергали». Дрожа, трусливо умерли они, эти низкіе убійцы, хваставшіеся собственоручнымъ избіеніемъ 82-хъ священниковъ (24 марта).

Совершенно не такова была смерть Дантона и его друзей. Отважно и самонадѣянно выступили они передъ барьеромъ, такъ что сами судьи задрожали. Это былъ первый процессъ съ сомнительнымъ исходомъ. Во время судопроизводства они держались смѣло, дерзко до наглости. Они выказали еще больше пренебреженія, вели себя еще безобразнѣе, чѣмъ обыкновенно бывало въ этомъ судилищѣ. Они были далеки отъ всякаго стра-

*) Barante, IV, 179 sqq.—Campardon, I, 346 sqq.—Wachsmuth, II, 291 sqq.

ха; они были полны ненависти, неповиновенія и презрѣнія къ своимъ судьямъ и къ тѣмъ, что стояли за ними. Даже эти судьи, извѣстные по своимъ мѣднымъ лбамъ, едва не потеряли присутствія духа.

Когда Дантону предложили обычные вопросы, онъ отвѣчалъ: «Мое имя въ Пантеонѣ исторіи; моимъ обиталищемъ скоро будетъ ничто». При своей защитѣ онъ сказалъ: «Голосомъ, часто раздававшимся за дѣло народа, мнѣ ничего не стоить опровергнуть клевету. У трусовъ, которые чернятъ меня, хватить ли духу напасть на меня открыто? Пусть они покажутся, и я покрою ихъ заслуженнымъ позоромъ... Вотъ моя голова. Она во всемъ порука. Жизнь мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется избавиться отъ нея». Когда президентъ прервалъ его звонкомъ, онъ сказалъ: «Голосъ человѣка, защищающаго свою жизнь, заглушить твой звонъ».

Подсудимые потребовали очной ставки съ Робеспьеромъ, С. Жюстомъ и Кутономъ. Они вели себя столь безчинно, что Фукье-Тенвиль былъ принужденъ написать триумвирамъ. Тѣ постановили въ конвентѣ, что всякій заговорщикъ, сопротивляющійся національному правосудію или издѣвающимся надъ нимъ, немедленно теряетъ право слова. Обвиненные дѣйствительно довели своихъ судей до отчаянія. Одному изъ нихъ Демуленъ швырнулъ въ голову своимъ защитительнымъ сочиненіемъ; Дантонъ и Лакруа сыпали вокругъ себя дикія ругательства. Это произвело впечатлѣніе, какъ въ судѣ, такъ и внѣ его. Наемные крикуны въ конвентѣ молчали. Густыя толпы пролетаріевъ, слушавшія въ зданіи и на улицѣ, начали терять спокойствіе. Поколебались и присяжные. Четверо изъ нихъ высказались за оправданіе; но Давидъ пригрозилъ имъ доносомъ, и такимъ образомъ насильно былъ вынужденъ обвинительный приговоръ.

Осужденныхъ вывели также, какъ и многихъ другихъ: зрѣлище было обыкновенное. Но, со смерти короля, никогда еще настроеніе народа не было такъ подавлено и тягостно, какъ теперь. Всѣмъ думалось: если ужъ этотъ не безопасенъ, то кто же? Дантонъ шелъ навстрѣчу смерти, какъ сытый сластолюбецъ. «Что въ томъ, сказалъ онъ, что я умираю? Я хорошо пожилъ въ революціи; много промоталъ денегъ, порядкомъ покутилъ, обнималъ много дѣвицъ. А теперь спать!» Проѣзжая мимо дома Робеспьера, онъ воскликнулъ: «Ты послѣдуешь за нами. Сроютъ твой домъ и на его мѣстѣ посыплю солью». Когда у гильотины наемные крикуны рывкнули одобрительно, Дантонъ закричалъ громовымъ голосомъ: «Молчать, неблагодарный народъ! Ты видишь смерть республиканца». А палачу онъ замѣтилъ: «Довольно одного ремня; другой побереги для Робеспьера».

Такъ умеръ Дантонъ 5 апрѣля 1794 года. Въ самое утро казни жандармскій начальникъ предлагалъ ему отбить его съ помощью своихъ солдатъ; но Дантонъ возразилъ: «Слишкомъ поздно. Дайте мнѣ умереть. Пусть не проливается крови изъ-за меня»...

ГЛАВА XVIII.

**Государственный идеалъ С. Жюста. Робеспьеръ и Верховное Существо.
22-е преріалъ (10-е іюня). *Grandes fournées*.**

Терроризмъ избавился отъ послѣднихъ враговъ, которые, по словамъ Робеспьера, мѣшали ему развиваться въ совершенной чистотѣ. И «модерантизмъ», и «излишество» погибли на кровавыхъ подмосткахъ. Теперь слѣдовало показать, на что способна здравая середина. Чего собственно желали террористы, видно уже изъ ихъ прежней дѣятельности. Дѣло шло о томъ, чтобы по готовой доктринѣ перестроить и перекроить французское общество, прежде всего создать народъ для новаго порядка, а не наоборотъ. Систематическій терроръ долженъ былъ послужить кровавымъ средствомъ для новаго блаженства. Слѣдовало быть закоренѣлымъ фанатикомъ, чтобы, разсматривая это средство вблизи, вѣрить, будто оно поведетъ къ цѣли.

Почти годъ стонала Франція подъ управленіемъ, подобнаго коему не видывалъ міръ. Не было уже ни суда, ни администраціи, кромѣ революціонныхъ комитетовъ да поборовъ. Не было ни личной безопасности, ни собственности, ни торговли; нельзя было существовать иначе, какъ въ кругу и подъ покровительствомъ вооруженныхъ пролетаріевъ, которые безъ мѣры и границъ изгоняли, умерщвляли своихъ согражданъ и брали съ нихъ контрибуцію. Частица націи съ неслыханнымъ насиліемъ стала во главѣ общества. Этотъ вооруженный пролетаріатъ былъ единственной организованной силой въ нѣдрахъ республики. А его единственнымъ идеаломъ было кормленіе насчетъ государства, удовлетвореніе всѣхъ страстей насчетъ остальнаго общества.

На этомъ-то фундаментѣ, съ помощью этихъ-то Бильо, Кутоновъ, Коло, Фуке-Тенвилей, должно было воздвигнуть господство «добродѣтели» и «честности» (*vertu et probité*) Робеспьера и С. Жюста.

Робеспьеръ съ С. Жюстомъ не сомнѣвались въ успѣхѣ. Они рѣшились на всякое дальнѣйшее кровопролитіе, еслибы оно оказалось нужнымъ для введенія новаго порядка.

Самымъ даровитымъ изъ всѣхъ, выставленныхъ партіей чистаго терроризма, былъ С. Жюсть *). Одинъ онъ оставилъ намъ обширныя пись-

*) Документы, относящіеся къ нему, см. въ *Hist. parlem.* V. 269 sqq. — Ernest Hamel: *Histoire de St. Juste*. 2 vls. (это — аполорія; авторъ — демократъ).

менные свидѣтельства, изъ которыхъ видно, чего и какъ онъ желалъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательное явленіе. Едва достигнувъ 27 лѣтъ отъ роду, онъ уже занялъ чуть ли не самое выдающееся положеніе въ этомъ хаосѣ. Съ преданностью ученика преклонялся онъ передъ учителемъ, Робеспьеромъ; но онъ даровитѣе его, богаче идеями, тверже по характеру и чище по натурѣ. С. Жюсть вполне дитя этой революціи. Только что выйдя, въ началѣ ея, изъ перваго юношескаго возраста (род. 1768 г.), онъ, со всѣмъ жаромъ впечатлительной натуры и съ энергіей желѣзной воли, принимаетъ участіе въ дѣлахъ. Это типъ демократической молодежи 1790 и 91 годовъ, которая считала отжившей точку зрѣнія конституціоннаго большинства въ національномъ собраніи и лишь теперь видѣла начало истинной революціи. Уже въ 1790 г. пишетъ онъ, 22-лѣтній юноша, къ незнакомому ему лично Робеспьеру письмо, полное восторга. Это крайне замѣчательный документъ. Въ то время, когда Робеспьеръ стоялъ въ собраніи еще вполне особнякомъ, когда онъ, по большей части, среди насмѣшекъ и ропота, едва могъ оканчивать свои рѣчи, молоденькій С. Жюсть увѣряетъ его: «Я васъ не знаю, но вы великій человѣкъ. Вы не депутатъ какой-нибудь провинціи: вы депутатъ человѣчества и республики».

Въ 1791 г., по завершеніи первой конституціи, выступаетъ С. Жюсть, какъ писатель, съ сочиненіемъ: «*Esprit de la révolution et de la constitution de France*». Здѣсь еще сохраняется монархія; что же касается конституціи, то она принимается, какъ небольшой задатокъ, приличный лишь первой, несовершенной степени революціи. Первую длинную рѣчь С. Жюсть произнесъ при процессѣ короля. Въ ней съ холодной послѣдовательностью выставляется слѣдующее ученіе: на короля должно смотрѣть, какъ на обезоруженнаго врага; его нужно судить не по законамъ существующимъ для гражданъ, а по международному праву; голова Людовика должна пасть, чтобы основалась республика. С. Жюсть говорилъ это безъ всякаго чувства ненависти къ особѣ короля, съ упорной неумолимостью послѣдовательнаго фанатика. Такое начало быстро выдвинуло его изъ ряда множества неизвѣстныхъ, явившихся въ конвентъ. Даже одна жирондистская газета признала въ немъ новый многообѣщающій талантъ.

С. Жюсть, какъ и Робеспьеръ, воспитался на сочиненіяхъ Руссо. «*Contrat social*» былъ его Евангеліемъ; осуществить его было идеей его жизни. Это міровоззрѣніе вошло въ его плоть и кровь. Онъ говорилъ и жилъ, какъ его пророкъ и жрецъ. Въ его словахъ есть нѣчто, напоминающее оракулъ; отсюда и его прозвище: «апокалипсическій». Къ этому присоединялась непреклонная энергія воли и полная недоступность для всякаго другаго убѣжденія. Но, какъ каждый честный и вмѣстѣ съ тѣмъ даровитый фанатикъ, онъ былъ какъ бы созданъ для образованія секты, и лишь для ея системы исключительно жилъ и трудился. Личныхъ страстей у него не было. Онъ шелъ путемъ своей системы черезъ потоки крови, ибо этому, по его

миѣнію, такъ и слѣдовало быть; но онъ былъ вполнѣ чуждъ низкихъ преступленій и позорной жажды убійствъ изъ личной мести. Во всемъ его существѣ была черта благородства, рѣзко отличавшая его отъ якобинцевъ обыкновеннаго сорта. Онъ держался далеко отъ распушенности грубыхъ, бездушныхъ шаекъ, служившихъ ему. Молча, безъ друзей и радости, жилъ онъ для поклоненія своимъ идеямъ и для организации террора *).

Среди всѣхъ членовъ конвента С. Жюсть выдается тѣмъ, что ему, 26-лѣтнему, давали цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ порученій. Въ октябрѣ 1793 г., когда въ Эльзасѣ все расклеилось и въ гражданскомъ, и въ военномъ отношеніи, онъ отправился туда, чтобы проявить примѣрную строгость. Здѣсь, въ самомъ больномъ мѣстѣ Франціи, онъ распоряжался, какъ человѣкъ гордый сознаніемъ, что его никогда не затрогивало человѣческое чувство. «Живо впередъ, по колѣна въ крови и въ слезахъ *)!» было его любимой поговоркой, которую нашли и на одной, оставшейся послѣ него, запискѣ. Отъ побѣговъ, нужды и лишеній армія была въ ужасномъ положеніи. Онъ далъ ей даровитаго предводителя, Пишетрю, и доставлялъ продовольствіе посредствомъ системы самыхъ грубыхъ поборовъ. «10,000 человѣкъ босы, писалъ онъ однажды: слѣдовательно, всѣ аристократы сегодня же снимутъ свои башмаки, а завтра, въ 10 часовъ, 10,000 башмаковъ будутъ на пути къ главной квартирѣ». Истребительная война противъ богатыхъ и мѣщанства была приведена въ дѣйствіе съ страшной жестокостью. Гильотина работала неутомимо. Подавлялось каждое, даже самое слабое, сопротивленіе. И парижскіе якобинцы были въ восхищеніи отъ чудесъ, совершаемыхъ юнымъ палачомъ со «святой гильотиной» и съ «благодѣтельнымъ ужасомъ». Не придумаешь безчеловѣчности, которая не была бы совершена здѣсь. Лишь личнымъ корыстолюбіемъ и личной ненавистью не запятналъ себя С. Жюсть.

Система требовала всего, система оправдывала все.

Что было за государство, надъ созданіемъ котораго трудился С. Жюсть, объ этомъ можно догадываться по нѣкоторымъ, сохранившимся до насъ, отрывкамъ, подъ заглавіемъ: «Institutions». Въ нихъ говорится кое-что о новой формѣ правленія, и особенно о новомъ обществѣ. Сущность этого плана сводится къ деспотизму множества комитетовъ и къ воспитанію новаго поколѣнія по правиламъ Руссо и Спартанцевъ. Цѣль—уничтоженіе индивидуальности, разрушеніе всякой личной жизни отдѣльнаго человѣка ради неограниченной совокупной воли общества и его органовъ.

*) Barante II, 92. О С. Жюстѣ, какъ комиссарѣ въ Эльзасѣ, см. тамъ же, IV, 126 sqq. О.

*) Marcher volontiers, les pieds dans le sang et dans les larmes!

Современное государство, видите ли, зиждется на общественномъ договорѣ, который не достигаетъ своей цѣли, не устраняетъ войны всѣхъ противъ всѣхъ, а, наоборотъ, объявляетъ ее постоянной. Слѣдуетъ уничтожить этотъ общественный договоръ и до-тла истребить всѣ его признаки, чтобы создать новый.

Самый важный изъ всѣхъ законовъ, по Руссо, — законъ общественнаго порядка. Для утвержденія порядка, сообразнаго съ природой, требуется новое поколѣніе, воспитываемое по своеобразной методѣ. Именно съ пятилѣтняго возраста дѣти принадлежатъ не семьѣ, а республикѣ. Воспитаніе совокупное и строгое. Оно заботится особенно о молчаніи и о презрѣніи ко всякой риторикѣ. Школы для дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ въ деревняхъ. Предметы преподаванія: чтеніе, письмо, плаванье. Побои и похвалы строго запрещаются. Дѣти ходятъ въ полотно, спятъ 8 часовъ, ѣдятъ коренья, плоды, овощи, молоко и хлѣбъ съ водой. Воспитателямъ, по крайней мѣрѣ, 60 лѣтъ; избираются они народомъ. Воспитаніе дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ заключается въ подготовкѣ ихъ къ войнѣ и земледѣлію. Они дѣлятся на роты, батальоны и легіоны. Отъ 16 до 20 лѣтъ они изучаютъ определенное занятіе, и т. д.

Стало-быть, воспитаніе чисто-физическое, по образцу юношества Ликурга. Тутъ бросали за бортъ весь балластъ образованія, цивилизаци и прямо приводили въ лѣса Руссо. Почву для такого зданія давала Франція, завѣщанная Людовикомъ XV, а зодчихъ — шайки убійцъ, дѣлившія съ Робеспьеромъ, С. Жюстомъ и Бильо-Вареномъ управленіе Франціей.

И Робеспьера въ это время занимали подобныя же мысли. Къ сожалѣнію, тутъ у насъ немного документовъ, отчасти, разумѣется, оттого, что термидорскіе побѣдители, въ своей слѣпой ярости, уничтожили все, оставшееся послѣ Робеспьера. Однако, насколько намъ извѣстны воззрѣнія его и Бильо, въ главномъ они сходятся съ С. Жюстомъ и разнятся лишь въ частности.

Робеспьеръ желалъ начать прежде всего съ религіознаго преобразованія общества. 7-го мая (18 флореала) выступилъ онъ съ предложеніемъ объ этомъ. Послѣ ряда сильныхъ нападковъ на атеистовъ и энциклопедистовъ, онъ показываетъ, что государству необходимо нѣчто, называемое имъ Верховнымъ Существомъ, *Etre Suprême*. Поэтому обязанность законодателя утвердить на прочномъ основаніи почитаніе этого Существа. Вотъ его предложеніе: « 1.) Французскій народъ признаетъ Верховное Существо и бессмертіе души. 2) Онъ признаетъ, что достойное поклоненіе Верховному Существому есть исполненіе человѣческихъ обязанностей. 3) Во главѣ этихъ обязанностей онъ ставитъ: ненависть къ невѣрію и тираніи, наказаніе измѣнниковъ и тирановъ, помощь несчастнымъ, уваженіе къ слабымъ, защиту угнетенныхъ, оказываніе ближнему всевозможнаго добра и избѣжаніе всякаго зла». Въ честь Верховнаго Существа совершаются торжества, которыя чередуются съ большими національными праздниками: эти торжества ус-

тропваются отдѣльно. Что весьма важно, тутъ еще прямо говорится о свободѣ богопочитанія.

Такъ возникло торжество въ честь Верховнаго Существа, одно изъ множества тѣхъ зрѣлищъ, въ которыхъ нуждалась и не перестаетъ нуждаться эта нація. Оно было не безъ сильной театральной обстановки; но его идея и исполненіе выражали, что пора опять преклониться передъ чѣмъ-то болѣе высокимъ, чѣмъ кумиры дня. То былъ минутный отдыхъ на пути террора и убійствъ.

Само торжество произвело бы, можетъ-быть, лучшее впечатлѣніе, еслибы не выдвинулось такъ на первый планъ тщеславіе Робеспьера. Нарочно устроили, чтобы ему, какъ президенту конвента, въ день торжества быть и главнымъ жрецомъ церемоніи. Кокетливо разпушоный, украшенный большимъ букетомъ, принималъ онъ поклоненія, относившіяся къ Верховному Существо.

Извѣстно, что Робеспьеръ былъ чрезмѣрно тщеславенъ. У него было маленькое помѣщеніе; его потребности были трезвы и просты. Но зато въ каждомъ углу взглядъ вашъ падалъ на какое-либо изображеніе, на какой-либо стереотипъ его лица и фигуры. Точно также онъ не ходилъ грязнымъ и нечесанымъ, какъ санкюлоты: напротивъ, вся его внѣшность представляла изысканную нарядность. Въ описываемый день это проявилось особенно рѣзко. Одни смѣялись надъ забавностью всей сцены, другіе бѣсились отъ надменности главнаго лица. Старые товарищи не скрывали своей досады. Что было имъ дѣлать, съ своими окровавленными руками, подлѣ Верховнаго Существа? Имъ казалось крайне смѣшнымъ, что Робеспьеръ, съ своимъ букетомъ, милостиво благодарилъ всѣхъ отъ имени Верховнаго Существа, и крайне возмутительнымъ, что онъ злоупотреблялъ имъ для своего прославленія. Въ массахъ замѣчались отчасти равнодушіе и холодность, отчасти, именно въ молодежи, какое-то радостное чувство отъ сознанія, что наконецъ-то слышится что-то другое, кромѣ однообразнаго дребезжанья позорной колесницы. Но одно Робеспьеръ видѣлъ ясно—злобу въ окружавшихъ его лицахъ. Разсерженный, яростный, покинулъ онъ торжество и поспѣшилъ въ комитетъ общественнаго блага, чтобы новыми неслыханными постановленіями сообщить празднику настоящее украшеніе. 20-го преріала происходило торжество, а 22-го Робеспьеръ явился въ конвентъ съ зловѣщей миной и представилъ ужасный законъ, составленный комитетомъ.

Дѣло шло о новомъ устройствѣ революціоннаго судилища. Въ своемъ прежнемъ видѣ оно работало недостаточно быстро. Оно отправляло на гильотину лишь 20 человѣкъ въ недѣлю. Требовалась болѣе скорая дѣятельность. Не нравилось и судопроизводство: оно не предохраняло отъ весьма возбуждающихъ случаевъ, какъ оказалось въ процессѣ дантонистовъ. И вотъ, учредили новый судъ. Онъ состоялъ изъ президента (Дюма), 3-хъ вице-президентовъ (въ числѣ ихъ Кофинхель), одного обще-

ственного обвинителя (Фукье - Тенвиль) съ 4-мя помощниками, и изъ 12 судей. Присяжныхъ было 51 человекъ. Судъ дѣлился на 4 части, съ 3-мя судьями и 9-ю присяжными въ каждой. Опредѣлялись лишь вполнѣ надежныя креатуры, на чье гибкое рвеніе можно было рассчитывать. Судопроизводство крайне упрощено. Допросъ свидѣтелей излишенъ, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ ведетъ къ открытію соучастниковъ. Для обвиненія же годны всякого рода доказательства, и матеріальныя, и нравственныя, и словесныя, и письменныя. Приговоръ опредѣляется совѣстью присяжныхъ. Назначеніе суда — карать враговъ народа. Наказаніе — смерть.

«Врагъ народа тотъ, кто силой или хитростью стремится уничтожить его свободу». Тутъ идетъ длинный рядъ степеней, подобныхъ Шометовскимъ въ его опредѣленіи «подозрительныхъ». Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія: «Врагъ народа тотъ, кто обманываетъ его или его представителей, желая склонить ихъ къ поступкамъ, противнымъ свободѣ; кто для поддержанія предпріятій тирановъ, сговорившихся противъ республики, старается распространить отчаяніе; кто для разъединенія или обмана народа распространяетъ ложныя вѣсти; кто усиливается внести смуту въ общественное мнѣніе, помѣшать просвѣщенію народа, помрачить энергію и чистоту революціонныхъ правилъ», и т. д., и т. д. Словомъ, теперь уже не было поступка, высказанной или тайной мысли, которые нельзя было бы выдать за попытки посягнуть на республику, которые не служили бы предлогомъ къ процессу въ уголовномъ судѣ.

Таковъ былъ рѣшительный приступъ къ основанію государства «честности и добродѣтели», которое получило 8-го іюня своего Бога, своего верховнаго жреца и свое торжественное освященіе. Чувствуя неспособность создать что-либо новое, ухватились опять за «святую гильотину». Развѣ только ея быстрый стукъ сообщалъ разнообразіе, котораго иначе не въ силахъ были создать. Началомъ къ утвержденію положительнаго порядка, послѣ пятилѣтняго разгрома, было основаніе новаго террористскаго правленія, относительно коего прежнее могло считаться системой кротости, съ сравнительнымъ обезпеченіемъ личной безопасности. Террористы не были способны на что-либо лучшее. Послѣ жалкой попытки сдѣлать положительное дѣло, они принялись за прежнюю кровавую работу, которая утомила, наконецъ, самого Дантона и опротивѣла ему.

Теперь слѣдуютъ семь страшныхъ недѣль *des grandes fournées*. Ежедневно вывозится на площадь 60 — 70 несчастныхъ. Въ одномъ Парижѣ гибнутъ подъ гильотиной 1,500 человекъ. По всей Франціи совершается одна великая оргія рѣзни оптомъ.

Теперь у необузданныхъ варваровъ образуется тотъ цинизмъ языка, который дошелъ до насъ въ столькихъ страшныхъ обрачкахъ. Говорится, напримѣръ: «Угодно вамъ привести въ порядокъ ваши дѣла—возьмитесь

за гильотину. Желаете покрыть огромныя издержки своихъ 14 армій — работайте гильотиной. Хочется вамъ уплатить свои безсчетные долги — поможетъ одна гильотина, тысячу разъ гильотина». 18-го мая Камбонъ объявлялъ о 6 миллиардахъ ассигнатовъ, находящихся въ обращеніи: и тутъ гильотина помогла. «Мы чеканимъ монету на революціонной площади», сказалъ самъ же Камбонъ. «Перебьемъ дичь!» «Корзина скоро будетъ полна» — кричать другъ другу палачи. «Натремъ красной краски», говоритъ безчеловѣчный живописецъ Давидъ.

Такъ началось новое блаженство націи.

Бывшій аррасскій адвокатъ пришелъ въ то упоеніе властью, которое ошеломяло и болѣе великихъ людей. Онъ потерялъ тонкое чутье того, что позволительно и что нѣтъ. Впрочемъ, его уединеніе въ то время, какъ гильотина работала безъ устали, было какъ бы бѣгствомъ отъ несчастія, имъ самимъ причиненнаго.

Думать, что такая система долго продержится, не уничтоживъ самое себя и не поглотивъ своихъ виновниковъ, значило бы отчаяваться въ человѣческой природѣ. Эта система служила самымъ вѣрнымъ путемъ къ прекращенію террора: тутъ-то и заключалось ея самонаказаніе. Терроръ потерялъ свое жало. «Мы унизили нравственно гильотину»*), сознавался въ послѣдствіи самъ Бильо-Варенъ. Почти всѣ приговоренные всходили на кровавые подмостки весело, даже съ шуточками. Одна только особа со скорбью покинула тогда жизнь: то была г-жа Дюбарри, старая любовница Лудовика XV.

Противъ самаго избіенія не поднялось ни одного голоса въ тогдашнемъ конвентѣ. На законъ 22 преріаля возразили только, что слѣдовало бы охранить, по крайней мѣрѣ, членовъ конвента отъ революціоннаго суда. Это была лишь маленькая забота о собственномъ я, которую нельзя было заглушить. Тотъ фактъ, что она заговорила, а равно и форма, въ которой она выразилась въ этомъ собраніи, обыкновенно столь нѣмомъ отъ страха, были, конечно, важнымъ предостереженіемъ Робеспьеру, которымъ тотъ пренебрегъ. Но это не облегчаетъ приговора конвенту. Вѣдь здѣсь никто не отважился на слово, изъ-за котораго пали Дантонъ съ Демуленомъ; никто не рѣшился обнаружить свой добрый образъ мыслей, какимъ-либо предостереженіемъ за которое, какъ за посягательство на свободу, законъ прямо угрожалъ смертію.

Враги тріумвирата (Бильо, Колло, Карно).

Со времени извѣстнаго празднества Робеспьеръ почти совершенно отдѣлился отъ своихъ прежнихъ друзей. Исключая С. Жюста, Кутона, Леба,

*) «Nous avons démoralisé la guillotine».

онъ видѣлся лишь съ немногими. Никто не навѣщалъ его, боясь какимъ-нибудь необдуманнѣмъ словомъ возбудить его бдительную подозрительность и непримиримую мстительность.

Комитетъ общественнаго блага, въ рукахъ котораго сосредоточивалось теперь все управленіе государствомъ, состоялъ изъ слѣдующихъ членовъ. Во главѣ его находился триумvirатъ изъ Робеспьера, С. Жюста и Кутона. Они создавали законы, по которымъ дѣйствовала полиція и революціонный судъ. По свидѣтельству Карно *), ихъ называли «верховниками» (*les gens de la haute main*).

Затѣмъ идутъ Бареръ, Бильо, Колло. Ихъ задачей было «поддерживать политическое возбужденіе». Они назывались «революціонерами» (*les gens révolutionnaires*). У третьяго триумvirата, Карно, Приёра и Линде, былъ контроль надъ всей администраціей, и именно надъ войскомъ. Они заботились о продовольствіи, оружіи, порохѣ и свинцѣ. Ихъ именovali «рабочими» (*les travailleurs*). Десятымъ членомъ комитета общественнаго блага былъ Жанъ Бонъ С. Андрэ. Въ комитетѣ безопасности засѣдали якобинцы втораго разряда: разные Вадье, Амары, Давиды, Леба, Лакосты, и другіе.

Лишь трое, упомянутые нами въ самомъ началѣ, плотно примыкали другъ къ другу. Всѣ остальные придерживались ихъ либо подозрительно и неохотно, либо съ ропотомъ и колебаніемъ. Бильо съ Колло не могли простить Робеспьеру торжества въ честь Верховнаго Существа. Имъ былъ противенъ новый калифатъ суррогата религіи. Они опасались новой, еще сильнѣйшей диктатуры надъ нѣмыми, послушными массами, которая распространилась бы и на нихъ, людей кроваваго произвола и безграничнаго наслажденія. Здѣсь дѣйствовала лишь чистая зависть, жалкое недоброжелательство, да опасеніе за собственную долю въ «благодѣяніяхъ террора».

Это было возстаніе будочниковъ террора противъ своего начальства. Они не создали совершавшагося теперь. Они воображали, что ворочаютъ, между тѣмъ какъ ими самими ворочали. А когда они побѣдили, то оказалось, что не для себя. Они служили совсѣмъ другой силѣ, которая не обозначается именами и партіями. Они служили реакціи, этой ужаснѣйшей изъ революцій, кары которой сами на себя призвали. Послѣ 9 термидора они считали возможнымъ продолжать работу подъ другой фирмой, но ошиблись. Вслѣдъ за Робеспьеромъ быстро пали въ его могилу гильотина, комитеты, всѣ подмостки господства террора. И если потомъ снова была воздвигнута гильотина, то лишь для того, чтобы отправить прежнихъ друзей Робеспьера вслѣдъ за ихъ господиномъ.

Совершенно иного рода была группа «рабочихъ», изъ которыхъ всѣхъ

*) Mémoires, I, 347.

замѣчательнѣе Карно *). Это одинъ изъ послѣднихъ гордыхъ цвѣтковъ старой математической школы и образованія, чрезъ который прошелъ еще Бонапартъ. Карно холодный, сухой, трезвый человѣкъ, односторонній и неподвижный въ своихъ идеяхъ и предразсудкахъ. Но онъ обладалъ умениемъ осуществлять разъ начатое съ неимоверно-упорной энергіей и дѣятельностію. Притомъ онъ вошелъ въ поговорку своей неподкупной честностью и прямодушной простотой. Онъ не могъ смотрѣть на послѣднія происшествія иначе, какъ съ отвращеніемъ, а все-таки не покинулъ своего поста, чувствуя, что способенъ спасти Францію на военномъ поприщѣ. Онъ самъ говоритъ намъ, какъ было ему не по душѣ стоять возлѣ такихъ господъ. «Обыкновенно я подавалъ голосъ, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ **), съ тѣми, кого называютъ партіей горы. Не то, чтобы я всегда раздѣлялъ ихъ убѣжденія: вовсе нѣтъ. Я старался только не голосовать съ партіей, которая казалась мнѣ еще безконечно опаснѣе. Въ революціяхъ почти всегда приходится изъ двухъ золъ выбирать меньшее». Чувство, руководившее Карно, было вѣрно. Никто не былъ такъ способенъ, какъ онъ, создать среди безграничнаго смятенія новое войско изъ развалинъ стараго. Никто не умѣлъ такъ все устроить, вносить свѣтъ и порядокъ, ставить подходящихъ людей на надлежащія мѣста. Сама судьба, казалось, сохранила для него пробѣлъ, который онъ и занялъ, рѣшаясь служить ненавистной ему власти, потому что существованіе Франціи было поставлено на карту. Его гордое упорство, коренившееся въ сознаніи лучшаго пониманія вещей, не поддавалось рѣчамъ дилетантовъ. Онъ безпощадно отдѣлывалъ Робеспьера съ С. Жюстомъ, какъ останавливаютъ школьниковъ. Робеспьеръ злился на него, но не могъ обойтись безъ него. Тутъ-то было смертное мѣсто якобинства. Въ томъ-то и была бѣда, что для побѣды надъ Европой требовались люди искусные въ войнѣ, какъ бы они ни были неудобны для властелиновъ. Карно не скрывалъ своего отвращенія къ Робеспьеру. «Я презираю васъ, трусливые диктаторы!» воскликнулъ онъ однажды. Робеспьеръ же, при другомъ случаѣ, сказалъ ему: «Не слишкомъ заносись! При первой неудачѣ и ты попадешь подъ гильотину!»

Послѣдній изъ членовъ комитета общественнаго блага, Жанъ Бонъ С. Андрэ, большею частью находился въ отсутствіи, въ качествѣ флотскаго комиссара.

Такимъ образомъ, партіи въ комитетѣ стояли другъ противъ друга съ зоркимъ недоверіемъ. Каждый старался по лицу и рѣчамъ другаго выведать тайну, скоро ли рѣшеніе; ибо всѣ чувствовали, что законъ 22 преріала созданъ не для обезглавленія одиѣхъ старухъ, аббатисъ и женъ мар-

*) Онъ классически охарактеризованъ у *Зибеля*, III, 13 и слѣдд. О.

**) I, 337.

шаловъ. Робеспьеру опротивѣло его прежнее общество. И, быть-можетъ, то было смѣшанное чувство отвращенія и страха къ мошенникамъ, окружавшимъ его на вершинѣ его могущества, которые были всѣмъ обязаны ему, а теперь были готовы надѣть ему петлю на шею. Но еще опаснѣе заговорщиковъ изъ собственнаго лагеря казались ему всюду побѣдоносныя теперь войско. Онъ боялся военной диктатуры, которую уже давно предвидѣлъ ясно. Когда все какъ бы въ дикомъ опьяненіи стремилось къ войнѣ, онъ одинъ совѣтовалъ миръ, ибо чувствовалъ приближеніе Кромвеля. Поэтому и теперь, и еще настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, онъ думалъ мирѣ. Онъ рассчитывалъ на соглашеніе съ Австріей, какъ нѣкогда Дантонъ на соглашеніе съ Пруссіей. Австрійскій кабинетъ не вполне отвергалъ его предложенія. Сносный миръ былъ для Робеспьера лучшимъ средствомъ избавиться отъ войскъ и полководцевъ. Прекратись война съ иностранцами, и онъ могъ надѣяться на окончательное низложеніе своихъ противниковъ внутри государства.

Но какъ ловко ни маскировалось это настроеніе, оно не осталось совершенно тайной. Робеспьеру скоро пришлось въ самомъ конвентѣ услышать отъ гибкаго Барера намеки на то, что ему не довѣряютъ, что въ немъ замѣчаютъ желаніе предать республику врагамъ. Къ тому же въ самомъ народѣ начала яснѣе проявляться реакція. Нѣмое равнодушіе, съ которымъ падали жертвы, мало по малу стало казаться поразительнымъ самымъ главамъ правленія. Потерявъ свое жало, терроръ смѣнился затаенной ненавистью къ его виновникамъ и исполнителямъ.

Все болѣе и болѣе шевелилась въ народѣ мысль положить конецъ такому правленію. Этимъ воспользовались враги Робеспьера и начали готовить всеобщій переворотъ. Конвентъ, пережившій время своего полного онѣмѣнія, обнаружилъ—въ первый разъ при арестѣ Дантона, во второй 23-го преріала—признаки жизни и началъ реакцію. И здѣсь сроднились съ мыслью о низверженіи системы, которая очевидно распадалась сама собой. Всѣ эти признаки тихаго броженія и перемѣны въ умахъ совершались почти незамѣтно въ теченіе шести недѣль послѣ 22-го преріала. Міру казалось, будто здѣсь полное единодушіе и ненарушимое согласіе. Самъ Робеспьеръ какъ будто поддавался такому обману. Съ твердой вѣрой въ неприкосновенность своей власти покинулъ онъ государственную жизнь, какъ Дантонъ передъ своимъ паденіемъ. Онъ не сомнѣвался, что и безъ его личнаго участія машина пойдетъ по своему пути. Какъ властелинъ, уже не боящійся за свое законное признаніе, онъ избѣгалъ конвента и комитета общественнаго блага, не желая встрѣчать непріятнаго противорѣчія со стороны людей, у которыхъ онъ надѣялся при первомъ случаѣ отнять языкъ сокрушительнымъ ударомъ. А вечеромъ онъ отправлялся въ свой якобинскій клубъ, чтобъ показать, что еще живъ, что еще умѣетъ говорить и клеветать. Такая тактика совершенно неправильна. Власть, захваченную Робеспьеромъ, слѣдовало

каждый день снова испытывать и закалять. Желавшему упрочить ее за собой ни на мгновение нельзя было покидать своего поста. Въ клубѣ Робеспьеръ произносилъ привычнымъ тономъ оракула общія обвиненія, не сопровождая однако своихъ рѣчей быстрыми послѣдствіями. Онъ говорилъ о новомъ поколѣніи гебертистовъ и дантонистовъ, о наказаніи, которое оно готовило себѣ; но оставался при однихъ словахъ, ничего не дѣлалъ, чтобы придать имъ серьезное значеніе. Этого было достаточно, чтобы предостеречь враговъ, но не запугать ихъ.

Неудачная попытка Робеспьера 8-го термидора.

Въ то время по Парижу таскалась полуумная старуха, Катерина Тео (Theot). Ей было видѣніе новой религіи, во главѣ которой стоялъ калифъ или pontifex maximus Робеспьеръ. Въ своемъ безграничномъ тщеславіи, Робеспьеръ принималъ нелѣпное поклоненіе этой госпожи и ея секты. Такимъ безбожнымъ молодцамъ, какъ Колло и Бильо, «теотизмъ» представился желаннымъ орудіемъ. У нихъ жречество Робеспьера давно стало предметомъ явныхъ насмѣшекъ. Теперь имъ казалось легко доказать, что тайныя сходки сектантовъ ни что иное, какъ сборища крадущагося во мракѣ заговора. Сначала въ комитетѣ, а затѣмъ беспощадными преніями въ конвентѣ они весьма чувствительно оскорбили Робеспьера, вступившагося за секту. Со слезами ярости поклялся онъ, что его ноги не будутъ ни въ конвентѣ, ни въ комитетѣ. Это случилось въ концѣ преріала, и онъ сдержалъ клятву до 8-го термидора, кануна своего паденія.

Никогда еще Робеспьеръ не былъ такъ бездѣятеленъ и нерѣшителенъ, какъ въ эти роковыя недѣли. Начиная съ 22 преріала, онъ какъ-бы парализованъ, на него какъ бы нашелъ столбнякъ. Словно все надломилось въ немъ: и извѣстная неутомимая дѣтельность, которую онъ когда-то обнаруживалъ въ ратушѣ, затѣмъ въ конвентѣ и комитетѣ общественнаго блага, и его талантъ чуткой подозрительности, и его искусство подслушивать всѣ движенія и лукаво разстраивать ихъ. Бодры, по прежнему, оставались лишь его орудія.

Такимъ образомъ, съ начала іюля дѣло уже доходитъ до мелкихъ стычекъ. Карно становится неподатливѣе, прежніе друзья наглѣе, чѣмъ когда-либо. Даже въ якобинскомъ клубѣ появляется время отъ времени Колло и произноситъ грозныя рѣчи, на которыя Робеспьеръ отвѣчаетъ не дѣлами, а лишь словами. Въ конвентѣ протиснулись впередъ безвѣстныя лица. Они совѣщались съ Карно, Бильо и другими, впрочемъ уже твердо рѣшившись вскорѣ послѣ своей побѣды перешагнуть и черезъ нихъ.

Робеспьеръ намѣревался предупредить ударъ, угрожавшій ему, но собственно еще не подготовленный. Дѣйствительно, когда 8-го термидора (26 іюля) онъ въ первый разъ явился опять въ конвентѣ, противники еще не были вооружены. Колло и Бильо, Тальенъ и Камбонъ давно знали, что ихъ ожидало. Они употребили всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону умѣренныхъ въ конвентѣ, но эти еще наканунѣ вечеромъ отвергли союзъ: въ ихъ рукахъ не было еще ручательства въ побѣдѣ. Отъ поведенія Робеспьера зависѣло, успѣетъ ли во-время составиться коалиція для его низверженія.

8-го термидора онъ явился съ длинной рѣчью, о которой заранѣе условился съ своими друзьями. Ее рѣшили распространить въ столицѣ и по департаментамъ, какъ манифестъ партіи. «Пусть другіе, началъ онъ, рисуютъ вамъ лестныя картины: я намѣренъ высказать вамъ полезную истину. Я не выдалъ за правду смѣшныхъ ужасовъ, посѣваемыхъ злобой; но, если только это возможно, одною силою истины потушу пламя раздора. Я стану защищать предъ вами вашу оскорбленную власть и нарушенную свободу. Оправдаюсь и самъ». Человѣкъ, котораго обвиненіе стало второю натурой, словами: «Мнѣ надо открыть свое сердце: не бойтесь, я не намѣренъ обвинять», началъ двухчасовую филиппику противъ своихъ враговъ въ обоихъ комитетахъ и въ конвентѣ.

Эта его рѣчь, какъ и всѣ другія, изобиловала повтореніями. Вездѣ то же отвратительное самохвальство, тѣ же лицемѣрныя выходки. Здѣсь новы только имена членовъ комитета, которыхъ ему хотѣлось объявить въ опалѣ заодно съ посланными уже имъ на гильотину. Въ подробномъ изображеніи состоянія республики поразительно признаніе, что все разстроится, все погибнетъ, если не произойдетъ новаго государственнаго переворота въ пользу его диктатуры. Само собой разумѣется, что онъ далеко отбрасываетъ отъ себя слово «диктатура»: вѣдь оно «оскверняетъ свободу, унижаетъ правительство, разрушаетъ республику, безчеститъ революціонныя учрежденія, выставляя ихъ созданіемъ одного лица; оно сосредоточиваетъ на этомъ лицѣ всю ненависть, направляетъ противъ него всѣ кинжалы аристократовъ».

Замѣчательны затѣмъ откровенныя слова объ опасности, которой угрожаютъ войска.

«Побѣда вооружаетъ честолюбіе, усыпляетъ патріотизмъ и своими блестящими руками роетъ могилу республикѣ. Допустите, чтобы бразды революціи хоть на минуту волочились по землѣ, и вы увидите, какъ захватитъ ихъ военный деспотизмъ и какъ глава секты повергнетъ въ прахъ униженное представительство націи».

Въ заключеніе Робеспьеръ такъ сопоставляетъ выводы своей рѣчи. «Выскажемся же. Существуетъ заговоръ противъ общественной свободы, который опирается на преступную измѣну, кующую свои интриги въ нѣдрахъ самого конвента. У этого заговора есть сообщники въ комитетѣ

безопасности и съ нимъ въ связи члены комитета общественнаго блага. Какое средство поможетъ тутъ? Наказаніе измѣнниковъ, обновленіе комитета безопасности, очищеніе самого комитета общественнаго блага и подчиненіе его первому! Пока управляютъ шайки мошенниковъ, защитники свободы, словно опальные, лишены покровительства законовъ».

Дѣло было ясно. Впервые была объявлена война доселѣ тѣсно соединеннымъ товарищамъ, и опять до того общо и неопредѣленно, что даже въ конвентѣ никто не былъ увѣренъ въ своей жизни. Собраніе словно оцѣпенѣло. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ рѣшились заговорить. Составлялись группы, совѣтовавшіяся, что дѣлать. Въ этотъ-то моментъ перваго смущенія удалось исторгнуть у конвента постановленіе о напечатаніи рѣчи и разсылкѣ ея по департаментамъ.

Теперь, пока постановленіе и рѣчь еще не вышли изъ конвента, настала минута вострепнуться обвиняемымъ. Начали говорить Вадье и Камбонъ, затронутые всего сильнѣе. Послѣдній обратилъ обвиненіе противъ самого Робеспьера. «Пора, воскликнулъ онъ, сказать всю правду. Одинъ только идетъ наперекоръ волѣ собранія. Это тотъ, что говорилъ сейчасъ; это Робеспьеръ. Произнесите теперь свой приговоръ». Робеспьеръ отвѣчалъ, какъ человѣкъ, потерявшій присутствіе духа. Тѣмъ сильнѣе ободрились теперь и другіе. Фреронъ, Бильо, Панисъ, вся гора напала на него, изливая цѣлый потокъ обвиненій, противъ которыхъ не отважился защищать его никто изъ приверженцевъ, кромѣ одного Кутона. Шумно требовали, чтобы Робеспьеръ назвалъ по именамъ всѣхъ, кого подразумѣвалъ въ своемъ обвиненіи; но онъ твердо отказался отъ этого. То было сигналомъ конвенту выступить противъ него, какъ одна партія, которой грозитъ опасность. Постановленіе напечатать рѣчь было взято назадъ. Вмѣсто того поручили комитетамъ составить докладъ о ней.

Государственный переворотъ не удался Робеспьеру; но настоящее рѣшеніе еще только предстояло. Ни одной партіи, желавшей упрочить за собой побѣду, не слѣдовало терять ни минуты.

Изверженіе Робеспьера 9-го термидора (27 іюля).

Коалиція поняла свою задачу. Между тѣмъ, какъ Робеспьеръ, въ сопровожденіи друзей, отправился съ жалобой въ яacobинскій клубъ и тамъ еще разъ прочелъ свою длинную рѣчь, при утѣшительныхъ рукоплесканіяхъ своихъ всегда благодарныхъ слушателей, его противники неутомимо проработали цѣлую ночь надъ подготовкой его гибели. Устрашенные убійцы съ горы дѣйствовали для общей цѣли заодно съ честными людьми правой

стороны. Буаси д'Англа и Дюраны преодолѣли свое отвращеніе къ Тальенамъ и Бурдонамъ, которые въ своей крайней опасности умоляли ихъ о спасительной помощи. Они рѣшились идти съ ними, чтобы завтра низвергнуть Робеспьера, а послѣ завтра ихъ самихъ. Національные гвардейцы парижскаго средняго сословія, вздохнувъ, наконецъ, свободно послѣ долгаго ужаса, предложили имъ свои услуги. Не безъ надеждъ можно было ожидать утра 9-го термидора.

На слѣдующій день въ конвентъ, собравшійся въ полномъ составѣ, явился С. Жюсть. Онъ принесъ обширную рукопись, заключающую въ себѣ новое длинное обвиненіе противъ враговъ Робеспьера.

На этотъ разъ ни у кого не было охоты терять время на слушаніе такой же бесполезной лекціи, какъ наканунѣ. На первыхъ же словахъ Тальенъ прервалъ оратора вопросомъ: «Къ чему вѣчныя обвиненія направо и налѣво? Я требую, чтобы завѣса была, наконецъ, разорвана». С. Жюсть не отвѣчалъ. Блѣдный, какъ мертвецъ, стоялъ онъ безмолвно на трибунѣ. Тамъ возлѣ него появился Бильо, замѣнивъ Тальена. Онъ излился самыми сильными обвиненіями противъ якобинскаго клуба и его плана убійствъ. Яростно вскочилъ теперь Робеспьеръ, чтобы овладѣть трибуной. «Долой тирана!» раздалось со всѣхъ сторонъ. «Ты не можешь больше говорить!» распорядился президентъ. Напрасно усиливается Робеспьеръ сказать что-то. Каждый разъ, какъ онъ раскрываетъ ротъ, его перекрикиваютъ. Онъ принужденъ выслушать, какъ постановляется арестовать его вѣрныя орудія, генераль-коменданта Анріо, вмѣстѣ съ его штабомъ, и президента суда. Дюма. Тутъ онъ судорожно цѣпляется за перила ораторской трибуны и съ разстроенными, искривленными чертами отчаянія выжидаетъ, пока уляжется, наконецъ, шумъ. Но для него онъ уже не улегся. Уловки, которыя онъ такъ часто употреблялъ противъ другихъ, обратились противъ него самого. У него вырвалось еще 2—3 восклицанія неистовой ярости, пока не произнесли роковаго слова. Луше, безвѣстный депутатъ, никогда прежде не говорившій, сказалъ: «Я требую ареста Робеспьера». Сперва одиночное, затѣмъ все болѣе громкое, наконецъ единогласное, шумное, продолжительное одобреніе. Словно произнесли анаѹему. Робеспьеру уже не удалось говорить. Одинъ изъ дантонистовъ прокричалъ ему: «Молчи же! Кровь Дантона заглушаетъ твой голосъ». Теперь всплыли наверхъ всѣ старыя, павшія партіи и соединились для нападенія на него. Робеспьера, его брата, Леба, С. Жюста, Кутона арестовали и увели.

Но послѣднее слово еще не было произнесено. Едва ратуша, съ своимъ меромъ во главѣ, узнала о случившемся въ конвентѣ, какъ тотчасъ же постановила, чтобы народъ вступилъ въ борьбу съ измѣнниками за своихъ героевъ. Генераль-коменданту національной гвардіи, Анріо, велѣно отвѣчать на указъ объ арестѣ своими пушками.

Забили въ набатъ. Къ якобинцамъ и въ секціи отправили пословъ, чтобы

призвать народъ къ возстанію. Между тѣмъ плѣнниковъ снова освободили по приказанію ратуши. Ихъ встрѣтили съ торжествомъ. А тутъ изъ многихъ секцій пришло одобрительное извѣстіе: мы-де ужъ на ногахъ (*nous sommes debout*)!

Но замѣчательно, что истинная свѣжесть порыва была уже на на сторонѣ террористовъ. Помощь отъ нихъ являлась вяло и медленно. Трудно было оживить населеніе. И именно тамъ, гдѣ всего вѣрнѣе рассчитывали на подмогу, въ предмѣстьяхъ, ея вовсе и не оказалось. Мало того. Зашевелилось среднее сословіе, буржуазія, какъ никогда еще со временъ Балли и Лафайета. Національные гвардейцы стекались толпами, требуя оружія для защиты конвента. Это и рѣшило дѣло. Измѣнилась даже секція предмѣстья С. Антуанъ, выставившая въ 1789 году «подвижныя колонны» орудій переворота и всюду сражавшаяся добросовѣстнѣй всѣхъ. Ея старый предводитель, Лежандръ, стоялъ теперь на сторонѣ конвента, а Сантеръ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Это предмѣстье представило въ ратушу замѣчательный документъ, (онъ сохранился), кишачій ошибками въ которомъ объявило, что у него прежняя энергія, но оно стало осторожнѣе въ опредѣленіи враговъ отечества и республики. И эта сила отреклась отъ падающаго терроризма!

У террора были уже не прежнія орудія. Во главѣ вооруженной силы, составленной въ 1793 г., стоялъ Анріо, человекъ низкій, лично принимавшій участіе въ сентябрьскихъ убійствахъ. Да и онъ былъ уже не прежній. Нѣкогда онъ выказалъ противъ жирондистовъ рѣшительное мужество: но теперь онъ уже не находилъ его въ себѣ. Въ этотъ день онъ напился для храбрости. Полуотуманенный, метался онъ по улицамъ. Арестовалъ Мерлина; тотъ ушелъ. Затѣмъ его самого арестовали, но онъ сумѣлъ убѣжать. Тутъ конвентъ объявилъ его «опальнымъ, внѣ законовъ». Между тѣмъ, собрались военныя силы якобинцевъ. 1200 канонировъ размѣстились съ своими орудіями на Гревской площади, чтобы защищать теперешнюю главную квартиру террористовъ. Тутъ, въ ратушѣ, сидѣлъ Робеспьеръ съ своей партіей. Но отвага, присутствіе духа, энергія покинули ихъ. Самъ Робеспьеръ былъ надломленъ. Какъ парализованный, сидѣлъ онъ, жалуясь плаксивымъ тономъ на испытанную измѣну и низость.

Между тѣмъ, и конвентъ собралъ свои толпы. То было, разумѣется, смѣшанное общество. Одна часть его состояла изъ прежнихъ гвардейцевъ конвента, федератовъ 1792 года; другая изъ передавшихся канонировъ бывшей національной гвардіи среднихъ секцій. Все это пестрой лентой вилось по направленію къ ратушѣ. Здѣсь могло бы дойти до послѣдняго кроваваго рѣшенія. Непроницаемые закоулки улицъ, существовавшіе здѣсь еще немного лѣтъ тому назадъ, были какъ бы предназначены для страшной уличной борьбы. Но якобинцы потеряли энергію, и привычное оружіе выпало у нихъ изъ рукъ.

Когда Анріо уже собирался скомандовать своимъ канонирамъ стрѣлять,

вдругъ прочли постановленіе объ его опалѣ. Тутъ солдаты перевернули свои пушки и отказались стрѣлять. Самъ Анрію успѣлъ ускользнуть въ ратушу. Пора уличной борьбы миновала. За терроризмъ ужъ никто не бился. Вскорѣ разбѣжалась вся его вооруженная сила, и члены конвента безопасно достигли ратуши. Тѣ же самые вожди, которые прежде служили Робеспьеру, теперь безъ сопротивленія очищали гнѣзда террористскаго господства. Лежандръ закрылъ якобинскій клубъ. Бурдонъ привелъ къ ратушѣ сбѣжавшихся національныхъ гвардейцевъ. Ихъ авангардъ, подъ предводительствомъ простаго жандарма, Меда, взбѣжалъ по лѣстницѣ. Ничего не стоило взять въ плѣнъ сидѣвшую тамъ горсть людей, которые все совѣщались, а ничего не дѣлали. Въ совѣщательной залѣ, положи голову на лѣвую руку, сидѣлъ Робеспьеръ, погруженный въ самого себя. Когда Медъ закричалъ ему: «Сдавайся, измѣнникъ!» онъ вынулъ пистолетъ. Раздался выстрѣлъ. Робеспьеръ упалъ на полъ съ раздробленной челюстью. Кто выстрѣлилъ, Медъ ли, какъ говорилъ онъ самъ, и какъ тогда все вѣрили *), или Робеспьеръ, которому его поклонники хотятъ спасти честь самоубійства, останется навсегда подъ сомнѣніемъ. Когда вошелъ Бурдонъ, приволокли Кутона и вытащили изъ-подъ стола Дюма, который указалъ, гдѣ найти С. Жюста и Леба. Леба былъ уже трупомъ. С. Жюстъ сдался безъ сопротивленія. Младшій Робеспьеръ, не видя спасенія, бросился изъ окна и былъ поднятъ еще заживо.

На другой день казнили пятерыхъ, къ которымъ присоединили и Анрію. 11-го термидора умерли 70 самыхъ виновныхъ членовъ парижской общины, а 12-го число опальныхъ завершилось казнью еще 11 человекъ. Въ сущности поразили цѣлый составъ вождей всей террористской секты. Остался одинъ Фукье-Тенвиль, который утромъ 10 числа поздравилъ конвентъ съ побѣдой. Его пощадили для торжественнаго акта казни.

Побѣдой 9-го термидора обязаны оживленію цѣпенѣвшихъ доселѣ массъ средняго сословія, мужеству буржуазіи, долгое время парализованной терроромъ. Одному обстоятельству можно приписать, что дѣло не дошло до кровопролитія. Дѣятельное сопротивленіе гражданъ въ секціяхъ, подчинявшихся лишь страху, и страдательное сопротивленіе кружковъ, которыми до тѣхъ поръ безгранично распоряжались якобинцы, вотъ что рѣшило дѣло въ этотъ день. Систему осудило общественное мнѣніе, которое, наконецъ, образовалось въ тишинѣ и востребенулось. Палъ не одинъ человекъ съ своими приверженцами, а самый терроръ. Въ этомъ-то и ошибались побѣдоносные террористы. Они, возмущившись противъ своихъ прежнихъ вождей, вообразили послѣ побѣды, что теперь наступаетъ ихъ время. Но нача-

*) Барантъ настаиваетъ на томъ, что показаніе Меда заслуживаетъ вѣры, IV, 443. 6).

лось обратное теченіе. Оно вскорѣ столь же неудержимо погнало все передъ собой, какъ прежде противное теченіе. Реакція пошла въ ходъ, реакція далеко еще не со стороны священниковъ и эмигрантовъ. Она была дѣломъ націи, которой надоѣло избіеніе гражданъ и которая во что бы ни стало желала мира, спокойствія, закона.

Обзоръ предыдущаго *).

Положеніе Франціи послѣ этого дня можно отчасти представить себѣ по вышеизложенному. Ея внутреннее состояніе описано бѣгло въ главныхъ чертахъ. Желаящій набросать ужасныя картины найдетъ изобильный матеріалъ въ характеристикѣ этого государства. Цѣлые года лежало оно подъ гнетомъ безпримѣрнаго террора. Въ немъ было разрушено все, чѣмъ обыкновенно поддерживается гражданское общество. Его послѣднія потрясенія провели широкую кровавую полосу черезъ тысячи семействъ и разрушили благосостояніе милліоновъ. Въ немъ нѣсколько лѣтъ не было ни податной системы, ни исполненія гражданскихъ обязанностей, ни администраціи, ни правосудія, ни труда, ни торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній. Словомъ, въ немъ все погибло. Всемирная исторія едва ли можетъ представить другой примѣръ подобнаго хаоса. Кто бы могъ опредѣлить, чтó станетъ съ этимъ государствомъ, походившимъ на огромное пепелище, жителямъ коего приходилось, такъ сказать, съизнова начинать свою работу?

Но куда же дѣлись идеи 1789 года?

Свобода для всѣхъ сначала превратилась въ свободу для каждаго отдѣльнаго лица, а потомъ ея не стало ни для кого. Историческое различіе сословій уступило мѣсто естественному равенству, которое тотчасъ же погибло въ естественной безднѣ, раздѣляющей зажиточныхъ отъ неимущихъ. Едва трудъ и собственность, торговля и сношенія успѣли освободиться отъ неестественнаго стѣсненія, какъ ихъ забили въ новые кровавые кандалы. Гильотина опредѣляла заработную плату и курсъ ничего нестоющихъ бумажныхъ денегъ. Всякая торговля, какъ запрещенное ростовщичество, объявлялась виѣ покровительства законовъ; всякая собственность, какъ залогъ измѣнническаго направленія, попадала въ опалу. Тогда создали множество драгоценныхъ правъ и политическихъ обезпеченій: но можно ли назвать хотя одно изъ нихъ, которое не было бы попорано? Вся умственная работа учредительнаго собранія, все зданіе человѣческихъ и гражданскихъ правъ лежало въ обломкахъ. И это

*) См. мастерской очеркъ слѣдствій террора у Зибеля, III, 164—177. О.

полное разрушеніе было не случайное, но предвидимое, необходимое слѣдствіе низвергнутой теперь системы.

Такъ было внутри государства. Не то было извнѣ, на границахъ. Почти забываешь впечатлѣніе ужаснаго внутренняго разстройства при взглядѣ на республиканскія войска, каковы они были въ первой половинѣ 1794 года. Здѣсь сосредоточивалась вся еще несокрушенная сила націи, юношескій цвѣтъ революціи, полный полетъ истинно республиканскаго духа.

Представляется совершенно ненормальное явленіе. Въ то время, какъ внутри революція пожирала самое себя, республиканское общество истекало кровью изъ тысячи ранъ и видѣло разрушеніе всѣхъ своихъ идеаловъ, та же революція могущественно собрала на границахъ всю полноту своей силы, готовясь перебросить свою непреодолимую пропаганду на сосѣднія земли, на всю Европу. Въ половинѣ 1794 г. внѣ Франціи революціонныя войска всюду одерживаютъ побѣды, а въ Вандеѣ гаснетъ гражданская война въ предсмертныхъ судорогахъ. Бельгія завоевана (побѣда при Флерюсѣ 26-го іюня), и коалиціонная война покрыта здѣсь вѣчнымъ позоромъ. Рейнскія земли, уже бывшія тогда въ опасности, осенью заняты. Савойя взята. Нѣтъ уже ни одного иностраннаго солдата на французской землѣ, а во французскомъ войскѣ пробился впередъ счастливо развившійся талантъ. У руля стояли рожденные солдаты, а во главѣ войскъ безъ исключенія способные, отчасти даже геніальные люди, которые затмѣвали все, что произвела военная Франція въ теченіе столѣтій.

Не террору приписываю я тутъ заслугу, Человѣкъ, которому принадлежало почти все въ этихъ успѣхахъ, противъ своего желанія служилъ этой власти. Онъ работалъ, окруженный тысячею препятствій, которыя она систематически подготовляла ему. Чисто-террористкая партія выставляла войска безъ обуви, безъ оружія, безъ хлѣба, съ отборными бездарностями на генеральскихъ мѣстахъ. Тутъ успѣхами прежде всего были обязаны Карно, затѣмъ испытанной и щедро одаренной въ военномъ отношеніи натурѣ этого народа, который, несмотря на свою невыразимую политическую разъединенность, единодушно выступилъ противъ внѣшняго врага, и наконецъ самимъ иностранцамъ. Съ 1792 г. они ведутъ войну вяло и малодушно. Въ ту минуту, когда слѣдовало начать крестовый походъ за тронъ и алтарь, они набрасывали планы раздѣла другихъ народовъ. Заботясь о собственномъ земельномъ приобрѣтеніи, они упускали всѣ опасныя для Франціи минуты. Два раза могли побѣдить иностранныя державы; но онѣ не побѣдили. Ужъ такова была воля судьбы, чтобы старая Европа, по собственной винѣ, подчинилась новой.

Но какъ же было въ тылу побѣдоносныхъ войскъ возсоздать конституцію, свободу, гражданскій порядокъ тамъ, гдѣ все лежало въ развалинахъ, гдѣ вымерла всякая привычка къ закону и гражданскому миру?

Государство Лудовика XV, смѣненное конвентомъ, интенданты старой мо-

наρχіи, замѣщенные департаментскими комиссарами, — это была плохая школа гражданской свободы. Въ теченіе нѣкотораго времени на этой почвѣ лишь законодательная диктатура могла создавать сносное положеніе. Конечно, справедливы слова Канта, что революція такой силы и значенія не забывается. Нельзя было ни истребить, ни заставить забыть идей 1789 года. Онѣ продолжали существовать; но трудно было дать имъ истинно жизненный образъ. Отъ этой-то трудности и колебалась съ этихъ поръ Франція изъ стороны въ сторону въ болѣзненныхъ судорогахъ. Прежнихъ порядковъ, бывшихъ до 1789 года, уже невозможно было возстановить: объ этомъ позаботился терроръ. Но создать новый прочный порядокъ, какъ бы онъ ни назывался, монархіей или республикой, было тоже гигантской работой. Еще вопросъ: могъ ли совершить ее одинъ человѣкъ? Но и этотъ одинъ, кому ввѣрили ее, не захотѣлъ этого.

Страшное разрушеніе послѣднихъ лѣтъ уничтожило всѣ орудія и средства стараго порядка вещей. Уже невозможно было въ прежнемъ видѣ возстановить дворянство и духовенство и на почвѣ, гдѣ такъ безпощадно прошелъ кровавый плугъ, насадить старыя сословія и корпораціи. Честное отреченіе отъ всякаго поползновенія на подобную реставрацію — первое условіе каждаго новаго созданія. Тутъ-то и была жизненная ошибка Бурбоновъ. Въ своей хартіи они, сравнительно, дали больше свободы, чѣмъ какое-либо правительство до нихъ. Но они не могли привыкнуть къ тому, что нація не слѣдуетъ представлять стараго порядка даже въ символахъ, картинахъ, въ какихъ-либо воспоминаніяхъ. Каждое такое напominаніе пробуждало духъ народной мести. Отъ этого погибло не одно правительство, даже и не тираническое. Теперь былъ уже новый народъ, съ юношескими годами коего совпало страшное разрушеніе всего прошлаго, безславное паденіе старой монархіи. Кто пережилъ все это, въ томъ ужъ невозможно было воспитать преданности къ королевской власти. Правда, тогда многіе плыли по всякому теченію: безхарактерности и непостоянства было довольно. Но уже никому не было возможно возстановить чистосердечныя связи хотя бы только съ одними воспоминаніями стараго порядка вещей.

Теперь не было свободы, но зато существовало общественное равенство, какъ нигдѣ въ мірѣ. Все, что сколько-нибудь мѣшало этому равенству, было разбито. Какъ ни тщеславенъ этотъ народъ во всѣхъ своихъ slo-яхъ, въ немъ навсегда умеръ прежній духъ сословныхъ подраздѣленій и аристократическихъ различій, которымъ въ старой Франціи отличались не только высшіе, но и всѣ вообще кружки. Мысль, что всякій имѣетъ доступъ ко всему, что каждый солдатъ въ своемъ ранцѣ носитъ маршалскій жезлъ, какъ говорилъ потомъ Бонапартъ, осуществилась даже насчетъ свободы. Но было еще вопросомъ: что болѣе соотвѣтствовало этому народу, что болѣе подходило къ его природѣ, равенство или свобода? Не откажется ли онъ отъ послѣдней, при существованіи перваго, хотя бы оно со-

стояло въ одномъ равенствѣ повиновенія деспоту, который зато, на страхъ Европѣ, соединить въ своихъ рукахъ всю силу націи? Все, что совершилъ здѣсь терроръ, не было ли лишь особенностью этого народа, правда доведенною до самаго крайняго, самаго дикаго развитія? Трудно отвѣчать на подобные вопросы. Они легки лишь тому, у кого есть готовая система, въ которую онъ насильственно втискиваетъ пеструю разнообразную ткань человѣческихъ дѣяній.

Не только усмирено, но надолго подавлено гражданство средняго сословія, этотъ питомникъ всякой политической свободы. Убита гордость гражданъ, которые, защищая свои права, на каждое изъ нихъ смотрятъ, какъ на обязанность. Заглушенъ самодѣятельный духъ общественности, который одинъ въ состояніи оживить формы всякой политической свободы.

Но массы, разъ почувствовавъ, что онѣ управляли Франціей и спасли ее, дошли до сознанія своего значенія, до гордости своимъ могуществомъ, какой не встрѣчается ни у какого другаго народа ни въ одинъ періодъ исторіи. Если взять отдѣльное лицо изъ этой массы и разобрать его свойства, то иностранцу нечего было стыдиться; но мы нигдѣ не нашли бы тогда такой мощной способности къ совокупному дѣйствію всей національной силы внѣ предѣловъ своего отечества.

Вотъ чѣмъ объясняется и постепенное обнаженіе дерева свободы, пока оно, наконецъ, совсѣмъ не засохло, и та жажда власти, что соединила націю для внѣшнихъ дѣйствій и обѣщала ей, если не свободу, то, по крайней мѣрѣ, могущество, завоеванія, славу. Новыя формы жизни, добытыя революціей, не всѣ были потеряны. Прежде всего, оставалось неприкосновеннымъ общественное разчлененіе. Да, быть-можетъ, и кромѣ того было многое, что великій воинъ счелъ достойнымъ принять въ свое законодательство.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ПАДЕНІЕ ТЕРРОРИЗМА И НАЧАЛО РЕАКЦІИ. БОРЬБА КОНВЕНТА СЪ ЯКОБИНЦАМИ И РОЯЛИСТАМИ ДО ВВЕДЕНІЯ КОНСТИТУЦИИ III-го ГОДА.
СЪ ІЮЛЯ 1794 ДО ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА.

ГЛАВА XIX.

Политика и военныя дѣйствія коалиціи отъ 1793 до 1795 года. Нарализующее вліяніе польскаго вопроса.

Два раза, сначала по взятіи Лонгви и Вердюна, потомъ послѣ паденія Конде и Валансьена, иностранныя державы были въ состояніи пріобрѣсть, даже съ сравнительно ничтожными силами, рѣшительный успѣхъ въ войнѣ съ Франціей, при ея крайнемъ разложеніи. Но эти мгновенія были упущены: а они уже не повторялись. Съ этихъ поръ приходилось бороться съ превосходными по числу массами, между тѣмъ какъ въ собственномъ лагерѣ, больше чѣмъ когда-либо, не доставало единства въ предводительствѣ и общей воли. Когда лѣтомъ 1793 года быстрому наступленію на Парижъ предпочли вялую фланговую операцію противъ Дюнкирхена, ближайшее нападеніе на востокъ Франціи было уже вообще покинуто. Республикѣ дали 3 — 4 мѣсяца, чтобы вооружиться, чѣмъ она и воспользовалась. По истеченіи этого срока, одинъ ударъ измѣнилъ все положеніе дѣлъ.

Интереснѣе, хотя въ военномъ отношеніи еще незначительнѣе, были событія на среднемъ Рейнѣ.

Здѣсь яснѣе выказалось внутреннее разложеніе коалиціи. Когда поздней осенью 1792 г. совершалось позорное отступленіе изъ Шампани, со стороны Австріи и Пруссіи была полная готовность заключить приличный миръ. Вѣдь, во всякомъ случаѣ, король ужъ погибъ. Оттого-то, еслибы

нашелся золотой мостъ для возврата, на него взошли бы охотно. Но тутъ сами Французы сдѣлали окончаніе войны если не невозможнымъ, то крайне труднымъ. Счастливый натискъ Кюстина на Майнцъ (21 октября) да побѣда Дюмурье при Жемаппѣ (6-го ноября) и занятіе Бельгіи,—вотъ два событія, поставившія величайшія затрудненія ходу дипломатическаго примиренія.

Ни одной изъ обѣихъ державъ нельзя было оставлять Французамъ Рейна, а, стало-быть, и Нѣмецкой имперіи. Сверхъ того, Австрія потеряла Бельгію, провинцію, которую она, положимъ, вовсе не желала удержать за собой, но не отдала бы иначе, какъ выгодно промѣнявъ ее, ну, хоть на Баварію. Во всякомъ случаѣ она всего менѣе была расположена поступиться ею передъ силой оружія. Такимъ образомъ, вскорѣ опять рѣшились на войну. Тутъ ужъ можно было замѣтить перемѣну въ обоихъ лагеряхъ. Прежнія идеи крестоваго похода за тронъ и алтарь отходили на задній планъ, уступая мѣсто болѣе дѣйствительнымъ стремленіямъ къ завоеванію и расширенію границъ.

Еще при отступленіи сошлись дипломаты обѣихъ державъ для переговоровъ въ деревенькѣ близъ Люксамбурга. Австрія прямо объявила, что не видитъ смысла въ войнѣ, потерявшей свою цѣль; но что она готова, впрочемъ, снова взяться за нее, предполагая, что ей дозволятъ округлиться насчетъ Франціи. Тутъ и Пруссія, ободренная этой откровенностью, выступила съ своими собственными планами. Она также желала вознагражденія, но совершенно съ другой стороны. По тогдашнему составу прусской монархіи, ей нечего было искать на Рейнѣ. Тамъ у нея были только клочки, которые, въ случаѣ нужды, она готова была покинуть. Все это государство спланивалось тогда лишь на Востокѣ; стало-быть, только здѣсь и имѣло цѣну вознагражденіе.

Россія сдѣлала все, чтобы снова сообщить войнѣ оживленное движеніе. Чтобы Русскимъ въ Польшѣ не встрѣчать, по возможности, никакой помѣхи, пожаръ на Западѣ долженъ былъ постоянно держать насторожѣ другія державы *). Эти побужденія выступили пояснѣе въ теченіе войны въ Шампанн. Конституція, созданная Поляками въ маѣ 1791 г., была послѣдней попыткой истинныхъ патріотовъ устроить феодальное государство сколько-нибудь по современному. Было введено національное представительство, лишенное, конечно, многихъ предварительныхъ условій, но, вѣроятно, все-таки обѣщавшее странѣ много хорошаго: недаромъ же всѣ естественные враги Польши видѣли въ немъ опасность для своихъ плановъ раздѣла.

Именно Россія развивала чрезвычайно живую дѣятельность, чтобы, какъ

*) См. стр. 190 и слѣд.

у себя, такъ и за границей, произвести движеніе противъ этой конституціи.

Когда создавалась послѣдняя, Пруссія была еще въ союзѣ съ Польшей. Теперь же она, измѣнчивая, какъ ея политика со смерти Герцберга, вовлеклась въ движеніе противъ конституціи. Тогда было нетрудно подкупать въ Польшѣ партіи, которыя употреблялись, какъ передовые посты иностранцевъ. Достойная уваженія партія патріотовъ вскорѣ очутилась въ одиночествѣ, безъ опоры въ народѣ; а противъ нея встала могущественная партія, опиравшаяся на Пруссію и Россію.

Этотъ оборотъ дѣлъ уже совершился, когда Австрія столь открыто изложила свои собственныя намѣренія. Сообразно съ ними, и Пруссія объявила теперь съ такой же откровенностью о своемъ желаніи продолжать войну изъ-за куска Польши. Въ упомянутомъ лагерѣ подъ Люксамбургомъ подписали формальный договоръ, получившій впослѣдствіи утвержденіе въ Вѣнѣ. На заднемъ планѣ стояли австрійскіе замыслы объѣда Бельгіи на Баварію и перемѣщенія въ первую Виттельсбахской династіи *).

Этимъ раздѣленіемъ вниманія между Рейномъ и Вислой страдаетъ коалиція цѣлые годы. Въ этомъ раздвоеніи силъ гибнетъ единство ея политики и военныхъ дѣйствій. И это длится до тѣхъ поръ, пока Австрія не доводитъ Баварію до того, что та, послѣ 20-лѣтней борьбы противъ австрійскихъ козней, сама бросается въ объятія Франціи. И все это совершилось въ то время, когда окончилась невѣрная, колеблющаяся степень развитія революціи, длившаяся до смерти короля, и у кормила правленія стали люди, за которыхъ можно было ручаться въ одномъ, — что они не испугаются никакихъ средствъ по крайней мѣрѣ для того, чтобы произвести сильное внѣшнее движеніе.

Россія достигла, наконецъ, втораго раздѣла Польши между ней и Пруссіей, довольствуясь кускомъ добычи, хотя она всего охотнѣе оставила бы Польшу нераздѣльной, т. е. взяла бы ее всю себѣ.

Второй походъ коалиціи имѣлъ сначала большой успѣхъ. Войско Дюмурье было разбито и разсѣяно. Бельгія была взята обратно въ ту самую минуту, когда Франція находилась въ смертельномъ разъединеніи, когда 70 департаментовъ объявили себя противъ столицы. Путь въ Парижъ лежалъ почти открытый. Но коалиція осталась вѣрна себѣ. Она шарахнулась къ Дюнкирхену. Этого, видите ли, желала Англія, которой не хотѣлось остаться безъ добычи въ то время, какъ та была уже обезпечена за каждымъ изъ другихъ союзниковъ. Что можетъ быть естественнѣе у коалиціи, домогавшейся лишь пріобрѣтенія земель?

Прусскій король объявилъ, что, желая заслужить на Западѣ польскую награду, онъ, въ качествѣ союзника, приметъ участіе въ войнѣ и своими

*) Виттельсбахи издавна царствовали въ Баваріи. Ред.

войсками, на свой счетъ, отвоюетъ Майнцъ. Когда это исполнилось, возникъ вопросъ: что-жь дальше? Въ прусской главной квартирѣ думали: «Впередъ!» Здѣсь говорилъ старый инстинктъ прусскаго способа войны. Уже помышляли о Саарлуи, Ландау, какъ вдругъ были огорошены близорукой дипломатіей Гаугвицовъ и Люкезини. По мнѣнію этихъ господъ, слѣдовало обождать, пока не увѣрятся въ своей польской наградѣ: государство истощено въ финансовомъ отношеніи, и война, продолженная за необходимый предѣлъ, ничего не принесетъ Пруссіи. Въ Австріи съ изумительной охотой пошли навстрѣчу этой политикѣ, которая, правда, въ началѣ не была еще столь злонамѣренной и вѣроломной, какъ впослѣдствіи, когда она, хотя и опять отчасти противъ своей воли, привела къ Іенѣ и Ауерштедту.

Тугутъ. Неудачи коалиціи.

27-го марта 1793 г. въ положеніи коалиціи произошелъ переворотъ.

Когда между Россіей и Пруссіей состоялся извѣстный договоръ насчетъ польскаго раздѣла, въ Вѣнѣ начали беспокоиться. Проснулась старая ревность. Непріятно было согласиться на расширение Пруссіи съ Востока. Императоръ немедленно распустилъ свое старое министерство иностранныхъ дѣлъ и во главѣ новаго поставилъ барона Франца Тугута *). Это былъ умница, хорошій дѣлецъ, неистощимый интриганъ; но, какъ дипломатъ, онъ принесъ Австріи и Германіи столько зла, что немногіе могутъ сравняться съ нимъ въ этомъ.

У него не было никакого высшаго политическаго убѣжденія, никакой великой творческой идеи. Его талантъ, его мастерство въ гибкой рутинѣ служили полнѣйшему отсутствію принциповъ. Поэтому-то его управленіе и было столь необыкновенно вреднымъ. О выборѣ средствъ онъ думалъ совершенно также, какъ во Франціи якобинцы. Это, разумѣется, плодъ его долгаго пребыванія въ Константинополѣ, этой образцовой школѣ страшнаго подкупа, продажной безсовѣстности.

Господствовавшую здѣсь политику серала и дворца онъ перенесъ въ европейскую дипломатію. Это было бы весьма вредно во всякомъ положеніи, а ужъ тѣмъ болѣе въ описываемомъ. Интрига доставляла ему личное удовольствіе. Онъ любилъ тасовать карты, и часто лишь для пріятнаго препровожденія времени. И въ Пруссіи у кормила правленія стояли подобные же люди, только помирнѣе и не столь легкомысленные. Ужъ, конечно, имъ не устроить бы Раштатскаго убійства посланниковъ *). Но въ иныхъ

*) Häusser: Deutsche Geschichte, I, 441 sqq.

*) Гейссеръ намекаетъ здѣсь на убіеніе австрійскими гусарами въ Раштатѣ (весной 1799 г.) уполномоченныхъ директоріи, которые вели мирные переговоры съ Нѣмецкою имперіей. Объ этомъ см. ниже въ XXII гл. Ред.

случаяхъ слабые, нерѣшительные интриганы столь же вредны государствамъ, какъ и энергическіе злодѣи. Единодушному взаимнодѣйствию подобныхъ силъ обязана Германія своимъ величайшимъ позоромъ.

Тугутъ, бѣдный сынъ линцскаго матроса, попалъ въ министерство за то, что считалъ руководящей идеей своей жизни политику стараго соперничества съ Пруссіей, да баварско-бельгійскій проектъ обмѣна. Вотъ почему первымъ слѣдствіемъ его вступленія въ должность было то, что Пруссія встрѣтила препятствія въ ожидаемомъ ею польскомъ вознагражденіи. Изслѣдованіе этихъ препятствій по большей части прямо приводило, какъ къ источнику, къ кознямъ вѣнскаго кабинета.

Вскорѣ это обнаружилось еще яснѣе. И Россія стала поступать въ такомъ же смыслѣ, хотя ей вовсе не было интереса черезчуръ горячиться изъ-за участія Пруссіи въ раздѣлѣ Польши. Русскіе, вступивъ сюда, принудили извѣстный призрачный сеймъ въ Гродно принять свои предложенія и начали раздѣлъ посвоему, не обращая вниманія на Пруссію.

Это обстоятельство объясняетъ небольшую охоту Пруссіи дѣйствовать на Рейнѣ въ то время, какъ на Востокѣ вся военная добыча подвергалась всевозможнымъ опасностямъ. Король, съ своимъ рыцарскимъ образомъ мыслей, еще готовъ былъ сдѣлать что-нибудь рѣшительное, но онъ вдругъ наткнулся на противорѣчіе со стороны Австріи.

Здѣсь не желали увеличенія Пруссіи въ Польшѣ, на что пришлось бы согласиться при ея военномъ успѣхѣ на Рейнѣ. Этимъ страдаетъ вся коалиціонная война на Рейнѣ. По взятіи Майнца, она уже начинаетъ запынаться. Австрійскій генералъ, Вурмзеръ, на свой страхъ открываетъ партизанскую войну въ Эльзасѣ, которая не приноситъ никакой выгоды. А Пруссаки присутствуютъ при этомъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ высоты своего величія критикуютъ дѣятельность своего союзника. Только разъ двинулись они на подмогу къ нему. Такъ вяло и сонно идетъ дѣло до конца сентября. Тутъ король вдругъ отъѣзжаетъ въ глубочайшей тайнѣ затѣяли планъ, начертанный Гаугвицами да Люкезини. Король отправился въ Польшу, чтобы тамъ, во главѣ своего войска, осуществить свои притязанія, подвергавшіяся опасности. А тамъ все созрѣло еще до его отъѣзда: жребій Польши былъ уже брошенъ. Было сомнительно, насколько еще удастся Пруссіи поправить здѣсь свои дѣла; но было достовѣрно, что война на Рейнѣ была теперь окончательно подкошена.

Чисто военное превосходство коалиціонныхъ армій надъ солдатами санкюлотовъ тогда еще не подлежало сомнѣнію. Съ этимъ соглашались сами французскіе генералы, напримѣръ С.-Сиръ, Сультъ. Австрійскіе и прусскіе солдаты, участвовавшіе во многихъ битвахъ Семилѣтней войны, были такъ хороши, какъ только это было возможно въ старой школѣ. Французы никогда не отличались въ систематическомъ способѣ владѣть оружіемъ, въ строгой методѣ всей выправки, въ чемъ старая школа сдѣлала столько ве-

ликаго. Это уже становилось противнымъ характеру старой арміи, а новой осталось вполнѣ чуждо. Достичь этого было невозможно; скорѣе можно было взять верхъ новымъ способомъ драться, соотвѣтствовавшимъ природѣ французскаго солдата и средствамъ бывшихъ на-лицо войскъ. Такой переворотъ и сталъ совершаться съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1793 года.

Во французскихъ лагеряхъ находились, по крайней мѣрѣ, колоссальныя массы, которыя, разумѣется, не были еще солдатами, но теперь уже готовились скоро стать ими. Клубные генералы были устранены, способные люди были выдвинуты, наконецъ, впередъ. Явились Пишегрю, Гоши и имъ подобные. Новые предводители распоряжались большими массами. Послѣднія постоянно получали подкрѣпленія; онѣ могли вынести и одинъ, и два удара; онѣ мало по малу привыкли къ огню. Каждая потеря быстро вознаграждалась, между тѣмъ какъ противникъ могъ пасть уже отъ одного утомленія. Вотъ какой тактики держались теперь Французы. Подвигались огромными толпами. Впередъ высылали большія массы орудій, обстрѣливая ими непріятеля изъ отдаленныхъ позицій. Если случалось потерять пушки, то ихъ быстро замѣняли; недаромъ же всѣ колокола французскихъ церквей были перелиты въ орудія! Если же пушки цѣлы, то еще малообученная пѣхота, подъ прикрытіемъ ихъ огня, шла впередъ густыми рядами, такъ что немногочисленныхъ старыхъ войскъ едва хватало на отдѣльные отряды застрѣльщиковъ. Когда дѣло доходило до рукопашной, сначала вездѣ обнаруживалось еще превосходство нѣмецкихъ ветерановъ. Вѣдь ядро французскихъ войскъ, національные гвардейцы, все еще не были солдаты; вооруженіе у нихъ было плохо, знакомство съ оружіемъ еще хуже; и повсюду не хватало имъ стойкости и выдержки, отличающихъ стараго солдата отъ молодого.

Но постепенно сгладились и эти недостатки. Противъ Австрійцевъ и Пруссакъ примѣнили, въ большихъ размѣрахъ, приемы вандейскихъ крестьянъ *), которые сперва открывали огонь по врагу подъ естественнымъ прикрытіемъ, изъ-за кустовъ и деревьевъ, а потомъ съ бурнымъ натискомъ бросались на непріятельскія линіи. Мало-по-малу оказалось, что тощимъ линіямъ старыхъ тактиковъ были не подъ силу непрерывныя повторенія фаланговаго боя.

Сверхъ того, на Рейнѣ и Мозели стояли теперь два способные генерала, Пишегрю съ Гошемъ. Они совокупно вели одно дѣло противъ раздорившихъ между собой союзниковъ.

28-го ноября Гошъ съ мозельскою арміею напалъ на Пруссакъ при Кайзерслаутернѣ. Герцогъ (Брауншвейгскій) далеко не былъ равенъ ему по числу войскъ. Но здѣсь еще разъ обнаружилась необыкновенная

*) Sybel, II, 344. O.

тактическая благонадежность прусскихъ солдатъ передъ удалю превосходившихъ ихъ французскихъ силъ.

Гошъ направилъ свое нападеніе прямо на то мѣсто, гдѣ Пруссакки не ожидали его. И все-таки, послѣ трехъ дней жаркаго боя, его совершенно отбросили. Пруссакки повертывались въ битвѣ какъ по эзерциръ-плацу на маневрахъ. Три раза, послѣ блистательныхъ побѣдъ, возвращались они на свою позицію. Но не воспользовались благопріятнымъ случаемъ раздѣлить обѣ французскія арміи и соединеніемъ съ Вурмизеромъ предупредить ихъ совокупныя нападенія.

Еще до Рождества Пишегрю и Гошъ сдѣлали эти нападенія. Истощенныя отдѣльными сраженіями въ теченіи цѣлыхъ недѣль, австрійскія колонны были оттѣснены. Вейсенбургская линія была потеряна, а Ландау вырученъ Французами. Когда герцогъ пришелъ теперь на помощь къ генералу, было ужъ слишкомъ поздно. Отступление на правый берегъ Рейна стало неизбежнымъ. Въ обоихъ лагеряхъ сваливали другъ на друга вину неудачи; и каждая сторона была въ нѣкоторомъ смыслѣ права.

Политика союзныхъ державъ. Петербургскій договоръ. Базельскій миръ.

Кабинеты отнеслись къ этому гораздо легче. Съ обѣихъ сторонъ стремились избавиться отъ «проклятой войны». Продолженіе неудачъ явилось здѣсь лучшимъ средствомъ отбить охоту къ дѣлу. Герцогъ Брауншвейгскій, славѣ котораго, какъ полководца, уже не слѣдовало больше страдать, если онъ не желалъ потерять ее вполнѣ, подалъ въ отставку. Ну, а Прусскій кабинетъ представилъ объясненіе такого рода, что я-де обязался воевать только въ 1793 году; мою обязанность я выполнилъ, и вотъ теперь, по истощеніи финансовъ, принужденъ заключить миръ. Выставленную Пруссіей причину считали тогда преувеличенной, но въ ней была своя доля правды. Благодаря расточительному правленію Фридриха-Вильгельма II, благодаря бесполезной войнѣ съ Голландіей и излишнимъ вооруженіямъ 1790 года, государственная казна Фридриха Великаго была израсходована, и средства къ продолженію войны истощились. Напрягать еще болѣе податную силу народа было невозможно: это говорилъ еще Фридрихъ Великій. Займовъ дѣлать не желали: ихъ боялись, какъ пугала. Да, здѣсь не могли продолжать войну на собственные средства.

Первые мѣсяцы 1794 года проходили, такимъ образомъ, безъ военныхъ дѣйствій. Пруссія обратилась къ Нѣмецкой имперіи, но та, подобно Австріи, отказала во всякой помощи деньгами. 11-го марта послѣдовалъ указъ объ отозваніи прусскихъ войскъ изъ коалиціи; и теперь только, когда уви-

дѣли, что Пруссія не шутитъ, Голландія съ Англіей обязались, по договору въ Гаагѣ (19-го апрѣля 1794 г.), субсидіями удержать Пруссію въ коалиціи. Еще разъ вступила Пруссія въ войну, изъ которой, впрочемъ, уже рѣшилась выйти при первомъ удобномъ случаѣ. Было бы благороднѣе, еслибы, признаваясь въ своемъ безсиліи и нежеланіи, она просто удалась. Проведя болѣе трехъ мѣсяцевъ въ переговорахъ о субсидіяхъ, потеряли еще четыре драгоцѣнныя недѣли въ совѣщаніяхъ о ходѣ операций. Лишь 22-го мая Меллендорфъ началъ походъ. Онъ быстро выгналъ Французовъ изъ Гаардтскаго хребта, отбросилъ ихъ къ Богезамъ и къ концу мѣсяца опять очутился почти на тѣхъ же позиціяхъ, которыя занимали Пруссакки въ прошломъ году. Тутъ снова наступила пауза, наполненная крайне скучными переговорами объ исполненіи Гаагскаго договора. Деньги получались медленно, и такой монетой, что Пруссакки теряли при этомъ, а Голландцы съ Англичанами выигрывали. Морскимъ державамъ желалось видѣть Пруссаковъ въ Бельгіи, а тѣ не хотѣли сойти съ Рейна.

Жалкій раздоръ раздѣлялъ союзниковъ въ то время, какъ Франція ставила на карту жизнь и собственность цѣлой націи, всю себя.

Между тѣмъ потеряли Бельгію.

Австрія отозвала свое войско, разбитое при Флерюсѣ (26-го іюня), намѣреваясь оттянуть его въ Баварію *). На Западѣ уже нечего было спасать. На Востокѣ также обнаружился чрезвычайно опасный для Пруссіи переломъ. Польша поднялась въ послѣднемъ геройскомъ возстаніи противъ державъ-раздѣлительницъ, а между Австріей и Россіей готовилось соглашеніе, направленное противъ Пруссіи, которое уже одно представляло достаточно причинъ, чтобы отдѣлится отъ союзницъ. Въ концѣ октября Пруссія очистила лѣвый берегъ Рейна.

Послѣ подавленія Россіей возстанія, между ней и Австріей состоялся тайный наступательный и оборонительный союзъ (подписанный 3-го января 1795 г.), дышавшій крайней враждебностью къ Пруссіи **). Вотъ содержаніе этой сдѣлки. Раздѣлъ Польши и Турціи въ пользу обоихъ императорскихъ дворовъ; удовлетвореніе Пруссіи кускомъ Польши, если она согласится на учрежденіе русскаго побочнаго трона въ дунайскихъ

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ думали тогда. Подозрѣвали, что Тугутъ вошелъ въ сдѣлку съ Робеспьеромъ, по которой Франція получала Бельгію и обязывалась за это помочь Австріи въ приобрѣтеніи Баваріи. См. объ этомъ у Зибеля, III, кн. 9, гл. 5. Ред.

**) Здѣсь Гейссеръ замѣчаетъ, что съ самымъ документомъ этого союзнаго договора онъ познакомился лишь два года тому назадъ, т. е. въ 1858 году. Онъ имѣлъ въ виду извѣстный трудъ Милютина о войнѣ 1799 года, который былъ переведенъ тогда на нѣмецкій языкъ Шмиттомъ. Ср. у Зибеля, III, кн. 10, гл. 4. Ред.

княжествахъ, на разграбленіе Австріей Венеціи, на приобрѣтеніе ею Баваріи съ частью Турціи и на всѣ предстоящія ей завоеванія во Франціи; во всякомъ же случаѣ совокупныя дѣйствія противъ Пруссіи. Не трудно было догадаться, что ожидало коалицію, которая такъ терзала сама себя въ ту самую минуту, когда передъ ней стояла, возросшая до страшнаго превосходства, оборонительная сила революціи. Въ этомъ петербургскомъ документѣ заключается цѣлый отдѣлъ всемірной исторіи. Лишь эта безсовѣстная и вѣроломная политика, а не революція, не геній Бонапарта, приводила французскія войска два раза въ Вѣну, разъ въ Берлинъ и, наконецъ, въ Москву. Ничто поразительнѣе этого тайнаго договора не обрисовываетъ слѣпаго, легкомысленнаго заблужденія старой политики. Это-то и навлекало на союзниковъ одну катастрофу за другой.

Мы не можемъ сказать, была ли эта сдѣлка извѣстна въ Берлинѣ; но тамъ, во всякомъ случаѣ, знали направленіе политики, приведшей къ ней *).

Пруссійскій король, который, въ благородной нерѣшимости, отвергалъ до сихъ поръ всякіе переговоры съ террористами, теперь самъ выказалъ готовность вступить въ сношенія съ ними. Такимъ образомъ, Пруссакіи, отчасти покинутые, отчасти преданные всѣми союзниками, заключили Базельскій миръ 5-го апрѣля 1795 года **).

Сначала это былъ лишь отдѣльный миръ, съ условіемъ посредничать объ общемъ мирѣ и для Нѣмецкой имперіи, хотя и не безъ задней мысли исключить изъ него Австрію, если она не согласится. Сѣверо-германскія государства въ разграничительной чертѣ ***)) становились подъ покровительство Пруссіи, а Ганноверъ, въ случаѣ его сопротивленія, брали на сохраненіе,

*) О крайне затруднительномъ положеніи въ то время Тауенцина, прусскаго посланника въ Петербургѣ, подробно рассказываетъ Зибель (III, кн. 10, гл. 4), на основаніи бумагъ прусскаго государственнаго архива. Р е д.

**) Тутъ только одна сторона взгляда Гейссера на Базельскій миръ. Вполнѣ и настойчиво выясняется онъ на слѣдующихъ страницахъ. Р е д.

***)) По Базельскому миру, вся Германія была раздѣлена «разграничительной чертой» (демаркаціонной линіей) на двѣ половины, изъ коихъ южная исключалась изъ благотѣній мира. Вообще вотъ точныя условія этой сдѣлки по Зибелю. «Французскія войска сохраняютъ за собой владѣніе провинціями короля на лѣвомъ берегу Рейна: окончательное рѣшеніе на счетъ этихъ земель отлагается до мира съ Имперіей. Затѣмъ въ тайной статьѣ изъяснялось: если Имперія предоставитъ лѣвый берегъ Рейна республикѣ, то король вступитъ въ соглашеніе съ послѣднею касательно уступки ей своихъ тамошнихъ провинцій за вознагражденіе нѣкоторыми ближайшими землями. Относительно разграничительной черты Французамъ всего болѣе не нравилось то, что ею прикрывался Ганноверъ, тогда какъ отъ курфюрста нельзя было ожидать честнаго нейтралитета. На это Берлинскій дворъ отвѣчалъ готовностью, въ случаѣ нужды, занять войсками эту землю и такимъ образомъ обезпечить ея нейтралитетъ». Р е д.

какъ залогъ, съ цѣлью постепенно приучить его къ прусскому владычеству. Здѣсь слѣдуетъ точно отдѣлять одну отъ другой двѣ вещи: событія, приведшія къ миру, и самый миръ. Я самъ много способствовалъ уясненію первыхъ *). На нихъ часто смотрѣли, какъ на оправданіе мира; но я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, чтобъ опровергнуть этотъ взглядъ. Да, все, что происходило между Австріей и Россіей, разумѣется, давало право Пруссіи на каждый спасительный шагъ. Но Базельскій миръ не былъ слѣдствіемъ одной сдѣлки и объявленія 3-го января. На путь, приведшій къ нему, вступили уже съ 1792 г., начиная съ несчастнаго оборота польскихъ и французскихъ дѣлъ, съ вялаго веденія войны на Маасѣ и Рейнѣ, съ розней Гаугвицовъ и Люкезини. Къ такому концу готовились уже три года. Вотъ почему значительная доля вины лежала на самой прусской политикѣ.

Миръ нарушалъ преданія этого государства. Въмѣсто того, чтобы стать державой съ рѣшительнымъ вѣсомъ въ Европѣ, Пруссія отошла въ свиту Франціи. На этомъ она не могла остановиться. Ей хотѣлось приобрѣсть гегемонію въ Германіи; это лежало въ ея политическихъ преданіяхъ. Но можно ли было достигнуть этого, отдавая по тайному договору рейнскія провинціи Французамъ за ихъ обѣщаніе дать ей ополовинить Германію по Майнѣ, еще съ Ганноверомъ, въ запасъ?

Пруссія жестоко поплатилась за это великое заблужденіе. Развѣ можно было желать утвержденія въ Германіи своего господства и въ то же время жертвовать частью той же Германіи, да стараться въ союзѣ съ Франціей проискамы добыть Ганноверъ и другія земли? Ужъ скорѣе пусть завоевали бы мелкія государства, если на то хватало силъ, чѣмъ принимать ихъ отъ Французовъ, какъ подарокъ: это было безнравственно не только въ гражданскомъ, но даже и въ политическомъ отношеніи.

На этомъ-то пути созрѣла старая Европа, какъ добыча нападений, которыя съ этихъ поръ все болѣе и болѣе усиливались. Это изумительное развитіе дѣлъ совпадаетъ съ погибелью террористскаго правленія внутри Франціи. Въ ту самую минуту, когда тамъ пережилъ себя терроризмъ, пережили себя и старыя державы и явились во всей своей наготѣ и слабости.

*) Гейссеръ имѣетъ полное право говорить такъ о своемъ классическомъ сочиненіи: *Deutsche Geschichte seit dem Tode Fr. d. Grossen*. Р е д.

ГЛАВА XX.

Паденіе терроризма. Борьба умѣренныхъ (термидористовъ) съ старыми товарищами Робеспьера. Начало реакціи. Обвиненіе служителей террора. Возстановленіе жирондистовъ.

Съ паденія Робеспьера до вмѣшательства Бонапарта въ общественныя дѣла, идетъ теперь связанная цѣпь событій. Лишь одно мгновеніе можно было сомнѣваться насчетъ того, кто былъ истиннымъ побѣдителемъ 9-го термидора. Со стороны Бильо и Колло, всего болѣе способствовавшихъ перевороту, было изумительнымъ заблужденіемъ воображать, что они совершили его для себя. Нанесенный ими ударъ хватилъ далеко за ихъ цѣль и, наконецъ, низвергъ ихъ самихъ. Лишь первыя мѣры снова ожившаго конвента вытекли изъ полного сословія прежнихъ террористовъ съ умѣренными. Но вскорѣ этому суждено было совершенно измѣниться.

Устранили законъ 22-го преріала, посредствомъ котораго терроризмъ достигъ своей вершины. Очистили революціонный трибуналъ отъ самыхъ предосудительныхъ личностей и отдали подъ судъ, наконецъ, самого продажнаго обвинителя, Фукье-Тенвиля. Тутъ дѣйствовали единодушно; но идти дальше на первый разъ не располагали. Монтаньяры, хотя временно получившіе верхъ, думали не о разрушеніи остальной машины, а о дальнѣйшемъ, нѣсколько умѣренномъ управленіи ею.

Но прошло немного времени, какъ уже выяснилось, что не только конвентъ, но и народъ началъ повсюду возвращаться къ самостоятельной жизни. Если прежде гнетъ клубовъ, печати, секцій, адресовъ и комитетовъ побуждалъ конвентъ все къ болѣе крайнимъ поступкамъ, то теперь его осаждали и увлекали съ другой стороны. Если прежде на парижскихъ улицахъ массы вѣчно были въ движеніи, чтобы разжигать и подкрѣплять терроризмъ, то теперь совершалось противное. Прежній ходъ дѣлъ повторился вполнѣ, но давленіе шло уже отъ другаго слоя населенія и увлекало въ другомъ направленіи. Среднее сословіе, буржуазія, зашевелилась снова. Она требовала мести за претерпѣнную несправедливость, защиты отъ повторенія безмѣрныхъ преступленій. Она все болѣе и болѣе принимала положеніе, столь же противное желаніямъ остатковъ якобинства, какъ и искусственной умѣренности, осмотрительной осторожности, которыя пока еще соблюдались большинствомъ конвента.

Обновили комитеты, сдѣлали ихъ независимыми отъ комитета общественнаго блага. Да и послѣдній преобразовали въ умѣренномъ духѣ. Ограничили число революціонныхъ комитетовъ въ департаментахъ. До тѣхъ поръ ихъ

было 52,000 съ 560,000 членовъ, при 600 милліонахъ годового расхода: теперь приходилось по одному на дистриктъ. Уничтожили секціи, какъ постоянное учрежденіе, вмѣстѣ съ поденной платой ихъ посѣтителемъ, несмотря на жалобу Тальефера, будто аристократія опять подымается въ секціяхъ. А 16-го октября послѣдовалъ законъ противъ тайныхъ обществъ, возвѣстившій, между прочимъ, якобинскому клубу его судьбу. Смертный приговоръ революціоннымъ обществамъ поразилъ въ корнѣ все-сильное вліяніе главной ложи. Первою статьей этого закона *) запрещались всѣ аффиліаціи, агрегаціи, федераціи и всякая переписка отъ имени такихъ обществъ, какъ «вредныя правительству и противныя единству республики»; второю возбранялись петиціи или адреса отъ имени подобныхъ обществъ, а ослушникамъ угрожало арестомъ. Право петицій предоставлялось лишь отдѣльнымъ лицамъ, а не обществамъ, и т. д. Это подрѣзало жизненный нервъ у якобинскаго клуба. Онъ могъ продолжать свое существованіе, какъ невинное собраніе гражданъ, но съ его вліяніемъ было покончено навсегда.

Относительно переменъ въ настроеніи умовъ замѣчательно, что всѣ эти крутыя мѣры проводились такъ легко. Вскорѣ онѣ перестали даже удовлетворять желаніямъ, пробудившимся въ самой націи. Уже одинъ взглядъ на парижскія улицы показывалъ, какъ быстро и полно измѣнилъ все одинъ день. Исчезли дикія шайки пролетаріевъ, тревожившія, бывало, улицы и площади. Отовсюду снова пробивалась веселая толпа, привѣтствовавшая паденіе тираніи, какъ всеобщее празднество, какъ возвратъ къ давно забытой радости. Снова пробудились и необузданно потребовали своихъ правъ юморъ, страсть къ удовольствіямъ и легкомысліе старой Франціи. Лучшіе классы гражданъ снова начали задавать тонъ. Уже не назначалось премій за грязныя санкюлотскія продѣлки. Опять настала пора приличія, нарядности и даже роскоши. Увеселительныя мѣста снова наполнились, и появились разодѣтые молодые люди. Эту «раззолоченую молодежь» (*jeunesse dorée*) осмѣивали, но побѣда все-таки осталась за этимъ направлениемъ. Все это вмѣстѣ представлялось истинно французской сатирической пьесой, слѣдовавшей за страшной трагедіей террора. Не одно простительное веселье, долго насильственно подавляемое и теперь прорвавшееся неудержимо, но и другія чувства проснулись въ этомъ классѣ, столь безпощадно избитомъ, ограбленномъ и обезчещенномъ въ правленіе террора. Если у послѣдняго были свои пѣсни палачей и крови, то теперь распѣвали пѣснь мести, полную непримиримой, кровавой ненависти, — «Пробужденіе народа (*Réveil du peuple*)» **). «Раззолоченая молодежь» была

*) Hist. parlem., XXXVI., 132 sqq. O.

**) Вотъ она (см. Barante, V, 235):

Peuple français, peuple de frères,

устроена повоенному, словно полкъ мести. Темный кафтанъ, крепъ на рукѣ, тяжелая палка, замѣненная потомъ саблей и ружьемъ, ясно отличали ее въ толпѣ. А необыкновенная дерзость, съ которой она выступала противъ всего якобинскаго, свидѣтельствовала объ ея образѣ мыслей. Ей удалось (характеристично для перемѣны положенія дѣлъ!) палочными ударами разогнать якобинскій клубъ.

Съ затаенной злобой старался якобинскій клубъ примѣниться къ трудному времени, наступившему теперь для него. Онъ принялъ даже извѣстный убійственный законъ 16-го октября, въ надеждѣ все-таки обойти его. Словомъ, по виѣшности онъ такъ хорошо приноровился къ обстоятельствамъ, какъ только было возможно. Каково однако было теперь настроеніе, видно изъ того, что въ клубъ опять вступили Бильо и Колло, выброшенные оттуда 8-го термидора и сѣтовавшіе, что не могли остановить закона. Клубъ сталъ гнѣздомъ всѣхъ безстыдныхъ террористовъ. Не было недостатка въ дикихъ выраженіяхъ, грозныхъ заявленіяхъ; но публика уже вполне измѣнилась. Въ улицѣ С. Оморэ, гдѣ находился клубъ, уже не было подъ рукой готовыхъ къ бою пролетаріевъ, ожидавшихъ только пароля клубныхъ ораторовъ, чтобы посвоему спасти государство. Въмѣсто нихъ стояла сварливая гвардія средняго сословія, сильно отравлявшая жизнь патріотовъ. Продѣлки когда-то всемогущей партіи вездѣ имѣли гиппократическій видъ.

Въ конвентѣ не сдѣлали еще послѣдняго шага, еще не распорядились закрытіемъ клуба, но каждый день можно было ждать постановленія объ этомъ. Между тѣмъ, нетерпѣливая «раззолоченая молодежь» сама съимпровизовала государственный переворотъ, который годъ тому назадъ не-

Peux-tu voir sans frémir d'horreur
Le crime arborer la bannière
Du carnage et de la terreur?
Tu saffres qu'une horde atroce,
Et d'assassins et de brigands,
Souille de son souffle féroce
Le territoire des vivant?

Oui nous jurons sur votre tombe
Par notre pays malheureuse,
De ne faire qu'une hecatombe
De ces cannibales affreux.

(«Французы! Братья! Ужели вы можете смотрѣть безъ содроганія, какъ преступленіе воздвигаетъ знамя рѣзни и ужаса? Ужели вы потерпите, чтобы лютая орда убійцъ и разбойниковъ оскверняла своимъ свирѣпымъ дыханіемъ землю живыхъ людей?..... Клянемся на вашей могилѣ, клянемся именемъ нашей несчастной страны, что у насъ будетъ одно дѣло—устраивать обширныя жертвоприношенія изъ этихъ ужасныхъ каннибаловъ». Ред.

минуемо повелъ бы къ уличному бою, теперь же разыгрался необыкновенно веселой шуткой.

Вечеромъ 9-го ноября кто-то въ Пале-Рояль сдѣлалъ кружку молодыхъ людей изъ «раззолоченныхъ» такое предложеніе: не осадить ли намъ якобинцевъ? Сказано, сдѣлано. Съ толстыми палками пускаются въ путь. Изъ другихъ кофеенъ приходитъ подкрѣпленіе. Съ громкимъ крикомъ катится толпа къ клубу. Сначала она бросаетъ въ окна залы камнями съ мостовой, затѣмъ съ кулаками нападаетъ на женщинъ, приверженныхъ патріотамъ, на «чулочницъ (*tricoteuses*)» или «вдовъ Робеспьера» *). Патріоты дѣлаютъ мужественную вылазку, и завязывается общая безпорядочная свалка, которая оканчивается отступленіемъ якобинцевъ. Цѣлую недѣлю всѣ смѣялись надъ великолѣпной сценой, какъ когда-то столь страшные якобинцы показывали пятки. А два дня спустя, комитетъ общественнаго блага постановилъ окончательно закрыть клубъ (11-го ноября), и конвентъ встрѣтилъ это извѣстіе радостнымъ одобреніемъ.

Теперь слѣдовалъ ударъ за ударомъ. Законъ о вышихъ цѣнахъ, который съ 9 термидора никѣмъ уже не соблюдался, устранили и формально. Судъ совершенно преобразовали. Согласно съ его назначеніемъ, онъ былъ введенъ въ первоначальные законные предѣлы. 6-го декабря снова призвали 73 жирондистовъ, которые нѣкогда объявили себя единомышленниками остальныхъ опальныхъ и за это были вытѣснены изъ конвента. Много разъ ставился вопросъ: какъ это террористы пощадили этихъ 73-хъ? Немыслимо, чтобы ихъ забыли: ни противъ какого класса не свирѣпствовали такъ разсчитанно, какъ противъ того, къ которому они принадлежали. Къ тому же они сидѣли подъ арестомъ въ Парижѣ. Ихъ спасеніе входило, вѣроятно, въ планы властелиновъ. Робеспьеръ, быть-можетъ, рассчитывалъ опять воспользоваться ими въ конвентѣ, послѣ извѣстнаго столкновенія съ гебертистами и дантонистами. Дантонъ же, который, кромѣ того, лично не желалъ ихъ крови, думалъ, конечно, найти въ нихъ опору противъ Робеспьера. Какъ бы то ни было, ихъ пощадили, и въ эту минуту они представили чрезвычайно важную силу для поддержки направленія, одержавшаго теперь верхъ въ конвентѣ. Эти люди не были запятнаны терроризмомъ; ихъ нельзя было даже упрекнуть въ уступчивости, за которую многіе порицали и

*) Какъ извѣстно, женщины играли не послѣднюю роль въ революціи. У нихъ были свои собственные клубы: «Братскія общества», «Общества республиканокъ и революціонерокъ», и т. п. Парижская община опредѣлила имъ почетное мѣсто въ гражданскихъ процессіяхъ, гдѣ имъ предоставлялось носить знамя съ надписью: «Онѣ вывели тирановъ!» Въ этомъ постановленіи было сказано, между прочимъ: «Онѣ съ своими мужьями и дѣтьми будутъ присутствовать на національныхъ празднествахъ и вязать чулки». Отсюда и произошло имя «*tricoteuses de Robespierre*». Ред.

такихъ людей, какъ Карно. Съ ними внесли въ конвентъ элементъ мести, могущественный по своему таланту, силѣ убѣжденій и страшному озлобленію.

И даже изъ тѣхъ 32 жирондистовъ, которыхъ подвергло опалѣ постановленіе 2-го іюня 1793 года *), еще уцѣлѣла часть, между тѣмъ какъ остальные пали подъ гильотиной. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ были Инаръ и Ланжюинэ, оба чрезвычайно твердые характеромъ и краснорѣчивые. Когда были возвращены тѣ 73, вскорѣ возникла мысль вернуть и этихъ ихъ друзей. Сначала тутъ представлялись затрудненія, но въ мартѣ 1795 года они были устранены. Инара, Ланжюинэ и еще нѣкоторыхъ жирондистовъ торжественно привели въ Парижъ.

Натискъ якобинцевъ и ихъ поражение (1-е апрѣля и 20-е мая, или 1-е преріала).

Такимъ образомъ, жиронда опять нашла часть своихъ старыхъ вождей, но съ ихъ возвращеніемъ въ конвентъ она не заняла своего прежняго положенія. Она сдѣлалась реакціонной. Отбросивъ свои старыя мечты, она чуть не стала уже представительницей монархическаго порядка. Инаръ говорилъ: «Хотите воздвигнуть памятникъ предшествовавшему правительству— соберите кости умерщвленныхъ имъ: изъ этого выйдетъ страшная пирамида!» Вотъ съ какими мыслями вернулась жиронда. Обвиненіе Бильо и Колло стало теперь неизбѣжнымъ. Уже немислимо было видѣть ихъ обоихъ въ этомъ конвентѣ.

Вскорѣ послѣ 9-го термидора вызвали въ революціонный судъ, сначала безъ дальнѣйшаго умысла, множество самыхъ низкихъ органовъ террористскаго правленія, въ родѣ Менье, Лебона, Каррье, этихъ палачей Авиньона, Арраса, Нанта. Но процессъ ихъ вели не наскоро, какъ бывало, а съ большими, обстоятельными подробностями. Противъ Каррье были налицо 94 свидѣтеля изъ Нанта. Ихъ показанія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, принадлежатъ всемірной исторіи. 94 человекъ изъ Нанта были остаткомъ 132 несчастныхъ, преданныхъ Каррье парижскому кровавому трибуналу для осужденія и спасенныхъ термидоромъ. Нельзя безъ потрясенія читать описанія ихъ 40-дневнаго путешествія въ Парижъ **). Бѣдняки, которые, какъ видно изъ ихъ показаній, были республиканцами, подвергались всѣмъ мукамъ холода и голода, отвратительныхъ темницъ и варварскаго обращенія. 38 изъ нихъ убило несчастье. Другіе выступили теперь страшными обвинителями нантскаго революціоннаго комитета. Послед-

*) См. стр. 320. Ред.

** Campardon, II, 210, sqq.

ній указывалъ на Каррье, какъ на виновника. И въ судебной залѣ все громче раздавался крикъ: «Каррье! Каррье!» Такимъ образомъ и онъ не избѣжалъ, наконецъ, суда.

Медленно и осторожно подвигались впередъ конвентъ съ комитетами въ своемъ слѣдствіи; но то, что выходило теперь мало-по-малу на свѣтъ Божій, было крайне ужасно. Цѣлыя недѣли передъ глазами публики разоблачалась система потопленій (*noyades*), эта ужасная смѣсь животной похоти и кровожадности *). Передъ оградой суда снова каждый день переживали всѣ ужасы, произведенные безчеловѣчнымъ фанатизмомъ. Послѣ приговора такимъ чудовищамъ, былъ близокъ вопросъ: почему щадятъ комитетъ, на приказанія коего непрерывно ссылаются злодѣи?

И вотъ, въ мартѣ послѣдовало, наконецъ, формальное обвиненіе служителей терроризма, которые до термидора шли за Робеспьеромъ и возмутились противъ него лишь тогда, когда имъ стала угрожать участь гебертистовъ и дантонистовъ. Это подало сигналъ къ возстанію якобинцевъ 1793 года противъ конвента. Послѣ всего, что у нихъ уже отняли, желаніе призвать теперь къ отвѣту и ихъ старыхъ вождей, доказывало имъ, что реакція лишь въ началѣ своего крутого пути, что она рѣшилась рѣзко и навсегда покончить съ роднымъ имъ порядкомъ вещей. У пролетарія, жившаго до термидора насчетъ государства, было достаточно чисто матеріальныхъ причинъ считать новый порядокъ чрезвычайно жалкимъ. 2 франка, которые получалъ онъ ежедневно, пропали; заработокъ въ секціяхъ изсякъ, а между тѣмъ, съ прекращеніемъ закона о высшихъ цѣнахъ, исчезъ дешевый хлѣбъ, и 6 милліардовъ ассигнатовъ, сносный курсъ коихъ поддерживала гильотина, начали страшно падать. Вдругъ живо прорвалась реакція противъ неестественныхъ порядковъ временъ террора. Рано или поздно ей слѣдовало наступить. Теперь она настала; и было бы чистымъ безразсудствомъ обвинять въ ней тогдашнее поколѣніе.

1794 годъ былъ страшно неурожайный **). И безъ того торговля и про-

*) Расправа Каррье съ Нантцами была образцомъ свирѣпства террористовъ. Припоминая, какъ Неронъ потопилъ свою мать, онъ устроилъ суда, которыя внезапно шли ко дну, когда на нихъ перевозили по Луарѣ сотни несчастныхъ. «Республиканскими свадьбами» называлось у него такого рода связываніе веревками мужчинъ и женщинъ передъ потопленіемъ, что о немъ нельзя и говорить печатно. Вотъ какъ, на примѣръ, описывали звѣрства Каррье сами ихъ соучастники: «Мы видѣли охотниковъ, которые, по приказу своихъ вождей, перекидывались дѣтьми, швыряли ихъ со штыка на штыкъ, поджигали дома, потрошили беременныхъ женщинъ и жарили живьемъ 14-лѣтнихъ дѣтей.» Ред.

**) У Зибеля (III, 11 кн., 2 гл.), напротивъ, говорится, что годъ былъ урожайный, и голодъ приписывается вліянію террора. «So reichen Ertrag (сказано тамъ) der Boden des Ackers in diesem Jahre geliefert, so war zuletzt die Verkehrtheit der Menschen doch stärker als die Freigebigkeit der Natur» etc. Ред.

мышленность пришли въ полный упадокъ, и вотъ къ этому присоединилась еще суровая зима, дозволившая Пишегрю по замерзшимъ каналамъ Голландіи проникнуть до Амстердама. Въ одно и то же время явились холодъ и голодъ, нужда и лишенія, потеря всего, что такіе люди считали свободой. Этимъ объясняется боевой кликъ, опять послышавшійся теперь: «Хлѣба и конституціи 1793 г.!» Въ описываемую минуту и то, и другое было одинаково понятно: тогда государственный коммунизмъ былъ уже покинута, а эти господа подразумѣвали подъ конституціей именно два денныхъ франка, законъ о высшей цѣнѣ, принудительный курсъ ассигнатовъ, и т. д. Такъ подготовлялись сцены въ родѣ апрѣльскихъ. Тутъ массы врываются въ конвентъ, чтобы постарому постановлять вмѣстѣ съ его членами то, чего жаждало ихъ сердце. Тутъ въ самомъ собраніи партіи чуть-чуть не вступаютъ въ рукопашную, и лишь послѣ нѣсколькихъ часовъ суматохи возстанавливается нѣкоторое спокойствіе. Изъ департаментовъ приходятъ извѣстія о подобныхъ же сценахъ. И лишь посредствомъ ареста послѣднихъ, самыхъ виновныхъ членовъ старой партіи горы спасается комитетъ безопасности.

Ближайшимъ и единственнымъ слѣдствіемъ этихъ событій была еще болѣе полная побѣда правой стороны.

Тогда, 20 мая 1793 г., устроили возстаніе на старый ладъ. Въ этотъ день (1-го преріала), рано утромъ, часовъ въ 5, въ предмѣстьяхъ С. Антуанъ и С. Марсо загремѣлъ набатъ, въ другихъ забили генераль-маршъ. Массы спѣшатъ на свои сборныя мѣста. Въ 11 часовъ конвентъ открываетъ свое засѣданіе. Прочитываютъ мятежное воззваніе возставшихъ. Трибуны встрѣчаютъ его съ восторгомъ, конвентъ съ глубокимъ негодованіемъ. По предложенію одного члена, все собраніе встаетъ и клянется, что не двинется съ мѣста, что бы тамъ ни случилось. Затѣмъ, при язвительномъ смѣхѣ сволочи на трибунахъ, приступаютъ къ энергическимъ мѣрамъ предосторожности. Городъ Парижъ дѣлается отвѣтственнымъ за всякое нападеніе на народныхъ представителей; каждого гражданина приглашаютъ отправиться въ свою секцію и взяться за оружіе; каждый зачинщикъ возстанія объявляется внѣ законовъ, а конвентъ безсмѣннымъ. Тутъ часть трибунъ наполняется женщинами; онѣ взлѣзаютъ на лавки и голосятъ: «Хлѣба! Хлѣба!» Голосъ президента заглушается. На самое приказаніе очистить трибуны отвѣчаютъ грубыми ругательствами и сжатыми кулаками. Вскорѣ всѣ трибуны были уже затоплены мятежными женщинами. Вдругъ съ улицы слышится стукъ въ наружныя двери. Буасси д'Англа и Дюмонъ садятся рядомъ съ президентомъ; а стража плетью сгоняетъ женщинъ съ трибунъ. Но вотъ двери выламываются и врываются массы. Стража и депутаты бросаются имъ навстрѣчу, и имъ удается отогнать мятежниковъ. Но еще не подоспѣли національные гвардейцы изъ секцій, а нападеніе уже опять начинается. Защитниковъ конвента отгѣсняютъ, а депутата Феро,

который геройски устремляется противъ нападающихъ, закалываютъ. Три часа спустя, вся зала была въ рукахъ мятежниковъ. Тутъ поднимается неописанная суматоха, которая длится безъ перерыва цѣлые шесть часовъ. На предсѣдательскомъ креслѣ Буасси д'Англа. Ему угрожаютъ ружейными стволами, пиками и саблями, какъ случилось съ королемъ 10 іюня 1792 года. Но онъ хладнокровно и непоколебимо держится на своемъ посту; а толпа страшится сдѣлать послѣдній, самый рѣшительный шагъ. Является уже готовая программа. Вторгнувшіеся въ конвентъ постановили: безсмѣнность секцій, арестъ всѣхъ эмигрантовъ, освобожденіе всѣхъ захваченныхъ патріотовъ, возстановленіе парижской общины, возвратъ якобинскихъ депутатовъ, и т. д. Учредили также временное правительство. Наконецъ, около полуночи пришла помощь. Лежандръ, Шенье и другіе привели стражу, и имъ удалось очистить залъ послѣ горячей борьбы, между тѣмъ какъ въ это же время съ улицы подоспѣли батальоны гражданской гвардіи. Теперь сожгли постановленія мятежниковъ, задержали временное правительство и арестовали цѣлую кучу террористовъ. Въ слѣдующіе дни противъ послѣднихъ судорогъ возстанія помогло энергическое вмѣшательство тысячъ двухъ солдатъ изъ сѣверной арміи. Терроръ лежалъ въ прахѣ. То было послѣднее, теперь уже недостаточное усиліе старой парижской партіи террора. Ея вождей сослали въ Кайену; многихъ разстрѣляли на Марсовомъ полѣ; иныхъ заключили въ тюрьму. Предмѣстья были обезоружены, а революціонный судъ уничтоженъ. Терроризмъ былъ подкошенъ надолго.

Конституція III-го года.

Правительство находилось теперь въ странномъ положеніи. Правда, мимолетное большинство конвента хорошо низвергло его враговъ. Но что же изъ этого?

Для вновь всплывающаго роялизма была изумительною случайностью смерть единственного сына Лудовика XVI, которая послѣдовала какъ разъ въ это время (8-го іюня). Нельзя и думать, чтобы его спровадили на тотъ свѣтъ. Никогда еще всеобщее настроеніе не было менѣ враждебно къ несчастному ребенку, чѣмъ именно въ эту минуту. Прежде, дѣйствительно, гадко обращались съ слабенькимъ мальчикомъ *). Но въ послѣднее время его положеніе измѣнилось, улучшилось; а его похитила смерть. Его кончина именно въ эту минуту была странной случайностью. Никогда еще съ 1792

*) Sybel III, 388 sqq.—Barante, V, 349 sqq. O.

года обстоятельства такъ не благопріятствовали надеждамъ бурбонскаго претендента на престолъ, какъ теперь. Если конвентъ и былъ противъ, то, почему знать? быть-можетъ между генералами находился свой Монкъ. А что значилъ конвентъ безъ военнаго вождя или во враждѣ съ нимъ? У другихъ бурбонскихъ принцевъ надежды были гораздо отдаленнѣе. Они были слишкомъ замѣшаны во всѣхъ событіяхъ, непріязненныхъ новой Франціи. Прежде чѣмъ имъ возвратиться, должны были возникнуть обстоятельства, за послѣдствія коихъ пока еще никто не могъ ручаться. А, вѣдь, эти принцы не сама же королевская власть: и безъ нихъ, даже вопреки имъ, можно было помышлять о восстановленіи монархіи.

Этимъ особеннымъ положеніемъ правительства и конвента объясняется направленіе конституціонныхъ работъ, за которыя взялись они теперь.

Конституціонный комитетъ состоялъ преимущественно изъ жирондистовъ и другихъ умѣренныхъ элементовъ. Навѣки достопамятное явленіе, что изъ этого собранія вышла самая консервативная конституція въ мірѣ. Вотъ она.

23-го іюня Буази д'Англа представилъ докладъ, ясно изображавшій перемѣну времени и настроенія. «Наконецъ, сказалъ онъ, настала счастливая минута, когда мы перестаемъ быть гладіаторами свободы и можемъ сдѣлаться ея истинными основателями. Въ этомъ собраніи я уже не вижу осквернявшихъ ее нечестивцевъ. Своды этого храма уже не оглашаются ихъ кровавыми кликами, ихъ преступными предложеніями. Наши совѣщанія уже не будутъ скованы тираніей децемвировъ; ихъ не будетъ растлѣвать демагогія соумышленниковъ этихъ послѣднихъ».... «Развѣ истекшіе шесть лѣтъ не кажутся шестью вѣками? Развѣ революція не завѣщала намъ развалины повсюду? Кто не скажетъ, что вездѣ мы видимъ слѣды и опустошенія времени? Да не пройдетъ же для насъ даромъ этотъ дорого купленный опытъ! Воспользуемся же преступленіями монархіи, заблужденіями учредительнаго собранія и колебаніями законодательнаго, воспользуемся злодѣяніями децемвирской тираніи, бѣдствіями анархіи, несчастіями конвента, ужасами гражданской войны!»!

Тутъ ораторъ подвергаетъ строгому суду всѣ попытки даровать Франціи государственное устройство, въ особенности же конституцію 1793 года, которая была ничто иное, какъ орудіе всемогущей партіи, опиравшейся на клубы и комитеты. Въ ней проведено безграничное всевластіе законодательныхъ собраній: стало-быть, вотъ первое, чего нужно избѣгать. На этомъ пути свобода всегда подвергается опасности сдѣлаться добычей нѣсколькихъ честолюбцевъ. Точно также не должно обременять самое націю вѣчными совѣщаніями и выборами: это значило бы отрывать народъ отъ земледѣлія, промысловъ и труда. Между этими крайностями необходимо найти мѣру и цѣль.

Другое обычное заблужденіе, это—безусловное равенство въ обществѣ. Оно унаслѣдовано революціей отъ ея отцовъ, членовъ учредительнаго со-

бранія. Безусловное равенство опасная, лишенная почвы химера. Если допустить его, то нужно признать безусловное равенство всѣхъ въ добродѣтели, воспитаніи, образованіи, имуществѣ. А это невозможно. Единственное правильно понятое, необходимое и исполнимое равенство, это—равенство передъ закономъ, передъ гражданскимъ правомъ.

Участіе въ правленіи должно связать съ извѣстнымъ имуществомъ, ибо послѣднее служить залогомъ возможности высшаго образованія и большаго интереса въ сохраненіи хорошаго порядка вещей. «Земля, управляемая имущими, находится въ правильномъ общественномъ порядкѣ; правленіе же неимущихъ—грубое, естественное состояніе».

Конвентъ пришелъ къ убѣжденіямъ, которыя тщетно старались провести въ него въ 1789 и 1790 годахъ. Что Мирабо нѣкогда говорилъ навѣтеръ, то теперь было признано, какъ политическое слѣдствіе пяти ужасныхъ годовъ. Новая конституція Ш-го года создала не монархію, а ея остовъ: строгое, іерархическое разчлененіе общества снизу до верху; сравнительно съ конституціей 1791 г., гораздо больше должностей по назначенію отъ правительства и гораздо меньше по выборамъ; наконецъ, искорененіе всѣхъ анархическихъ наростовъ. Вотъ ея основныя черты. Человѣческія права сократились до малости и получили столь же скудныя опредѣленія, какъ и верховенство народа: именно, человѣческія права суть свобода, равенство, безопасность, собственность. Равенство состоитъ въ томъ, что «законъ, будетъ ли онъ защитительный или карательный, одинъ для всѣхъ». Верховенство, по своей сущности, принадлежитъ совокупности гражданъ: «ни одно лицо, ни одна частица народа не можетъ присвоивать себѣ верховенство». Къ правамъ присоединены также и обязанности.

Право гражданина связано съ дѣйствительною податью. Избирательная система двухстепенная: на 200—300 гражданъ одинъ выборщикъ. Право выбора связано съ цензомъ. Проведена двухпалатная система. Совѣтъ пятисотъ (какъ вторая палата) состоитъ изъ лицъ 30-лѣтняго возраста, прожившихъ въ странѣ 10 лѣтъ и платящихъ извѣстный цензъ. Онъ не обладаетъ ни исполнительной, ни судебной властью и рѣшаетъ дѣла по троекратномъ чтеніи. Для совѣта старѣйшинъ (какъ первая палата) требуется 40-лѣтній возрастъ и 15-лѣтнее пребываніе въ странѣ. Изъ него исходитъ директорія, которая состоитъ изъ пяти лицъ и управляетъ дѣлами.

Однѣми конституціями не исцѣлишь больнаго государства, особенно такого, какъ Франція, которая была такъ ужасно расшатана, что съ ней опозорилась бы и самая лучшая конституція. Для успѣховъ всякой конституціи потребенъ народъ, подготовленный къ соучастию въ общественныхъ дѣлахъ. А Французы были воспитаны сначала старой монархіей, потомъ уличной демагогіей и терроризмомъ: хороша школа политической свободы, которая должна сама сохранять собственное равновѣсіе! Для жизненности и

прочности конституціи необходимо, чтобы къ ней рѣшительно примыкала замкнутая, плотная часть націи. А тутъ и этого не хватало. Французская нація была неимоверно раздроблена. Терроризмъ завѣщалъ цѣлый хаосъ осколковъ партій съ ихъ крайностями, съ самымъ ожесточеннымъ роялизмомъ на одной сторонѣ, съ самой задорной анархіей на другой. А рядомъ съ ними возносила совершенно новая политика, восклицавшая во имя страшной военной силы: «Не хотимъ парламентскаго шума! Давай намъ людей, умѣющихъ дѣйствовать кулаками!»

За конституціей не виднѣлось ни народа, привыкшаго къ самоуправленію, ни согласной, плотной партіи; а между тѣмъ, противъ политическаго тѣла, разбитаго на тысячу кусковъ, стояло гордое войско изъ 800,000 человекъ, во главѣ коего красовались даровитые, честолюбивые генералы. Здѣсь-то лежала страшная опасность для этой конституціи. Она была безсильна противъ анархіи въ странѣ, безсильна противъ войска: она обрекалась на гибель, если только не могла безъ войска преодолѣть внутреннія затрудненія. Во всемъ остальномъ, съ теоретической точки зрѣнія, она отличалась преимуществами, заслуживающими признанія. Здѣсь лучше, чѣмъ въ конституціи 1791 года, оцѣнены права и обязанности; прежде безграничной власти законодательнаго собранія положены предѣлы и цѣль; введено двойное обсужденіе дѣлъ, въ двухъ учрежденіяхъ; наконецъ, установлено республиканское правительство, которое, казалось, не легко поддастся монархической диктатурѣ, и въ то же время было достаточно просто, чтобы гармонически руководить государствомъ.

Фруктидорскія постановленія. Союзъ мѣщанъ съ роялистами. 13-е вандемьера (5-е октября).

Конвентъ твердо рѣшился совершить свое дѣло и немедленно взялся за простое средство въ ближайшую парламентскую сессію упрочить за авторами конституціи необходимыя имъ мѣста, чтобы оградить ихъ отъ весьма вѣроятнаго измѣненія партій. Онъ опредѣлилъ, что двѣ трети членовъ новаго собранія должны быть выбраны изъ конвента; въ случаѣ же, если выборы не дадутъ этого числа, онъ имѣетъ право самъ распорядиться этими мѣстами.

На этомъ основаніи первые выборы въ совѣтъ пятисотъ, который долженъ былъ ежегодно возобновляться на $\frac{1}{3}$, были несвободны на цѣлыхъ $\frac{2}{3}$: они зависѣли отъ членовъ конвента. Припомнимъ великодушіе учредительнаго собранія, которое само себя осудило не принимать участія въ законодательномъ. Нельзя не прибавить еще, что конвентъ въ свои первые,

юные годы впалъ въ точно такую же нелѣпость, постановивъ, что «въ теченіи шести лѣтъ его члены не должны быть избираемы ни въ какія общественныя должности» *). Теперь, въ концѣ своего дикаго поприща, онъ вышелъ изъ этихъ пеленокъ. Онъ бойко вмѣшался въ свободу выборовъ. И при этомъ онъ уже имѣлъ въ виду политическое соображеніе, за которое говорило очень многое, если только желали этой конституціи, а не новаго переворота, котораго жаждали роялисты, съ каждымъ днемъ выступавшіе все смѣлѣй и смѣлѣй. Положеніе дѣлъ было такъ незрѣло и полно броженія, что главнаго его спасенія, конституціи, не слѣдовало отдавать на произволъ игры партій. Эти-то постановленія (5-го и 18-го фруктидора) вызвали необыкновенно сильное сопротивленіе, которое и доказало ясно, что конвентъ совершенно вѣрно судилъ о будущности своего дѣтища.

Въ борьбѣ съ этими постановленіями мало-по-малу развилось совсѣмъ новое и доселѣ неслыханное явленіе. Возникъ союзъ между мѣщанскимъ, среднимъ сословіемъ и роялистической реакціей, противъ котораго конвентъ въ свою очередь призвалъ на помощь обитателей предмѣстій и армію **).

Роялисты зашумѣли громче всѣхъ. Кучка извѣстѣйшихъ писателей въ Парижѣ, поддерживаемая салопами знатныхъ дамъ, открыла агитацію журналами и памфлетами, которой отвѣчало многогласное эхо въ столичныхъ секціяхъ. Эти люди не то же самое, что старые друзья королевской власти, которые ничему не научились и ничего не позабыли. Они представляли лишь самую крайнюю правую среди умѣренныхъ, которые, впрочемъ, также были убѣждены, что дальнѣйшее существованіе республики — нелѣпость. Имъ хотѣлось пріобрѣсти большинство на выборахъ и съ помощью его возстановить королевскую власть. При свободныхъ выборахъ задача казалась имъ нетрудною; но при выборахъ, ограниченныхъ фруктидорскими постановленіями, она была невозможна. Вотъ почему эта партія признавала, что этотъ «государственный ударъ, въ видѣ избирательнаго закона», разрушаетъ ея священнѣйшія права и самыя несомнѣнныя надежды. Противъ этого закона возстало и среднее сословіе. Оно распространило свою слѣпую ненависть на весь конвентъ: ему была отвратительна мысль дать еще разъ управлять собой людямъ второй революціи. Прежде всего его волненіе обнаружилось въ секціяхъ, посредствомъ адресовъ и представленій. Но конвентъ оставался холоденъ. Когда та же самая національная гвардія, которая 1-го преріаля пришла на помощь къ конвенту, приняла относительно его угрожающее положеніе, а онъ призвалъ войска, секціи протестовали противъ штыковъ. Тщетно конвентъ собиралъ

*) Mortimer-Ternaux, IV, 292. O.

**) Barante, VI, 243 sqq.

голоса о законѣ въ первоначальныхъ собраніяхъ по всей Франціи и даже спрашивалъ армію, къ великой досадѣ офицеровъ, видѣвшихъ въ этомъ лишь обыкновенное «политическое плутовство». Участіе націи въ подачѣ голосовъ было такъ ничтожно, а большинство за законъ такъ постыдно *), что, при такой побѣдѣ, дѣло скорѣе теряло, чѣмъ выигрывало.

Большая часть средняго сословія и все знатное общество готовятся къ возстанію. Доклады комитетовъ становятся все болѣе грозными. Потребовались уже мѣры противъ секцій. Конвентъ вынужденъ засѣдать безсмѣнно, дни и ночи, и, въ страшной злобѣ на соединеніе секцій съ роялистами, съ своей стороны искать союза съ дюжими кулаками изъ предмѣстья св. Антонія.

«Священный батальонъ патріотовъ 1789 года» да гвардія рабочихъ изъ предмѣстій,—вотъ что было теперь единственной внутренней опорой республики. Эта связь оправдывала слухи, разсѣиваемые роялистами, будто конвентъ намѣренъ повторить правленіе террора и палачей; а между тѣмъ тутъ дѣло шло просто о хорошо всѣмъ извѣстныхъ «фигурахъ», которымъ конвентъ дѣлалъ теперь смотръ, чтобы употребить ихъ на свою защиту. 12-го вандемьера конвентъ стянулъ войска, расположенныя на Plaine des Sablons, съ цѣлью окружить главную квартиру городскихъ мятежниковъ, мѣстопробываніе секціи Лепелетье въ старомъ монастырѣ Filles St. Thomas. Въ 8 часовъ вечера подступилъ генераль Мену и потребовалъ у національныхъ гвардейцевъ, выставленныхъ на улицѣ Вивьенъ, сложить оружіе; но тѣ отказались и получили такое значительное подкрѣпленіе (всего ихъ было 20,000), что генераль Мену не заблагоразсудилъ открыть непріязненныя дѣйствія. Слѣдствіемъ этого событія было то, что крайне озлобленный конвентъ замѣнилъ «измѣнника» Мену Баррасомъ. Но городъ Парижъ вполнѣ, почти единодушно возсталъ противъ конвента. Всю ночь барабанъ трещалъ генеральный маршъ по улицамъ, и задвигалось населеніе 44-хъ секцій. Впрочемъ все это казалось гораздо страшнѣе, чѣмъ было на дѣлѣ. У мятежа не было недостатка ни въ массахъ, ни въ обширности, но ему не хватало порядка, плана и вождей; а у вооруженныхъ, которыхъ было, пожалуй, тысячъ 30, не было ни пушекъ, ни пороху, ни провіанта.

Конвентъ не сидѣлъ сложа руки. Его новый полководецъ еще до битвы сдалъ должность одному молодому офицеру, состоявшему съ нѣкотораго времени на службѣ у комитета общественнаго блага, Наполеону Бонапарту. Вотъ кому пришлось подавить мятежъ! Уже на зарѣ 5-го октября (13-го вандемьера) онъ принялъ свои мѣры. Ему хотѣлось обстрѣливать своими пушками съ одной стороны улицы между Rue St. Honoré

*) За конституцію 900,000; противъ 40,000; за фруктидорскія постановленія 170,000; противъ 93,000. Sybel, III, 465. O.

и Тюльери, съ другой — берегъ рѣки у дворца. Затѣмъ онъ съ полной увѣренностью поджидалъ битву, которая могла бы быть смертельна для конвента, еслибы секціи взялись за нее быстро и съ бѣльшимъ умѣньемъ: у конвента было собрано всего-на-всего 5 или 6 тысячъ, и до послѣдней минуты проходы не были еще заняты. Бонапартъ намѣревался разможить мятежъ перекрестнымъ огнемъ картечей. Онъ такъ и принаровилъ все, съ хладнокровіемъ челоѡка, не имѣющаго понятія о тяжелыхъ сомнѣніяхъ гражданина, который скорбитъ при видѣ пролитія крови со гражданъ. Подобныя соображенія не тревожили господина, который посовѣтовалъ одному директору театра успокоить свой шумный партеръ ружейнымъ залпомъ.

Въ уличномъ боѣ, который начался около 4-хъ часовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кипѣлъ съ большой силой, конвентъ остался побѣдителемъ. Бонапартъ сначала стрѣлялъ картечами, а когда такимъ образомъ были выметены проходы къ Тюльери съ берега и съ улицы St. Honoré, онъ велѣлъ своимъ войскамъ двинуться впередъ и совсѣмъ разсѣялъ бѣжавшую національную гвардію уже холостыми зарядами.

Очеркъ жизни Наполеона Бонапарта. .

Побѣда этого дня обязала правительство благодарностью къ челоѡку, который доселѣ лишь разъ отличился значительно и стоялъ почти въ тѣни среди многихъ другихъ военныхъ знаменитостей того времени *).

Наполеонъ родился въ 1769 году въ Корсикѣ. Въ старой военной школѣ, въ Бріенѣ, онъ получилъ ту дѣльную математико-техническую подготовку, которая была свойственна лучшимъ военнымъ школамъ старой Франціи, и весьма основательно усвоилъ всѣ теоретическія свѣдѣнія, которыя были необходимы офицеру стараго времени. Какъ тамъ ни различно судили объ немъ его учителя, всѣ они были согласны въ томъ, что юный Корсиканецъ не только обнаруживалъ необыкновенное дарованіе и могучую, своеобразную силу ума, но и научился кое-чему дѣльному, усвоилъ, какъ рѣдко кто, науку стараго времени и приобрѣлъ отличныя свѣдѣнія въ своей специальности; въ артиллеріи.

Когда разразилась революція, онъ былъ очень молодымъ лейтенантомъ. Онъ происходилъ изъ мелкаго корсиканскаго дворянства; и съ француз-

*) Mémoires du roi Joseph. Paris, 1858, t. 1—10.—Correspondance de Napoléon I. Paris, 1855 sqq. T. I—VI.

скимъ не имѣлъ ничего общаго. Старая Франція не могла ничего ему дать. Если онъ хотѣлъ пойти впередъ, то долженъ былъ слѣдовать за революціей: такъ и сдѣлалъ онъ, одинъ изъ немногихъ офицеровъ, получившихъ образованіе до 1789 года, которые съ самаго начала склонились къ революціи. Инстинктъ говорилъ ему, что здѣсь вскрылось поприще для таланта. Въ эти дни у него прорвались даже нѣкоторыя фантастическія изліянія, въ которыхъ подмѣчали политическую идеологію. Впослѣдствіи онъ заботливо уничтожилъ ихъ, да они никогда и не были сильны въ немъ. Въ глубинѣ души онъ вполне не терпѣлъ ни господства массъ, ни уличной демагогіи, ни правленія клубовъ. Чтобъ доказать это, довольно одного его выраженія, относящагося къ тому времени. 20-го іюня 1792 г. онъ былъ свидѣтелемъ осады короля въ Тюльери и замѣтилъ, что онъ съ парой пушекъ разсѣялъ бы весь этотъ сбродъ: это было бы ему нипочемъ.

Но онъ служилъ революціонной власти не хуже, чѣмъ Карно. Для чело-вѣка честолюбиваго и предприимчиваго не было другаго пути. Въ военномъ отношеніи онъ шелъ заодно съ революціей, но въ политическомъ былъ совершенно чуждъ ей.

Въ большомъ собраніи его писемъ, изданныхъ въ настоящее время, есть нѣсколько доселѣ не напечатанныхъ и относящихся къ 1793 году, которыя, какъ ни мало въ нихъ общаго историческаго интереса, обрисовываютъ его весьма характеристично. Тутъ нѣтъ и слѣда словоизверженій, этой печати времени. Тутъ все трезво, дѣльно, посолдатски. Въ первыхъ письмахъ все вертится на пушкахъ, артиллерійскихъ снарядахъ, на аммуниціяхъ и т. п. А его общія сужденія ничто иное, какъ новыя доказательства преступленій и бездарности комиссаровъ конвента, которыхъ онъ бичуетъ самыми рѣзкими словами.

Онъ уже съ самаго начала испыталъ это подъ Тулономъ. Когда его послали туда въ сентябрѣ 1793 года, тамъ не было даже легкой полевой артиллеріи, а главнокомандующій Карто возился съ нелѣпыми планами, по которымъ сразу можно было узнать настоящаго клубнаго генерала. Съ замѣчательной мѣткостью онъ тотчасъ же выбралъ пунктъ, съ котораго можно было прогнать англійскій флотъ, не нападая на городъ; а между тѣмъ солдаты мучились тутъ цѣлые мѣсяцы, спасая только собственную кожу. Онъ добылъ пушекъ и людей, все оживилъ самоувѣренностью, которою дышали его поступки и приказы, и доказалъ поразительнымъ успѣхомъ, что планъ, казавшійся Карто загадкой, былъ единственно вѣрнымъ. Англичане были прогнаны, Тулонъ взятъ и вся южная полоса Франціи очищена. Изъ толпы бездарныхъ посредственностей и только-что возникающихъ талантовъ выдвинулся съ блескомъ субалтернъ-офицеръ. Теперь онъ быстро пошелъ по своему поприщу, хотя и часто жаловался, что медленно подвигается впередъ: въ январѣ 1794 года онъ уже батальонный командиръ, а въ мартѣ генералъ при итальянской арміи.

Тутъ наступило 9-е термидора (27-е іюля 1794 года). Наполеонъ находился въ частой перепискѣ съ молодымъ Робеспьеромъ, съ цѣлью доставать черезъ этого, тогда всемогущаго человѣка, денегъ, солдатъ, аммуницій, полномочій. Стало-быть, ихъ отношенія были чисто дѣловыя. Когда рушилось это правительство, клеветѣ настала жатва: тогда подиадалъ подозрѣнію всякій, кто находился хотя въ отдаленной связи съ побѣжденными. Толковали, что и Бонапартъ принадлежитъ къ террористамъ. Нѣкоторое время его держали подъ арестомъ. Онъ написалъ гордое письмо и вскорѣ снова получилъ свободу. Но его ужъ не послали опять на знакомую ему военную сцену. Онъ долженъ былъ отправиться въ Вандею, гдѣ не было поприща для его спеціальнаго оружія, артиллеріи, гдѣ кипѣлъ отвратительный, ненавистный партизанскій бой изъ-за кустовъ, гдѣ пріютилась одна изъ ужаснѣйшихъ междоусобныхъ войнъ со всеми своими грозными бѣдствіями. Ему противно было это назначеніе, и онъ просился въ отпускъ по болѣзни. «Меня посылаютъ на западъ, писалъ онъ 23 іюня своему брату Іосифу, бригаднымъ генераломъ въ армію, а не въ артиллерію. Я боленъ, и это принуждаетъ меня взять отпускъ на два или три мѣсяца. Когда выздоровлю, посмотрю, что мнѣ дѣлать». Такъ онъ и остался нѣкоторое время въ Парижѣ безъ должности.

Несправедливо, какъ намъ часто приходится читать, будто Наполеонъ жилъ одно время въ сильнѣйшей немилости, забытый всеми, въ нуждѣ и отчаяніи, и будто здѣсь-то пришла ему мысль отправиться въ Турцію поискать тамъ счастья. Это, какъ и другія подобныя сказки, исходитъ отъ Бурьена. Сей господинъ имѣлъ счастье въ качествѣ камердинера тереться подлѣ героя. Онъ былъ съ нимъ въ школѣ, счумѣлъ подольститься и оказать ему разныя мелкія услуги. Это внушило ему мысль, будто собственно онъ и осчастливилъ міръ Бонапартомъ: не ссуди онъ ему какъ-то одного франка, и кто знаетъ, что бы стало съ его другомъ. Бурьень былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Бонапартъ презиралъ, но безъ коихъ не могъ обойтись. Впрочемъ, какъ-то впослѣдствіи, Бурьень продѣлывалъ въ ганзейскихъ городахъ такія штуки, что, наконецъ, и самъ Бонапартъ разозлился.

Въ упомянутыхъ турецкихъ планахъ вѣрно только одно: султанъ просилъ у конвента нѣсколько дѣльныхъ офицеровъ для выправки своихъ войскъ, и Бонапартъ предложилъ тутъ себя въ кандидаты. «Еслибъ я захотѣлъ, пишетъ онъ своему брату Іосифу отъ 20-го августа 1795 г., меня послали бы къ великому султану артиллерійскимъ генераломъ на весьма выгодныхъ и лестныхъ условіяхъ». Но, какъ сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ, онъ тогда уже пристроился къ комитету общественнаго блага, на мѣсто Карно, въ качествѣ особаго докладчика по управленію арміями въ топографическомъ бюро. Стало-быть, онъ имѣлъ возможность обсудить свое заявленіе съ полнымъ спокойствіемъ, и вотъ уже 5-го сен-

тября онъ пишетъ о томъ, какъ комитетъ объявилъ ему, что его не отпустить изъ Франціи, пока длится война. Изъ мемуаровъ Понтекулана (I, 325 sqq.) мы узнаемъ еще нѣкоторыя болѣе близкія поясненія насчетъ жизни Наполеона до вандемьера. Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ занимался выработкой плана похода въ Ломбардію, который и предложилъ комитету въ послѣдніе дни іюня. Келлерманъ и Шереръ назвали его созданиемъ сумасшедшаго: не такъ отнеслись другіе, и въ числѣ ихъ Понтекуланъ, который первый призналъ въ авторѣ талантъ. Уже 1-го августа пишетъ Бонапартъ Іосифу: «Мои наступательные планы приняты. Скоро услышимъ о важныхъ событіяхъ въ Ломбардіи». А 4-го фруктидора (25-го августа) въ инструкціи комитета уже предлагаются его воззрѣнія насчетъ совокупнаго похода въ Италію и Германію. Бонапартъ занималъ мѣсто предсѣдателя топографическаго бюро до указа 25-го сентября, которымъ онъ былъ вычеркнутъ изъ списка офицеровъ. Тутъ снова выдвигается планъ отправленія въ Турцію, но 13-е вандемьера устранило его навсегда. Когда, на другой день, Мармонъ первый увидѣлъ Бонапарта, онъ нашелъ его совсѣмъ измѣнившимся. «Весь его видъ отличался, говоритъ онъ, чрезвычайной важностью, совсѣмъ новымъ сознаніемъ величія, которое съ этихъ поръ уже не переставало возрастать» *).

*) Mémoires, I, 81.

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

ПОБѢДЫ И ЗАВОЕВАНІЯ РЕСПУБЛИКИ ДО МИРА ВЪ КАМПО - ФОРМІО (17 ОКТЯБРЯ 1797 Г.). БОРЬБА ДИРЕКТОРІИ СЪ МЕЛКИМИ ПАРТІЯМИ. СЪ ОКТЯБРЯ 1795-го ДО 4-го СЕНТЯБРЯ 1797-го ИЛИ ДО 18-го ФРУКТИДОРА V-го ГОДА *).

ГЛАВА XXI.

Директорія. Походы 1795 и 1796 годовъ. Бонапартъ въ Италіи.

У новаго республиканскаго правительства была крайне трудная задача. Оно обѣщало покончить междуусобную войну, защитить государство извнѣ, умиротворить партіи внутри его, возвратить кредитъ и довѣріе торговлѣ и сношеніямъ. Директорія по своему составу не совсѣмъ-то подавала надежды на исполненіе такихъ обѣщаній. Ее образовали лица, съ которыми партіи вошли въ сдѣлку на основаніи взаимныхъ уступокъ. Тутъ подлѣ дѣйствительно надежныхъ элементовъ были такіе, которыхъ выдвинули однѣ связи съ господствующей партіей. Такъ Баррасъ попалъ въ число пяти директоровъ исключительно лишь потому, что выказалъ благонамѣренную ревность при послѣднихъ событіяхъ. А Ларевельеръ-Лепо и Ревбель были обязаны своимъ выборомъ единственно своему положенію въ партіяхъ. Летурнеръ, специалистъ по морскому дѣлу, больше годился въ министры, чѣмъ въ регенты. Способнѣйшій изъ всѣхъ, Карно, былъ избранъ не въ

*) Häusser: Deutsche Geschichte, II. O.

силу своего направленія, а вопреки ему. Онъ былъ необходимъ. Благодаря его дарованіямъ и знаніямъ, за него хватались всѣ, даже и тѣ, которымъ не нравилась его политика. Именно тотъ, кого собственно никто не желалъ, былъ самый надежный человѣкъ, превосходно ознакомленный съ военнымъ дѣломъ, полный ума и опытности, честной воли и безустаннаго трудолюбія, великой энергіи и самой рѣдкой чистоты характера. Онъ-то сообщилъ правительству ту честность, добросовѣстность и правоту, которыми славилось оно; а это чрезвычайно много значило въ такое время всеобщаго недовѣрія и разъединенія.

Но центръ тяжести правительства лежалъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Сравнительно съ протекшими годами, 1795-й былъ годомъ спокойствія. Только въ его послѣдніе мѣсяцы вдругъ схватились за оружіе, да и тутъ вели войну лишь коротенькими эпизодами. Австрія уклонялась отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ и снова втянулась въ нее лишь при появленіи денежныхъ пособій. Между тѣмъ миновало нѣсколько мѣсяцевъ; была утрачена часть года, прежде чѣмъ условились лишь насчетъ продолженія войны; а Пруссія совсѣмъ отстала, что значительно ослабило коалицію. Съ этимъ совпали подобныя же основанія къ промедленію въ самой Франціи. Здѣсь войска были нужнѣе внутри страны, чѣмъ на границахъ, которыя представляли менѣе опасностей, чѣмъ прежде, со времени завоеванія Бельгіи, Голландіи и части прирейнской Германіи.

Такъ на дѣлѣ образовалось перемиріе, длившееся до осени 1795 года. Тутъ только (7-го сентября) Французы переступили за Рейнъ. Журданъ перешелъ рѣку пониже Дюссельдорфа, наводнилъ плохо охраняемый правый берегъ, заставилъ пфальцскій гарнизонъ сдать Дюссельдорфъ, прогналъ Австрійцевъ за Ланъ и пробился до Франкфурта. Около того же времени Пишегрю перешелъ у Мангейма и овладѣлъ имъ при такихъ же обстоятельствахъ, какъ Журданъ Дюссельдорфомъ.

Эти успѣхи были доставлены Французамъ не ихъ военнымъ мастерствомъ, а страшной небрежностью и дробностью Нѣмецкой имперіи. Мангеймъ былъ выданъ Французамъ (21-го сентября) позорной трусостью пфальцскаго министра Оберндорфа. Для Австрійцевъ это была крайне опасная минута. Французы могли теперь двинуться вверхъ по Неккеру, своими двумя арміями раздѣлить ихъ и захватить у нихъ магазины и депо. Тутъ Австрійцы явили примѣръ своей необыкновенной рѣшимости и быстроты въ военномъ дѣлѣ. Французы, дѣйствительно, намѣревались двинуться вверхъ по Неккеру, пробить непріятельскую армію, стоявшую между Вормсомъ и Базелемъ, и этимъ принудить ее къ отступленію. Но Клерфе и Вурмзеръ предупредили ихъ. Первый бросился на Журдана. Угрожая съ фронта его арміи, разстроенной быстрымъ маршемъ, какъ будто тутъ и предполагалось нападеніе, онъ внезапно ударилъ ей во флангъ съ такой силой, что она была буквально смята и бѣжала въ безпорядкѣ до Эренбрейтштейна. Ея разло-

женіе было докончено разъяренными крестьянами, которые отовсюду кидались на бѣглецовъ, чтобы отмстить имъ за бѣдствія нашествія.

Теперь Клерфе рѣшился нанести второй ударъ. Французы опять осаждали Майнцъ и окружили его настоящей противокрѣпостью, которая казалась имъ неприступною. Но въ ней было одно слабое мѣсто: для ея защиты требовалась цѣлая армія. Клерфе явился такъ быстро, что въ первой линіи едва успѣли схватиться за оружіе. Въ бурную октябрьскую ночь кинулся онъ на шанцы, и наутро непріятель былъ уже отброшенъ. Какъ было условлено, и Вурмзеръ напалъ на войска Пишегрю у Мангейма, загналъ ихъ въ крѣпость (17—18 октября) и самъ началъ осаду города 30 октября. Въ это самое время Клерфе отрѣзалъ Пишегрю отъ Мангейма, и крѣпость должна была сдаться 22-го ноября.

Вотъ событія, чрезвычайно ободрившія Нѣмцевъ. Наконецъ-то энергія и храбрость Клерфе обуздали высокомеріе Французовъ. Но этотъ человѣкъ былъ неудобенъ для вѣнскихъ владыкъ. Эти господа, делѣявшіе подъ своимъ крылышкомъ всякую посредственность, находили кучу мелкихъ недостатковъ у доблестнаго полководца. Клерфе дерзко потребовалъ у нихъ отставки, по всей вѣроятности не надѣясь получить ее; но она была дана. Такимъ образомъ, успѣхи въ октябрѣ 1795 года были лишь послѣднимъ мимолетнымъ проблескомъ солнца. Еще разъ захватили революцію врасплохъ, когда она была не приготовлена и не вооружена. Это были именно тѣ дни, когда въ Парижѣ кипѣлъ вандемьерскій уличный бой и правительству некогда было подумать о прирейнскихъ земляхъ и о Майнцской крѣпости. Вскорѣ уже и это миновало: во Франціи настало новое правительство, а во главѣ военныхъ дѣлъ красовался Карно.

По новому военному плану на 1796 годъ, республика рѣшилась предпринять двойной походъ въ Италію и Германію. Ей хотѣлось съ двухъ сторонъ пробираться къ Вѣнѣ: на сѣверѣ Журданъ и Моро съ 77,000 у каждого, на югѣ Бонапартъ съ 40 или 50 тысячами должны были раздѣлять, бить и преслѣдовать Австрійцевъ до самаго сердца монархіи. Базисомъ этого величественнаго предпріятія служила военная сила пяти армій, тянувшихся поясомъ отъ Сѣвернаго моря до Генуи. Развязка послѣдовала тамъ, гдѣ ея вовсе не ожидали. Между тѣмъ какъ оба сѣверныя войска разбитыя возвращались за Рейнъ, въ Италіи кампанія была выиграна арміей втрое слабѣйшей. Въ началѣ іюня Журданъ опять перешелъ Рейнъ, чтобы оттѣснить Австрійцевъ за рр. Зигъ и Ланъ. Эрцгерцогъ Карлъ выступилъ ему навстрѣчу изъ Таунуса со всѣми силами и снова отбросилъ его на лѣвый берегъ Рейна, послѣ многихъ счастливыхъ сраженій (13—21 іюня). Вслѣдъ за тѣмъ, въ тылу у побѣдителя, Моро достигъ праваго берега Рейна у Келя (24 іюня), проложилъ себѣ путь въ Швабію черезъ проходы Шварцвальда и смялъ всю мелкоту нѣмецкихъ державъ. Спѣшившій сюда эрцгерцогъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобъ остановить

его дальнѣйшее движеніе: онъ далъ только вздохнуть Журдану, который, дѣйствительно, опять пустился по дорогѣ къ Майну и Франконіи. Тутъ Карлъ составилъ слѣдующій планъ. Онъ намѣревался соединить австрійскія силы въ одну могучую армію, опрокинуться съ ней на какое-нибудь изъ двухъ французскихъ войскъ и, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться, разбить и другое. Уже цѣлая недѣля страдала вся южная Германія подъ бременемъ всѣхъ ужасовъ нашествія двухъ войскъ, которыя не знали ничего святаго и заключали договоры лишь для того, чтобъ нарушать ихъ безстыдно.—когда во второй половинѣ августа эрцгерцогъ собралъ на Дунаѣ достаточно силъ, чтобъ энергически броситься на одну изъ непріятельскихъ армій. 22 и 24 августа напалъ онъ на колонны Журдана, шедшаго изъ Верхняго Пфальца на соединеніе съ Моро, разбилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и 3-го сентября при Вюрцбургѣ нанесъ главнымъ силамъ врага пораженіе, которое повело къ полному разложенію маасо-самбрской арміи.

Теперь Моро былъ одинъ въ Баваріи. Онъ только-что (7-го сентября) заключилъ въ Пфафенгофенѣ одинъ изъ тѣхъ договоровъ, къ которымъ надолго принуждаютъ завоеванную страну, какъ вдругъ пришло вѣрное извѣстіе, что маасо-самбрской арміи не существуетъ. Моро понялъ, что ему неизбѣжно отступить. Это былъ одинъ изъ немногихъ французскихъ полководцевъ, доблесть которыхъ состояла не столько въ дерзости нападенія, сколько въ осторожномъ сбереженіи силъ, въ великомъ искусствѣ поддерживать даже разбитыя и павшія духомъ войска. Это хорошо доказало его отступление черезъ Швабію и Шварцвальдъ, которымъ впрочемъ ужъ черезчуръ восторгались. Это крайне опасное предпріятіе было облегчено ему главнымъ образомъ ошибками Австрійцевъ. Они раздробились и ни разу не встрѣтили его съ достаточными силами. Эрцгерцогъ поспѣшилъ въ Шварцвальдъ; а оставшіеся начальники, Науендорфъ и Латуръ, не были согласны въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ Моро удалось пробиться къ шварцвальдскимъ проходамъ. Онъ выбралъ самый трудный изъ нихъ, хуже всѣхъ защищенный, именно дорогу черезъ Гёлленталь, между тѣмъ какъ Австрійцы стояли и большей части въ Кинцигталѣ. Немного больше, чѣмъ съ третью своего войска, прибылъ Моро въ Рейнскую долину, выдержалъ тутъ еще два сраженія и тогда только принужденъ былъ покинуть Рейнъ, чтобы стать на зимнія квартиры въ Эльзасѣ (въ концѣ октября).

Половина похода не удалась; маршъ съ Рейна на Вѣну разрушился. Такимъ образомъ, Бонапарту доставалась трудная задача одному, безъ своихъ союзниковъ, исполнить все, и онъ совершилъ чудеса. Значеніе итальянскаго похода состоитъ въ томъ, что онъ послужилъ основаніемъ всемірно-историческому величію человека, которому суждено было потомъ цѣлая два десятилѣтія господствовать надъ міромъ. Не пріобрѣтеніе Ломбардіи, а маршъ изъ Генуи въ Лесобенъ остался незабвеннымъ, и онъ заслуживалъ этого.

Характеристика Наполеона Бонапарта.

Бонапартъ не былъ новобранцемъ въ революціонной войнѣ. Онъ принадлежалъ къ офицерамъ старой школы, вооруженнымъ всѣмъ запасомъ специальныхъ свѣдѣній. А такихъ было немного: большинство вышло изъ охотниковъ 1792 года. Поэтому-то онъ уже въ дни самыхъ бурныхъ движеній былъ хладнокровенъ и трезвъ, какъ можетъ быть только техникъ. Но другихъ связей съ старымъ временемъ у него не было. Онъ былъ кинутъ въ революцію, какъ баловень счастья, съизмала чувствовалъ, что самъ долженъ пробить себѣ дорогу, и рѣшился искать ее, съ полнымъ убѣжденіемъ, что найдетъ. Черезъ школу такой революціи не проходятъ даромъ. Ея идеологія осталась чужда ему, но онъ воспринялъ ея страсть къ насилию. Въ немъ была революціонная жилка. Онъ думалъ и чувствовалъ, какъ холодные, властолюбивые якобинцы; глубоко презиралъ старину; подобно имъ, грубо вторгался въ завѣщанные порядки и былъ готовъ воздвигнуть новый порядокъ по собственному плану, все-равно, чего бы это ни стоило и какими бы средствами ни достигалось.

Что этому молодому солдату не только была присуща большая своеобразность въ солдатскихъ дѣлахъ, но что во всей его особѣ было что-то демонское, сковывающее, съ этимъ согласенъ всякій, кто стоялъ тогда въ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Объ этомъ у насъ столько свидѣтельствъ, даже со стороны людей, враждовавшихъ съ нимъ впоследствии, что намъ нельзя сомнѣваться въ томъ непосредственномъ очарованіи, которымъ онъ обуздывалъ и подчинялъ себѣ всѣ низшіе умы. А, вѣдь, у него не было ни внушительнаго прошлаго, какъ у многихъ другихъ, ни богатства, ни блеска имени, ни сильныхъ, выдвигающихъ связей въ партіяхъ; даже въ его внѣшнемъ видѣ не было ничего такого, что покоряетъ людей. Но зато въ каждомъ его словѣ и поступкѣ выражалось внушительное сознаніе, что онъ призванъ господствовать надъ людьми и—уже тогда—какая-то любезная манера убѣждать въ этомъ окружающихъ. Друзья юности Наполеона и его братья по оружію во всю свою жизнь не могли забыть, что за могучая, увлекательная личность былъ этотъ молодой солдатъ. И онъ самъ чувствовалъ это. Рѣдко вступалъ человѣкъ во всемірную исторію съ такимъ непоколебимымъ сознаніемъ, что вотъ въ этомъ, а не въ чемъ иномъ, его задача, съ такой твердой, фаталистической вѣрой, что во что бы ни стало должна быть достигнута цѣль, которую онъ съ самаго начала поставилъ себѣ въ страшной дали.

Это уже тогда можно было видѣть по его словамъ и по всему его поведенію. Конечно, можно вѣрить въ свою геніальность, рискуя стать

посмѣшищемъ для своихъ друзей; и въ мірѣ всегда найдешь достаточно господъ, такъ мечтающихъ о себѣ, да имъ никто не намѣренъ вѣрить. Относительно же Бонапарта люди были исполнены вѣры, что онъ дѣйствительно такой, какимъ считаетъ себя. Мы привыкли представлять себѣ Наполеона той желѣзной, деспотической натурой, которая такъ безжалостно паложила на насъ свою тяжелую руку. Но тогда онъ былъ еще не тотъ. Въ его природѣ благородныя черты еще не были помрачены тѣмъ страшнымъ эгоизмомъ, тѣмъ ужаснымъ презрѣніемъ къ людямъ, которыми онъ отличался впоследствии. Онъ еще былъ доступенъ мягкимъ чувствамъ, способенъ на человѣчное, любезное обращеніе. Мы знаемъ примѣры его великодушія, благороднаго образа мыслей, истиннаго дружелюбія. Мармонъ (Mém I, 214, 215, 225) клянется, что не было ничего, чего бы они не сдѣлали для него, и что подлѣ него имъ было совершенно легко; при этомъ онъ прямо упираетъ на лучшія, тогда еще не погибшія стороны его природы. Очарованіе, которое Наполеонъ производилъ на окружающихъ, рѣдко дается человѣку. Это была изумительно охватывающая сила, которая опутывала даже не дюжинныхъ, значительныхъ людей; а въ его средѣ было уже достаточно значительныхъ лицъ. Онъ создавалъ свою школу изъ самыхъ способныхъ головъ, какія только могъ достать.

Но вообще все это, не исключая даже привлекательной улыбки и любезностей кстати, служило одной цѣли, наполнявшей все его существо. А въ этой цѣли не было ничего общаго съ любовью къ людямъ, съ самозабвенной заботой о гражданскомъ благоденствіи. Правда, онъ прибѣгалъ и къ нимъ, но лишь какъ къ орудіямъ: послѣднею же ею цѣлью всегда было его господство, всевластіе его воли. Это отсутствіе всякаго гражданского чувства, всякаго чутья человѣческаго счастья, всякаго желанія подчиняться чему-нибудь высшему, общему благу, этотъ разѣдающій эгоизмъ, который смотритъ на міръ и людей лишь какъ на свои орудія, уже начинали проявляться въ немъ. Но они еще заглушали не всего. Онъ еще забывался при встрѣчѣ съ изумительнымъ умомъ, шутя совершающимъ богатырскія работы. То не былъ талантъ, который при помощи прилежанія, сноровки, вдумчивости освоивается съ труднымъ предметомъ и мало-по-малу достигаетъ высоты, совмѣстной съ счастіемъ и довольствомъ большинства. Тутъ было больше. Тутъ были: первобытное созерцаніе, быстрое, вѣщее обниманье даже совсѣмъ чуждаго, изумительное усвоеніе и переработка новаго, искусство уловлять суть всякаго вопроса, жизненный нервъ всякой вещи и творчески въ одинъ мигъ превращать въ собственную мысль даже схваченное налету, — словомъ, все, что обличаетъ истиннаго генія *).

*) Ср. слова Мармона, взглядъ котораго главнымъ образомъ легъ въ основаніе изложенія Гейссера, объ участіи Наполеона въ составленіи *code civil*. *Mémoire*, II, 201. О.

Эта изумительно одаренная натура была теперь въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ, на порогѣ зрѣлаго возраста. Наполеону было 27 лѣтъ; а для южанина 27 лѣтъ больше значать, чѣмъ для уроженца сѣвернаго климата.

Такимъ образомъ, онъ вступилъ во всемірную исторію не какъ Французъ или Итальянецъ, а просто какъ человѣкъ, какъ цѣлый міръ. Вѣдь и его родъ принадлежалъ той Флоренціи, достояніемъ коей были Данты, Макиавелли, Рикетти. Вѣдь и его предки были выгнаны изъ того города, изъ котораго вышло столько мужей, предназначенныхъ къ созданію тираніи на развалинахъ демократической революціи.

Бонапарту не нравилось, когда его называли якобинцемъ. Онъ презиралъ свой народъ, пользуясь имъ и обманывая его также, какъ и другіе народы, хотя никто не льстилъ ему такъ искренно, какъ Французы. Это скорѣе былъ типъ стараго римскаго цезаря. Римская имперія, съ ея всемірнымъ господствомъ и однообразіемъ, съ ея безграничной государственной властью и централизацией, съ ея космополитизмомъ, сліяніемъ народовъ и сглаживаніемъ всякой особой жизни, — вотъ его идеаль. Хорошо знакомый, какъ съ древней, такъ и съ новой исторіей, онъ однакожь всего болѣе любилъ возвращаться къ этому періоду. Элліны никогда не привлекали его: эта пестрая, многообразная жизнь независимыхъ личностей, эта свобода маленькихъ республикъ были для него чуждой, непонятной загадкой. А Римляне, съ ихъ всемірнымъ могуществомъ, съ ихъ легіонами и императорами, — вотъ кто имѣлъ необыкновенное вліяніе на его фантазію. И онъ болѣе подходилъ къ этому времени, чѣмъ къ нашему.

Итальянскій походъ 1796 — 1797 годовъ *). Отъ Генуи до Милана (съ марта до мая 1796 г.).

Союзныхъ австрійскихъ и пьемонтскихъ войскъ насчитывалось до 60.000; Французовъ было, по большей мѣрѣ, 30 или 40 тысячъ **). Но первыя, по выраженію Клаузевица, были именно союзники «съ расходящимися линіями отступленія»: одни оглядывались на Вѣну, другіе на Туринъ.

*) Napoléon Bonaparte: Correspondance. 1859. I—III. — Мемуары Лавалета, Савари, Бурьена, Мармона, и т. д. — Botta: Storia d'Italia 1789—1814. Paris 1824. — Schlosser: Für Beurtheilung Napoleons. 1835. — Posselt's Europäische Annalen. 1796. 4 Bde. — Oesterreich. milit. Zeitschrift за 1813, 1825, 1827—1830 года: Geschichte der Kriege IV. — Clausewitz: Der Feldzug von 1796. Berlin. 1833.

**) Мармонъ (Mém. I, 145) полагаетъ дѣйствующую силу пѣхоты всего въ 28,820 человѣкъ. О.

И оба находились въ дурномъ расположеніи духа. Можно было въ одно время держать подъ шахомъ оба войска. На этомъ и былъ построенъ весь военный планъ Бонапарта. Главные удары должны были посыпаться на Австрійцевъ и оттѣснить ихъ на востокъ: тогда Піемонтцамъ пришлось бы вести оборонительную войну, пока не пробилъ бы и ихъ часъ.

Между союзными войсками не было симпатіи. Піемонтцы болѣе склонялись къ революціи, чѣмъ къ Савойскому дому. А послѣдній ужъ вовсе не былъ въ тѣсной дружбѣ съ Австріей: между ними была лишь слабая связь посредствомъ дипломатической сдѣлки.

Главнѣйшимъ союзными арміями былъ Болье (Beaulieu). При началѣ войны онъ былъ только полковникомъ, а потомъ, въ поразительно короткое время, повысился до генерала. Старый энергическій Валлонецъ, онъ, какъ солдатъ, всегда былъ вѣренъ своему долгу и, несмотря на свои 70 лѣтъ, все еще былъ чрезвычайно крѣпокъ. Онъ слылъ военнымъ героемъ перваго разряда; но его цѣнили черезчуръ высоко. Его слава происходила изъ того времени, когда онъ отбросилъ изъ Бельгіи еще совсѣмъ незрѣлые французскіе полки. Войска уже давно не довѣряли ему, какъ Французы своему Бонапарту. Австрійцы тащились съ цѣлой горой бесполезнаго багажа, согласно съ предписаніями стараго военного порядка, а Французы были легко вооружены, гораздо меньше навьючены, да къ тому же свѣжи, живы, закалены, превосходно приучены къ оружію, полны одушевленія, самоувѣренности и безграничнаго довѣрія къ полководцу, который, хотя и не имѣлъ еще такой славы, какъ впослѣдствіи, но повсюду служилъ доселѣ съ честью и успѣхомъ. Болье былъ старикъ, воевавшій методически, на старомъ ладѣ; на полѣ битвы онъ исполнялъ только свой долгъ, но его никогда не осыняло какое-нибудь необыкновенное, гениальное соображеніе. А Бонапартъ былъ 27-лѣтній юноша съ самыми рѣдкими дарованіями; это была личность, обладавшая изумительнымъ умѣньемъ оживлять и увлекать массы и требовать отъ солдатъ чрезвычайныхъ усилій съ всегда оправдываемой увѣренностью, что они все сдѣлаютъ. Бороться съ такимъ дарованіемъ было бы не легко даже и видному полководцу: каково же было ветерану старой, окоченѣлой системы!

Въ Парижскомъ и Вѣнскомъ кабинетахъ совершенно различно судили о войнѣ. Въ Парижѣ создали планъ оторвать Піемонтъ отъ Австріи, завоевать Ломбардію, принудить мелкихъ итальянскихъ князей къ союзу съ Франціей и по возможности предписать миръ Австріи въ ея собственной землѣ. А въ Вѣнѣ считали войну совсѣмъ второстепенной. Правда, при Лоано (въ ноябрѣ 1795 г.) уже потерпѣли уронъ; но, тѣмъ не менѣе, думали, что за это больше чѣмъ вознаграждены на Рейнѣ и считали себя довольно сильными, чтобы безъ труда задержать Бонапарта до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ боевая развязка въ Германіи.

Въ концѣ марта явился Бонапартъ къ своему войску. Онъ засталъ его

безъ одежды, безъ сапогъ и жизненныхъ припасовъ; оно было совершенно пренебрежено правительствомъ, измучено подрядчикомъ, еле существовало грабежами,—словомъ, находилось въ жалкомъ положеніи.

«Солдаты! сказалъ онъ имъ въ своей прокламаціи. Вы наги, вамъ нечего ѣсть, правительство много задолжало вамъ и не можетъ ничего дать. Ваше терпѣніе, ваше мужество, которое обнаружили вы среди этихъ скалъ, достойны удивленія; но вы не приобрѣтаете славы, на васъ не падаютъ блестящіе лучи. Я намѣренъ свести васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Въ вашей власти будутъ земли, большіе города; вы найдете тамъ славу, честь и богатство. Солдаты итальянской арміи! Неужели же у васъ не хватитъ мужества и стойкости?»

Тутъ нѣтъ ни слова про свободу и республику, про войну дворцамъ и миръ хижинамъ, ничего изъ тѣхъ рѣчей, съ которыми обращались доселѣ къ арміямъ революціи. «Честь, слава и богатство»! Программа имперіи и ея легіоновъ уже возвѣщена.

Бонапартъ рѣшился на быстрые и смѣлые удары и потому былъ не мало пораженъ, когда Болье предупредилъ его своимъ нападеніемъ 10-го апрѣля. Послѣдній намѣревался отклонить натискъ, угрожавшій Генуѣ, и возстановить связь между союзнымъ войскомъ и англійскимъ флотомъ, крейсировавшимъ у Генуи: тогда Австрія, Піемонтъ и Англія были бы соединены, а Генуя прикрыта. Это-то, и ничего больше, составляло главную цѣль союзниковъ. Бонапартъ же намѣревался раздавить австрійско-піемонтскую армію и по ея трупѣ пройти къ Вѣнѣ.

Между долинами Ломбардіи и берегами Генуи тянется довольно скалистый, зубчатый хребетъ горъ, который всегда трудно было перейти: онъ только теперь прорѣзанъ множествомъ тоннелей. Въ этомъ хребтѣ, между Нови и Генуей, лежалъ пунктъ, который должно было взять, чтобы потомъ быстро спуститься къ Генуэзскому заливу. Это удалось. Благодаря одному движенію, счастливо скрытому отъ Французовъ, Болье быстро перешелъ Боккетскій хребетъ, напалъ на врага при Волтри, отбросилъ его и вечеромъ соединился съ Нельсономъ. Но этимъ и окончились всѣ успѣхи. Тотчасъ же обнаружилось мастерство Наполеона, та дивная экономія силъ, съ помощью которой онъ всегда въ рѣшительныя минуты умѣлъ быть сильнѣйшимъ. «Все военное искусство, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы всегда превосходить числомъ непріятеля тамъ, гдѣ нужно».

Вообще Бонапартъ былъ далеко слабѣе Болье; но въ первые дни во всѣхъ битвахъ у него было больше войска, такъ что Австрійцы думали, будто имѣютъ дѣло съ неизмѣримо сильной арміей. Затѣмъ Австрійцы подвинулись къ Монтенотте, чтобы пробить французскую линію и отбросить ее къ Альпамъ. Сначала дѣло шло, казалось, удачно. 11-го апрѣля у шанцевъ подъ Монтенотте разразился страшный, упорный бой между 1,200 хорошо прикрытыхъ ветерановъ и 3,000 нападающихъ. Но потомъ Австрійцы были отбиты съ

большимъ урономъ; также кончилась и маленькая стычка по сосѣдству. Тутъ Бонапартъ быстро бросился на всѣ отдѣльныя позиціи обѣихъ армій и разбилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сраженій. Порокомъ старой системы было желаніе прикрыть каждый пунктъ: на цѣлыя мили разставляли большіе кордоны и при этомъ бесполезно употребляли страшно много людей. Напротивъ, революція, при недостаткѣ надежныхъ солдатъ, должна была постоянно нападать всѣми своими войсками все на отдѣльные пункты: при этомъ фланги обыкновенно плохо прикрывались, зато тѣмъ сильнѣе была сосредоточенность на рѣшительномъ мѣстѣ. Наполеонъ дѣйствовалъ систематически въ этомъ смыслѣ: онъ всегда нападалъ на врага въ извѣстномъ пунктѣ съ превосходными силами и не давалъ ему времени обойти себя.

Такъ было и въ описываемомъ походѣ. Отъ 13 до 22 апрѣля, при Милезимо, Дего, Чевѣ, Мондови, Австрійцевъ атаковывали все въ мелкихъ стычкахъ, гдѣ они постоянно были въ меньшинствѣ, и разбивали, несмотря на всю ихъ храбрость. Тутъ не произошло собственно ни одной дѣйствительной битвы; а между тѣмъ сумма урона у Австрійцевъ коснулась значительной части арміи. Сверхъ того, ихъ покинули Піемонтцы. Съ обѣихъ сторонъ жаловались, что союзникъ не исполнилъ своего долга, не выслалъ помощи. «Расходящіяся линіи отступленія» оправдались: Піемонтцы ретировались на сѣверъ, Австрійцы на востокъ.

Бонапартъ издалъ новое воззваніе къ своему войску. Вотъ оно:

«Солдаты! Въ 14 дней вы одержали 6 побѣдъ, завоевали 21 знамя, 55 пушекъ и много крѣпостей, плѣнили 15,000 человѣкъ и 10,000 убили и ранили. Доселѣ вы бились изъ-за голыхъ скалъ: вы явили блестящее мужество, но не принесли пользы отечеству. Теперь вы въ правѣ стоять на ряду съ голландской и рейнской арміями. Вы были лишены всего; а теперь все добыли себѣ оружіемъ. Вы побѣждали безъ пушекъ, переходили потоки безъ мостовъ, совершали быстрые марши безъ сапогъ и ночевали подъ открытымъ небомъ безъ водки, а зачастую и безъ хлѣба. Это возможно только республиканскимъ солдатамъ, только свободнымъ войскамъ!.. Но вы все еще ничего не сдѣлали: вѣдь еще не въ вашихъ рукахъ ни Туринъ, ни Миланъ!.. Нужно освободить Италію, нужно и здѣсь снять оковы съ народа»!

На этотъ разъ для разнообразія уже приводится старый счетъ 1793 года и дѣлается воззваніе къ республикѣ и ея пропагандѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣдъ было выступленіе Піемонта изъ союза съ Австріей. Въ Туринѣ опасались революціоннаго движенія и рѣшились ужъ лучше пойти на сдѣлку съ врагомъ. 28 апрѣля было заключено перемиріе, въ силу котораго Піемонтъ отдѣлился отъ Австріи, отвелъ свои войска, сдалъ Французамъ крѣпости, и обратился, такимъ образомъ, для непріятели въ операціонный базисъ противъ Милана.

Отъ Милана до Леобена (съ мая 1796 до апрѣля 1797 года).

Теперь войско ринулось на Миланъ. Счастливо добились перехода черезъ По у Пьяченцы (7 мая); мимоходомъ въ одномъ перемиріи (8 мая) наложили громадную контрибуцію на герцога Пармскаго (2 милл. ливровъ, 1,700 лошадей, 10,000 центнеровъ плодовъ, 5,000 центн. овса, 2,000 вольовъ, 20 лучшихъ его картинъ); а 10-го мая, послѣ сильной и опасной битвы, совершили переправу черезъ Адду у Лоди. Доселѣ не изслѣдовано, почему былъ сданъ этотъ послѣдній мостъ, весьма хорошо защищенный: быть-можетъ, изъ страха, чтобы врагъ не обошелъ праваго крыла. Тутъ Австрійцы отступили до границы сѣверной Италіи, а Бонапартъ вступилъ въ Миланъ 14 мая.

Въ этотъ день онъ сказалъ Мармону, который увѣрялъ его, что въ Парижѣ нѣтъ предѣла изумленію его успѣхамъ: «Вы еще ничего не видѣли; а будущее хранить для насъ такіе успѣхи, которые оставятъ за собою все, сдѣланное нами доселѣ. Нынче счастье улыбалось мнѣ не за тѣмъ, чтобы я пренебрегъ его благосклонностью. Счастье—женщина: чѣмъ больше дѣлаетъ оно для меня, тѣмъ больше я стану требовать отъ него. Черезъ нѣсколько дней мы будемъ на Эчи; вся Италія будетъ подчинена. Тогда, если только у меня средства увеличатся соразмѣрно съ моими планами, мы тотчасъ же поднимемся, быть-можетъ, на еще болѣе великія предпріятія. Въ наши дни никому еще не удавалось видѣть великіе подвиги: мое дѣло показать примѣръ».

Мармонъ (Мém. I, 178, 186) не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда въ эти же дни услышалъ, какъ Бонапартъ диктовалъ письмо къ директоріи, въ которомъ увѣрялъ, что, если ему пришлютъ подкрѣпленій, онъ перейдетъ Тироль и ударитъ въ тылъ австрійской рейнской арміи.

Еслибы выставленная во второмъ воззваніи пропаганда была задумана искренно и серьезно, она легко повела бы къ народнымъ движеніямъ противъ дурныхъ правительствъ въ Пармѣ, Моденѣ и Церковной Области. Но Бонапартъ относился къ ней не серьезно. По его мнѣнію, подобныя обѣщанія годны лишь для того, чтобъ усмирять кабинеты страхомъ передъ революціей; но они неисполнимы. Онъ самъ сказалъ въ минуту откровенности: «Эти средства пора уже бросить. Вообще дѣйствіе подобныхъ воззваній сомнительно. Неужели вы думаете, что воззваніями можно сдѣлать свободнымъ слабый, воспитанный попами народъ? Ошибаетесь!»

Бонапартъ желалъ привлечь народы одними обѣщаніями, которыхъ вовсе не думалъ исполнять; а еще больше ему хотѣлось запугивать этимъ кабинеты, чувствовавшіе тутъ свою слабую струнку. Такимъ образомъ, онъ

былъ страшенъ и для тѣхъ, и для другихъ, и въ то же время казался имъ послѣднимъ якоремъ спасенія: такимъ образомъ онъ употреблялъ однихъ противъ другихъ, приковывалъ народы къ надеждамъ на свободу, а государей къ страху передъ революціей.

Теперь Бонапартъ заключаетъ договоръ за договоромъ съ запуганными государями (съ Моденой 17-го мая, съ Неаполемъ 5 іюня, съ папой 23-го). Страшныя контрибуціи деньгами, лошадьми, скотомъ, жизненными припасами и художественными произведеніями служатъ отступнымъ за сохраненіе колеблющихся престоловъ. Ничто не намекаетъ на новую свободу; зато все превосходно рассчитано на основаніе владычества побѣдителя надъ государствомъ и войскомъ. Пустая казна наполняется; трофеи, картины и статуи льстятъ тщеславію націи; войско, голодавшее доселѣ, живетъ въ избыткѣ и боготворитъ своего героя. Никогда еще не извлекалось столько пользы изъ побѣдъ. Ломбардія заплатила 25 милліоновъ ливровъ, Модена 10, Парма и Пьяченца 20, папа 36, Болонья и Феррара 3,700,000, Мантуя 800,000, имперскіе лены 200,000, англійскіе магазины 8.000,000.

Парижской директоріи было не спокойно отъ такихъ успѣховъ. Безпредѣльная сила, съ которой этотъ человѣкъ привлекалъ къ себѣ войска и повергалъ къ своимъ ногамъ чужеземные народы и ихъ государей, внушала опасеніе: она такъ не походила на жалкое положеніе правительства, которое съ трудомъ защищалось отъ внутреннихъ партій и было совсѣмъ безоружно передъ военнымъ могуществомъ на границахъ.

Уже тогда опасались, что изъ Бонапарта выйдетъ нѣчто больше, чѣмъ просто счастливый генералъ, и считали нужнымъ принять предосторожности противъ его честолюбія. Еще лѣтомъ рѣшили послать комиссара съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за Бонапартомъ и доносить на него. Но генералъ Кларкъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы видѣть, что у генерала болѣе великая будущность, чѣмъ у парижской директоріи. Онъ предался ему, и всѣ его отчеты проходили черезъ руки Бонапарта.

Но война еще не окончилась. Самая трудная ея часть теперь только начиналась. Уже нѣсколько столѣтій востокъ Италіи былъ театромъ послѣдней, рѣшительной борьбы за обладаніе полуостровомъ. Правда, и Ломбардія очень пригодна для битвъ; но рѣшительные удары почти всегда наносились на линіи Минчіо и Эчи, и наоборотъ, даровитымъ полководцамъ, какъ только они завладѣвали линіей Минчіо, всегда было возможно однимъ порывомъ вновь пріобрѣсти все остальное. Тогда здѣсь была только одна большая крѣпость, что, быть можетъ, даже облегчало защиту: это — превосходно расположенная Мантуя. На одномъ изъ острововъ на Минчіо помѣщалась часть укрѣпленій; городъ былъ хорошо снабженъ всѣмъ необходимымъ и вооруженъ гарнизономъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ для защиты. Въ такой крѣпости противъ 15,000 Австрійцевъ требовалось, по крайней мѣрѣ, 30,000 осаднаго войска. Бонапарту нельзя было подвигать-

ся впередъ, пока не падетъ Мантуя: стало-быть, пока здѣсь держали врага, такъ сказать, въ цѣпяхъ, нечего было опасаться, что онъ проникнетъ въ Вѣну.

Люди свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ, въ родѣ Клаузевица, считаютъ рѣшеннымъ дѣломъ, что со стороны Австрійцевъ было страшною стратегическою ошибкой посылать въ Италію армію за арміей для освобожденія Мантуи, предоставляя Наполеону побѣждать ихъ въ открытомъ полѣ, вмѣсто того, чтобы только удерживать за собой крѣпость, а свои войска употреблять въ Германіи для уничтоженія французской сѣверной арміи. Еслибъ удалось удержать Мантую, то, при счастливомъ результатѣ похода въ Германію, нечего было опасаться и за Италію съ Вѣной. Вѣдь мы ужъ знаемъ, что еслибы въ Германіи, между Рейномъ и Шварцвальдомъ, было 80,000 солдатъ, то Моро былъ бы уничтоженъ.

Вмѣсто того, при началѣ похода въ Германію, отрядили Вурмзера съ 25,000 къ Минчіо. Послѣдній спустился двумя колоннами къ Гардскому озеру. Бонапартъ поднялся изъ-подъ Мантуи, съ быстротой молніи бросился на нихъ, не давъ имъ соединиться, разбилъ ихъ одну за другой во многихъ сраженіяхъ къ югу отъ Гардскаго озера и, такимъ образомъ, заставилъ ихъ отступить обратно въ Тироль. Затѣмъ онъ опять обратился къ Мантуѣ.

Этотъ первый опытъ долженъ былъ доказать, какъ нерасчетливо было все вызывать Бонапарта въ открытое поле, гдѣ теперь уже знали его превосходство. Слѣдовало мучить его осадной войной, которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась его сочувствіемъ и была совсѣмъ неприемѣнима къ французскому войску при его тогдашнемъ устройствѣ. А между тѣмъ, все придерживались разъ принятой системы, все посылали армію за арміей на погибель. Когда Вурмзеръ сдѣлалъ вторую попытку проникнуть къ Мантуѣ, Бонапартъ снова разбилъ его войско по частямъ. Правда, удалось усилить гарнизонъ въ Мантуѣ, но это только затруднило его продовольствіе и нисколько не помогло развязкѣ.

Въ ноябрѣ шло второе австрійское войско подъ начальствомъ Альвинци, которое хотя и состояло преимущественно изъ молоденькихъ солдатъ, во всякомъ случаѣ было довольно сильно, чтобы, и безъ помощи Мантуи, побить Бонапарта въ открытомъ полѣ. На этотъ разъ тутъ ужъ былъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ. Войско Бонапарта, вообще не превышавшее 30,000, понесло большой уронъ: кто былъ убитъ или раненъ, кто оставленъ въ гарнизонѣ *). 15-го ноября разразилась страшная трехдневная битва при Арколе, окончившаяся рѣшительною побѣдой Бонапарта.

*) См. у Баранта (Hist. du directoire de la républ. franç., I, 360 sqq.) о томъ, какъ Бонапарту приходилось бороться также и съ паденіемъ духа своего войска. О.

При Риволи (14-го января 1797 года) подобная же участь постигла вторую попытку Альвинци освободить Мантую съ помощью новаго войска; а 2-го февраля пала крѣпость. Не только была завоевана верхняя Италия, но сверхъ того австрійскія войска понесли необыкновенную потерю. Уронъ въ битвахъ за послѣдніе мѣсяцы равнялся цѣлой порядочной арміи; а у Австріи уже не было средствъ вести въ слѣдующемъ году двойную войну въ Италиі и на Рейнѣ для защиты своихъ внутреннихъ областей. Она уже не могла въ открытомъ полѣ предложить битву войску, которое теперь, въ мартѣ 1797 г., однимъ крыломъ подѣ начальствомъ Бонапарта, шла внутрь государства. Медленно отступали австрійскія войска, давая Бонапарту перейти рр. Тальяменто и Изонцо. Въ концѣ марта послѣдній стоялъ уже въ Штиріи, а 5-го апрѣля выдвинулъ свой авангардъ къ Леобену.

Но при всемъ томъ, положеніе Бонапарта было болѣе блестяще, чѣмъ счастливо. Жуберъ, которому приходилось пройти Тироль съ главною арміей, не подвигался впередъ. Онъ на цѣлыя недѣли застрялъ въ узкихъ проходахъ этой горной крѣпости, и ему угрожала опаснѣйшая изъ партизанскихъ войнъ. У директоріи не было либо средствъ, либо охоты теперь же начать движеніе на Рейнѣ: съ этой стороны Бонапартъ былъ совсѣмъ покинутъ. Позорныя интриги, помощью коихъ подкапывались подѣ венеціанское правительство, поднимали тамъ народныя массы противъ Французовъ. А еслибы возстаніе ожесточенныхъ Итальянцевъ присоединилось ко всѣмъ невыгодамъ изолированія, то Бонапартъ очутился бы въ крайне опасномъ положеніи.

Въ самой Австріи, въ противоположность паденію духа у кабинета, пробуждалось воинственное одушевленіе. Оно могло бы много сдѣлать, еслибъ имъ руководили хорошо и по плану; но само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія государственнаго искусства, заправлявшаго здѣсь всѣмъ, въ подобныхъ движеніяхъ гораздо больше опасности, чѣмъ въ подчиненіи самому позорному миру. «Если подойдетъ врагъ, ему можно будетъ зажать ротъ какою-нибудь провинціей, но вооружить народъ... это значитъ разрушить тронъ». Эти слова Коллоредо точно обозначаютъ господствовавшій здѣсь образъ мыслей, а на него-то и рассчитывалъ Наполеонъ, когда все вокругъ него принимало болѣе и болѣе отчаянный видъ. Какъ безнадежнымъ считалъ онъ свое положеніе съ этой стороны, достаточно видно изъ его писемъ къ директоріи. Когда уже не оставалось никакихъ надеждъ, онъ рѣшился попытать переговоровъ съ непріятелемъ. 31-го марта онъ написалъ эрцгерцогу Карлу удивительное письмо, рассчитанное если не на самого эрцгерцога, то хотя на чувство, царствовавшее во дворцѣ. «Генераль! говорилось въ немъ: храбрые солдаты ведутъ войну и желаютъ мира. Не длится ли война уже 6 лѣтъ? Не довольно ли побили мы народъ? Не довольно ли причинили бѣдствій скорбящему человечеству? Уже со

всѣхъ сторонъ раздается ропотъ... Что касается меня, генераль, то, еслибы только мои предложенія спасли жизнь хоть одного человѣка, я съ большею гордостью смотрѣлъ бы на гражданскій вѣнокъ, который заслужилъ бы тогда, чѣмъ на печальный блескъ военного триумфа».

Таково было введеніе къ переговорамъ, слѣдствіемъ коихъ было леобенское перемиріе 18-го апрѣля. Никто такъ ревностно не содѣйствовалъ имъ, какъ дочь Маріи-Терезіи, неаполитанская королева Каролина, которая сначала была самымъ заклятымъ врагомъ Французовъ, а теперь столь же горячо стояла за миръ съ тѣхъ поръ, какъ ей начали угрожать съ одной стороны побѣдоносныя французскія войска, съ другой—революція въ собственной землѣ.

По леобенскому договору Бельгія и лѣвый берегъ Рейна отдавались Французамъ на законномъ основаніи, а республика Верхняя Італія только фактически. За Австріей сохранялась восточная часть Венеціи (между Ольо, По и Адриатическимъ моремъ) съ Истріей и Далмаціей. Обѣщанная уступка Австрійцамъ Мантуи и Пескьеры имѣла такой же смыслъ, какъ и «цѣлость Нѣмецкой имперіи», долженствовавшая лечь въ основу окончательнаго мира въ то время, какъ Рейнъ уже былъ оторванъ отъ этой имперіи, и «удовлетвореніе» Венеціи, разрушеніе коей было уже рѣшено и вскорѣ стало фактомъ.

ГЛАВА XXII.

Директорія. Заговоръ Гракха Бабефа (10 мая 1796 г.). Роялисты.

Въ это время въ Парижѣ директорія изнемогала въ ежедневной борьбѣ за свое существованіе. Повсюду старыя партіи снова выказывали признаки жизни. Вопреки мѣрамъ предосторожности противъ заговоровъ, вопреки декретамъ противъ священниковъ, эмигрантовъ и роялистовъ, правительство не достигло правленія, законодательная власть не исцѣлила беззаконной анархіи. Вѣдь новая система была признана лишь благодаря силѣ оружія: теперь оказалось, что она не должна была слагать его, если хотѣла утвердиться.

Подготовилось даже якобинское возмущеніе. Правда, оно было подавлено еще до своего взрыва, но зато оно имѣло особенно опасное значеніе, потому что его участники засѣдали въ самомъ совѣтѣ пятисотъ. Это былъ заговоръ между остатками старыхъ террористовъ и кружкомъ коммуниста Бабефа *).

*) Buonarotti: Conspiration de Babeuf. Bruxelles. 1828. 2 vls.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ борьбѣ партій послѣ термидора возникло сильное отчужденіе между правительственными и оппозиціонными якобинцами, фанатикамъ изъ послѣднихъ не оставалось ничего болѣе, какъ помышлять о новой революціи. Она должна была быть основательнѣе, чѣмъ прошлая. Уже не останавливаясь на неизверженіи государства и, на преходящемъ потрясеніи общества, она должна была дѣйствительно серьезно заняться устройствомъ вполнѣ преобразованнаго общества. 1793 годъ обратилъ все низшее въ высшее, похоронилъ и изгналъ аристократію сословій, имущества, ума и характера; но едва только ослабъ терроръ, какъ эта аристократія уже пробудилась и стала могущественнѣе, чѣмъ прежде, начала даже обращать своихъ старыхъ враговъ. Для фанатиковъ это было доказательствомъ, что революція сдѣлала свое дѣло только вполовину, чѣмъ сама себя и уничтожила, и что, стало-быть, необходимо снова возвратиться къ истиннымъ преданіямъ 1793 года.

Это настроеніе части нѣкогда всемогущихъ террористовъ совпало съ планами отчаяннаго коммуниста Бабефа. Послѣдній, при старомъ порядкѣ вещей, не видалъ ничего, кромѣ несчастья и нужды, а съ открытія революціи ничего, кромѣ тюрьмы и преслѣдованій, и вотъ онъ вообразилъ теперь, что, наконецъ, настало его время.

Гракхъ Бабефъ былъ одинъ изъ тѣхъ улучшителей, которые забираютъ въ свои узкія, исковерканныя головы, будто они нашли всеобъемлющія средства противъ всякихъ болѣзней общества, и съ слѣпымъ фанатизмомъ держатся своего ученія. Это одинъ изъ тѣхъ отважныхъ мечтателей, съ которыми, изстари, раздѣляются очень скоро, что, однако, никогда не мѣшаетъ имъ быть лучшими подготовителями абсолютизма: вѣдь послѣднему ничто не оказываетъ такихъ полезныхъ услугъ, какъ «красный призракъ» (*spectre rouge*), который кидаетъ въ его объятія запуганное среднее сословіе.

Около 9-го термидора пустилъ Бабефъ по міру свои коммунистическія, поджигательныя сочиненія и старался втихомолку набрать хорошо устроенную партію среди голоднаго пролетаріата и злобныхъ террористовъ. Термидоріане бросили его въ тюрьму вмѣстѣ съ другими мятежниками. Здѣсь образовались между ними первыя тѣсныя связи, и когда, послѣ 13-го вандемьера, Бабефа освободили, отсюда возникъ клубъ, имѣвшій своихъ агентовъ во всѣхъ 12-ти округахъ города Парижа.

Правительство терпѣло языкъ журнала Бабефа «*Le tribun du peuple*», становившійся все болѣе и болѣе наглымъ: оно видѣло въ немъ спасительный противовѣсъ роялистамъ. Эта газетка позволяла себѣ невѣроятныя вещи *).

*) Barante: Hist. du directoire de la répub. I, 50 sqq., 240 sqq.; II, 181 sqq. 0.

«Частная собственность, можно было прочесть тутъ, есть источникъ всѣхъ бѣдствій, удручающихъ все общество. Общество, это—адъ; гармонія, царствующая въ немъ,—преступленіе. Что толковать про законы и собственниковъ! Имуществомъ завладѣли разбойники, законы—созданіе сильныхъ. Солнце свѣтитъ для всѣхъ и земля не составляетъ ничьей собственности. Ну же, друзья мои! разрушайте, ниспровергайте, валите это общество, которое вамъ не нравится. Тащите себѣ, что понадобится; безъ угрызенія совѣсти сокрушайте межевые столбы, уничтожайте конституціи; безъ сожалѣнія душийте тирановъ, патриціевъ, раззолоченый милліонъ всѣхъ печестивцевъ, противящихся общему благу! Вы народъ, истинный, единственный народъ, заслуживающій наслаждаться всѣми благами сего міра! Справедливость народа столь же величественна, какъ онъ самъ. Все, что онъ дѣлаетъ, законно; все, что онъ приказываетъ, священо».

Все это необыкновенно шибко расходилось въ массахъ, а правительство смотрѣло сложа руки до тѣхъ поръ, пока Бабефъ открыто не объявилъ войны ему самому. Тутъ (11-го декабря 1795 г.) оно приказало полиціи арестовать его, но онъ ускользнулъ и съ удвоеннымъ усердіемъ продолжалъ свой журналъ и свои продѣлки изъ неуловимаго убѣжища. Отрядъ полицейскихъ, на которыхъ правительство думало опереться въ борьбѣ съ мятежниками, весь попалъ въ руки дѣятельныхъ агитаторовъ и его пришлось распустить, такъ какъ онъ перешелъ въ открытое возстаніе (въ апрѣлѣ 1796 г.). Теперь заговорщики рѣшились начать дѣло; они насчитывали около 17,000 сообщниковъ (въ томъ числѣ Р. Линде, Амаръ, Друэ). 11-го мая долженъ былъ разразиться мятежъ. Но они уже были преданы. 10-го мая все было готово, чтобы захватить зачинщиковъ заговора. Самъ Бабефъ былъ арестованъ въ ту минуту, когда писалъ: «Народъ побѣдилъ; тираніи уже не существуетъ; вы свободны»... Въ бумагахъ Бабефа нашли возмутительное воззваніе, въ которомъ изрекался смертный приговоръ врагамъ народа и раздѣлъ собственности объявлялся священнѣйшимъ правомъ человѣка*).

*) Вотъ воззваніе Бабефа. «1. Природа дала каждому человѣку одинаковое право на пользованіе всякимъ имуществомъ.

«2. Цѣль общества защищать это равенство, столь часто нарушаемое въ естественномъ состояніи сильными и дурными, и приумножать все совокупное добро совокупнымъ трудомъ.

«3. Природа на всякаго наложилла обязанность работать; уклоняться отъ труда—преступленіе.

«4. Работы и имущество должны быть общими.

«5. Угнетеніе состоитъ въ томъ, что одинъ трудится до истощенія и лишенъ всего, между тѣмъ какъ другой задыхается отъ пресыщенія, ничего не дѣлая.

«6. Преступленіе —присвоивать исключительно себѣ плоды земли или промышленности.

Впрочемъ анархисты еще не потеряли духа. Это доказывается происшествіемъ на Гренельскомъ полѣ 9-го сентября. Тутъ явилась толпа въ 600 или 700 человѣкъ, вооруженная пистолетами, шпагами и саблями. Она восклицала: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція 1793 года! Долой совѣтъ! Долой новыхъ тирановъ!» и пыталась увлечь расположенныя тамъ войска. Но напрасно. Мятежники были смяты силой оруженія и ихъ зачинщики плѣнены. Съ соизволенія совѣта пятисотъ, была назначена военная коммиссія; зачинщики заговора (въ числѣ ихъ много террористовъ) были осуждены и казнены.

Едва дѣло Бабефа отошло на задній планъ, какъ 31-го января 1797 г. новое объявленіе отъ директоріи указывало на открытіе роялистическаго заговора. Тутъ внушали опасенія не столько силы, которыми располагалъ этотъ заговоръ, сколько новое доказательство несомнѣннаго факта, что по всей націи проходило глубокое недовольство всѣмъ правленіемъ которое все сильнѣе укоренялось даже въ самыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Выборы 1796 и 1797 годовъ, конечно, внесли въ совѣтъ элементы если не рѣшительно бурбонскіе, то, во всякомъ случаѣ, далеко не республиканскіе. Всѣ средства отвратить эту опасность не привели къ цѣли. Въ апрѣлѣ 1797 года нѣсколько роялистическихъ депутатовъ были противозаконно отданы подъ военный судъ; но тотъ произнесъ мягкій приговоръ. Надѣлали много шума по поводу одного невиннаго воззванія Людовика XVIII; но настроеніе не измѣнялось въ пользу правительства.

Такъ приблизились выборы. Изъ совѣта выходила цѣлая треть членовъ, состоявшая именно изъ участниковъ конвента, стало-быть, пятьсотъ утрачивали съ нею самое надежное свое большинство. Ничего не щадили, чтобы направить новые выборы на кандидатовъ правительства: устраняли всякаго заподозрѣннаго въ эмиграціи; принуждали каждаго выборщика присягать конституціи III-го года и принимать прямое обязательство сопротивляться проискамъ анархистовъ и роялистовъ; разсылали по округамъ списки кандидатовъ. Все было напрасно: происшедшіе теперь выборы заставили опасаться роялистическаго большинства.

Это оказалось тотчасъ же при открытіи совѣта пятисотъ. Выборы нѣкоторыхъ якобинцевъ, напримѣръ Бабефа, были объявлены недѣйствительными. Въ президенты выбрали Пишегрю, въ секретари Симона, Воблана, Ларивьера и Паризо, — все людей, справедливо заподозрѣнныхъ въ роялистическомъ образѣ мыслей. Клубъ Клиши, въ которомъ каждый вечеръ

«7. Въ истинномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

«8. Богачи, не желающіе отказаться отъ избытка въ пользу нуждающихся, — враги народа.

«9. Никто не можетъ скопленіемъ всякихъ средствъ отнимать у другаго обученіе, необходимое для его счастья. Обученіе должно быть общее», и т. д.

собиралась самая рѣшительная оппозиція, началъ дѣйствовать все болѣе и болѣе открыто и провелъ назначеніе Бартелеми директоромъ. Послѣдній, вмѣстѣ съ Карно, были недовольны Баррасомъ, и такимъ образомъ въ директоріи возникъ такой же расколъ, какой царствовалъ въ собраніи. А большинство собранія вовсе не скрывало въ своихъ убѣжденіяхъ. Оно безбоязненно высказывало свои симпатіи къ роялизму, нападало на правительство, особенно на Барраса, и позволяло себѣ самую сильную брань на якобинство.

Лѣтомъ дошло уже до того, что, не стѣсняясь, говорили про государственный переворотъ. Въ клубѣ Клиши намекали на удаленіе Барраса. А правительственные органы толковали про очищеніе законодательнаго корпуса.

Стѣсненные республиканцы знали, что если гдѣ-нибудь, то именно въ арміяхъ еще можно было найти во всей чистотѣ ихъ убѣжденія и что отсюда слѣдовало ожидать энергическаго отпора всякой роялистической мысли. Въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ стояли рейнская и маасо-самбрская арміи. Что касается до итальянской, то хотя въ ней уже былъ императорскій акцентъ (тогда уже говорили *Messieurs de l'armée italienne*), но Бонапартъ находилъ еще выгоднымъ, въ видахъ своей политики, весьма рѣзко становиться если не за республику, то противъ роялистовъ. А это придавало неизмѣримую силу Баррасу и его единомышленникамъ въ борьбѣ съ сектантами.

Къ празднику 14-го іюля Бонапартъ издалъ приказъ по своимъ войскамъ, въ которомъ говорилось: «Горы отдѣляютъ насъ отъ Франціи, но вы перенесетесь черезъ нихъ орлинымъ полетомъ, еслибы понадобилось упрочить конституцію, защитить свободу, охранить правительство и республиканцевъ... Солдаты! Въ тотъ самый мигъ, когда покажутся роялисты, пробьетъ ихъ послѣдній часъ». На пиру Ланъ пилъ за гибель клуба Клиши, а Бертъ за уничтоженіе роялистовъ.

По просьбѣ Барраса, въ Парижъ былъ посланъ Ожеро для заявленія мнѣній итальянскаго войска. Этотъ господинъ держалъ передъ директоріей бранчивыя рѣчи противъ трусливыхъ предателей республики, которыхъ розможжить армія; а Баррасъ назначилъ его начальникомъ военнаго дивизіона въ Парижѣ, вопреки протестамъ Карно и Бартелеми.

Что Ожеро вообще, умѣлъ вести себя крайне безтактно, это нисколько не озадачивало Бонапарта. Вѣдь отъ его ошибокъ можно было впослѣдствіи отпереться; а между тѣмъ онъ бралъ на себя ненавистную сторону государственнаго переворота, плоды коего пожалъ потомъ Бонапартъ. Послѣдній мѣшкалъ лишь для того, чтобы дать республикѣ отжить самой; когда это совершилось, тогда онъ явился и возстановилъ порядокъ.

**Государственный переворотъ 18-го Фруктидора (4-го сентября) 1797 года.
Миръ въ Кампо-Форміо.**

18-го Фруктидора послѣдовалъ государственный переворотъ. Въ ночь съ 3 на 4 сентября дворецъ законодательнаго корпуса былъ окруженъ войсками и пушками. Гренадеры, которымъ была ввѣрена защита Тюльери, отказались повиноваться своему начальнику. «Мы не Швейцарцы!» говорили одни; «Не хотимъ сражаться за Людовика XVIII!» кричали другіе. Ожеро арестовалъ юменданта: лишь съ трудомъ вырвали его изъ рукъ нѣсколькихъ яростныхъ якобинцевъ. Около 5 часовъ утра былъ обезоруженъ законодательный корпусъ. Нѣсколько часовъ спустя, арестовали Бартелеми и нѣсколько роялистическихъ депутатовъ. Затѣмъ собралось туловище обоихъ собраній въ чрезвычайное засѣданіе и приговорило къ ссылкѣ 53 депутатовъ, 2 директоровъ (Бартелеми и Карно: послѣдній бѣжалъ) и даже собственниковъ и издателей 42 газетъ. Сверхъ того, объявили недѣйствительными выборы въ 53 департаментахъ, возобновили строгіе декреты противъ родни эмигрантовъ, подчинили нѣкотораго рода военному закону печать и сходки.

Такимъ образомъ, республика была спасена силой. Бонапартъ имѣлъ право ссылаться на это впослѣдствіи. Тѣмъ, которые сами допускали очищать залы штыками, уже нельзя было протестовать противъ силы. Тутъ они сами лишили себя права притязать на законность. Благодаря имъ самимъ, получила новую опору и безъ того уже сильно распространенная вѣра, что въ концѣ концовъ лучше подчиниться способному солдату, чѣмъ «адвокатамъ», не умѣющимъ создавать порядокъ.

А государственный переворотъ ускорилъ и миръ.

Со времени леобенскаго перемирія Бонапартъ не упустилъ ничего, чтобы и съ военной, и съ политической стороны стать въ такое положеніе, при которомъ онъ заставилъ бы Австрію принять свои условія, еслибы она рѣшилась на новую войну. По многимъ причинамъ ему невозможно было еще разъ предпринять большую войну, а между тѣмъ не было лише нованій опасеніе, что Австрійскій кабинетъ думаетъ совсѣмъ иначе. Между тѣмъ какъ пала старая республика Венеція передъ французскими интригами, возмутилась Генуя и къ тому же готовилась Церковная Область, въ Вѣнѣ нѣсколько изгладилось то настроеніе, при которомъ согласились на апрѣльское перемиріе. Здѣсь мало-по-малу стало распространяться убѣжденіе, что тогда врагъ засталъ-де насъ врасплохъ, но что, впрочемъ, намъ удобнѣе было выжидать, пріостановивъ военное дѣйствіе, чѣмъ нашему, всѣми покинутому, непріятелю. Этотъ взглядъ пріобрѣталъ все больше .

силы по мѣрѣ того, какъ развивались внутреннія дѣла во Франціи и революціонное движеніе въ странѣ, гдѣ Австрія надѣялась получить свое вознагражденіе. Правда, было безумной мечтой вѣрить въ весьма близкую роялистическую реставрацію во Франціи и на этомъ основаніи отвертываться отъ правительства, дни котораго, быть-можетъ, были уже сочтены. Но это весьма хорошо объясняется съ точки зрѣнія стараго государственнаго искусства; къ тому же Англія поддерживала тутъ Австрію съ неутомимымъ усердіемъ. И вотъ, въ Вѣнѣ снова начали колебаться. Тугутъ совершенно перевернулся: онъ теперь работалъ уже въ пользу войны столь же горячо, какъ вчера только въ пользу мира. Разсчитывали на уединенное положеніе итальянской арміи, на политическія волненія у ней въ тылу, на вѣроятную побѣду роялистовъ.

Бонапартъ проникъ во все это, какъ доказываютъ его письма къ директоріи. Потому-то онъ неотступно требуетъ отъ нея установленія порядка и внутренняго мира, безъ которыхъ не получишь и мира заграничнаго. Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ сумазбродныя военныя мысли, съ которыми носились въ Парижѣ. Тамъ воображали, что, быстро достигнувъ мимолетныхъ успѣховъ въ Италіи, Бельгіи, Голландіи, въ борьбѣ съ ветхими порядками и съ вялымъ веденіемъ войны старыхъ монархій, можно разсчитывать на подобныя же побѣды и внутри Австріи. Бонапартъ ясно видѣлъ, что это — тщеславное заблужденіе. Въ австрійскихъ провинціяхъ нисколько не пробуждались революціонныя симпатіи: эта держава, несмотря на свой пестрый составъ, тогда, точно также какъ и 1809 году, была точно единая нація, одушевленная тѣмъ же рыцарскимъ и самозабвеннымъ духомъ вражды къ Французамъ. Письма Бонапарта этого времени чрезвычайно замѣчательны и поучительны для системы его политики.

Австрія поджидала лишь перелома въ судьбѣ директоріи. Какъ только переворотъ 18-го фруктидора совершился въ пользу республики, тотчасъ же опять взялись за переговоры. Они велись черезъ графа Кобенця. Это былъ дипломатъ старой школы, изъ сорта людей, считавшихся тогда у всѣхъ дворовъ государственными мужами, но дѣлавшихъ свою карьеру и развивавшихъ свои таланты въ салонахъ, въ качествѣ пріятныхъ болтуновъ. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ представителемъ Австріи при Петербургскомъ дворѣ, и весьма ловкимъ, потому что умѣлъ, когда нужно, казаться ничтожнѣе, чѣмъ былъ на дѣлѣ, и успѣшно исполнялъ роли старухъ и т. под. въ любительскомъ театрѣ во дворцѣ. Онъ явился въ Удинѣ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что скоро покончитъ съ грубымъ Корсиканцемъ, и съ твердой надеждой, что ему удастся значительно оципать его въ пользу Австріи.

Но Бонапартъ умѣлъ мастерски ладить съ подобными господами. Онъ обращался съ нимъ также, какъ потомъ съ Гаугвицемъ. Смотрѣлъ то сентябремъ, то лучезарнымъ солнцемъ; сыпалъ молніями ужаснаго гнѣва; награждалъ очаровательными улыбками почтительнѣйшаго благоволенія. Кобенцль

ничего не достигнулъ. А когда онъ вздумалъ тянуть и медлить, послѣдовала та рѣзкая сцена, успѣхъ которой такъ утѣшилъ великаго человѣка, что онъ даже на о. св. Елены рассказывалъ о ней съ безконечнымъ наслажденіемъ. Съ обезображеннымъ отъ гнѣва лицомъ, крикнулъ онъ испуганному дипломату: «Если Австрія желаетъ войны, а не мира, то въ три мѣсяца она станетъ грудой осколковъ», и хлопнулъ о-земь дорогой сервизъ. Затѣмъ выбѣжалъ вонъ, едва сдерживая улыбку, какъ говорилъ онъ самъ. А обѣятая ужасомъ дипломатія кинулась за нимъ и тутъ же согласилась на все.

17-го октября въ замкѣ Кампо-Форміо былъ подписанъ миръ. Въ немъ были явныя и тайныя статьи *).

По первымъ Австрія отказывалась отъ Бельгіи и Ломбардіи и одобряла образованіе Цизальпинской республики изъ послѣдней и изъ другихъ областей Верхней Италіи. Герцогъ Моденскій вознаграждался округомъ Брейзгау. Австрія получала Истрію, Далмацію и Венецію (и городъ, и островъ), отъ Гардскаго озера и Эчи до устьевъ По. На конгрессѣ въ Раштатѣ назначалось заключить миръ съ Нѣмецкой имперіей.

А въ тайныхъ статьяхъ раскрылось цѣлое новое государственное право разбоя и торгашества землями насчетъ невинной Нѣмецкой имперіи и старой австрійской соперницы, Пруссіи. Лѣвый берегъ Рейна былъ не только уступленъ безъ церемоніи, но покинутъ на произволъ побѣдителя; да при этомъ еще Пруссія, которая по Базельскому миру желала отдать свои вставныя земли (Enclaven) за богатое вознагражденіе, теперь удерживала ихъ за собой, съ условіемъ не дѣлать никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Такимъ образомъ, былъ положенъ предѣлъ планамъ Пруссіи на расширеніе границъ; ее связывали на западѣ по рукамъ и ногамъ. Теперь потеряй она свои владѣнія, что было весьма вѣроятно, и ей ужъ не будетъ вознагражденія: а для Тугута въ этомъ-то и было все дѣло. Австрія же за свои дальнѣйшія уступки, за графство Фалькенштейнъ и Фрикталь, получила еще обѣщаніе, что Франція поможетъ ей въ пріобрѣтеніи Зальцбургскаго епископства и куска Баваріи (между Тиролемъ, Инномъ и Зальцей). Старыя Тугутовскія вожделѣнія снова пробудились, и самъ императоръ произнесъ роковое слово: секуляризація. Когда въ послѣдствіи секуляризація привела къ разрушенію всѣхъ нѣмецкихъ церковныхъ государствъ, за оскорбленное въ лицѣ епископовъ право вступилась та же самая Австрія, которая первая дала толчокъ къ его разрушенію.

Нѣмецкая имперія была объявлена огромной массой земель, изъ которой слѣдовало выдѣлить вознагражденіе не только нѣмецкимъ князьямъ, потерпѣвшимъ частью отъ Австріи, частью отъ Франціи, но... даже и Оранскому

*) Подробнѣсти см. у Гейссера: Deutsche Gesch. II, 106 sqq.

дому. А 20 дней спустя по размѣнѣ ратификацій, имперскія войска должны были очистить крѣпости Майнцъ, Эренбрейтштейнъ, Филипсбургъ, Мангеймъ, Кёнигштейнъ, Ульмъ и Ингольштадтъ.

Итакъ, первая держава Нѣмецкой имперіи, дольше всѣхъ державшаяся противъ революціи, вполнѣ примирилась теперь съ государственнымъ правомъ разрушенія, выдавала побѣдителю, какъ европейскую добычу, землю, мнимая защита коей стоила ей 5-лѣтней войны, и сама помогала грабить ее. Что же касается Наполеона, то въ устроенной имъ сдѣлкѣ уже ясно выступали черты его будущей политики. Рейнская граница, Рейнскій союзъ, Нѣмецкая имперія въ качествѣ массы земель, предназначенныхъ для вознагражденій, Пруссія и Австрія въ видѣ двухъ чашекъ вѣсовъ, изъ коихъ одна должна была всегда служить для ослабленія другой, — все это уже лежитъ здѣсь въ зародышѣ. Стало-быть, вступали уже на тотъ путь, на которомъ Германія такъ несказанно бѣдствовала въ теченіи цѣлаго поколѣнія.

Какъ выгоденъ былъ Франціи миръ именно въ эту минуту, какъ новая война, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могла доставить лучшихъ условій, — это изъяснилъ самъ Бонапартъ въ длинномъ письмѣ къ министерству иностранныхъ дѣлъ отъ 18-го октября, слѣдовательно на другой день послѣ заключенія мира *).

Прежде всего онъ доказываетъ, что ни въ Италіи, ни на Рейнѣ нельзя было ожидать военныхъ успѣховъ. «Императоръ. говоритъ онъ, выставилъ всѣ свои войска противъ итальянской арміи, а мы оставили всѣ наши силы на Рейнѣ. Нашей нѣмецкой арміи нужно было маршировать цѣлые 30 дней, чтобы достигнуть окраины наслѣдственныхъ земель Австрійскаго дома; а мнѣ въ это время пришлось бы держаться противъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ его войскъ. Я не могъ надѣяться побѣдить ихъ. Да еслибы мнѣ и удалось побить ихъ, то я потерялъ бы большую часть храбрыхъ войскъ, которыя одни низвергли Австрійскій домъ и перевернули судьбу Европы. У васъ на Рейнѣ 150,000, а у меня въ Италіи всего 50,000. У императора же 150,000 противъ меня, 40,000 въ резервѣ, да 40,000 за Ульмомъ».

По сдѣланному здѣсь описанію положенія рейнской арміи **), она могла начать враждебныя дѣйствія не ранѣе, какъ спустя 25 дней послѣ разрыва; а тогда уже настала бы зима, при которой невозможенъ горный походъ. Итакъ, на югъ пришлось бы выжидать до апрѣля и всю зиму заниматься «организациею войскъ да обсужденіемъ походнаго плана, который, въ его нынѣшнемъ видѣ, между нами будь сказано, начертанъ какъ нельзя хуже».

*) *Correspondance de Napoleon I, III, 518—520. O.*

**) Какъ непріятно было Наполеону назначеніе Ожеро начальникомъ рейнской арміи, объ этомъ см. у Мармона: *Mém. I, 300. O.*

Затѣмъ Наполеонъ указываетъ на самую опасную изъ воюющихъ державъ, на Англію, и тутъ, говоря о достигнутыхъ теперь результатахъ, дѣлаетъ признаніе, замѣчательное для его тогдашняго честолюбія: «Никогда еще въ теченіи столѣтій не заключался столь блестящій миръ, какъ нашъ нынѣшній... Англія собиралась создать новую коалицію. Война, бывшая національной и народной, пока врагъ стоялъ у нашихъ границъ, теперь, кажется, стала чужда народу: она обратилась въ войну правительствъ, которую, при тепершнихъ обстоятельствахъ, въ концѣ концовъ намъ пришлось бы проиграть. Если Цизальпинская республика въ военномъ отношеніи лучшая граница въ Европѣ, если Франція обладаетъ Майнцемъ и Рейномъ, да на Востокѣ замѣчательно-укрѣпленнымъ Корфу и другими островами, то чего еще нужно? Развѣ только раздроблять наши силы, чтобы при этомъ Англія продолжала отнимать у насъ колоніи, также какъ у Испаніи и Голландіи, и разрушать возможность возстановленія нашей торговли и нашего флота?»

«Австрійцы неповоротливы и жадны: нѣтъ народа, который менѣе подкапывался бы подъ наши внутреннія дѣла и былъ бы менѣе опасенъ имъ, чѣмъ австрійскій. Англичане же, напротивъ, благородны, предприимчивы и дѣятельны. Наше правительство должно разрушить англійскую монархію, или винить себя самого, если оно будетъ разрушено происками и подкупами этихъ бодрыхъ островитянъ. Въ настоящую минуту передъ нами открывается прекрасная игра. Сосредоточимъ всю нашу дѣятельность на флотъ и разрушимъ Англію. Сдѣлай мы такъ, и Европа у нашихъ ногъ».

Итакъ, ближайшею цѣлью, на которую было направлено теперь вниманіе Бонапарта, была Англія. Для него было уже ясно, какъ напасть на нее. «На Англію нужно нападать въ Египтѣ», писалъ онъ 16-го августа 1797 года.

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПРЕОБЛАДАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ. НОВАЯ КОАЛИЦІЯ. ЕГИПЕТСКІЙ ПОХОДЪ. ВНУТРЕННЕЕ РАЗЛОЖЕНІЕ ДО ДИКТАТУРЫ БОНАПАРТА. СЪ СЕНТЯБРЯ 1797-го ДО 9-го НОЯБРЯ 1799-го ИЛИ 18-го БРЮМЕРА VIII ГОДА.

ГЛАВА XXIII.

Завоевательная пропаганда. Римская республика (Февраль 1798 года).

Широкіе планы Бонапарта были прежде всего не по вкусу директоріи. Въ неблагопріятномъ случаѣ на карту ставилось слишкомъ много, въ благопріятномъ—слабое республиканское правленіе очутилось бы еще въ большей зависимости отъ побѣдоноснаго полководца, чѣмъ теперь. Да и полнаго мира не настало бы: во Францію возвратились бы безъ дѣла всѣ упорные солдаты, всѣ невыносимыя величія лагеря; они доставили бы правительству много мучительныхъ затрудненій, а можетъ-быть и серьезныхъ опасностей.

Требовалось съ пользой занять войска и ихъ вождя, и лучшимъ предложеньемъ къ тому представилась систематическая военная пропаганда въ сосѣднихъ съ Франціей областяхъ. Окружить Французскую республику, по всѣмъ ея границамъ съ монархической Европой, валомъ дочекъ-республикъ и обширнымъ возмущеніемъ въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи занять элементы, которымъ уже не было поприща у себя дома, — эта мысль вполне соответствовала духу побѣдоносной революціи, а также и политическимъ интересамъ ея тогдашнихъ владыкъ.

При помощи всякихъ насилій и государственныхъ переворотовъ были уже освящены Батавская и Цизальпинская республики, когда взялись за Римскую и Гельветскую.

Въ обѣихъ этихъ земляхъ предлогъ къ вмѣшательству нашелся скоро. Благодаря гнету устарѣлыхъ порядковъ, слабости правительственныхъ властей, недовольству цѣлыхъ классовъ населенія, и тутъ и тамъ происки Французовъ были легкимъ дѣломъ.

Въ Римѣ домъ французскаго посольства былъ средоточіемъ движенія къ пользу перестройки Церковной Области. Это движеніе имѣло не мало приверженцевъ, конечно не въ простомъ народѣ, а въ образованныхъ среднихъ классахъ. Поддерживаемое пестрыми иностранными элементами, оно дѣлало шумную пропаганду въ клубахъ и сходкахъ. Возмутителямъ помогало старое зло Римлянъ, фантастическое воспоминаніе о прошломъ величіи и полная неспособность создать что-нибудь прочное новое. Напрасны были всѣ жалобы папскаго правительства. Пій VI, по всему своему существу, всего менѣе походилъ на упрямаго реакціонера. Онъ былъ то же, что и его преемникъ, который еще кардиналомъ проповѣдовалъ во время революціи о свободѣ, равенствѣ и человѣческихъ правахъ. Оттого-то скорѣе слабость, а не гнетъ его правительства вызывала здѣсь на вмѣшательство. Толчокъ послѣдовалъ 28 декабря 1797 года. Собралось человѣкъ 300 римскихъ республиканцевъ, чтобы поднять знамя возстанія. Папскіе драгуны разсѣяли ихъ, и они бѣжали, преслѣдуемые чернью къ дому французскаго посольства. Вмѣшался генералъ Дюфо (Duphot), собиравшійся на слѣдующій день обвиняться съ свояченицей посланника, Іосифа Бонапарта: послышался выстрѣлъ, который и умертвилъ его. Директорія уже давно поджидала чего-нибудь подобнаго. Потребовали удовлетворенія свысока. Посланникъ, Іосифъ Бонапартъ, подстрекалъ къ разрыву: хорошо подготовленный ударъ могъ разразиться. Войска были уже готовы, и вотъ выступилъ Бертье и провозгласилъ республику, 13-го февраля 1798 года. У папы потребовали отреченія отъ свѣтской власти; но онъ отказался, и Бертье пощадилъ его. Иначе пошло дѣло, когда на его мѣсто явился Массена. Это былъ одинъ изъ величайшихъ военныхъ талантовъ революціоннаго времени. Но онъ съизмала былъ самымъ низкимъ человѣкомъ, безстыднымъ разбойникомъ и воромъ: однажды Наполеонъ упрекнулъ его въ этомъ, а онъ, въ отвѣтъ ему, преспрягалъ глаголъ *voler* (красть) по всѣмъ лицамъ и временамъ. Этотъ господинъ иногда такъ распоряжался, вмѣстѣ съ своими бандитами и плутами, что его собственные субалтернъ-офицеры въ открытыхъ заявленіяхъ отказывались отъ всякаго соучастія въ злодѣяніяхъ, безчестившихъ французскую націю и армію. Несчастный папа, у котораго ограбили все его имущество и даже сдернули съ пальца дорогой перстень, принужденъ былъ покинуть Церковную Область, какъ бездомный скиталецъ.

Теперь въ Италиі оставался одинъ только Неаполь. Прежде чѣмъ до-
брались до него, около того же времени устроили нѣчто подобное въ
Швейцаріи.

Гельветская республика (апрѣль 1798 года).

Старая Швейцарія была удивительнымъ ворохомъ общинъ и владѣній
всякой величины и всевозможныхъ запутанныхъ формъ, которыя, въ свою
очередь, страшно пестрѣли національными и религіозными различіями. 13
союзныхъ кантоновъ (Цюрихъ, Бернъ, Люцернъ, тройной Ури, Швицъ,
Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ, Базель, Фрейбургъ, Золотурнъ, Шаффгау-
зенъ, Аппенцель), представляемыхъ на сеймѣ, образовывали господствующую
аристократію. За ними на первомъ планѣ стояли прибылыя мѣста (*zu-
gewandte Orte*): они не имѣли представителей на сеймѣ, но находились
въ старинной международной связи съ Союзомъ (городъ и монастырь С.
Галленъ, Биль, епископство Базель, Мюльгаузенъ, Валлисъ, Нейен-
бургъ, Женева, Граубинденъ; послѣдній, въ свою очередь, образовал-
ся изъ трехъ различныхъ союзовъ). На второмъ планѣ слѣдовали поддан-
ныя земли, съ населеніемъ частью нѣмецкимъ, частью итальянскимъ: онѣ
сообща принадлежали либо одному, либо многимъ кантонамъ, и управля-
лись ихъ сельскими фохтами подобно тому, какъ старые кантоны габсбург-
скими. Таковы были Тургау и Ааргау. У каждого члена Союза были такіе
подзащитные среди 12 нѣмецкихъ и 7 итальянскихъ «общихъ владѣній». Ури управлялъ Ливенталемъ (впослѣдствіи большая часть Тессина), Бернъ
Итальянцами въ Ваадтландѣ, переносившими эту зависимость съ глу-
бокимъ негодованіемъ, и т. д.

Этому странному сооруженію недоставало прежде всего организаціи со-
юзнаго государства, того единства, которое было возможно на этой почвѣ.
Никому не пришло на умъ основать тутъ единое государство, а между
тѣмъ было необходимо и возможно политическое устройство, которое рас-
предѣляло бы права по областямъ и полагало бы границы неестественнымъ
привилегіямъ старыхъ мѣстъ. Со стороны привилегированной партіи было
самымъ роковымъ заблужденіемъ подавлять, послѣ 1789 г., это справед-
ливое желаніе.

Подобный же окостенѣлый видъ представлялъ и внутренній политическій
бытъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Демократіями можно было назвать лишь
такіе первичные кантоны, какъ Ури, Швицъ, Унтервальденъ и Цугъ, въ
коихъ верховная власть попервобытному принадлежала сельскимъ общинамъ.

Въ большей же части остальныхъ кантоновъ господствовало городское
мѣщанство, а въ немъ, въ свою очередь, нѣсколько привилегированныхъ

фамилій, связанныхъ родствомъ и передававшихъ другъ другу всё долж-ности и званія. То были городскіе феодалы, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ болѣе подходившіе къ старымъ кабинетамъ абсолютныхъ государствъ, чѣмъ къ республиканскимъ правительствамъ. Именно таковъ былъ Бернъ, поддерживавшій, къ тому же, весьма тѣсныя общественныя связи съ Франціей: его патриціаты привыкъ получать свое образованіе въ Парижѣ, откуда приносилъ съ собой не только языкъ и нравы, но и политическія убѣжденія. Уже Цвингли опасался отъ этого скитальчества наплыва въ республики чуждыхъ элементовъ броженія: теперь это исполнилось въ полнѣйшей мѣрѣ. Повсюду возникли партіи между городомъ и селомъ, ремесленникомъ и патриціемъ, подданнымъ и господиномъ. А что во многихъ изъ этихъ маленькихъ республикъ свобода слова была подъ строгимъ запретомъ, это уже давно всё хорошо знали. У Екатерины II и Маріи-Терезіи во многихъ мѣстахъ было больше свободы слова, чѣмъ здѣсь. Шлёцеръ въ своемъ «Государственномъ Указателѣ» изъ года въ годъ велъ счеты проявленіямъ этого факта.

Правительственная каста вообще умѣла нѣсколько щадить самую чувствительную струнку своихъ подданныхъ, ихъ хозяйственные интересы: оттого-то у простаго народа многія изъ этихъ правительствъ пользовались лучшей славой, чѣмъ сама система. Последняя же совмѣщала въ себѣ бѣольшую часть всѣхъ жестокостей стараго порядка вещей. Да, и въ республиканской Швейцаріи былъ свой феодализмъ собственности и труда, свои неотмѣнные земельные налоги, свои строго замкнутые цехи и монополіи, столь же обременительные для безвластныхъ горожанъ и сельчанъ, какъ и въ старой Франціи. Словомъ, въ предреволюціонную эпоху въ основѣ швейцарскаго быта лежало то же самое господство меньшинства надъ большинствомъ, которому новая Франція повсюду объявила войну.

Ясно, что съ 1789 года не могло быть хорошихъ отношеній между старымъ Союзомъ и новой Франціей. Каждая побѣда революціи въ Парижѣ также болѣзненно отзывалась въ ратушахъ Берна и Базеля, Цюриха и Фрейбурга, какъ и въ любомъ европейскомъ кабинетѣ.

Здѣсь непосредственно были затронуты дѣломъ швейцарскихъ полковъ. По весьма старымъ договорамъ, Швейцарія поставляла французскому королю часть войскъ, которыя пользовались привилегіями военнаго государства въ государствахъ. У нихъ былъ свой судъ и свои начальники: только въ лицѣ какого-нибудь королевскаго принца у нихъ числился одинъ чуждый *colonel général*. И тутъ революція сдѣлала страшный пробой. Съ появленіемъ первыхъ распоряженій по войскамъ въ новомъ духѣ, конечно, и здѣсь должны были рухнуть всякія преимущества. Французскіе судьи стали судить швейцарскихъ мятежниковъ точно также, какъ и своихъ. Старое учрежденіе начало разваливаться по частямъ, пока, наконецъ, не былъ звѣрски изрубленъ послѣдній остатокъ швейцарскихъ войскъ. То былъ тяж-

кій ударъ для Швейцаріи. Онъ выходилъ далеко за предѣлы правительственнаго класса. Онъ сильно коснулся сотенъ семействъ и возмущилъ все круги общества противъ новой Франціи.

Вскорѣ Швейцарія была прямо вовлечена въ общія бѣдствія революціи. Женева стала убѣжищемъ французской эмиграціи и вступила въ союзъ съ ліонскимъ возстаніемъ противъ Парижа. Затѣмъ въ Ваадтландѣ возникло противоположное возстаніе противъ существующаго порядка вещей, которое раздувалось изъ Парижа.

Подобное же настроеніе зашевелилось въ Базелѣ, гдѣ цеховой голова, Петръ Оксъ, уже давно выказывалъ склонность къ революціоннымъ идеямъ. Появились и дѣйствительныя нарушенія границъ Швейцаріи, неуваженіе къ ея нейтралитету. Наконецъ, въ исходѣ 1797-го и въ началѣ 1798 годовъ послѣдовали открытыя нападенія. Въ декабрѣ 1797 г. Франція заняла и присоединила къ себѣ Эргюельталь и Мюнстерталь, принадлежавшія Базельскому епископству, а въ январѣ 1798 г. — швейцарскія вставныя земли (Enclaven) въ Эльзасѣ и Мюльгаузенѣ. Насилія, противъ коихъ храбрыя горы поднимались бы въ свои лучшіе дни, какъ одинъ человекъ, совершились безъ сопротивленія, а впереди предстояло еще гораздо худшее. Возбужденные полковникомъ Лагарпомъ Ваадтландцы возмущились противъ Берна. базельскіе крестьяне — противъ своихъ городскихъ фогтовъ. Послѣдніе были скоро успокоены уравниемъ въ правахъ съ горожанами; а первые 24-го января объявили себя независимыми, подъ защитой французскихъ штыковъ. Еще раньше возникли подобныя же движенія на южной границѣ Союза, въ Борміо, Кьявенѣ, Вельтлинѣ. Бонапартъ, «по ихъ собственному желанію», присоединилъ ихъ къ Цизальпинской республикѣ, придерживаясь правила, что недостойно такого свободнаго народа, какъ французскій, терпѣть, чтобы одинъ народъ находился подъ властью другого.

Встарину, когда Союзъ былъ болѣе замкнутъ и объединенъ, когда были иныя военныя отношенія, въ подобномъ случаѣ Швейцарія открывала бы войну на жизнь и смерть. Теперь же обстоятельства не позволяли этого: не хватало ни единства, ни средствъ. Оппозиціонныя партіи явно опирались на Францію, на ея агентовъ и генераловъ; даже среди свободномыслящихъ патріотовъ было много такихъ, которые вполне искренно вѣрили, что Франція желаетъ добра Швейцаріи. Петръ Оксъ самъ ѣздилъ въ Парижъ къ директорамъ за совѣтомъ, какъ перестроить свое отечество. Само собою разумѣется, что это давало Франціи новый поводъ къ вмѣшательству. Швейцарія же представляла для нея много заманчиваго. Въ военномъ отношеніи это было бы безцѣнное приобрѣтеніе. Еслибы былъ потрясенъ нейтралитетъ Швейцаріи, Германіи и Австріи грозила бы опасность въ самыхъ ихъ пѣдрахъ и преобразовалось бы все стратегическое положеніе средней Европы. Сверхъ того, директорія, съ ея вѣчнымъ безденежьемъ, Швейцарія казалась особенно выгодною добычей. Положимъ, молва преувеличи-

вала количество драгоцѣнностей, скопленныхъ въ Бернѣ, Базелѣ, Цюрихѣ; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь можно было ожидать преизобильный барышъ, зная, какъ хозяйничаютъ господа, въ родѣ Ревбея съ его разбойничьей шайкой.

Оттого-то война Франціи съ Швейцаріей становилась столь же неизбѣжной, какъ и съ Венеціанскою республикой и съ папой. Оппозиція внутри страны доставляла хорошихъ союзниковъ, а у старыхъ аристократій уже не обрѣталось геройства ихъ великихъ дней.

Все тѣснѣе обступалъ врагъ Швейцарію. Все уже было на военной ногѣ. На Аарѣ расположилось союзное войско, собранное сеймомъ на скорую руку. Какой-нибудь роковой выстрѣлъ могъ возжечь войну. Богатый послѣдствіями выстрѣлъ и послѣдовалъ съ одного швейцарскаго форпоста. Онъ попалъ во французскаго парламентера, и вотъ у Франціи предлогъ жаловаться на ужасную обиду. Когда-то такой гордый, могучій Бернъ былъ разслабленъ отъ мятежа и волненій въ собственномъ лагерѣ; столь же безсильно было правительство въ Базелѣ. Храбро и упорно защищались преимущественно первичные кантоны. Отчасти ихъ поджигало духовенство, уже видѣвшее пришествіе Антихриста; отчасти они бились въ память славныхъ дней Моргартена и Земпахъ, которые, конечно, и не думали воскреснуть здѣсь. Много геройскихъ подвиговъ было совершено въ первичныхъ кантонахъ; но они послужили лишь къ тому, чтобы тѣмъ ужаснѣе было здѣсь потомъ мщеніе Французовъ.

Швейцарія была покорена и осыпана всѣми бѣдствіями, какія только можетъ доставить завоеванной странѣ звѣрскій побѣдитель. Не говоря уже о богатой добычѣ, высосанной ея пѣявицами изъ беззащитной земли, Франція пріобрѣла ту огромную выгоду, что въ ея рукахъ очутился ключъ къ походу въ южную Германію: разрушился валъ между Франціей и Германіей, и теперь Французы могли безъ выстрѣла проникнуть въ сердце южной Германіи.

Новая конституція провозглашенной 11-го апрѣля 1798 года Гельветской республики заключала въ себѣ: единство и нераздѣльность республики, что было вздоромъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ; верховность народа и представительную демократію; неограниченную свободу совѣсти и уничтоженіе всякихъ титуловъ и привилегій. Оскорбительная зависимость подданныхъ и «прибылыхъ», была отмѣнена, и къ 13 кантонамъ стараго Союза присоединилось 8 новыхъ: Леманъ, Ааргау, Валлисъ, Беллинцона, Лугано, Саргансъ, С. Галленъ и Тургау. Граубюнденъ пригласили приступить къ Союзу. Первичныя собранія избираютъ одного депутата на 100 гражданъ въ кантонное собраніе выборщиковъ. Послѣднее избираетъ 4 лицъ въ сенатъ и 8 въ большой совѣтъ. Исполнительная власть состоитъ изъ 5 директоровъ, которые завѣдуютъ и союзнымъ судомъ.

Тутъ было выметено много сору; много было сломано и очищено такого.

что не мирилось съ новымъ государствомъ. Лишь на этихъ развалинахъ можно было воздвигнуть новый, лучшій порядокъ вещей. Попытка воскресить изъ пепла старину исчезла навсегда послѣ многолѣтнихъ неудачъ.

Замыслы Бонапарта противъ Англіи.

Еще въ Италіи Бонапарту впервые пришла мысль о такомъ предпріятіи на Востокъ, которое напоминало бы Александра и Цезаря. По словамъ Мармона (Мém. I, 350), которому мы не можемъ не довѣрять, въ нападеніи на Римъ и Швейцарію скрывалась побочная цѣль, желаніе собрать средства для этого предпріятія. Въ натурѣ Наполеона, при всей ея трезвости, уже тогда обозначалась фантастическая, рыцарская черта. Рано утвердилось въ немъ убѣжденіе, что его призваніе—явить ничтожному времени образецъ невиданнаго величія. И вся его свита, уже послѣ первыхъ удачъ итальянскаго похода, была въ подобномъ же опьяненіи отъ неизмѣримаго честолюбія и также была объята вѣрой въ безпредѣльную будущность. Всякій, кто послужилъ здѣсь у него, былъ преданъ ему душой и тѣломъ; съ этой стороны въ его безусловномъ распоряженіи состояло все, чего бы онъ ни потребовалъ. А Востокъ приковывалъ его такими же чарами, какъ императоровъ эпохи Крестовыхъ походовъ. Вотъ что слышалъ отъ него Бурьенъ (Мém II, 34): «Нужно отправляться на Востокъ: оттуда исходитъ всякая великая слава». Нѣмое поклоненіе генію, царствующее на Востокѣ, всегда влекло къ себѣ властительныя натуры.

Послѣ мира въ Кампо-Форміо, первымъ предложеніемъ со стороны Наполеона было представлять республику на Раштатскомъ конгрессѣ. Его поѣздка туда была триумфальнымъ шествіемъ. Однажды онъ сказалъ, что хочетъ доказать міру, что можетъ, подобно Цинциннату, послѣ побѣды обратиться въ добраго гражданина. Всѣ думали, что эти слова исполняются теперь. Но въ Раштатѣ было не его мѣсто: онъ привыкъ просто разсѣкать дипломатическіе узлы, а не трудиться надъ ихъ распутываньемъ. Ему скоро захотѣлось домой. Кое-какъ раздѣлавшись съ своими порученіями, онъ попросилъ назначить преемника и отправился въ Парижъ. Тутъ пріемъ ему былъ такой же, какъ въ Германіи и Швейцаріи. Директорія приготовила ему театральную встрѣчу, съ напыщенными рѣчами и братскими объятіями. Искреннѣе былъ энтузіазмъ публики: ей уже надоѣли презрѣнныя республиканскія власти, и она повсюду привѣтствовала счастливаго генерала съ громкимъ восторгомъ. Тутъ для него была весьма выгодна ловкость, съ которой онъ умѣлъ держать себя. Какъ-то предумышленно, съ изысканной жесткостью избѣгалъ онъ чествованій толпы, рѣдко являлся

при общественныхъ событіяхъ; казалось, старался скорѣе самъ оставаться въ тѣни, чѣмъ затмѣвать директорію. Онъ заставилъ послѣднюю формально принудить его явиться на торжество въ честь 21-го января; да и тутъ участвовалъ лишь какъ членъ института, что, конечно, не помѣшало народу отличить его въ массѣ, вовсе не обративъ вниманія на директорію. Вообще ему хотѣлось быть тутъ не генераломъ, а простымъ гражданиномъ: оттого-то онъ сносился всего болѣе съ учеными, съ Монсомъ, Лапласомъ, Прони, Лагранжемъ, рѣже съ генералами и еще меньше съ политиками. Это обхожденіе возвышало его популярность и славу, и онъ отлично понималъ, какъ это выгодно для его будущности. Но такъ не могло продолжаться много времени. Не по немъ было стоять подлѣ правительства, поддерживать которое не входило въ его планы. Ему требовались новыя колоссальныя предпріятія, которыя подчиняли бы ему генераловъ и войска, увлекали фантазію его націи, воспаляли ея энтузіазмъ. Когда въ то время его поздравили какъ-то съ необыкновенными почестями, онъ сказалъ: «Въ Парижѣ ничего не запоминаютъ. Если мнѣ надолго остаться здѣсь, ничего не дѣлая, я погибъ. Въ этомъ большомъ Вавилонѣ одна знаменитость быстро смѣняется другою. Если меня хоть раза три увидятъ на сценѣ, то ужъ больше не захотятъ смотрѣть».

Вѣроятно, директоріи уже становилось очень тяжело съ Бонапартомъ, если она такъ жадно схватилась теперь за его старую мысль о нападеніи на Англію. Высадка въ Англію была первымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ему теперь. Какъ вначалѣ думали объ этомъ предпріятіи, какъ потомъ рѣшились покинуть его,—это теперь только можно прослѣдить по документамъ, на основаніи переписки Наполеона *).

Уже съ сентября 1797 года въ гаваняхъ начались приготовленія; слышались приказы контр-адмиралу Брюейсу собирать корабли и войска у береговъ противъ Англіи; нѣсколько времени спустя, отчасти замышлялись, отчасти исполнялись дальнѣйшія вооруженія. Намѣревались воспользоваться для развѣдокъ отправкой нѣкоего Галлуа по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ. Бонапарту пришла фантазія послать съ нимъ Мармона, переодѣтаго секретаремъ; но тотъ рѣшительно отказался.

Въ февралѣ 1798 года Бонапартъ самъ отправился къ берегамъ лично

*) Первое публичное заявленіе о борьбѣ «за свободу морей» встрѣчается въ воззваніи къ матросамъ контр-адмирала Брюейса, которое издалъ Бонапартъ послѣ государственнаго переворота 18-го фруктидора, именно 16-го сентября 1797 г. Въ немъ онъ говоритъ: «Товарищи! Какъ только мы доставимъ миръ материку, тотчасъ соединимся съ вами, чтобы завоевать свободу морей. Каждый изъ насъ припомнитъ ужасный видъ испепеленнаго Тулона, нашего пылающаго арсенала, нашихъ 13-ти разбитыхъ военныхъ кораблей,—и наши усилія увѣнчаются побѣдой.» *Correspond. III, 406 sq. O.*

осмотрѣть гавани Брестъ, Шербургъ, Булонь. Ему было достаточно нѣсколькихъ дней, чтобъ убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи между цѣлью и средствами. Требовались еще огромныя приготовленія, а Наполеонъ ожидалъ тутъ отъ правительства не болѣе нуля: «Съ этимъ народомъ, говорилъ онъ на возвратномъ пути Мармону, ничего нельзя начать. Они не понимаютъ ничего великаго, и у нихъ нѣтъ силъ исполнить хоть что-нибудь. Намъ необходима флотилія для экспедиціи, а у Англичанъ ужъ теперь болѣе кораблей, чѣмъ у насъ. Самыя необходимыя для успѣха приготовленія превосходятъ наши силы. Намъ слѣдуетъ возвратиться къ нашимъ восточнымъ планамъ: вотъ гдѣ поприще, обещающее намъ великіе успѣхи» *).

Въ томъ же мѣсяцѣ, 23-го февраля, пишетъ онъ директоріи ноту (Corresp. III, 644 sqq.), въ которой излагаетъ причины, почему нужно отказаться отъ высадки въ Англію. «Какихъ бы усилій мы ни дѣлали, говорилось въ ней, а пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ мы будемъ превосходить Англію на морѣ. А для того, кто не владѣетъ моремъ, высадка въ Англію была бы самымъ дерзкимъ и труднымъ предпріятіемъ въ мірѣ.»

Далѣе доказывается цифрами, что, ни по своимъ кораблямъ и экипажу, ни по своимъ мастерскимъ, Франція не въ силахъ тотчасъ выступить противъ Англіи. Въ заключеніе сказано: «Такъ какъ поѣтому должно пока отказаться отъ всякаго прямого нападенія на Англію, то намъ необходимо удовольствоваться однимъ видомъ приготовленія къ такому походу и либо сосредоточить все наше вниманіе, всѣ наши средства на Рейнѣ, чтобъ отнять у Англіи Ганноверъ и Гамбургъ, либо предпринять походъ на Востокъ, чтобъ угрожать ея торговлѣ съ Индіей.»

5-го марта уже является точное опредѣленіе средствъ, необходимыхъ для завладѣнія Египтомъ и Мальтой (Corresp. IV, 1 sqq.). Не новая мысль. Уже въ XVII вѣкѣ, когда еще не было соперничества между Франціей и Англіей, Лейбницъ совѣтовалъ Лудовику XIV снарядить экспедицію въ эту часть Востока. И это было бы полезнѣе опустошенія Голландіи и прирейнскихъ земель.

Эта мысль теперь снова всплыла наверхъ. Успѣшная экспедиція въ Египетъ и Мальту лишала Англію двухъ важныхъ опорныхъ пунктовъ. Тогда уже было ясно, что Англія засматривается на Мальту. А завладѣвъ отсюда Средиземнымъ моремъ, собирались проникнуть черезъ Египетъ въ Индію. Подобныя соображенія тогда точно также, какъ впослѣдствіи, вовсе не казались Бонапарту отважными. Въ 1812 году онъ говорилъ: «Что такое Москва? Станція по дорогѣ въ Индію».

Еслибы впереди были цѣлые годы затишья, еслибы въ Германіи, Швей-

*) Marmont: Mémoires, I, 347.

царіи и Италіи все оставалось неприкосновеннымъ, еслибы жили въ мирѣ съ Россіей и Австріей; еслибы, наконецъ, нечего было опасаться европейской коалиціи, въ такомъ случаѣ за египетское предпріятіе говорило многое. Оно было не только широко задумано, но и подготовлено сообразно съ цѣлью. Но въ виду было не то. Впереди мелькала новая великая война; Европа опять вооружалась противъ Франціи; а на симпатіи «освобожденныхъ» народовъ уже нельзя было рассчитывать. При такихъ обстоятельствахъ не слѣдовало пускаться въ столь широкое и опасное предпріятіе. Ходъ новой войны, совершенно несчастливой вплоть до сентября, при чемъ потеряли Италію и ничего не добыли въ Германіи, оправдалъ потомъ самыя мрачныя опасенія. Прибавьте признанное самимъ Бонапартомъ ничтожество Франціи на морѣ, съ которымъ пришлось считаться даже при перевозѣ войскъ черезъ Средиземное море, не говоря уже про высадку въ Англію. Если же, при всемъ томъ, директорія, не мѣшкая, согласилась на планъ Бонапарта, то это доказываетъ только, какъ тягостна была правленію адвокатовъ близость полководца, который затмѣвалъ своимъ блескомъ всѣ власти республики. Ясно, что выгоды предпріятія, если только оно удастся, касались исключительно одного его автора. Тому требовалась для его будущей власти слава, которая отуманила бы весь міръ; требовалось войско, которое восторженно привязалось бы къ нему въ силу новыхъ побѣдъ: интересы Франціи, конечно, должны были тутъ отойти на задній планъ. Да еслибы предпріятіе и не удалось, то оно, уже по величію своего замысла, вѣроятно, оставило бы довольно славныхъ воспоминаній, которыя создали бы Бонапарту слѣпо преданную армаду, готовую идти съ нимъ въ огонь и въ воду. И дѣйствительно, здѣсь подготовилась та школа Наполеоновскихъ солдатъ, которая разнесла потомъ по всему міру славу его имени. Среди офицеровъ, взятыхъ имъ съ собой, находилась вся блестящая плеяда его позднѣйшихъ маршаловъ. Тутъ были: Бертье, Дезе, Клеберъ, Богарне, Бертранъ, Бессьеръ, Каффарелли, Даву, Дюрокъ, Фріанъ, Жюно, Ланъ, Лазаль, Лавалетъ, Мармонъ, Моранъ, Мюратъ, Рапъ, Рейнье, Савари, Сулковскій.

Бонапартъ въ Египтѣ (1798 и 1799 годы).

Съ марта (1798 г.) шли приготовленія къ предпріятію съ гигантской дѣятельностью и въ глубочайшей тайнѣ. Даже военный министръ, Шереръ, не зналъ, куда предназначаются войска; а въ публикѣ думали, что это экспедиція не то въ Ирландію, не то въ Португалію. Только морской министръ, безъ котораго нельзя было обойтись, былъ посвященъ въ тайну.

И дѣйствительно, отъ самаго строгаго скрытничанья зависѣла возможность одного начала дѣла: имѣй Англичане хотя малѣйшее предчувствіе о немъ, и оно погибло бы еще до своего появленія на свѣтъ.

Мартъ, апрѣль, май прошли въ самыхъ обширныхъ приготовленіяхъ. Все, что только могла выдумать изобрѣтательная голова, отъ большихъ запасовъ кораблей, людей, матеріала, до послѣднихъ мелочей, было устроено съ дивнымъ искусствомъ и заботливостью. Характеристиченъ для Наполеона составъ полевой библіотеки, которую онъ бралъ съ собой. Кромѣ собственно военныхъ сочиненій, тутъ встрѣчаемъ: 1) по исторіи, Плутарха, Тюрена, Конде, Вильяра, Вольтера (Карль XII, Петръ Великій и Опытъ), Поливія, Юстина, Арріана, Тацита, Ливія, Фукидида, Денину, Верто и Фридриха II; 2) изъ поэтовъ на первомъ планѣ Оссіанъ, Тассо. Аріостъ, Гомеръ, Вергилій; 3) между романами упоминаются Элоиза и Вертеръ; 4) политика составлена всего страннѣе: тутъ Библія, Коранъ, Веды, мѣоологія и Монтескье.

Какъ ни удачно произошла отправка изъ Тулона (19-го мая), переѣздъ въ Мальту и Египетъ совершился лишь благодаря цѣлому ряду удивительно счастливыхъ случаевъ. Часто успѣхъ странствія до того зависѣлъ отъ какого нибудь пустяка, что и у Бонапарта, и у его спутниковъ укоренилась вѣра, будто ими руководить особенная звѣзда. Постоянно угрожаемые со стороны сновавшихъ повсюду Англичанъ, которыхъ могло привлечь ничтожное извѣстіе, малѣйшее подозрѣніе, прибыли, наконецъ, въ Мальту.

Орденъ Іоаннитовъ находился здѣсь въ такомъ же упадкѣ, какъ и въ старыхъ европейскихъ государствахъ. Нѣкогда столь гордое рыцарство стало богадѣльней для сынковъ высокаго дворянства. вмѣсто того, чтобы отражать Варварійцевъ, оно стерегло въ гавани пару разваливающихся галеръ; вмѣсто стараго военнаго призванія, оно служило роскоши и наслажденію. Оно погибло безъ чести, точно также, какъ Венеціанская республика и столько старыхъ монархій.

На послѣднемъ пути, передъ египетскимъ берегомъ, Французы завидѣли британскую эскадру. Очевидцы увѣряютъ, что въ это мгновеніе у всѣхъ было одно ощущеніе: «Если насъ откроютъ, мы погибли». Но Англичане не замѣтили ихъ. Живо подошли къ Абукиру и высадились, прежде чѣмъ Нельсонъ могъ подумать объ этомъ.

Но, конечно, это была мимолетная отсрочка. Долго не могло быть тайной, что тутъ присталъ, если не большой флотъ, то значительный запасъ перевозочныхъ судовъ; дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, Нельсонъ получилъ точныя извѣстія о случившемся. Онъ поспѣшно двинулся впередъ. 1-го августа произошла короткая битва, въ которой почти весь французскій военный и перевозочный флотъ былъ отчасти уничтоженъ, отчасти плѣненъ Англичанами.

Такимъ образомъ, французскому войску былъ отрѣзанъ путь къ возврату; флота уже не существовало, а по берегамъ сторожили Англичане. На первомъ шагу уже была рѣшена судьба экспедиціи. Съ 30,000-нымъ войскомъ, у котораго отрѣзаны всѣ связи съ отечествомъ, ничего не завоеуешь. Замѣчательно, что это событіе произвело на Бонапарта видимо потрясающее впечатлѣніе. Оно постигло его точно «зловѣщее предсказаніе» (*comme un dit désastre*).

Бедуинскіе наѣзники, египетская милиція были живо разбиты. Эти побѣды были расписаны толпѣ, какъ великіе военные подвиги; но онѣ ничего не рѣшили.

Завладѣть Нижнимъ Египтомъ не значило еще обладать всей страной. Среди пустынь Верхняго Египта, среди необозримыхъ песчаныхъ степей, гдѣ лишь туземцамъ былъ извѣстенъ одинъ-другой оазисъ, не было мѣста европейскому войску. Даже доблестный Дезе ничего не могъ тутъ сдѣлать, кромѣ отстраненія поражений. Пошатнулась вѣра въ громадныя сокровища, въ пышное богатство природы и земли, коего недостойны эти дикари, по мнѣнію Тьера. Солдатъ подвергался всевозможнымъ мученіямъ. Походы по этому песчаному морю, тысячи лишеній, которыхъ не могъ вынести европейскій солдатъ,—все дѣйствовало убійственно. Въ войскахъ развивалось недовольство, а вожди служили ему выраженіемъ. Клеберъ и другіе генералы громко говорили, что храброе войско приносится въ жертву искателю приключеній.

И французская цивилизація не находила тутъ почвы для себя. Было время, правленіе мамелюковъ привилось здѣсь тысячью корней, какъ ни было оно бессмысленно по европейскимъ понятіямъ. Если съ человѣкомъ обращались, какъ съ звѣремъ, если его жизнь въ грошъ не цѣнилась, то здѣсь и не мечтали ни о чемъ другомъ: ужъ такая-де судьба, такъ предписано Промысломъ! Иное дѣло французское устройство съ его докучливой суетливостью, съ этимъ насильственнымъ вмѣшательствомъ чиновниковъ и солдатъ во все и вся, съ этими налогами и сотнями распоряжковъ. Все это приданое французской цивилизаціи было несравнено тягостнѣе восточному человѣку, чѣмъ его старинная деспотія. А тутъ еще оскорбили множество священныхъ обычаевъ: убѣжденные въ своемъ недосыгаемомъ превосходствѣ, Французы, не щадя ничего, всюду налагали свою печать. И вотъ, вскорѣ они стали повсюду наталкиваться на враждебное чувство. Напрасно Бонапартъ заявлялъ собранію шейховъ, что считаетъ исламъ весьма возвышенной религіей. Ничто не помогало. Въ Каирѣ вспыхнулъ страшный мятежъ фанатиковъ мусульманъ. Бонапартъ былъ въ отчаянномъ положеніи: у береговъ Англичане, Дезе прикованъ въ Верхнемъ Египтѣ, а въ Нижнемъ возстаніе мусульманъ.

Наполеонъ приказалъ «обстрѣлять улицы картечью», и мятежъ былъ подавленъ (21 окт. 1798 г.).

Между тѣмъ Турція объявила ему войну и, при помощи англійской эскадры, заняла Сирію. Бонапартъ бросился въ Палестину въ февралѣ 1799 года. Онъ разогналъ Турокъ, взялъ Газу и Яффу, перебилъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ,—«единственная въ его жизни жестокость», какъ выражается Тьеръ,—и двинулся противъ С. Жанъ д'Акра. Попытался штурмовать его, также какъ и Яффу (съ 20-го марта). Не удалось. Послѣ многихъ неудачныхъ приступовъ, Наполеонъ увидѣлъ, что подъ стѣнами этой крѣпости ему ничего болѣе не остается, какъ только изойти кровью.

Нужно было отступить, какъ ни тяжело это ему было. «Еслибъ не С. Жанъ д'Акръ, говаривалъ онъ впослѣдствіи, быть бы мнѣ восточнымъ императоромъ».

20-го мая снялъ онъ осаду. Почва колебалась у него подъ ногами. Пришли извращенныя извѣстія изъ Европы: изъ нихъ можно было узнать только одно—что онъ тамъ болѣе нуженъ, чѣмъ на Востокъ.

Эскадрой, которой требовалось избѣгнуть Наполеону, командовалъ одинъ англійскій чудакъ, по имени Сидней Смитъ, который колебался между ненавистью и восторгомъ къ Бонапарту и вовсе не скрывалъ послѣдняго чувства. Изъ депешъ Нельсона (III, 296, 451) видно, какъ точно Британцы рассчитывали отрѣзать войско съ его вождемъ. Сидней Смитъ получилъ прямой приказъ ни единаго человѣка не пропускать изъ Египта, и Нельсонъ предавался самымъ твердымъ надеждамъ. «Бонапартъ, пишетъ онъ, напримѣръ, бросилъ всю свою артиллерію и своихъ больныхъ. Бродяга (Vagabund) опять пустился въ Каиръ, гдѣ—ужь это совершенно вѣрно—покончить ему свое поприще. Всякое сообщеніе между берегомъ и Каиромъ отрѣзано, такъ какъ Дамьетта, Розетта и Абукиръ взяты Турками. Александрія въ осадѣ и скоро падетъ. Adieu, m-r Bonaparte»!

Дѣйствительно, возвращеніе представлялось Бонапарту въ отчаянной перспективѣ. Позади его надвигаются тучи Турокъ, впереди часть пустыни, а тутъ дурное время года, и ничего не припасено для продовольствія и поддержки солдатъ. До чего все было безотрадно вокругъ него, видно уже изъ того, какъ онъ освободился въ Яффѣ отъ своихъ неизцѣлимыхъ чумныхъ. Онъ живо спровадилъ ихъ помощью опиума, и Мармонтъ замѣчаетъ, что въ его положеніи «такого способа требовали разумъ и человѣколюбіе». Если говорятъ, что Наполеонъ самъ виноватъ въ гибели своихъ войскъ, то это неосновательный упрекъ. Нѣтъ, онъ дѣлилъ съ ними нужду, самъ шелъ пѣшкомъ на ряду съ кучкой своихъ уже разлагающихся отрядовъ, и его собственныя лошади служили пищей больнымъ.

Такъ возвратился онъ въ Египетъ въ ту самую минуту, когда къ Абукиру причалила сильная турецкая армія, съ цѣлью приготовить ему здѣсь кончину. Бонапартъ внезапно рѣшился могучимъ ударомъ освободить свои войска отъ опасеній со стороны Турокъ, затѣмъ передать начальство Кле-

беру и въ глубокой тайнѣ переплыть во Францію на парѣ судовъ. А тамъ только-что освободилась корона: она больше значила, чѣмъ борьба съ ма-мелюками и янычарами.

ГЛАВА XXIV.

Коалиціонная война въ Европѣ 1798—1799 годовъ *). Взрывъ въ Неаполѣ и въ Швейцаріи.

Еще до отправленія Бонапарта въ Египетъ новѣйшая, и притомъ самая сильная, коалиціонная война съ республикой была уже рѣшеннымъ дѣломъ.

Въ Россіи, по смерти Екатерины II, царствовалъ Павелъ I, государь совершенно непонятнаго характера. У него никогда нельзя было уловить, гдѣ кончается соображеніе. Но онъ отъ всей души рѣшился вмѣшаться въ войну съ Франціей дѣятельно, не какъ его предшественница, которая старалась подстрекать и раздувать огонь, не жертвуя ни однимъ рублемъ, ни однимъ солдатомъ. Во все время долгихъ войнъ съ революціей Павелъ одинъ только вступилъ въ борьбу за дѣло династій съ искреннимъ одушевленіемъ, безкорыстно, совершенно въ разрѣзъ съ преданіями русской политики. Это было главной причиной его смерти впоследствии.

Онъ считалъ себя орудіемъ Промысла, созданнымъ для того, чтобы возстановить старую Францію и старую Европу, возвратитъ Бурбоновъ на ихъ прародительскій тронъ и воздать папѣ его права. Между тѣмъ какъ великія державы, Франція и Австрія, грабили папу, за него всталъ еретическій императоръ. Не доставало только, чтобы къ союзу присоединились еще невѣрные! Но и это случилось: пристала и Турція.

Россія сдѣлала огромныя приготовленія и выставила первостепеннаго полководца, Суворова. Тотчасъ же стало замѣтно, что хоть съ одной стороны за войну взялись горячо и рѣшительно. Изъ всѣхъ коалиціонныхъ войнъ въ одной только этой старая политика вышла побѣдительно-

*) Häusser: Deutsche Geschichte, II.—Geschichte der Kriege seit 1792, Bd. V.—Mathieu Dumas: Précis des événem. milit. Paris. 1817, I, и II.—Gouvion S. Cyr: Mémoires.—Oesterr. milit. Zeitschrift. 1812, 1822.—Correspondenz des Fürsten Suworoff—Rimniksky über die Campagne im J. 1799. Aus dem Russ. übers. von einem preuss. Offizier. Glogau u. Leipzig. 1833, 2 Thle.—Miliutin: Geschichte des Kriegs im Jahre 1799, übers. von Schmid. 3 Bde. 1857 sq.—Von Clausewitz: Der Feldzug von 1799 in Italien und der Schweiz. Berl. 1833 sqq. 2 Thle.—(Erzherzog Karl) Gesch. des Feldzugs von 1799 in Deutschland und in der Schweiz. Wien. 1819, 2 Bde.

цей на полѣ брани, такъ что теперь снова можно было говорить о вторженіи во Францію. Но и теперь, именно только благодаря этой политикѣ, погибли плоды побѣдъ.

Переговоры между союзниками закончились въ лѣтніе мѣсяцы 1798 года. Пока русскія войска ставились на походную ногу, Англія путемъ переговоровъ и обѣщаній помощи неутомимо работала надъ созданіемъ новаго союза въ огромныхъ размѣрахъ. На морѣ она съ Абукирской битвы уже пользовалась своимъ полнымъ, неоспоримымъ перевѣсомъ. Но она не могла ожидать прочнаго мира, пока на материкѣ не побѣдятъ Бонапарта; а до тѣхъ поръ нечего было и думать о процвѣтаніи торговли. Не изъ празднаго фантазерства, но въ силу своихъ хорошо понятыхъ интересовъ, жертвовало это великое торговое государство сотнями милліоновъ вплоть до 1815 года, чтобы только низвергнуть Францію.

Новая коалиція была уже рѣшеннымъ дѣломъ, когда Бонапартъ поплылъ въ Египетъ. А когда онъ возвратился туда изъ Сиріи, она уже завоевала свои первые успѣхи: Италія была уже потеряна для республики, а французская сѣверная армія отброшена къ Рейну.

О самой величественной войнѣ изъ всѣхъ, которыя велись противъ республики, нельзя судить по шутовскому началу, случившемуся въ Неаполѣ зимой 1798—1799 годовъ.

Никто не ожидалъ взрыва всеобщей войны именно въ Неаполѣ, послѣднемъ монархическомъ государствѣ на полуостровѣ, котораго еще не одолѣла пропаганда. Смертельный страхъ передъ захватами революціи, уже стоявшей у границъ, страстная ненависть королевы Каролины, бывшей совершенно въ рукахъ у Англичанъ, неистовая суетня посредственныхъ интригановъ, владѣвшихъ дворомъ, трудность содержать вновь образованное войско, — все это содѣйствовало появленію комедіи зимой 1798 года, которую нельзя было назвать войной. Полководцемъ быстро составленнаго неаполитанскаго войска сдѣлали австрійскаго генерала Мака, неистощимаго на планы и прожекты, но вѣчно терявшаго голову въ рѣшительную минуту. У Неаполитанцевъ уже цѣлые вѣка не было ни войска, ни полководцевъ. Теперь ихъ организовали на австрійскій манеръ; ихъ истинно по-австрійски упражняли, вертѣли, муштровали, сѣкли; но изъ этого еще не создавалось войска. Поднялся Макъ, намѣреваясь внезапнымъ нападеніемъ разбить отдѣльные, плохо-расположенные французскіе отряды. Счастливо добрался онъ до Рима (29-го ноября 1798 г.), и король получилъ возможность издать знаменитую прокламацію, въ которой онъ съ Капитолійской скалы призывалъ народы къ свободѣ. Но скоро насталъ конецъ всей этой вознѣ. Шампіоне быстро стянулъ Французовъ въ одно мѣсто, съ котораго они всей массой могли напасть въ открытомъ полѣ на недисциплинованныя толпы Неаполитанцевъ. Вскорѣ по вступленіи въ Римъ, дѣло дошло до ряда сраженій. Неаполитанцы были не побиты, а разо-

гнаны. Тщетны были все попытки Мака остановить бѣгство. Въ Неаполѣ возстали противъ двора вооруженные лаццарони, и въ самомъ войскѣ вспыхнулъ мятежъ. И генералъ, долженствовавшій создать героя изъ такого воинства, поскакалъ въ отчаянны въ непріятельскій лагерь, чтобы спасти свою драгоценную жизнь отъ собственныхъ солдатъ.

Теперь изъ Неаполя, лишеннаго правителя, образовалась республика, такъ-называемая Пареннопейская (въ январѣ 1799 г.). Этому содѣйствовали лучшіе умы въ странѣ; но послѣдовавшій затѣмъ оборотъ дѣлъ доказалъ, что тутъ было жизненнаго. Французы владѣли теперь всею полуостровомъ до Сицилійскаго пролива. Конечно, все блага ихъ управленія давали себя чувствовать здѣсь точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ; но какъ бы это ни было дурно, ужъ хуже туземнаго правительства не могло быть.

Однако эти событія были лишь прелюдіей къ великой войнѣ. За водевилемъ послѣдовала серьезная трагедія.

У Франціи не было столько войска, чтобы ей, тотчасъ же, съ равной силой выступить противъ большой коалиціи. Австрія была хорошо вооружена; Россія выслала свои лучшія войска, съ лучшимъ полководцемъ во главѣ. Вовсе не казалась слишкомъ смѣлой мысль, придерживаясь на Рейнѣ одной обороны, завоевать Италію и Швейцарію и такимъ образомъ проникнуть во Францію.

Первый актъ войны разыгрывается съ 4-го марта, въ восточной части Швейцаріи, на границѣ Граубиндена, гдѣ, вообще, не видывали войны. Первые битвы послѣдовали у источниковъ Рейна, за Луциенштейномъ, въ долинахъ Ингодино, у начала *Via mala*. Съ обѣихъ сторонъ во главѣ стояли значительныя лица. У Французовъ встрѣчаемъ Массену, Лекурба и Дессоля, — оба послѣдніе специалисты въ горной войнѣ. У Швейцарцевъ былъ Готце, отличный солдатъ, душой и тѣломъ преданный интересамъ стараго Швейцарскаго Союза и соединявшій вокругъ себя всехъ изгнанныхъ патриціевъ, потерпѣвшихъ при основаніи Гельветской республики.

Первые сраженія были благопріятны для Французовъ; но имъ не удалось овладѣть господствующей позиціей у Фельдкирха. Оттого-то Австрійцамъ было возможно вытѣснить ихъ потомъ изъ ихъ остальныхъ позицій.

Война въ Германіи и Италиі. Умерщвленіе посланниковъ въ Раштатѣ.

Тѣмъ временемъ начинается война и въ Германіи и Италиі.

Въ Германіи Австрійцы были сильнѣе и по числу войскъ, и по достоинству вождей. Поэтому для Французовъ было всего естественнѣе, на

первый разъ, придерживать обороны на Рейнѣ, какъ и намѣревался Журданъ. Но директорія толкала его впередъ, къ тому же влекло его и наступательное движеніе Массены. И вотъ, онъ переходитъ Рейнъ, проникаетъ въ верхнюю Швабію и 21-го марта проигрываетъ у Остераха сраженіе, а 25-го у Штокаха большую битву, которая, хотя ею и не воспользовался эрцгерцогъ Карлъ, повела къ отступленію Французовъ на лѣвый берегъ Рейна. У Журдана отняли предводительство: вскорѣ затѣмъ Массена получилъ начальство надъ всѣми войсками на Рейнѣ и въ Швейцаріи.

Въ Италіи австрійскимъ генераломъ былъ назначенъ Меласъ. Но настоящій корпусъ долженъ былъ образоваться лишь съ приходомъ первой русской арміи съ Суворовымъ, который и долженъ былъ получить главное начальство надъ соединенной русско-австрійской арміей. До прибытія обоихъ полководцевъ, 80,000-ми Австрійцевъ командовалъ Валахъ Край, могучій сынъ природы, который велъ войну не по неуклюжему способу вѣнскаго гофкригсрата, а съ свѣжей, бойкой жадой предпріятій. Онъ тотчасъ же понялъ слабыя стороны Французовъ, которыми начальствовали незначительный Шереръ, быстро напалъ на нихъ и, послѣ многихъ нерѣшительныхъ сраженій, 5-го апрѣля разбилъ ихъ на-голову при Маньяно. Тутъ только явился Меласъ съ правильной медленностью, а нѣсколько дней спустя и Суворовъ съ 17,000 Русскихъ. Послѣдній принялъ главное начальство и немедленно взялся за сильное нападеніе. Вскорѣ уже дрались у переходовъ черезъ Адду; 25—27 апрѣля Французы были отброшены у Кассано, а 22-го Суворовъ былъ уже въ Миланѣ.

Въ мартѣ начался походъ, въ апрѣлѣ продолжался, и въ нѣсколько недѣль южная Германія была уже свободна, а верхняя Италія очищена отъ Французовъ, вплоть до Милана.

А французскіе посланники все еще засѣдали на конгрессѣ, въ Раштатѣ. Дѣйствительно, война еще не была объявлена формально; по виду, Нѣмецкая имперія все еще была въ мирѣ съ Франціей. Но, съ другой стороны, имперіи нельзя было представить себѣ безъ императора, безъ котораго ничего не дѣлалось, а съ императоромъ былъ уже явный разрывъ съ февраля мѣсяца. Французы настойчивымъ тономъ требовали удовлетворенія за вступленіе Русскихъ (2-го января). Австрія отказала (13-го февраля). 1-марта Журданъ перешелъ Рейнъ, а 13-го Австрія отозвала своихъ посланниковъ и затѣмъ объявила, что Раштатъ уже не находится подъ защитой международнаго права. Довольно ясно. А между тѣмъ, изъ Франціи все еще не приходило объявленія войны: тамъ именно хотѣли извлечь выгоду, какъ изъ войны, такъ и изъ мира. Въ то время, какъ Французы уже перешли верхній Рейнъ, а австрійскіе форпосты уже достигали до вѣротъ Раштата, тутъ все еще переговаривались о мирѣ. Вслѣдствіе раздробленности Нѣмецкой имперіи, большая часть ея пословъ не двинулась съ

мѣста: каждому изъ нихъ хотѣлось попытать, не удастся ли какъ-нибудь устроить ширмы вокругъ своей области. Французы же замѣшались съ цѣлью подстроить еще нѣсколько отдѣльныхъ союзовъ въ южной Германіи. Между тѣмъ, эрцгерцогъ опять уже проникъ до верхняго Рейна. Австрійскія войска стояли у самаго Раштата. Еслибъ они сдѣлали натискъ, заняли городъ и разогнали штыками пословъ, то это было бы въ порядкѣ вещей.

При такомъ оборотѣ дѣлъ, французскимъ посланникамъ стало жутко. Они рѣшились уѣхать и потребовали открытаго листа (28-го апрѣля). Отказъ. Только одинъ офицеръ объявилъ имъ устно, что они могутъ безопасно уѣхать въ теченіи 24 часовъ. Тогда они пустились въ путь. Но ворота заперты. Прошло часа два, пока не объяснилось мнимое недоразумѣніе и не отворили ворота.

Между тѣмъ, насталъ вечеръ и возникло подозрѣніе, что умышенно задерживали отъѣздъ до начала ночи. Лишь въ 10 часовъ выѣхали посланники изъ города. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ воротъ на карету нападаютъ Секлеровы гусары, велятъ вылѣзти тремъ посланникамъ: Жану Дебри, Бонье и Робержо, кладутъ ихъ на мѣстѣ сабельными ударами и грабятъ багажъ путниковъ. Вскорѣ въ Раштатѣ узнали объ убійствѣ, и остальные посланники бросились вонъ: одинъ изъ трехъ, подвергшихся нападенію. Жанъ Дебри, спасся тяжело раненый, а оба остальные были убиты. О дѣлѣ былъ составленъ самый точный протоколъ. Не было подвержено сомнѣнію, что императорскіе гусары совершили убійство и что императорскіе офицеры обходились съ посланниками въ городѣ крайне подозрительнымъ образомъ. Но, сверхъ того, тутъ вскрылась и болѣе отдаленная причина нападенія, направленного собственно противъ особъ посланниковъ. Дѣло въ томъ, что убійцы остались ненаказанными, а императорскіе офицеры (Барбацци и Буркардъ) сохранили свои мѣста и почести послѣ слѣдствія, устроеннаго лишь для виду. Можно было не сходиться въ мнѣніяхъ только касательно цѣли, которую имѣлъ въ виду истинный виновникъ дѣла. Но и ее выдавало то обстоятельство, что при грабежѣ главнымъ образомъ искали бумагъ и документовъ. Тутъ или хотѣли овладѣть доказательствами переговоровъ съ Франціей нѣмецкихъ князей, на примѣръ курфирста Баварскаго, чтобы возбудить противъ нихъ гнѣвъ императора Павла и получить предлогъ къ ихъ наказанію; или же надѣялись уничтожить документы о тѣхъ тайныхъ переговорахъ, въ силу которыхъ Австрія была готова идти заодно съ Франціей, если ей удѣлятъ Баварію и нѣсколько кусковъ Италіи *). Лишь въ одномъ всѣ были согласны, что такую штуку могли сдѣлать только Тугутъ и его другъ Лербахъ. Такая историческая слава—также фактъ своего рода.

*) Häusser. Deutsche Geschichte, II, 143—146.

Успѣхи союзниковъ. Подвиги Суворова въ Италіи и вѣнскія козни.

Такъ окончился Раштатскій конгрессъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣдовалъ новый рѣшительный оборотъ дѣлъ въ Италіи.

Добывъ себѣ свободу въ южной Германіи, эрцгерцогъ Карлъ могъ небольшимъ войскомъ занять рейнскую границу, а съ главнымъ корпусомъ обратиться въ Швейцарію. Здѣсь прежде всего требовалось, соединившись съ Готце, который одинъ былъ слабъ для этого, выбить Французовъ и начать реставрацію. Этого результата достигли въ концѣ мая и началѣ іюля. Австрійцы проникли внутрь Швейцаріи, эрцгерцогъ соединился съ ними и, такимъ образомъ, въ концѣ мая подъ Цюрихомъ стояло 60,000 человѣкъ противъ какихъ-нибудь 40,000 Французовъ. Послѣдними управляли превосходно: ими командовалъ Массена, соперникъ Бонапарта. 4-го іюня эрцгерцогъ началъ штурмовать высоты, на которыхъ окопался Массена. Напали 35,000 человѣкъ пятью колоннами. Ни одна прямо не достигла цѣли; но, цѣлымъ рядомъ кровавыхъ сраженій, сама по себѣ сильная позиція непріятеля была до того поколеблена, что Массена отступилъ безъ битвы въ ту самую ночь, когда эрцгерцогъ намѣревался сдѣлать еще одно рѣшительное нападеніе (5—6 іюня). У него оставалась часть западной Швейцаріи; восточная же находилась въ рукахъ Австрійцевъ, которые тотчасъ же приступили къ своего рода возстановленію стараго порядка вещей.

Гораздо важнѣе были успѣхи союзниковъ, одинъ за другимъ слѣдовавшіе въ Италіи.

Суворовъ проникъ изъ Милана въ Туринъ. Цизальпинская республика еще до этого была, какъ солома, развѣяна по вѣтру, и на всемъ западѣ Верхней Италіи у Французовъ оставалось лишь нѣсколько цитаделей и укрѣпленій, а на востокъ, до самой Мантуи, у нихъ не было ни пяди земли. Крайне стѣсненный, Моро собралъ свои войска въ той самой генуезской Риверѣ, откуда въ 1796 году двинулся Бонапартъ на свой побѣдоносный путь. Его единственной помощью былъ Макдональдъ, подходившій изъ Неаполя. Еслибы послѣднему удалось освободить Мантую въ тылу Суворова и тѣмъ поставить союзниковъ между двухъ армій, тогда вся война приняла бы другой оборотъ. И это было весьма вѣроятно, дѣйствуй здѣсь лишь одна старая, неповоротливая система войны. Но Суворовъ, съ его быстротой, съ его орлинымъ взоромъ, разрушилъ смѣлый планъ. Между тѣмъ какъ Французы воображали, что приковали его къ осадѣ послѣднихъ укрѣпленій, онъ уже явился передъ ними (8 іюля), спѣша настигнуть ихъ до переправы черезъ По. Онъ напалъ на нихъ не-

далеко отъ Пьяченцы, тамъ, гдѣ, нѣкогда Ганнибалъ выдержалъ первыя битвы съ Римлянами. Войска столкнулись (17 іюля) въ руслѣ Требіи, которая тогда такъ высоко вздымалась, а теперь представляетъ видъ узенькаго ручья. Три дня бились здѣсь среди страшнаго кровопролитія, почти съ равными силами и равными вождями. То была одна изъ самыхъ рѣдкихъ, отчаянныхъ битвъ. На третій день Макдональдъ долженъ былъ отступить: онъ потерялъ болѣе трети солдатъ. 20 іюля пала Мантуа.

Теперь Франція схватилась за огромныя вооруженія, чтобы вознаградить колоссальный ущербъ за послѣдніе мѣсяцы. Принудительный заемъ въ 100 милліоновъ долженъ былъ обезпечить денежныя средства; впервые введенная конскрипція должна была довести армію до полумилліона воиновъ; а назначеніемъ лучшихъ полководцевъ надѣялись приковать побѣду къ знаменамъ Франціи. Во главѣ альпійской арміи сталъ Шампіоне, итальянской—Жуберъ. Послѣдній уже въ половинѣ августа былъ на пути къ Тортонѣ съ 40,000 человѣкъ. Съ высотъ у Нови увидѣлъ онъ Австрійцевъ въ долинѣ. На зарѣ 15-го августа напалъ Край. Въ первый же горячій стычкѣ пуля свалила Жубера; Моро занялъ его мѣсто и повелъ оборону противъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ натисковъ Австрійцевъ. Оба войска бились до полудня съ величайшей стойкостью; но силы у нихъ постепенно истощались, а рѣшенія не наставало. Побѣда колебалась между почти равносильными массами, когда изъ Нови явился Меласъ съ 14,000 свѣжихъ войскъ и ударилъ въ правое крыло Французовъ. Его натискъ рѣшилъ дѣло. Послѣдній ужасный бой окончился полнымъ пораженіемъ и похожимъ на бѣгство отступленіемъ Французовъ.

Эта битва рѣшила итальянскую войну. Еслибы Русскіе и Австрійцы оставались въ соединеніи, они могли бы не только отнять у Французовъ ихъ послѣднюю позицію, но, вѣроятно, и уничтожить быстрымъ преслѣдованіемъ послѣдки французской арміи. Тогда рушились бы всѣ военныя приготовленія врага, которыя не такъ легко было вознаградить, какъ случилось впослѣдствіи.

Но союзники съ самаго начала раздорили между собой, а теперь еще больше, чѣмъ когда-либо. Суворовъ былъ грубый, высокомерный Русакъ, который совершенно забывалъ, что онъ частью, и притомъ большею, командуетъ Австрійцами; къ тому же его постоянно возмущали бессмысленныя наставленія вѣнскаго гофкригсрата. Отсюда проистекали почти ежедневныя ссоры. Впрочемъ все это пустяки, съ которыми можно было справиться. Настоящая бѣда лежала глубже. Она коренилась въ старыхъ Тугутовскихъ козняхъ, въ злополучной приверженности къ безсовѣстному торгашеству землями, что напоминало животное въ баснѣ, которое съ кускомъ во рту старалось еще поймать тѣнь. Русскіе вели дѣйствительно реставраціонную войну и посвоему честно. Тугутовская же политика была насквозь безчестна: она проповѣдовала возстановленіе трона и алта-

ря, а сама только о томъ и думала, какъ бы при удобномъ случаѣ оторвать клочокъ отъ нихъ.

Не довольствовались тѣмъ, что Ломбардія была вновь завоевана. Хотѣлось побольше: нельзя ли пріобрѣсти всю Верхнюю Италію и Церковную Область? Возстанавливаетъ Суворовъ піемонтское правительство,—тотчасъ изъ Вѣны наставленіе: не мѣшайся въ дѣла, которыя тебя не касаются. Тотъ ссылается на желаніе короля, бѣжавшаго въ Сардинію, возвратиться въ свою землю: изъ Вѣны пишутъ, что король вовсе не имѣетъ этого желанія, а вслѣдъ затѣмъ отъ послѣдняго является письмо, утверждающее, что онъ во всякомъ случаѣ крайне желаетъ этого. Вздумалъ еще Суворовъ образовать сардинское народное войско, а въ Вѣнѣ не хотятъ: тутъ появятся де якобинскіе интересы.

Такимъ образомъ, союзники въ реставраціонной войнѣ препирались на каждомъ шагу, именно тамъ, гдѣ дѣло шло о дѣйствительной реставраціи, а съ августа между ними уже царствовалъ открытый раздоръ. Если императоръ Павелъ, какъ ни былъ онъ разгнѣванъ, еще не отозвалъ своего войска, то это объясняется только его гордостью, которую онъ полагалъ въ томъ, чтобы осуществить реставрацію, несмотря ни на какія жертвы и, въ случаѣ нужды, даже на собственный страхъ.

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, разродились новымъ планомъ. Вся обстановка военного зрѣлища измѣняется. Суворовъ, который вообще былъ неудобенъ въ Италіи, переводится въ Швейцарію на мѣсто эрцгерцога Карла; тамъ онъ долженъ соединиться со вторымъ русскимъ вспомогательнымъ войскомъ, которое приведетъ Корсаковъ, и оттуда вторгнуться во Францію.

Суворовъ на вершинѣ Альпъ. Плоды политики Тугута.

И не специалисту ясно, что это удивительная система войны — чисто «сообразности ради» передвинуть на сѣверъ войско, стоявшее къ югу отъ Альпъ, лишь «порядка ради» на цѣлыя недѣли убрать два войска съ театра войны и тѣмъ выдать ихъ непріятелю. Прибавьте, что переходъ черезъ Альпы въ сентябрѣ подвергалъ эти войска всѣмъ ужасамъ несчастья. Не побѣдило ни одно изъ этихъ соображеній, которыя сами собой приходятъ въ голову. Австрія грозила выступленіемъ изъ коалиціи, Англіи съ своей стороны хотѣлось держать Русскихъ подальше отъ Средиземнаго моря, а императора Павла прельщала честь одному возвратить короля Франціи. Суворовъ началъ переходъ въ убѣжденіи, что походъ проиграется прежде, чѣмъ онъ будетъ по ту сторону Альпъ. И дѣйствительно, прежде чѣмъ хоть одинъ Русскій переступилъ горы, эрцгерцогъ Карлъ уже очистилъ всю Швейцарію, съ тѣмъ, чтобы отойти къ нижнему Рейну.

25-го сентября Суворовъ пустился въ путь черезъ С. Готардъ. Онъ пренебрегъ легчайшими проходами чрезъ Бернардинъ и Шплюгенъ, такъ какъ только тѣмъ путемъ надѣялся успѣшно напасть на правое крыло непріятеля; къ тому же онъ очевидно низко цѣнилъ ужасныя трудности этого перехода. Путь велъ къ Фирвальдштетскому озеру, у котораго просто не было береговъ: черезъ него можно было переправиться въ лодкахъ и на перевозочныхъ судахъ. Еслибы Французамъ удалось овладѣть лишь перевозочными средствами на озерѣ, то соединеніе Суворова съ Корсаковымъ у Цюриха или Люцерна было бы невозможно. Сверхъ того, самое свойство крайне труднаго, тяжкаго похода давало Французамъ достаточно времени и удобствъ пресѣчь путь Русскимъ на самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, и Массена рѣшился воспользоваться этимъ.

Переходъ черезъ Альпы, совершенный Суворовымъ, и отступление, къ которому онъ былъ принужденъ потомъ, обезсмертило имя геніальнаго полководца. Съ военной точки зрѣнія, никакая побѣда на полѣ битвы не могла доставить ему бѣльшаго торжества; но въ результатѣ это все-таки было поражение, и иначе быть не могло.

Суворовъ подошелъ къ С. Готарду. Тогда еще не было военной дороги. Нужно было карабкаться на горы по тропинкамъ и способомъ, который употребляется какимъ-нибудь путешественникомъ, пастухомъ или охотникомъ. И такъ шли Русскіе, между тѣмъ какъ на вершинѣ уже стояли французскія войска. Суворовъ отбросилъ ихъ и пробился, да, пробился до сѣвернаго склона С. Готарда. Тутъ его встрѣтили непреодолимые препятствія. На узкомъ проходѣ у Урнеръ-Лоха и Чортова моста стоялъ Лекурбъ съ цѣлью задержать Русскихъ, а съ ничтожными силами можно было защитить отъ всякаго врага отвѣсную разщелину въ скалѣ, на днѣ которой съ ревомъ низвергался пѣнящійся Рейссъ. Переходъ былъ невозможенъ, еслибы только Лекурбъ сопротивлялся съ полной силой. Русскіе совершили чудеса. Подъ огнемъ непріятеля сползали они въ пропасть, кидались вплавъ черезъ Рейссъ, вскарабкивались на противоположную скалистую стѣну. Такимъ образомъ, мосты были обойдены, а Французы испугались, чтобы ихъ не отрѣзали, и покинули защиту. 26-го сентября продрался Суворовъ къ Фирвальдштетскому озеру. Но тутъ не нашлось ни одного судна, и ему ничего не оставалось больше, какъ предпринять новый, несказанно трудный походъ черезъ горы къ Муотской долинѣ, откуда онъ надѣялся достигнуть Швица и соединенія съ Корсаковымъ и Готце.

И это исполнила загнанная, истощенная всевозможными страданіями армія: конечно, она бросила орудія и потеряла много несчастныхъ, свалившихся въ пропасти и удрученныхъ лишеніями. Но тутъ-то стало несомнѣннымъ фактомъ то, что Суворовъ предвидѣлъ съ самаго начала и чему не хотѣлъ вѣрить лишь въ эти послѣдніе дни. Корсаковъ и Готце были разбиты (подъ Цюрихомъ 23—26 сентября), и тамъ, гдѣ онъ надѣялся встрѣ-

титъ союзниковъ, были Французы съ Массеной во главѣ. Стоитъ Суворовъ совершенно одинокій, лишенный связей съ своими. Назадъ двинуться нельзя, а передъ нимъ непріятельская армія, владѣющая узкими проходами и высотами, которыя можно было перейти лишь при огромномъ уронѣ и безустанной борьбѣ. И Суворовъ идетъ. Вотъ онъ уже перевалился черезъ Прагель, оттѣснилъ съ дороги Французовъ, прогналъ въ Швицъ Массену съ его 10,000-мъ корпусомъ и рѣшилъ достигнуть Граубинденской долины Рейна черезъ Зернфскую долину и Паникскій проходъ. Дорога шла по снѣжной и лдяной пустынѣ, которая до него никогда еще не видала войскъ. Его изнуреннымъ до полусмерти, голоднымъ и почти необутымъ солдатамъ приходилось, точно червякамъ, ползти по свѣжему снѣгу и по гладкимъ, какъ зеркало, ледянымъ башнямъ. Множество осталось на мѣстѣ или свалилось въ расщелины скалъ, погибъ остатокъ лошадей и артиллеріи. Между 8 и 10 октября прибылъ наконецъ Суворовъ, съ развалинами своей пѣхоты, въ долину верхняго Рейна. Онъ спасся изъ положенія, въ которомъ изъ ста генераловъ 99 сдались бы на капитуляцію; онъ совершилъ отступление, которое стоитъ одинокимъ фактомъ въ военной исторіи. Но походъ все-таки былъ проигранъ. Положимъ, не были еще растрчены всѣ итальянскія побѣды; но теперь болѣе уже нельзя было думать о томъ, къ чему стремились въ концѣ концовъ, о завладеніи всей Швейцаріей, съ цѣлью вторгнуться во Францію. Швейцарія, эта важная основа французской системы войны, осталась въ рукахъ Французовъ. А это въ политическомъ отношеніи было еще значительнѣе, чѣмъ въ военномъ. Собственно говоря, подъ Цюрихомъ былъ разрушенъ только планъ соединенія всѣхъ русскихъ силъ: Италія и Германія еще не были утрачены. Но коалиція развалилась. Недоставало только этой капли, чтобы переполнить чашу справедливаго негодованія Русскихъ. Суворовъ теперь былъ уже недоступенъ никакому помыслу о дальнѣйшемъ содѣйствіи: онъ ждалъ только приказа отступить, который и пришелъ вскорѣ.

Союзъ былъ разрушенъ: вотъ заслуга Тугутовской политики.

И вотъ, Бонапартъ очутился въ положеніи, которое и безъ его содѣйствія представлялось въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ годъ тому назадъ при немъ. Но пока сама-то Франція достигла лишь одного: крайне опасное нападеніе было отчасти отражено, отчасти само по себѣ провалилось. Но арміи были значительно деморализованы и терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Перадивое правительство всего сильнѣе дало почувствовать свою злобредность именно войскамъ. Но это было лишь свидѣтельствомъ его крайняго разложенія внутри государства. Директорія, которую уже въ 1797 году приходилось спасать государственнымъ переворотомъ, съ помощью арміи, жила изо дня въ день и еле-еле дышала. Казна была пуста, и чтобы наполнить ее, принуждены были прибѣгать къ старымъ ненавистнымъ средствамъ: снова появились насильственные займы, налоги на соль. Опять

возникла возня мелкихъ партій и парламентская оппозиція. Управление хромало, едва влачило свое существованіе: оно было распутно, вѣтряно во всѣхъ своихъ отрасляхъ, а всего болѣе, въ военномъ вѣдомствѣ. Послѣ такой страшной революціи и надежному, энергическому правительству пришлось бы бороться съ тяжелой работой: каково же было тому, у котораго не обрѣталось даже никакой воли *).

Возвращеніе Бонапарта. Приближеніе грозы.

Мы оставили Бонапарта въ ту минуту, какъ онъ возвратился изъ Сиріи и, встревоженный вѣстями изъ отечества, отчаяваясь въ успѣхѣ своей египетской экспедиціи, рѣшился на быстрый возвратъ во Францію. Сторожившіе берега Англичане были вполнѣ увѣрены, что онъ въ ихъ рукахъ, и забавлялись пересылкой къ нему всѣхъ извѣстій о пораженіи французскихъ армій въ Швейцаріи и Италіи. Конечно, этимъ же путемъ узналъ онъ и то, что на Абукирскомъ рейдѣ причалило турецкое войско и двинулось противъ него. То были 25 или 30 тысячъ Турокъ съ турецкимъ полководцемъ. Быстро поднялся Наполеонъ съ тѣмъ, что было у него подъ рукой, и разбилъ ихъ недалеко отъ Абукирскаго рейда, такъ что они, какъ можно поспѣшнѣе, бросились къ судамъ. Такимъ образомъ, онъ освободилъ своихъ солдатъ отъ опасеній со стороны Турокъ; но что будетъ съ ними дальше, если бы онъ покинулъ ихъ, это было по меньшей мѣрѣ крайне сомнительно. Но, вѣдь, онъ теперь уже не думалъ объ Остѣ-Индіи и Египтѣ: судьба Франціи и ея будущаго властелина была важнѣе арміи. И вотъ, онъ рѣшился пожертвовать послѣднею. Теперь ему необходимо было отправиться во Францію: настало время, когда охраняемое имъ правительство находилось на

*) Вотъ положеніе Франціи того времени, если судить по словамъ Тибодо, которыя приводитъ Матье Дюма (Camprange de 1799. II, 333): «Заслуга всюду преслѣдуется; честные люди всюду изгоняются изъ общественныхъ должностей; со всѣхъ сторонъ собираются разбойники въ свои адскія берлоги; злодѣи въ силѣ; восхвалители террора на національной трибунѣ; возстановляется грабежъ подъ именемъ принудительнаго займа; готовится убійство, и уже обречены на смерть тысячи жертвъ, подъ именемъ заложниковъ. Того и жди, что въ воззваніи объ «отечествѣ въ опасности»! послышится сигналъ къ грабежу, убійству, поджогамъ. Въ клубахъ тѣ же крики, тотъ же вой, что и въ 1793 году. Тѣ же палачи, тѣ же жертвы. Нѣтъ болѣе свободы, нѣтъ безопасности гражданамъ, нѣтъ финансовъ, нѣтъ кредита у государства. Почти вся Европа и даже Америка ожесточены противъ насъ Поражены войска, утрачена Италія», и т. д. Ср. съ бумагами, оставшимися отъ Токвиля: Oeuvres, I, 259—294 О.

краю гибели. Его братья и все посвященные въ его планы извѣщали его, что уже пора, что онъ долженъ быть тамъ.

И вотъ, Наполеонъ совѣщается съ довѣреннѣйшими изъ своихъ друзей, какъ бы найти средство переправиться домой. Въ одной бухтѣ стояли два венеціанскихъ фрегата, единственные тутъ военные суда, кромѣ пары трехмачтовиковъ. Можно было надѣяться, что они были достаточно годны для переѣзда. Бонапартъ призываетъ Мармона и говоритъ ему: «Я рѣшился возвратиться во Францію. Положеніе дѣлъ въ Европѣ принуждаетъ меня къ этому великому рѣшенію. Ударъ за ударомъ постигаютъ наши войска, и Богъ знаетъ, какъ далеко проникъ нашъ непріятель. Италія утрачена, погибло все добытое съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ. Да могло ли быть иначе при неспособности людей, стоящихъ во главѣ дѣлъ? Вѣдь, у нихъ ничего, кромѣ невѣжества, тупости и негодности. Я, одинъ я, вынесъ бремя и рядомъ успѣховъ поддержалъ это правительство, которое безъ меня никогда не могло бы ни подняться, ни утвердиться. Когда я былъ вдалекѣ, всему пришлось рухнуть. Смотрите, не дожидитесь, чтобы окончательно совершилось паденіе: тогда ужъ не исцѣлишь бѣдствія. Возвратъ во Францію дерзокъ, труденъ, полонъ опасностей; но все-таки не въ такой степени, какъ нашъ переѣздъ сюда; а меня не покинетъ теперь счастье, которое покровительствовало мнѣ до сихъ поръ. Да, вѣдь, нужно же мужаться, дерзать въ удобную минуту: кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ. Я передаю войско въ способныя руки, оставляю его въ хорошемъ состояніи, притомъ послѣ побѣды, которая сохранить его на неопредѣленное время отъ всякаго новаго нападенія. Во Франціи почти въ одно время узнаютъ и о разрушеніи турецкаго войска подъ Абукиромъ, и о моемъ прибытіи. Мое присутствіе подниметъ духъ у народа, придастъ довѣрія войскамъ, котораго недостаетъ имъ, и внушитъ гражданамъ надежду на лучшее будущее. Въ общественномъ мнѣніи проявится движеніе, вполне выгодное для Франціи. Попытаемся придти—и придемъ» *).

Ночью 22-го августа Бонапартъ, въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, сѣлъ на корабль въ глухомъ мѣстѣ берега. Мучителенъ, полонъ труда и опасностей былъ путь у пустынныхъ береговъ Африки, въ постоянной борьбѣ съ противными вѣтрами, подъ вѣчнымъ страхомъ напасть на непріятельской эскадрѣ. Только по ночамъ осмѣливались дѣлать значительные переѣзды; днемъ приходилось укрываться отъ Англичанъ. Медленно, томительно лавируя, по далекому обходу, достигли, наконецъ, Корсики, чтобы застись тамъ провіантомъ, и затѣмъ двинулись подъ парусами въ Тулонъ: то былъ послѣдній, но самый опасный переѣздъ. Нужно читать у Мармона (II, 43 sqq.) описаніе этого путешествія, чтобы понять

*) Marmont: Mémoires, II, 32 sqq.

всю глубину того напряженнаго чувства, которое проникало каждого изъ его участниковъ. Ежеминутно слѣдовало опасаться быть открытыми или отрѣзанными; и каждый разъ помогалъ какой-нибудь счастливый случай. Одинъ Бонапартъ былъ веселъ и довѣрчивъ: точно то была увеселительная прогулка. Вопреки совѣту друзей, выбралъ онъ этотъ путь, увѣренный, что имъ руководить неизмѣнная звѣзда его счастья.

Уже въ послѣднюю минуту, когда вдали виднѣлся французскій берегъ, замѣтили непріятельскую эскадру о 7 парусахъ. Дѣло было на закатѣ солнца. Англійскіе корабли стояли на солнцѣ и ясно были видны Французамъ; французскіе же были окутаны туманомъ: это только и спасло ихъ. Гантомъ уже намѣревался повернуть назадъ, къ Корсикѣ: на пути въ Тулонъ нельзя было миновать эскадры. Но Бонапартъ приказалъ взять на Фрежюсъ, и тутъ счастливо причалили. Населеніе привѣтствовало Наполеона, какъ давно ожидаемаго спасителя. Жители маленькаго приморскаго городка приспѣли на баркахъ, чтобы взглянуть на генерала Бонапарта, чтобы коснуться руки человѣка, имя коего съ одинаковымъ чувствомъ произносилось всѣми и всюду, до ничтожнѣйшей хижины. Одинъ ораторъ Фрежюсскаго клуба выступилъ передъ нимъ съ словами: «Идите, генералъ, побейте враговъ, а тамъ мы намѣрены сдѣлать васъ королемъ, если вамъ угодно». И такой пріемъ не прекращался до самаго Парижа.

Первою мыслью Бонапарта было появиться въ одной изъ армій и блестящимъ успѣхомъ возвѣстить о своемъ возвращеніи. Но онъ передумалъ. «Къ чему это? сказалъ онъ Мармону. Что сдѣлаешь съ этимъ народомъ? Еслибы даже мы совершили чудеса, все-таки мы не могли бы рассчитывать на ихъ помощь. Когда рушится домъ, станешь ли думать о почвѣ, окружающей его? Здѣсь неизбѣженъ переворотъ».

Парижскіе правители тотчасъ же поняли, что генералъ, о возвращеніи коего никто и не думалъ, явился не по капризу, не для отдыха; что близко рѣшеніе вопроса между ними и имъ. Онъ никого не могъ провести тѣмъ, что и теперь, какъ послѣ итальянскихъ побѣдъ, избѣгалъ всякаго шумнаго поклоненія; показывался всюду, какъ простой, мирный ученый, всегда въ одеждѣ члена института, а не въ мундирѣ; повидимому, имѣлъ сношенія лишь съ своими учеными друзьями. Но въ директоріи царствовалъ расколъ. Рожеръ Дюкосъ и Сіейсъ сохраняли сдержанное положеніе относительно Барраса и двухъ совсѣмъ бездарныхъ директоровъ, Гойе и Мулена, и подстерегали ихъ. Къ нимъ-то присоединился Бонапартъ. Черезъ посредство своихъ братьевъ, Люсьяна и Жозефа, привлекъ онъ Дюкоса, стараго жирондиста, который пришелъ теперь къ убѣжденію, что военная диктатура необходима для спасенія. И Сіейсъ, этотъ умный, предусмотрительный аббатъ, не находилъ возраженій на слова Люсьяна: «Общественное мнѣніе и клики народа указываютъ моему брату призваніе спасти Францію: угодно ли вамъ присоединиться къ нему въ этомъ пат-

ріотическомъ дѣлѣ»? А когда потомъ предложили ему стать, вмѣстѣ съ Дюкосомъ и Бонапартомъ, однимъ изъ трехъ консуловъ республики, онъ выразился такъ: «Чтожь? Я готовъ идти заодно съ генераломъ Бонапартомъ, потому что онъ самый гражданскій изъ всѣхъ солдатъ. Но я знаю, что ожидаетъ меня послѣ побѣды: онъ устранить обоихъ своихъ товарищей и швырнетъ ихъ себѣ черезъ голову» *).

Такъ втихомолку состоялось соглашеніе съ двумя самыми способными директорами. Конечно, союзъ былъ далеко не равенъ для сторонъ. Вскорѣ Сіейсъ могъ уже сказать: «У насъ есть господинъ (*maître*), который все знаетъ, всего желаетъ, все можетъ».

Въ совѣтѣ пятисотъ засѣдали братцы, Жозефъ и Люсьянъ. Последній игралъ роль президента. Онъ былъ довольно уменъ, чтобы никогда не выступать изъ втораго плана и всегда быть готовымъ къ услугамъ своего великаго брата. Теперь онъ весьма ловко старался образовать здѣсь партію бонапартистовъ.

Въ то время всѣ уже до того растерялись, что вскорѣ лица всякихъ партій стали тѣсниться вокругъ Наполеона; демократы развѣдывали, чего можно имъ ожидать отъ него. Онъ, вѣдь, былъ такъ сдержанъ, замкнутъ, такъ явно избѣгалъ всякаго соприкосновенія со всѣми презираемой директоріей!

Разъ только онъ сошелся съ ней публично, по случаю большаго торжественнаго обѣда 6-го ноябля, устроеннаго въ честь его. Тутъ онъ принималъ мясо, хлѣбъ и вино изъ рукъ своего адъютанта: онъ не могъ довѣрять чистотѣ приготовленныхъ здѣсь яствъ и напитковъ! Какъ ледъ холодное настроеніе, не покидавшее пирующихъ во все время обѣда, показывало, какъ всѣ были насквозь проникнуты чутьемъ близкаго паденія. А между тѣмъ обрабатывали армію въ пользу Бонапарта. Каждый изъ его довѣренныхъ взялся привлечь извѣстное число своихъ знакомыхъ офицеровъ: Бертье штабныхъ, Мюратъ кавалерійскихъ, Ланъ пѣхотныхъ, Мармонъ артиллеристовъ. Вскорѣ и солдаты не могли устоять противъ очарованія быть предводимыми Бонапартомъ. Имъ приходилось выбирать между жалкимъ, слабымъ правительствомъ, губившимъ войско, и человѣкомъ, подвиги коего были всѣмъ извѣстны, который, какъ никто, умѣлъ вести армію къ побѣдѣ и къ наслажденію ею. Немногіе удержались противъ соблазновъ. Журданъ и Ожеро сначала сохраняли-было свой недоступный республиканизмъ; но вскорѣ и они записались въ службу. Даже Моро, наконецъ, отдалъ себя въ распоряженіе Наполеона, несмотря на свое безграничное тщеславіе. Одинъ Бернадотъ остался непреклоннымъ. Онъ и самъ рассчитывалъ на удачу. Онъ сознавалъ въ себѣ довольно мужества, чтобы

*) Barante, III, 525 sq. O.

при случаѣ выступить противъ Бонапарта и замѣнить его. При всемъ своемъ лукавствѣ и пронырливости, онъ еще не считалъ побѣду соперника достаточно обезпеченной и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. «Пойдетъ дѣло хорошо, думалъ онъ, еще успѣю принести поздравленіе; а пойдетъ дурно, стану на его мѣсто». Вотъ съ какого времени начинается вражда между ними обоими.

Заговоръ шелъ довольно открыто. Не только генералы, но и такія лица, какъ Талейранъ, Реньо де С. Жанъ д'Анжели, Редереръ, Камбасересъ, Фуше, примкнули къ Бонапарту. Трое директоровъ все знали *). Быть-можетъ, они могли бы даже арестовать генерала въ ночь передъ государственнымъ переворотомъ. Но что же изъ этого?

Государственный переворотъ 18—19 брюмера (9—10 ноября) 1799 года.

Ударъ долженъ былъ разразиться утромъ 18-го брюмера (9 ноября). На зарѣ, часовъ въ 6, собрались надежные офицеры позавтракать въ домѣ Бонапарта и въ комнатахъ его довѣренныхъ. Почти одновременно имъ данъ былъ лозунгъ. Наполеонъ вскочилъ на лошадь; остальные присоединились къ нему съ своими войсками.

Въ 7 часовъ собрался совѣтъ старѣйшинъ. Сіейсъ устроилъ такъ, что пригласительныя записки на это чрезвычайное засѣданіе получили только посвященные въ тайну. И вотъ, 120 присутствующихъ, по предложенію одного изъ заговорщиковъ, рѣшили, чтобы, въ виду опаснаго положенія республики, оба совѣта засѣдали впредь въ С. Клу, и поручили исполненіе этого декрета генералу Бонапарту. Тутъ же ему было передано начальство надъ линейными войсками и надъ національной гвардіей. Съ этимъ декретомъ въ рукахъ, вышелъ Наполеонъ къ офицерамъ и отрядамъ, собраннымъ на дворѣ, обратился къ нимъ съ рѣчью и, при общемъ энтузіазмѣ, сѣлъ на лошадь, чтобы произвести смотръ войскамъ, расположеннымъ на площади Карусель, въ Тюльерійскомъ саду и на площади Людовика XV. И этотъ смотръ былъ ничто иное, какъ великое торжество генерала.

Трое директоровъ ничего этого не знали. Баррасъ бралъ ванну въ ту минуту, когда къ нему пришелъ Талейранъ съ совѣтомъ подать въ отставку. Онъ тотчасъ же согласился. Отъ него отправился секретарь къ

*) Lavalette: Mémoires, I, 347 sqq.

Бонапарту. Послѣдній накинута на несчастнаго посланца съ такими словами: «Что вы сдѣлали съ этой Франціей, которую я такъ возвеличилъ? Я оставилъ вамъ побѣды, а засталъ пораженія. Я доставилъ вамъ милліоны изъ Италіи, а нашелъ контрибуціи да всеобщую нищету... Это не можетъ продолжаться. Эдакъ не прошло бы и трехъ лѣтъ, какъ мы путемъ анархіи добрались бы до деспотизма», и т. д. Пока эти слова записывались для «Монитера», явились Гойе и Муленъ, которыхъ Бонапартъ пригласилъ къ своему столу. Они отказались подать въ отставку, отправились домой,—и тамъ очутились подъ стражей у генерала Моро.

Вечеромъ побѣдители дня сошлись въ Тюльери и держали совѣтъ, какъ завтра утромъ отдѣлаться отъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ.

Присутствовавшіе здѣсь депутаты высказывали сильныя опасенія насчетъ настроенія своихъ товарищей и толковали про разныя полицейскія мѣры предосторожности, про аресты и т. под. Бонапартъ и слышать не хотѣлъ ничего въ этомъ родѣ. «Кчему эти опасенія? спрашивалъ онъ. Вѣдь, мы идемъ заодно съ націей и съ ея силами, и больше ни съ кѣмъ. Нашему торжеству нѣтъ дѣла до партизанскаго меньшинства!» Разошлись, не согласившись ни въ чемъ опредѣленномъ.

На другой день, послѣ полудня, въ С. Клу собрались оба совѣта. Оппозиція явилась въ полномъ своемъ составѣ и оживленно напала на президента и его бонапартовскую партію. Всѣхъ громче говорили приверженцы директоріи въ совѣтѣ пятисотъ. Тутъ возникли бурные запросы и горячія пренія, которыя напрасно старался усмирить президентъ, Люсьянъ Бонапартъ. Одинъ за другимъ, всѣ клялись умереть за конституцію III-го года.

Съ крайней тревогой услышалъ объ этомъ Наполеонъ, помѣщавшійся съ своимъ генеральнымъ штабомъ въ сосѣдней залѣ. Черезъ каждыя 5 минутъ Лавалетъ приносилъ сюда свѣдѣнія изъ совѣта и видѣлъ, какъ при его дурныхъ вѣстяхъ вытягивались лица у генераловъ, и они все болѣе и болѣе смущались, теряли бодрость. Вдругъ поднялся Бонапартъ. «Намъ нужно покончить!» сказалъ онъ. Затѣмъ обратился съ рѣчью къ офицерамъ и бросился къ рѣшеткѣ совѣта старѣйшинъ. Прерывистымъ, нетвердымъ голосомъ началъ онъ тутъ рѣчь, состоявшую изъ нѣсколькихъ безсвязныхъ, наскоро кинутыхъ фразъ: нѣкоторый порядокъ былъ внесенъ въ нее уже потомъ, при редактированіи ея для газетъ. Онъ говорилъ о мрачныхъ заговорахъ, о несправедливыхъ клеветахъ на его особу, о спасеніи республики и о богѣ побѣдъ, носящемся передъ нимъ. Часто его рѣзко прерывали. Кто-то задалъ ему вопросъ: «Ну, а что конституція?» Онъ отвѣчалъ: «Конституція! Вы нарушили ее 18 фруктидора, нарушили 22 флореала, нарушили 30 преріала. Конституція! Всякая партійка ссылалась на нее и всякая попирала ее ногами!.. Лучше спасемъ ея основы, свободу и равенство. Пусть каждый гражданинъ снова обрѣтетъ должную ему свободу, которой не могла обезпечить ему эта конституція!»

Что сносно сошло въ совѣтъ старѣйшинъ, то совсѣмъ не могло удаться въ совѣтъ пятисотъ. Когда Бонапартъ появился здѣсь у дверей, вмѣстѣ съ своими генералами и нѣсколькими гренадерами, какъ разъ тотчасъ послѣ клятвы депутатовъ умереть за конституцію, поднялось страшное смятеніе. Разъяренные республиканцы лѣзли на него и гнали его вонъ съ криками: «Опальный! Долой диктатора!» Ни ему, ни его брату на президентскомъ мѣстѣ не давали открыть рта. У него не оставалось теперь другаго средства, кромѣ штыковъ. Мюратъ выслалъ своихъ гренадеръ въ оранжерею. Подъ барабанный бой подошли они, промаршировали черезъ залъ, причемъ депутаты разстилали по скамьямъ свои красныя тоги, и сдѣлали оборотъ. Ихъ полковникъ еще разъ, именемъ генерала, приказалъ депутатамъ очистить залъ. Тутъ снова забилъ барабанъ, и мужи, только-что клявшіеся умереть не сходя съ мѣста, въ дикомъ бѣгствѣ поскакали вонъ, кто въ двери, кто въ окна.

То была картина, при видѣ которой у всякаго сердце вздрогнуло до глубины. Бонапартъ не могъ забыть ее. Давно уже была подорвана его вѣра въ могущество идей: теперь онъ совсѣмъ утратилъ ее.

Такъ было низвергнуто существующее правительство. Распустили собранія, и на ихъ мѣстѣ утвердилась диктатура одного лица. Ее смягчили тѣмъ, что первому консулу придали двухъ товарищей. Но, тѣмъ не мене, онъ оставался монархомъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

944.04 H29GRT

C001

Istorija; frantsuzskoi revoliutsii

3 0112 094495964